ШОЛОХ

ПРИЗРАЧНЫЕ РОЩИ

АНТОНИНА КРЕЙН

МАГИЯ ШЕПЧЕТ В ПОЛУНОЧНОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Призрачные рощи

«Эксмо»
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Призрачные рощи / А. Крейн — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-166740-5

Странные дела творятся в Шолохе, столице Лесного королевства. Дерзкий преступник ведет обратный отсчет, совершая скандальные нападения и оставляя зашифрованные письма. Дети исчезают из Тернового замка — сумрачного приюта, затерянного среди болот. Полынь — лучший детектив Иноземного ведомства — что-то скрывает, а в лесу по ночам танцует призрачный культ… Ловчей по имени Тинави предстоит не только разобраться с этими загадками, но и найти ответы на главные вопросы: о жизни и смерти, честности и любви. Ведь именно от них иногда может зависеть судьба целого королевства. Долгожданная новинка популярного цикла Антонины Крейн «Шолох». Возвращаемся к любимым героям Тинави и Полыни и вновь отправляемся с ними в опасные, но захватывающие приключения. «Призрачные рощи» — часть огромной вселенной Шолоха, но роман можно читать отдельно. Чтобы погрузиться в атмосферу магического мира полностью, следует начинать знакомство с циклом с книги «Шолох. Теневые блики». Тайны, магия, новые герои и старые друзья, расследование дерзких преступлений и неповторимая шолоховская атмосфера, легкая ирония и неиссякаемая любовь к жизни — все это вы найдете в книгах Антонины Крейн.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166740-5

© Крейн А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

1. Дело о танцующем лепреконе 6
2. Комиссия 16
3. Последняя песнь толстяка 23
4. Подарок для Полыни 30
5. Принцев праздник 36
6. Останови часы 46
7. «Жухлые яблочки» 55
8. Роща любовников 65
9. И эти гобелены, и глаза зеленые… 71
10. Госпожа Ринда Шаграух исчезает 81
11. Пижамная вечеринка 89
12. Горгулья 96
13. Терновый замок 104
14. Ты что, не рада? 112
15. По неправильной дороге с ветерком 119
16. Ваше высокопреосвященство 126
17. Ну же, Ноа! 131
18. Энергичный денек для Тинави 142
19. Дахху-Из-«Вострушки» 153
20. Пропавшая диссертация 163
21. Никому не говори 172
22. Безлунный театр 180
23. Мне немного виски, пожалуйста 187
24. Культ жаркого пламени 193
25. Случай с ревенантом 198
26. Дело пошло по шувгею 205
27. Глава «Дом у Моря» 214
28. Я согласен 224
29. Огни далекого Хейлонда 232
30. Пустыня Тысячи Бед 239
31. Сердце бури 245
32. Пепел 252
33. Идущие в вечность 258
34. Карьерные мытарства господина Сая 267
35. Запретный квартал 276
36. Подступает полночь 284
37. Здравствуй, мой синеглазый король 294
38. Страж Света 301
39. Птицы носились стаями 312
Энциклопедия «доронах» 319

Антонина Крейн
Шолох. Призрачные рощи

1. Дело о танцующем лепреконе

Я слышу голос, что зовет неведомо куда,
Прозрачной поступью уводит сквозь листву,
И расступается трава, поет вода,
И шепот сердца оттеняет тишину.
Я слышу голос. Вновь.
И начинаю путь…
Старинная дэльская песня

– То есть вы утверждаете, что лепрекон по имени Эндерлан Очоа мертв?

– Не утверждаю, а надеюсь!

Я подняла глаза от изумрудной ведомственной папки и удивленно посмотрела на свидетеля. Он был травником. Вынырнул откуда-то из чащобы и теперь отвечал на вопросы, сжимая в руках пучок зверобоя.

Рядом с ним позевывал Полынь из Дома Внемлющих – мой куратор в Иноземном ведомстве, одетый, как всегда, эксцентрично, но позой своей воплощающий истинную невозмутимость. В ответ на реплику травника Полынь эдак с сомнением приподнял проколотую левую бровь.

Вокруг нас троих шумела кленовая роща, напоенная мягким утренним светом. Поскрипывала кора, будто предвкушая интересный день; за холмом журчала река. Птицы с шорохом пролетали над лесной тропинкой, по краям обозначенной светлыми камешками. Шепталась листва… Весь мир был зеленым и золотым.

И только лицо нашего свидетеля по имени Ми́ртилл Добрый – красным от гнева.

– Мертв лепрекон, надеюсь! – повторил он, несколько противореча своей фамилии, и грозно потряс кулаком.

За спиной у Миртилла будто в знак согласия пыхнула дымом печная труба лесной хижины. Возле нее на аккуратных грядках шуршали целебные травы, а на деревьях покачивались стеклянные домики, подвешенные на нитках и заполненные колокольчиками. Они предназначались для вайтов.

Сами вайты – прозрачно-голубые духи воздуха – были тут как тут, играли в своих владениях. Травник держал для них приют.

– Господин Добрый, но ведь надеяться на чью-то смерть – это не очень-то хорошо? – осторожно намекнула я. – Ну или как минимум не стоит с ходу говорить об этом двум Ловчим, пришедшим к вам для допроса.

– Милая! – травник патетически прижал руки к груди. – Если бы *вы* знали этого лепрекона, вы бы не только надеялись на его кончину, но и сразу перешли бы к активным действиям по его умерщвлению! – Миртилл кивнул на Полынь: – Вы – так точно!

– Хм. Предположим, это комплимент, – хмыкнул куратор и потер подбородок.

От этого жеста многочисленные браслеты на запястьях Полыни зазвенели, а в прическе дружно звякнули бубенчики и крысиные косточки на цветных нитках.

Манящее бряцание породило неожиданный эффект…

А именно: вайты – любители всего необычного – неверяще замерли в стеклянных домиках, а потом все, как один, повернулись к нам и, бросив игры, по зеленому саду рванули к Ловчему со счастливым писком.

– Ох, – только и сказал Полынь, оценив летящую к нему армию, любвеобильную и трепещущую.

Не прошло и мгновения, как Ловчий исчез за пеленой волшебных существ.

– Полынь? Ты как там? – опешила я.

И, расслышав за гулом вайтов что-то вроде «Все под контролем! Продолжайте!», вновь обратилась к флегматично-мрачному травнику:

– Хорошо, господин Добрый, могли бы вы тогда рассказать, пожалуйста, чем же так плох ваш сосед?

Вот тут-то его и прорвало.

– Начнем с того, что он чучельник-браконьер и совершенно бессовестный! – прогремел Миртилл Добрый. – Потрошит даже туманных ланей – а ведь это такие редкие существа!.. И никак его не прижучишь: у него влиятельные заказчики. А еще Эндерлан Очоа – культист! Вместе с другими такими же умалишенными он ночами пляшет вокруг костров. Голый! И ведь плохо пляшет, бесстыдник!

– А откуда вы знаете? Наблюдаете на досуге?

– Да, было дело!

Я поперхнулась, и Миртилл обиженно объяснил:

– Мне пришлось… Прошлой осенью эти культисты не уследили за костром. Если бы я не вмешался, сгорело бы наше Лесное королевство к праховой бабушке! Я тогда хорошенько их шуганул, и теперь они танцуют где-то ближе к городу, что тоже опасно. Но при этом животных лепрекон продолжает убивать здесь.

И он рукой широко обвел поляну. Как раз в этот момент волшебные цветы *кармайны*, чем-то похожие на маки, очень кстати раскрыли алые лепестки навстречу взошедшему над лесом солнцу и теперь, при должном воображении, могли показаться лужами крови.

– Кстати, о животных. – Я побарабанила пальцами по документам. – У нас сказано, что последний раз вы видели лепрекона три дня назад. Если он браконьер, то, возможно, просто сидит в засаде?

– Нет. Точно нет! Во-первых, он не явился на пляшущий обряд своего культа – его так называемые коллеги пришли ко мне узнавать, где их друг… Дело в том, что для них танцы – чуть ли не смысл жизни, так что по своей воле лепрекон не пропустил бы собрание.

– О каком культе вы все время говорите?

– Культ Жаркого Пламени. Слышали о таком?

Я кивнула. О нем изредка писали в газетах, а недавно у нас в департаменте Ловчих сотрудники посмеивались над рекламным объявлением, чей бодрый заголовок гласил: «Культ Жаркого Пламени – горячее хобби для отчаявшихся!»

Все сходились на том, что участники культа были достаточно безобидными ребятами. Они полагали, что время шести богов-хранителей ушло, сами хранители мирно рассыпались в прах и во вселенной уже давно царят новые божества. Если начать поклоняться им прямо сейчас – танцуя вокруг костров без одежды, ага, – то можно войти в ряды избранных. Застолбить себе местечко в грядущем золотом веке, так сказать. И, конечно, завести интересные знакомства, подтянуть физическую форму и закалиться: ведь ночи в лесу бывают ужасно холодными…

Будучи человеком, знающим наших богов-хранителей лично, скажу прямо: Культ Жаркого Пламени катастрофически ошибается в своих постулатах. Но если люди хотят танцевать – пусть танцуют! Голой попой в чаще сложно кого-нибудь оскорбить.

– Вы сказали «во-первых», – напомнила я свидетелю. – А что во-вторых?

– А во-вторых, две ночи назад над рекой пронесся страшный вопль. Я сначала не среагировал: мало ли, может, он так поет, идиотина? Но сегодня утром я отправился на рыбалку и

увидел, что лодка лепрекона стоит у его островка, привязанная. А ведь он бы без нее никуда не делся! Вот тогда я в Шолох птичку и послал.

Пока я пыталась понять, что же такое «утро» для фермера, если к нам в департамент его жалоба поступила уже в пять тридцать, Полынь успел полюбовно договориться с вайтами и освободиться от их навязчивого внимания.

Куратор прочел им краткую, но емкую лекцию о соблюдении личного пространства. И, судя по тому, как осторожно духи зависли в полуметре от Ловчего, они впечатлились. Теперь даже крылышками, кажется, не шевелили. Просто смущенно висели, и все: прерогатива потусторонних.

– Что ж, – сказал Полынь. – Покажите, где живет ваш сосед. И одолжите лодку, пожалуйста.

* * *

Золотая паутина солнечных зайчиков дрожала на реке. Нежно-зеленые ветви плакучих ив стелились вдоль берегов, как русалочьи волосы. Тихое жужжание вайтов навевало сон: духи воздуха все-таки увязались за нами и теперь, полные обожания, вились вокруг нас, вырисовывая сердца.

Мы вдвоем сидели в очаровательной лодке-плоскодонке. Лучи солнца приплясывали на плотной шелковой ткани наших плащей-летяг: моем бирюзовом и темно-фиолетовом – Полыни. Было достаточно жарко для первого весеннего месяца, даже с учетом того, что климат в Лесном королевстве куда приятнее, чем в соседних странах. Уже в феврале у нас начинается цветение, а к концу марта, как сейчас, Шолох и вовсе полон красок. И не только в природе. Так, на моих скулах уже переливался персиковый румянец – предвестник загара, в волосах появлялись более светлые рыжие пряди, да и Полынь казался особенно ярким – отдохнувшим и благополучным, что было удивительно с учетом нашего сегодняшнего слишком раннего подъема.

Догребя до середины реки, Полынь бросил весла и позволил течению мягко потащить нас вниз, к югу – туда, где минут через пятнадцать должен был появиться островок с хижиной лепрекона. А пока Ловчий деловито достал из сумки стопку бумаг с ведомственными гербами в углах.

Тина́ви из Дома Страждущих.
Характеристика сотрудника,
рекомендованного к повышению, —

гласила шапка документа. Первые страниц двадцать уже были густо исписаны летящим, с резким наклоном почерком Внемлющего.

Сейчас Полынь открыл двадцать первую и стал что-то строчить, прикрывая текст шелками хламиды. Легкая полуулыбка, притаившаяся в уголках губ куратора, и долгие взгляды в мою сторону – ну о-о-очень задумчивые – вызвали у меня нервный тик.

– Небо голубое, Полынь! – наконец не выдержала я, своим криком спугнув лягушку на ближайшей кувшинке. – Ну зачем ты *всегда* пишешь мою характеристику при мне? Это же пытка какая-то, честное слово!

– А может, я боюсь без тебя потерять вдохновение? – прищурился он.

Черкнул еще одно слово и вдруг вслух хохотнул – всего один раз, но очень уж злодейски.

– Да что там такое?! – Я сиганула вперед по лодке.

Нас качнуло, вайты прыснули прочь, жужжа и посвистывая.

Полынь отдернул руку с бумагами назад, угрожающе опустив их к речной воде. Другую руку он эдак утешающе положил мне на плечо – заодно не позволив грохнуться – и покачал головой:

– Нет. Я не могу тебе этого показать, сама знаешь: правило департамента.

– Почему ты следуешь правилам только тогда, когда тебе это выгодно? – насупилась я.

Коллега с сожалением развел руками: ну вот так получилось. Грешен, Тина́ви, грешен. Увы.

Я вернулась на место и оставшееся время речной поездки завороженно следила за тем, как Ловчий заполняет характеристику – загадочный рассказ о моей работе, сильных и слабых сторонах, а также профессиональных перспективах на его, куратора, взгляд.

Я сопела. Он ржал.

Так мы развлекались уже несколько месяцев, с тех самых пор, как закончились стандартные полгода моей стажировки в департаменте Ловчих.

Если что, Ловчими в Шолохе называют детективов по делам чужестранцев и представителей иных рас. Убийства и кражи, авантюры и таинственные исчезновения – вот классика нашей жизни. Кроме того, мы в отделе занимаемся всякими чуть более скучными делами вроде миграционных документов. И тайно следим за некоторыми гостями королевства. А других гостей – высокопоставленных – сопровождаем открыто, как телохранители.

Первые полгода в карьере каждого Ловчего – это тестовый период. Стажировка, во время которой тебя приписывают к кому-то из старших сотрудников ведомства. Ты помогаешь им во всем, даже можешь решать дела самостоятельно, – но ты все равно «малек», и твой куратор отвечает за тебя головой.

Если ты с успехом прошел стажировку, то тебя автоматически повышают до Младшего Ловчего. При взаимном желании ты можешь продолжить работать вместе с бывшим куратором. Если стажировка не удалась, с тобой попрощаются.

Но есть и третий вариант.

Мой.

Когда все полгода прошли хорошо, даже отлично, но… При этом имеются две проблемы, препятствующие повышению. Во-первых, полное отсутствие магии – обязательной штуки в Шолохе, колдовской столице леса. Во-вторых, тот факт, что изначально на работу я поступила обманом.

Поэтому, когда срок моей стажировки закончился, начальство надолго задумалось, что со мной делать.

– Тише едешь – дальше будешь, – наконец решил шеф департамента мастер Улиус. – Давай пока продлим твой статус «малька», Тинавушка. Этого нам никто не запрещает.

– А потом? – спросила я.

– Еще раз продлим. – Улиус задумчиво поскреб соломенную бороду. – И еще. Потому что иначе нам придется созывать комиссию, чтобы она решала, оставить тебя или нет. А мой опыт показывает, что комиссия куда беспощаднее отдельно взятых людей и больше всего на свете боится возникновения неоднозначных прецедентов… Предлагаю всеми силами оттягивать этот неприятный момент. Однако ты, Полынь, – наш полный шеф в цыплячье-желтом плаще-летяге повернулся к Внемлющему, – все равно начни потихоньку писать для Тинави полноценную характеристику. Да побольше, побольше деталей! Не убедим их, так усыпим, если час расплаты все-таки стукнет.

– А что, он может вообще не стукнуть? – засомневалась я.

– Я постараюсь придержать его молоток. У главы ведомства много дел, и не факт, что он вскоре заметит ма-а-а-аленькую карточку с информацией о твоем случае. Очень маленькую. Я сам ее напишу. Думаю, год-другой у нас есть.

Шли месяцы, и шеф снова и снова, беззаботно посвистывая, продлевал мою стажировку. Его помощница и заместительница госпожа Селия из Дома Сгинувших, не слишком любившая нас с Полынью, недобро поджимала губы, но молчала. Я вне рабочего времени усиленно раз-

вивала навыки, которые могли бы заткнуть мою профессиональную брешь в виде отсутствия магии, а Полынь вдохновенно писал характеристику.

Увлекся, кажется. Вон как иссиня-черными глазами сверкает.

Я хотела ехидно посоветовать ему пару подходящих для меня эпитетов – что-нибудь вроде «сногсшибательная» и «несравненная», но вместо этого сдавленно ахнула: мы обогнули излучину реки, и из-за деревьев наконец появился искомый остров.

– Кошмар, – емко прокомментировал куратор.

Дом лепрекона выглядел ужасно. Он был большой, сделанный под человеческий рост, занимал островок почти целиком и мог похвастаться одним, но весьма настойчивым мотивом: над каждым окном висели прибитые головы животных.

Да уж, кажется, господин Эндерлан Очоа и впрямь неприятный сосед.

Мы пришвартовали лодку и пошли изучать все это поближе. Дверь в дом была заперта, и на стук никто не ответил. Тогда я достала из волос заколку и под мутным взглядом мертвого оленя начала ковыряться в замке.

Когда дверь распахнулась, выяснилось, что внутри дом выглядел еще хуже.

Везде были чучела. Рассевшиеся на подоконнике индюки; неудавшийся лис в углу; ядовитый угорь, мертвым канатом брошенный в прихожей… Особенно жутким казался огромный аванк, будто спящий прямо посреди кабинета, – трехметровая зубастая тварь, житель речных омутов, похожий на помесь бобра с крокодилом.

На стенах вместо картин висели газетные вырезки. Хозяин дома оформил их в рамочки и старательно подчеркнул названия статей:

«Культ Жаркого Пламени – разочаровывает церковь».

«Культ Жаркого Пламени – главные враги Чрезвычайного департамента».

«Культ Жаркого Пламени – очередная дурацкая мода нового поколения».

Возле каждой такой статьи лепрекон рисовал грустные чернильные рожицы… Кажется, заголовки ему не нравились.

Я обернулась к Полыни:

– Как думаешь, культ не может быть замешан в исчезновении лепрекона? – И сама же себе ответила: – Хотя вряд ли, раз они пытались его найти.

Куратор, неизменно рьяный в поисках загадок, уже с азартом перебирал письма и дневники исчезнувшего, сваленные на столе.

– Да, едва ли, – согласился он. – Эти сектанты – как нежные уточки, ей-небо. Разве что придуманные ими боги заставили Очоа провалиться сквозь землю – в наказание за плохое чувство ритма.

– Пф! Нужно будет рассказать нашим хранителям о конкурентах, когда они вернутся, – повеселим их.

– Если они вернутся, – машинально поправил Ловчий.

– Когда, – упрямо повторила я.

Он глянул на меня искоса, но ничего не сказал.

Дело в том, что трое из шести *настоящих* богов-хранителей еще в начале осени отправились в экспедицию по Пустошам Хаоса. Карланóн, Авена и Рэндом ушли в эти стылые земли иного измерения, чтобы понять, что там происходит теперь, после гибели Зверя. И вот минуло уже много месяцев, а от богов – ни единой весточки!

Теннéт (еще один из их компании, живущий в Шолохе как человек, потому что лишился силы) говорит, что это нормально, ведь время везде идет с разной скоростью. Поэтому нет смысла переживать: возможно, в Хаосе пока что прошла всего лишь неделя или даже всего лишь один день.

Но это ему «нет смысла», бессмертному.

А мы можем состариться и умереть к тому моменту, как вернутся хранители. Даже если у них там все хорошо…

Мне взгрустнулось, как делалось грустно всегда, когда я думала о богах и несоразмерности их жизней с нашими. Но потом мне на глаза попалась еще одна бумажка, на сей раз листовка: «Клуб Жаркого Пламени – найди себе друзей!» И адрес.

М-да. И впрямь как нежные уточки!

Мы с Полынью прошлись по хижине туда и сюда, высматривая улики. Заодно порядок навели, бонусом, так сказать: сам лепрекон не отличался чистоплотностью и жил в жутком бардаке. Аккомпанементом уборке было легкое жужжание за окнами: вайты не стали влетать в недружелюбный дом и остались на улице поджидать своего кумира.

Я нырнула в арку в дальней стене и в конце коридора неожиданно обнаружила еще одну дверь, на сей раз открытую.

– Полынь! Иди сюда!

Дверь вела на обратную сторону островка. Все вокруг захватил густой орешник, но к воде шла прорубленная дорожка, заканчивающая длинной песчаной отмелью. На берегу был установлен навес, под которым висели багры, сети и удочки, разнообразные приманки. Видимо, здесь лепрекон пополнял коллекцию «речных» экспонатов.

Сейчас у порога валялось несколько порванных сетей и сломанных копий, а к реке вел широкий и мрачный след, будто проползло что-то огромное…

Полынь звонко щелкнул языком:

– Ага. Кажется, какая-то из пойманных тварей не согласилась стать чучелом.

«РЕКА», – подтвердили вайты.

Духи воздуха времени даром не теряли – они совместными силами выдули для нас сообщение на прибрежном песке. Мы с Полынью оценили помощь и горячо похвалили вайтов за инициативу.

– Давай поищем записи о том, кого в последнее время ловил Эндерлан Очоа, – предложил куратор, глядя на след, уходящий в воду.

Мы не могли с ходу определить, кто оставил его, ведь подводная жизнь Лесного королевства такая же разнообразная и насыщенная, как наземная. В наших реках и озерах водится бесконечное количество тварей и духов всех мастей – пожалуй, только служащие Лесного ведомства знают *весь* список.

Надо признать, что обычно мы сосуществуем достаточно мирно: речные обитатели не трогают лодочников и рыбаков (за исключением самых злостных). Но купаться, например, рекомендуется только в специальных зонах, помеченных отпугивающими маг-кристаллами. А вот если ты вздумал поохотиться… Тут уж, извини, каждый за себя.

Я еще раз посмотрела на размер следа на песке. Судя по всему, тварь, не поддавшаяся лепрекону, может легко закусить и Полынью, и мной.

Ладно, сейчас разберемся!

* * *

– Знаешь, что кажется мне даже более странным, чем предполагаемое поедание лепрекона? – пробормотал Полынь несколько минут спустя.

Куратор пытливо смотрел на меня из-за этажерки. Впрочем, его взгляд не шел ни в какое сравнение со взглядом десятка глазных яблок, распиханных по стеклянным банкам там же… Завороженная этим жутким зрелищем, я лишь молча покачала головой.

Полынь помахал лепреконьим журналом доходов и расходов:

– Кто-то в департаменте Шептунов, защитников природы, на постоянной основе покупает у браконьеров чучело туманной лани.

– Насколько часто?

– Несколько раз в год. Это весьма лицемерно, не находишь?

Я хотела ответить что-нибудь философское, но тут вайты, оставшиеся на улице, вдруг помушиному забились в окно. Весьма, я бы сказала, самоотверженно. До голубоватых пятнышек на стекле.

– Зачем же так убиваться! – ахнула я.

Потом подпрыгнула к столу, перегнулась через него и распахнула окно, пуская в душную хижину свежий весенний воздух. Вайты, жужжа, рванули не в комнату к Полыни, чего я ожидала, а развернулись и по улице полетели за угол дома, явно желая что-то нам показать.

Я выбежала в коридор, распахнула ведущую на задний двор дверь и увидела, что надпись, сделанная духами, стала немного длиннее.

«РЕКА => ДОМ!» – теперь она выглядела так.

Секунда на осмысление, и…

– Полынь!!! Чучело – не чучело!!! – Я ворвалась обратно.

В тот же миг огромный аванк – зубастый житель речного омута – вдруг открыл глаза и, распахнув пасть, испокон веков не встречавшуюся с дантистом, неожиданно пружинисто прыгнул мне навстречу.

Все завертелось, как в воскресных комиксах «Вострушки».

Я с визгом упала, подныривая под тварюгу. Аванк перелетел через меня. По ходу дела он снес письменный стол, этажерку, Полынь и – стеклянный шкаф с инструментами. Веселый звон разбитой витрины донельзя обрадовал вайтов, которые смутились было из-за своего запоздалого предупреждения.

Я перекатилась вправо и сорвала с бедра любимую спортивную биту. Аванк – бугристое чудовище – уже несся по направлению ко мне, широко раскрыв пасть. Я, будучи весьма субтильным созданием, при желании могла впрыгнуть туда целиком, вот только желания что-то не возникало.

– Мне нужно буквально полминуты, Тинави! – крикнул из угла комнаты Полынь, которого слегка так придавило шкафом.

– Хорошо-о-о-о! – проорала я в ответ, вновь откатываясь вбок. Аванк не отставал, лишь сипло хрипел и стучал по полу жестким хвостом-лопатой.

Колотить по нему битой было решительно бессмысленно. Тогда я начала беспорядочно метать в чудовище попадавшимся под руку скарбом. Аванк, кажется, счел это приятной закуской. Глаза его были блаженно зажмурены, пасть так и оставалась открытой.

Полминуты прошло. Подручные метательные объекты кончились.

– Ар-ар-ар! – заревел аванк, сам себе желая приятного аппетита перед главным блюдом. То есть мною.

Я приготовилась прыгать через морду монстра, как через спортивного козла.

– *Сайген, р`га, булээй*! – Полынь громко выкрикнул последние слова боевого заклятья Робогайя.

Шоу завершилось мгновенно. Электрический хлыст гадюкой взметнулся под потолок, срезал потолочные маг-светильники, «добил» этажерку, перерубил парочку несущих столбов хижины и располовинил аванка. Столь смущавшая меня пасть с хрустом захлопнулась. Мерзкая тварь упала, дымясь. Дом дымился не меньше – на этажерке, видимо, хранились кое-какие горючие склянки.

Мы с куратором переглянулись, сраженные учиненным нами разгромом.

– Ну, – обескураженно протянул Полынь, – дело закрыто.

И принялся старательно тушить огонь.

– Закрыто?! Нет – ЗАКРЫТО?! – вдруг раздался визгливый, надрывный голос откуда-то… изнутри чудовища.

После чего передняя половина аванка странно задергалась, а тот, кто находился внутри, начал агрессивно и витиевато сквернословить, все громче и громче, сообразно тому, как, кажется, продвигался наружу.

– Наверное, нам надо ему помочь… – слабым голосом проблеяла я.

– Помогай, душа моя, возражать не буду, – проворчал Полынь. Но все-таки сам шагнул вперед и, как мог, поспособствовал процессу освобождения.

И вот под нашими неверящими взглядами на пол хижины вывалился лепрекон.

Целехонький.

Рыжий и миниатюрный, господин Эндерлан Очоа был одет в защитный костюм для работы с токсичными материалами: глухая форма и шлем с воздушным пузырем и брызгалкой. Видимо, именно это и позволило лепрекону прожить столь долго в животе у чудовища.

– Вы! Убили! Моего! Аванка! – возопил господин Очоа, не размениваясь на приветствия или похвалу.

– И спасли вас, – кое-как вернув самообладание, скромно напомнила я.

– Шкуру попортили! А кости-то, кости! А-а-а! – продолжал бесноваться лепрекон, бегая кругами.

Радовало хотя бы то, что за своей профессиональной скорбью он не замечал общих разрушений.

Полынь изловчился, поймал его за шкирку и подсунул ведомственный бланк для подписи. Лепрекон, кажется, хотел цапнуть Внемлющего за запястье, но потом что-то очень красноречивое во взгляде куратора заставило его передумать.

Эндерлан Очоа поставил подпись. Полынь опустил его и молча вышел из дома.

– Вам как-то помочь с уборкой? – вздохнула я, оставшись с пострадавшим наедине. Чучельник чучельником, а хижина его теперь долго не простоит. Без вот этих двух чудных балок-то.

Лепрекон вновь заголосил…

– Все, поняла. До свидания!

– Никаких пепловых свиданий! Валите отсюда, Ловчие!

Заткнув уши, я смылась вслед за Полынью.

* * *

Время близилось к полудню: мы уже вернулись в столицу и теперь шагом вели лошадей вдоль цветущей набережной реки Арген.

Вокруг нас сиял утренний Шолох. «Город магии, загадок и уюта», как гласят рекламные афиши Лесного ведомства, которое несет ответственность за непрекращающийся поток туристов и такую приятную вещь, как связанное с ними золото.

Буйство набережных и аллей, бульваров и знатных поместий, шелестящих рощ и причудливых министерских зданий. Плеск воды, птичье пение, смех, запахи свежего кофе и сдобной выпечки; мальчишки-газетчики, лодки, кентавры и уютные магазинчики – все это обступило нас прельстительным шуршаще-звенящим водопадом.

– Сдадим лошадей и пойдем завтракать в «Сонный грош»! – решил Внемлющий. – Никаких новых дел нам до сих пор не прислали, а значит, мы свободны и вольны греться на солнышке, сколько влезет.

– В последние дни вообще что-то тихо, – прикинула я.

– Да, это классика марта-апреля. Преступность слегка подморожена после зимы и берет передышку перед летним сезоном. Так что весна скорее по профилю Лазарета: несчастные влюбленные, насморки да нервы. Ближайшие два месяца мы с тобой, скорее всего, будем зани-

маться какой-нибудь мелочовкой. – Куратор расслабленно пнул камешек, тотчас запрыгавший по мостовой.

Как выяснится в дальнейшем, Полынь, при всех своих достоинствах, – никудышная гадалка. Но пока Ловчий продолжал уверенно вещать:

– Поэтому завтра вместо кабинета мы пойдем в тренировочное крыло: я хочу проверить, чему ты научилась по боевым искусствам.

Я азартно пнула все тот же камень, едва остановившийся, и с интересом вскинула брови:

– Звучит как вызов!

– Это он и есть, – доверительно объяснил куратор. – Проиграешь – дальше буду сам тебя тренировать.

Интереса в моем взгляде только добавилось.

– Ох, зря ты это сказал, Полынь! Ведь теперь у меня есть стимул проиграть.

– Только не говори мне, что весна и на тебя влияет, малек, – намеренно строго прищурился Внемлющий. – Ты что, кокетничаешь со мной?

– Пф, еще чего! Я действую из холодного расчета.

– Ну-ка?

– Ты ведь сам рассказывал мне древнее поверье о том, что учиться надо обязательно у лучших. Причем неважно, умеют они преподавать или нет: куда ценнее сам факт того, что тебе перейдет частичка их энергии, опыта и удачи… Так что я очень хочу тренироваться именно с тобой – с тех самых пор, как узнала, что у тебя были лучшие показатели по бою среди студентов Теневого факультета всех времен.

Полынь усмехнулся, а потом педантично уточнил:

– Высший балл был у моей тетушки Тишь[1]. Но из мужчин – у меня, да. В любом случае следует признать, что все это было очень много лет назад.

– Вот и проверим: вдруг теперь я разобью тебя в пух и прах?

– Да я съем свою хламиду, если ты меня победишь!

Не то чтобы Полынь не считал меня способной на битву на мечах или посохах – именно этому я училась весь год, – но в нашей паре бой действительно считался его стихией. Будучи напарниками, мы обладали разными сильными сторонами – и неплохо дополняли друг друга.

Внемлющий – мощный колдун с набором запредельных Умений, превосходный боец, бывший контрразведчик, гений сыска (ну, не считая сегодняшнего провала с аванком!) и манипулятор экстра-класса. Расчетливый, упрямый, эксцентричный, себе на уме, принципиальный и легко нарушающий правила, которые пришлись ему не по нраву.

Я – эмпатичная симпатяга без капли классической магии, зато умеющая подружиться с кем угодно (опять же, сегодняшнее дело не в счет!), катастрофически везучая на приключения, смешная, наблюдательная, с богатой фантазией и знаниями из самых неожиданных сфер, что бывает очень кстати в работе Ловчих.

В общем, если однажды я побью Полынь в бою – это будет внезапно. И сногсшибательно!

А пока, не успели мы сдать лошадей в ведомственную конюшню, как нам навстречу выскочил один из младших сотрудников департамента.

– Тинави! Это тебе! – он всучил мне какое-то письмо.

Ой.

Темно-изумрудная бумага и жемчужный оттиск с профилем ястреба не давали усомниться: это послание из кабинета Ѧвена Карли́ннана – главы всего Иноземного ведомства. Я еще не открыла конверт, но уже почувствовала, как ледяные ножницы волнения и страха щелкают по всему телу, обрезая нервы, обдавая холодом.

Такие письма не получают просто так.

---

[1] Тишь из Дома Внемлющих – бывшая глава Теневого ведомства, также известного как департамент Ходящих.

– Вот пепел. Кажется, мастер Улиус ошибся в своих оптимистичных расчетах, – пришел к тому же выводу Полынь.

И действительно. На гербовой бумаге было написано:

«Госпожа Тинави из Дома Страждущих,
Мы рады уведомить вас,
что комиссия по делу о вашем предполагаемом повышении или увольнении
состоится завтра в десять утра».

Я скомкала послание, а потом улыбнулась широко, лучисто и немного чокнуто:

– Мне конец!

Полынь только хрустнул пальцами, как перед дракой.

2. Комиссия

Иногда, когда мы считаем, что идем по кругу, мы на самом деле идем по спирали. Мир цикличен. Но каждый виток – сложнее прежнего. Не надо недооценивать себя.
Магистр Орлин

На следующий день я проснулась гораздо раньше, чем планировала.

Кровать была темной, приятно-прохладной и прямо-таки умоляла провалиться обратно в сон. Одеяло хватало меня за ноги, а будильник возле макушки молчал, будто прижав несуществующий палец к несуществующему рту: *тс, тс-с-с, спи, хорошая! Тебе ведь что-то приятное снилось?*

Это точно. Но вернуть ушедшую дрему я не смогу, а в щель между тяжелыми тканями балдахина уже проникали настолько яркие лучи солнца, что я решительно села и распахнула шторки.

– Доброе утро! – окликнула я филина Мараха, моего домашнего питомца, вовсю чистящего перышки в клетке. Он ответил галантным «уху» и подставил бок для традиционного почесывания.

Листва на деревьях была нежного, какого-то хрупкого цвета; на клумбах упоенно благоухали сиреневые гиацинты, а мимо лесной калитки катил телегу мальчишка-молочник – толстые стеклянные горлышки бутылок были обвиты побегами горошка, как принято в Шолохе в соответствии с сезоном. Весь Мшистый квартал звенел и пел в преддверии нового дня, и тени от вездесущих пиний кружевом разбегались по аккуратным газонам соседей.

За выпуклым панорамным окном царила ранняя весна.

Приняв душ, я занялась утренней чьягой. Самое то: и размяться, и успокоить нервы перед грядущей комиссией.

– Я проявлю себя лучшим образом и получу заслуженное повышение. Я проявлю себя лучшим образом и получу заслуженное повышение… – старательно бубнила я, вкладывая эту немудреную мысль в свои «настройки».

Мысль вкладывалась очень условно: скрипела и взбрыкивала всполохами волнения. К сожалению, в ней не хватало главного – веры. В глубине души я была согласна с шефом: такая монструозная вещь, как «комиссия» (только вслушайтесь в эти серые слоги!), наверняка не захочет менять вековые устои ради одной жизнерадостной и шустрой, но, пожалуй, отнюдь не незаменимой Ловчей.

– Я могу быть несправедлива к комиссии, зато комиссия – справедлива и даст мне заслуженное повышение… – поразмыслив, сменила вектор «настройки» я.

Балансируя на одной ноге и подтягивая вторую к затылку – поза танцора, – я фиксировала взгляд на каминной полке. Среди прочего на ней в ряд стояла дюжина крохотных пузырьков из багрового стекла.

Моя прекрасная коллекция. Волшебная подборка, которая наверняка пришлась бы по вкусу любому вампиру, потому что в пузырьках – кровь, причем кровь бога-хранителя Рэндома.

«Да осветится твоя жизнь магией, лапушка!» – написал Рэнди прошлым летом, когда неожиданно подбросил мне банку с алой жидкостью под окно.

Это был щедрый подарок.

Прелесть божественной крови не только в том, что вне тела она не сворачивается и не киснет. Влей такую кровь в человека – и он получит магический бонус, возможность творить кол-

довство, недоступное смертным. Так, на капельницах с божественной кровью зиждятся запредельные *Умения* Ходящих, в том числе Полыни.

Однако, получив кровь, я не стала сразу кидаться в Лазарет и требовать самую огромную иголку. Ведь помимо обычных чернил на записке Рэндома были еще какие-то буквы, совсем нечитаемые при свете дня… Зато проступившие под луной, когда я нагрела письмо над лавандовой свечой, разгоняющей чары.

> *«Поздравляю, ты добралась до инструкции!*
>
> *У тебя два варианта. Первый: действуй как Ходящая – влей эту кровь себе в вены, попроси патлатого сделать тебе татуировку и навсегда получишь набор теневых Умений. Но с остальной магией это тебе не поможет, увы.*
>
> *Второй: поднимай за меня тосты по настроению! Рюмка крови – и ненадолго энергия унни снова захочет с тобой общаться. Как классически, так и дружески, выбирай сама»*[2].

Вторая опция звучала гораздо привлекательнее!

Поэтому я купила на Потаенном рынке набор пузатых пузырьков и с пиететом разлила по ним мерцающую жидкость. Теперь я всегда ношу с собой штучку на случай непредвиденной ситуации.

За год мне ни разу не довелось принять «допинг» – всегда удавалось выкарабкаться из неприятностей без него, но иметь такую страховку полезно. Жаль только, я не могу рассказать о ней комиссии в ведомстве!

Ведь, во-первых, боги-хранители просили держать их дела в секрете.

А во-вторых, однажды кровь кончится, а с ней и моя страховочная магия. А будет ли у меня новая партия – неизвестно. Потому что, как бы я ни хорохорилась перед Полынью на тему «своевременного» возвращения хранителей, я не могла не признать:

они все-таки очень,
ну просто очень,
далеко.
Нечеловечески.

* * *

Закончив с чьягой, я вышла в коридор.

В нос мне тотчас прилетел аппетитный запах омлета с помидорами, луком и беконом. Даже если бы у меня отшибло память и я бы забыла, как ориентироваться в собственном коттедже, чудный аромат неминуемо привел бы меня на кухню.

Там, стоя у плиты в светлом фартуке, пританцовывая и чуть ли не мурлыча, готовил завтрак господин Мелисандр Кес собственной персоной.

Саусберийский Свидетель Смерти[3], историк и авантюрист. Дуралей, сердцеед, ходячая неприятность с привкусом моря и – вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения – один из моих ближайших друзей наравне с Кадией, Дахху и уже знакомым вам Полынью.

---

[2] Это два разных подхода к магии. Классическая магия, которой пользуются повсеместно, призывает бороться с энергией унни (из которой состоит все сущее), навязывать ей свою волю и прогибать ее согласно своим желаниям. Дружеская магия, которой пользуются боги и немногочисленные посвященные, зиждется на принятии унни и единении с ней.

[3] Свидетель Смерти – он же «свид» – специалист, который изучает травмы, раны и увечья, полученные криминальным путем, и дает свое заключение о способе их нанесения. Другое название свидов, принятое в южных странах Лайонассы, – судмедэксперты. Но Мелисандр вообще любит называть себя патологоанатомом, ему кажется, что это звучит брутальнее.

– Хей, красавица! – воскликнул Мел и пустил ко мне по столу чашку с кофе, как будто пивную кружку в баре. Его пшеничного цвета волосы, как обычно, были убраны под спортивную ленту, перетягивающую лоб. Соблазнительный южный загар оставался с саусберийцем даже в начале весны. – Как поживает твой боевой настрой?

– Прихрамывает, но я немилосердно подтыкаю его костылями. С ума сойти, Мел. Ты сделал завтрак на двоих? Сегодня же была моя очередь! Ты лучший.

– Я лучший – это факт. Что касается очереди, то она идет к д`гарру, когда в нашу жизнь вступают страшные испытания. Борьба с бесчеловечной системой входит в их список, – подмигнул Кес, перекидывая кухонное полотенце через плечо.

Мы с Мелисандром живем вместе. В распоряжении саусберийца весь второй этаж дома: он впихнул кровать в библиотеку и теперь спит, убаюканный шепотами древних книг. Иногда я даже чуть-чуть завидую.

Глотнув кофе – *небо голубое, храни этот чудо-напиток*, – я присоединилась к созданию завтрака.

– Ну, если тебя все-таки уволят сегодня, – оптимистично заявил Мел, продолжая разговор о комиссии, – то у нас в «Чалом единороге» как раз освободилась позиция бармена.

– А что случилось с предыдущим?

– Он применил запрещенное заклинание народа нюктов, когда один из клиентов отказался расплачиваться. Теперь сидит в подвалах вашего ведомства, как я понимаю.

Я сочувственно поморщилась. Причем посочувствовать в данной истории можно было и жертве, и преступнику: магия красноглазых нюктов – страшная штука, но наши камеры еще хуже.

Мелисандр сейчас работает в трактире «Чалый единорог», который находится в тревожном, но притягательном квартале Чрево Шолоха. По будням Кес разливает напитки за барной стойкой, а по выходным организовывает карточные турниры в огромном подземелье «Единорога».

Это занимает у него поздний вечер и часть ночи, а вот днем… Честно говоря, никто точно не знает, что Мелисандр делает днем: он виртуозно молчит на эту тему. Не просто молчит, а молчит *со значением*, понимаете? Что в случае этого хитрого типа может означать как тайную работу на мировое правительство, так и просто продолжительный сон в обнимку с мягкими игрушками. Хотя каждый раз, когда я оказываюсь дома в середине дня, Мелисандра тут нет.

Иногда я думаю, что, возможно, он ищет другую работу, более подходящую ему – талантливому свиду, два года назад влипнувшему в международные неприятности. Последовавший за этим этап историка-авантюриста в жизни Кеса закончился, а что будет дальше – пока неясно.

Когда об этом заходит речь, Мел обаятельно разводит руками:

– Я знаю одно: я влюбился, Стражди. Ваша лесная столица все-таки умудрилась взять в плен мое сердце, и я рад склонить свою голову перед ней. Так что я остаюсь здесь, а с будущим как-нибудь разберемся.

Мелисандр как следует тряхнул сковородкой, заставив омлет подпрыгнуть и перевернуться. Я принесла из сада пучок травы – рукколу, базилик, петрушку – и все тщательно промыла, очищая ажурные листики от темной земли. Потом поставила готовиться еще одну порцию кофе. Кухонный стол, накрытый кружевной скатертью, постепенно наполнялся разноцветными тарелками. Красота! Привлеченный запахом филин прилетел из спальни и теперь важно переступал с лапки на лапку на спинке моего стула.

Когда мы сели, Мел окинул меня оценивающим взглядом и поинтересовался:

– Как ты по ощущениям вообще? Готова?

– По идее, да, хотя от тревоги это не избавляет, – вздохнула я. – С иностранными языками, дипломатией и культурой у меня все отлично. Рекомендательные письма есть. По боевым искусствам я не только ходила к мастеру трижды в неделю, но и регулярно устраивала

спарринги с Кадией – учитывая, что она научилась фехтовать еще в дошкольном возрасте, у нее есть чему поучиться. Я как-то даже пожалела, что не брала дополнительные классы по бою в годы учебы у наставника…

– Кстати, про это! Я давно хотел спросить: а как у вас вообще так странно устроено высшее образование, что вы втроем учились вместе, а выпустились с совершенно разными компетенциями? – полюбопытствовал Мел, накалывая кусочек соленого сыра на вилку.

– А в этом и есть суть наставничества – образования для аристократии. Сам магистр преподает студентам основные дисциплины, заточенные под будущее управление государством, а вдобавок к этому, в соответствии с интересами и талантами учеников, отбирает для них лучших в королевстве учителей – они приезжают и учат нас индивидуально. К нам иногда также приглашали аспирантов и студентов из Башни Магов – на выходные, для обмена «живым научным опытом в расслабленной обстановке», – я изобразила пальцами кавычки.

– Саусберийские студенты вместо этого устраивали бы вечеринки, – прикинул Мелисандр.

– Ну да. Мы тоже обменивались скорее игривыми взглядами, поцелуями и адресами ташени[4], но в общем и целом система была неплохая!

Мел понимающе усмехнулся.

– Ну-ка! – Он поднял указательный палец. – Вопрос тебе на засыпку, о Тинави, великий знаток чужестранцев! Ответишь на него – предчувствую, все будет хорошо с комиссией… Что значит, если саусбериец говорит тебе «Вот так Ноа!»?

– Все очень плохо – вот что это значит, – я развела руками. – Ноа де Винтервилля, архиепископа всея Лайонассы[5], ваши не любят.

– Бинго! Только при госпоже Пионии так не говори.

Самая лучшая в Шолохе чаевница была мамой пресловутого зла на ножках, широкой общественности известного в качестве главы единой церкви.

Когда стрелки на настенных часах показали восемь тридцать, я залпом допила кофе и объявила:

– Пора!

– Отсюда до ведомства полчаса, а у тебя еще полтора часа до срока, – с сомнением протянул Мелисандр.

– Ничего, наверчу пару кругов по центральным кварталам. Может, случайно сплету из шагов какой-нибудь узор на удачу! Или встречу магистра Авена Карлиннана и так его обаяю, что он сразу решит сохранить мой значок, – я мечтательно вздохнула. – Или на меня наедет кэб, и комиссию придется перенести.

Светло-голубые глаза Мелисандра наполнились смесью из веселья и сочувствия.

– Хей, Тинави, – неожиданно серьезно и чуть обеспокоенно сказал он, провожая меня до крыльца. – Если тебя все же выгонят, это не так уж страшно, верно? Ты уже проходила этот этап. Ты знаешь, что, когда одна дверь закрывается, где-то обязательно открывается новая. Правило всемирного сквозняка.

Я приподнялась на мысочки и взъерошила Кесу волосы.

– Знаю, господин свид. Я не боюсь будущего, но я люблю свою работу. Так что буду держать эту прахову дверь обеими руками, чтобы она не захлопнулась.

– Лучше ногу в щель у косяка просунь, – со знанием дела посоветовал Мелисандр.

Я подмигнула ему, поправила желтый рюкзак и ушла по зеленой тропинке между цветущих пионов.

«Удачи!» – простучал Кес морской азбукой по окну.

---

[4] Ташени – лесная почта, волшебные послания в виде бумажных птичек.

[5] Лайонасса – название материка, где все мы живем.

* * *

Малый Зал Совещаний, в котором проходила комиссия, располагался на верхнем этаже Иноземного ведомства.

Просторный и светлый, со множеством растений на стенах, темно-синим ковром и окнами-витражами, он был прекрасен. Идеальное место для драмы: утешит одним своим видом!

С потолочной балки, пересекающей зал по оси, свисали длинные вышитые полотна с гербами пяти департаментов: ястреб Ловчих, волк Ищеек, лиса Говорунов, олень Указующих и сова Архива. Возле окон были прибиты красочные гербы сопутствующих, непрофильных отделов – тех, что в той или иной форме есть во многих ведомствах: змея Свидетелей Смерти, медведь Тюрьмы и так далее.

Гонг в главном холле пробил десять утра.

Я сидела в резном деревянном кресле, одиноко стоящем в центре зала, и ждала, пока за кафедрой соберется вся комиссия. Из пепловой дюжины недоставало троих. Впрочем, и насупленных бровей присутствующих с лихвой хватало на то, чтобы прочувствовать всю серьезность происходящего.

В дверь, шелестя шелками, проскользнул Полынь. Он легко подхватил в углу какую-то тумбочку и, протащив ее по полу со страшным скрежетом, плюхнулся рядом со мной. Комиссия глянула на него пристально, но промолчала.

– Прости, что опоздал, – шепнул Внемлющий, остро пахнув перцем и эвкалиптом. – На улице Дальней Поступи два тролля решили ограбить ювелирную лавку, рассудив, что при свете дня это будет незаметно и неподозрительно. Пришлось их разочаровать.

Дверь кабинета распахнулась – на сей раз гордо, уверенно, так и хотелось добавить фанфары, – и в нее по очереди зашли трое.

Мастер Улиус Чобчек, наш шеф, в просторном одеянии, с соломенно-рыжей бородой и глиняной кружкой чая, будто приклеенной к его правой руке. В тяжелые дни он колотит ею по столу: стол трещит, а кружке нормально.

Госпожа Селия из Дома Сгинувших – заместительница шефа – с серой тростью, тугим пучком и таким выразительным взглядом, что хочется взять лопату и самого себя поскорее закопать.

И мастер Авен Карлиннан (да, его зовут в честь двух богов) – высокий сухопарый шатен с лицом той степени очарования, без которой очень сложно сделать потрясающую карьеру, будь ты хоть трижды гений в своей области.

Мы встали. Они сели. В повисшей тишине стало слышно, как Полынь ногтями скребет по своему запястью, на котором явственно отпечаталась хватка горного тролля.

Господин Карлиннан положил подбородок на сцепленные замком пальцы и долгую минуту просто смотрел на меня, не мигая. Я смотрела в ответ. Решила, что тоже моргать не стану. Бывают случаи, когда лучше показаться упрямой, чем вежливой, – и что-то подсказывает, что мой случай как раз такой. Ведь хороших Ловчих в ведомстве много, и моя задача сегодня – не только доказать, что я в их числе, но еще и донести, что это место мне очень, очень важно. Я готова за него бороться.

Мастер Карлиннан улыбнулся, вокруг глаз у него побежали лучистые морщинки.

– Что ж, начнем! – проговорил он и открыл изумрудную папку с моим личным делом.

* * *

Разбирательство было долгим.

Дамы и господа дотошно изучили всю мою биографию, выслушали заготовленную речь с «аргументами». Они допросили Полынь, проэкзаменовали меня по тем и другим вопросам. Похмыкали над отметками «совершенно секретно», украшавшими мое дело.

Отметки проставили по приказу короля Сайно́ра: они касались истории с принцем, богами и Зверем. Во всем Шолохе лишь небольшая кучка людей знала о том, что случилось прошлым летом. Этими людьми были мы с ребятами – непосредственные участники спасательной миссии – и его величество Сайно́р, которому хранитель Карланон прислал ястреба с длиннющим письмом.

Письмо содержало несколько важных пунктов:

1. Мир чуть не навернулся, но мы его спасли, не благодарите.

2. Ваш сын Лиссай – не псих. Дайте ему свободу делать то, что он считает нужным, потом поймете. Охрану убрать.

3. Тинави и Полынь не трогать, как бы ни хотелось.

Я отчетливо представляла, как скрипели Сайно́ровы зубы при прочтении такого свитка. Но, с другой стороны, общение с богом – это все-таки привилегия, и лесной король не мог ее не оценить.

Наклон солнечных лучей в Малом Зале Совещаний стал типично послеполуденным, когда мастер Авен Карлиннан подытожил:

– Хорошо. У нас есть все факты по делу Тинави из Дома Страждущих. Думаю, пора принимать решение.

И комиссия стала голосовать.

Один за другим колдуны, сидящие за длинной кафедрой, выкладывали перед собой свои значки. Если значок ложился аверсом – это было «оставим Ловчую». Реверсом – «вот вам ящик для ваших вещей, жалованье заберете в Архиве».

Мне нужно было набрать одиннадцать голосов из тринадцати.

Когда сидевшая всего лишь второй по счету глава департамента Ищеек плюхнула свое «нет», я панически сглотнула. Впрочем, этого следовало ожидать. У Полыни в прическе траурно звякнул бубенчик.

А вот дальше: да, да, да, да, да… Мастер Авен Карлинанн – «да», ура!

Я глазам своим не верила. Неужели все будет не так уж позорно?

Десятый член комиссии – эксперт из Правого ведомства, Хленно Гаверэй, – грустно покачал головой и положил значок реверсом вверх.

– Я считаю неразумным создавать такой прецедент, – объяснил он.

Пришла очередь Улиуса. Шеф грохнул значок и кружку на стол одновременно. Конечно же, это было «да».

И вот осталась только госпожа Селия – главный тиран нашего департамента, бывшая блестящая Ловчая, потерявшая магию, после чего ее *сразу* уволили, согласившись взять только на административную должность…

Оценив ситуацию, Селия наклонила голову набок и пару раз эдак небрежно крутанула свой значок на ребре. Все затаили дыхание: помимо упомянутого мной выше факта, каждый знал, какой долгий конфликт разворачивается у Селии и Полыни. Как они ненавидят друг друга.

– Что ж, думаю, у меня не остается иного выбора… – наконец бесцветно протянула госпожа Сгинувшая, блеснув серыми глазами за толстыми стеклами очков. – Учтите: это *авансом*, Тинави.

И положила значок аверсом вверх.

* * *

Я скакала по всему этажу как полоумная:

– Я Ловчая! Я Ловчая! Я все еще Ловчая-я-я-я-я! Опять! Уха-ха-ха, ты не избавишься от меня, Иноземное ведомство, я – истинное проклятье твое! Покуда стены твои стоят, я буду в них танцевать; покуда окна смотрят твои – я буду в них отражаться…

Полынь тихонько смеялся рядом.

– Ты вообще в курсе, что дверь в кабинет приоткрыта и они тебя слышат, да? – Он указал большим пальцем через плечо.

Я послушно заткнулась и чуть не рухнула на пол, в последнем триумфальном прыжке зацепившись ногой за полу собственной летяги.

– Полагаешь, передумают? – страшным шепотом спросила я.

– Скорее, напрягутся. Мало ли что у тебя там в секретных графах написано. Вдруг ты и впрямь какая-то нечисть?

Мы оба, затаив дыхание, уставились на узкую щель в дверном проеме, как будто ожидая немедленной реакции. Но оттуда слышался лишь равномерный тихий бубнеж. Когда мой вопрос был решен, основная часть комиссии разошлась по своим делам, однако главы пяти департаментов оставались на месте – теперь у них проходило стандартное еженедельное совещание.

– Кстати, твоя характеристика моей работы оказалась удивительно фактологичной, – вскинула брови я. – Не похоже, чтобы все эти месяцы ты хмыкал над ней.

– Это была новая версия, – с достоинством сообщил Полынь.

– Теперь-то мне можно увидеть старую?

– М-м-м. Нет.

Вдруг из-за двери выглянул мастер Улиус.

– Полынь! – грянул он добродушным басом. – Зайди-ка к нам ненадолго. А ты, Тина-вушка, подожди его на первом этаже. И да – осторожно все делать можно, но ты лучше полегче с угрозами ведомству. Здание у нас живое, мало ли, воспримет тебя всерьез.

– Сэр, есть, сэр! – смутилась я.

– А зачем я вам нужен? – нахмурился Ловчий.

Шеф упер руки в бока:

– Хоть и добр молодец, да норов есть!.. Пойдем-пойдем. Всему свое время: час стукнет – узнаешь, – под конец таинственно и как-то торжественно изрек Улиус.

Мы с Полынью переглянулись. Свежий опыт гласил, что Малый Зал Совещаний – не то чтобы камера пыток, но все-таки просто так туда ходить не принято. («Чай, не отхожее место», – добавил бы сам Улиус, чья любовь к поговоркам оказалась прилипчива.)

Полынь пожал плечами и заскользил-зазвенел амулетами вслед за главой департамента.

3. Последняя песнь толстяка

Золотые мантии Теневого департамента зачарованы так, что скрывают и рост, и телосложение агента. Вы никогда не догадаетесь, как человек перед вами выглядит в обычной жизни.
Энциклопедия «Доронах»

Внизу мои бешеные танцы ликующей любимицы фортуны продолжились. Не прошло и часа, как вообще все сотрудники Иноземного ведомства знали, что я остаюсь в должности, – включая тех, с кем мы до этого за весь год ни разу не пересеклись.

Внушительные двери министерства распахнулись, и в главный холл въехала багажная тележка, в которой развозят улики и документы. Тележку толкала Андрис Йоукли.

– Йоу, Тинави, поздравляю! – воскликнула Ищейка. – Там на улице кентавры уже предлагают туристам праздничные скидки в твою честь.

Учитывая, что вчера скидки были в честь грядущего солнцестояния, а позавчера – в честь ареста известного шулера, я не сильно обольщалась. Кентавры в ста процентах случаев говорят, что цена на их услуги снижена *только сегодня* и такого точно не повторится, госпожа, не упустите случай полюбоваться Шолохом со спины такого красавца, как я, а то будете кусать локти, глядя на мой удаляющийся шикарный круп!

– У меня, кстати, есть почта и для тебя. – Андрис поправила русое каре и улыбнулась до ямочек на щеках.

Если не смотреть на отвертки и взрывательные смеси, прицепленные к ее ремню, то можно подумать, что Андрис – душечка бакалейщица. Но на деле она опасная, как скорпион. И сильная: багажную тележку наполняли тяжелые деревянные ящики, а в центре и вовсе находилось нечто, формой подозрительно напоминающее саркофаг.

– Как раз твое! – объявила Андрис.

– А что это?

– Понятия не имею. Но доставили из Тилирии, а значит…

– От Дахху! – ахнула-восторженно-взвизгнула я.

– Точно, – улыбнулась Андрис. – Предупреждаю: я не сдвинусь с места, пока ты это не распакуешь. Мне слишком интересно, как там дела у лекаря!

Дело в том, что Дахху уже два месяца путешествует по миру в компании злокозненного Анте Давьера. За это время мы с Кадией дико соскучились по Смеющемуся.

И Андрис *соскучилась тоже.*

Признаться, я испытываю смешанные чувства на этот счет. Я имею в виду, у себя в голове для Дахху я предполагаю другую даму. Ну такую. Блондинистую. Боевую. Вы понимаете.

Впрочем, предыдущий романтический интерес Андрис мне тоже не нравился, а значит, есть шанс, что я просто вредничаю. И все. Не слишком-то по-героически!

– Йоу, вот лекарь чокнутый! – меж тем обескураженно протянула Йоукли.

К этому моменту мы уже успешно вытащили ящик. Мне не зря показалось, что он похож на саркофаг: внутри лежала мумия. Очень древняя, с истлевшими и слегка размотавшимися бинтами.

Ее дополняли письмо и перо. На пере была гравировка: «Пиши мной только правду». В письме – долгий рассказ о том, как Смеющегося поразила тысячелетняя мумия, обнаруженная им на одном из тилирийских блошиных рынков. А особенно тот факт, что ее можно было просто купить. Что он и сделал. А потом послал мне, потому что она прекрасна и загадочна. (Со вторым было сложно поспорить: непроницаемое лицо мертвяка дышало то ли вечностью, то ли тленом – поди разбери.)

Письмо было замечательным, но в нем не хватало самого главного: информации о том, когда Дахху собирается возвращаться.

– Надеюсь, это не значит, что никогда, – цокнула языком Андрис.

– Надеюсь, вы уберете свой бардак! Не заставляйте меня пожалеть о своем голосе, Страждущая! – рявкнула проходящая мимо нас Селия, которая, освободившись после комиссии, уже проводила экскурсию по ведомству для новеньких Ловчих-мальков.

Едва мы сложили посылки обратно и Андрис повезла их дальше – мумию она закинет в наш кабинет, – как из шахты восточной лестницы в холл ступил Полынь.

Он выглядел точно так же, как полчаса назад – руки в карманах хламиды, волосы веселым дыбом, цепкий прищур и ни к чему не обязывающая улыбка. Он кивал коллегам, коллеги приветствовали его, и все это казалось совершенно привычным, но…

При всем внешнем благополучии от Ловчего сейчас исходила такая усталая обреченность, что я просто обомлела. Будто посреди весеннего ведомства, облаченного в белое, зеленое и золотое, вдруг заклубилась ночная ливневая туча.

Кажется, никто этого не замечал, но никто здесь и не знал Полынь так, как я.

– Что случилось? На тебе лица нет! – шепнула я, когда Внемлющий приблизился.

Он посмотрел на меня этим непривычным, до странности тоскливым взглядом, явно не предназначенным «на выход», потом наклонил голову, моргнул, и… Аура тоски ушла, как по волшебству.

– Все хорошо, малек, – как ни в чем не бывало соврал Ловчий, беря меня под локоть. – Время праздновать. Сегодня мы все-таки доберемся до «Сонного гроша»!

Выходя вслед за Внемлющим из ведомства, я не стала напоминать ему, что я уже не малек.

* * *

Вскоре мы сидели в очаровательном кафе на Ратушной площади. На нашем трехногом чугунном столике царил поздний завтрак.

Уж не знаю, как так получается, но для настоящего шолоховца именно завтрак всегда – самая привлекательная страница в меню. Рестораторы давно просекли это, сделали завтраки круглосуточными, и из лесного словаря, как мне кажется, скоро просто исчезнет унылое слово «обед».

Завтрак раз. Завтрак два. Завтра три. А потом – изысканный ужин. Никаких скучных ланчей, нет.

Веранда кафе располагалась в тени старого платана. Над нами шумела листва, под ногами курлыкали голуби. Площадь вся переливалась в лучах высокого солнца: мозаичное панно, фонтан, несколько клумб. Справа по курсу светлела набережная реки Арген, а напротив нас колокольня Ратуши готовилась чествовать новый час. Огромный колокол по имени Толстяк Бенджи где-то там, наверху, с нетерпением ждал появления звонаря…

Колокола любят звонить.

Я, завернувшись в плед, похлопывала чайной ложкой по густой молочной пене: пена пружинила и иногда хихикала отдельными вылетающими пузырьками. Кофе под ней терпеливо ждал. Полынь поглядывал на свою крохотную чашечку с неопределенно-смолянистой дрянью, которую госпожа кофейница загадочно назвала «выбором настоящего джентельмена».

По-моему, Полынь боялся это пить.

Вместо того Внемлющий, барабаня пальцами по столу, бодро разглагольствовал:

– Что ж, у нас, считай, начинается новая эпоха. Теперь ты, как младшая Ловчая, сможешь сама выбрать себе информаторов из числа горожан – только не вздумай вербовать моих. А еще тебе разрешено присутствовать при вскрытии «своих» мертвецов и вообще – контролировать

работу свидов. Плюс самостоятельно гонять Ищеек по зацепкам, а потом слушать их многоэтажные комментарии на этот счет. Хм, у тебя даже есть право действовать под прикрытием… И знаешь, я думаю, это можно опробовать в ближайшее время. Как тебе идея изобразить торговку грындой?

– Так. Погоди. А мне точно нельзя вернуться в мальки? – театрально сглотнула я.

Зрелище горько-безнадежного Полыни, явленное в ведомстве, все еще стояло у меня перед глазами, но напарник так упрямо изображал, что все замечательно, что я приняла игру. В случае с Внемлющим вытягивать информацию насильно – только заставлять его захлопываться еще больше, по ходу дела кромсая тебе душу своей ледяной обороной. Не человек, а саблезубая устрица, честное слово.

Вдруг к нам прибежал эльф Йегерлиблатцен – ведомственный конюх и по совместительству мелкий посыльный.

– Госпожа Тинави, приветствую! Ключ от вашего нового кабинета, держите! Поздравляю с назначением!

– Что? – опешила я, когда мне в ладонь буквально впихнули тонкий ажурный ключ на цепочке из розового золота. – Йегер, подожди! – Я цапнула уже намылившегося прочь эльфа за серебристый рукав. – Здесь какая-то ошибка. Личные кабинеты дают только Старшим Ловчим, а я из малька становлюсь Младшей! Да и вообще мне замечательно и в нашем тридцать втором.

– Мастер Улиус настаивает, – пожал плечами эльф и ускакал обратно.

Я перевела взгляд на Внемлющего. Тот смотрел на ключ, нехорошо сузив глаза. У меня возникло стойкое ощущение, что внезапное решение шефа выдать мне кабинет напрямую связано с тем, о чем они говорили с Полынью и что так опечалило Ловчего. Но что это может быть?..

– Надеюсь, тебе не дают нового малька вместо меня, – расстроенно предположила я вслух.

Полынь аж зашипел от негодования:

– Никаких новых мальков! Просто мы слегка повздорили и мастер Улиус изволит мстить. По мелочи.

– О чем вы повздорили?

Полынь сделал вид, что не слышит, и просто продолжил:

– … Но шеф не может заставить тебя переехать. Так что просто выкинь этот ключ к праху и оставайся у нас, а при встрече скажи Улиусу, чтобы шел в задницу и не втягивал тебя в наши с ним разборки, – жестко закончил Ловчий.

От неожиданности я подавилась кофе.

– Отличный совет, Полынь! Едва меня повысили, как у меня сорвало резьбу приличий. Заставим их пожалеть, да? Нет, знаешь, давай я все-таки останусь в своем неконфликтном репертуаре и придумаю с ключом что-нибудь другое.

– Например?

– Увидишь!

– Что ж, удиви меня! – Полынь откинулся на спинку стула.

– Удивлю! – бойко пообещала я.

И, будто в тон уговору, зазвенели колокола по всей столице. Пробило три пополудни.

Толстяк Бенджи и его младшие братья над нами особо неистовали: минор сменялся мажором, синкопы скакали как бешеные, складываясь в ликующую, сложную, ажурную песнь столицы. Волей-неволей она поднимала настроение, смывала сложности и печали. Мы смотрели наверх, щурясь на солнце. Горожане и туристы за соседними столиками также наслаждались музыкой.

Последняя торжествующая нота: долгая, очень долгая, и вот… Должна наступить умиротворенная, свежая тишина, но…

Но вдруг вместо этого раздался взрыв.

Настоящий. Огненный. Верхушка Ратуши превратилась в багряный шар. Мир пошатнулся, в ушах зазвенело. Закричали люди, загрохотали падающие камни, прорывающие тент веранды.

Полынь напрыгнул на меня, и мы вместе повалились на тротуар.

* * *

– Ты как? – шепот Ловчего в самое ухо.

– Нормально. А ты?

– Жив.

Полынь приподнялся на локтях, и мы осмотрелись. Наш столик валялся рядом, раскуроченный. Надсадно выла магическая сирена, по центру площади высилась темная груда – искореженные обломки Толстяка Бенджи.

– Бедный звонарь… – охнула я, и Полынь, оглянувшись – никто не смотрит? – исчез, *прыгнув* прочь.

Я же вскочила на ноги. Жар от колокола, языки пламени, дым и поднявшаяся пыль мешали сразу понять, что и как происходит на площади. Я помогла семье туристов – они были ошарашены, но не ранены. Проверила хозяйку кафе, застывшую у витрины.

В целом все было не так уж плохо, обошлось без жертв. Вдали уже слышались сигнальные рожки Чрезвычайного департамента, целителей и стражей. Из Ратуши выходили сотрудники: никакой давки, цивилизованное следование протоколу. Полынь стоял перед их шеренгой, как конвоир, сложив руки на груди, нетерпеливо стуча ногой о землю и пристально вглядываясь в каждого выходившего.

Я направилась к нему, как вдруг на полпути заметила кое-что странное. На клочке земли, видимом между кусками разбившегося колокола, что-то мелькало и бликовало…

Монетка.

Обычная монета, поставленная на ребро, крутилась так шустро, что явно была запущена заклинанием. Она со свистом рассекала воздух и выглядела совершенно сюрреалистично в окружающем апокалипсисе. А возле монетки лежал пергаментный свиток, аккуратно обвязанный лентой.

Я изумленно вскрикнула.

Полынь обернулся. Когда он увидел эту странную, диковинную пару в развалинах – монета и свиток, – его глаза вспыхнули радостью лисы, добравшейся до курятника. Вот-вот полетят перья загадок.

В этот момент на площадь с двух сторон ворвались два отряда: гномы-чрезвычайники и лекари. Они слаженной группой бросились к Ратуше, крича, чтобы все остальные держались подальше и «не смели мешать нам, джбуньки безбородые!!!» (реплика гномов, а не целителей, конечно).

Полынь тотчас рванул к рухнувшему колоколу. Я за ним.

Ловчий мыском сапога наступил на крутящуюся монету, пока я поднимала и раскрывала свиток. Он весь был заполнен какими-то убористыми странными буквами, написанными по спирали, жемчужно переливающимися на свету.

– Кажется, кто-то оставил нам шифр?..

– Обожаю, – рассеянно пробормотал Полынь, забирая у меня свиток в обмен на подобранную им монету.

Но…

– Кто позволил вам трогать улики?

Голос, произнесший реплику, раздался у меня за спиной. Он был презрительным и странно-шелестящим, неуловимо искаженный специальным устройством.

Ходящий.

Я обернулась. Еще мгновение назад здесь никого не было, а теперь в полный рост стояла фигура в золотом балахоне и гладкой маске, скрывающей лицо. На месте глаз у нее были лишь темные колдовские провалы.

– Немедленно отдайте это мне, – прошипел Ходящий, глядя на монету в моих руках и письмо в Полыньих.

Магический посох агента-теневика тускло засветился. Воздух стал холоднее на пару градусов, по земле побежали колдовские тени острых терновых веток. Я почувствовала, как волоски невольно приподнимаются у меня на загривке. Даже несмотря на то, что я стреляный воробей, Ходящие нагоняют на меня ни с чем не сравнимую жуть. Мозгом-то я понимаю, что за маской стоит всего лишь человек, а не колосс из тьмы и пепла, но сама атмосфера возле Ходящих давит.

Впрочем, бывшим контрразведчикам все нипочем.

– Через минуту отдам, подождите, тут очередь, – отмахнулся Полынь, вновь жадно вчитываясь в письмо.

Ходящему это, мягко говоря, не понравилось.

– Я хочу получить этот свиток *сию секунду*, – он нетерпеливо раскрыл ладонь. – Или ты уже соскучился по тюремной камере, а, Внемлющий?

– Это был не худший отпуск, но пока что я не хочу повторять его. Спасибо за предложение.

Однако проблема заключалась в том, что требование Ходящего было абсолютно справедливым.

В случае терактов именно Теневой департамент первым забирает дело – и уже потом решает, кого из госслужащих подключить к работе и надо ли подключать. Так что интерес Полыни к свитку был понятен, но не правомочен.

И вот Ходящий зарычал и вырвал у Внемлющего улики.

– Ты поздно спохватился, *Ловчий*, – почти выплюнул он, приблизив свою золотую маску к лицу Полыни. – Это *мы* занимаемся настоящим делом. Это *мы* стоим на страже столицы. А ты играй в свои маленькие детективные дела с такими же маленькими и глупыми сыщиками, раз выбрал *такую* судьбу. Я давно слежу за тобой, и знаешь что, Полынь? Я тебя *жалею*. Ты презренный предатель – и ничего больше.

Напарник изогнул проколотую бровь:

– Предатель, серьезно? Да будет тебе известно, что выйти из игры, когда она становится грязной, – это не предательство. Побег – может быть. Здравый смысл, протест, что угодно… А вот вы все, помнится, как раз и предали: свое ведомство и своего Архимастера. Сколько времени вам понадобилось, чтобы переметнуться на сторону короля во время бунта? Полчаса? Десять минут? Разумный выбор, безусловно. Но именно такие вещи называют предательством – загляни в словарь. А что касается «жалкого сыщика»… – Полынь задумчиво пожевал губами. – Ну, зато у меня есть свобода! Приятная, в сущности, штука.

– Правда? Свобода? Ты уверен? – с непонятной интонацией протянул Ходящий, а потом отошел и отвернулся, чтобы изучить улики в одиночестве. Жадина какой, с ума сойти.

Полынь закатил глаза:

– В этом весь Теневой департамент.

Я солидарно хмыкнула, и мы тотчас дружно отпрыгнули назад… Это Ходящий ударил своим посохом – и тени терновника, плясавшие вокруг него, поднялись от земли и превратились в настоящие ветви, которые, разрастаясь и сплетаясь между собой, стали накрывать колокол, как огромный купол, отгораживая его от зевак и служащих других ведомств.

Мы остались стоять аккурат перед колючей стеной.

Вокруг уже собралась толпа народа. Возле нас затормозила карета Лесного ведомства, покрытая мхом от колес и до крыши. Четверо травников с зелеными кончиками пальцев, как у всех Шептунов, выпрыгнули из нее и поскакали к платанам на площади. Деревья пережили настоящий шок: падавшие камни и осколки мелких колоколов сломали ветви, часть их застряла в густых кронах. Шептуны поглаживали шершавые стволы, исцеляя платаны. Один из магов наколдовал мерцающий поток энергии, который укутал деревья так же, как укутывают пледом пострадавших людей. А роль психологов сыграла парочка крустов. То есть лешаков.

За добрых крустов, как и за красивые кареты, стоило благодарить главу департамента Шептунов и по совместительству всего Лесного ведомства – госпожу Марцелу из Дома Парящих.

Марцела – это женщина, достойная отдельного абзаца.

Она, одна из десяти королевских Советников, уже шестьдесят лет находится у власти, и никто даже не пытается ее сместить. Наоборот, холят и лелеют. Потому что ценность Марцелы очень велика: у госпожи Парящей дар договариваться с капризным Смаховым лесом и его не менее специфичными обитателями.

Так, обычно крусты «работают» только с волшебными деревьями ошши, но Марцела убедила лешаков, что в экстренных ситуациях надо найти у себя точку сострадания – не то она найдет болевую у них. Крусты, пораскинув трухлявыми мозгами, согласились. Правда, после каждой помощи ведомству они выкатывают нехилый счет. Берут жуками-короедами. То ли из соображений мести, то ли из гурманских – не знаю!

Шептуны, Знахари, Чрезвычайники, Стражи, Смотрящие… Вся Ратушная площадь кипела от бурной деятельности разных госслужащих.

Только Терновый купол Ходящих в центре был темен и недвижим.

* * *

Помогая коллегам, мы провозились до позднего вечера.

Ходящие так и не дали никаких комментариев о случившемся. По поводу монеты и свитка никто даже не перешептывался – кажется, мы с Полынью были единственными, кто видел их, кроме теневиков.

– А что со звонарем? – вспомнила я, пока мы с Внемлющим тихонько шли прочь из центра. – Ты ведь *Прыгнул* в колокольню сразу после взрыва?

– Да. Но там никого не было. Ни кусочка. Из-за пожара я не смог изучить все детально, но, кажется, сегодня Толстяк Бенджи пел, повинуясь заклинанию. А взрывчатка сработала по отложенной маг-формуле.

– Неплохо.

– А то. Вот тебе и тихая некриминальная весна… – самокритично отметил Полынь. – Жаль, конечно, что это не наше дело. Звучит оно до пепла многообещающе!

Мы стояли на горбатом мостике через реку Арген. На воде уже зажигались фонари гондол; ундины, плескаясь, хихикали друг с другом. Проходивший мимо бродяга в болотном плаще на мгновение прижал два пальца к глубокому капюшону – это был один из любимых информаторов Внемлющего, пилигрим Велот из Дома Дерзающих.

Мимо прокатила самоходная теплица департамента Шептунов – спешила вернуться на станцию с магическим кристаллом-подзарядкой. В ней не было колдунов, только растения – те, что требуют определенного угла наклона солнечных или лунных лучей для роста и именно поэтому катаются по всему городу по заранее заданным маршрутам. Еще одна разработка госпожи Марцелы.

– До завтра, Полынь, – улыбнулась я, но напарник помотал головой, заставив колокольчики дружно звякнуть.

– Я завтра не приду в ведомство, – сказал он. – Меня ждут во дворце. Королева давно настаивала, чтобы я проверил безопасность корпуса, выделенного под празднование дня рождения Лиссая, и после сегодняшнего взрыва я решил удовлетворить ее просьбу.

Полынь с прошлого лета работал на ее величество Аутурни как личный Ходящий. Отдать немного свободы в обмен на сохранение теневых Умений – Внемлющий сам инициировал сделку.

Поначалу это было скорее синекурой, чем реальной должностью: Аутурни вызывала Полынь всего пару раз в месяц, но в последнее время ее птички прилетают к Ловчему все чаще и чаще. То нужно отведать новое блюдо дворцового повара, то сопроводить ее величество на благотворительный вечер, то оценить мощность свежеприобретенного талисмана. Хотя иногда случаются и серьезные просьбы.

– А ты ведь придешь на праздник принца в субботу? – поинтересовался Внемлющий.

Я прижала руку к сердцу:

– Ко-неч-но! Бал без меня был бы пустой тратой государственного выходного: должен же кто-то развлекать людей несуразицами и эпичнейшими неловкостями? Причем в этот раз я начала заранее: Лиссай прислал мне приглашение вне официального списка, представляешь? Оно триста первое по счету, а пригласить собирались ровно три сотни гостей. Так вообрази: на днях ко мне приходит господин Дайен, дворцовый церемониймейстер, и лично интересуется, собираюсь ли я явиться. Я говорю «да», и он в этот момент кашляет, а потом переспрашивает, что, дескать, вы сказали? «Нет»? Я снова говорю «да» – кашель в ответ. Так продолжалось некоторое время, после чего из коттеджа выглянул Мелисандр, как всегда грандиозный, и нежно предложил Дайену свой волшебный подзатыльник – самое магическое средство от кашля, как говорят в Саусборне…

Полынь хмыкнул, представив себе это зрелище. На улице быстро, по-ночному холодало, и я спрятала ладони в широкие рукава плаща-летяги. Полынь зажег теплый шар заклинания и коснулся им моего плеча, согревая.

– Тогда береги себя на празднике, Тинави, – кивнул напарник. – У Дайена в роду оборотни, мало ли, решит загрызть тебя в каком-нибудь темном углу дворцового острова. А потом скажет: вот наше эксклюзивное жаркое вне официального списка, очень вкусное, я снял пробу.

Мы посмеялись, дали друг другу «пять» на прощание и разошлись в разные стороны. Шепоты серебристых трав, далекие переливы ручьев, соловьиное пение и сонм загадочно-хрустальных созвездий провожали меня до дома.

4. Подарок для Полыни

Ведомственных камераров надлежит выбирать из числа преподавателей кафедры Тайн Магического Мира, шолоховцев по крови.
Устав Башни Магов

– И что же мне с тобой делать, господин новый кабинет? Такой красивый и такой нежеланный? – задумчиво бормотала я следующим утром, стоя на пороге своих владений.

Владения молчали. Надеюсь, не от обиды.

Нужно отметить, что полчаса назад, когда я пришла в ведомство и свернула в нужный коридор, никакого тридцать третьего кабинета там и в помине не было. На мгновение я даже обрадовалась: значит, ключ – всего лишь ошибка и мы продолжаем соседствовать с Полынью, ура!

Но потом вспомнила: некоторые двери открываются только тогда, когда ты готов. А до этого – хоть тысячу раз мимо пройди, не заметишь.

Тогда, стоя посреди коридора, я сняла с шеи золотую цепочку и положила ключ в кулак, а потом громко произнесла:

– Я Тинави из Дома Страждущих, готова вступить в должность Младшей Ловчей.

Ключ-артефакт засветился мягким розовым светом и потащил меня вперед, как магнит. Тотчас в стене рядом с дверью Полыни появилась еще одна, точно такая же – деревянная, сводчатая, с латунной табличкой с моим именем.

И вот я внутри.

Первым делом я подошла к окну. Оно было витражным, с узором в виде птиц, пирующих на цветущих ветках вишни. Я сдвинула щеколду и распахнула створки. Вернее, попыталась: абсолютно такая же вишня, реальная, тоже цветущая, не давала окну открыться, упруго толкая рамы обратно.

– Понятно. Вид на город меня отвлекать не будет, – прокряхтела я, теперь уже пытаясь закрыть окно.

Этот маневр упрямая вишня тоже не одобрила. Теперь она шарила ветвями между створок, и мне никак не хватало конечностей, чтобы вытолкнуть все любопытные цветы зараз. Наконец я справилась. Противник сдался. Подоконник остался засыпан бледно-розовым ковром соцветий. Я утерла пот со лба и, обернувшись, снова оглядела кабинет.

Тишина. Только пыль танцует в преломленном луче зеленого света. Там, за стенами, бурлит ведомственная жизнь: шуршат ташени, шелестят бумаги, ноют иноземцы, шипит фонтан…

А здесь лишь я и пробковая доска на стене, возмутительно пустая. Непор-р-рядок! Я решительно взяла ярко-желтую бумажку и наклеила в самый центр. Перехватила поудобнее Перо Правды, пришедшее вчера вместе с саркофагом от Дахху. Так. И что же написать?

Каким будет краеугольный камень моего нового приключения?

Ведь это очень важно – первый шаг. Да, с любой дороги можно свернуть (пусть даже в канаву). Но именно первый шаг задает настроение, которое может стать твоим верным другом или, наоборот, чинить тебе препятствия. Первый шаг – это линза, сквозь которую на тебя будут смотреть окружающие. Поди уговори их потом сменить окуляр… И пусть у меня из зрителей только муха, старательно взламывающая коробку печенья, для меня всегда важно было внутреннее состояние. Знание глубоко внутри: ты все делаешь правильно.

Мне хотелось начать заполнение доски с какой-то особенной бумажки.

«Мы все…» – написала я. И задумалась. Перо «Пиши мной только правду» сильно обязывало. Вот умеет же Дахху выбирать подарки!

И вдруг, избавив меня от философских дилемм, где-то снаружи, в коридоре, раздался дикий грохот, короткий мужской вскрик и тяжелые удары, будто что-то били об стену, снова и снова.

Или кого-то…

Что тоже нередко случается в департаменте.

Отбросив бумажку, я выскочила наружу, и моим глазам тотчас открылось дикое зрелище: каменная скульптура бокки[6], раньше стоявшая в стенной нише, сошла с пьедестала и теперь пыталась фонарем укокошить господина Ва́ррока Хаси́лиуса – ведомственного камера́ра.

Варрок возвел перед собой магический щит, а сбрендивший бокки долбился в него, осыпаясь мраморными крошками. Так их воюющая пара двигалась по коридору.

– Вам помочь?!

– Да. Пожалуйста, – ровно отозвался господин Хасилиус из-за щита.

Если что, камерар – это специальная должность, которая есть при каждом ведомстве. Колдун, занимающий ее, является чем-то средним между завхозом, ремонтником и… душой министерства.

У ведомства может быть только один камерар за раз: вступая в должность, такой чародей приносит клятву – *«я буду сердцем твоим, мой Дом, я буду твоими стопами»*. И тогда камерар начинает *слышать* здание. Только когда он умрет, Башня Магов начнет подготовку нового.

Я подбежала к беснующемуся каменному бокки сзади и, привстав на мысочки, панибратски похлопала его по плечу.

– Хей, дружище! – окликнула я статую и со свистом уклонилась от фонаря, рассекшего воздух, будто булава, когда скульптура яростно развернулась.

Бокки замахнулся повторно, но я уже рванула к лестнице. Тяжелой поступью величественная статуя двинулась за мной.

– Спрячьтесь, – приказал Варрок Хасилиус.

Я нырнула за колонну в начале лестничной шахты, и тотчас мимо меня пронеслось облако зеленого пламени – это камерар швырнул силовой заряд. Бокки, получив его в спину, грузно упал вперед – через порожек и вниз по ступенькам.

К первому этажу докатились только осколки статуи.

– Спасибо за помощь, Тинави из Дома Страждущих, – бесстрастно поблагодарил Хасилиус, спускаясь за обломками.

Он у нас, в принципе, очень спокойный малый. Настолько неправдоподобно уравновешенный, что иногда невольно засомневаешься: а человек ли он вообще? Или там, под буграми мышц, спрятаны хитрые гномьи механизмы – вместо сердца? Так и тянет тыкнуть палочкой и проверить!

Может, бокки тоже взбесился чисто из любознательности?

– А что, собственно, случилось со скульптурой? – Я вприпрыжку поскакала по лестнице за камераром.

Услышав вопрос, Варрок величественно остановился. Он выглядел точь-в-точь как наше ведомство, будь оно мужчиной: кожа цвета парного молока, густые каштановые волосы и борода, глаза, меняющие оттенки, как витражи, бежевая и зеленая одежда. Очень мощный, громадный даже со всеми своими мышцами, но в то же время устремленный ввысь.

– Дело в том, – медленно произнес Хасилиус, – что некоторые статуи в Шолохе умеют оживать.

– Да, я это знаю.

– Откуда?..

---

[6] Бокки-с-фонарями – знаменитые лесные духи с оранжевыми фонарями, так называемые егеря старых королей, которые дважды в месяц бродят по ночному Шолоху. Жители города в это время сидят по домам, чтобы не мешать бокки.

Судя по расширившимся глазам Хасилиуса, я только что с успехом приблизила его к такой чудной эмоции, как удивление.

– Мой друг в том году случайно пробудил ферзя в дворцовом лабиринте, – объяснила я. – Причем как-то совершенно по наитию, просто попросив у него помощи. А учитывая, что в Шолохе загадки ходят парами, я догадывалась, что это не единственный случай. Но почему они оживают – понятия не имею.

– Они пробуждаются из-за этого символа. – Варрок наклонился и поднял с пола осколок статуи с вырезанной на нем спиралью. – В нашем ведомстве есть пара статуй с таким знаком, еще одну скульптуру-монаха я видел на дороге у Призрачной Рощи, несколько находил на острове-кургане. Раньше подобные статуи оживали только по *Просьбе*, сказанной с определенной интонацией, – Варрок показал мне, с какой, – но начиная с прошлой осени скульптуры иногда просыпаются сами по себе. Тогда их крайне сложно успокоить.

Я с интересом покрутила в руках осколок бокки.

Спираль была кривоватой, явно нанесенной очень давно, хотя в паре мест ее как будто бы обновляли кинжалом… Взгляд невольно приковывался к ее бороздке, которая сворачивалась все уже и уже, пока не смыкалась в жирную точку в центре.

– А откуда взялся этот символ?

– Кто-то из колдунов нарисовал эту спираль уже давно, не меньше трех столетий назад, – поведал Варрок. – Сильные маги иногда оставляют такие «секреты» в городе, полагая, что однажды они могут им пригодиться. Что касается нынешнего бунтарства скульптур, то, полагаю, источник силы, к которому они привязаны, стал мощнее. Это может быть что угодно: река, ветер, кровь определенного человека… – размеренно объяснил Хасилиус. – Едва ли мы узнаем. В Шолохе много секретов, оставшихся со времен его основания, и не все удается раскрыть. Говорю вам это как бывший Мастер Тайн.

Что правда, то правда.

Я вернула Варроку камень.

– Я полагаю, *Просьбу* может использовать кто угодно?

– Да, – сказал камерар. – Вы тоже можете применять ее, раз она вам известна. Магия *Просьбы* заключена в самих статуях, ваше колдовство здесь не потребуется. Просто знайте меру и не разбрасывайтесь этим умением направо и налево, чтобы оно не попало в дурные руки.

Я горячо поблагодарила Варрока за легенду и собиралась откланяться – пора пойти и сделать что-нибудь, достойное Младшей Ловчей! – но камерар неожиданно призадумался.

– Я не знал, что вас повысили, Тинави. Это хорошо. Поздравляю. Говорят, на новоселье надо что-то дарить, причем сразу, как встретишь счастливого переселенца. Ведь отложенный подарок теряет всякую силу – как и отложенное намерение, как и отложенное желание. Осуществи сразу – или они утонут в реке отвергнутых мыслей, чей песок – сожаление, а течение – время. Легенды мало для подарка. Однако я не был готов увидеть вас сейчас. Так что… – Он похлопал по карманам карамельных шароваров, заглянул в нагрудный кармашек тонкой льняной майки – таким, как Варрок, никогда не бывает жарко – и, ничего не найдя, свел на переносице густые брови.

Потом наклонил голову и замер, будто прислушиваясь к далекому шепоту… Хотя почему будто? Я затаила дыхание, чтобы не мешать сеансу связи ведомства и его сердца, явленного в Варроке Хасилиусе.

– Возможно, у вас есть некое желание, с которым могу помочь я, камерар? – наконец проговорил Хасилиус.

Учитывая, что именно камерары заведуют кабинетами – новыми и старыми, – я не могла удивиться и обрадоваться сильнее.

– Да, Варрок! Есть!

* * *

Сотворив вместе с Варроком Хасилиусом *нечто* и уже заранее предвкушая понедельник, когда можно будет показать *это* Полыни, я отправилась к шефу, надеясь получить какое-нибудь расследование в свой первый день на посту.

Хотя, учитывая, как вольготно бродили по ведомству Ловчие и Ищейки, явно не знающие, чем себя занять, весна действительно была беззаботным временем… Не считая, конечно, вчерашнего взрыва.

Который, конечно, не наш.

Кабинет главы департамента оказался открыт и при этом пуст. В нем не нашлось ни мастера Улиуса, ни Селии. Я прошла мимо амфитеатра, по которому рассаживаются мальки, когда им читают лекции, и устроилась в кресле возле стола шефа, стоящего под огромным круглым окном, что открывается на манер чердачного.

На столе лежали бумаги – много бумаг, придавленных знаменитой кружкой Улиуса. Тяжелая, глиняная, объемом в четыре нормальных!..

Эту кружку мастер так редко выпускает из рук, что по ведомству ходят самые разные слухи: начиная тем, что шеф грешит элем в рабочее время, и закачивая тем, что он на самом деле упырь, попивающей зелье против гниения. Помнится, я сама поставила пару монет в споре на то, что там все-таки просто чай, как и говорит мастер Чобчек.

Потому что если ты не доверяешь своему начальству, то за каким прахом ты вообще на него работаешь? Уволься. Будь счастлив.

Чем дольше я ждала, тем нестерпимее становилось мое любопытство на тему кружки. В итоге, воровато оглянувшись, я привстала, потянулась к ней и приподняла, чтобы понюхать…

– Чай! – удовлетворенно отметила я. А потом: – Ой!

Потому что верхний листок, освобожденный от гнета, внезапно взмыл в воздух, подхваченный ветерком из окна. Как в дурацких комедиях, я бросилась вперед, чтобы поймать его, но листок увернулся у меня из-под самых пальцев и, шаловливо трепеща уголками, проскользнул под открытую раму.

Наружу. В Шолох.

А там, повинуясь прихотям весеннего ветра, он крутанулся, развернулся и во всю ширь налепился обратно на стекло, будто дразня меня. Или привлекая внимание.

Потому что на листке было написано:

«Полынь из Дома Внемлющих. Приказ об увольнении».

– ЧТО?! – Мой вопль спугнул двух птиц, летящих мимо окна с какой-то огромной веткой – видимо, для будущего гнезда. Одна из них тотчас уронила свой краешек, вторая распахнула клюв, чтобы обругать незадачливую подругу, и потеряла второй.

Недобро зыркнув в мою сторону, птицы угрюмо полетели вниз.

Я же в диком прыжке перемахнула через стол и поднырнула под раму, повторяя путь листка. Тот, издеваясь, пополз от меня вбок, вбок…

– Хочешь, чтобы я убилась? – проворчала я, уже по карнизу шагая за беглецом.

Лишь бы сейчас какой-нибудь безумный шквал ветра не провернул все это окно по оси! А то в переулке Мотылька и Лампы, что прямо подо мной, появится удивительная лепешка.

Наконец я схватила листок. Но не успела перевести дух и двинуться обратно – в азарте погони я уползла от окна на добрых два метра, застряв возле водосточной трубы, – как из кабинета Улиуса послышались голоса… Два человека вошли туда – *нормальным путем, из коридора, а не как ты собираешься, Тинави*, – и теперь продолжали спор, начатый, очевидно, уже давно.

– Улиус, вы говорили, что именно Внемлющий – ваш лучший Ловчий. Не надо теперь предлагать мне замены, я уже обо всем договорился с королем. Экспериментальное подразделение должен возглавить он. Что вы за начальник такой, если не в состоянии уговорить своего сотрудника?

Я с ужасом узнала мягкий баритон мастера Авена Карлиннана.

– Вот сами и попробуйте уговорить его, Авен! – пробасил Улиус. – Как говорится, первый в совете – первый в ответе! Потому что этот самодовольный дурак скорее в крендель свернется, чем даст себя переубедить, если ему что-то втемяшилось в голову!

– А красотка?

– Какая красотка?

– Вчерашняя. Страждущая. Я уверен, что она его уболтает. Госпожа Селия сказала ей, что ее повышение идет «авансом» – так вот пусть как раз отработает.

Так, понятно, теперь путь в кабинет мне точно закрыт.

Распластавшись вдоль стены ведомства, я пыталась одновременно подслушать разговор, не грохнуться и знаками объяснить двум перевозчикам-кентаврам внизу, вдумчиво жующим маки, что не надо окликать меня. И вообще меня нет. Не существует.

«Гал-лю-ци-на-ци-я!» – как сказал бы хранитель Рэндом.

– Ну уж нет, Авен! – взревел меж тем Улиус. – Я не буду просить Ловчую выступать против ее же напарника.

– Почему против-то? – еще понизил голос мастер Авен.

Во время ссоры Улиус распалялся, а он – затихал. Противоположные тактики. Интересно.

– Мы вашему Внемлющему делаем подарок, – вкрадчиво продолжил Авен Карлиннан. – Еще вчера вы сами были в этом уверены. Возможность набрать собственную команду, возможность работать как в столице, так и вне ее, подчиняться напрямую мне без всех этих ваших Селий… Быть острием Иноземного ведомства. Сплошные плюсы и никаких подводных камней, кроме повышенной сложности расследований.

– Последнее для Полыни не минус.

– Вот именно. Как вообще в здравом уме он может отказаться от такого повышения?

– Не знаю, – буркнул Улиус. – Отказался же. Значит, есть причины.

Мастер Авен, судя по звуку, недовольно побарабанил ногтями по столешнице.

– То есть мы с вами и его величеством подписали уже десятки бумаг о том, что, дескать, в Иноземном ведомстве появляется Ловчее спецподразделение под командованием Полыни из Дома Внемлющих, уже собрались уволить его с нынешней должности, чтобы дать такую же, но с припиской «С.П.», выделили бюджет под формирование команды, и… Откладываем это, потому что ваш эксцентричный гений взбрыкнул вместо того, чтобы упасть в счастливый обморок от такого подарка? Получается, так?

– Получается, так, – важно подтвердил мастер Улиус. – А вообще, Авен… Он на то и эксцентричный, что может взять и передумать. Вот увидите: если его не трогать, он сам чудненько разберется с вожжой, которая попала ему под хвост и вынуждает отказываться от шикарного и желанного повышения. Если вмешаемся – будет хуже, он из упрямства нас всех лесом пошлет. Обратно в теневики уйдет. Вы его лицо вчера видели? Там явно что-то психологическое.

– Вы полагаете, что на самом деле он хочет этого повышения, но не признается себе?

– Конечно. Половина из них, зеленых юнцов, понятия не имеет, какие желания бродят у них в сердцах. Они любовь принимают за аритмию. Но он докопается до истины рано или поздно.

– Рано или поздно… Вы балуете своих сотрудников, Чобчек.

– Я им доверяю. Лучше делать потихоньку, но на века, чем рубить сплеча и выкидывать потом сломанные отношения. Мы же с вами никуда не торопимся, верно?

Придя к взаимопониманию, Улиус и Авен заговорили о других, не менее насущных делах.

Продолжая балансировать на карнизе, я наконец прочитала документ, который стал причиной моего внезапного приключения и теперь одобрительно шелестел у меня в кулаке. Возможно, у листка изначально была добрая цель. Возможно, он хотел, чтобы я услышала эту беседу…

В документе говорилось ровно то же, о чем размышляли глава департамента и глава ведомства.

Об эксперименте, одобренном королем: что, если сформировать специальное Ловчее подразделение с большей автономией, чем принято в нынешней системе? Каких результатов оно может достичь?

Ведь сейчас все мы, получая дело, вынуждены искать для помощи свободных Ищеек, Свидов и Архивариусов, ожидать одобрений Улиуса, бесконечно запрашивать поддержку стражей и Смотрящих, Шептунов и знахарей – в зависимости от расследования… В ходе эксперимента же предполагалось создать команду, у которой сразу будут все инструменты на руках. Точнее, позволить Полыни создать такую команду. Под себя. Как он хочет. Свой маленький и чудесный мир.

От чего он внезапно и яростно отказался…

Но действительно, почему нет?

Пусть мастер Улиус – спасибо ему – не стал вмешивать меня в это дело, теперь у меня самой не было ни шанса забыть о нем.

Кое-как по трубе я сползла с третьего этажа в переулок (кентавры галантно помогли на финальной стадии) и вскоре снова пришла в кабинет мастер Чобчека – за расследованием.

В остальном пятничный день прошел вполне себе в рамках приличий. А завтра был принцев праздник…

5. Принцев праздник

Две категории людей не любят праздники: те, чья жизнь и так праздник, и те, кто поставил крест на возможности чуда.
Эрвин Боу, священнослужитель

Согласно газетному интервью с господином Дайеном, дворцовым цереминиймейстером, на прием в честь дня рождения принца было выписано три сотни приглашений.

Для праздника подготовили Полуночный Сад и пару примыкающих дворцовых залов. Прорва слуг денно и нощно готовилась к торжеству, развешивая волшебные фонари, натирая бокалы, реставрируя портреты Дома Ищущих.

Впрочем, заботу о картинах перехватил сам венценосный именинник:

«– Нет! – сказал его высочество Лиссай, негодующе сверкнув изумрудными очами. – Лучше я! Да не прикоснутся руки смердов к наследию предков моих!»

Эх! Эта «цитата» мгновенно разрушила статью. Теперь под сомнение попадали и безобидные данные, приведенные выше. Правило жизни: всего одна ошибка уничтожает достоверность. А без достоверности рассыпается все. Ведь на ложь никто не хочет тратить время. Ну, из тех, кто еще способен ее замечать.

Мало того, что Лиссай не из тех парней, кто «негодующе сверкает очами» и считает жителей Метелочного квартала «смердами». Так еще и реставрация картин банально не входит в список его интересов, а Лис привык делать только то, что хочет – и никогда ничего другого.

Я свернула газету, только сейчас прочитав название: «Помыслы и домыслы». Что ж, все честно. Газетенка полетела в камин: пригодится, пусть и в нежданной роли.

– У-ух? – напомнил Марах из угла. Филин со значением подвигал бровями, плавно перетекающими в уши, и перевел пронзительно-оранжевые глаза на часы.

– У-ух-одим уже, пора! – согласилась я, выкарабкиваясь из кровати.

– Ху? – Марах «сдулся», став вдвое меньше обычного.

– Худший вечер в году? Это вряд ли. Хотя… Аристократки, которые три дня не ели перед банкетом, могут с голодухи принять тебя за деликатес: женщины на диете страшно кровожадны. А таких во дворце много. Чем богаче публика, тем чаще дамы голодны – парадокс… – Я задумалась. – Пожалуй, оставлю тебя дома. Сиди, наслаждайся видом на… э-э-э… штору.

Я сочувственно посмотрела на филина. Подошла к окну и, дернув за веревку, раздвинула портьеры. За панорамными окнами тотчас расцвел, как маленькая надежда, уютный Мшистый квартал.

– Так лучше? – спросила я Мараха.

– Уху, – филин вывернул башку на сто восемьдесят градусов – любоваться.

Одеваясь, я подумала, что ни в одной из просмотренных мною газет опять не было ни слова про недавний взрыв на Ратушной площади. В предыдущие два дня об этом тоже не говорили. Только тут и там появились сухие заметки о том, что колокол Толстяк Беджи отдан на реставрацию.

Это информационная тишина сработала: многие горожане не узнали про взрыв. Так, вчера мы ужинали с Кадией и Мелисандром Кесом, и для Мела случившееся стало сюрпризом.

– И о многих терактах у вас тут умалчивают? – поинтересовался саусбериец, с аппетитом уминая спагетти с морепродуктами.

– Только о ненаказанных, – хором ответили мы с Кад.

Как только злодея поймают, о произошедшем обязательно сообщат. А до тех пор будут молчать, чтобы не пугать людей и не поощрять террориста упоминанием его действий.

Ведь игнорирование так унижает.

* * *

Пару часов спустя я сидела на резной скамье в центре садового лабиринта на острове-кургане. Его можжевеловые стены закруглялись мягко и незаметно, создавая головокружительный эффект. Все вокруг заливал янтарный свет заката.

Со стороны дворца доносился смех гостей. Будто пузырьки в игристом вине, взмывали к розовато-медовому небу переливы фольклорных лесных мелодий.

Из-за другой зеленой стены слышалось чертыхание королевских колдунов. Как я поняла по их эмоциональным комментариям, они устанавливали все для полуночного запуска фейерверка.

Надо будет обязательно посмотреть его: салют обещает быть просто грандиозным! Сужу и по строчке в приглашении на праздник, и по трудностям, возникающим сейчас у Мастеров Иллюзий.

Ради Лиссая сегодня стараются максимально, ведь он – первый из шолоховских принцев, которому не повезло стать публичной личностью. По древней традиции дети его величества живут уединенно, народу их не представляют, на встречи с главами других государств не берут. А жизнь старшего принца – наследника – и вовсе окутана непроглядным мраком даже для приближенных. Говорят, безопасности ради.

Но анонимность Лиссая рассыпалась прахом, когда его сначала искали всей страной под некрополем, потом он исчез повторно и наконец вернулся, заявив, что заключил политический союз с драконами.

На самом деле ну какой союз с теми, кто беспробудно спит и чхать хотел на жалкие подрагивания смертных? Но звучит эпохально! И подтверждено фактами: десятки людей увидели Лиссая верхом на драконе. Принц громко объявил, что теперь у нас с ящерами альянс, и дракон его… не сжег. А значит, все пучком, достоверность соблюдена.

Кстати, задним числом выяснилось, что идею про «альянс» придумал Полынь. И даже подготовил заранее. Накануне нашего летнего путешествия куратор шепнул королеве, что у Лиссая, дескать, созрел смелый план насчет драконов. «План принца» был сумбурен: он включал в себя похищение, путешествие на далекий север и другие дикие повороты сюжета.

Навешай Полынь эту лапшу на уши королю – летела бы голова куратора с плеч. Но ее величество Аутурни поверила. Сложно не поверить, когда Полынь строго нашептывает тебе в ухо убийственно серьезные вещи. Аутурни ахала, испуганно надувала губки, но… поддалась обаянию моего напарника.

Королева благословила сына на подвиг. Благо детей у ее величества достаточно – если вдруг что. И Лис среди них самый «неудачный». Младший, рыжий и с головой проблемы: как стукнулся в детстве затылком о камень, так и видит мир «не по-человечески» – не предметами, а потоками энергии унни. Среди прочего Лиссай с ходу распознает чужие чувства, что бывает неприятно – особенно для легкомысленной, самовлюбленной королевы Аутурни.

Но в итоге «план удался» и Лиссай «одержал победу», какую вовсе не ждал. Он был психом, которого держали под домашним арестом. А стал самым популярным человеком королевства.

Что, впрочем, не отменяет того, что он предпочитает коротать свои дни в уединении дворцового острова. Король Сайнор наверняка бы припахал его к политике – недальновидно игнорировать такую репутацию! – но, если помните, письмо бога-хранителя запрещало командовать принцем. Так что Лис делает, что хочет.

А его авторитет растет, как сорняк – хаотично, неудержимо и местами пугающе…

– Хей-хей! – звонкий девичий голос вырвал меня из размышлений.

Из сгустившихся лиловых сумерек выскочила Кадия, которую я и ждала. Как и я, она была одета в тогу из струящейся ткани и широкий плащ-летягу. На ногах – мягкие туфли с чуть загнутыми острыми носами. В украшениях – травяные и цветочные мотивы, на голове – венок.

Согласно приглашениям, всех гостей просили явиться в традиционных нарядах королевства, поэтому любые сложносочиненные платья пришлось оставить дома. Но нам-то не страшно! А вот мужскому населению по той же причине пришлось оставить дома *штаны*…

И, пожалуй, я знаю только одного человека, у которого подобное требование не вызовет никаких эмоций. Привычная маечная хламида Полыни, кажется, далеко не всегда требует брюк. Не то чтобы я специально проверяла, но иногда во время погонь он так и светит голыми коленками.

– Надеюсь, ты готова блистать, охмурять, танцевать, а также безрассудно разбивать сердца и бокалы? – Кадия подхватила меня под локоток и бодро потащила во дворец. Она была полна энтузиазма: подруга просто *обожает* праздники, воистину умеет *наслаждаться* ими, превращая кутеж в искусство. – Лично я намерена оторваться на полную катушку!

– Если я оторвусь на полную катушку, моей репутации точно конец, – со смешком прикинула я. – Она и так подмочена в Доме Ищущих с тех пор, как я разрушила их любимый храм.

– И подцепила младшего сына.

– Мы с Лиссаем не…

– Знаю-знаю! Но надо же мне чем-то тебя дразнить?

Мы под руку побрели ко дворцу, болтая о том о сем. Когда нам встретилась пара гвардейцев, стоящих навытяжку, Кадия встрепенулась:

– Кстати, Тинави! Забыла сказать. Мы с тобой уже настолько близки, что у нас начало кое-что синхронизироваться: я имею в виду успехи в работе. Не поверишь, но у меня впереди замаячила ну *очень* привлекательная перспектива повышения!

Кажется, этой весной все мы быстро растем.

– А что за перспектива? Тебе предлагают стать правой рукой Груби Даби Финна? Начальницей каких-нибудь особенно крутых бородачей?

– Нет. Идея в том, чтобы я ушла из Чрезвычайного департамента и вернулась в стражу. Но уже на позицию заместителя главы департамента.

– Да ладно?! – Я остановилась, удивленно глядя на Мчащуюся.

Она кивнула, подтверждая сказанное.

– Но, Кадия, подожди. А как же гномы-чрезвычайники? Тебе же так нравилось с ними работать…

И впрямь: за прошедшие месяцы Кадия много раз восхищалась тем, насколько значимее, интереснее и душевнее трудиться под началом командора Груби Даби Финна, чем в «унылых отстойниках шолоховской стражи». Каждый день там приносил удовольствие, а не макал в болото тоски и унижения.

Я думала, что подруга счастлива там. Видимо, я ошибалась.

Кадия не сразу ответила на мой вопрос. По лицу Мчащейся скользнула тень сожаления, она тяжело вздохнула.

Но потом упрямо мотнула головой:

– Увы, гномов придется забыть! В их департаменте у меня нет настоящих перспектив, а значит – спасибо за уделенное время и до свидания.

– Звучит как-то жестко.

– А какие могут быть сантименты, когда речь идет о мечте? Это назначение – прямой путь к великому политическому будущему.

– А оно тебе нужно?

– Я запланировала его еще в детстве. И я люблю придерживаться разработанной стратегии. Выбрал – иди до конца! Только тогда успех неизбежен. Поэтому не вздумай сейчас скло-

нять меня к тому, чтобы оставить все как есть, – подруга со значением приподняла брови. – Так ты только внесешь смуту в мой внутренний мир и, не дай небо, заставишь меня передумать подавать на должность. А я хочу идти вперед. И вдохновляться! И радоваться! Со своей лучшей подругой! – она сурово ткнула указательным пальцем в мое плечо.

Чтобы, дескать, ни у кого не оставалось сомнений в том, кто я такая. Приятно, когда в мире у тебя есть как минимум одно четко определенное местечко!

Между тем что-то подсказывало мне, что своими лозунгами Кадия не столько стращала меня, сколько убеждала себя.

Ведь если ты на сто процентов уверен в выбранном решении, никакие чужие доводы не заставят тебя передумать. Ты просто не будешь брать их в расчет, потому что у тебя появится то внутреннее спокойствие, которое может заставить саму вселенную провернуться. И, уж конечно, оно легко отфильтрует страхи других людей – те, что они так рьяно переносят на тебя…

Но если друг просит порадоваться вместе с ним, а ты вместо этого начинаешь промывать ему мозги – ты не друг, а какая-то поганка. Поганок в Смаховом лесу и так до задницы, так что не стоит пополнять их ряды. Успеем еще обсудить все!

В конце концов, от того, что Кадия подаст заявку на повышение, хуже не будет.

Мы нырнули в последнюю арку зеленого лабиринта и буквально вывалились на праздничную площадку.

Вот это да! Хоть я и ожидала сказочного праздника, но та красота, в которую превратили дворцовый сад, все равно заставила мое сердце завертеться на месте – как будто это *оно* пыталось получше все разглядеть.

Площадку заливал мерцающий свет сотен аквариумов с травой осомой. Стеклянные шары были вразнобой подвешены на деревьях, переливались на высоких витых стойках из белой кости, плавали на листьях кувшинок в центральном фонтане. Казалось, мириады планет слетелись на праздник. В этом изумрудном свете гости выглядели таинственно и зловеще.

Сильно пахло розами. Выращенные в оранжереях Лесного ведомства, цветы благоухали ароматом скорого лета. Гости сбивались в шепчущиеся кучки, отражающиеся тут и там в расставленных по саду зеркалах, множащих грани смыслов.

Вот ее величество Аутурни благосклонно улыбается в окружении фрейлин и фаворитов – все, как один, темноволосы, синеглазы и бледны, до пепла похожи кое на кого, если его постричь и повыдергивать серьги. Вот господа Советники – главы ведомств – снисходительными кивками отвечают на поползновения желающих подольститься. Вот сам лесной король, Сайнор, напряженно переговаривается с чужеземными послами.

Лиссай пока не пришел.

После нескольких кругов по саду Кадия кивнула мне на каких-то двух дядек:

– Они-то мне и нужны! Моя цель на вечер: охмурить этих шишек из департамента, чтобы, выбирая между несколькими кандидатами на должность, они без сомнений отдали предпочтение мне. Так что с этого момента я по своей программе, ладно?

– Хорошо. Но ты осторожнее, пожалуйста. Без фанатизма, – обеспокоенно попросила я, глядя на то, как Кадия одергивает платье, все увеличивая декольте.

Подруга успокаивающе подняла ладонь – *все в меру!* – и, уходя, шепнула мне:

– Между тем у тебя за спиной уже очередь на танец.

Увы, нет.

На самом деле за спиной у меня нетерпеливо притоптывал ногой церемониймейстер Дайен из Дома Пляшущих, опять желающий проверить мое триста первое приглашение – *ну а вдруг забыла?!*

Когда выяснилось, что ничего подобного, упрямо ношу с собой, зараза эдакая, церемониймейстер раздосадованно вздохнул и поспешил спустить гнев на одного из официантов,

наряженного в стиле лесного духа. (Во всяком случае, именно так я интерпретировала его ободок с рогами. Хотя за ним, в теории, может скрываться личная драма.)

– Я надеюсь, вы, олухи, не забыли специальное меню иллюзий для госпожи Марцелы?! Она не ест простую еду! Нет, совсем не ест! Нет, ни единой долбаной крошки! Брысь на дворцовую кухню! Живо!

Я же пошла в сторону фуршетного столика, где завела приятный разговор с молодыми аристократами, когда вдруг кто-то мягкой, но цепкой хваткой вытянул меня прочь из кружка.

Это оказался Полынь.

– Как же они меня бесят, – уводя меня в сторону, пропел он.

– Кто? – изогнула бровь я. – Мои собеседники? Или лесные комары, решившие, что званый ужин сегодня у них, а главное блюдо – щиколотки колдунов?

…Или шефы, которые подсунули тебе вчера какую-то странную думу, а, Полынь?

– Да, твои собеседники, – неожиданно кивнул Внемлющий, заставив меня удивиться. – Кстати, ты замечательно выглядишь. Впрочем, как всегда.

– Спасибо за комплимент! А ты, как всегда, невероятно галантен.

– Я-то? Врешь и не краснеешь, малек.

– У тебя научилась.

Я хотела спросить Полынь, чем именно ему все-таки досадила парочка аристократов, но тут началась танцевальная музыка. Мы с напарником стояли прямо в центре площадки.

Переглянулись. Не увидев в моем взгляде возражений, Внемлющий взял меня за руки, и мы начали исполнять старинный лесной *роонгош*. Это красивый парный танец, но с такой, знаете, непередаваемой ноткой фольклорной придури, заключающейся в том, что вы то и дело вдруг подскакиваете, вскрикиваете или хлопаете в ладоши. А потом снова чарующе и близко сходитесь. И опять – скачок! Хлопок! Поворот! У нас шутят, что эти обескураживающие моменты нужны, чтобы партнеры случайно не соблазнились друг другом. Ведь, когда у тебя над ухом раздается громкий вопль, томный взгляд, вызванный предыдущими шагами, пропадает сам собой. Не танец, а эмоциональные качели какие-то!

– Так что не так с моими собеседниками? – полюбопытствовала я.

– Оглянись, когда будет следующее кружение, и посмотри на их рукава. Попробуй разглядеть, есть ли там крохотные нашивки в виде чайников, – проинструктировал Полынь.

Сказано – сделано! Нашивки действительно были. Очень милые, надо сказать.

– Они означают, что твои собеседники – члены тайного клуба Коростови, – объяснил напарник. – А это, в свою очередь, элитный клуб сплетников. Они берут за основу реальных людей, с которыми знакомятся на светских мероприятиях, а потом сочиняют вокруг них немыслимые сплетни и небылицы, которые публикуют в частной газете своего клуба. Грубо говоря, превращают шолоховцев в персонажей скандальных историй. Придумывают им тайны, любовные связи, темные дела, находят «доказательства», обмусоливают детали их жизней и переиначивают так, как им интереснее… Королева – вернейшая подписчица. Эти двое не преминули бы вписать тебя в свой список, узнай они о твоих делах чуть больше.

– Кошмар, – содрогнулась я. – А так играть с чужими репутациями – это вообще законно?..

– В общем и целом, да, – Полынь цокнул языком. – Это обратная сторона такой замечательной и важной медали, как свобода слова. Глобально они ничего не нарушают. Если человек обнаружит себя в рядах «героев», то он может попробовать подать в суд на клевету в частном порядке. Впрочем, некоторым, говорят, скорее приятно оттого, что они становятся объектом подобных сплетен.

– Бр-р-р, – повторно ужаснулась я, и Полынь усмехнулся:

– Значит, не зря я тебя вытянул оттуда? А то в первый момент ты была как будто расстроена.

– Учитывая, что это дало мне повод увидеть, как ты пляшешь, – точно не зря!..

Когда танцы кончились, мастер Дайен залез на приступочку и настойчиво зазвенел в серебряный колокольчик.

– Ужин накрыт. Просим вас занять ваши места! – медоточиво пропел он, такой прилизанный и с такими голыми щиколотками, что мне стало его жаль.

Гости послушно двинулись к столам, которые непрерывной лентой тянулись по саду. Усадить всех гостей за один стол-переросток – значит отдать дань некоей семейственности. Все-таки это позиционировалось как «домашний» праздник, для «своих»…

– Ты где сидишь? – поинтересовался Ловчий.

– Не знаю, так и не успела посмотреть. А ты?

– Среди Ходящих – три теневика у меня с одного бока, три – с другого, так что вечер обещает быть богатым на жаркие споры, – вздохнул Внемлющий.

Я пошла вдоль стола, пытаясь найти карточку со своим именем. Кадия, вижу, уверенно смяла и швырнула через плечо чужую бумажку, чтобы сесть между нужными ей военными. В теории, я тоже могла сделать так, но…

Не выбрасывать же мне карточку кого-нибудь из теневиков? Или – еще веселее – короля или королевы, между которыми должен сидеть Лис? Уверена: меня не поймут.

Большинство гостей уже расселись, а я все еще искала свое дурацкое место. Это напоминало игру со стульями, которых всегда на один меньше, чем нужно. Мастер Дайен, так и стоя на приступке, по-цыплячьи тянул шею вверх: оценивал, когда уже можно дать приветственное слово его величеству. В блеске его глаз мне привиделась задорная мстительность.

Я снова скользнула взглядом по длинному праздничному столу, украшенному папоротниками и бархатными розами. В декоративных банках присмирели светлячки, им вторили равно-выжидательные лица гостей… Среди которых, кстати, все еще не было Лиссая.

Принц так и не явился.

– Ну, тогда да здравствуют прогульщики! – решила я и деловито выскользнула из сада.

* * *

Ради Лиссая восстановили старую аркаду в восточном секторе дворца. Уходящая под курган, как бы взрезающая его костяным ножом перекрестий, аркада одним концом упиралась в некрополь, другим – выходила на мирный круглый пруд, затянутый ряской. Тоже старательно воссозданный. Вот только вместо Храма Белого огня так и темнели руины. Впрочем, весьма живописные. Возвышенные такие.

Я прошагала до середины аркады. Там, неразличимая в тени, пряталась дверь в покои принца. В нее тихонько билась молоденькая горничная, похожая на голубку:

– Ваше высочество! Вас же ждут!

– Что, не хочет идти на ужин?

Горничная подняла на меня заплаканное лицо и хлюпнула носом:

– Не знаю! Он даже не открывает!

– А хотите, я с ним разберусь? – кровожадно предложила я, и горничная, сделав книксен, с радостной готовностью рванула прочь.

Я постучалась:

– Лис, вы тут? Прием-прием!

Ответа с той стороны не последовало. Я еще немного поскреблась так и эдак, а потом повернула против часовой стрелки каменный цветок на своем браслете. С тихим щелчком цветок раскрылся, обнажая скрытую печатку в виде коронованного древа *инграсиля*. Я приложила запястье к замку на двери, и он, поколебавшись, щелкнул.

О да, вы все правильно поняли: у меня есть ключи от принцевой спальни. Люди очень по-разному оценивают этот факт, но мой комментарий остается неизменным и немного напыщенным: «Каждому из нас нужен кто-то, кому можно доверить ключ от своей берлоги. Это душевная потребность, не физиологическая».

Когда я зашла, полупустая спальня была погружена в сумрак. Принц Лиссай выделялся в ней, как привидение.

Высокий, хрупкий и зеленоглазый, тревожно-красивый, будто герой старинного гобелена, со встрепанными волосами золотисто-медного цвета и россыпью веснушек на тонком носу. Любитель просторных одежд и предрассветной тишины над островом-курганом, мечтатель, остерегающийся людей, но всегда держащий сердце распахнутым для чудес.

Сейчас Лиссай сидел на полу, лицом к декоративному фонтану в виде коттеджа с водяной мельницей, который тихонько шумел у дальней стены.

Я замерла на пороге.

Этот фонтан принцу подарила хранительница Авена прошлым летом. Лис – единственный из нас, кому довелось не только побывать в царстве Хаоса, причем в плену, но и умереть, а потом возродиться – не без моей, кхм, несанкционированной помощи.

«Это тебе, принц, – сказала Авена, вручая подарок. – Поставь его в своей комнате и постарайся больше не бродить на кромке жизни и смерти, договорились? Во всяком случае, пока я не вернусь узнать, как твои дела. Или пока тайна сама не захочет открыться тебе».

Мы с Лиссаем, предчувствуя чудо, тогда расковыряли этот фонтан чуть ли не до щепок, но не нашли никаких секретов. Сошлись на том, что истинные тайны раскрываются точно в срок – торопить нет смысла.

И вот сегодня, в юбилей Ищущего, фонтан выглядел не так, как прежде…

Что-то происходило.

Над водой, ниспадающей с мельничного колеса, клубился туман. Он перекатывался через бортик, лился на пол кудрявыми потоками и, подползая к принцу, осторожно ощупывал то узкие ступни Лиссая, то острые плечи.

Принц сидел не шевелясь, будто палку проглотив. Самое лучшее, что ты можешь сделать при встрече с незнакомой неагрессивной сущностью, – замереть, дав ей себя обнюхать.

– Тинави? – Лис, не оборачиваясь, пробормотал мое имя. – Добрый вечер. Скажите, вы тоже видите это? Или мне к-кажется?..

– Не кажется. С днем рождения, Лис! – невпопад поздравила я.

– Точно. Я и забыл. Спасибо. А у вас есть что-нибудь на случай, если эта вещь окажется неблагожелательной?

Туман уже задумчиво огибал шею принца.

– Есть! – солгала я и деловито сняла туфлю. Не ахти, но хоть что-то: с оружием сегодня во дворец не пускали.

Туман потек и ко мне тоже. Придирчиво принюхался, будто вздохнул и вдруг… исчез.

Зато от каменной чаши фонтана послышался такой звук, будто что-то тяжелое ударилось о дно. Мы с Лисом переглянулись и наперегонки рванули вперед.

Миниатюрное мельничное колесо продолжало крутиться, поскрипывая, а под ним, в тумане, пришедшем вместо воды, лежала причудливая дверная ручка. Стеклянная, многогранная, как будто бы очень старинная.

«Ты знаешь, что делать, принц», – было написано на ней сзади, на металлическом ободке.

Я смотрела на артефакт во все глаза.

Мне вспомнилось, как прошлой осенью, в сентябре, одно Ловчее дело привело меня в шолоховский квартал Новых Богачей, и я, отловив преступника, решила навестить живущего там Анте Давьера. На тот момент идея казалась довольно дурацкой – у нас с Анте не было

принято общаться тет-а-тет, за исключением случаев, когда мир соизволит рушиться, – но я все-таки притащила свою тушку по адресу Набережная Доро, дом 1… Падший хранитель открыл. И пустил. И даже налил мне кофе, после чего мы каким-то непостижимым образом умудрились прочесать языками до глубокой ночи.

Среди прочего Анте рассказал, что у каждого из шести хранителей был свой способ открывать дверь в Святилище – оно же Междумирье: таинственное пространство в виде безмятежной рощи с древней белокаменной беседкой, со всех сторон ограниченное стеной тумана.

Рэндом нырял в свою шляпу. Карл светил волшебным фонарем. Авена разрубала пространство мечом, а сам Анте – когда-то давным-давно – подбрасывал и ловил карманные часы.

– А у кого-нибудь еще, кроме хранителей, есть свои двери в Святилище? – полюбопытствовала я.

– Раньше были у наших учеников. Однако мы уже пару тысяч лет как не брали послушников. Во всяком случае, намеренно, – зевнул Анте.

И вот теперь, чем дольше я смотрела на дверную ручку, тем четче понимала, что кое-кто из богов все же решил завести себе адепта…

Принц явно подумал о том же. Кинув на меня ошалелый взгляд, он вынул артефакт из фонтана. Затем покрутил его в руках, бормоча: «Знаю ли?..» Потом вдруг решительно шагнул к ближайшей стене, потянулся к ней дверной ручкой, и…

В стене появилась идеально подходящее отверстие.

Лис прикусил губу и воткнул ручку в стену. И тотчас от артефакта во все стороны побежал рисунок – будто умелый художник краской набрасывал сначала общие цветовые пятна, а потом добавлял все больше и больше деталей.

Не прошло и минуты, как перед нами в стене высилась круглая деревянная дверь – золотистая, очень приятная на вид, с маленьким окошком на уровне человеческих глаз и с дверной ручкой ровно в полагающемся ей месте.

Казалось, дверь ведет в дом сказочного гнома, живущего под холмом.

– Значит, Авена действительно подарила вам вход в Святилище?.. – неверяще прошептала я.

Некоторые вещи обязательно надо произнести вслух, чтобы они зафиксировались в бытии, заняли полагающееся им место.

– К-кажется, да!

Лиссай повернул ручку, потянул на себя – и…

Все получилось.

Мы с принцем невольно подались друг к другу, когда перед нами открылась *Та Сторона,* знакомая нам по прошлому году. За дверью царила молочно-белая пелена, пахнущая свежескошенной травой, перцем и древесиной. Из глубины доносилось причудливое пение нездешних птиц и шорох листвы огромных, величественных деревьев – тех, чьи кроны теряются в небесах, а кору украшают руны старинных легенд…

Мир. Тишина. Безмятежность.

Святилище.

Всего несколько шагов сквозь туман – и я увижу ее. Одинокую белую беседку, затерянную в таинственной роще между мирами.

И травы склонятся, приветствуя нас с Лиссаем, и невидимый ветер пропоет забытую песню на языке великанов.

Мое сердце будто споткнулось и тотчас забилось вновь – куда быстрее, чем прежде. Опьяняющее чувство свободы и силы потянуло меня вперед. Мне казалось, я слышу шепот, зовущий меня в неизвестность: *там – твое истинное место, Тинави. Там, там.*

Все внешнее – пыль…

Я затаила дыхание в предчувствии Святилища – его неизвестных дорог, открытий и опасностей, но вдруг… Кто-то как будто шепнул мне на ухо: *«нет»*. И предвкушение сменилось страхом и отторжением.

– Что так-кое? – удивился Лиссай, когда я быстро шагнула назад от двери в Святилище.

В зеленых глазах принца отражались далекие созвездия, заглянувшие в спальню вместе с неземным колдовством.

– Я не уверена, что мне туда можно. Это все же подарок для вас.

– К-к-конечно, вам можно!.. – Лис посмотрел на меня так шокированно, будто я сказала ему, что не буду дышать, раз день рождения сегодня у него. Из-за волнения он стал заикаться сильнее обычного.

– Меня как будто… отталкивает.

Лиссай задумчиво перевел взгляд с меня на белый туман Междумирья.

Я видела, что принца тянет туда так же сильно, как и меня. Но в Ищущем не возникло этого странного сопротивления, его лицо светилось только спокойной радостью – *наконец-то мое снова со мной, я пришел, я на месте*. Я не сомневалась, что он может просто войти туда – без особых проблем.

Да и я могла, наверное, но… Какой-то червячок неправильности будто крутился внутри. *Нет. Нет.*

Тебе – нет.

– Возможно, Авена все-таки создала этот подарок исключительно для вас, – предположила я, делая еще шаг назад, на всякий случай. Лиссай нахмурился:

– Не очень мило с ее стороны, если так… Ладно. Тогда чуть позже я схожу туда сам и спрошу, что Святилище думает на этот счет, – наконец решил принц и закрыл дверь.

Она тотчас исчезла, и только дверная ручка со звоном упала на пол.

* * *

Мы с Лиссаем мчались по темным коридорам дворца.

Принц нес в руке лампу, взятую из спальни, и отблески пламени взволнованно танцевали на стенах. Тогда как центральная часть дворца утопала в праздничных огнях и музыке, здесь, в восточном крыле, царил покой.

Мне очень нравилась эта сумеречная прохлада. Фонарь высвечивал то призрачные серебристые гобелены на стенах, то плющи, затянувшие окна. Вокруг не было ни души. Лишь изредка мы встречали гвардейцев, которые стояли так неподвижно в тени, что я каждый раз вздрагивала, путая их со скульптурами.

– Я могу предупреждать вас о страже заранее, – увидев это, улыбнулся Лиссай. – К-конечно, я не помню, где именно находятся посты, но… – Он заговорщически склонился ко мне: – Как бы дисциплинированны ни были наши гвардейцы, у них есть чувства. А значит, я предвижу их появление.

– Вы очень опасный человек, Лиссай.

– Нет, пока что не очень, – покачал головой он.

Однако я осталась при своем мнении.

Лис всегда знает, какие эмоции испытывает его собеседник. И вообще любой человек в радиусе нескольких метров. Единственное исключение – боги-хранители. И я. То есть те, кого энергия унни[7] оберегает от любопытных взглядов и чтения мыслей, потому что считает, страшное дело, своими друзьями.

[7] Всепронизывающая энергия унни – то, из чего состоит вселенная и все сущее. Иногда предстает в образе теневых бликов – пятен, которые видны на изнанке век после взгляда на солнце. У энергии унни есть что-то вроде разума и чувств; некото-

На ходу принц достал из кармана плаща очки с багровыми стеклами и надел их на нос, сразу скрыв половину лица.

Он всегда носит очки, когда выходит к скоплению людей: иначе, говорит, слишком много потоков магической энергии и остатков заклинаний… Темные стекла резко притупляют пестроту мира.

Впереди замаячили двери, ведущие в сад. Двое гвардейцев по бокам синхронно топнули ногами и пиками ударили об пол:

– С днем рождения, ваше высочество!

Я тотчас вспомнила, что не вручила принцу подарок – как нельзя более уместный с учетом вновь открывшегося Святилища. Остановив Лиссая на пороге, я протянула его высочеству коробку с хрустким бантом.

– Что там? – он зашуршал оберткой.

Я хотела ответить, но тут на меня напали. Совершили, я бы сказала, покушение на убийство. Возмутительное, учитывая, что мы стояли посреди дворца.

А именно: ярко-алая ташени с предсмертным чириканьем на дикой скорости врезалась острым клювом мне в висок. Эдакая злобная птичка-суицидник. Я охнула и покачнулась. Ташени уже валялась на холодном мраморном полу – некоторые магические предметы не выдерживают контакта со мной.

– Вы в порядке? – подхватил меня Лис.

– Более чем! – Я с улыбкой потянулась за запиской.

Потому что я знала этот алый цвет. И еще я знала, что ташени нельзя посылать с другого конца света. Они работают только в Шолохе и уже километрах в ста от него барахлят. Я по диагонали прочитала письмо.

Привет.

– Лиссай, а вы не расстроитесь, если я уже сейчас покину праздник? – ахнула я. – Все равно мы сидим в разных концах стола.

(…Это если мне вообще выделили место, в чем я так и не убедилась.)

Его высочество пообещал сделать все возможное, чтобы одолеть свою потенциальную печаль.

– Я бы и сам сбежал отсюда, если бы только мог, – признался он.

А потом кивнул гвардейцам, и те с напыщенными лицами распахнули створчатые двери. Лиссай согнул правую руку в локте и вышел в сад, наполненный светом свечей и осомы, легко и покровительственно помахивая гостям. Те возликовали, сорвавшись на аплодисменты, и мастер Дайен уже взволнованно звенел в свой колокольчик, призывая всех к порядку: именинник явился.

Я же, подхватив подол платья, мчалась прочь по пустым коридорам дворца. Срочно, срочно!

Новый прогноз погоды от Тинави из Дома Страждущих: ночь будет теплее, чем планировалось.

рых людей она считает своими друзьями – преимущественно тех, кто не борется с ней и не принуждает ее к тем или иным действиям при помощи классического колдовства.

6. Останови часы

Ничто не утешает меня так, как возможность опустить десертную ложку в чужую душу.
Хранитель Рэндом

Алая записка, полученная мной во дворце, гласила: из путешествия по Лайонассе только что вернулся Дахху.

Путешествовал Дахху за компанию с Анте Давьером, который пытался таким нехитрым образом поправить свое пошатнувшееся материальное положение.

А именно: Анте решил продать свою долю в ряде иноземных предприятий. Сделать это из Шолоха не представлялось возможным, поэтому он вооружился оптимистично большим саквояжем для денег и поехал собирать золото по западным странам. По возвращении господин Давьер планировал открыть новый сезон спектакля под названием «хранитель-отступник анонимно живет в Шолохе жизнью мирного обывателя».

Может, в этот раз у него даже что-то получится… Я в него верю. Пусть и он в себя – не очень. («Когда вижу свое лицо на иконах, так прям хочется себе в глаз дать – до чего поганая рожа», – однажды вырвалось у Анте в пылу несвойственных ему откровений. Но мы оба тотчас изобразили, что это слуховая галлюцинация.)

В общем, зимой он уехал. И Дахху – вместе с ним, потому что друг хотел набрать информации для своей энциклопедии «Доронах». А что может быть лучше для сбора данных, чем путешествие с хранителем? Одну половину фактов берешь из ежедневных приключений, другую клещами тянешь из самого Анте. Что ни говори, а несколькотысячелетний мужик – это прекрасный исторический источник. Главное, его не злить. А то убить может – не впервой, как говорится.

Я мчалась на встречу с Дахху, размахивая письмом, как флагом, и радостно подпрыгивала на ходу. Иногда не поймешь, как по кому-то скучал, пока человек не вернется.

Согласно записке, Смеющийся ждал меня в квартале Старых королей. Или, как говорят шолоховцы, «на Стариках». В конце дворцового острова я притормозила, чтобы перевести дыхание, и с сожалением скользнула взглядом по магботу, пришвартованному у моста.

Магботы появились в столице не так давно. Они представляют собой небольшие деревянные лодки, на носу которых растет цветок люминария. Цветок отличается тремя характеристиками. Во-первых, он светится. Во-вторых, он разумен. И в-третьих – плотояден (о чем мало кто знает, судя по очередям в Лазарете).

Магботы созданы для госслужащих. Их легко арендовать: прыгаешь в лодку, прижимаешь ведомственную татуировку к специальной дощечке и закидываешь в пасть люминарии монетку – золотую «пятнашку», самый ходовой у нас номинал. Люминария с удовлетворенным чавканьем проглатывает золото и внимательно слушает, растопырив усики-тычинки: мол, куда тебе, путник? Ты называешь адрес – и лодочка плывет. Целый час будет тебе повиноваться. Потом замрет как вкопанная, фиг сдвинешь. Оказался посреди реки – твои проблемы. Дальше вплавь! Или клади новую монету в пасть цветка.

В общем, сплошные удобства для верных слуг государства. Завидую! Хотя я и сама «из этих», моя татуировка не работает – магии нет. Так что не светит мне лодочка – во всех смыслах этого слова.

А жаль: ведь район Стариков, усеянный каналами, будто создан для перемещения на водном транспорте. Пешком я буду долго по нему бегать, путаясь в мостах и тупиках, которые неожиданно обрываются, заканчиваясь водой. И кентавры там отказываются от заказов: слишком уж муторно, нужный поворот можно сто раз миновать, прежде чем заметишь. И не

развернешься – чересчур узкие проулки. Как-то Патрициус со мной на спине пятился целый квартал, после чего долго ныл: «Радикулит, радикулит…»

Итак, к Дахху я двинула пешком.

Начался дождик. От редких порывов ветра деревья встряхивались, как псы, и осыпали меня крошкой слезинок. На улице было тихо, стыло и холодно. Только под гребнями каменных мостов покачивались гондолы, гулко стукаясь друг о друга.

Мой энтузиазм в таких условиях быстро сдулся. Я пыталась поднять себе настроение: представляла, что я – не я, а персонаж из доброй книжки и страдаю не просто так, а по сюжету. Иллюзия, конечно, но – редкий случай – никому не приносящая зла.

Терпеть ради великой цели всегда проще, чем из-за невозможности что-то поменять.

Но тут мне повезло.

– Тинави из Дома Страждущих? – окликнул меня низкий голос. Знакомый, но так – смутно. Я завертелась на месте, не понимая, откуда идет звук.

– Я под мостом, в магботе, – смиренно объяснил человек.

Я повернулась к реке и увидела Эрвина Боу в жемчужном балахоне – священнослужителя и по совместительству информатора Иноземного ведомства. Раньше он работал в Храме Белого огня, но теперь был вынужден перейти в часовню при Академии.

– Здравствуйте, Эрвин! – удивленно отозвалась я. – А куда вы плывете в такой поздний час?

– В Академию. – Седовласый священник вздохнул: – Скоро к нам приезжает архиепископ Саусберийский, из самого Асерина. Надо, чтобы все было идеально. А у меня служки то алтарь чем-то не тем протрут, то орган так тщательно начистят, что дырки в трубах появляются. Мне тяжело их ругать – они обижаются, хотели же, как лучше. Вот, приплываю по ночам, ликвидирую последствия рьяной службы.

– Вы святой человек, Эрвин!

– Скажите это моему исповеднику, – хмыкнул священник. – Вас подвезти?

– Будет замечательно.

Мы плыли мимо квартала Новых Богачей. Окна местных особняков светились теплооранжевым: большинство шолоховцев сегодня будут бодрствовать до полуночи, чтобы посмотреть праздничный фейерверк.

– Кстати, об архиепископе… – Эрвин погладил короткую бороду, – Тинави, могу ли я обсудить с вами одну проблему? Чисто гипотетическую, конечно.

– Легко! Гипотетические проблемы и гипотетические решения – мой конек. Называется невроз. Что такое?

Эрвин пожевал губами, прежде чем скромно проговорить:

– У его высокопреосвященства Ноа де Винтервилля, скажем так, далеко не самый лучший на свете характер. Возможно, самый худший характер, да простят мне боги такие слова. В общем, есть шанс, что кто-нибудь из наших служащих в какой-то момент потеряет накопленную годами мудрость и поддастся греху сквернословия или даже рукоприкладства. Скажите, в этом случае для закона имеет значение, остановим ли мы такое нарушение сразу или позволим греху сначала осуществиться?

– Вы что, подпольно планируете избиение архиепископа?! – подавилась словами я.

– Конечно, нет! – ахнул оскорбленный Эрвин. – Просто поверьте: всякий раз, когда приезжает Ноа, кто-то пытается сломать ему нос. Я начинаю думать, что провидение хочет, чтобы однажды это случилось. Потому и спрашиваю. Гипотетически…

После того как мы обсудили все гипотетические последствия гипотетической драки и я отнюдь не гипотетически посоветовала Эрвину держать своих служек в гипотетической узде – еще не хватало нам международного скандала! – священник парадоксально повеселел.

– Спасибо за консультацию, – поблагодарил Эрвин. – Буду ссылаться на вас в попытках сдержать их ярость. Кстати, вам удобно, если я высажу вас здесь?

Мы уже были на Стариках. Черепичные крыши, узкие фасады, платаны и липы – узнаваемый пейзаж этой части города. Я попрощалась с Эрвином и по крутым скользким ступеням поднялась на набережную канала.

* * *

Дахху я увидела издалека.

Он стоял на мосту Неразгаданной Потери и, перегнувшись через перила, смотрел вниз. То ли на свое отражение, что было бы странно, ибо Дахху – не нарцисс; то ли на редкую кувшинку, о которой можно упомянуть в энциклопедии.

Темно-русые волосы друга вились мягкими кольцами. Полосатый шарф бахромой цеплялся за завитушку кованого моста – но Дахху узнает об этом, только когда попробует уйти, а шарф остановит его жестким удушением. Теплые брюки, кремовая куртка, сумка через плечо, набитая тетрадями и перьями, – все привычное. Вокруг друга рябила голубоватая сфера атмосферного купола – вместо зонта.

Я подбежала к Дахху со спины.

– Хей-хей! – прокричала я ликующе.

Купол мгновенно лопнул. Дахху подпрыгнул, чуть не перевалившись через перила.

– Гурх! – выругался он на шэрхенлинге (ему кажется, что ругаться на чужих языках – это не так грубо, как на своем. Даже не представляю, как он выкручивался в путешествии).

После этого Дахху – лекарь, энциклопедист и добрейший человек всех миров – все-таки обернулся. Темноту канала озарила его робкая улыбка, будто неуверенная в своей правомочности.

Я с места в карьер бросилась в бой:

– Что мне сделать, чтобы ты больше никуда не уезжал? Обновить ассортимент библиотек? Сымитировать чуму в столице? Изобразить убийство Кадии? Небо голубое, Дахху, ты хоть понимаешь, как холодно в Шолохе без тебя?

Он развел руками:

– В зимнем Норшвайне холоднее. Да и Тилирия в феврале не фонтан… Знаешь, это только звучит несерьезно – плюс пять градусов. А на деле у них море и такая влажность, что дубеешь мгновенно. Анте был очень недоволен. Нам пришлось провести там две недели, пока он разбирался с деньгами, и под конец я уже жалел, что составил ему компанию – так замерз…

– То есть ты скучал не по нам, а по погоде. Классно, – цокнула языком я.

Дахху покачал головой:

– Про вас я вообще молчу… По-настоящему важные вещи не говорят вслух.

Я удовлетворенно кивнула. Так-то лучше! А то – мерз он, видишь ли.

Друг окинул взглядом высокое черное небо, подтекающее дождем, мое шелковое платье, подумал и вытащил из сумки обычный зонтик. Мгновение спустя мы уже вместе стояли, опершись о перила моста. Усилившийся дождь тихо барабанил по прозрачному зонту, рассчитанному на троих.

Вид на канал открывался короткий, но восхитительный. Золотые слитки света – дар фонарей – тяжело качались в темной воде. По обеим сторонам мозаичной набережной густо росли сливы – такие же безалаберно ранние, как вишня под моим ведомственным окном. Розовое облако лепестков укутало все сказочной дымкой, будто слегка светящейся в ночи. На душе было тепло и грустно одновременно – вечная магия весеннего дождя.

Дахху протянул:

– На самом деле мы можем куда-нибудь перейти.

– А Кадию мы не ждем? – я удивилась.

Друг опустил глаза. На мост порывом ветра швырнуло горсть сливового цвета. Дахху подобрал один цветок с витых перил моста и, понюхав его, рассеянно покрутил между пальцами.

– Знаешь, в чем главная прелесть путешествий? – спросил он, бросая цветок в воду.

Любого другого я бы мигом оборвала: «Слышь ты, от темы не увиливай!», но Дахху всегда заходит издалека. Не потому, что хитрый, а потому, что по-другому не умеет. У этого парня в голове такая каша из чувств, надежд, сожалений, планов и воспоминаний, что даже мне не снилось. Ухватить нужную ниточку – уже подвиг. И неважно, что придется размотать весь клубок. Тише едешь – дальше будешь, как говорит мастер Улиус.

Дахху улыбнулся. Вокруг его фисташковых глаз с опущенными внешними уголками побежала рунопись морщинок, неожиданно густая для молодого человека.

– В путешествиях ты получаешь новую жизнь взамен старой, – сказал друг. – Я думаю, мы принадлежим нашим городам не меньше, чем они – нам. А то и больше. Уезжая надолго, ты оставляешь после себя брешь. Какое-то время город держит за тобою место, но потом… потом заполняет его чем-то еще, и ты становишься чужаком. Вернувшись, ты все видишь по-другому – не только из-за приобретенного опыта, но из-за того, что ты – больше не часть этой мозаики. Ты обладаешь уникальной возможностью быть внутри и вовне одновременно – прерогатива призрака, туриста… Но это состояние очень недолгое. Ты понимаешь, о чем я? – вдруг забеспокоился Дахху.

Я кивнула:

– Еще бы! Когда ты возвращаешься, те, кто тебя помнит, будь то люди или улицы, сразу бегут к мирозданию ябедничать: «Он снова тут! Эй, освобождай местечко!» И оно, поворчав, соглашается. И лепит тебя на прежнее место, протирает тряпочкой, приговаривает: «Ишь, каких себе оттенков приобрел, а ну, верни нормальный цвет, гаденыш!» И все. Ты опять свой. Дело пары дней, а то и меньше. Но при чем здесь Кадия?

Дахху пожал плечами:

– Кадия – первая бегущая из твоего примера. Из лучших чувств она так тряхнет мироздание, что оно впишет меня в Шолох без очереди. Рядом с ней я сразу стану Дахху из Дома Смеющихся – со всем причитающимся мне грузом прошлого, настоящего и будущего. Кадия быстро укажет мое потерянное место. А мне хотелось бы еще немного побыть загадочным незнакомцем, прости столь пошлое определение.

– И как столица незнакомцу? По вкусу? – с улыбкой откликнулась я.

– Самый красивый город на свете – теперь я знаю наверняка. Оказывается, куда приятнее жить здесь, когда у тебя были варианты, – и ты все равно выбрал Шолох. Раньше мне недоставало этого чувства, хотя я даже не догадывался о потребности в нем.

– Здорово. А что насчет Анте? Ты пишешь, он еще не вернулся – почему?

– Сложно сказать. Он вдруг решил, что ему надо срочно разобраться с одним делом, и уехал из Тилирии в Восточный Хейлонд.

– К вампирам? Это с какой радости?

– Да вот не знаю… Анте не стал вдаваться в подробности. Темнит, как обычно, – Дахху развел руками. Потом улыбнулся: – Ну или я задал ему слишком много вопросов по «Доронаху» и Анте сбежал, чтоб в кои-то веки помолчать!

Часы во всем городе начали отбивать полночь. Как всегда – вступали поочередно, неспешно, то тут, то там присоединяясь к золотому говору времен. Общему хору существенно не хватало весомого «бом-м-м» от Толстяка Бенджи…

Я подпрыгнула:

– Стоп! Дворец! Дахху, где дворец?!

– Что? – обалдел друг.

– С какой стороны от нас дворец?! – Я завертелась на мосту юлой. – Я совсем запуталась в этих праховых каналах!

– Там, – Дахху пальцем указал куда-то вбок. Друг на Стариках ориентировался превосходно.

И тотчас, как по приказу, над зеленой даже ночью шапкой леса взорвались фейерверки. Один, другой и третий, пятый и двадцатый – расцветили Лес до самого моря. В окошках домиков вокруг замаячили силуэты горожан.

– Государственный бюджет горит… – вздохнул Дахху.

– С днем рождения, Лиссай! – заорала я прямо в небо, прижав ладони рупором ко рту.

Фейерверки взрывались, и никакая морось была им нипочем. Последняя батарея заполнила небо всполохами огненных цифр… Вернее, всего одной цифры: огромная «пятерка» зашипела, засвистела над столицей, сложившись из тысяч маленьких огней.

Ярко-красная, будто кровь. Что-то было в этой «пятерке» такое, что мурашки стайкой пробежали по моей спине. Повисев над городом несколько долгих секунд, цифра осыпалась градом искорок, и все стихло.

Я тряхнула головой, избавляясь от неуместного ощущения ужаса. Странно…

– Откуда вообще тут пятерка?

– А сколько лет принцу? Может, была еще одна цифра, но не взорвалась? – Дахху тоже было как-то неуютно.

– Лис наш ровесник, так что все равно не подходит по возрасту.

Мы переглянулись.

– Ну, никто не застрахован от ошибок, да? – сказал Дахху, когда мы пришли к молчаливому соглашению: не строить теории заговора на пустом месте.

– Никто, – поддержала я. – Ох, чувствую, открутят завтра мастеру Дайену голову за недосмотр!

Поведя носом, я вдохнула горьковатый запах взрывательных порошков, разлившийся над столицей.

– Итак, салют мы посмотрели, философские дебаты открыли, – сказала я. – Что теперь, господин чужак? Чем хочешь заняться в свой первый неавторизированный вечер в столице?

Дахху робко улыбнулся:

– Пойдем и сделаем то, что можем сделать только без Кадии?

– А я боялась – ты не предложишь!

* * *

Три часа ночи мы встретили на могиле родителей Дахху.

Да, Кадия никогда сюда не приходила – слишком грустно. И, будем честны, немного странно. Ведь Дахху не знал ни отца, ни мать. Они погибли слишком рано. Конечно, бабушка, госпожа Эльша, много рассказывала о них внуку, но… Это были будто истории о чужих людях. Дахху не мог скорбеть о них по-настоящему – и страшно винил себя в этой «черствости».

– Я должен их любить. Почему я не могу? Что со мной не так? – спрашивал он когда-то. Я неизменно качала головой: я не знала.

Потом Дахху перестал спрашивать об этом меня. Себя – вряд ли.

Мы несколько раз в год приходили в Призрачную Рощу. Это было скорее похоже на чьяговскую медитацию, нежели на *правильный* визит на кладбище. Но мне хотелось думать, что родителям Дахху все равно приятны гости.

Ведь энергия унни, из которой мы все состоим, никуда не девается после смерти. Она перетекает, меняет форму, живет иначе. И наверняка ей радостно от того, что кто-то помнит

и *это* ее воплощение – двух путешественников-Смеющихся, убитых бешеным волкодлаком. Пусть даже помнит так смутно и стыдливо, как Дахху.

Призрачная Роща располагалась на макушке невысокого лесного холма. В низине под ним плескалось море тумана, перемежаемого болотными огоньками. Наверху туман редел, и при свете щербатой луны можно было охватить взглядом все кладбище.

Тут были заброшенная часовня с запертой железной дверью, увитая виноградом; надгробные камни и склепы, покрытые мхом; серебристые деревья; домик смотрителя и, конечно, привидения.

За годы наших посещений мы уже узнали, кого из них как зовут, – подсказал кладбищенский смотритель. С нами призраки не контактировали, предпочитая держаться поодаль: прятались за соснами и осторожно выглядывали из-за надгробий. Ближе всех к нам решался подплывать призрак по имени Стерва Бетти: на вид – десятилетняя девочка. Ее окружала гнетущая аура боли и горькой обиды… Бетти появилась на кладбище прошлой осенью.

– Что с ней такого случилось при жизни, что в столь юном возрасте ее называли Стервой? – поинтересовалась я как-то у смотрителя.

– Она сирота была, приютская. Мало ли, – тот с чувством поскреб в затылке. – Хочешь – спроси.

Но каждый раз, стоило мне посмотреть на девочку, ее зеленоватый силуэт мгновенно растворялся в ночи.

Бетти отказывалась общаться.

– Я хотел бы посоветоваться с тобой, – вдруг сказал Дахху, выдергивая меня из сонного ничегонеделанья.

Друг сидел перед сдвоенным надгробным камнем:

Лира из Дома Смеющихся
Айреф из Дома Смеющихся

И стихотворение:

Останови часы и погаси огонь,
Переверни портрет и двери в дом закрой.
Нас нет нигде. На севере, на юге, западе, востоке —
Нас нет. Но ты живешь. И эти строки
Пусть силу придадут пройти путь до конца.
Живи сейчас. Люби. Не прячь лица.

Я устроилась напротив: на ступеньке, ведущей к старинному склепу. Я никогда не подхожу к могиле Лиры и Айрефа вплотную. Не думаю, что это вежливо: влезать на фон их общения с сыном. Это как портить изображение имаграфа, неожиданно вбегая в комнату в момент хлопка.

– О чем посоветоваться? – спросила я.

– В поездке мы познакомились с одними мигрантами, которые занимаются караванной торговлей. Анте рассказал им о том, что я пишу энциклопедию, показал «Доронах», и им так понравилось, что они предложили мне написать биографию Марцелы из Дома Парящих – их родственницы. На заказ, как подарок. Я был так польщен, что сразу согласился.

– Ух ты! Здорово! Это наверняка поможет тебе в дальнейшем добиться популярности для «Доронаха». Ты уже будешь не абы кем, а, прах побери, крутым биографом знаменитой главы Лесного ведомства!

Но Дахху, вместо того чтобы радоваться вместе со мой, внезапно скис.

– То есть ты полагаешь, надо действительно взяться? – Он рассеянно комкал в руках бахрому шарфа. – Я думаю: может, лучше отказаться, пока у них есть время найти другого писателя?

Я нахмурилась, пряча ладони в рукава тонкой бежевой летяги: моя любимая, бирюзовая, была слишком неформальной для праздника во дворце.

– А в чем проблема, Дахху?

– Если я скажу тебе, ты не будешь смеяться надо мной?

– Конечно, нет. Смех должен быть лекарством, а не оружием. Нельзя смеяться над чужой болью. Только над своей – и лишь после того, как оплачешь ее как следует.

Дахху повернулся ко мне лицом, не поднимаясь. Туман петлял вокруг него, как белесые змеи вечности. Между мной и Смеющимся переливался красно-золотыми всполохами горячий шар: друг наколдовал его, чтобы мы не мерзли.

Дахху зажал руки между коленями.

– Тогда следует начать вот с чего. Я решил: я не буду рассказывать в «Доронахе» настоящую историю богов и срединников. Если ты помнишь, когда-то я планировал, что «Доронах» станет невероятным открытием, культовым исследованием… Но в процессе работы я стал сомневаться: хочу ли я так все баламутить? Более того, в поездке Анте пару раз спрашивал меня об этом. Без какого-либо давления! – поспешил уточнить Смеющийся, увидев, как я подозрительно сощурилась. – Он просто мимоходом интересовался, что я вставлю в такой-то раздел… И в такой-то. И когда я спросил его в лоб: «Анте, скажи честно: именно *ты* готов к тому, чтобы мир узнал твою историю?», он помолчал, а потом качнул головой: «Нет. Именно я, если хочешь знать, ни черта не готов». «Тогда я не буду писать о ней». И он выдохнул. Едва слышно, но выдохнул, Тинави.

Я почему-то очень хорошо представляла себе этот выдох. Незаметный, пытающийся спрятаться, как легкое дрожание секундный стрелки перед тем, как шагнуть на следующее деление. Колебание. Неуверенность. Злость на себя. *Ведь таким, как я, нельзя быть слабыми. Нельзя чувствовать.*

– И знаешь, я как-то вдруг понял, что спокойствие моих близких для меня важнее славы и желания раскрыть всем какую-то условную истину, – продолжил Дахху. – Я принял это решение легко и спокойно. Но вот заказ на биографию Марцелы – это как будто вторая уступка правде подряд… И это меня смущает.

Я пододвинулась поближе к костру:

– Подожди, а почему биография – это «уступка правде»? Или от тебя хотят исключительно оду, полную щенячьего визга?

– Нет, все нормально: они попросили сделать академическое исследование, без каких-либо оценок. Но я не понимаю, зачем мне заниматься этим. В чем смысл?

Я непонимающе нахмурилась:

– Хм. Для Марцелы это – подарок. А для тебя… Если честно, мне всегда казалось, что ты просто любишь научную работу. Сам процесс. Разве нет?

– Да вот, кажется, не совсем, – друг прикусил губу. – Я недавно осознал, что занимаюсь исследованиями не потому, что мне интересны загадки и их решения, а потому, что я хочу сделать мир более комфортным для других людей. Я думаю, это мой смысл, направление, в котором мне надо двигаться. Я поэтому в Лазарет пошел, понимаешь? Я же мог тогда выбрать любое второе высшее – после нашего магистра Орлина меня бы куда угодно взяли, – но целительство тоже отвечало этому внутреннему желанию… Хотя тогда я не мог сформулировать, на фига меня потянуло накладывать швы и менять повязки на чужих пролежнях. Вы с Кадией всегда считали, что я – ученый, мне бы только раскапывать информацию. Но в том-то и дело, что нет!.. Мне не нужны исследования для исследований, для – как бы это сказать – система-

тизации мира. Я хочу помогать людям через свою работу. Я хочу служить им, чтобы им было комфортнее и безопаснее. Суть в этом. И именно поэтому биография Марцелы как бы… мимо.

Дахху внезапно смутился и отвел глаза.

– Глупо звучит, да? – поморщился он. – Теперь ты понимаешь, почему я боялся, что ты засмеешься. Кажется, слова «служить», «миссия» и «смысл» вообще не предназначены для серьезных разговоров. Только как штамп.

– Они затерты, это правда, – задумчиво пробормотала я. – Но их популярность не отменяет того, что за ними стоит нечто действительно важное.

Надо же.

С одной стороны, для меня стало новостью то, что «Доронах» важен для Дахху не в качестве объекта приложения его исследовательского интереса. С другой стороны, подсознательно я как будто всегда знала то, о чем сейчас сказал друг, – ту историю с помощью людям.

Это всегда такое странное ощущение: когда что-то очевидное и элементарное, прежде ускользавшее от сознания, вдруг пробирает тебя до костей, и ты уже просто не можешь не видеть этого, хотя еще пять минут назад был поразительно слеп и уверен в своей слепоте.

Озарение. Вспышка. Ясность.

Я сложила руки на груди и откинулась назад, спиной упершись в шершавые камни склепа. Сзади что-то заскрежетало. Изумленно обернувшись, я поняла, что случайно привела в действие потайной механизм – дверь в усыпальницу открылась. М-да… Сейчас бы сюда Мелисандра Кеса – авантюриста нашего дорогого, – и уже через полчасика на траве под луной блестели бы награбленные ценности, изъятые, ибо: «А что им там пылиться-то, Ти? Мертвым не пригодятся».

Но на кладбище Призрачной Рощи сидели носатик Дахху и дайте-мне-поспать-Тинави. И, следовательно, ни в какой склеп мы не полезли, бурным подземным приключениям предпочтя философское «Доколе?!».

Подождав немного нерасторопных приключенцев, склеп с удивленным скрипом закрылся. К таким героям его не готовили.

– Так что скажешь? – спросил друг.

Я развела руками:

– Если ты хочешь знать мое мнение, я действительно считаю, что тебе стоит написать биографию Марцелы. Во-первых, ты уже согласился, и не очень-то симпатично идти на попятный без веской причины. Во-вторых, откуда ты знаешь, кому сможет помочь это исследование?.. А в общем и целом оно сочетается с твоими интересами, как мне кажется.

– Хорошо, – друг серьезно кивнул. – Согласен. Я напишу ее.

Потом поднялся, раскрыл сумку и, порывшись в ней, протянул мне стопку бумаг:

– Тогда ты могла бы найти эту информацию в вашем Архиве?

Я лишь удивленно подняла брови.

Дахху объяснил:

– Госпожа Марцела провела юность в Иджикаяне. Документы хранятся в Иноземном ведомстве, и у меня нет допуска. Поможешь?

– То есть на самом деле ты, гад такой, уже понял, что берешься за биографию, когда обратился ко мне за советом.

– Конечно, нет! Но предварительное исследование обязательно еще до принятия решения. Потому что как иначе это решение принимать?

– Наобум, дорогой, наобум. С помощью интуиции, печенки, селезенки, сердца, попы, шестого чувства и что еще там у кого гипертрофировано. Именно так и живут нормальные люди, – буркнула я, забирая документы.

Пора было уходить с кладбища. Дахху на прощанье коснулся рукой надгробного камня, что-то тихо шепнул ему.

Мы медленно пошли вниз по склону, погружаясь в туман. Крохотные точки болотных огоньков метались перед нами, разбуженные и перепуганные. В руке у Дахху болталась керосинка – живой оранжевый огонь в глубоком море мартовского мрака.

Когда мы спустились в овраг под холмом и уже собирались свернуть к дороге до центра – деревянный указатель едва просматривался сквозь туман, – я дернула друга за рукав:

– Что это? Вон там, видишь?

Вдалеке, между черными силуэтами сосен, багровело большое пятно.

– Не знаю.

– Подойдем поближе? Я все чувствую неловкость перед тем склепом. Хоть тут поведем себя порядочно по отношению к тайне.

– Ну… давай, – неохотно протянул Дахху и, покрепче взяв меня под локоть (конечно же, чтобы *я* не боялась), пошлепал по влажной траве к пятну.

Крадучись мы пробрались меж сосен. Вблизи стало видно – костер. Вокруг него плясали люди, человек пятнадцать. Вернее, не только люди, но и гномы, эльфы, даже один тролль… Плясали они так, что были похожи скорее на животных – кривые, поломанные фигуры, рваными тенями отражающиеся на земле. Да еще и голые.

Ритуал проходил в полной тишине.

– Гадость какая, – скорчился Дахху.

– И не холодно им! – подивилась я.

– Кто это такие?

– Культисты Жаркого Пламени. Странные, но, говорят, безобидные ребятки. Новое модное веяние на ниве религии.

– Ужас, – Дахху покачал головой. – А насколько модное? В «Доронах» включать?

– Обязательно. Можешь даже поучаствовать – тебе не впервой всякие сомнительные пляски. Только изображаешь недотрогу, а сам-то…

Дахху ткнул меня локтем в бок. Я засмеялась, сразу оборвав себя – не стоит шугать культистов! Они ж, того, друзей так ищут. Благая цель. А я напложу им комплексов, всю малину попорчу…

Мы тихонько отвернулись и побрели прочь сквозь ночной Смаховый лес. Беззвучная пляска продолжалась у нас за спинами, дикая в своей серьезности.

Над головами крутились огоньки, напоминая шутихи полуночного фейерверка. И все же… Ну неоткуда там было взяться цифре «пять»! Странно это.

7. «Жухлые яблочки»

Хороший день убийством не испортишь!
Мастер Улиус Чобчек

В понедельник я отправилась в Иноземное ведомство затемно, еще до зари. То, что я планировала, было достаточно громкой штукой, и чем меньше людей вздрогнет и поперхнется, став свидетелями сего действа, тем лучше.

В главном холле, уютно свернувшись на беломраморной скамье, вьющейся вокруг фонтана, дремал Гамор – один из двух близнецов-Ловчих с моего потока. Невысокий, кудлатый и чернявый, Гами накрылся собственным плащом и издали напоминал могильный холмик. Он был дежурным сегодня, и лучше бы к рассвету ему пробудиться, чтобы не получить по голове за сон на рабочем месте. Так что я с чистой совестью разбудила его и попросила о помощи.

– Неплохо, ох непло-о-охо! – сонно, но воодушевленно бубнил Гами, ползущий за мной на второй этаж чуть ли не в обнимку с лестничными перилами. – Всегда мечтал тут что-нибудь расколошматить. А камерар действительно дал тебе разрешение? А шеф нас не грохнет за такое? А можешь не рассказывать Полыни, что я помогал? Вдруг ему все-таки не понравится твоя идея! А меня он терпеть не может с тех пор, как я случайно запер его в подвальной камере, обитой антимагическими металлами… Ну подумаешь, забыл! Всего-то на два дня! А он до сих пор помнит.

Я не стала говорить, что это помнит не только Полынь, но и вообще все ведомство. Особенно свежи воспоминания у тюремного ключника – его чуть не пришибло железной звуконепроницаемой дверью, которую Полынь все-таки выломал после двух суток заключения.

Мы зашли в мой новенький кабинет. Он был столь же пустым, как в пятницу. Детективная доска с желтой бумажкой «Мы все…», деревце в кадке, стол, замшевое кресло и задвинутый под них саркофаг – вот и вся уютная обстановка.

Саркофаг весьма впечатлил Гамора. Узнав, что тот настоящий, коллега проснулся окончательно и с интересом полез под крышку – мумия встретила гостя безмятежным молчанием древних глазниц. Потом мы все втроем задумчиво уставились на западную стену кабинета.

– Ну, поехали! – Гамор начал выплетать заклятье Периголлы.

Он поочередно сгибал и разгибал фаланги пальцев, разворачивал ладони, интенсивно крутил головой – со стороны казалось, будто в него вселился демон. Между руками Гами нарисовалось темно-серое облачко. Оно пухло и набирало плотность, а потом, по резкому выкрику *«Дра!»* – метнулось в схему, нарисованную на стене.

БА-БАХ!

Поток энергии спиралью пронесся по кабинету, растрепав мне волосы, обернув широкие штанины вокруг лодыжек, раздув бинты мумии в саркофаге. Кабинет вздрогнул, а вишня за окном недовольно застучала по стеклу.

Когда пыль немного осела, оказалось, что в стене у нас появилась не предполагавшаяся шикарная арка, а… дыра. Кривенькая такая, душевная и весьма узкая. Я пролезу, а вот мастер Улиус – вряд ли.

– Ой! – смущенно квакнул Гамор, покраснев до самых ушей. – А почему у меня так плохо получилось-то?

Искренность, с которой был задан этот вопрос, вызывала сочувствие. Я поспешила заверить Гами, что он молодчина, а потом предположила:

– Наверное, ты набрал недостаточно энергии? Хотя нет: взрыв был мощным. Может, часть унни вылилась куда-то еще?

– Ищем вторую дыру, да? – кисло предположил Гами.

Мы заозирались, пытаясь сквозь пыльную взвесь разглядеть, что происходит вокруг, как вдруг…

– Тинави! – очень знакомо и патетически воззвали с той стороны.

Гамор позеленел:

– Ты не предупредила, что он будет здесь!

Я хотела ответить, что и сама не знала, но приятеля уже и след простыл: только в щель между хлопнувшей дверью и косяком попал атласный краешек плаща, мгновение спустя с треском вырванный на коридорную волю.

– Малек!!! – воззвали вновь, построже.

Упс.

– Привет, Полынь! Ты во сколько вообще на работу пришел?! – сглотнула я, пробираясь сквозь дыру в родной тридцать второй кабинет. И обескураженно продолжила: – А, так ты и не уходил…

Многоуважаемый господин Полынь из Дома Внемлющих, лучший детектив королевства и опаснейший агент контрразведки, сидел, нахохлившись, поджав острые коленки и натянув одеяло аж до подбородка, на шаткой раскладушке в углу.

Судя по всклокоченным волосам, ошалевшим глазам и отпечатку подушки на щеке, спал он тут. Сладко и крепко. Но недолго.

Наши взгляды скрестились, и Полынь негодующе подтянул одеяло еще чуть выше.

– Ну и зачем ты учинила бардак в моем кабинете? – напарник скорбной дланью указал на пыльную крошку под моими ногами.

В ответ на это моя длань, не менее скорбная, поочередно обвела высокие стопки старых газет на полу; горы неразобранных улик; остатки сэндвича на столе; два стеллажа, стоящих странным полубоком, и другие свидетельства того, что беспорядок тут был и раньше. Впрочем, родной такой беспорядок. Уютно-домашняя детективная помойка, которая однажды непременно доберется до потолка, – и все в ведомстве уже делают ставки, когда же это случится.

Полынь высоко задрал подбородок:

– Это, вообще-то, не бардак. Это порядок, просто высокоорганизованный.

– Прости, – вздохнула я.

Ловчий зевнул. Сонное аристократичное негодование на его лице сменилось привычным раздолбайским прищуром – обманчивой штукой, заставляющей тебя думать, что Полынь – безобидный богатый эксцентрик из кварталов, где любят курить бамбук.

– Я так понимаю, это и есть твой способ «интересно» разобраться с раздельными кабинетами? – Внемлющий приподнял бровь на идеально выверенный сантиметр.

– Ну ведь ты сам сказал «удиви меня»!

– М-да. Мне надо выбирать выражения.

– А мне надо заклеить дыру?..

– Боги-хранители, нет, конечно. Она великолепна. Тем более сквозь нее уже что-то ползет.

– Что?.. – Я изумленно обернулась: – Мумия!!! Небо голубое… как?!.

«Впрочем, – сообразила я мгновение спустя, – теперь понятно, куда ушла недостающая часть унни».

Такое бывает: внутри древних мумий теплится остаточная энергия погребальных ритуалов, которую можно целенаправленно пробудить, и тогда мумия оживет. Она будет глуповата и безобидна: начнет топтаться на месте, постанывать и делать еще что-нибудь эдакое безмятежное.

Однако глаза нашей мумии разгорелись ярко-красным. Она целенаправленно и быстро направилась к Полыни.

– Напомни, откуда это? – подобрался Ловчий.

– С блошиного рынка. Происхождение неизвестно. – Я вооружилась увесистой книгой, с опаской следя за гостьей. – Но, судя по живости, она была чуть ли не архимагом.

– Оч-ч-чень интересно, – опешил Полынь, когда мумия, ничтоже сумняшеся, легла к нему под бочок.

Продолжения не последовало. Тогда Внемлющий перепрыгнул через нежданную соседку и босиком пошлепал к подоконнику, позвякивая десятками амулетов, которые не потрудился снять на ночь. Под моим завистливым взглядом куратор распахнул окно – здесь-то не было праховой вишни!

В кабинете тотчас повеяло чуть загадочным предрассветным ветерком. Донесся запах речных водорослей, сахара и масла из пекарен, свежескошенных дворцовых газонов.

– Давай я принесу тебе завтрак в извинение за прерванный сон? – покаянно предложила я. – Или просто исчезну, спи дальше.

– С мумией в обнимку, ага, – проворчал Полынь, покосившись на незваную гостью. – Все хорошо, Тинави. Я рад проснуться пораньше: я пришел сюда вчера, чтобы в тишине поработать над шифром, – а то в поместье Внемлющих, как всегда, полный дурдом, – и в итоге уснул, ничего не добившись.

– Ты имеешь в виду шифр из свитка на Ратушной площади?

– Именно. – Полынь взял с подоконника и бросил мне свой блокнот, исписанный от корки до корки.

Я плюхнулась в кресло и задумчиво полистала страницы дневника. Дотошный Внемлющий попробовал расшифровать загадочную надпись с помощью множества кодов по очереди. Штук сто перебрал за ночь. Но ни один не подошел, получалась какая-то белиберда.

Странно.

Раз уж неведомый колдун оставляет на месте преступления записку и монету, то логично, что он *хочет*, чтобы его послание разгадали. Иначе эта эскапада теряет смысл. Впрочем, можно предположить, что послание направлено кому-то конкретно, и тогда для расшифровки нужно кодовое слово, которое знает только адресат…

– Да, я тоже пришел к этой мысли, – согласился Полынь, услышав мои рассуждения, и наколдовал себе иллюзорную чашечку кофе. Аромат у нее, впрочем, был как у настоящей и поэтому хорошо бодрил. – Сразу возникает вопрос: кому направлено сообщение? Вероятно, Ходящим: они первые прибывают на места подобных преступлений. Но я и сам бывший теневик. Я могу расшифровать то же, что и коллеги. И еще: почему взрыв на Ратуше, в чем смысл? И к чему там монета?

– А на ней ничего не было? – попыталась вспомнить я, закидывая ноги на ящик с уликами, играющий у нас роль любимой тумбочки.

– Нет. Самая ходовая монета номиналом в одну шестую золотого.

Я вздрогнула. *Одну шестую.* На таких монетах не пишут дробь: вместо этого указывают просто цифру «шесть».

– Полынь, а ты видел полуночный фейерверк на дне рождения Лиссая?

– Не видел. А что?

– Там в конце была пятерка во все небо.

Ловчий выпрямился на подоконнике так резко, будто жердь проглотил.

– Это может быть ошибкой или совпадением, потому что во дворце, в отличие от Ратушной площади, не случилось той ночью ничего криминального… – пробормотал он, как бы пытаясь пресечь свой неуместный энтузиазм.

Чужое дело – это чужое дело, не распускай руки, Ловчий.

Но самовнушение не сработало: Полынь спрыгнул на пол и начал подбирать по всему кабинету свои одежды, сапоги, недостающие амулеты.

– …Однако, думаю, не будет лишним поговорить с колдунами, запускавшими фейерверки.

Я тоже поднялась. Правда, когда мы вспомнили, который час, наши сборы слегка поутихли. Едва ли дворцовые чародеи захотят общаться в это несусветное время суток.

Зато захотел кое-кто другой…

На улице раздался классический шорох несущейся на всех парах ташени. Мгновение спустя бумажная птичка влетела в кабинет, изящно обогнув апельсиновое деревце на подоконнике.

Ташени была крупная, из плотной кремовой бумаги, с гербами дворца на крыльях (коронованное древо *инграсиль*). Да еще и говорящая – по всем параметрам первый класс на рынке летучих писем.

– «Господину Полыни из Дома Внемлющих – от Ее Величества Аутурни из Дома Ищущих. Дорогой господин Полынь, сегодня у меня снова была бессонница, и я…»

Полынь сцапал птичку, подпрыгнул к столу, распахнул ящик, швырнул ташени туда и с силой захлопнул его. Ташени продолжала что-то вещать, но тяжелая дубовая мебель не давала звукам сложиться во фразу.

Я ехидно вздернула бровь:

– Полынь! Как грубо!

Куратор яростно замотал головой:

– Наоборот. Если я выслушаю птицу, воспитанность не позволит мне оставить сообщение без ответа. Королева решит, что у меня полно свободного времени, и завяжет беседу. Мне придется либо прервать ее, проявив тем самым непочтение, либо выдавливать из себя за письмом письмо, пока терпение не лопнет. Лучше сразу сказать «нет».

– Вернее, не сказать. – Я снова покосилась на бубнящий ящик.

Бубнил он с какими-то игривыми нотками. Полынь болезненно поморщился – тоже уловил эти интонации, вымораживающие его до глубины души.

– Итак, ты теперь строжишь королеву, – лукаво наклонила голову я. – Воспитываешь.

– Не дай небо, – куратор отшатнулся. – Но это единственная безопасная тактика. Ответить на расположение ее величества я не могу. Сказать «У меня дела» – чревато. Приходится изображать, что я не получил ташени. Что с учетом пяти утра вполне вероятно. По идее, я должен спать, а птица – грустно биться в окно. Не правда ли, так это происходит у нормальных людей спозаранку? – Полынь обвинительно сощурился.

Я беззаботно засвистела, глядя вбок.

Вдруг в дверь кабинета постучались. Мгновение спустя в проеме появилась мышастая невзрачная фигура Селии.

– Вы уже здесь. Прекрасно, – сухо бросила она. Ассистентка шефа скользнула ящериным взглядом по свеженькой дыре в стене, по дрыхнущей мумии, но комментировать ничего не стала – и хвала небу.

Селия процокала тростью к столу и протянула Полыни рабочую папку:

– Массовое убийство на ферме «Жухлые яблочки». Свидетель – соседка. Час назад из дома вынесли пять женских трупов. Выдвигайтесь немедленно. Оба.

Полынь, и так заряженного на подвиги, тотчас как ветром сдуло.

Я же, всполошенная словами «массовое убийство», решила задержаться: закинула в рюкзак целый ряд зелий с полки, преимущественно лечебных. Ведь надежда умирает последней. А с хорошей медициной – и выживает иногда.

Я нагнала Ловчего только у ведомственной конюшни, где напарник ждал, пока заспанный эльф приведет нам лошадь.

– Точно одну на двоих? – уточнил эльф, повторно выглянув из-за ворот.

– Да, точно, – подтвердил Полынь, не вдаваясь в детали.

Из этого диалога я сделала вывод: мы будем добираться на ферму, используя одно из секретных запредельных *Умений* Внемлющего. С учетом серьезного дела это был разумный выбор.

Мы запрыгнули на кобылку Полыни по имени Димпл – флегматичную серую животинку в яблоках – и свернули на тихую боковую улицу.

Там Полынь размял пальцы перед колдовством и дежурно попросил меня «не шевелиться и не думать, а то разорвет». Я замерла, а вот татуировки на руках Ловчего будто ожили, расплываясь соразмерно тому, как мы втроем с покорной Димпл начали таять и ускоряться.

Скользить сквозь блеклый город, заштрихованный графитом подуставшей ночи.

* * *

Наша гонка завершилась на тихой лесной улочке к востоку от города.

Из густой дубовой рощи выныривала каменная дорожка, вдоль которой расположились частные владения: ферма «Жухлые яблочки» и два соседских участка – аккуратные домики с садами.

Было очень тихо. Слегка покачивались от ветра плодовые деревья. В зарослях черемухи пел соловей.

Я удивилась столь мирной картине. Когда слышишь про пять мертвецов, ожидаешь хоть какой-то суеты в окрестностях. А тут – редкая безмятежность. Окошки «Жухлых яблочек» мягко светились, внутри играла музыка – что-то нежное, вроде арфы. Если там произошло кровавое убийство, то я не знаю, из чего сделаны нервы местных жителей.

Полынь был озадачен не меньше моего.

– Давай сначала заглянем к жалобщику, – развернулся напарник.

* * *

Несколько минут спустя мы стояли на резном крыльце соседнего дома. Нашим свидетелем оказалась крупная и очень бойкая дама.

Отгоняя лесных светлячков, она взволнованно тараторила:

– Пять трупов! Я вам клянусь. Вы поймите: Дорхес, мой сосед, – он тернассец. И студент. Едва родители-фермеры уедут, как он устраивает вечеринки, и пару раз их компания в угаре залезала на мой участок. Я поэтому держу ухо востро – поглядываю в окна, чтобы вовремя шугануть.

– И что вы увидели на этот раз? – спросил Полынь.

– Дорхес стаскивал с крыльца женские трупы. Сначала одно тело, замотано в плащ. Потом второе. Третье… Следом вышли друзья студента. Они столпились над бедными девушками и спорили до хрипа. Я побежала вызывать вас. Пока нашла свои заготовки для ташени, пока вспомнила, как их складывать, – столько времени прошло… Потом подбегаю к окну, смотрю – а трупов уже нет. Успели расчленить! Изверги иноземные!

Мы с Полынью переглянулись. Женщина уловила наше сомнение и отчаянно зашептала:

– Да клянусь вам, были трупы! Вы что думаете – я глупая? Я не глупая! У меня лупа есть!

– У меня тоже, – сказал Полынь. – Разберемся.

* * *

Калитка фермы была открыта… Мы прошли внутрь и перед тем, как постучаться, огляделись снаружи. Ни крови, ни следов того, что кого-то тащили волоком, – ничего подозрительного.

Полынь потрогал землю возле крыльца:

– Отпечатки ботинок тоже стандартные, – пробормотал он. – А если бы мертвых несли на руках, следы стали бы глубже из-за дополнительного веса.

Мы зашли на конюшню – там были лишь спящие лошади и теплый терпкий запах. Среди деревьев я увидела яблоневого человека, но он спал, свернувшись в корнях калачиком, и я не стала его попусту будить. Сарай, свинарник… Все мирно.

Только в маленький птичник на дальнем конце фермы нас не пустил петух. Встал в дверях и раскричался:

– Ре-е-е! Ре-е-е!

Впрочем, пять тел бы туда все равно не влезли.

В главном доме нам долго не открывали, хотя стук услышали сразу: арфа захлебнулась песней и повисла тишина. Взволнованные шепотки, топот, и вот – в щелочке появился смазливый юноша с типично тернасской белозубой улыбкой.

– Здравствуйте… – испуганно протянул он.

От него слегка пахло запрещенной ягодой грындой, и мы с Полынью переглянулись. Возможно, соседке не понравилось именно это, но на вызов об убийстве мы среагируем быстрее, вот она и приврала.

Полынь представился, предъявил татуировку Ловчего и объяснил, зачем мы здесь. Губы студента изогнулись грустной скобкой:

– Дело в том, что госпожа Цайра очень не любит, когда я собираю друзей. Постоянно что-то выдумывает. Конечно же, мы не убивали никаких девушек! Даже не знаю, как можно такое сочинить. Надо перед следующей вечеринкой занести ей пирог. Чтобы она не ругалась, – и молодой господин Дорхес развел руками.

За спиной у него маячили силуэты четырех товарищей. Такие же юноши-студенты, очаровательно-беззаботные, со следами бессонной ночи на лицах.

– Можно, мы все-таки зайдем, проверим?

Дорхес сглотнул. Потом отступил, пропуская нас внутрь.

Да, вечеринка тут определенно была. На столе стояли блюда с фруктами и орешками, между ними – очень много бокалов. Подушки сброшены на пол, на диванах вместо них валяются раскрытые конспекты. Вдоль каминной полки расставлены крохотные пузырьки с различными зельями. Полынь подошел, стал внимательно читать этикетки.

– Только не трогайте! – взмолился Дорхес. – Это очень редкие зелья! А некоторые – опасные! Нам каждый миллилитр под расписку дают, чисто перед экзаменами!

Полынь кивнул и в ответ лишь сощурился на одну бутылочку из темного стекла. «Спиртовая Эссенция Туманной Лани» – было написано на ней.

– Чьи пузырьки, ваши?

Дорхес побледнел:

– Нет. Ребята принесли.

– Мне что-то нехорошо, – пискнул другой студентик и умчал в ванную. Все тактично промолчали.

– Зачем вам вообще зелья на вечеринке? – спросила я.

– А у нас пересдачи в Башне Магов сейчас идут, – Дорхес снова улыбался, теперь кривовато. – Вот, готовимся. Совмещаем приятное с полезным.

– В Башне Магов, значит… – рассеянно повторил Полынь. Затем шепнул мне: – Отвлеки их, пожалуйста, а то они так и норовят тут все передвинуть.

Это правда: один из студентов бочком-бочком двигался к конспектам, явно надеясь их спрятать, второй испуганно топтался возле зелий, третий бросал печальные взгляды на вешалку с верхней одеждой и, кажется, готовился к марш-броску в ту сторону. Мы с Полынью не могли просто потребовать, чтобы они остановились: у нас не было ни ордера, ни состава преступления.

Так, ну и как же мне их отвлечь? У них сейчас все инстинкты на самосохранение направлены!

– Апчхи, – неожиданно чихнул один из студентов, и от него, как и от хозяина дома, повеяло грындой.

Точно!

Ягодка грында – это такая нездоровая дрянь, которую некоторые студенты заваривают в чай перед экзаменами, чтобы улучшить память. И почувствовать «условно приятное» головокружение. Она запрещена, за ее употребление можно на пару недель оказаться в тюрьме. И в отличие от трупов грында тут *точно* есть.

Я развернулась и быстрым шагом пошла на кухню. Чай ведь заваривают там, не так ли?

Студенты, чуть ли не взвыв, все четверо сиганули за мной и эдак невзначай перегородили мне дорогу.

– Можно попить? – невинно спросила я, пытаясь продвинуться дальше.

– Я вам сейчас принесу! – заявил один парень, кидаясь вперед. Остальные окружили меня, не давая прохода.

Что ж, у Полыни теперь полная свобода действий. Надо только дать ему побольше времени.

– А чьи вы студенты? – полюбопытствовала я, начиная светскую беседу.

– Мастера Триждыправого.

На кухне что-то уронили, и на весь коридор тотчас завоняло грындой. Дорхес испуганно моргнул и… вдруг начал трещать без умолку, пытаясь отвлечь *уже меня*. Идеально!

– Мастер Триждыправый – худший преподаватель в Башне, так что нам не повезло, – лихорадочно докладывался студент. – Уже на первом занятии он навешал на всех ярлыки: тебя только в лекари возьмут, тебя только в некроманты, а ты готовься лизать пятки начальству в убогом хуторе… Но это ладно, у нас еще три года до диплома, и есть надежда, что этот старый хрыч успеет откинуться.

Какие добрые.

Звон на кухне повторился… Дорхес добавил скорости и экспрессивности в свой рассказ:

– А вот студенты прошлых выпусков от нашего мастера уже пострадали! И это никак не исправить! Например, был у нас один колдун-альбинос, Гординиус Сай, – и его очень, ну просто очень жестко срезали!

Я вздрогнула.

Гординиус Сай. Знакомое имя.

– Гординиус хотел стать Шептуном. Мечтал! Постоянно везде цветы выращивал, у него уже к концу обучения кончики пальцев стали зелеными, как у настоящего травника, – продолжил Дорхес. – А Триждыправый в выпускной год обозвал его «беспринципной, но живучей сволочью» и сунул работать в посольство в Иджикаяне! На десять лет! У наших стран еще не было союза, а значит, получалась работа в стане врага! Да и сейчас мало радости, особенно когда ты совершенно белокожий под пустынным солнцем! Он до сих пор там! Это же ужасно! Если бы вы знали Гординиуса, вы бы поняли, что Триждыправый ему жизнь сломал!

– Я знаю Гординиуса Сая, – сказала я, вызвав замешательство в рядах собеседников. – Точнее, знала. Мы дружили, пока он не выпустился.

– Подожди, а ты что, тоже из Башни? – опешили студенты, резко перейдя на ты. – Да быть не может, мы бы тебя запомнили! А как тебя зовут? А ты завтра вечером свободна?

Их товарищ, громивший кухню, появился оттуда со стаканом воды в руках и лицом Истинного Героя, Заныкавшего Все, Что Нужно. Остальные чуть не умерли от облегчения. Программа «паника» тотчас сменилась у них на программу «ухаживание», и когда Полынь, успевший, кажется, обшарить весь дом, пришел за мной, ребята уже и вовсе забыли о его существовании.

– Спасибо за сотрудничество, – кивнул Внемлющий, утаскивая меня от новых приятелей.

Едва за нами закрылась дверь, Полынь забрал у меня веер полученных визиток и сжег их простеньким заклинанием.

– Мы не вступаем в связи с подозреваемыми, – наставительно произнес он.

– Ни в коем случае, – на полном серьезе поддержала я. – Как твои успехи?

– Дело раскрыто.

Кто бы сомневался.

* * *

Вслед за Ловчим я углубилась в яблоневый сад. Среди деревьев уже наметилась алая нитка зари, птицы стали петь увереннее, на траве блестела роса. В тусклом утреннем свете мы с Полынью казались двумя призраками в шелках: алых и бирюзовых. Призрак побольше – сухопарый и лохматый, и призрак поменьше – лишь чуточку более мягкий в некоторых местах. Но такой же лохматый, да. Если не сильнее.

Полынь прокашлялся.

Я думала, сейчас он расскажет мне о своих выводах касательно предполагаемых убийств, но вместо этого Ловчий спросил:

– А в годы наставничества с вами действительно жил четвертый студент, этот Гординиус Сай?

– Скорее, гостил. Он часто приезжал на выходные, пока мы были на младших курсах, – уточнила я. – Гординиус был лучшим студентом в своем потоке, и наш магистр Орлин приглашал его к нам для обмена академическим опытом. Мы дружили. Точнее, сначала Кадия в него влюбилась (ну, это классика), потом я (но тоже так, ненадолго), потом Дахху… – Тут я прервалась на секунду, потому что мне в рот влетел комар, и Полынь успел повернуться ко мне с некоторым изумлением.

Было бы забавно ошарашить его какой-нибудь такой новостью, которую сам Ловчий бы проморгал, но нет.

Выплюнув мерзкое насекомое, я продолжила:

– …потом Дахху понял, что Гординиус – его единственный шанс на мужскую дружбу в обозримом будущем. Так что со второго по четвертый курс мы дружили все вместе. А потом Гординиус выпустился – он старше, – и его отправили по контракту в Иджикаян, как верно отметили наши подозреваемые.

– Он действительно был «беспринципной живучей сволочью»? – полюбопытствовал Полынь.

– Ну… – Я замялась. – Пожалуй, в чем-то да. В некоторых обстоятельствах.

– В некоторых обстоятельствах это плюс, – кивнул Ловчий. – Ведь самый полезный из принципов – гибкость.

Я вздохнула, пронзенная иглой ностальгии.

Беспринципный или нет, а Гординиус Сай был чудным парнем (ставьте ударение куда хотите, не ошибетесь). Заносчивый и бледный, всегда в черном, будто пытающийся притушить

свой свет, он выделялся в любой толпе. Он всегда тянулся наверх, очень яростно, и нередко связывался с плохими людьми, но каждый раз кое-как выкручивался из неприятностей.

Самое интересное, что при этом он был классическим «ведомым», хотя сам думал, что лидер… Из-за этого, думаю, наши с ним экспресс-романы и не зашли дальше нескольких свиданий. Ему рядом нужна была девушка-хлыст, но при этом мастер создавать иллюзию, что «ты придумал все это сам, милый». А вовсе не такая рассеянная мечтательница, как я, или честная, как молоток, Кадия.

Правда, к сегодняшнему дню мы с Гординиусом не виделись дольше, чем общались до этого. А поэтому все могло измениться.

Его действительно отправили в Иджикаян сразу на десять лет. На самом деле посольский маг – это прекрасная должность. Очень престижная. Полезная для дальнейшей карьеры. Готова поспорить, мастер Триждыправый верил, что несет своему ученику добро, но…

Какой смысл делать что-то, каким бы престижным оно ни было, если твое сердце не поет от этого дела? Свое поющее сердце – это, возможно, единственный честный ориентир в нашем шатком мире.

… И как же это странно, да? Вот есть в твоей жизни человек, и он тебе важен, четвертое звено великолепной компании, а потом бац – и все кончилось. И ты сначала такой: о, я никогда его не забуду! А потом проходит время. И старый образ стирается не только в твоей голове, но и вообще – из мира, ведь все мы меняемся, и до ужаса быстро.

Анте Давьер говорит, что время – это специальная формула для стирания идиотов. Минимум ингредиентов, максимум эффекта. Только жаль, что и хорошие люди под раздачу попадают.

Мы с Полынью дошли до конца фермы и остановились у птичника. Петух все еще стоял на пороге домика, продолжая тоскливо тянуть одну ноту:

– Реее…

– Я сейчас перечислю тебе кое-какие факты, и ты тоже разгадаешь наше дело, – сказал Полынь и стал один за другим загибать пальцы. – Во-первых, на столе стояло десять бокалов, тогда как студентов – пятеро. Во-вторых, плащи мальчиков пахли курятником. В-третьих, «реее» у петухов – это знак тревоги. В-четвертых – на диване лежали конспекты по трансфигурации. И в-пятых, пузырек с эссенцией туманной лани был пуст. А приносить с собой пустую склянку нет смысла, значит, зелье использовали сегодня.

Последний пункт не говорил мне ни о чем – я не знала, какой эффект дает эссенция… Но и первых четырех хватило с лихвой.

– Ты думаешь?.. – я покосилась на птичник.

– Я уверен.

Полынь взмахом руки шуганул несчастного петуха и распахнул дверцу в деревянный домик. Там было темно. Ловчий сплел пальцы, зажигая маленький пульсар-огонек. В его голубоватом свете мы увидели на сене пять мертвых куриц в ряд.

– Вот и наши трупы.

– М-да. Так и хочется переиначить старое выражение: что же было в начале – курица или девушка?…

– Курица, к счастью. После смерти объекта заклинание теряет силу – неспешно. Часа-двух как раз хватит, чтобы выветрилось. Соседка верно увидела: с крыльца стаскивали девушек. Вернее, куриц в облике девушек. Уже здесь они приобрели изначальную форму.

– Значит, мальчики совместили приятное с полез- ным – по своему собственному признанию. Подготовка к экзамену – и разнообразие на вечеринке. Но зачем они убили птиц? – Я посмотрела на грустного петуха, теперь безмолвно ковыляющего прочь по саду.

Вот уж не думала, что стану свидетелем драмы в птичьем царстве…

– Не намеренно, – цокнул языком Полынь. – Они просто двоечники. Ты знаешь, зачем применяют эссенцию туманной лани, горе мое?

– Если честно, нет.

– А твой Гординиус тебе не рассказывал?

– Почему сразу мой?!

– Эссенция продлевает жизнь трансфигурационному алгоритму, Тинави. Очень редкое зелье, подконтрольное, но студентам на некоторых кафедрах дают – надо же им учиться. Вот только наши мальчики не учли, что после эссенции запрещено давать подопытному настоящую еду и напитки, только чистую воду, – иначе сдохнет. А курочкам, судя по кайме бокалов, щедро наливали.

– Прах, – окончательно расстроилась я, глядя на пестрые рыжие и белые перышки, вьющиеся в темноте курятника.

– Все. Закрываем дело у соседки и зовем Ищеек. Я не хочу сам арестовывать этих придурков.

8. Роща любовников

Знать, на сколь многое ты способен, – и не знать зачем. Экзистенциальный кризис – наиковарнейшее дерьмище. Он тем сильнее, чем более думающим человеком ты был.
Доктор Морган Гарвус

Сидя на замшелом бревне в лесу возле фермы, мы дождались прибытия Андрис Йоукли и Инвернесса Дуба. Коллеги помахали нам и, не теряя времени, пошли за студентами.

Полынь как раз отвязывал свою кобылку от дерева, когда ферма за нашими спинами расцветилась веселым грохотом боевых заклятий. Тренькнула арфа, брызнуло оконное стекло…

– Небо голубое, зачем они сопротивляются? – застонала я, разворачиваясь. – Они же значительно ухудшают свое положение!

– Пепел! – Полынь бросил веревку и, гремя браслетами, кинулся к «Жухлым яблочкам». – Прах с ним, с положением, но у них есть зелья, которые…

Низкий гул поднялся со стороны дома. Коттедж подпрыгнул, с деревьев у входа слетела свеженькая листва, а на соседском участке пронзительно взвыла собака.

– …которые лучше не ронять, – со вздохом закончил Полынь.

Из печной трубы дома посыпались кусочки мха. Комковатый зеленый водопад скатывался по крыше, достигал земли, а там из него поднималась, стремительно вырастая, устрашающая фигура…

Фигура отчасти была похожа на человека, только ростом в несколько метров. Две ноги. Две руки. Вместо кожи – мох. Лицо скрыто деревянной маской с красными полосами, на голове – острые уши и ветвистые рога, на которых висят мертвые мыши.

Это был *буххшо*.

Злой дух, Зеленый Охотник, которого колдуны-Каратели используют для облав на нечисть. Если буххшо встанет на чей-то след, то не сойдет с него, пока не догонит жертву и не сожрет ее. Если не дать буххшо следа, то он начнет громить все вокруг.

Убить его невозможно. Единственный вариант – как следует спрятаться и подождать, пока он выдохнется. Через несколько часов силы выпущенного буххшо иссякают, и он превращается в камень, покрытый мхом. Вот только не все выдерживают несколько часов.

На крыльцо «Жухлых яблочек» выскочила целехонькая Андрис Йоукли. Инвернесс, судя по всему, уже скрутил студентов в доме – заклинания сменились руганью.

– Что это вырвалось?! – непонимающе крикнула Андрис, поправляя очки на лбу.

Буххшо был с другой стороны дома от нее.

– Продолжайте арест! И не ждите нас! – приказал Полынь, и мы с ним наперегонки сиганули к Зеленому Охотнику, как раз расправляющему плечи, хищно поводящему головой в поисках жертвы.

Его рога возвышались над крышей фермы.

– Не вздумай дать ему свой след, малек! – рявкнул на меня Ловчий и на полпути отнюдь не по-джентельменски спихнул меня в придорожный овраг.

– Все равно же вместе разбираться будем! – взвыла я оттуда.

Но было поздно.

Полынь уже выскочил перед буххшо, и два желтых глаза сфокусировались на Ловчем. От Зеленого Охотника к нему протянулся будто бы луч из частичек мха, и Полынь охнул, сгибаясь пополам.

А потом развернулся и бросился прочь.

Я выбралась из оврага аккурат в нужный момент, чтобы присоединиться к нему в новом забеге – на сей раз *от* чудовища.

Деревья ломались у нас за спинами, птицы вспархивали из кустов, испуганные приближением буххшо. Рассветное солнце – нежно-розовое – в такой атмосфере казалось скорее зловещим.

– Нам надо где-то спрятаться! – крикнула я. – Эта штука бегает явно быстрее нас!

И впрямь: каждый тяжелый шаг буххшо, от которого подрагивала земля, соответствовал пяти нашим.

– Идеи? – скрипнул зубами Полынь и, обернувшись, кинул в охотника сильнейшее боевое заклинание Бóостова. Ноль эффекта, хотя он попал прямо в грудь монстра.

По лицу, шее и рукам Внемлющего бежали всполохи травянистого цвета, а одежда медленно зарастала островками мха: это была *сеть,* брошенная буххшо, которая сейчас, насколько я знала, доставляла Полыни необъяснимую ноющую боль в груди. И вызывала тоску и тревогу, подбивающую жертву Зеленого Охотника на то, чтобы самостоятельно сдаться буххшо. *Ешь меня, ешь скорее.*

– Либо Фиалковое ущелье, – на ходу мучительно прикидывала я, – либо Роща Любовников!

– Роща! – решил Полынь.

Мы перепрыгнули через узкую речку, пронеслись галопом мимо одинокого лесного трактира – выглянувшая в окно хозяйка завизжала, – вскарабкались на косогор и чуть ли не кубарем скатились оттуда в величественную рощу деревьев *лоори*.

Она и называлась Рощей Любовников.

Лоори – лиственные деревья, которые почти дотягивают до размера секвой. А еще у них есть удивительный эффект: если в кроне лоори оказываются два живых существа, которые касаются друг друга, то дерево прячет их, делая невидимыми и неслышимыми. Именно поэтому Роще дали такое романтическое название.

И она так хороша для пряток.

Мы двумя бешеными белками взлетели на ближайшее лоори – узловатое, с крупными листьями и нежно-голубыми цветами – и, пока буххшо топтал подходы к роще, судорожно вцепились друг в друга.

Буххшо подошел к дереву и разочарованно взревел, не почувствовав свою жертву. Потом встал навытяжку и замер, как на посту. Не то чтобы мы надеялись, что он уйдет, но поза Зеленого Охотника и тот факт, что его лицо находилось четко на уровне ветки, на которой мы спрятались, отнюдь не вселяли оптимизм.

– Что ж, подождем, – пробормотал Полынь.

И поправил листву так, чтобы она скрыла пугающую морду.

– Я могу тебе как-то помочь с *сетью*? – спросила я, глядя на то, как браслеты Ловчего медленно покрываются слоем мха. – Больно же, наверное.

– Все хорошо, – успокоил меня Полынь. – Просто слегка тоскливо. Поверь, по сравнению с тем, что мне доводилось чувствовать в своей жизни, это ерунда. И выходить к нему, – кивок на Охотника, – предлагая себя в качестве завтрака, я точно не собираюсь. Да и не понравился бы ему такой завтрак! Одни железки, – и Полынь, фыркнув, подергал серьгу в левом ухе.

– Как знать, может, ему как раз железа и не хватает, – прикинула я. – Как думаешь, а я бы справилась с чарами этой *сети*?

– Да, – твердо кивнул Ловчий. – Но, с учетом твоей эмоциональности, ты бы переживала такой опыт куда более бурно. И вряд ли бы он тебе понравился.

Светало. Чаща наполнялась утренними шорохами, далеким скрипом колес с лесного тракта, безмятежным пением птиц. Лишь у нас в древесной кроне было сумрачно и прохладно.

Многочисленные перстни Полыни холодили мне пальцы. Мерное дыхание Зеленого Охотника парадоксальным образом добавляло уюта.

Я прикрыла глаза и прижалась затылком к шершавому стволу, ощущая тепло и запах мяты справа – от Полыни. По векам у меня ходили зеленые блики – не теневые, конечно, но тоже очень приятные. Сердце гулко билось после гонки, кровь шумела в ушах.

– Я так люблю все это, – неожиданно даже для себя сказала я. – Тайны. Погони. Всю эту безумную кутерьму. И моменты тишины между – когда все затихает и слышно, как бабочка шевелит крыльями на цветке. В общем-то, все люблю. Аж неловко. Очень жизнерадостная Ловчая.

Полынь хмыкнул и шевельнулся.

– Я тоже люблю такие паузы, – задумчиво проговорил он. – И тайны, да.

– Ну, про тайны я не сомневалась!

– А зря. Иногда мне кажется, что уж кому-кому, а не мне их любить.

– Это еще почему?..

– Потому что это был не мой выбор – стать тем, кем я стал.

Я открыла глаза. Полынь так и сидел, расслабленно откинув голову, и прядка с вплетенной цветной нитью падала ему на лицо. По сапогу полз коварный мох.

– Я вчера решил переночевать в ведомстве не только из-за того, что хотел поработать над шифром, – признался Ловчий. – Просто в поместье Внемлющих мои братья и сестра устроили коктейльную вечеринку – будучи верными подданными его величества, они считают, что день рождения принца надо отмечать минимум двое суток. Цветы гибискуса в запотевших бокалах, трюфели, артишоки и все такое. Отговориться не удалось, пришлось присоединиться к домашней вечеринке. Из-за Душицы львиная доля бесед лежала в пространстве сплетен. Когда я предложил не пачкать вечер чужим грязным бельем, разговор перешел на меня и мою работу с королевой. Через несколько минут у родственников получилась прекрасная ретроспектива моей жизни. Я не мог конкурировать с созданным ими образом. *Их* Полынь больше подходил к атмосфере светского коктейля. Свет обожает плоскость. И тогда мы скатились в перечисление личных счетов и… Я не хотел там больше находиться. Мои дражайшие братья и сестра уверены, что продажа меня Ходящим еще в детстве равносильна выигрышу в лотерею. Якобы умные люди приняли вместо меня все основополагающие решения на старте, благодаря чему я смог резко двинуться вперед, а они остались – сами по себе. «Свобода выбора» – ругательство в нашем доме. А я иногда думаю: интересно, кем бы я был, если бы из меня не сделали Ходящего?

Теперь Полынь тоже открыл глаза. В зеленом освещении было видно, что их радужные оболочки все-таки не такие чернильно-черные, как кажется обычно, – голубые оттенки то и дело закрадывались в их усталый рисунок.

– И кем же? – спросила я.

– А вот не знаю, – Полынь пожал плечами. – Потому что в итоге я именно такой, какой я есть. И любовь к загадкам и желание защищать наше королевство от всякой дряни – пусть даже привитые мне специально – стали неотъемлемой и главной частью моей личности.

Я кивнула. И вдруг вспомнила недавний диалог на Ратушной площади.

– После взрыва Ходящий подколол тебя на тему твоей иллюзорной свободы… Он говорил об этом, как я понимаю.

– Ага. Это проблема всех теневиков. Никто из нас до конца не уверен, кто мы на самом деле. Кем могли бы стать. Впрочем, – Полынь усмехнулся, – я сейчас страшно драматизирую: это побочный эффект *сети* буххшо. Ведь все люди в той или иной степени оказываются в схожей ситуации. Вы тоже не растете в пустоте. Кто-то все равно воспитывает вас, внушает вам свои идеи, говорит, что правильно и нет… До определенной степени мы все лишь продукт обстоятельств.

– Ну, – прикинула я, – думаю, при сильном желании мы можем построить что-то свое вместо того, что досталось с детства. Главное, понять, что так вообще можно. И строить не из протеста, а потому, что тебе это действительно важно.

Полынь покивал собственным мыслям, а потом задумчиво протянул:

– Согласен. Так, я могу злиться на свою покладистость, но любить загадки от этого все же не перестаю.

Разговор тотчас сменил тональность, ибо:

– Покладистость?! – опешила я.

– Ну да. До некоторой степени, – вскинул брови Ловчий.

– Полынь, ты меня прости, конечно, но я бы поставила тебя на последнее место по покладистости из всех, кого я знаю! – искренне возмутилась я. – Уверена, весь департамент горячо бы меня поддержал в этом утверждении. Да и среди Ходящих ты явно не самый милый кадр: то бунтовать откажешься, то в Ловчие уйдешь, то госпожу Тишь из тюрьмы выдернешь генеральским желанием[8]. Как твои бывшие коллеги тебя еще не угрохали за все эти звездные инициативы? Хотя, погоди, они же пытались… Причем вместе со мной, – припомнила я, укоряюще поглядев на напарника.

Он рассмеялся.

– Ладно, убедила. – Полыни надоело держаться за руки, и вместо этого он просто привалился ко мне плечом: дерево лоори такое вполне устраивало. – Будем считать, моя репутация в порядке, и никто не заподозрит меня в прогибании под систему.

– Будто тебя когда-то волновала твоя репутация!

– Скажем так: я предпочитаю, чтобы она была умеренно ужасной. Это выгодно для работы, малек.

Я смирилась с тем, что буду мальком еще очень долго.

Шли минуты, сложившиеся в полчаса. В три четверти часа. В час.

Мы продолжали сидеть в густой листве. Я читала крохотную книжечку стихов, вытащенную из кармана. Полынь кое-как вытянулся вдоль мощной ветки лоори и уснул, положив голову мне на колени. На спящей жертве мох Зеленого Охотника стал расти быстрее, безжалостно расцвечивая и острые скулы, и высокий лоб. Заметив это, я растормошила напарника, пощекотав его сорванным листочком по шее.

– Что тебе, чудовище? – почти не размыкая губ, пробормотал Полынь.

– Тут такое дело… Так получилось, что я подслушала в ведомстве один разговор. Между Улиусом и Авеном. О тебе.

Поскольку я сделала паузу, Ловчий перевернулся на спину и чуть двинул бровью, требуя продолжения.

– Они обсуждали то, что хотели дать тебе право набрать свою команду, чтобы заниматься делами эффективнее, а ты отказался, и…

– Это они попросили тебя поговорить со мной?

Полынь так резко перебил меня и одновременно сел и по-допросному схватил меня за подбородок – то ли чтобы не нарушить завет Рощи Любовников, то ли чтобы пристально заглянуть в лицо, а скорее всего, и то и другое сразу, что я сначала запнулась, а потом обиделась.

– Ты вот так, с ходу готов меня во враги записать? – горько бросила я.

Он поморщился. Рука стыдливо уползла с подбородка.

– Конечно, нет. Но все же: это они попросили?

– Нет. Я же говорю: я подслушала.

---

[8] В прошлом году Полынь получил высокое звание Генерала Улова и право попросить у лесного короля одну, но любую вещь. Полынь использовал это желание на то, чтобы госпожа Тишь – его тетушка и бывшая глава Ходящих – была выпущена из тюрьмы и отправлена вместо этого в пожизненное изгнание.

– Каков шанс инсценировки? – цепко прищурился Полынь.

Я вспомнила сцену с летающим листочком и отрицательно покачала головой:

– Крайне маленький! Не помню, чтобы Улиус прежде стремился в комедианты… Полынь. Ты расскажешь мне обо всем этом? Они действительно предлагают тебе просто набрать свою команду? Если да, почему ты отказываешься?

Полынь метким щелчком сбил незваного мотылька с капюшона моей летяги. Подумал немного.

– Моя причина для отказа от должности настолько идиотская, что я просто не хочу ее обсуждать, – наконец покачал головой он.

– Боишься, что я не пойму?

– Нет. Не люблю тратить время на чушь.

– Ты самокритичен.

– Скорее, честен.

Вдруг боххшо, стоявший впритык к нашему дереву, резко дернулся. Потом недовольно загудел, от этого низкого звука задрожала листва. Мы с Полынью застыли: я на всякий случай потянулась за пузырьком с хранительской кровью, Ловчий сложил пальцы в подготовительную маг-позицию. Гул усилился, вызывая ветер, листва полетела прочь…

– Прах, нас сейчас нечему будет прятать! – сглотнула я.

Но, к счастью, время Зеленого Охотника вышло. Он стал уменьшаться, втягивались рога и руки, и не прошло и минуты, как под деревом лежал безмятежный мшистый валун. Весьма, скажу вам, симпатичный! Отличное место для пикника, еще один плюс к туристическим достоинствам Рощи Любовников.

Полынь, несмотря на все свое спокойствие, выдохнул с заметным облегчением, когда травянистые всполохи *сети* слетели с его лица, а мох с одежды и кожи рассеялся.

Разминая затекшие конечности, мы по очереди слезли с дерева и по своим же следам отправились обратно.

* * *

Когда мы вернулись в ведомство, оно уже полнилось жизнью.

По главному холлу хаотично метались Ловчие, Ищейки, Говоруны и Указующие. Над головой носились ташени. Бумажные птички, даром что неживые, а тоже попались на удочку весеннего обострения: они выписывали мертвые петли вокруг ведомственных мостиков, нежно курлыкали и пытались заигрывать с совами, которых некоторые сотрудники используют «шика ради». Совы косились на волшебных птах с неудовольствием, а если ташени перебарщивали с непрошеным вниманием – то наподдавали им когтистой лапкой.

Хлопали полотнища гербов в высоте; светлой палитрой горел витраж во всю стену; мерно качался золотой маятник с гравировкой в виде символа Иноземного ведомства – полуразвернутого свитка и розы ветров.

Мы с Полынью дошли до тридцать второго кабинета. Ловчий повернул ключ в замке и замер, подозрительно прислушиваясь.

– Что такое? – Я подалась вперед.

По ту сторону двери слышался нестройный бубнеж десятков говорящих писем… Глаза у Полыни полезли на лоб. Он рывком отворил дверь. По всему кабинету порхали дорогие королевские ташени. Все они вещали одновременно, создавая жуткую какофонию.

– Уже скучаю по тишине рощи… – пробормотала я.

Полынь шикнул на меня, пытаясь разобрать отдельные фразы:

– «Господину Полыни из Дома Внемлющих…»

– «От Ее Величества Аутурни из Дома Ищущих…»

– «Полынь! Почему вы не отвечаете?»

– «Это безобразие, ведь я вас наняла…»

– «Полынь! Вам меня совсем не жалко?»

– «Я боюсь! Преступник расхаживает по дворцу!»

– «Зал Совета осквернили! А мои покои так близко! В нашем королевстве кто-то ведет обратный отсчет, вы знали?!»

Услышав последнюю реплику, Полынь мгновенно сбросил с себя оцепенение, шагнул в кабинет, поймал кремовую ташени и технично вскрыл ее, подцепив ногтем.

– Впервые за полгода я не рад, что запретил королеве посылать мне письма куда-либо, кроме как в этот кабинет, – пробормотал куратор, читая текст записки.

Свободной рукой он сплел фигуру отменяющего заклятия – и все остальные птички, мгновенно умолкнув, шуршащим дождем осыпались на пол, и без того усеянный бумагами вместо ковра.

– Так! Кажется, мы опоздали с визитом к дворцовым колдунам. Так что теперь едем прямиком к ее величеству, – Полынь развернул меня и чуть ли не пинками выставил обратно в коридор.

– Но я не хочу к королеве… – заныла я. – Королева меня не любит…

– Ничего, зато я тебя… – Полынь задумался, чем бы меня соблазнить: – Кофе напою по дороге! Двигай-двигай, не стой.

9. И эти гобелены, и глаза зеленые…

Меняйся раньше, чем жизнь заставит тебя это сделать. Опережай судьбу – и преуспеешь.
Из речи Марцелы из Дома Парящих «О новой политике департамента Шептунов»

Мы с Полынью мчались сквозь стройные холлы дворца.

Лес беломраморных колонн стремился вверх, притягивая взоры. Ему вторили пики гвардейцев, узкие кипарисы в кадках и столбы с королевским штандартом. Не архитектура, а полный триумф вертикальности, который мы низвергали своей возмутительно-горизонтальной беготней.

Нас притормаживал только этикет: со всеми встречными приходилось раскланиваться. Полынь отвешивал поклоны так резко, что казалось – бьется в приступе трясухи. Я, как могла, задерживалась: щедро сыпала велеречивыми приветствиями, комплиментами и прочими глупостями, столь важными во дворце. Хотя почему глупостями? Взрослея, понимаешь: даже формальная улыбка куда лучше искренней морды кирпичом.

Согласно многочисленным ташени от королевы нам надлежало прибыть в Зал Совета. Именно его «осквернил» преступник – что бы это ни значило в нежных устах ее величества.

– Знаешь, о чем я думаю?.. – Полынь скакал по пологим дворцовым лестницам, задрав подол хламиды аж до коленок.

– О том, что здесь не хватает лифтов? – простонала я.

Дворец у нас высокий, и бегать по нему – не самое изысканное удовольствие. Впрочем, даже советники как-то справляются – значит, и мы сможем!

– О том, что во время праздника основная часть охраны была оттянута в Западный корпус, чтобы обеспечить безопасность гостей. А в выходные Зал Совета пустует. Вероятно, преступник побывал здесь именно в *ту* ночь. Просто обнаружили это только сегодня.

Наконец мы оказались на верхнем этаже дворцового комплекса.

Здесь были лишь холл, уставленный величественными скульптурами королей древности, выход на балкон, густо усаженный папоротниками и плющами, лестница и, собственно, Зал Совета – законодательная святая святых Шолоха.

Именно в нем дважды в месяц собираются для обсуждения важнейших вопросов король, королева и главы десяти ведомств… В смысле, уже девяти ведомств (никак не привыкну к тому, что Ходящих понизили до «обычного» департамента)[9].

Внешне Зал Совета резко отличается от сливочно-зефирной пастилы остального дворца: он очень темный и красный – будто глухо бьющееся сердце внутри воздушного белого человечка. По форме зал шестиугольный, его купольный потолок похож на ночное небо с золотыми звездами, а стены разрисованы и украшены гобеленами со сценами охоты: грациозные дамы и господа на единорогах несутся опасной вереницей сквозь чащу – за таинственным белым зверем, чей оскал до странности напоминает улыбку Анте Давьера.

В Зале Совета множество тайников: говорят, в них спрятаны изумруды, драгоценности, свитки с позабытыми заклинаниями и даже один легендарный меч времен Срединного государства. Впрочем, как выяснилось на практике, последний слух – правда! Лиссай привел меня в Зал Совета как-то осенью и показал колонну, в которой таится этот клинок.

---

[9] Это случилось два с половиной года назад, когда король решил реформировать Теневое ведомство, но его бывшая глава Тишь из Дома Внемлющих – тетка Полыни – не была согласна и устроила кровавый бунт. Она проиграла. Теневое ведомство распустили, оставив лишь несколько Ходящих, которые теперь подчиняются напрямую королю.

– Второй из к-королей Дома Ищущих, король Нооро, спрятал его здесь, – сказал принц, тонкими веснушчатыми пальцами проведя по старому камню.

– Но зачем?

– Говорят, он боялся, что его советники решат убить его во время к-какого-нибудь собрания. По традиции сюда заходят без оружия, поэтому Нооро решил так предостеречься.

– Какой осторожный!

– Все короли так-кие. Сайнор, например, всегда носит в кармане мантии антимагический браслет, к-куда бы он ни шел. Впрочем, никто так ни разу и не решился свергнуть наш род… Не считая недавней попытки Ходящих, к-конечно. Поэтому легендарный меч до сих пор там.

– А его может вытащить только тот, в чьих жилах течет кровь Дома Ищущих? – заинтересовалась я.

– Да нет, к-кто угодно, если знает ключ.

Покосившись на распахнутые двери зала, за которыми стояли суровые гвардейцы, принц заговорщически прижал палец к губам и быстро нажал на несколько элементов орнамента в виде птиц.

– Ashhen, – шепнул он.

Часть колонны тотчас растаяла, явив за собой секретную нишу с изящным, чуть светящимся клинком… Я беззвучно рассмеялась, прикрыв рот рукой, и вскоре тайник закрылся.

Но еще большее впечатление на меня произвело королевское дерево *инграсиль*.

Инграсиль рос в самом центре зала – на специальном подиуме, накрытом стеклянным куполом. Его упругий стан вился и гнулся, ветви были похожи на руки красавицы, а вместо листьев мягко светились белые цветы. Крупные, плотные, как у орхидеи.

Вообще, инграсили – это деревья-чужестранцы. Они растут в Пустыне Тысячи Бед и в окрестностях Иджикаяна, а вот в Смаховом лесу – нет. Что не помешало шолоховцам выбрать инграсиль государственным символом.

Легенды гласят, что эти деревья живые.

Странники, заблудившись в пустыне, теряют голову от жажды. Они подходят к инграсилю в надежде пожевать его листья, пососать кору в поисках влаги. Но дерево не дает себя в обиду: оно съедает наглецов – и, получив их мысли, память и внешность, обретает нежданную свободу передвижения. Когда эффект выветривается, дерево вновь принимает начальную форму. Так инграсили бродят по пустыням…

Впрочем, я отвлеклась.

Мы с Полынью приблизились к дверям Зала Совета. Перед ними в ряд выстроились гвардейцы, недобро скрестившие пики.

– Что с вашими коллегами, дежурившими тут в субботу ночью? – без приветствий начал Полынь. – Они живы?

Нет ответа.

– Мы здесь по приказу королевы. – Внемлющий показал одну из кремовых ташени, прихваченных из ведомства. Гвардейцы покосились на печать, друг на друга, на меня – и нехотя открыли двери.

– Коллеги живы, – доложил один из них. – Они охраняли зал снаружи и не видели ничего подозрительного.

– Может, слышали что-нибудь?

– Нет. Во время праздника здесь было достаточно шумно, снизу доносились музыка и голоса. К тому же дворцовые привидения в поисках уединения то и дело приплывают на этот этаж. Они бывают довольно громкими. Плачут.

Полынь сказал «ага», и я вскинула бровь:

– Потенциальные свидетели, думаешь?

Ловчий кивнул.

– Я могу с ними поговорить?

– Если найдете, – равнодушно откликнулся гвардеец.

Я еще раз оглядела крохотный этаж. Тут все было настолько на виду, что мимо стражи незамеченной не проскользнула бы даже мышь.

– А как же террорист проник в Зал Совета? – протянула я. – Или там есть второй вход?

Гвардеец, уже понявший, что мы с Полынью не очень формальные ребята, попробовал по-свойски пожать плечами, но в доспехах у него это не получилось. Только скрипнуло что-то.

– Возможно, тайный ход? – чуть ли не облизнулся Полынь.

И, открыв створчатую дверь, пропустил меня вперед. Я шагнула через порог – и обомлела. Помните, я говорила про гобелены? Все. Забудьте. Уже не актуально.

Кто-то вихрем прошелся по Залу Совета. Содрал со стен шитье. Рваные куски материи обвисли грустными лоскутами. Под ними виднелись багряные камни стен, свидетели истории. Безмолвные прежде. Но не сейчас. Потому что преступник оставил на них послания.

Выведенные яркими красками, оскорбляющими дух старины, на стенах пестрели надписи, выполненные тем же странным шифром, что и свиток на площади. И везде – цифра «пять». Пять, пять, пять. Скачущая, дрожащая, нарисованная с завалом влево, наклоном вправо, прямая, изогнутая пятерка…

Пока Полынь водил по надписям носом, будто близорукая библиотекарша, я посмотрела на высокий купольный потолок, потом выглянула в единственное окно Зала Совета. Земля была головокружительно далеко. Вряд ли сюда забрались снаружи.

Возможно, местные стены и колонны хранят не только мечи, но и, действительно, секретные дверцы… Я пошла тихонько простукивать помещение по периметру.

– Ага! – воскликнул между тем Полынь, уже перерисовавший себе таинственные знаки и теперь ползающий по залу с лупой наперевес. – Тут есть что-то вроде следа, смотри-ка!

И действительно, на полу у стены, под значком, нарисованным гораздо выше и кривее других, – будто террорист подпрыгнул, чтобы дотянуться туда, – было просыпано немного голубовато-белых песчинок.

– Наш террорист настолько стар, что из него уже песок сыпется? – пошутила я.

– Они могли высыпаться из подошвы при подпрыгивании, – удовлетворенно заметил Полынь, осторожно собирая улики в специальный флакон. – Необычный песок. Надо будет узнать, где найти такой в Шолохе. Ходящие заметили след? – оглянулся Ловчий на гвардейца.

– Понятия не имею. Мне эти упыри-теневики не доклады… – вдруг гвардеец резко, испуганно закашлялся.

Мы с Полынью обернулись. В дверях, привалившись плечом к косяку, стояла фигура в золотом плаще и глухой маске.

Гвардеец побледнел – под цвет серебра доспехов.

– Господин Внемлющий! – угрожающе пророкотал Ходящий.

– Я здесь официально. – Полынь не глядя метнул в теневика письмо. – Королева позвала.

Тот скомкал ташени и бросил на пол:

– Нам не нужны конкуренты.

– Так давайте станем партнерами, – мгновенно отозвался Ловчий. – Вы уже разгадали шифр?

Вместо ответа теневик подошел к Полыни и, ухватив напарника за плечо, рывком оттащил от стены.

– Последнее предупреждение: отвали от нашего дела, – зашипел он.

– Значит, не разгадали, – сделал вывод Полынь. – А что, собственно, за жадность такая? Уж не замешаны ли вы сами в этих миленьких преступлениях? Как вообще можно проворонить нападение на Зал Совета? Каковы шансы, дружище, что это вы с коллегами сами решили пошалить подобным образом?

Теневик неприязненно отшатнулся:

– Ты такой же псих, как твоя изгнанная тетка, раз говоришь подобное, Внемлющий. Королевство – наша жизнь, мы не принесем ему вреда. Это вы – предатели – рассыпаете клятвы свои, будто песок из безымянных могил, переступаете через слова свои, будто…

– Да заткнись ты уже, а, – вдруг с таким презрением бросил Полынь, что даже я испугалась.

Казалось, в Зале Совета, и без того темном, потемнело… Один лепесток ингрисиля бесшумно сорвался с ветки и, кружась, полетел на пол под стеклянным куполом.

Полынь хотел добавить еще что-то, но ему помешали. Потому что в дверях зала показалась она – ее величество Аутурни.

Королева прошуршала, как кисть черемухи, и в каждом отблеске солнца на ее платье играла улыбка. Светлые волосы Аутурни волнами скатывались вдоль четко очерченных скул, обнимали покатые плечи, широко разливались у талии – на контрасте, там, где тоненькую королеву стягивал корсет. Завитки волос обрывались у скрытых подолом – но наверняка острых – колен.

И если чем-то и была Аутурни похожа на Лиссая – своего младшего сына, – то этим: колкой удлиненной грацией пальцев, запястий, локтей. И конечно, глаза – все те же глаза, зеленые озера со всполохами янтаря, будто Лес, отраженный в воде; Лес, в котором все не как у людей, вверх ногами, вверх тормашками; все обыденное нас смутит, все нереальное – предвосхищаем…

– Ваше величество, – Полынь скупо поклонился.

– Господин Полынь, наконец-то, – раздраженно бросила Аутурни. – Сколько можно?

И, как по волшебству, от этих искривленных губ вся красота ее ушла.

– Вы полдня меня игнорировали, – почти выплюнула королева.

Полынь промолчал. Гвардеец поспешил смыться – у стражей чуйка на плохое настроение монархов.

Вдруг Ходящий сделал шаг вперед:

– Ваше величество… – Гладкая маска скрывала лицо этого самоубийцы. – Господин Внемлющий сообщил, что вы пригласили его участвовать в расследовании. Вы не изволите передумать? Теневой департамент уже взялся за дело, и привлечение сотрудников из других ведомств не имеет смысла, поэтому…

– Господин Полынь врет, – отрезала королева и заправила прядку волос за ухо – белое, как ракушка Шепчущего моря.

Ходящий запнулся. Полынь удивленно вскинул бровь.

Аутурни прищурила великолепные глаза на моего напарника:

– Я не прошу вас расследовать это возмутительное дело. Я прошу вас уделить необходимое внимание моей безопасности.

Полынь моргнул:

– Уточните, пожалуйста.

– Я хочу, чтобы вплоть до поимки преступника вы находились подле меня. Как телохранитель. Когда я одна, разумеется. При людях не стоит.

– М-м-м… – протянул Полынь. – Я полагаю, королевская гвардия, специально обученная для охраны Дома Ищущих, справится с задачей лучше.

– А я хочу, чтобы этим занялись вы. – Аутурни сложила руки на груди. – Если вам перестали нравиться условия нашего контракта – можем расторгнуть его, – продолжила она, пожимая плечиком. И повела взглядом по Залу Совета. Наткнулась на меня. На мгновение задохнулась от негодования: в ее глазах явственно читалось слово «вертихвостка».

Полынь нахмурился. Расторгать контракт – отнюдь не в его интересах, ведь как только Ловчий перестанет работать на королеву, она прикажет лишить его запредельных *Умений.*

– Ваше величество, при всем уважении, как мне совмещать ваше задание с моей постоянной работой в ведомстве?

– Не знаю. Даю вам сутки: придумайте что-нибудь! В конце концов, какое-то время можно обойтись и без ночных смен: я же не прошу вас днем со мной находиться.

Полынь по-птичьи наклонил голову…

Королева ослепительно улыбнулась:

– Одна я бываю только ночью. Соответственно, и ваши удивительные услуги потребуются после отбоя. Напишите, откуда забрать ваши вещи. Для вас подготовят комнату, смежную с моей. Дверь в нее, к счастью, не запирается. Буду ждать вас завтра вечером, господин Полынь.

И она, кокетливо затрепетав ресницами, ушуршала обратно как ни в чем не бывало.

С минуту мы все молчали, обдумывая сие впечатляющее заявление.

После этого Ходящий издал неясный звук, полный злобного торжества, шагнул к Внемлющему и почти что с нежностью проговорил:

– Что ж, вот и чудненько, Ловчий. Не суй свой длинный нос в наше дело. Не то будут последствия. Но не для тебя – твоя обманная карьера и гроша не стоит, ты сам это знаешь. Последствия будут для твоего начальства, не сумевшего вовремя осадить зарвавшегося щенка. Властью, данной мне Лесным королем, я официально запрещаю департаменту Ловчих вмешиваться в наше расследование. А теперь… У вас есть пять секунд, чтобы покинуть мое место преступления, – удовлетворенно заявил Ходящий.

Я поплелась к выходу, по дороге подцепив под локоть оцепеневшего напарника. Стоило нам переступить порог, как теневик прошипел заклинание: двери в Зал с грохотом захлопнулись, прищемив полу моей летяги.

– Железнолицый козлина, – проворчала я, с осторожностью выдергивая лазурный шелк.

Полынь наконец отмер и взъерошил себе волосы с таким громким стоном, что мы с гвардейцами дружно вздрогнули.

– Малек, это моя склонность всюду искать подтекст сыграла со мной плохую шутку, или… – его голос понизился до шепота, – предложение королевы действительно звучало слегка двусмысленно?

– Ну… Я тоже люблю искать подтексты, Полынь, понимаешь.

Напарник вновь застонал, погромче. Уже с новой тональностью, явно выражающей эмоцию «едрыть-колотить я попал».

– И как, спрашивается, я докатился до такой жизни? – риторически спросил Ловчий у потолка. – Вот просто: как?

Вместо потолка ответила я:

– Как шарик – по наклонной. Учитывая, что этот прахов дворец построен по диагонали, любой бы докатился! Но, как говорится, для любого падения нужно сначала набрать высоту. И тут ты преуспел. Неудачи лишь оттеняют величие. К тому же… Это было ожидаемо.

Ловчий перевел на меня укоряющий взгляд.

– Ты вообще видел ее фаворитов? – резонно продолжила я. – Они все как твоя топорная копия. Не дотягивают, конечно. Ой, не дотягивают. Мизинца не стоят! Но тенденция очевидна.

– У меня на зубах что-то скрипит, – процедил напарник. – Кажется, это сахар, который сыплется из твоей дешевой лести.

Я нежно пропела:

– Зато, смотри, вот и вопрос с ночлегом решен…

Полынь звонко шлепнул ладонь о лицо.

* * *

Мы шли по первому этажу, когда за поворотом послышался знакомый музыкальный свист.

Только один человек позволяет себе свистеть во дворце. Остальные считают: пусть приметы и глупость, но казной не стоит рисковать.

Мелодия была старинной, фольклорной, – и я воочию представила, как принц Лиссай идет по камню пола босиком, будто по лесной поляне. Расслабленный, унесенный в дальние дали своих непонятных мыслей, в темных очках, исполосованных рыжими прядками спадающих на лицо волос.

Я сказала Полыни, что догоню его на улице, и свернула в арочный проем.

– Тинави! – увидев меня, Лиссай вскинул голову.

На мгновение мне показалось, будто по его лицу скользнула кружевная тень листвы, хотя никаких деревьев вокруг, конечно же, не было.

Принц выглядел торжественно: традиционный костюм, кремовый плащ-летяга с вышивкой в виде гербов-инграсилей, мягкие сапоги – совершенно бесшумные, в стиле чащобных магов. Голову украшал венец с дымчатым камнем.

Ищущий явно направлялся на какую-то высокопоставленную встречу, и я не могла не думать о том, как же, наверное, это странно ощущается: Лиссай среди чиновников, говорящих об очень насущных, материальных делах государства. Наверняка они обмениваются косыми взглядами и тихонечко, с облегчением выдыхают, когда Лис уходит с собрания, заскучав, – так же безмолвно, как приходит в начале.

В чем-то я понимаю этих чиновников. Мне бы тоже было не по себе от необходимости обсуждать налоги в компании подобного человека – того, кто как будто стоит одной ногой за мерцающей пеленой Неизведанного, рядом с которым чувствуешь себя таким плотным и овеществленным, что даже неловко.

Лис начал посещать государственные собрания не так давно. Он говорил, что с их помощью убивает время в ожидании того, что вернется Авена и откроет ему Святилище, как обещала.

Впрочем, Святилище уже открыто, а принц – смотрите-ка – снова чешет к политикам.

– Привыкли к ощущению власти? – пожурила я.

– Нет, – легко улыбнулся Лиссай. Давно я не видела у него такой улыбки. – Просто мне нужно, к-кажется, немного вернуться на землю. Я провел в Святилище пять дней, и они были восхитительны, но, думаю, теперь мне не помешает порция чего-нибудь повседневного.

– Пять дней?! – неверяще воскликнула я.

А потом вспомнила: точно. Ведь в туманном Междумирье с белокаменной беседкой время идет чуть ли не в десять раз быстрее, чем у нас. Пять дней там – это всего лишь несколько часов в Шолохе.

– Значит, это тени Святилища на вашем лице… – протянула я, когда мне вновь почудилось кружево листьев на высоких скулах принца. – Лис… Не хочу показаться паникершей, но вы уверены, что туда можно уходить так надолго?

– Да, – сказал он настолько твердо, что ему нельзя было не поверить.

Лис не так уж часто настаивает на своем, но, когда это случается, опции «возразить» просто не существует.

– Кстати, вы открыли в субботу мой подарок? – вспомнила я.

– К-конечно! – закивал Лиссай. – Зеленый кристалл восхитителен. Это и впрямь осколок так называемых зубов Этерны с одноименного острова?..

– Да. И если вы спрячете его под подушку, то действительно сможете управлять своими снами. Я проверила.

– И что же вам снилось? – Принц приспустил на носу очки и внимательно посмотрел на меня. – Забавно, если окажется, что мы приглашаем одни и те же сны.

Это вряд ли, конечно.

Экспериментальной ночью я дала своей фантазии волю, устроив такой дурдом, что пространство сновидений хрипело, сипело и просило передышки, но я не успокоилась, пока не убедилась, что кристалл помогает увидеть даже самые бешеные сценарии.

Вспомнив о своих дремах, я слегка смутилась и поскорее сменила тему: спросила заинтригованного Лиссая, как ему мой второй подарок. Принц в ответ демонстративно вытащил из кармана жестяную коробочку, полную конфет в шуршащих обертках, достал одну, развернул, закинул в рот и мастерски изобразил колоссальное блаженство.

– Великолепные конфеты. И, к-кажется, их количество не уменьшается, сколько ни ешь. Они зачарованные?

– Зачарованные, – подтвердила я. – А еще среди них кое-что спрятано.

– Хм… – Лиссай длинными пальцами залез в коробочку.

На дне нашелся прозрачный мешочек, в котором лежала стеклянная желтая пуговица.

Я мигом посерьезнела. Его высочество настороженно смотрел на подарок, хмурясь оттого, что не может вспомнить, почему он ему знаком.

– Это пуговица от вашей старой пижамы, – объяснила я. – Вы были в ней летом, до того как мы отправились к драконам и случилось все последующее. Анте Давьер тогда порвал ваш наряд, и пуговица отлетела в сторону. Я подобрала ее – машинально. Недавно я наткнулась на эту пуговицу у себя дома, и, когда поняла, *что* это… – Я не договорила, смешавшись.

Младший принц поднял глаза от подарка. Вот теперь он *понял*.

– Это пуговица *того* Лиссая, – ошарашенно сказал он.

– Да, – я кивнула. – *Того.* Умершего.

Зеленющие глаза Лиса подернулись дымкой. Он крутанул стекляшкой, разглядывая ее на свету.

– Я знаю, что это довольно странный подарок, – вздохнула я, – но мне кажется, что он важен. Я планировала вручить вам его и сказать: помните, в жизни может случиться любое чудо. Нет ничего невозможного. Вы – тот самый человек, который умудрился показать смерти фигу – и остаться победителем. Так держать! Вы не ведаете, насколько сильны. Но теперь, с учетом того, что Святилище снова открыто, а вы принялись так рьяно «наверстывать» прогулки по нему… Я думаю, этой пуговице подойдет и другой смысл. Будьте осторожнее, пожалуйста. Междумирье – это прекрасно. Но быть живым – еще прекраснее.

– Разве быть живым не означает делать то, что хочешь? – возразил принц. А потом с усмешкой добавил: – Иногда мне к-кажется, что вы скучаете по старому Лиссаю, но не видите, что я и есть он. Я остался прежним. За исключением тела, конечно же.

– Столько времени прошло. Никто из нас не остался прежним.

– Ну так это эволюция, а не революция… Как сын короля говорю: эволюция – это нормально.

С этим сложно было поспорить.

– Тинави, приходите ко мне, как сможете, – сказал мне Лис на прощание. – Ваши чувства явно обманули вас в субботу. Святилище совершенно точно и определенно скучает по вам.

Принц надел очки и пошел прочь по коридору, вновь насвистывая. Сначала печальная, мелодия перешла в мажор, не успел он скрыться за поворотом.

Легкие, легкие люди…

* * *

Я нашла Полынь на Мосту Ста Зверей, что ведет от дворцового острова в Верхний Закатный квартал.

Ловчий крошил в воду крендель, саркастично комментируя то, какие битвы разворачиваются за крошки между карпами и утками, плавающими под мостом. Бенефис Полыни явно был адресован двум гвардейцам – безмолвным, не имеющим право даже пошевелиться на посту. И чьи уши, кажется, уже свернулись в унылые трубочки.

Внемлющий бывает ужасно и неприцельно мстителен, когда кто-нибудь портит ему настроение. Ну, зато от дворцового шока он явно отошел!

– Ну что, накокетничалась? – прищурился Ловчий, увидев меня.

Я показала ему язык.

– Кто бы говорил, «господи-ин Полынь». Я тут видела, выходя из дворца, служанку с корзиной чернильно-черного белья, идущую в сторону покоев королевы. Мне кажется, это для тебя, милый. Они явно подбирали под цвет твоих глаз.

– Вот засранка, – фыркнул Полынь.

– Аутурни-то? – невинно поинтересовалась я.

Он молча сцапал меня за локоть и деловито потащил к Министерской площади. С устрашающей, я бы сказала, энергией, от переулка к переулку все набирая скорость.

– Мы что, таранить ведомство будем?!

– Не совсем. Но то, что мы сделаем, тоже будет эффектным!

Все в моем эксцентричном напарнике дышало азартом, когда он, наклонившись к моему уху, бормотал на ходу:

– Больше всего на свете я люблю, когда люди выдают неточные формулировки. Крути их, верти как хочешь! Иногда твоя совесть, конечно, не будет такому рада, но иногда та же совесть может прикрыть глаза. Например, когда люди, ошибившиеся в формулировке, – те еще гады. Скажем, Ходящие.

– Та-а-а-ак?

– Так вот сейчас моя совесть зажмурилась к праховой бабушке. И ты свою… зажмурь, – от души посоветовал Полынь. – И да: эссенция сулко-лаватора, запомни.

– Что, прости? – Я подумала, что не расслышала.

Но мы уже были на верхнем этаже Иноземного ведомства. Прямо перед знакомым Малым Залом Собраний. Изнутри слышались приглушенные голоса начальства.

Полынь с ноги с грохотом распахнул деревянную дверь. Я побледнела от подобного непотребства.

Мастер Улиус, Селия, мастер Авен Карлиннан и еще парочка человек, находившихся внутри и явно обсуждавших что-то важное, поперхнулись и замерли.

– Добрый день, шеф! Мастер Авен, приветствую! Селия – и тебе здравствуй! – каким-то пугающе лихим голосом воскликнул Полынь.

Он рванул к столу и потянулся вперед для того, чтобы то ли пожать руку Улиусу, то ли обнять его, – но вместо этого опрокинул на шефа его знаменитую кружку с чаем.

– Ох, пардон, я что-то не в форме, – извинился Полынь, наколдовывая в руке сгусток пламени. – Вас высушить? – и он опасно потянулся огоньком к животу мастера.

Я все никак не могла закрыть рот. Впрочем, как и все остальные.

– КАКОГО ПРАХА! – наконец рявкнул Улиус. – Полынь! Ты что, пьян?!

– Да ну вас, мастер. Я что хотел сказать… – Полынь запрыгнул на стол, задницей прямо к главе ведомства. Поелозил. – М-м-м. Так. Кажется, я не помню, что я хотел сказать.

Бледные губы Селии тронула слабая змеиная улыбка. Я рванула вперед и стащила разглагольствующего Внемлющего со стола.

– Тинави, объяснись! – слегка отойдя от шока, потребовал Улиус.

– У нас утром было сложное дело, шеф. Пять трупов – Селия подтвердит. У преступников обнаружилось много странных зелий. Боюсь, Полынь стал жертвой одного из них, а эффект наступил только сейчас. Так как раз и бывает с зельями типа эссенции сулко-лаватора.

– Сулко-лаватора?! – застонал Улиус. – Да эта дрянь тысячу лет выветривается! Ловчий, едрыть-колотить! Как тебя угораздило?! Так, ну все, значит, ты отстранен на неделю! Какого праха!

– На неделю?! – возмутился Полынь. – Да у вас здесь все рухнет без меня! Вы и трех дней не продержитесь!

– На ДВЕ НЕДЕЛИ! Пусть выветрится как следует! – взревел Улиус. – И быстро сдай мне значок, патлатая бестолочь! Заберешь в следующую пятницу! Позорище! Вон отсюда! Оба!

Полынь выложил на стол значок. Все, кое-кто не при исполнении следующие четырнадцать дней.

– Шеф, уже уходим, шеф, – успокоила я, чуть ли не на себе утаскивая Полынь из Зала Совещаний. – Извините за причиненные неудобства. Хорошего дня.

Гробовая тишина сопровождала наше отступление.

* * *

– Умничка, – бесстрастно резюмировал Полынь в коридоре, поправляя съехавшую хламиду и возвращая мышцам тонус, – а то на мне он и впрямь висел, как какая-то каракатица.

Я захлебывалась возмущением:

– А если бы они тебя уволили?!

– Да нет. Уволить того, чье имя вписали в кучу документов о планируемом повышении? Это было бы слишком позорно. Отстранение – единственная опция. Как раз то, что нужно. Потому что теперь я смогу заниматься делом террориста, а у Ходящих, запретивших делать это *Ловчим*, не будет причин устраивать очную ставку нашему драгоценному шефу.

– Еще скажи, что ты о нем заботишься. Мне кажется, мастер Улиус никогда не был так близок к инфаркту, как в тот момент, когда ты всерьез вознамерился поджечь ему штаны.

– Ну не поджег же. Сплошные плюсы.

– Ага. А заодно ты очень удачно освободил себе кучу времени для трудовых ночей во дворце.

Полынь остановился, глядя на меня, как на предателя.

– Ты не имела *это* в виду, малек! – строго воскликнул он.

– Не имела в виду что? – осклабилась я.

Ловчий вздохнул, собирая волосы в хвост.

– По-моему, наш с тобой неурочный подъем сегодня развинтил у нас какие-то шестеринки ехидства, – подытожил он. – Так жить нельзя.

– Но очень хочется!

* * *

Вечер я провела в подвалах ведомства, лениво переписываясь с друзьями с помощью Мараха – в кои-то веки отбила его у Мелисандра, привыкшего «выгуливать» мою пташку, – и ища для Дахху обещанную информацию о госпоже Марцеле из Лесного ведомства.

Нижний Юго-Западный Архив тонул в зеленоватом полумраке. Каменные своды (совсем как в винных погребах) пахли сыростью. Тут и там громоздились шкафы со стеклянными кол-

бами, наполненными туманом. В тумане – волшебном, консервирующем – хранились старинные манускрипты.

На хлипких этажерках лежали другие свитки, попроще. Среди них я откопала документы о хозяйке Лесного ведомства. Да-а-а… Информации о Марцеле у нас действительно очень много. Другу будет из чего составить биографию.

Когда я уже собралась уходить, мне почудилось какое-то движение между книжными шкафами, хотя я точно знала, что сейчас находилась в зале одна, не считая мастера-архивариуса, храпящего за своей конторкой на все подземелье.

– Здесь кто-нибудь есть? – спросила я, заглядывая между стеллажами.

Тишина. Пустота.

И вдруг мне почудилось, что за креслами я вижу хранителя Рэндома, сидящего с какой-то древней книгой, читающего ее с очень странным выражением лица. Хранителя постепенно окутывал черно-лиловый дым…

– Рэнди! – воскликнула я, делая несколько шагов вперед.

Но оказалось, что это иллюзия: то, что я приняла за знаменитую шляпу и острый профиль хитроумного бога-джокера, было всего лишь плоским грибоподобным светильником возле шкафа. Причем светильником барахлящим: клочья дыма исходили как раз от него, из маленький трещины – лопнул, бедняга. Надо будет сейчас позвать сюда камерара Варрока.

М-да, судя по этому видению, я уже просто *очень* хочу, чтобы хранители вернулись… Хотя бы кто-нибудь из них.

Не знаю, позволено ли это смертным – скучать по богам. Анте сказал бы: нет, отстаньте. Но Анте ведь тоже сейчас нет в Шолохе.

А жаль: я бы хотела спросить его о Святилище принца Лиссая. И о том, почему я тогда почувствовала такую тревогу и отторжение перед круглой дверью.

Прах. Стоп. С каких это пор я жажду советов Анте?!

Мотнув головой, отгоняя дурацкие мысли, я погасила свет в западной секции архива. Шипение остывающих сфер казалось наполненным призраками – и загадками…

10. Госпожа Ринда Шаграух исчезает

Согласно определению Башни Магов, духи отличаются от существ тем, что они либо по большей части нематериальны (однако могут иметь «плотные» аксессуары типа цепей или лампад, как бокки-с-фонарями), либо умеют наращивать и убирать свою материю в разные моменты времени (как туманные лани и призраки-ревенанты).
Энциклопедия «Доронах»

Следующим утром на втором этаже ведомства я встретила дивную процессию.

Несколько дворцовых слуг плелись по коридору. Они были как муравьи: каждый нес по тяжелому и объемному ящику, во много раз превосходившему человеческий размер. Я хмыкнула, узнав вещи из нашего тридцать второго кабинета.

Сам Полынь стоял тут же, в дверях, созерцая переезд.

Когда один из пажей чуть не выронил ношу, Внемлющий пропел заклинание Глайло и пошевелил двумя пальцами, изображая «походку». Из-за плеча Полыни вынырнула оживленная иджикаянская мумия и колченого пристроилась вслед за последним пажом. Слуга сглотнул так громко, что эхо разнеслось по коридору.

Он тотчас стал гораздо более внимательным, этот слуга.

– Полынь, тебе правда нужно все это во дворце? – Я поправила отлетевший бинт у мумии, проковылявшей мимо. Марах с моего плеча угукнул ей вслед. – Ты навсегда к королеве уходишь, что ли?

Полынь пожал плечами:

– Просто устроил уборку. Я сентиментален, Тинави. Никогда не решаюсь выкинуть старые вещи. А дворец станет отличным перевалочным пунктом по пути на помойку.

– Ага! Все-таки уборка! – подловила я. – Значит, было что убирать в твоем «сложносочиненном порядке»!

– Или я сейчас оговорился, – как всегда, извернулся куратор.

Вместе с Полынью и мумией я вышла обратно на улицу. Дорогие коллеги, встречавшиеся нам в коридорах, так проникновенно прощались с Ловчим, что, казалось, мы провожали его в последний путь, а не в двухнедельный неоплачиваемый отпуск.

На Министерской площади Полынь подозвал пилигрима Велота – своего любимого информатора, который в этот утренний час сидел, посасывая трубку и низко опустив капюшон рясы, в тени кряжистого дуба.

Вообще, Велот был главой знатного Дома Дерзающих, а значит, весьма и весьма состоятельным человеком, которому уж точно не приходилось думать о деньгах для выживания. Но пилигрим исповедовал идею того, что «большее – в малом». Он довел ее до радикальной степени, отрекся от всех богатств и теперь возглавлял братию нищих в центральных кварталах столицы. Вдобавок каждый год он покидал Шолох на месяц, чтобы в безмолвии обойти лесные святилища всех шестерых богов – именно поэтому его прозвали пилигримом.

На мгновение я подумала, что Полынь сейчас скажет: «Милый Велот, я ухожу на покой и завещаю твою работу своей коллеге Тинави, благо она теперь тоже может иметь информаторов, и, конечно, я хочу, чтобы ей достался лучший», – но прах там был.

– Готовься, пилигрим. В ближайшие дни у меня будет для тебя много поручений. – Полынь незаметно опустил в карман Велота золотую монету.

– Я рад, мастер Ловчий, – пилигрим сощурил глубоко посаженные глаза. – Я уже думал, что вы окончательно отдали предпочтение тому, другому информатору. Голубоглазому.

– О, что ты, Велот. Твоя служба бесценна. Я просто проверял того человека, так как подозреваю, что его скоро наймет Тинави.

Я вскинула брови и с интересом воззрилась на напарника.

О ком это он говорит? Насколько я помнила, среди агентов, работавших у Полыни в последние полгода, не было голубоглазых. Парочка ундин не в счет, они все же женщины, и Велот бы явно это заметил.

– Это кого же ты мне пророчишь в помощники? – полюбопытствовала я.

– Не скажу. Хочу проверить, додумаешься ли ты сама его нанять, – показал язык Ловчий.

Вдруг за спиной у меня раздалось агрессивное цоканье трости о мостовую. Велот мгновенно испарился – так, как это умеют только нищие. Полынь не менее шустро запрыгнул в дворцовую карету, потрепав меня по плечу на прощание. Я, оставшись в одиночестве, обернулась и увидела Селию.

– Скатертью дорожка, – мило пожелала она, глядя на захлопнувшуюся дверцу кареты. – Тинави, хватит прохлаждаться. Для вас есть дело.

Лишь вернувшись в министерство, я поняла, что моя мумия укатила вместе с Полынью. Ничего себе, какая коварная! Ну и ладно. Ее можно понять.

* * *

Для начала Селия поручила мне рассмотреть жалобу хобгоблина, недовольного тем, что гости его хозяйки сожрали оставленные ему сладости. Потом – разобраться с беседочным увальнем, разгромившим теплицы тернасской колдуньи. Затем – отыскать рамбловца, из-за которого на Потаенном рынке появилась партия ядовитых эликсиров подводного дыхания.

Я отметила, что Селия выдает мне дела по нарастающей: от элементарного к более сложным.

Мы с госпожой Сгинувшей как будто играли в игру с растущими ставками – и сообразно тому, как выигрышные фишки копились на моей половине поля, меня охватывал все больший азарт. Я носилась по всему городу как угорелая – точно так же, как это было в самые первые дни службы. Меня подталкивали одновременно интерес и желание узнать: после какого по счету дела Селия скажет «хватит, вы молодец»?

Или у нее в принципе нет таких слов в лексиконе? Или гнаться за чьим-то одобрением, пусть даже из любопытства, это самое глупое на свете дело, и лучше бы я притормозила и насладилась погожим деньком?

Наконец гонг пробил семь часов. Уличный свет с голубого дневного сменился на золотой вечерний. Ресторанчики стали выставлять меловые доски с меню сегодняшних ужинов. Я, уже конкретно так измочаленная, думала, что работа закончена, но неожиданно Селия, сузив глаза, выдала мне еще одну папку.

«Дело пятого уровня» – то есть простое. Синяя наклейка – то есть не срочное.

Девочка Ринда Шаграух… Пятнадцать лет… Дочь нюктов из Подгорного королевства. Пропала предположительно на болотах. «Мы не знаем, как быть», – цитата матери на присланной ташени. Текст дрожит от волнения…

– Селия! Почему это оказалось в несрочных делах?!

– Потому что не прошло три дня с момента пропажи.

– Но… это же ребенок и болота!

Селия оперлась о трость.

– Я с вами согласна, Тинави, – бесцветно сказала она. – Но вот такая у нас система. Формально вы можете заняться этим делом завтра, считайте, я просто выдала вам его с вечера. Оно ведь не срочное, верно?

Я ничего не ответила. Просто развернулась и метнулась к выходу.

* * *

Согласно документам, дом Шаграухов располагался в квартале Предболотья. Как и следует из названия, это был район, примыкающий к длинной полосе Рычащих болот, что на западе Шолоха. Чтобы попасть туда, нужна была лошадь. А лучше – легконогий кентавр.

К счастью, мой любимый перевозчик Патрициус Цокет очень удачно нашелся на Министерской площади. Он стоял посреди клумбы и советовал каким-то туристам самые романтичные места в Шолохе. Судя по их удивленным лицам, рекомендации Патрициуса – конюшни, луга, водопои – казались им немного странными. На лице кентавра, как обычно, сияла крупногабаритная улыбка, а золотисто-русые волосы были заплетены в короткие косички и украшены веточками.

Я увела его у собеседников так резко, что они решили – перевозчика арестовали.

– Мадам! – Патрициус нетерпеливо крутил головой, пока я забиралась в седло, разгребая себе местечко между объемными курьерскими мешками. – Как ваши дела сегодня?

– Как всегда, Патрициус. Недосып пополам с эйфорией. А твои?

– Жизнь кентавра переменчива, мадам. В какие-то моменты ты чувствуешь себя на коне, в какие-то – конем. Сегодня первый вариант, что не может не радовать. Куда нам?

– В район Предболотья. Там девушка пропала, поднажмем.

Минут через сорок мы с Патрициусом остановились перед кирпичным особняком, у которого башенок было больше, чем зубов у волкодлака. Особняк стоял последним на улице. И то, улица – одно название. Всего несколько незаселенных домов в густом сосновом подлеске.

Слуга-нюкт с пепельной кожей, острыми ушами и темно-красными глазами попросил меня оставить Мараха на жердочке в прихожей и пригласил в гостиную, которую тревожными шагами мерили родители пропавшей. Они тоже были типичными нюктами: угловатыми, высокопарными, периодически срывающимися на гортанный горный язык.

– Ринда любит болота, – объясняла госпожа Шаграух. – Она нередко гуляет там и заходит в Терновый замок – детский дом, что скрывается в топях. Говорит, у нее там друзья. Бывает, Ринда возвращается после заката, когда мы уже спим, и нам это уже привычно. Но сегодня утром выяснилось, что она не ночевала дома.

– Мы отправили слуг на болота, но они не могут уйти далеко – слишком боятся смрада и сумрака ваших падей, – вступил в разговор господин Шаграух, серыми пальцами в волнении стискивая рубашку. – Мне тоже сложно там находиться. Для нас, большую часть жизни проживших в твердых подгорных чертогах, невыносима мысль о зыбкой трясине и стылой воде бочагов.

– Мы почти уверены, что наша дочь в Терновом замке. Пожалуйста, найдите ее.

– Найду, – пообещала я.

* * *

Кентавру на болотах делать нечего, так что я отпустила Патрициуса.

Уезжая, перевозчик то и дело оглядывался, бросая на меня такие жалобно-бархатные взгляды, будто вовсе не верил, что я вернусь. Песчаная дорога пылила, затягивая дымкой его мохнатые ноги. Цокот Патрициуса не затихал, но удалялся – и вскоре уже казалось, что это просто биение моего сердца отдается в ушах.

Я развернулась лицом к топям – серые, искривленные деревья стояли стеной. В Предболотье вокруг – ни души. Я достала из рюкзака фонарь и, раздвинув сухие, трещащие ветви ольховника, шагнула в вечный сумрак Рычащих болот.

– Ринда! – окликала я. – Ринда Шаграух! Ау!

Солнце опускалось все ниже, багровея, и вот уже лишь тусклый медяк едва виднелся между сосен. Тропинка с каждым шагом становилась у́же. Дорожная пыль уступила место теплым и обильным болотным испарениям. Птицы нестерпимо кричали в опадающей темноте. Марах отвечал им с моего плеча, слегка оглушая.

– Прутик, возьми рябиновый прутик! – вдруг пробормотал чей-то голос мне в самое ухо. – Он лучше. С ольховым опасно.

Я вздрогнула:

– Привет, бэльбог!

Тишина в ответ… В Шолохе живет больше сотни разновидностей магических тварей. Бэльбоги – болотники – из их числа. И, что забавно, их никто никогда не видел. Только слышал – и лишь те, кто, говорят, отличается потерянностью по жизни, а не только на болотах. Вот и пойди пойми: хорошо, что мне помогли, или не очень.

Следуя совету бэльбога, я с хрустом обломила мертвую ветвь рябины.

Хм. Рябиновый прутик вместо ольхового… Вероятно, здесь водится нежить: красная ягода отпугивает зло.

– Ринда Шаграух! – позвала я чуть тревожнее. Ни звука.

Решив добавить защиты, я быстро собрала волосы в длинную косу, вплетя в нее осиновые листья, и перевесила один амулет (подарок Полыни) с лямки рюкзака на шею.

Пока я брела по болотам в темноте, меня не покидало ощущение, что за мной кто-то следит. Но, вероятно, это был бэльбог.

Вскоре я увидела покосившийся деревянный указатель, упоминавший приют, и свернула с топкой тропинки. Вокруг повисла гробовая тишина. Я шла, прощупывая почву, и выпь утробно выла вдалеке, а желтые кустарники багульника пахли сладостью – такой успокаивающей, будто надеялись очаровать меня и оставить на болотах навсегда. Туман, собиравшийся в клубы на дне блестящих лужиц, начал подниматься вверх.

Один раз я все-таки споткнулась и чуть не съехала с кочки, лишь в последний момент поймав ускользнувшее равновесие.

– Осторожнее, – прокряхтел бэльбог. – Я не люблю мертвецов и не хочу, чтобы твоя утонувшая душа утяжелила мое болото.

– Тут наши желания совпадают, не поверишь.

– Не туда! – взвыл бэльбог, когда я свернула к чему-то мерцающему вдалеке.

– А что это светится? – я пальцем указала на уютные, манящие огоньки, которые приняла за окна сиротского приюта.

– Это фейкин холм, а ты вряд ли хочешь попасть в плен к крылатым. Поэтому сворачивай направо: Терновый замок там.

Еще и феи у них под боком… Точно недетское место.

– Видишь розовые бочаги впереди? – Бэльбог, кажется, плотно обосновался у меня на свободном от филина плече. – Не наступи! Они превратят твои страхи в миражи и покажут наяву. Люди обычно не хотят себе такого.

– Слушай, друг, – озадаченно протянула я, – ты столько знаешь! Может, ты подскажешь мне, где сейчас находится Ринда Шаграух, которую я ищу? Я правильно делаю, что иду за ней в Терновый замок?

– Ринда Шаграух там. Но я не знаю, правильно ли это, – после паузы сказал бэльбог, и я почувствовала, как плечо мое опустело.

Болотник исчез. Зато впереди неожиданно проступили очертания ворот, а за ними – темное здание с четырьмя башнями.

Вот он, Терновый замок.

* * *

Кованый забор, слегка покрившийся на болоте, сверху был утыкан пиками, будто прятал за собой не приют, а тайную организацию.

Я посветила фонарем на декоративную бронзовую ленту, вьющуюся на воротах: на ней причудливыми старинными буквами был написан девиз приюта. «Верность и разум».

Калитка оказалась не заперта и, когда я толкнула ее, открылась со страшным скрипом. Марах, обычно бурным клекотом реагирующий на все на свете, на сей раз молчал и, кажется, даже умудрился стать в два раза меньше, сжавшись в неожиданно мягкий комочек.

Я потрепала его по кисточкам на ушах:

– Хороший, хороший филин… – и в непроглядной темноте пошла к замку.

Окна его не светились. Прах знает что. Он не заброшен, ведь верно? Не должен быть! Помнится, именно сюда перевели бы Карла из Лазарета, не забери его тогда Дахху…

Я поднялась на крыльцо мимо разбитых скульптур спящих драконов и заколотила в дверь:

– Добрый вечер! Откройте, пожалуйста!

Ни движения внутри. Лишь позади меня скрипят и раскачиваются деревья. Абсолютное ощущение мертвого места, хотя вон под окнами лежит мяч для тринапа, на подоконнике стоит цветок. Здесь есть люди, но они почему-то не хотят мне показываться…

– Откройте, именем закона! – крикнула я погромче.

Пепел, я правда начинаю волноваться.

– Они не откроют, – вдруг раздался позади меня призрачный голосок. – На этих болотах много духов, и они не открывают после заката, чтобы зло не проникло внутрь.

У меня внутри все обмерло. Я резко повернулась, поводя фонарем туда и сюда. Пусто, пусто, пусто, и вот – на клумбе, скрючившись над каким-то волшебным, окутанным серебристой взвесью цветком, сидит девушка.

Уставшая и осунувшаяся. Серокожая, красноглазая, с короткими алыми волосами. Очевидно, это и была Ринда Шаграух – слава богам-хранителям.

* * *

Я представилась и объяснила девушке, что меня послали на ее поиски.

Ринда выслушала меня, не шевелясь. Под ее темными узкими ладонями, собранными куполом, неизвестный цветок продолжал источать странные пепельные искры, пульсирующие вокруг него, будто сердцебиение.

– Что это, Ринда? Почему ты не вернулась домой? – Я опустилась на корточки напротив беглянки, с любопытством всматриваясь в диковинное растение.

– Я решаю задачу с цветком. Не хочу уходить, пока не закончу.

– Но зачем ты делаешь это в кромешной темноте?

– Этот цветок не любит свет. Уберите фонарь, пожалуйста. Если он завянет, мне придется начинать все сначала.

Поколебавшись, я потушила огонь в керосинке. Несколько мгновений я не видела ни праха вокруг, но потом глаза привыкли. На небе проступили звезды. Сбоку – громада Тернового замка. Напротив – красные глаза Ринды, чуть светящиеся, как у всех нюктов.

– Кто дал тебе эту задачу и в чем ее смысл?

– Какая разница? – буркнула девочка.

Кажется, она уже жалела, что окликнула меня. Возможно, сидеть в одиночку перед спящим приютом ей все-таки было страшновато, поэтому она обрадовалась моему внезапному

появлению. Но теперь, когда выяснилось, что рыжая госпожа в бирюзовом плаще будет профессионально до нее докапываться, Ринда начала раздражаться. На меня. На себя. На весь свет. Как и принято у подростков.

– Решаю и решаю себе, мое дело. Решу – тогда пойду домой. Какие вообще претензии? – продолжила ворчать Ринда. – Когда дети учатся – разве это не прекрасно?

– Я бы сказала – это подозрительно… – цокнула языком я. – Слушай, я ведь не могу тебя здесь оставить. Воспитатели приюта знают, что ты тут сидишь?

– Да.

– И их это не беспокоит?

– После заката их вообще ничего не беспокоит. Как только рабочий день заканчивается, они запираются в своих комнатах и стараются не вспоминать о том, где работают. Они ненавидят это место.

– Почему?

– Некоторым ненависть дается лучше, чем любовь. Ведь ненавистью можно прикрыть многое. Собственную трусость. Глупость. Лень. И другие вещи, которые люди отказываются видеть в себе, когда выбирают играть в жертву обстоятельств вместо того, чтобы пойти и изменить свою дурацкую жизнь. Кто сказал, что быть жертвой – это благородно? Я ни в ком не видела столько ненависти и гордыни, сколько в людях, которые считают, что ими управляют обстоятельства, а не они сами…

Признаться, я удивилась внезапной мудрости этой странной девочки. Потом вздохнула:

– Ладно, Ринда. Давай подумаем, как нам быть. Что именно ты должна сделать с этим цветком, чтобы пойти домой? Или, может, мы можем как-нибудь подкопать его и сразу забрать с собой?

– *Подкопать*? – Презрение в голосе девочки могло заморозить Шепчущее море. – *Ни в коем случае*. В предыдущем задании было сказано, что я должна избавить его от одиночества… Но я сижу тут безвылазно уже сутки, укрываю его, говорю с ним, а ему все по барабану.

– Хм. Боюсь, это цветок слишком мал для того, чтобы воспринимать тебя как нечто, что может избавить его от одиночества… Я не уверена, что он вообще понимает, что ты тоже живая и он может тебя познать.

– Как мы не можем познать богов? – прикинула Ринда.

– Скорее, Отца Небесного, – уточнила я.

Простых богов еще как можем, как выяснилось на практике. Не зря Карл ругается всякий раз, когда его называют богом. *Мы хранители. Мы просто хранители. У нас заключен бессрочный и бессовестный контракт с вечностью, и мы очень сильны – что в этом, скажи пожалуйста, такого уж божественного?*

– А ты не пробовала посадить рядом другое растение?

– Пробовала. Но цветок всех сжирает. Мгновенно. Слишком хищный. Как вообще можно избавить от одиночества того, кто так любит пожрать?! Все – еда, е-мое! И я искренне не понимаю, каким образом в череду нормальных задач пробралась такая… – бухтела Ринда.

«А я все еще не понимаю, о каких задачах речь», – кисло подумала я, но решила, что сначала надо завоевать доверие девочки. Разговорю ее по пути в Предболотье.

Я похлопала по карманам летяги и нашла маленькое зеркальце в инкрустированной раме. Не слушая слабого возмущения Ринды, я вновь зажгла фонарь и поднесла зеркало прямо к темному цветку.

Прошла секунда.

Другая.

А на третью цветок вдруг вздрогнул.

Мерцающая взвесь вокруг него опала, и он всеми лепестками потянулся к зеркалу, дрожа и вибрируя от радости. Когда его листья коснулись прохладной поверхности амальгамы, цве-

ток будто выдохнул, резко засветился и… исчез. Вместо него на клумбе появилась карточка с математической формулой, но я не успела разглядеть ее – Ринда сграбастала бумажку и спрятала в карман ученической сумки.

После этого девочка насупилась:

– Почему зеркало сработало?!

Я пожала плечами:

– Думаю, в некотором смысле все мы – лишь отражения друг друга. Мы можем видеть в других только то, что есть в нас самих, и ничего больше. С этой точки зрения все – одиночество, все – одиноки (а не еда). А с другой стороны, одиночества и вовсе не существует, потому что в конечном счете мы все являемся одной и той же энергией унни. Но цветок никак не мог распознать в нас эту энергию и утешиться. Зато он узнал себя. Это отличный первый шаг и отправная точка. Правда, я не ожидала, что он самоуничтожится. Как-то нехорошо вышло…

Ринда отмахнулась:

– А зачем ему оставаться? Его функция выполнена. Спасибо за помощь. Теперь можете отвести меня домой, так и быть!

Ты ж моя хорошая.

Ринда деловито вскочила на ноги и нетерпеливо посмотрела в сторону болот. Ее наполняло заметное воодушевление, а рука то и дело ложилась на боковой карман сумки, куда девочка спрятала карточку с формулой.

Мы вышли в топи. На сей раз бэльбог не прыгал мне на плечо, но треск кустов брусники под маленькими ножками невидимого существа сопровождал нас всю дорогу. Один раз бэльбог молча схватил меня за полу летяги и оттащил подальше от розового бочага – того, что вызывает миражи. Я незаметно от юной госпожи Шаграух показала болотнику большой палец.

– Ринда, может, ты все-таки расскажешь мне, что это за задачи у тебя такие? Раз я даже помогла с одной, – попросила я, стараясь звучать, как настоящая взрослая – спокойная и знающая.

Мне казалось, за версту видно, что это амплуа мне определенно не по размеру, но Ринда купилась.

– Я играю в игру для тех, кто хочет получить грант в Луговую школу, – призналась девочка.

– Что за Луговая школа?

– Закрытый пансион для умников, будущих рыцарей света. Его основал выпускник Тернового замка. Чтобы туда попасть, надо пройти вступительный экзамен: решить ряд задачек, спрятанных на территории приюта. Ты решаешь загадку – и она ведет тебя к следующей. А потом к следующей. И так далее. Некоторые надо решать прямо в замке. Другие, – Ринда похлопала по сумке, – можно взять домой. Вы не подумайте, все официально, это не какая-то секта! – поспешила заверить она, увидев, как я хмурюсь. – Глава приюта, воспитатели, даже Башня Магов – все в курсе. Просто такой вот строгий отбор в хорошее учебное заведение.

– Вот как? Что ж, рыцари света – неплохое позиционирование, – удивленно протянула я. – Но получается, гранты рассчитаны на местных сирот? Это нормально, что ты отбираешь у них квоту?

– Всех, у кого был шанс, уже забрали, – зевнула Ринда. – Надо все-таки очень постараться, чтобы выиграть грант. Да и мало кто готов на такие вещи. Короче, местные ребята не против моих попыток.

– Предположим. Но почему ты просто не попросишь родителей отправить тебя в эту Луговую школу? У тебя же состоятельная семья.

– Они не согласятся: их надо ставить уже перед фактом. Они ужасные трусы. Если я скажу, что хочу уехать от них в пансион, они меня привяжут к шкафу. По их мнению, дом – это безопасность, а безопасность – это главное в жизни. Им не понять, что безопасности не

существует как таковой. – Ринда скривилась: – И это при том, что сами они однажды все-таки решились покинуть Подгорное королевство! Двойные стандарты, не так ли?

Когда я вернула Ринду домой, дело уже близилось к полуночи.

Воздух был густым и влажным. Тяжелые грозовые тучи заполнили небосвод, и я быстро шла по единственной улице Предболотья, надеясь, что успею выбраться из этого гиблого места до того, как небо обрушит свой гнев на землю.

То и дело ко мне прилетали записки-ташени от Дахху и Кадии: сегодня мы устраивали домашнюю вечеринку у Смеющегося, и ребята крайне настойчиво интересовались, собираюсь ли я почтить их своим присутствием или меня уже загрыз болотный гуль или кто похуже?

С учетом того, что Марах, предчувствуя ливень, наотрез отказалась лететь куда-либо с ответной запиской, сообщения друзей становились все менее ехидными и более взволнованными.

В какой-то момент я даже решила: а, прах с ним, возможно, сегодня тот самый день, когда мне стоит глотнуть крови Рэндома, чтобы без лишней суеты просто *Прыгнуть* отсюда?

Но вот вдалеке появился кеб – очевидно, растерянный и незнамо как завернувший в этот печальный район. Я кинулась к нему, растопырив руки, и одновременно с тем сверху полился дождь и посыпался град. Совокупный эффект нехило перепугал возницу. Он замер с поводьями в руках, явно полагая, что к нему несется какое-то древнее существо, повелевающее стихией. Лишь разглядев, что я далеко не так уж сурова, а дождь проклинаю не меньше его, возница повеселел и пустил меня внутрь кеба.

– На Морскую площадь, а потом в район Плавучего рынка, – попросила я.

– Да вы прямо любите воду, госпожа! – вздрогнул перевозчик, услышав адреса.

Я откинулась на красную бархатную подушку и задремала.

11. Пижамная вечеринка

Жизнь любит, чтобы мы изумлялись. Если твоей фантазии не хватает на то, чтобы множить удивительное, добрая судьба будет макать тебя в сюрпризы снова и снова. Только вот беда: она не видит разницы между хорошим и плохим. Главное – чтобы внезапно.
Из трактата «Характер и наклонности вселенной»

За что я особенно люблю Морской квартал, так это за то, что жизнь тут кипит круглосуточно.

Все вокруг давно спит, убаюканное дождливой весенней ночью, лучи щербатой луны скользят по закрытым ставням, но здесь – среди магазинчиков и ресторанов, гостиниц и алхимических лавок, на границе с респектабельным Посольским кварталом – всегда горят уличные фонари и слышатся смех и шепот.

А в центре Морской площади стоит чайная телега госпожи Пионии де Винтервилль.

Иногда я думаю, что Пиония – ведьма. Причем могущественная, даже всесильная, скрывающаяся за обликом улыбчивой старушки исключительно смеха ради. Как иначе объяснить то, что лучшая чаевница в городе закрывает торговлю в час ночи, а в семь утра уже вновь оказывается на площади?

Либо у Пионии есть свой таинственный кармашек, личная временная петля, чтобы высыпаться, либо…

– Либо ты ничегошеньки не знаешь о старческой бессоннице, милая! – рассмеялась Пиония, когда я поделилась с ней своими сомнениями.

Возница ждал меня в кебе. Дождь так и лил, но чайную телегу окружал атмосферный купол. Пиония стояла в нем, как статуэтка. Ослик Изергааль, тягловая сила телеги, как обычно, клевал носом. Разнотравье глиняных чайников дымилось всеми сортами ароматных настоек, а благоухающие охапки живых цветов привлекали стайки лесных светлячков, трепетно облепивших купол.

Я заказала несколько кремовых паффов и фирменный облепиховый сбор с собой, на троих. Пока Пиония нагревала пузатый чайник и укутывала его прихватками, чтобы не остыл по пути, я просто стояла рядом с ней и улыбалась, как очень счастливая дурочка.

Госпожа де Винтервилль на всех так действует.

Есть ведь люди – рядом с ними чувствуешь себя хорошо. Просто так. Без особых причин. От них будто исходят волны света – теплого, золотого, пахнущего любовью. Пиония из таких. Мне только интересно: она стала булочницей из-за этого света или свет пришел к ней вместе с выпечкой?

– Тинави, а можно, я задам тебе один вопрос, с моей стороны до крайности неприличный? – неожиданно смущенно спросила Пиония.

Я удивилась:

– Конечно! Вам все можно.

– Ты ведь слышала, что в Шолох скоро приедет мой сын Ноа, архиепископ Саусберийский?

Я кивнула. Ноа действительно ожидался уже на следующей неделе, и каждое утро в ведомстве какой-то шутник зачеркивал датированные черточки, нарисованные на стене, показывающие, сколько времени осталось до приезда архиепископа. Напротив последней черточки было написано лаконичное: «Тут нам конец».

Пиония, поправив голубоватые очки в тонкой оправе, продолжила:

– Так вот, мне говорили, что людям его статуса выделяют Ловчих для слежки и сопровождения… Тинави, деточка, скажи: знаешь ли ты, кто будет сопровождать моего сына?

– Да, знаю! – с улыбкой подтвердила я. И со страдальческой физиономией продолжила: – Но, несмотря на то что я вас всей душой обожаю – честное слово, Пиония, вы просто квинтэссенция заботы и уюта, а это дорогого стоит, – я не могу назвать вам его имя. Протокол безопасности запрещает.

– Я не буду подбивать тебя нарушать закон! – рассмеялась чаевница. – Хотя это звучит едва ли не как приключение… Мне не нужно имя, достаточно твоего мнения: это хороший Ловчий? Он неконфликтный человек? У моего Ноа, знаешь ли, очень тяжелый характер… – Пиония виновато развела руками. – Он может раскритиковать кого угодно в пух и прах. Втоптать в землю настолько глубоко, что тот жить передумает. Причем сын будет действовать исключительно из спортивного интереса. Он называет это «закалкой».

– Оу… – протянула я.

– Честное слово, сколько лет живу, не могу понять, откуда в нем это взялось! – вздохнула лавочница. – Все остальные в нашем роду – вполне приятные люди.

Тут бы к месту была любимая поговорка нашего шефа: «В семье не без урода», – но я решила, что Пиония, при всей своей благости, вряд ли оценит сию вековую мудрость.

Вообще, в сопровождающие к Ноа выделили Ловчего по имени Соувленмох, который был весьма опытным сотрудником, повидавшим на своем веку немало капризных чужеземцев. В том числе Соувленмох уже дважды сопровождал самого Ноа в его предыдущие визиты, так что я совершенно искренне заверила Пионию, что все под контролем. «Подумаешь, неделя унижений!» – пошутил сам Соувленмох, когда услышал о назначении.

– Хорошо, что он опытный! – с облегчением разулыбалась чаевница. Даже чепчик ее посветлел. – В этот раз мой сын будет, скорее всего, еще раздражительнее, чем обычно. Ноа хотел, чтобы мой внук Фрэнсис поехал с ним в проповедническое турне, но тот отказался, сказав, что не хочет пропускать занятия. Он учится на боевого мага, – с гордостью добавила Пиония. – А внучка – на зельеварку. У нее уже получается такой же хороший липовый сбор, как у меня, представляешь, Тинави?

Мы с Пионией еще немножечко поболтали, после чего я вернулась в кеб, нагруженная чаем, паффами и легким предвкушением… Потому что, во-первых, прямо сейчас меня ждали друзья.

А во-вторых, мне, если честно, уже не терпелось увидеть сына Пионии воочию, пусть даже издалека. Просто оценить – так ли он плох, как о нем судачат. И если да… Как так вышло, прах побери, что он возглавляет церковь?!

* * *

Пока я добралась до ребят, дождь кончился.

Ясная половинка луны всплыла на очистившемся небе, как драгоценная чешуйка дракона. Запели, осмелев и выбравшись из укрытий, соловьи.

Эта ночь была слишком хороша для того, чтобы проводить ее в любимой, но все же закрытой пещере Смеющегося[10]. Поэтому мы с Кадией и Даххy выволокли огромный морской матрас наружу и устроились на нем: три горячих искры, чай, сэндвичи и пледы с длинными кистями, чтобы не мерзнуть.

Было иссиня-холодно и темно. Только пели сверчки за пушистыми ивами, заслонившими небосвод. И лягушки – тихонько, в обнимку – шептались в канавах. Из Леса тянуло загадками.

[10] Даххy в свое время решил, что жить в обычном коттедже – это скучно! И купил пещеру неподалеку от Плавучего рынка, которую переоборудовал под очень и очень уютный дом.

От города долетали смешки и стук магботовых весел. Туман плескался вокруг матраса, как будто мы – на плоту, да в неведомом море, да в дороге к бессмертию…

Сколько нас помню, каждую весну мы с ребятами устраивали Уличную Ночь. На матрасе в саду нам казалось, что в мире нет ничего невозможного. Что мы – бесконечны. Было странно испытывать такой оптимизм ни с того ни с сего. Странно, но приятно. Вот она – сила традиций.

Мы лежали в рядок.

Справа Дахху – с моноклем в глазу, который он изредка и не пойми зачем вставляет, с волком Снежком в ногах и с ворохом статей о Марцеле из Дома Парящих, которые я принесла ему из ведомства, вызвав у друга спонтанный выброс дофамина.

Слева – Кадия. Глядя в небо, она подбрасывала и снова ловила мячик для тринапа. То одной рукой, то другой. Правой получалось хорошо. Левой – еле-еле. Но Кадию это лишь подстегивало. «Развивать свои сильные стороны – значит идти быстрее. Улучшать слабые – становиться неуязвимым. Так на фига мне торопиться куда-то, если там меня укокошит первый встречный?» – любила повторять подруга. И – левой кистью – шарик вверх да вверх.

В центре устроилась я. Сложила ладони на груди, как добропорядочный покойник, и вглядывалась в звезды.

Хорошо, когда есть с кем помолчать.

Где-то там, в вышине, в опасном и черном огне Небытия, бродят боги. Вернутся ли они? Будет ли к кому обратиться с молитвой? Или только – внутрь? В надежде найти еще немного сил, чтобы сделать рывок, очередной рывок – и неважно какой, ведь все мы стремимся вперед, даже если не можем сформулировать, куда именно…

Мне казалось, что я рассмотрела в туманности звезд завихренье – абсолютного монстра, за пятьсот квинтиллионов километров от нас – может, вход в царство Зверя? Страшные, распахнутые врата?

Каково *там* – в Пустошах Хаоса? Так ли тихо, как мы надеемся?

Вдруг Кадия, в сотый раз получившая мячом по лбу, повернулась на бок и уперлась локтем в желе матраса:

– Вы знаете, а ведь на новую должность в страже выбрали именно меня! – как всегда громко сказала она.

Виденье осыпалось хлопьями пепла.

Мы с Дахху изумленно сели. Маленькие оранжевые рыбки, жители морского матраса, тотчас испуганно сиганули во все стороны; изумрудные водоросли заколыхались; вода булькнула и завихрилась тайфуном.

– Уже?! Серьезно? – ахнула я. – Это один разговор на балу так мощно сработал?!

– Ага! – Кадия улыбнулась, хотя в ее пухлых губах мне почудилась тень печали. – Они сразу признали, что я создана для этой работы. Ликуем!

– И когда ты планируешь вернуться в стражу? – должным образом поликовав, спросил Дахху.

– Посмотрим. Но вступительные тесты у меня в конце недели. Это чистая формальность, конечно, я уверена, что сдам их, – Кадия странно хохотнула, – однако дополнительная тренировка никогда не помешает. Так что… Тинави, пофехтуем?

– Давай. Но чем? Я меч с собой не ношу, а у Дахху вряд ли найдется, да?..

– Не «вряд ли», а «точно не», – прыснул друг.

– А давай швабрами, – сузила глаза Кадия. – Считай, почти боевые посохи.

Так мы и сделали.

* * *

Некоторое время спустя, успешно сломав две швабры и перепугав всю округу своими воинственными воплями, мы с Кадией, уставшие и ржущие, как лошади, плюхнулись обратно на матрас.

Дахху так и валялся там все это время, буквально утонув в бумагах и возведя из одеял чуть ли не шатер: то ли чтобы не дуло, то ли чтобы изобразить, что он не с нами, бешеными.

Кадия, как всегда, когда пребывала в хорошем настроении, бодро разглагольствовала:

– Мы – просто красотки! Я не понимаю, почему этот мир еще не принадлежит нам?

– Учитывая, что мир – это на девяносто процентов наши мысли, может, и принадлежит. – Я блаженно жмурилась, чувствуя в мышцах приятную усталость.

– Глупость какая, – заявил Дахху.

И не успела я растеряться – с чего это он такой категоричный? – как оказалось, Дахху говорит не о нас. Друг напряженно смотрел то в документы, принесенные мною, то в свои заметки для будущей биографии Марцелы. Его лицо отражало всю гамму сомнений, описанных в Большом Справочнике Человечьей Натуры, что хранится в Башне Магов, что на проспекте Старых королей.

– До Иджикаяна госпожа Марцела была одного роста, а после – другого, – решительно начал Дахху, хотя его никто и не спрашивал. – До Иджикаяна она была Мастером Превращений, а после стала Шептуном. До Иджикаяна Марцела была экстравертом, а теперь – редкий интроверт… Как бы вы это объяснили?

– Никак, – обиделась Кадия. – Рядом с тобой два великолепных человека, которым срочно нужна порция острых ощущений, а ты унылые загадки множишь.

– В загадках – жизнь, – не согласился Дахху. – Тинави, подтверди.

– Э-э-э, нет, – я не поддалась. – Я не для того на этом матрасе по центру лежу, чтобы служить для вас медиатором.

– А для чего? – полюбопытствовала Кадия.

– Чтобы возвращать вас туда, – я ткнула пальцем в небо. – Чтобы вы не забывали о масштабе. Кто первый найдет созвездие Отшельника? Говорят, вход в Хаос где-то за ним…

Кадия с готовностью завалилась на спину, устроив рыбам очередной катаклизм.

Дахху, аккуратно убрав листки по Марцеле в сумку, вздохнул:

– Кажется, эта биография будет сложнее, чем мне думалось. А Отшельник – вон. Прямо над моей пещерой. Я что-нибудь выиграл?

* * *

Вскоре мы разбрелись по комнатам: крохотным гостевым «кельям», где у нас с Кадией были спальные мешки. Выспаться не удалось: едва пробило семь утра, как меня разбудила почта.

Приятно, когда о тебе помнят. Но еще приятнее – когда помнят о твоем режиме!..

С диким писком в потолочное окошко лезли, ругаясь по-птичьи, две ташени. Одна подмяла вторую, цапнув за крыло, и та заверещала высоко и тоненько. Я лихо прыгнула им навстречу, а то сейчас разбудят Снежка, питомца Дахху, и утро наступит по всей пещере – принудительно… Обе записки, клацнув друг на дружку на прощание, обмякли в моих немагических руках.

Птичка покрупнее была глубокого антрацитового цвета – с белыми чернилами. Так-так! Полынь шлет новости из дворца!

Я сама постеснялась писать ему вчера – Марах показался бы максимально неуместным объектом в белоснежных чертогах, – и поэтому сообщение от Ловчего крайне меня порадовало.

Впрочем, записка оказалась весьма лаконичной. «Это кошмар», – гласила она.

Особенно драматично получилась точка: такая жирная и обреченная, будто перо куратора долго над ней висело, истекая чернилами подобно крови… А королева стучалась, стучалась в это время в дверь… Ну и пошли у меня фантазии.

Я тихонько посмеялась.

Вторая птичка была от Андрис Йоукли: «Тинави, йоу! У нас тут убийство. Селия сказала, чтобы им занялась ты. Я уже на месте. Мы с Эшем пока все огородим, приезжай к восьми тридцати. Ждем!» И адрес.

Так, понятно. Судя по всему, Селия согласилась оставить меня в ведомстве не авансом, а чисто затем, чтобы теперь садистски убить, похоронив под огромным количеством расследований.

С другой стороны, я свободный человек и в любой момент могу отказаться от части нагрузки или даже сменить работу, если меня что-то не устраивает. Так что не лги себе, Тинави из Дома Страждущих! Нравится тебе впахивать, вот ты и поддаешься, кормишь свою любознательность и гордость.

Хотя и поспать тоже хочется…

Я с тоской потерянной возлюбленной посмотрела на свой раскуроченный спальный мешок. Он притягательно пах теплом и уютом. Милый, я буду скучать по твоим пушинкам! Но долг зовет. Прощай.

Я натянула свитер с огромным воротом, высокие гольфы и, не переодевая пока спальных шорт, выползла в основное помещение пещеры.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что Дахху тоже не спит.

Друг сидел на высоком барном стуле за кухонной стойкой. Его оранжевый халат, отброшенный назад, спускался до пола, как мантия. Руками Дахху обреченно обхватил лицо. Волосы всклокочены. По столу живописно разбросан ворох бумаг о Марцеле.

– От трудоголизма умирают, между прочим! – предупредила я, подходя.

Смеющийся перевел на меня осоловелый взгляд.

– Или просто становятся другим человеком, как это сделала Марцела… – Он зевнул.

– Может, в документах ошиблись? – Я вскарабкалась на соседний стул и подтащила к себе чашку для кофе, банку с зернами и чайник. Дахху скрутил из пальцев что-то, похожее на фигу: кофейные зерна послушно перемололись и вошли в соитие с кипятком.

Друг покачал головой:

– Нет, так масштабно не ошибается даже правительство. Там не сходится три десятка пунктов, представляешь? Завтра поеду в другие Архивы, поищу объяснение. Я бы спросил у самой Марцелы, но биография – это же подарок… Нельзя испортить сюрприз.

– Или выдать себя врагу. Вдруг Марцела – иджикаянская шпионка?

– И поэтому столько лет пашет на благо Смахового леса, не щадя живота своего, конечно…

Я капнула в кофе сливки и полюбовалась тем, как причудливо разливаются их облака по смолянистой пленке. Плоская темнота вдруг наполнялась объемом, когда сливочный взрыв разбавлял кофейную черноту. Дахху, подперев щеку, смотрел туда же. Из дальней «кельи» доносилось сладкое посапывание Кадии. И, в унисон, храп Снежка.

– Хорошо-то как, – вздохнула я. – Так бы и сидела, знаешь.

– Так сиди. – Друг улыбнулся. – Я тебя что, гоню? Куда несешься?

– Убивать… Ой, то есть наоборот, спасать. Вернее, расследовать – спасать уже некого. Короче, как ни крути, ничего благообразного.

– Я понял. – Дахху рассмеялся. – Великую Тинави ждут великие дела. Путаные, но оттого не менее интересные.

Из гостевой кельи вдруг донеслось довольное причмокивание и сонное бормотание: «брум-брум… повышение… да… я готова».

Мы с Дахху чуть со стульев от хохота не попадали.

В высокие окошки пещеры заглядывало утреннее солнце, игриво скакало по белоснежной шкуре спящего волка, грело горбинку на носу Дахху, считало родинки на моих руках. У солнца явно было немного времени – согласно прогнозу Башни, день обещал быть дождливым, – и светило крутилось, как пчелка, делая максимум возможного.

Я попросила друга:

– Кстати, ты мог бы отправить письмо Полыни, пожалуйста? Во дворец. Вот такое: «Ты справишься! Я в тебя верю!»

– Что у него там происходит? – заинтересовался Дахху.

– Хм. Если кратко: Ловчий столкнулся с тем, что другие люди находят его до пепла привлекательным, и это не всегда так приятно, как кажется.

– Звучит многообещающе, – фыркнул друг.

Он достал из ящика блокнотик с алыми заготовками для будущих ташени, вырвал один лист, задумчиво покрутил в руках.

И вдруг усмехнулся:

– Ох, представляю, как Анте вызверился бы на меня за то, что я отправляю для тебя ташени.

– Он-то здесь при чем?

– Ну, он считает, что ты совершила ошибку, отказавшись от магии. И если бы окружающие не поддерживали тебя в твоем уровне комфорта, ты бы, дескать, все-таки как-то умудрилась вновь приблизиться к божественному… Знаешь, это как вышвырнуть птенчика из гнезда. Пнуть, чтобы летел.

– А если это птенчик птицы киви?!

– Э… Кхм. В общем и целом Анте очень жалеет о твоем потерянном потенциале, суть в этом. Он зол, что ты отказалась от колдовства. И хотел бы показать тебе, *что* ты потеряла. Потому что… ну… мало ли. Вдруг однажды ситуация изменится. Или тебе как минимум можно развиваться в теоретическом колдовстве. Мы много говорили об этом в поездке.

Я изумленно смотрела на Дахху:

– Отложим нравственный вопрос того выбора – хотя это сложно, привет принцу Лиссаю. В любом случае, я думала, Анте рад моему отказу! Это ведь была его магия. Он бы завидовал, наверное.

– Да, но останься она у тебя – он бы мог… Как бы это сказать… Приблизиться к ней. Давать тебе советы, руководить тобою. А так его сила зря болтается в амулете на шее Авены, которая непонятно где бродит, и толку от этой силы – никакого…

Я с грохотом поставила чашку на стол. Смеющийся ойкнул и позеленел, что было подвигом, учитывая, что он и так всегда какой-то оливковый.

– Ну-ка, повтори! Анте надеялся примазаться и руководить мною? С какой это радости?

– Он все же бог со стажем… А ты могла бы ерунды наворотить с непривычки…

– «Бог со стажем»! Научил бы меня убивать, наверное?

– Э-э… Вряд ли…

Я сузила глаза. Дахху кашлянул и, поколебавшись, швырнул в меня круассаном из хлебницы. Так умасливают зверей – едой.

От неожиданности я растеряла весь свой гнев. Друг выдохнул:

– Ну да что мы о несбывшемся! Диктуй ташени, пожалуйста.

Я предупреждающе подняла палец:

– Анте – пусть только вернется, поганец! Я выскажу!
– …Письмо во дворец, верно?
– Хр-р-хр… Повышение… – доносилось из кельи.

12. Горгулья

Приказ: приостановить отправку выпускников Теневого факультета в Шолох.

Причина: засекречено.

Канцелярия Университета имени Рэндома, Пик Волн, прошлый год

Каждый квартал Шолоха имеет свою особенную, ни с чем не сравнимую физиономию.

Так, Роща Грез, расположенная к востоку от реки Бонго, знаменита тем, что местные дома построены на деревьях. Они все, как один, витиеватые, воздушно-ажурные, и легкие подвесные мостики – тонкие, как карамельная корочка, – соединяют их друг с другом.

Уже обаятельно, не правда ли?

Добавьте к этому то, что волшебная трава осома, которую в Шолохе используют для осветительных аквариумов, растет здесь свободно, будто обычная осока… Благодаря ей Роща Грез особенно привлекательна по вечерам.

Впрочем, харизма районочка не отменяет того, что именно здесь сегодня ночью произошло кровавое убийство.

Жертвой был эльф по имени Льюи – повар в таверне «Вересковый мед». Он лежал в своей постели, безнадежно мертвый, с дырой в груди, и серебристые волосы разметались по подушке. Бледное лицо эльфа не выражало ничего, кроме спокойствия. И если чем-то может утешиться человек, чья работа не дает никого спасти – только приехать, когда все уже кончено, и постараться раскрыть правду о случившемся, – то только этим.

Вместе с Андрис Йоукли и Свидетелем Смерти по имени Эш мы провели в доме жертвы все утро и половину дня. За окном хлестал поразительный ливень… Дождь был таким сильным, что казался белым, как молоко.

Вода не то чтобы стекала вниз – лила стеной. Даже оптимистичный Патрициус, подвозивший меня в Рощу Грез, негодовал по поводу происходящего – кентавр банально не видел дорогу. Когда я спешилась, погодная обстановка была столь запутанной, что я умудрилась обратиться к скульптуре горгульи вместо прохожего – уточняла адрес… Горгулья, что характерно, не отзывалась, и только подойдя вплотную, я осознала, какая она страшная. Крылья поджаты, пасть оскалена, а когти растопырены, будто она готова в любой момент нашинковать тебя в салат.

Кому вообще взбрело в голову поставить такую жуткую скульптуру на главной площади Рощи Грез? Любят же в нашем городе контрасты!..

– Эш, у тебя есть какие-нибудь новости? – спросила я свида, продолжая разбираться с личной перепиской жертвы.

За прошедшие часы мы с Андрис пришли к выводу, что это точно не было убийством с целью грабежа (все ценности на месте). Улики отсутствовали. Ни следов, ни свидетелей. Только разбитое окно – преступник явно проник через него, и как раз из-за подозрительного вида пляшущих на ветру занавесок нас вызвал сосед эльфа.

Эш – молодой, худой и лысый, чем-то неуловимо похожий на ящерицу, – оторвался от сеточки заклинаний, которую плел вокруг тела эльфа.

– Наш Льюи умер во сне, даже не понял, что случилось. Первым же ударом ему попали в сердце. А вот про орудие убийства ничего не могу сказать… Точнее, могу нарисовать его форму, но не понимаю, что это такое.

– Рисуй!

Меня тоже смущала дыра в груди эльфа. У нее были странные контуры. Не похоже ни на что из холодного оружия, ни на заклинание.

– Хм, интересно, а важно ли то, что его ударили именно в сердце? – вслух задумалась я. – Возможно, это было символическое действие. Убийство на почве страсти? Месть? Ревность?.. Вижу по переписке, что у Льюи была девушка. Андрис, у тебя есть какая-нибудь информация о ней?

Меж тем к дождю добавилась гроза – для полного счастья, что называется. Гром и молнии так дружно сотрясли город, что мы с ребятами аж пискнули: казалось, что крыша домика на дереве сейчас обвалится.

Убедившись, что мы в безопасности, взъерошенная и продрогшая Андрис (все мы так выглядели в этой комнате с трупом и разбитым окном) открыла свои записи. До моего приезда она успела поговорить с соседями.

– Да, есть! Девушку зовут Хэффа Топирбар, флористка из квартала Старых Королей. Соседка Льюи – жутко любопытная леди, подглядывала за ними в окна, в чем с удовольствием и безо всякого стеснения призналась… Говорит, отношения в паре были… э-э-э… образцовые! – Андрис скорчила рожицу в стиле «неловко как-то».

Я нахмурилась:

– Хэффа Топирбар? Точно такое имя?

– Да!

Я еще раз пролистала личные письма, которые нашла в примитивном сейфе в стене, открывшемся после двух поворотов отмычки. Там не было ни одной записки, адресованной Хэффе, зато имелись пространные признания в любви некоей Кавеншроузбук – судя по имени, тоже эльфийке[11].

– «Цветок огненного желания» и «лодочка моего удовольствия» – эльф с ней точно не чаевничал, – прокомментировала я парочку пассажей. – А соседка ее при этом ни разу не видела? Хм-м. Хотя логично: вот, Льюи пишет, что «навестит свою жемчужину завтра вечером». Кажется, он удачно распределил места для встреч.

– Йоу, возможно, одна из девушек выяснила, что она не единственная, и разозлилась до такой степени, что решилась на убийство? – прикинула Андрис. – Давай я отправлю парочку ташени и попробую разузнать что-то об этой Кавеншроузбук.

– Давай! – поддержала я. – Эш, как там орудие убийства?

Свид протянул мне пергамент со схематичным рисунком.

– Я нашел в ране крошки мрамора, так что оно еще и каменное, – сказал Эш и привычно подергал серьгу в правом ухе: он постоянно ее теребит, и половина ведомства за ним уже непроизвольно повторяет. Скоро у нас всех будут мочки до пола такими темпами.

Я же во все глаза смотрела на рисунок. Загнутый, достаточно крупный конусовидный предмет, заостряющийся на конце. С крошками мрамора, ага.

Я уже видела такой сегодня.

– Горгулья! – воскликнула я, бросаясь к разбитому окну – оно как раз выходило на площадь, где стояла испугавшая меня скульптура.

Но сейчас ее не было. Прах! Я перегнулась через подоконник, крутя головой, щурясь и моргая из-за нескончаемых потоков воды.

И вдруг прямо с крыши над нами взмыла и понеслась прочь между деревьев грузная черная тень, заложившая настолько неаккуратный вираж, что чуть не снесла башенку одному из очаровательных домов квартала…

Летающая тяжеленная скульптура-убийца, серьезно? «Чудны дела ваши, чародеи!» – как говорит мастер Улиус.

---

[11] *Вообще полное имя Льюи – Льюигрофуцан, но этот эльф всем представлялся короткой версией. Многие выходцы из Лютгардии так делают, спасибо им за это от наших неповоротливых шолоховских языков! Но не все. Ох, не все. Привет Йегерлиблатцену из ведомства, ага.*

– Так! Андрис! Напиши мне, как только узнаешь что-то про Кавеншроз-как-там-ее! Эш! Помоги Андрис! Чем быстрее и чем больше будет информации – тем лучше!

По мокрой внешней лесенке, вьющейся вокруг древесного ствола, я сбежала обратно на площадь. Горгулья не оставляла следов на земле, но мне повезло – ее неаккуратный путь получалось проследить по сломанным ветвям дубов. Да уж, с маневрированием у нее совсем беда! Надо будет вызвать сюда парочку Шептунов, пусть залечат деревья…

Я скакала между луж, вымокшая насквозь, и в итоге путь привел меня в квартал Старых Королей. Здесь следить «по веткам» не представлялось возможным: деревья росли куда реже, да и горгулья, кажется, под конец научилась управлять своим мощным телом – летела весьма аккуратно, изящно даже, по свидетельствам парочки ошеломленных прохожих.

– Где же ты, где же ты, где… – бормотала я, вертясь волчком на мосту через один из многочисленных каналов квартала.

И вдруг меня осенило: я выхватила из сумки размокшие, но все еще читаемые заметки Андрис, которые успела забрать у Ищейки перед побегом.

«Хэффа Топирбар, флористка из квартала Старых Королей. Адрес: улица Говорящего Свитка, дом три».

Я помчалась туда по узким улочкам Стариков. Каждый дом здесь мог похвастаться балкончиками с цветами, но дом Хэффы все-таки отличался: девушка явно решила, что свое ремесло надо показывать издалека, поэтому фасад ее жилища увивали густейшие, шикарнейшие плющи – от подвала до черепичной крыши.

До цели оставался всего один горбатый мостик, когда меня в плечо ткнула долгожданная ташени от Андрис.

«Кавеншроузбук – колдунья, специализирующаяся на городских легендах. Имеет степень в Тайнах Магического Мира, профессионально развенчивает мифы столицы. Темпераментна. Ревнива».

Дальше я читать не стала, так как впереди раздался истошный женский вопль. Оказывается, до сего момента Хэффы не было дома – а вот теперь цветочница стояла на пороге. Она явно только что запихнула ключи в замочную скважину и обернулась, услышав странный скрежет – чтобы увидеть, что на нее из-за угла вышагивает коварное каменное нечто, медленно заносящее острый коготь…

Ругнувшись, я сорвала с пояса биту и красивым тринапским ударом запустила в горгулью снаряд, всегда лежащий у меня в кармане летяги. А потом еще. И еще.

Они не нанесли монстру видимого вреда – только слегка покрошили одно крыло (мне не хотелось, чтобы горгулья улетела), а еще заставили «преступницу» отвлечься и обиженно развернуться. Этого времени хватило, чтобы Хэффа, не перестающая верещать, запрыгнула в дом и захлопнула за собой дверь.

Я же побежала к горгулье, теперь растопырившей крылья и рычащей, явно не понимая, что ей делать. Вряд ли оживленные скульптуры так уж хороши в принятии решений.

Мне оставались считаные метры. Горгулья все еще тупила, я открыла рот, чтобы высказать *Просьбу*, но… Вдруг в небе громыхнуло, и одновременно с последующей молнией возле меня появился… Полынь.

Это еще что за дела?!

Куратор *Прыгнул* откуда ни возьмись – неожиданный, неприглашенный, поразительно сухой по меркам дождя, – точно между нами. Ко мне лицом, спиной к горгулье.

– Хм. Получилось, – удовлетворенно отметил Полынь, узрев мою обалдевшую физиономию.

Я едва успела затормозить, чтобы не влететь ему в грудь на полном ходу, и теперь знаменитые часы Ловчего приветственно тикали у меня перед самым носом.

– Оцени, малек: я только что впервые попробовал *Прыгнуть* к человеку, а не по адресу. И меня даже не разорвало! Шикарный день, я считаю.

– Так! Я тебя поздравляю, конечно, но у меня тут убийца! – скороговоркой отбарабанила я, взглядом указывая на горгулью.

Куратор тотчас перестал самодовольно щуриться и резко крутанулся на пятках. В ладонях у него еще в повороте засиял магический пульсар.

– Хххххх! – истерично зашипела преступница, а потом, мощно оттолкнувшись от брусчатки, взлетела на крышу дома.

Я ругнулась:

– Опять за ней гнаться?! Полынь, подсади меня, срочно!

– Да ты наглая стала, – поразился Внемлющий, подставляя руки замком.

Хватаясь сначала за Ловчего, что-то удивленно бормочущего и звенящего побрякушками, а потом за плющ, увивающий стену дома, я всползла наверх.

Горгулья уже большими прыжками сигала прочь по крышам квартала, липнущим друг к дружке, как опята на пне. Дождь шипел и плескал, разбиваясь о черепицу; тысячи водяных кратеров плясали на кровле. Лес вокруг бушевал зелеными волнами едва народившейся листвы… Бедная листва! Не успела войти в цвет – а тут такие испытания!

Полынь вскарабкался по плющу и очутился рядом со мной.

– Это твой убийца? – он пальцем, украшенным пятью перстнями, ткнул на силуэт горгульи, зыбкий под дождем.

Небо – росчерком плети! Снова молния.

– Да!

– Ну, бежим!

И мы побежали.

Оскальзываясь и спотыкаясь. Горгулья сипела, грузно приземлялась после каждого прыжка – и тотчас отталкивалась для нового, некрасивого, но эффективного полета. Где ей не хватало грации, помогали крылья-балансиры. Мы же оказались сами по себе: вся ответственность – на природной ловкости.

Первая крыша была почти плоской, но вторая – с острым коньком.

Полынь за спиной у меня что-то крикнул, но раскат грома полностью заглушил его слова.

– Что, не слышу?!

Третья крыша кончилась как-то внезапно, незаметно из-за дождя. Я резко затормозила. Инерцией меня бросило вперед, и я согнулась пополам, качаясь на носочках, но сразу же – фух! – восстановила равновесие и выпрямилась.

…Чтобы почувствовать, как Сетка Хлэнда – связывающее заклятье – обхватывает мою правую ладонь. Оно всегда начинает с малого.

– Полынь! – только и ахнула я.

В глазах подбежавшего напарника отразилось мое недоумение. Он ругнулся и схватил меня за руку. Заклинание мгновенно переползло на него. Белые жгуты, похожие на толстую паутину, обхватили наши запястья. Как варежки, но на двоих.

– Я думал, ты пригнулась, чтобы я мог кинуть заклятье! – рявкнул Полынь в ответ. – «Сетку» так быстро не отменить. Я рассчитал объем на два крыла. Так пусть лучше у каждого сейчас будет по одной руке, чем ты, связанная, грохнешься с крыши!

– По одной руке!.. По полтела, бери больше!! – сглотнула я, понимая, что мы с Полынью теперь стоим плечом к плечу уже отнюдь не фигурально.

Кое-как синхронизировав оставшиеся на свободе конечности, мы прыгнули на следующую крышу. Приземлились с грохотом, но без потерь. Силуэт горгульи почти исчез за пеленой дождя из-за нашего промедления. Надо было торопиться.

Вскоре оказалось, что горгулья водит нас кругами. Либо скульптура не знала других районов, кроме Стариков, и потому боялась покидать знакомую территорию без приказа, либо страдала топографическим кретинизмом.

В конце концов мы вновь оказались над домиком цветочницы. Горгулья спрыгнула обратно на улицу. Возможно, она устала.

Мы с Полынью побежали к краю крыши и замерли… Да, наш доморощенный монстр не был склонен к драке – горгулья хотела лишь покоя, лишь свободы от странного приказа, терзающего ее каменную грудь.

Зато на сцене появилось новое лицо. А именно – госпожа Кавеншроузбук – ревнивая возлюбленная, отлично разбирающаяся в городских легендах.

Как жаль, что не все злодеи любят поболтать…

– Ройонбаалэ! – гневно воскликнула эльфийка, сплетая руки в заклинании.

Признаюсь честно: ничто меня так не пугает, не демотивирует и не печалит, как огненная стрела, летящая мне в лицо.

И тем более прилетающая: падая назад в отчаянной попытке увернуться, я тем не менее уже чувствовала, как острие протыкает кожу на моей щеке… Но тут Полынь *Прыгнул*. И я с ним – спасибо «варежке» из Сетки Хлэнда.

Мы вынырнули за спиной эльфийки. Упали прямо на брусчатку. Полынь тотчас приподнялся и швырнул в злодейку вязь Добрых Сновидений. Я одновременно с тем подсекла ее ногой: просто зацепила мыском сапога за щиколотку – ничего сверхъестественного, но как же действенно!

Леди Кавен послушно приняла горизонтальное положение, лицом уткнувшись в мостовую.

– Х-хххххх! – расстроенно сказала горгулья, все еще сидевшая перед дверью в дом.

Полынь собрал в ладони неоформленную энергию унни, но… Но я успела рявкнуть – странным гортанным голосом, быстрее него:

– *Горгулья! Госпожа! Прошу вас спать, прошу великодушно!*

И скульптура замерла на полушаге. Заклинание Ловчего прошло сквозь нее, не почувствовав никакой жизни.

На несколько мгновений над кварталом Старых Королей повисла тишина… Дождь резко перестал идти, как это и водится у весенних ливней. Небо замерло. Серое, низкое, оно будто собирало брови-облака и спрашивало: ну? Ну, что дальше, люди?

«Дальше – обморок», – подумала я, чувствуя кровь на своем лице и падая затылком на мостовую.

* * *

– Хей, пора вставать.

Голос Полыни вынырнул откуда-то из бессознательного небытия.

– О нет! – Я резко села. – Что за позорное отключение!.. И долго я была без сознания?

– Секунд сорок. Успокойся, малек. Даже с твоей неуемной жаждой жизни это не слишком большая потеря.

Внемлющий вдумчиво продолжил расплетать Сетку Хлэнда. Я посмотрела на него, на окаменевшую горгулью, на леди Кавен, лежащую на мостовой… Признаться, многое можно было обсудить в подобных обстоятельствах, но первым делом я протянула:

– Я и не знала, что *Прыгать* можно к человеку, а не в конкретное место.

– Можно, но это требует определенных условий. Весьма абстрактных и, значит, ненадежных. Однако сегодня у меня было такое оголтелое настроение после всех дворцовых страстей, что я рискнул.

– Каких именно условий? – Я стала разминать освобожденную, но пугающе затекшую руку.

Полынь хмыкнул. Потом покосился на меня. В витрине симпатичного магазинчика, напротив которого мы оказались волей случая, я увидела свое отражение и поняла, как бешено выгляжу: мокрая насквозь, с припухшими от перечного кофе (пили у Дахху) губами, с ошалелыми глазами, никак не решившими, какой выбрать оттенок – от траурно-синего (смерть эльфа) до бешено-лазурного (я знаю *Просьбу*).

– Весьма специфических условий, – наконец обтекаемо заявил Полынь. – У тебя кровь на лице. Много крови. Сходи в Лазарет, не то останется шрам. Либо я могу тебя вылечить.

– Давай ты. Только… Может, сначала свяжем преступницу? По-моему, она уже куда-то намылилась.

– Хм, точно. Хей, леди! Не стоит торопиться, тюремные камеры принимают круглосуточно! – И прежде, чем спокойным шагом пойти за улепетывающей эльфийкой, Полынь погрозил мне пальцем: – Сейчас вернусь и буду рад узнать, какого, собственно, пепла у тебя тут творится?

* * *

Сдав преступницу Ищейкам, а горгулью – камерару Варгасу Хасилиусу (в ответ на мою просьбу он согласился ненадолго покинуть стены ведомства, что было ужасно приятно), мы с Полынью отправились в нашу любимую кофейню «Дом Искристой Пляски».

У меня был законный обед. У Ловчего вообще так весь день свободен.

Сидя в огромных вельветовых креслах, по уши замотавшись в пледы, мы тщетно пытались согреться после своих дождливых приключений. Несмотря на то что Полынь высушил заклинанием и свою, и мою одежду, а на жаровне посреди стола побулькивал чайник горячего минчая, меня все равно нехило так колотило.

Что ж! Время согреваться альтернативным способом.

Я потянулась через стол, подмигнула Ловчему и заговорщически шепнула ему в самое ухо:

– Ну и как там дела у королевы?..

Обожаю горяченькие беседы!

Полынь ощутимо вздрогнул и с грохотом отставил чашку.

– Пепел, малек, я думал, ты что-нибудь другое спросишь! – возмутился он. – Ты меня так и будешь теперь на эту тему изводить?

– Слушай, ну согласись, тема-то интересная, – прищурилась я. – Да ты и сам на рассвете ее поднял в своей ташени. Или записка «Это кошмар» относилась к чему-то другому?

– Да к этому, к чему же еще, – скривился Ловчий, потирая проколотую бровь. – Но я вообще-то хотел от тебя простого человеческого сочувствия, а не допроса.

– Так в ответном письме я тебя и поддержала, хей!.. Или еще надо? Без проблем! – Я набрала в грудь воздуха и умилительным шепотом взвыла: – Бедненький, бедненький маленький Полынь! Злая тетя-королева делает ему неприличные намеки! А ее даже убить за такое нельзя!

Войдя в раж, я потрепала напарника по щечке, за что получила просто невероятно выразительный взгляд исподлобья.

– Если однажды ты попадешь в подобную ситуацию, малек, – с чувством сказал Полынь, – я буду смеяться над тобой в голос, прилюдно, на главной площади города. Тыкать в тебя пальцем и еще приплясывать от удовольствия.

– Да ладно тебе, – тотчас страшно смутилась я. – Я же шучу!.. Я имею в виду – боги-хранители, – неужели там действительно все так плохо? Я думала, это скорее забавно, чем трагично. Или она по-настоящему… э-э-э… клеится к тебе?

Полынь раздул ноздри.

М-да. Вот уж не думала, что с таким человеком, как Ловчий, мы однажды будем обсуждать проблему домогательств. Все-таки есть ощущение, что с этим чаще сталкиваются женщины, чем мужчины. Тем более чем такие мужчины, как Внемлющий…

Прах.

Вот так живешь-живешь, а потом вдруг ни с того ни с сего обнаруживаешь у себя в голове махровый стереотип прошлого века. Причем так глубоко въевшийся, что ты о нем даже не задумывался – принимал за чистую монету без каких-либо рассуждений.

Мне стало стыдно. Теперь я смотрела на Ловчего с настоящей тревогой.

– Да не переживай, на самом деле все нормально и действительно скорее похоже на анекдот, – отмахнулся Полынь.

Он был вполне искреннен, так что я снова успокоилась и спросила:

– А по террористу есть какие-нибудь новости?

– О да! – горячо закивал напарник.

Опершись локтями о стол – браслеты загромыхали, – теперь уже он подался мне навстречу. Со стороны, наверное, наш столик выглядел довольно живенько: будто волны ходят на море или толпа зрителей волнуется на тринапе – качаемся то туда, то сюда, два безумных Ловчих с горящими глазами. Городские сумасшедшие, не иначе. Пора в цирке показывать. За большие, очень большие деньги.

– Я выяснил, что во дворце нет *ни одного* тайного хода, ведущего в Зал Совета, Тинави. При этом беседа с гвардейцами, дежурившими на этаже, и привидениями, рыдавшими там же из-за слишком шумных гостей (кстати, ты не представляешь, как я задолбался их допрашивать, рыдают и рыдают), показывает, что через основные двери в Зал тоже никто не входил. Остается окно или купол. Я проверил их, и оказалось, что в куполе смещали одну из стеклянных сот… Так что террорист пришел оттуда.

– Но ведь там так высоко!

– Вот-вот. Я пообщался со специалистами: идея купола в том, что туда невозможно забраться. Никак. На стенах дворца стоит специальная защита. И это оставляет нам всего два варианта: либо наш террорист умеет летать, либо обладает запредельной магией. В частности, он, как минимум, умеет *Прыгать*. Сразу в Зал Совета телепортироваться нельзя – сработают датчики невозможного, – но вот если переместиться на купольную крышу, а оттуда уже спуститься по веревке, то все пройдет тихо…

Я присвистнула, представив себе такую миссию. В моих мыслях это выглядело до пепла красиво; мне самой даже захотелось провернуть нечто подобное. Судя по блеску глаз Полыни, ему тоже.

– Ты думаешь, это кто-то из бывших Ходящих? – понизив голос, спросила я.

– Сложно сказать. Пока совсем не понятен мотив, а Ходящие… Скажем так, от нечего делать фигней заниматься не будут. Да и вообще не будут. Особенно те, кто сбежал во время бунта, сохранив тем самым свою свободу, жизнь и магию. Зачем им нарываться? Если их поймают – это прямой путь на виселицу. Ставки высоки, а теракты, ты уж прости, какие-то дурацкие… Незрелые.

– Лично я рада, что в них нет жертв!

– Да я тоже, – кивнул Полынь. – Но смысла им это пока не прибавляет. Впрочем, обратный отсчет только начался, а значит, я продолжаю свое расследование. Мне пока не удалось ни расшифровать эти несчастные записи, ни понять, где в Шолохе есть такой песок… Он как

будто из Мудры, что явно нереалистично даже с учетом *Умений*. Так что работаем дальше. Лейла, можно нам еще минчая?

Пролетающая мимо феечка-хозяйка затрепетала крылышками и нежно погладила по голове сначала Ловчего, потом меня. Лейле нравилось, когда мы приходили к ней на обед.

– Вы создаете моему заведению репутацию, – говорила она. – Такие уважаемые Ловчие – и именно в *моем* Доме!

Кто, когда и с какой радости сказал ей, что мы «уважаемые», оставалось загадкой. Но загадкой из тех, которые не хочется раскрывать, а то вся иллюзия пропадет и заодно приятные комплименты к чаю…

После кофейни мы вместе догуляли до Верхнего Закатного Квартала и там распрощались. Полынь пошел к пилигриму Велоту – обсуждать с ним все возможные залежи голубого песка в столице, а я поскакала по ста мраморным ступеням в ведомство: искать Селию и, соответственно, новые приключения на свою Ловчую задницу.

Однако тут меня ждал облом.

13. Терновый замок

Иногда полезнее выдохнуть и отрешиться, чем беспрестанно биться мухой о стекло. Ведь нередко выясняется, что разбивать банку и вовсе не нужно… Вот там, наверху, крышку привинтить забыли. Хочешь – лети.
Статья «О пользе медитации»

– Селия, погодите! Но ведь я вчера уже разобралась с исчезновением Ринды Шаграух!

Я попробовала вернуть помощнице шефа только что выданную мне папку. Прах там был: Селия непререкаемо отодвинула ее от себя.

– Некоторые события в наших жизнях склонны повторяться, Тинави. И, как показывает опыт, обычно это не самые приятные события. Их еще называют не пройденными уроками, – сурово заявила госпожа Сгинувшая. – Юная Ринда Шаграух вновь сбежала из дома уже через час после того, как вы ее вернули. Кажется, воспитательные беседы – не ваш конек, а, Тинави?

– Ага, – буркнула я. – А еще не моя работа. Но это так. К слову.

Селия поправила на носу очки и нехорошо сузила глаза. Мы с ней находились в моем кабинете. Недописанную «философскую» бумажку на детективной доске «Мы все…» мне тотчас захотелось продолжить как «… ожидаем проблем от Селии».

И действительно:

– У вас какие-то претензии, госпожа Ловчая? – ледяным тоном поинтересовалась Сел. – Может, вам не нравятся расследования, которые я вам выдаю?

– Да нет, просто… – Я вздохнула: – Просто мне кажется, что есть более важные дела, чем раз за разом возвращать домой строптивого подростка. Но, наверное, во мне говорит гордыня.

– Очень здорово, что вы это осознаете, – процедила Селия. – Отправляйтесь в Предболотье. А потом домой. И… – ее лицо скривилось, будто от неприятной судороги, – так и быть, завтра вы можете взять выходной, потому что два дня подряд вы начинали службу куда раньше положенного. А заканчивали – позже.

– Ух ты! – восхитилась-улыбнулась я. – Спасибо. На душе сразу стало светлее!

– Вы работаете с бывшим Ходящим. Сомневаюсь, что душа у вас вообще осталась.

И, отвернувшись, Селия похромала прочь по коридору. Цок. Цок. Цок – по полу тростью.

* * *

Несмотря на то что на сей раз я оказалась в Терновом замке еще до заката, атмосфера в приюте оставалась мистической и пустынной.

Седой туман слоями поднимался над болотами. Вечернее солнце проникало сюда еле-еле, окрашивало все в болезненный желтый цвет, и мир выглядел чахоточно, как безнадежный больной в Лазарете.

Бэльбога не было: наверное, отсыпался в какой-то норе. По мутной поверхности топи то и дело ходили подозрительные бугры – неизвестное существо жило там, в трясине, и замирало всякий раз, когда я смотрела в его сторону. Вдалеке слышались тихие, гипнотизирующие шепотки фейкиного холма…

«Верность и разум» —

снова напомнил мне девиз на воротах Тернового замка.

Во дворе не было ни души, зато, когда я ступила в мрачный старинный холл, во все стороны так и брызнули тени – драно-коленные, остро-ключичные, чужаков-отвергательные.

Дети приюта не любили гостей: симфония захлопывающихся дверей приветствовала меня в замке.

Лишь на резной скамье, в чью высокую спинку были инкрустированы гербы главных срединных Домов – тех, что теперь развеяны пеплом на стекольном кладбище Мудры[12], – сидела знакомая мне Ринда Шаграух.

– Опять не ночевала дома? – риторически спросила я, опускаясь на скамейку рядом с девочкой.

Ринда вскинула острый нос. Она выглядела одновременно уставшей и взбудораженной.

– Меня ждет собеседование в Луговую школу! – похвасталась нюкта. – Та математическая формула оказалась последней загадкой. Ребята говорили, что представитель школы может явиться в любой момент после Последнего Ответа… Поэтому, решив ее, я прибежала сюда и больше не могла уйти – боялась пропустить встречу. Говорят, Луговые не дают вторых шансов.

Я оценила помятый и голодный вид девочки и, покопавшись в рюкзаке, протянула ей сэндвич. Ринда воззрилась на меня подозрительно, явно прикидывая, чем ей это грозит и к чему обяжет.

– Просто съешь его, – посоветовала я. – У меня сердце разрывается, когда я вижу таких голодных людей. А я свое сердце, знаешь ли, берегу. Так что это чисто эгоистичный подход к делу, не беспокойся.

Ринда фыркнула и, уже впившись зубами в сэндвич, что-то вежливо проворчала. Веселый хруст сельдерея и запах свежего огурца наполнили чопорные стены замка. Пока нюкта с аппетитом уминала мой ужин, я расспрашивала ее про грядущее интервью. Выяснилось, что если юная госпожа Шаграух пройдет собеседование удачно, то через пару недель ее заберут в Луговую школу. Девушка собиралась рассказать все родителям уже после того, как получит грант, – чтобы у них не было шанса ее переубедить.

– Какая отличная тактика – припирать близких людей к стенке, – укорила я, но сарказм в моем голосе оказался слишком тонким, и Ринда с энтузиазмом закивала в ответ:

– Ну хотя бы вы это понимаете!

Вдруг тяжеленная замковая дверь клацнула и приоткрылась. Сначала в холл проник солнечный луч горчичного цвета – бросился на пол, будто ковровая дорожка под ноги высокому гостю. Потом – тень человека, вытянутая, длинноногая.

Потом – сам человек…

– Добрый вечер, мастер! Вы, наверное, ко мне! – голосом выше обычного воскликнула Ринда.

Она отряхнула руки от крошек, широко улыбнулась и вскочила навстречу мужчине, тогда как я продолжила сидеть, глядя на него с недоверием и опаской – уж не шутит ли со мной зрение в этом странном месте?

– Если вы Ринда Шаграух, то да, я к вам, – знакомым низким голосом сказал вошедший.

Он щурился, шагнув в неожиданно темный холл, и пока не мог рассмотреть нас как следует. Так, подумаешь, два силуэта: подвижная, взвинченная Ринда и я, и без того сидевшая прямо, а теперь вытянувшаяся до идеальной линии и заодно внезапно задумавшаяся о том, насколько хорошо я сегодня выгляжу.

Ибо в замок вошел не кто иной, как Гординиус Сай, колдун. Наш с Дахху и Кадией друг времен наставничества. Тот самый, кого я вспоминала на днях в «Жухлых яблочках» в связи с тем, что его жестоко сослали в пустыню.

---

[12] Мудра – мертвый проклятый город, погибшая столица древнего Срединного государства. Вместе со всеми жителями была уничтожена магическим драконьим пламенем, превращающим все в голубоватое стекло. За столетия, прошедшие с войны, вокруг Мудры разрослась Пустыня Тысячи Бед.

Надо сказать, Гординиус совсем не изменился за эти годы. Черные узкие брюки, черные мягкие ботинки, черный свитер с высоким воротом, чародейская мантия. Белые волосы – ноль пигмента – стянуты в гладкий хвост. Я знаю, что в одном из карманов точно лежат ножницы: Горди однажды пролил на себя ящериную кислоту в алхимическом подвале Башни Магов, и с тех пор его волосы растут, как гоблинские долги в пору урожая, регулярно приходится подрезать…

Треугольное лицо, чуть вздернутый нос, маленький рот, до странности острые уши – похож на фею. Но он, конечно, не фея. Хотя абсолютно белая кожа и странно-прозрачная радужка явно не из этого мира. А ведь всего лишь альбинос – подумаешь, какой-то там меланин потерялся по дороге…

Ринда что-то ему сказала, Гординиус начал отвечать. И вдруг расслабленный взгляд мужчины под белым инеем ресниц соскользнул с девочки на меня. Сай оборвал себя на полуслове и застыл с открытым ртом.

Хм!

Ну, будем честны, вряд ли я сейчас выгляжу *настолько* хорошо.

– Гординиус! – намеренно беспечно воскликнула я. – Вот так встреча! Я и не знала, что ты вернулся в Шолох!

Горди еще пару мгновений постоял неподвижно, как котировки норшвайнской биржи, а потом…

Молча развернулся и выбежал из замка. Дверь за ним хлопнула так, что любопытные сироты, начавшие было выползать из-за углов, вновь брызнули прочь. По двери побежали сияющие руны запирающего заклинания.

– Что за хрень?! – отнюдь не по-нюктовски грубо ахнула Ринда. – А как же мое собеседование?!

– М-м… – в замешательстве протянула я, подбегая к заблокированному выходу. Переливающиеся руны предупреждающе вспыхнули: еще шаг, Ловчая, и тебе будет больно.

«Что за хрень?» – это, в общем-то, очень хороший вопрос.

Меж тем запирающая формула была так называемого замкнутого типа. Не буду вдаваться в детали, просто знайте: это как раз та категория заклинаний, которая не выдерживает встречи с не-магами типа меня. Поэтому, вопреки шипению, я все-таки схватилась за дверную ручку. Тело пронзило разрядом, как от удара молнией, перед глазами рассыпался каскад издевательских искр, но, когда заклинание потухло, оставив по себе лишь запах гари, вход в замок был свободен. А моя прическа – потрясающе объемна.

Экстремально, но эффективно. Не рекомендуется повторять.

– П… пойду за твоим интервьюером, – кое-как разжала сведенные челюсти я. – П… побегу, точнее.

Ринда только смотрела мне вслед с открытым ртом.

* * *

Сырость после ливня парила в воздухе, пропитанная запахом мха и далеких костров.

Гординиус бежал по болотам быстро, уверенно. Только белый хвостик скакал по его спине, мелькавшей меж лоскутов тумана. Я скакала следом, изо всех сил стараясь не только не рухнуть в топь, но еще и по возможности не обнаружить своего присутствия.

У меня не получилось бы, если бы не бэльбог.

– Что так быстро-то!.. – охал мне на ухо невидимый болотник. – Сейчас шаг вправо, слева бы хрустнула ветка! Еще вправо… Влево… Левее!

– Есть, сэр! – шепотом отзывалась я. – А ему, – кивок вперед, – почему не помогаешь?

– Потому что заботиться нужно только о тех, кто хочет, чтобы о них заботились. А он слишком горд, чтобы принимать помощь. Пригнись! – ворчал бэльбог. Мягкое шерстяное тельце весомо оттягивало мое плечо.

Мы нырнули в болотистый овраг с бочагами, исходившими розовым паром. Гординиус впереди неожиданно поскользнулся, не удержал равновесие и съехал в один из таких.

Ох!

Я думала, эти бочаги мелкие, но чародей исчез с головой. И не спешил выныривать. На мгновение я даже решила, что у него там какой-то тайный ход, но тут бэльбог разочарованно протянул:

– Тьфу ты… С таким мертвецом проблем не оберешься… – И я, осознав смысл сей реплики, со вскриком бросилась вперед.

Моя рука вслепую шарила в воде, пока за нее не ухватилась другая рука. С трудом, сами чуть не провалившись туда же, мы с бэльбогом кое-как вытянули Гординиуса Сая.

Колдун был похож на мокрого соболя. Оказавшись на суше, он свернулся кренделем и надсадно раскашлялся, выплевывая воду, а потом, вспомнив, где он и что происходит, замер. Затем очень медленно встал на ноги и – еще медленнее – поднял глаза на меня.

Какое-то время мы пялились друг на друга весьма растерянно.

– Ну, в первый раз диалог у нас не сложился! – наконец признала я. – Но мы можем попробовать еще раз. Кто, если не мы? – И я улыбнулась, хотя рукой сжимала биту, на всякий случай сдернутую с ремня.

Гординиус кивнул. А потом резко заломил запястья и выкрикнул какое-то заклинание – что-то пустынное, незнакомое. Меня тотчас окутало плотным оранжевым светом, пробирающим до самых костей. Будто барханная буря внезапно обрушилась на болота.

…Бита не помогла.

В ушах зазвенело, язык онемел, а голос исчез напрочь. Буря схлынула, а я, охнув, упала на спину. Мне кажется, на этом можно было остановиться, но нет: Гординиус пропел еще одну гортанную формулу, и упругие ветви кустов горейольви вдруг потянулись вперед, обхватывая мои щиколотки и запястья, не давая пошевелиться.

Гординиус Сай, скорчив виноватую рожу, шагнул прочь из поля моего зрения, быстро наполняющегося темнотой.

– Вот так и спасай их… Полежи, полежи, я с тобой… Не бойся… – вздохнул над ухом бэльбог.

Последним, что я увидела перед тем, как мир окончательно потух, оказался зверек, похожий то ли на крохотную овечку, то ли на лисичку, но с человеческим лицом – маленький, беленький, пушистый и очень симпатичный. С двумя витыми рожками и широким носом. Кожаными лапками, похожими на кошачьи, дух, сопя от старания, пытался свернуть капюшон моего плаща на мотив подушки.

Ой. Кажется, теперь я знаю, как выглядит бэльбог. Надеюсь, хотя бы это не из тех тайн, за которые убивают.

* * *

Когда я очнулась, язык снова шевелился, а веток на моих запястьях уже не было. Бэльбога тоже – видимо, он смутился лопнувшей конспирации и ушел. Зато на деревьях были выцарапаны стрелки, отмечающие путь обратно в замок.

Я села, покрутила головой и сразу же чуть не упала обратно, увидев призрака… Привидение стояло над бочагом, в который провалился Гординиус Сай.

Мне вспомнилось предупреждение лешего с прошлой прогулки: «Видишь розовые бочаги впереди? Не наступи! Они превратят твои страхи в миражи и покажут наяву. Люди обычно не хотят себе такого». Так. Ну, мираж, значит, не опасен – уже неплохо.

Потому что призрак выглядел хищно.

Это была женщина среднего возраста, судя по одежде – иджикаянка. Незнакомка была одета в пустынный наряд из многих слоев тончайших светлых тканей – они обхватывали тело перекрестными жгутами, превращались в накидку и расходились подолом. Огромный капюшон надувался, будто у кобры, узкие ленты стягивали наряд возле щиколоток…

У женщины был только один глаз с темно-синей радужной оболочкой. Второй закрывала фигурная металлическая пластина с нарисованным на ней знаком водоворота. Под зрячим глазом чернел жирный Х – непонятная татуировка. Очень короткие темные волосы, присыпанные песком, были зачесаны вперед. В руке призрак сжимал изогнутую саблю. Вокруг клубилась пустынная пыль.

Мираж ничего не делал. Это логично, ведь женщина в пустынном наряде была не моим кошмаром, а Гординиуса Сая.

Зато напротив нее вдруг возник другой призрачный образ…

О да. Явно мой.

Это и была я. Бледная, тоскливая, бездеятельная Тинави, без огонька в глазах и с такими задранными плечами, будто пыталась с их помощью выстроить оборонительную стену против всего внешнего мира. Не Ловчая. Не любознательный чудик. Не подруга, не коллега, не человек с тысячей увлечений и планов. Просто потерявшаяся мечтательница, так и не понявшая однажды, что свой мир формируем мы сами. Выбравшая клетку беспомощности и сожалений о прошлом. Та, кем я могла стать и даже почти стала.

И за что я ее не виню. Из некоторых дыр, тоски, уныния мы просто не можем выбраться самостоятельно. Нам нужна помощь, толчок. Нам всем нужна помощь иногда, и отказываться признать это – значит быть жестоким и глупым. Осуждать того, кому плохо, кто опустил руки, – значит быть животным, не способным на сочувствие. Не быть человеком.

Тот, кто смог достичь чего-то, двинулся дальше, никогда не осудит того, кто пока позади. Лают, высмеивают, презирают, обсасывают упоенно косточки, хвалясь своим положением, только те, кто ни праха не делает.

Я не знала, почему бочаг показал мне эту Тинави. Я искренне не понимала этого до тех пор, пока в руке призрака-Страждущей тоже не появилась сабля, как и у пустынной женщины. Незнакомка встретила это какой-то призрачной репликой, неслышимой в реальности. Еще реплика. И еще. Смех. Какая-то провокация.

Тинави неожиданно вскинула голову, ощерилась. А потом резко шагнула вперед и перерезала женщине глотку. Когда та упала, Тинави сказала ей что-то резкое и удовлетворенно улыбнулась, пнув труп.

– Нет! – ахнула я.

Оба видения растворились.

Прах. Да. Вот это уже страшнее.

Не устать. Не сдаться. Не почувствовать себя проигравшим – я уже знаю, что не проиграю никогда, всегда можно подняться, всегда.

Страшнее всего – перепутать жестокость с силой. Банально и глупо стать злым.

* * *

Ринда Шаграух так и ждала моего возвращения, сиротливо перетаптываясь в пустом саду.

– Они заперли двери! – пожаловалась девочка. – Воспитатели выгнали меня и заперлись. Говорят, мы с тобой мешаем учебному процессу.

– Наоборот, – проворчала я. – Мы вносим в него незабываемую нотку безумия, присущего настоящей жизни.

И я колотила в дверь до тех пор, пока замок не щелкнул и на пороге не появился мрачный директор приюта.

– Что вам надо? – В его голосе напрочь отсутствовало дружелюбие.

Оказалось, его зовут господин Зирт. Прямо там, на пороге, он выслушал рассказ Ринды, а потом, пожав массивными плечами – он весь был какой-то массивный, будто единым жестом богов созданный, – ответил на мой вопрос:

– Да, господин Гординиус Сай регулярно приезжает в Терновый замок, чтобы собеседовать детей для пансионата. Он же забирает их туда.

– Можно мне адрес Луговой школы, пожалуйста?

Директор закатил глаза, порылся в карманах и наконец протянул мне визитную карточку: «Морская площадь, дом 19». Хм. Вообще-то я знаю Морскую площадь как свои пять пальцев благодаря тому, что регулярно пью там липовый сбор от госпожи Пионии. Такое дело: пока вкуснейший, но горяченный напиток остывает, я бесконечно разглядываю дома вокруг.

– …И там нет дома номер девятнадцать. Вообще нет. Их всего дюжина. На всю площадь, – высоко вскинув брови, объяснила я господину Зирту.

Он в ответ пожал плечами, широко зевнул и демонстративно посмотрел на карманные часы, которые тикали так громко, будто каждую секунду выносили кому-то беспощадный судейский приговор.

Но я постепенно учусь у Полыни быть тем человеком, кто понимает только выгодные ему намеки. А потому я упрямо продолжила:

– Как часто забирают детей в Луговую школу?

– По-разному. Зависит от детей.

– И скольким ученикам уже подарили грант в пансионат?

– Шестерым.

– Назовите имена уехавших.

Директор посмотрел на меня искоса. В его тусклых рыбьих глазах светилось недовольство. Ну да мне не привыкать: нас, Ловчих, мало кто встречает с распростертыми объятьями. А те, кто встречает, нередко оказываются самыми злостными преступниками.

Но тут лицо Зирта вспыхнуло озарением.

– Прошу прощения, госпожа Ловчая… – Он почти пел, что само по себе уже плохой знак. – А по какому праву вы меня допрашиваете? У вас заведено дело на приют?

– Пока нет. Но я уверена, как и любому добропорядочному гражданину, вам приятно помочь властям в…

– Мне приятно закончить работу вовремя! – вдруг рявкнул Зирт, да еще и кулаком по дверному косяку вдарил. – Законных оснований для вашего пребывания здесь я не вижу! Ловчие вообще не имеют никакого отношения к приюту, так что выметайтесь из моего замка, пока я не подал на вас жалобу за преследование! Второй вечер подряд тут шляетесь, расшатываете моральные устои!

Директор долго еще орал.

Как будто в нем что-то лопнуло, и все обиды на мир, вся злость, раздражение, недовольство от мелких ежедневных неприятностей и, может, каких-то больших неудавшихся планов – все огромным водопадом хлынуло на нас с Риндой.

Не самый приятный поток, я вам честно скажу. Вздохнув, я забрала нюкту, и под аккомпанемент нескончаемых воплей мы ушли из Тернового замка. Птицы на болоте молчали, сраженные криками Зирта. Все. Будет теперь у них, у птиц, легенда о Короле-Крикуне, не иначе.

– Вы мне все испортили, – мрачно бубнила нюкта. – Не зря в Подгорном королевстве говорят: у людей с синими глазами нет души, они всего лишь – отражения неба и так же легко нагоняют беды в чужие жизни, как ночь – темноту на весь белый свет.

Вздохнув, я поинтересовалась:

– Ринда, неужели тебе самой не кажется, что с этой школой все крайне подозрительно?

– Да все прекрасное в мире сначала выглядит подозрительным! Потому что оно новое. Непривычное. Интересное! – злилась девочка.

– Пожалуйста, больше не ходи сюда. Хотя бы в мою смену, – только и попросила я, прикидывая, что же мне делать дальше.

* * *

– Вот так и бегай за бывшими! – расхохотался Мелисандр Кес, услышав мой рассказ о Терновом замке. – Он хоть красивый, этот Гординиус?

– Конечно. Но ты красивее, не беспокойся.

Мелисандр улыбнулся во весь рот и продолжил протирать бокалы за барной стойкой. Я, поставив локти на нее же, угрюмо попивала свой кофе – потрясающе неуместный в «Чалом единороге».

Именно сюда, в вотчину господина Кеса, я отправилась после болот. Причина была простая: к тому моменту, как я выбралась из Тернового замка и вернула Ринду Шаграух родителям, наступила ночь. А значит, не было никакого смысла долбиться в Башню Магов с попытками узнать, какую темную воду баламутит Гординиус Сай. Надо было ехать домой, но…

Знаете, иногда домой ужасно не хочется.

В иные моменты кажется, что просто пойти к себе – это какой-то проигрыш. «Я же еще не пожил как следует!» – кричит неопознанный голос внутри и требует приключений. Это тот же голос, который заставляет тебя читать книги до утра вместо того, чтобы как следует выспаться, и спонтанно срываться в путешествие, когда ты обвешан обязательствами, как новогодняя елка. И вот сколько лет я живу на свете, а так и не разобралась, чему принадлежит этот голос: любви к жизни или страху перед смертью. Что, поверьте, совсем не одно и то же.

Надеюсь, что первому! И, может, немного оголтелой беспечности.

Так или иначе, вместо того чтобы отправиться в Мшистый квартал, я прискакала в «Чалого единорога».

Этот трактир, несмотря на дурную репутацию, несомненно был самым харизматичным заведением в Чреве Шолоха. Он насчитывал два этажа, обшитые красным деревом, причем верхний этаж шел по периметру зала как балкон: на нем располагались частные кабинки, в каждую из которых вела своя лесенка. Что происходит внутри кабинок, не было тайной: окошки с обаятельными деревянными жалюзи всегда были распахнуты – требование заведения. Еду туда поднимали с помощью веревочных лифтов. В центре зала рос раскидистый бук, на чьих ветвях висели разноцветные фонарики, а в ствол был вделан часовой циферблат. Вместо чисел на нем красовались фразочки из серии «Отличное время, чтобы станцевать!» или «Пора к десерту!».

Барная стойка выползала в центр трактира и огибала бук – как раз здесь располагались лучшие места. В корнях прятался люк, ведущий в подземелье «Единорога», – вот туда уже приглашали немногих гостей, ведь там ночами шли карточные и определенно запрещенные игры.

Но до полуночи в «Единороге» было вполне уютно. Мы с Кадией и Дахху после некоторых сомнений променяли «Воздушную гавань» – наш прежний штаб – на эту обитель греха и Мелисандра Кеса. Однако сейчас ребята не смогли присоединиться: Дахху работал над биографией госпожи Марцелы, Кадия готовилась к своим тестам. Полынь уже попал в королев-

ско-шелковое рабство и явно не объявится до утра, зато Мелисандр, на работе он или нет, всегда был готов к историям, квестам и обсуждению всего на свете.

– Проблема в том, – я побарабанила пальцами по барной стойке, – что наш департамент действительно не имеет никакого права заниматься Терновым замком. Конечно, завтра я доложу о случившемся, но мою жалобу просто переведут в Лесное ведомство, и все. А мне – особенно после того, как я скажу, что знаю Гординиуса (а я скажу, это правило), – запретят приближаться к болотам.

– А у тебя, кстати, не будет проблем из-за того, что колдун тебя вырубил? – полюбопытствовал Кес. – В том плане, что ты так активно доказывала им, что и без колдовства умничка, а тут всего один щелчок пальцами – и до свидания.

Я раздосадованно крякнула.

– А то есть у меня одна идейка… – невинно посвистывая, продолжил Мелисандр.

– О нет! – подобралась я. – Только не твои идейки!

Потому что это самая настоящая классика жанра: все хорошо, все тихо, мирно и благостно, и тут господин Кес ни с того ни сего вдруг понимает, что ему охота навести какую-нибудь суету.

И мир, сраженный энтузиазмом этой загорелой бестолочи, катится к праховой бабушке. Быстро. Треща на пути, ломаясь и похихикивая.

– Не дрейфь! – узрев мою мрачную рожу, саусбериец примирительно поднял руки. – Ничего такого. Просто я знаю, что Ловчие типа тебя имеют право набирать информаторов и иногда-а-а… – он понизил голос, – дают им задания отнюдь не по ведомственным вопросам. То есть, если тебе и запретят заниматься замком, ты можешь провернуть расследование чужими руками. Крепкими. Прекрасными. Умелыми руками.

И Мелисандр эдак соблазнительно хрустнул пальцами у меня перед носом, а потом подмигнул. Взгляд его лазоревых глаз был беспринципно-открытым.

Лазоревых!..

– Стоп! Так это ты – голубоглазый информатор Полыни? – Я аж подпрыгнула на табуретке. – К тебе ревновал Велот? Тебя Ловчий проверял и прочил в мои помощники?

– Тс-с-с, Стражди, тише, тише! Но да, я! – Лицо Мела буквально светилось от гордости. – Ты даже не представляешь, как меня гонял твой Внемлющий! Специально, изверг патлатый, устраивал какие-то бешеные проверки. Хотел, видишь ли, убедиться, что я надежный парень, – на тот случай, если до тебя однажды все-таки дойдет, что нанять меня – это лучшее решение в мире Ловчих и информаторов. Доубеждался до того, что сам, по-моему, не хотел лишаться моих услуг, аж зубами скрипел от жалости. Но что не сделаешь ради прекрасной леди!..

Я не уверена, что Мелисандр правильно интерпретировал скрип Полыньих зубов – наверняка там имелась некая другая причина, далеко не такая Мело-восхвалительная, но… В общем и целом все это было до пепла похоже на правду!

Я тотчас вспомнила, как меня удивляло отсутствие саусберийца дома днем. Теперь все понятно: Кес бродил по заданиям Внемлющего. И да, если уж Мелисандр с успехом прошел проверки Полыни, то я действительно могу рассчитывать на качество его услуг…

– Ну что, будешь моей госпожой? – осклабился Кес.

Звучало двусмысленно.

– Да! – решилась я. – Значит, так, вот какие непонятности у нас есть на данный момент…

И готова поспорить, никто из посетителей «Чалого единорога» и подумать не мог, что хохочущий чужеземец и вдохновленная Ловчая, склонившиеся над барной стойкой, приступают к разгадке весьма и весьма нестандартного – о чем мы тогда не догадывались – преступления…

14. Ты что, не рада?

Обожаю правила! Их так весело нарушать.
Хранитель Рэндом

Нет ничего приятнее, чем исполнять волю начальства, если эта воля гласит: не вздумай являться на работу.

Именно так, если помните, мне сказала Селия. Ну или я так интерпретировала ее слова!

Поэтому, проснувшись около полудня после целой ночи планирования диверсий против Тернового замка, я собралась и с чистой совестью направилась мимо Верхнего Закатного Квартала – на остров-курган, к Лиссаю.

В понедельник принц сказал, что Святилище скучает по мне. И я тоже по нему скучала, да. Но тревожный червячок снова засуетился где-то внутри, и мне никак не удавалось вытянуть его, выбросить прочь. Мне было страшно думать о Святилище для себя, хотя я чувствовала, что для Лиса оно не опасно. «Это явно что-то психологическое», – как на днях диагностировал мастер Улиус.

Но что?.. Что со мной опять не так?

Я же очень хочу туда!..

Была у меня и условно-объективная причина для беспокойства. А именно: Лиссай провел в Междумирье столько времени в выходные, что местные тени на нем перекочевали в Шолох. Пусть принц и уверен в том, что все нормально, но так ли это на самом деле? Не сломаем ли мы сейчас по незнанию что-нибудь важное?..

Прах, будь я хранительницей Авеной, я бы не разбрасывалась ключами от других миров! Сочтите меня перестраховщицей, но мне кажется, если даришь кому-то вселенную, то совсем не лишним будет приложить инструкцию по технике безопасности.

А что, если хранительница и не хотела, чтобы Лис пользовался ключом самостоятельно? Что, если она рассчитывала вернуться к его дню рождения из Хаоса? И у них с Карланоном и Рэндомом все-таки что-то пошло не по плану…

Но пока у меня нет доступа к информации о богах, мои волнения совершенно бессмысленны.

Особенно с учетом того, что Лиссай передумал идти в Святилище.

Принц полулежал в шезлонге у входа в восточную аркаду дворца. Откинувшись на приподнятую деревянную спинку, он рисовал в блокноте. День был – прелесть! Звонкий и свежий, пропитанный запахами липового цвета. Шумели на ветру молодые кусты сирени. Мелкой рябью покрылось озеро, лебеди в нем то и дело ныряли, надолго зависая попами кверху и смешно перебирая перепончатыми лапами.

– Просто я подумал, что в Святилище всегда одна и та же погода, один и тот же пейзаж. А такие погожие весенние дни, к-как сегодня, – наперечет. Поэтому я предлагаю вам, раз у вас выходной, вместо Междумирья отправиться на мельницу Ка-ди-Глосси, – отозвался Лис, пружинисто поднимаясь мне навстречу. – Вы слышали о ней? Там можно почувствовать себя настоящим фермером: примерить наряды травников, подоить га́лосса, поухаживать за духами-вайтами и помочь яблоневому человеку. Говорят, незабываемые впечатления.

Мои брови выгнулись двумя изумленными дугами.

– Вы хотите на ферму? – недоверчиво повторила я. – Подоить га́глосса?

– Да, надо брать от жизни все! – заявил Лиссай. – Не волнуйтесь, к-конечно, мы сделаем это анонимно. И поедем не в дворцовой карете, а на Сипта́хе. Его легко принять за обычную лошадь, так что проблем не будет.

Сиптах – это безрогий единорог принца Лиссая.

Надо сказать, что каждому члену королевской семьи полагается свой единорог. Впрочем, их чаще называют лошадьми – якобы чтобы не выпендриваться (хотя сложно сказать, в чем больше пижонства: в обладании высокой привилегией или в нарочитых попытках ее обесценить).

При этом Ищущие не очень активно общаются с единорогами. Лиссай и вовсе с детства игнорировал своего питомца. Поэтому, когда Сиптах, изначально принадлежавший принцу-наследнику, сломал рог, споткнувшись в овраге, король и королева решили провести небольшую рокировку. Брату Лиссая отдали «нового», «хорошего» единорога, а Лису достался покалеченный Сиптах.

До прошлого года Лиссай вообще ни разу не навещал животное. Потом постепенно проникся к нему симпатией, и сейчас иногда берет Сиптаха из конюшен для тайных вылазок куда-нибудь прочь из Шолоха.

– Хорошо, – сказала я. – Мельница Ка-ди-Глосси – это звучит отлично.

* * *

В итоге мы с Лиссаем провели совершенно замечательный день на ферме. Очень туристический досуг – в хорошем смысле слова.

Мы приобрели две широкополых шляпы и ходили, низко опустив их на лица: Лис – чтобы не светить своей слишком приметной физиономией, а я – за компанию. Приятно иногда почувствовать себя знаменитостью!

Сиптах – поразительно умное животное – весь день успешно делал вид, что он обычная лошадь, и даже смиренно позволил принцу измазать грязью перламутровую пластину от сломанного рога на лбу.

– И все-таки мне не верится, что вы, даже при всей прелести мельницы, предпочли ее визиту в Святилище, – призналась я Лису по дороге обратно.

Седельная сумка принца отяжелела от большого количества набросков, сделанных нами в этом коротком путешествии.

– Да у вас вообще есть дурная привычка – мне не верить, – иронично отозвался Лиссай, поправляя шляпу.

Он точно лгал. Точнее, недоговаривал. Но в чем именно – я не могла выяснить, во всяком случае, мирным путем. А подвешивать его высочество над костром вверх ногами и прижигать пятки кочергой, чтобы узнать правду, явно было не самой здравой идеей на свете.

Уже когда мы прощались, сдав Сиптаха в конюшню, принц сказал:

– Ладно. Признаюсь. Это была не просто поездка, а определенного рода разведывательная экспедиция. Междумирье создано для того, чтобы ходить между мирами, верно? Вот я и хочу попробовать сделать это. Точно так же, как мы всего лишь на один день съездили в Ка-ди-Глосси, я хочу туристом отправиться в другой мир. Я знаю, что где-то во вселенной есть дружелюбная планета, в которой есть точно такая же ферма. Идентичная с точки зрения внешнего вида. Хранительница Авена рассказывала мне это как забавный к-курьез. И теперь я хочу попробовать попасть туда. Поэтому я делал так много рисунков сегодня – надо все хорошенько представить.

У меня отвисла челюсть.

– Вы серьезно? – спросила я.

– Ну да.

Он выглядел как воплощенное слово «безмятежность».

– Лиссай, а вы хотя бы примерно представляете, как надо открывать дверь из Святилища в другие миры?

– Пок-ка нет. Но догадываюсь.

Я моргнула. Так-так-так. Тинави, держи себя в руках. Наорать на его высочество – это тоже не вариант.

– Лис, людей расщепляет даже во время обычных Прыжков. Хотя нет, давайте возьмем более бытовые вещи: даже чтобы научиться подогревать себе чашку кофе, нужно выучить формулу. Пытаясь сделать это наобум, вы можете просто оторвать себе пальцы. Что уж говорить об открытии дверей не пойми куда!

– Не «не пойми куда», а в симпатичный мир со знакомой мне фермой, – вскинул подбородок Лиссай.

– И все же я вас прошу: не делайте этого в одиночестве.

– Можем вместе.

– Я имею в виду: подобные вещи лучше изучать под присмотром богов.

– Но ведь их так давно нет.

– Вот именно! Не хватало только, чтобы и вы пропали, провалившись в какую-нибудь там складочку в коварной ткани бытия! Разные временные потоки, загадочная навигация – да мы с вами понятия не имеем, как вообще все это устроено. Что вы скажете, случайно оказавшись на краю вселенной?

– Я скажу: «Ух ты», – парировал Лиссай.

Мы с ним стояли в самом начале восточной аркады дворца, ровно на границе уличного света и мягкого полумрака уходящего под курган коридора. Поняв, что проигрываю, я прикусила губу.

– Давайте дождемся хотя бы Анте Давьера?

Но Лис только усмехнулся и грустно покачал головой:

– Вы мне совсем, совсем не верите, Тинави. Это чем-то похоже на государственную измену.

– Поклянитесь, что не уйдете никуда в одиночку! – взмолилась я.

Лиссай вместо этого улыбнулся. Потом поцеловал мне руку своими как всегда прохладными губами и, отвесив церемонный поклон, скрылся в сумраке аркады.

Вот зараза. С одной стороны, я полностью разделяю его любопытство. Но с другой… Просто взять и уйти в другой мир! Пеплов Лиссай!.. Могу ли я как-то повлиять на него? Что вообще за фантазии такие? Ему мало было умереть один раз? Я не понимала его легкомыслия.

Бухтя, я пошла к Мосту Ста Зверей по зеленым дворцовым угодьям.

Но уже пять минут спустя путь мне перегородило нечто шуршащее и лохматое, спрыгнувшее на меня с ветки дуба, растущего у тропинки.

Я вскрикнула и приготовилась драться, но это оказался Полынь.

– Боги всемогущие, а на дереве-то ты что делаешь?!

– И тебе привет, малек, – зевнул, потягиваясь, Ловчий. – Я там отсыпаюсь, не поверишь. Потому что сегодня ночью эта роскошь мне не обломилась.

– О?..

– Я наконец разгадал шифр, – пояснил Внемлющий. – Хочешь узнать, что было в посланиях террориста?

– Интересно, в какой вселенной я бы ответила «нет»?! – так и подпрыгнула я.

Полынь цепко схватил меня за локоть и, гремя браслетами, потащил прочь по гравийной дорожке. По пути напарник нарочито втянул воздух ноздрями и пробормотал что-то вроде «М-м-м, принцевым духом пахнет!». Я ничего не сказала. Не имею привычки отвечать, когда не спрашивают. Если это, конечно, выгодно в данных условиях.

Ловчий привел нас в один из укромных уголков дворцового острова: декоративный грот, ручей, крохотная оранжерея и садовые качели. Плюхнувшись на них, Полынь приглашающе похлопал по подушке рядом с собой. Я села.

– Читай и наслаждайся, душа моя.

И Полынь протянул мне бумажку, исписанную его летящим почерком. Записка гласила:

«ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ХОДЯТ СЛУХИ, ЧТО В ШОЛОХЕ ВСЕ ХОРОШО С БЕЗОПАСНОСТЬЮ И У ГЛУПОГО ТЕНЕВОГО ВЕДОМСТВА ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ.

НО СЛУХИ ОБЫЧНО ЛГУТ.

ПРОВЕРИМ ИХ?

РАЗВЕЕМ ИХ?

ВИР».

– Это то, что было в свитке на Ратушной площади, – пояснил Полынь. – А вот информация из Зала Совета.

«ВТОРАЯ ПРОВЕРКА ТАКЖЕ ПРОВАЛЕНА.

СОБЕРИТЕСЬ!

ВИР».

Очень интересно…

– Крайне самоуверенный тон, не находишь? – Полынь потряс бумажками: – Теперь мы знаем, что он называет себя Вир! Что это? Имя, фамилия? Прозвище? Код внутри кода? Мои нищие теперь ищут в Шолохе все, что связано с этим.

– Наверное, они в восторге от количества задач, которые перепадают им, пока ты отстранен и не можешь работать с Ищейками, – заметила я.

– А то. Моя зарплата стремительно перекочевывает в их худые карманы, – фыркнул Полынь так беззаботно, как могут позволить себе только выходцы из знатных Домов вроде нас.

Я посмотрела на бумажку еще раз и полюбопытствовала:

– А что было ключом к шифру?

– Ты не поверишь! – Вот тут Полынь уязвленно поморщился. – Код был не самым сложным, один из старых шифров Теневого департамента, но… Короче, в оригинале все это написано со страшными ошибками, поэтому, изначально получая буквенные сочетания вроде «ходют» или «втарая», я сразу переходил к следующему подбору. Мне и в голову не пришло, что террорист безграмотный! Или чужеземец.

– С ума сойти! – только и воскликнула я, не зная, плакать или смеяться от таких новостей.

– Но, скорее всего, Вир просто насмехается, – критично щелкнул языком Полынь. – Теперь мы видим, что наш террорист в своих посланиях однозначно задевает короля и Ходящих. Он как бы высмеивает их за то, что они не в состоянии обеспечить столице необходимый уровень безопасности, называет их «глупыми» – такое издевательское, детское поведение. Вот, видимо, и «спустился» в тексте до их предполагаемого уровня… В общем, знаешь, видимо, это все-таки кто-то из бывших Ходящих. Откровенно взбешенный тем, как с нами поступили три года назад во время реформы.

У Полыни вырвался такой тяжкий вздох и одновременно такое естественное «с нами», что я в который раз вспомнила: он ведь Ловчий всего ничего по сравнению с тем, что всю жизнь до этого был Ходящим… Не сложно ли ему теперь быть на ножах со своими? Не сложно ли приноравливаться к беззаботному миру-без-масок?

– Бывший Ходящий… – протянула я, задумчиво откидываясь на подушки садовых качелей. – Такой, как ты, отказавшийся от бунта? Или удачно сбежавший мятежник? Или кто-то, кто был в тюрьме, а потом его выпустили?

Лицо Полыни резко потемнело.

– Тинави… Ни один из бунтовщиков, попавших в тюрьму, из нее уже не вышел. Это путь в один конец для Ходящих, – после паузы сказал напарник.

От его тона у меня похолодело внутри.

Мне срочно захотелось как-то его утешить, и я ляпнула первое, что пришло в голову:

– Неправда, твоя тетушка Тишь вышла! Может, Вир – это она?

Полынь от неожиданности фыркнул, а потом отрицательно и яростно замотал головой:

– Точно нет! Во-первых, город напичкан сигнализациями против нее. Да, любую систему можно взломать, но не столько систем разом. Во-вторых, я тоже сплел несколько охранных заклятий, основанных на крови. – Он задрал подол хламиды и штанину (значит, сегодня он в брюках, ага!), обнажая череду коротких шрамов на сгибе колена.

Ого. Я не знала об этом.

– И в-третьих… Мягко говоря, это не в ее характере. Представь: столько лет Тишь рулила Теневым департаментом, на бунте пролила кровь трех сотен горожан, два года просидела в карцере, а теперь вдруг решила так странно поиграть. Нет. Если бы Тишь решила отомстить, столица мгновенно бы пропиталась кровью и смертями, поверь. – Полынь ненадолго закрыл глаза и устало помассировал веки пальцами. – Я бы показал тебе портрет Тишь – для наглядности. У нее взгляд, что называется, говорящий. Но в мире нет ее изображений. Все уничтожили из-за статуса главы контрразведки. Никто не должен был знать, что за человек прячется под *этой* золотой маской.

– Но ты знал.

– Я же ее любимый племянник. Пока у нас не случилось размолвки из-за необходимости бунта, мы были действительно близки. Нередко мы, нарушая контракт, даже выбирались в город, как простые шолоховцы, – всегда под покровом ночи, но зато без масок, что казалось невероятной степенью наготы… И скажу тебе со всей ответственностью: окажись тут Тишь, она бы так не играла. Тишь бы рубила головы. Не могу придумать фактор, который бы ее от этого удержал.

– Но ведь люди меняются…

– Нет, люди не меняются, – резко оборвал меня Полынь.

Возможно, слишком резко и громко: пара дворцовых белок, уже давно мучительно раздумывавших на краю полянки, погладим мы их или нет, если они приблизятся, теперь с писком скрылись в кустах, а сам Ловчий неодобрительно – по отношению к себе – поджал губы.

– К сожалению. Или к счастью. Но не меняются – факт, – закончил он.

Какое-то время мы сидели молча. Полынь с ногами забрался на мягкое сиденье и, откинув затылок на подушки, закрыл глаза. Один из его колокольчиков, тот, что крепится к прядке волос у левого виска и соседствует с двумя крохотными родинками возле глаза, тихонько позвякивал с каждым движением качелей.

Это было до пепла уютное звяканье. Я невольно подумала: как же здорово, что Полынь однажды пришел ко мне в Мшистый квартал. Иногда и не знаешь, как какой-нибудь чужой и поначалу кажущийся странным человек вдруг прорастет в тебе и во всей твоей жизни – как удивительное дерево, как одна из опорных конструкций неба.

– Ты скучаешь по своему прошлому? – спросила я.

Полынь лениво приоткрыл один иссиня-черный глаз.

– Иногда, – сказал он. – Но настоящее гораздо лучше.

* * *

В пятницу утром я пришла в Иноземное ведомство.

До этого я успела позавтракать с Дахху и Кадией. Завтрак получился весьма рассеянным, каждый из нас был отвлечен на свои проблемы.

У Мчащейся уже в воскресенье были тесты в департамент Стражи, она думала о грядущем переводе. Дахху по уши погрузился в биографию госпожи Марцелы, что теперь не столько раздражало его, сколько интриговало. Я переписывала информацию о Луговой школе в формате доклада – вчера Мелисандр Кес убедился, что по адресу такой школы и впрямь нет («Я

там все обнюхал!») и в реестре лесных учебных заведений она тоже отсутствует. Что касается Гординиуса, то тут оказалось сложнее: в Башне Магов сказали, что документы о том, где сейчас работает господин Сай, хранятся в гильдии магов Воронова бастиона на северной границе королевства. Поэтому если я хочу узнать достоверную информацию о Гординиусе, то надо ехать туда – а это четыре дня пути… Мел выразил готовность сгонять туда в понедельник, потому что всю следующую неделю «Чалый единорог» все равно будет закрыт на некую таинственную профилактику.

– Может, и мне тоже попросить Мелисандра о помощи? – задумался Дахху. – Вдруг он согласится пообщаться с кем-то из горничных госпожи Марцелы для меня.

Кадия хмыкнула:

– Только объясни ему конкретно, что ты имеешь в виду под «пообщаться». А то знаешь ли…

Сейчас же, сжимая под мышкой дописанный доклад, я постучалась в кабинет мастера Улиуса.

С той стороны рявкнули «Заходите!» так злобно, что я чуть было не развернулась, однако… Разъяренный Улиус ведь точно выйдет проверить, кто постучал и не зашел, а коридор длинный, я далеко не убегу, он поймает – хуже будет.

Сглотнув, я вошла.

Шеф в оранжевом облачении, которое сейчас было похоже на живой огонь, рассекал кабинет и технично рвал за бумагой бумагу. Атмосфера была взрывоопасной.

– Простите, я не хотела вас отвлекать. У меня ничего срочного, зайду попозже, – я хотела ретироваться, но тут Улиус драматично захохотал, закинув голову назад.

Это было настолько внезапно с его стороны, что я ошеломленно застыла.

– У меня тоже ничего срочного, Тинавушка, не волнуйся. Ни у кого из нас тут больше ничего срочного не случится! Прытко бегают, так часто падают! В понедельник нас всех похоронят в рядок, и на этом все кончится.

– Э-э-э… – протянула я.

Улиус притормозил и, наставив на меня указательный палец, отчеканил:

– Объясняю. Твой коллега Соувленмох, приписанный к Ноа де Винтервиллю, попал сегодня в Лазарет вследствие неудачного расследования по делу об украденном келпи. Зачем этот идиот сунулся в подводные пещеры накануне такой важной миссии – мне неизвестно. А еще я ума не приложу, кто из наших Старших Ловчих обладает достаточно кротким характером и при том хорошо подвешенным языком для того, чтобы выдержать неделю в компании Ноа! А Младших назначить нельзя – оскорбительно!.. Так! Тинави, если ты вот таким кривым бочком подходишь ко мне, чтобы предложить кандидатуру Полыни, – не вздумай!

– Нет, я подхожу, чтобы дать вам ромашковый чай. Он свежий. Только что купила, не пила. Вкусный, попробуйте, – осторожно пробормотала я, ставя на угол стола берестяной стаканчик.

Улиус уставился на него как на врага, и идея с чаем мгновенно перестала казаться мне хорошей. Но вдруг шеф прищурился.

– Это от госпожи Пионии? – протянул он.

– Да, – кивнула я.

– Ты с ней дружишь, верно, Тинавушка?

– Можно и так сказать, – тут мой кивок был осторожнее.

– И ты у нас вроде весьма неплохо ладишь с людьми…

Ой. Прах.

ОЙ.

Я замерла, вытаращившись на дурацкий стаканчик. Улиус задумчиво подергал себя за бороду.

– Отлично! – наконец с былым энтузиазмом пробасил он. – Решено: мы отдаем Ноа де Винтервилля тебе! Скажем, что ты близкая подруга его матери, это уберет негатив от того, что ты Младшая Ловчая. Плюс, возможно, он отнесется к тебе чуть мягче. Ну? – шеф улыбался. – Ну, Тинави? Ты рада?

Я только невнятно что-то просипела, понимая, что мне конец.

– Не рада? – глядя на меня в упор, протянул шеф с той поистине устрашающей интонацией, которая заставляет твое сердце сделать четыре кульбита подряд, а потом изобразить чокнутого тролльего барабанщика, постучавшись в ребра, желудок и горло попеременно.

Я открыла рот, чтобы объясниться, и… закрыла.

Так. Ладно. Я хотела увидеть Ноа? Прекрасно, я увижу Ноа. Это важное дело? Да, объективно важное. Я люблю показывать город чужакам? Более того: я это обожаю! Мешает ли мне это проявить себя в будущем? Да нет, не мешает.

Сплошные плюсы.

– Я с радостью возьмусь за сопровождение Ноа де Винтервилля, – наконец выдавила я.

– Отлично! Иди в Архив, Тинавушка, тебе дадут план действий! – окончательно просветлел лицом шеф, залпом выхлебывая ромашковый чай.

– Да, конечно. Но можно перед этим я расскажу вам об одной очень подозрительной вещи? Пожалуйста?..

Я положила на стол стопку своих заметок о Терновом замке и Луговой школе. Рассказала все как есть, включая встречу с Гординиусом Саем. Набрала в грудь воздуха, чтобы попросить разрешения заниматься этим, однако…

Улиус поступил именно так, как я подозревала.

– Это же вообще не наше дело, Ловчая. – Глава департамента смотрел на меня с укором.

– Но там детей увозят неизвестно куда!

– Это. Не. Наше. Дело, – с расстановкой повторил мастер Чобчек. – Как и ты, я осознаю весь идиотизм чрезмерной бюрократии, но правила, какими бы они ни были несовершенными, должны хоть как-нибудь соблюдаться, пока мы не создали лучших правил. Иначе все пойдет коту под хвост, а коты, поверь, такого не терпят. Ты молодец, что написала доклад. Я передам его нашим коллегам из Лесного ведомства.

– Но ведь дело все равно зависнет там.

– Возможно, – признал Улиус. – Но если ты думаешь заняться замком в свободное время – то НЕТ, я официально запрещаю тебе это. Твой приоритет – Ноа де Винтервилль. Я надеюсь, у тебя не было никаких планов на выходные? Потому что тебе явно стоит провести их за изучением информации об архиепископе. Как говорится, не тогда надо искать стрелы, когда неприятель придет. А заранее, Ловчая. Заранее. Так что отодвинь все свои дела и покажи этому саусберийцу, где раки зимуют! – закончил шеф, боевито потрясая кулаком.

Ох, чую, где-то вдали сейчас икает один архиепископ…

15. По неправильной дороге с ветерком

Все мы имеем право на маленькую истерику.
Берти Голден-Халла, детектив из Саусборна

Итак, меня ждало добровольное домашнее заключение в компании досье на господина Ноа де Винтервилля.

Секреты последних дней повисли в воздухе, будто болотные огоньки, трепеща и нерешительно перемигиваясь. Изредка я выныривала из бумаг и хваталась за какой-нибудь из них, но они, явленные в таком количестве, просто проскальзывали между пальцами, слегка обжигая и не принося света, – только вспышки, режущие глаза.

Не зря говорят, что главное в жизни – умение расставлять приоритеты и действовать последовательно. Одна задача за другой, не одновременно. А то получается впечатляющий, но бесполезный узор.

Так что, с трудом потушив свое любопытство, я погрузилась в работу.

В воскресенье у Кадии были тесты на новую должность.

«Хей, как ты там?» – написала я ей на закате и отправила записку с филином.

«Все. Повысили!»

«Ура! Нет: УР-А-А-А-А! Кто бы сомневался, но скажу еще раз: ты молодчина, Кад! Я горжусь тобой! Расскажешь, как все прошло?»

«Если честно, я сейчас без сил. Давай завтра?»

«Конечно!»

* * *

Посреди ночи меня разбудил стук в дверь. Стучали ногой.

Дверь сотрясалась, ходила ходуном, ей вторили стекла по всему дому. Я подлетела над кроватью на метр, не меньше, и еще в полете впервые в жизни задумалась: хм, а насколько прочен мой коттедж?..

– Ху-ху! – недовольно возопил с жердочки Марах, тоже порядком опешивший от вторжения. За спиной филина сквозь незашторенное окно было видно, как зажигаются аквариумы с осомой у соседей: незваный гость решил разбудить весь квартал.

– Это кто такой умный? – поразилась я, бросаясь в коридор.

Ответ последовал незамедлительно:

– Стражди, это я! – крикнули с улицы.

Низкий зычный голос принадлежал Мелисандру Кесу.

– Что случилось? Где твои ключи?! – Я распахнула дверь.

– Ух ты ж лыдровые пташки! – Мел отшатнулся. На его лице промелькнула смесь ужаса с восхищением. – Это у тебя ночнушка или саван? Ты что, таким образом морально готовишься к завтрашнему подопечному? Даже мои покойники так не наряжались, хотя морги Саусборна – это высший класс и широкий ассортимент постояльцев…

Как ни странно, про подготовку он угадал. Я действительно решила набраться нравственности перед встречей со зловещим архиепископом и поэтому легла спать чуть ли не в чепчике.

Но сейчас это было совершенно неважно, потому что на руках у Мелисандра обнаружилась Кадия. Подруга вольготно развалилась в объятиях саусберийца и, закинув голову назад, то ли хихикала, то ли храпела, а скорее – все вместе. От нее крепко пахло табаком и вином, кожа была серого цвета, а зрачки под прикрытыми веками ошалело бегали туда-сюда.

– Ты что с ней сделал? – побледнела я.

– Ну класс. Почему сразу я? – вздохнул Мелисандр.

Мимо меня он прошел в мою спальню, придирчиво заглянул в щель задернутого балдахина над кроватью, а потом сбросил туда Кадию, будто в магический портал. Подруга, что-то бормоча, обхватила подушку, одеяло и вместе с ними забилась в дальний угол постели. Серебряный значок стражницы, выпавший из ее кармана, обычно начищенный до блеска, сейчас лишь тускло серебрился на простынях, скорее поглощая, нежели отражая мерцающий свет аквариума с осомой.

Я перевела взгляд на Мела. Друг мрачно стоял в центре комнаты, зацепив большие пальцы за лямки кожаной портупеи. Его белая рубашка была местами порвана, губа кровоточила, на подбородке наливался синяк.

Принеся воду и лед с кухни, я растерянно протянула:

– Так что случилось?..

Мелисандр прижал компресс к губам и поморщился:

– Все началось с того, что Кадия написала мне на закате. Мол, не хочешь сегодня потусоваться со мной, Мелисандр? Я сказал, что, конечно, хочу, но работаю до трех ночи. Она пошутила, что постарается не превратиться в тыкву к этому часу. Точнее, как выяснилось, не пошутила, а прямым текстом предупредила. По окончании смены в «Чалом единороге» я отправил ей письмо, будучи абсолютно уверенным, что госпожа Мчащаяся уже дрыхнет в своей розовой кроватке в родном поместье. Но почтовый голубь, как ни странно, вернулся – взъерошенный, весь в губной помаде и с адресом одного злачного заведения, написанным так криво, что я понял – надо бежать. Прибежал, а там она, перед всем залом…

Мелисандр не договорил, позволив фразе раствориться в дремотном сумраке спальне. Мне стало не по себе.

– А там она *что*?

– Не знаю. – Мел задумался. – Наверное, исповедуется. Я бы назвал это так.

И саусбериец смущенно потер лицо ладонями.

– Мел, – напряженно попросила я, – расскажи, пожалуйста, поподробнее.

*** * ***

Рассказ Мелисандра о случившемся с Кадией

«Что же я за идиот такой, что не предложил ей прийти в “Чалого единорога!”» – злился на себя Мел, трусцой пробегая по ночному Чреву Шолоха.

Впрочем, он никак не ожидал, что Кадия вообще пойдет веселиться в одиночку. Тем более в такое место, как «Полет бражника».

Эта грязная таверна с плохой репутацией была зажата между речными доками на темной извилистой улочке Сломанного Топора. Полуночные гуляки, люди и нелюди, изо всех сил пародировали улицу: петляли еще хитроумнее, чем она.

Мелисандр взлетел по крутой лесенке «Бражника» (умышленная преграда, отсекающая чересчур «уставших» клиентов) и замер на верхней площадке, услышав, что внутри не звучит музыка, как следовало бы, а разносится голос Кадии.

– Мне что, мерещится?.. – пробормотал саусбериец, открывая дверь.

Ловец ветра из бутылочных стекляшек звякнул, но никто из посетителей – а их было очень много, настоящее столпотворение, – не повернулся в сторону вошедшего Мелисандра. Все они не отводили взгляд от сцены, где, оседлав стул, как коня, расположилась Кадия.

«Полет бражника» скупился на иллюминацию: в зале стояло лишь несколько блеклых маг-сфер с красноватым туманом. Поэтому стражница на подсвеченной сцене, сама по себе

светловолосая и белокожая, казалась единственным ярким пятном обстановки. В руках она сжимала меч и почти пустую бутылку. Из гримерки растерянно выглядывали музыканты, чье выступление Кадия, по-видимому, прервала…

Расслабленно и самоуверенно стражница толкала некий монолог. Мелисандр вслушался и поперхнулся.

– Итак, как вы уже поняли, я всегда была образцовой умницей. – Кадия отпила из бутылки. – Я знала, куда иду, и шла туда, каким бы дерьмом ни поливала меня жизнь по дороге. Я одерживала победу за победой, вызывая у кого-то восхищение, но у большинства – раздражение. «Да что она о себе возомнила! Да ей просто повезло!» Да-да, я вижу это презрение в ваших глазах и сейчас. – Девушка рукой провела по залу, будто гипнотизируя публику.

«Дойдя» до последнего столика с окосевшими, но оттого не менее саблезубыми кошкоглавыми асассинами, она горько хохотнула:

– А еще я знаю, как это презрение стереть. Сейчас будет моя сверхспособность, внимание… Эй, хозяин! – Кадия назидательно подняла палец и, выждав паузу, весело рявкнула: – Всем вина за мой счет!

Публика тотчас взорвалась одобрительными криками и улюлюканьем. По залу забегали расторопные официантки с подносами. Мелисандр отмер, выругался и стал проталкиваться к сцене, но не тут-то было: местные громилы не собирались его пускать.

– Так вот в чем проблема, – продолжила Кадия, бросив бармену мешочек с монетами – в местах типа «Бражника» всегда платили сразу. – Я действительно знаю, как добиться того, чего я хочу. Будь то временное внимание публики, – шутовской поклон, – или что-нибудь посложнее. Есть ряд уловок, которыми я умею пользоваться и которые открывают передо мной множество дверей. Во-первых, я не прочь показать общественности, что у меня есть деньги, потому что они мгновенно меняют отношение ко мне, – это мы только что проверили на вас. Может, вам сразу еще вина?

– ДА! – взревела публика.

Кадия щелкнула пальцами и засмеялась, закинув голову. Мелисандр покосился на вампира из Восточного Хейлонда, который преграждал ему путь и чьи клыки вдруг откровенно блеснули в темноте.

– Во-вторых, – продолжала Кадия, – я могу заправить прядку волос за ухо и кокетливо повести плечом – вот так, – потому что я красивая, и я это знаю. Могу еще надуть губы. Изобразить дуру и восхищенно смотреть вам в рот. Даже если вы будете нести полную чушь, я постараюсь выглядеть глупее, и это, поверьте, подействует. Ну и, в-третьих, у меня есть связи.

Кадия меланхолично побарабанила пальцами по спинке стула.

– Удивительно, как хорошо работает вся эта гниль… Но почему же «гниль», да? К праху сантименты, когда мы говорим о стратегии! Это же просто путь наверх. Просто рабочие техники!.. Так я утешаюсь, когда мне тошно. Так, я пару дней назад заигрывала на балу с толстыми, отвратительными, обрюзгшими мужиками, чтобы получить высокую должность в департаменте Стражи. Вы прикиньте: я им расписываю план охраны столицы, а они хором косятся мне в декольте.

– У-у-у-у! – одобрительно заржала публика.

И, кажется, одобряла она не Кадию, но стражников.

– Я им объясняю, как сократить расходы, а они в ответ спрашивают, как дела у моего отца – я дочь Гласа Короля, если кто не знает…

– Прах! – на этих словах зачарованный Мелисандр очнулся и начал проталкиваться вперед. Пепел-с-два: его не пускали.

– …И мой папочка славится своими благотворительными жестами тем и другим ведомствам. Вы даже не представляете, как благотворительность помогает скостить налоги, – ой, ребята-а-а… Целая наука для «своих». Но не будем отвлекаться. Я сказала: дела у папы идут

отлично тогда, когда дела отлично идут у меня. И подмигнула со значением. И опустила бретельку платья – вот так. Ага. Ага. И знаете что?

Кадия вскочила. Глаза ее ненормально блестели.

– Мне в *тот же* момент предложили работу! В обход честного конкурса меня мгновенно взяли на важнейшую, чтоб тебя, должность по охране этого лыдрова города! Одно упоминание отца, одно голое плечо – схема элементарная, – и вот уже я тот самый человек, который будет отвечать за вашу безопасность! Эти мерзкие, жирные толстосумы выбрали для охраны города меня! *Меня*! Нравлюсь я вам, народ? Хорошая у вас будет стража?!

– ДА-А-А-А! – взревела публика.

– Еще вина всем, хозяин! От имени Дома Мчащихся, блин!

– О боги, Кад, заткнись, заткнись, пожалуйста! – посерел Мелисандр и все-таки ударил кого-то, чтобы с боем проложить себе путь к сцене.

Но нет тут-то было: препятствия только множились. Разгоряченная публика повскакивала со своих мест и прыгала в проходах, поддерживая стражницу криками и поднятыми кружками, требуя горяченького продолжения.

Кадия махала кулаком, надрывая голос:

– Вы всегда подозревали, как гадко все устроено наверху, и вот – я подтверждаю это собственным примером! Я расскажу вам больше – слушайте! Сегодня у меня был тест на эту должность! «Я горжусь тобой!» – написала мне моя лучшая подруга, узнав, что я все сдала. Но она не знает, *как* я сдала.

Кадия сделала паузу и снова глотнула вина. Лицо ее погрустнело.

– Я ей этого не расскажу. Ни за что, – жестко продолжила Мчащаяся. – Зато готова рассказать вам!

Публика заулюлюкала.

– Я в вас не сомневалась!.. Итак, когда я зашла в кабинет для экзамена, там сидело несколько человек, уже не тех, что на балу. И знаете, что они меня спросили? Как вы думаете, они интересовались моим опытом? Наградами? Рекомендациями?

– Не-е-е-ет!

– Правильно! – Кадия поднялась и пнула стул в сторону. – Один из них попросил передать Балатону привет с надеждой, что тот «помнит своих друзей», а второй ущипнул меня за задницу! Прах побери – при всем кабинете!

– Да-а-а-а!

– А вот и НЕТ! – вдруг зло рявкнула Кадия и с грохотом топнула ногой, чуть не проломив сцену. – В том-то и проблема, что *нет*! Что вы ржете, идиоты? Вы думаете, это смешно?!

– Да-а-а-а!

– Это *не смешно*! От этого хочется помыться! Вы скажете: это нормально, девочка, относись к этому снисходительно. Но я не хочу быть снисходительной! Горите в лавовых щелях, вы, смиренные! Я не буду улыбаться вам в ответ на ваши сальные улыбки! Я ни монеты не положу в кошелек продажных стражей, вы, жирные ублюдки! Я ненавижу вас всех! И их! И больше всего я ненавижу себя за все те выборы, которые я делаю!

– Да-а-а! – уже непонятно что, но крайне радостно поддерживала публика.

– Еще вина всем этим мерзким людям! – исступленно крикнула Кадия с высоты сцены, со странным, брезгливым, но внимательным выражением лица наблюдая за радостной и гнусной жизнью Чрева, вскипающей под ней и по ее вине.

Кад залпом допила свое вино и с ненавистью швырнула пустую бутылку куда-то в центр зала, положив начало общей свалке…

Мелисандр наконец пробился к сцене.

Вокруг уже били стаканы, ругались; ботинки прилипали к полу, грязному от выпивки; привычный бармен, подхватив сундук с выручкой, скрылся в подсобке. Кадии в голову приле-

тел гобой, брошенный кем-то из музыкантов (они выглядывали из-за кулис, пытаясь хоть как-то найти путь к былой славе), и Мелисандр удачно подхватил отключившуюся стражницу.

Рывком стащив ее со сцены, раздав пару тумаков на обратном пути, несколько минут спустя патологоанатом вывалился из душной, прокуренной, пропахшей отчаяньем таверны в ледяную ночь.

* * *

– …Кхм, и вот мы здесь, – закончил Мел, покосившись в сторону безмолвной кровати.

Мы с ним сидели на полу. Как-то так получается из года в год, что, сколько гостям кресел ни ставь, все равно все заканчивается на ковре… Ох, гравитация. Ох, нравы.

Моя комната утопала в сумраке, который не мог развеять всего один аквариум с осомой. Из-за приоткрытого окна доносился стрекот цикад, уснувший Марах посапывал на жердочке.

– Значит, пьяная вдрызг Кадия объявила со сцены трактира, что она дочь самого Балатона, и обвинила верхушку Стражи в продажности и домогательствах?.. – протянула я.

– Ага, – подтвердил Мел.

Я еле справилась с соблазном расшибить голову об стену. Не зря говорят, что вино – это энергия взаймы и смелость взаймы. Зато глупость – вся своя, родная, умноженная на тысячу…

– Прах. Так. Нам надо что-то с этим делать.

– И что, позволь узнать?

– Например, у меня есть кровь Рэндома.

Я поднялась и решительно двинулась к каминной полке, на которой поблескивали ряды багровых пузырьков. По дороге подцепила одежду со стула.

– Можно попробовать стереть всем свидетелям память. – Я уже прыгала на одной ноге, на другую натягивая штанину. – Ты же покажешь мне эту таверну?

– Стражди, не хочу тебя расстраивать, но прошло уже часа полтора, пока я сюда добрался. Они все разошлись. Некому память стирать. Точнее, некому поджаривать мозги – прости уж за сомнение в твоем профессиональном опыте.

Я выругалась. Тоже верно. Да и вообще, так себе идея.

– А что, если взять несколько актрис, похожих на Кадию, и отправить их сейчас в разные бары с заданием дебоширить? А завтра трактовать это как инсценировку, подстроенную политическими врагами Балатона?..

Глаза Мелисандра полезли на лоб от такого предложения. Кес поднялся из кресла и безапелляционно отобрал у меня штаны.

– Знаешь, как проще всего привлечь внимание человека к чему-либо? – спросил он. – Ткнуть в это пальцем и сказать: «Не смотрите туда!» Мне кажется, посетители таверны больше пялились на Кадию, чем слушали ее. А еще они были, как бы помягче выразиться, в измененном состоянии сознания. Если мы с тобой развернем бурную деятельность, то можем только ухудшить ситуацию… Так что предлагаю отложить вопрос до тех пор, пока наша звезда не проснется. К тому же у тебя утром встреча с Ноа де Винтервиллем, разве нет? Или ты хочешь прийти к нему, пропахшая злачным районом?

– У меня есть душ вообще-то, – буркнула я. – Помоюсь.

– О, поверь, длинный нос нашего архиепископа учует не аромат, а атмосферу, – хмыкнул Мел. – Стражди, серьезно. Сейчас разумнее всего лечь спать. Не зря у *всех* народов мира есть поговорка о том, что утро вечера мудренее.

Я прикусила губу.

В чем-то Мелисандр был прав, но как тут уснешь? И дело даже не в том, что моя кровать занята и до сигнала будильника осталась пара жалких часов.

Дело в том, что я ведь чувствовала: возвращение Кадии в стражу – тонкий лед над темной водой. Но я недооценила происходящее и думала, что проблемы будут в другом… Хотя все это, наверное, одна-единственная проблема. Клубок внутренних противоречий из старых и новых желаний, помноженных на такие внешние штуки, как взяточничество, кумовство, сексизм. В нормальном состоянии человек, встречаясь с жесткими проявлениями нашего мира, спокойно противостоит им. Но когда в душе раздрай, то вся грязь и убожество лепятся на тебя, и вот ты сам уже подыгрываешь, прыгаешь на негативную чашу весов, хохочешь, рвешь себя и других в клочья.

В конце концов, никто ведь не хочет быть злодеем и дураком. Мы все хотим только счастья, любви и отсутствия боли. Но в процессе тычемся наугад и ошибаемся – вновь и вновь, вновь и вновь…

* * *

Лечь спать, конечно же, не удалось.

Разойдясь по комнатам и помаявшись там с полчаса, мы с Мелисандром смущенно столкнулись на кухне – о холодильный шкаф, о великий центр домашнего притяжения! – и после кратких переговоров решили пойти проветриться.

Бесцельная прогулка и тихие разговоры вывели нас к святилищу богини Авены, расположенному в чащобе неподалеку от моего дома.

Огромная статуя богини-воительницы пряталась у водопада в глубокой лесной расщелине. Два дерева ошши подсвечивали Авену по сторонам, и казалось, она пламенеет в оранжевом свете древесных плодов. Насекомые, вьющиеся вокруг ягод, отбрасывали на скульптуру плящущие тени, при виде которых я вспомнила о Культе Жаркого Пламени.

Интересно, а новые боги, придуманные культистами, похожи на наших богов? Или секта голых танцоров не стала заморачиваться с пантеоном и поклоняется неоформленному нечто, чья главная функция – просто служить оправданием для вечеринок?

Мы с Мелисандром, шуганув светлячков-ушастиков, сели у подножия статуи.

– Кстати, Стражди, поздравь меня. – Кес с хрустом потянулся. – Я сегодня днем играл в шпиона. Моя карьера стремительно развивается, прах побери!

– А подробнее? – заинтересовалась я.

– Дахху попросил меня о помощи, не поверишь. Сказал, ему надо узнать кое-что об одной властной дамочке…

– Марцеле?

– Точно! Ты в курсе?

– Я знаю, что он пишет о ней биографию и многие факты противоречат друг другу.

– Вот-вот. Господин Носатый предложил мне сыграть роль газетчика и взять интервью у Марцелы – якобы для «Вострушки». Я с удовольствием согласился: пришел к ней домой, весь такой деловой, развернул список вопросов… Действовал масштабно! Но недолго. Меня выгнали.

– За что?

– Понимаешь, Марцела, хоть и согласилась пообщаться, но по факту оказалась отвратительно неконтактной леди. Я к ней уже и так, и эдак, а она будто издевается. Отвечает вопросом на вопрос, уклоняется, просто молчит – втупую. А я сижу и бешусь. В какой-то момент она отошла, и тогда я подумал: эх, была не была, детектив я или кто? Медик или что?

– Или что, – отозвалась я.

– Ответ неправильный! – возмутился Мел. – И на правах медика я решил капнуть Марцеле в кофе – мы вкуснейший кофе пили – сыворотку правды.

Я чуть в водопад не рухнула.

– Главе Лесного ведомства?! Сыворотку правды? О боги-хранители, Мел!.. Кажется, я должна тебя арестовать, – простонала я. – *Опять.*

Но саусбериец лишь отмахнулся:

– Да ничего не получилось, не бойся. Марцела оказалась на диете: сыворотка разлилась по столу, пролившись мимо иллюзорной чашки… Госпожа Парящая вернулась, у нее глаза сразу как два блюдца, и она давай на меня орать. Вернее, не на меня, а – «охрана, охрана!» Ну, что делать, пришлось мне экстренно смываться.

– Хм… Очень интересно. – Я задумалась. – Получается, на твои вопросы она так и не ответила?

– На восемь штук успела.

– Ого!

– …Из девяноста.

– Небо голубое. Дахху – псих!

Мы помолчали. Шипел водопад, и отзвук льющейся воды поднимался наверх, как по лестнице, отражаясь от камня то справа, то слева, слабея, но не сдаваясь, пока, из последних сил, не вырывался где-то наверху в густой осинник Леса – а там уже можно раствориться в предрассветной тиши, убедившись: жизнь есть.

Вон летит филин с глазами желтыми, как сентябрьская луна. Вон сама луна, щербатая, ухмыляется на пятнистом от звезд небосклоне. Вон заблудившаяся ташени плутает меж черных столбов деревьев и поет беззаботно – что ей, бессмертной, никогда не жившей, от того, что трель ее будит хищников по всему Лесу?.. И полночные розы раскрываются в перелесках раскладами карт, и феи выходят из-под холма, и над Шолохом царит сон – уснуло все, уснули все, – и снова над болотом поднимается туман…

– Мелисандр? – негромко окликнула я.

– Да, малышка.

– Спасибо, что вытащил сегодня Кадию. И помогаешь мне с Луговой школой и Гординиусом Саем. И Дахху… ну… попробовал помочь.

– Пожалуйста. Я рад всему этому. Жаль только, за информацией о твоем колдуне надо ехать всего лишь в Воронов бастион, а не, скажем, в Мудру! Это было бы куда эпичнее. Но даже немного приключений – это здорово, прах побери! Я по ним скучаю. Работа барменом оказалась поразительно неприятной штукой.

– Да уж, не то что трупы резать.

– Именно! – закивал Мелисандр. – Ты даже не представляешь, как бы я хотел снова быть Свидетелем Смерти. Но я пока не знаю, как мне стать им в Шолохе. Кому я здесь нужен – мигрант с темным прошлым? А про свой страстный роман с вашим городом я тебе уже говорил… Так что давайте мне больше, больше странных задач! А то снова пойду по авантюрной наклонной.

– Вот только не надо угрожать!

– Разве же это угроза? Я бы сказал – мечта… Если бы я сдуру не отрастил себе что-то вроде совести, поселившись с тобой под одной крышей, этот город уже был бы моим. Во всяком случае, его сумеречная сторона. И вы бы всем департаментом за мной охотились – но, конечно, совершенно безуспешно, потому что где я – а где, скажем, такая безысходная тягомотина, как правила и протоколы… В итоге единственные, кто реально мог бы мне противостоять, были бы вы с Полынью – но я силой своего обаяния обязательно перетянул бы вас на свою сторону, и тогда…

Мелисандр, пахнущий морем, свободой, мускатом, продолжал беспечно мечтать, размахивая руками. Пели цикады, мягко пульсировали янтарным светом плоды дерева ошши. Я сидела, посмеиваясь, опершись затылком на прохладную скульптуру.

Медленно подступало утро.

16. Ваше высокопреосвященство

Небесная радость идет
От дома к дому, по крышам.
В каждой капле и в каждом взгляде.
Проповедь «Осознание» архиепископа Саусберийского

Королевская капелла шолоховской Академии готовилась встречать вельможного гостя. Так исторически сложилось, что именно здесь принимали чужеземных клириков – в маленькой церквушке, спрятавшейся между Садом Наук и Учеными Домиками университетского городка.

Капелла была похожа на бутон тюльпана. Выполненная из нежнейшего розового кварца, она накапливала свет и тепло, каждой жилкой, каждым всполохом дымчатой крошки приветствуя день. К вечеру камень теплел, и, когда ты касался его рукой, он шелково нагревал ладонь.

В капелле не было дверей в классическом смысле этого слова. Ты подходил к зданию вплотную и замечал проход между двумя слоями «лепестков». Ты заходил в него, шел по кругу, ошалелый от мгновенно наполняющей тебя каменной тишины, потом сворачивал в новый проход уже между другими «лепестками», и так, круг за кругом по нисходящей спирали – всего девять поворотов, – ты готовил свою душу к встрече с прекрасным, слой за слоем снимая с себя мирскую суету…

Мое утро началось с проверки храма.

Здесь, в укромной комнате за алтарем, поселится на ближайшую неделю Ноа де Винтервилль. Его помощники и охрана будут жить в одноэтажных домиках снаружи. Наши стражи обеспечат безопасность всего Академического городка, однако в саму церковь зайти не смогут – грубо говоря, на время визита Ноа это будет считаться территорией Асерина.

Впрочем, пока тут царил привычный шолоховский дурдом.

Испуганные служки под присмотром Эрвина Боу бегали с выпученными глазами, раскладывая веточки мирта по белоснежным костяным креслам. Хористы в длинных тогах проверяли, достаточно ли в апартаментах Ноа питьевой воды с огурцом и горячих полотенец, нужных, чтобы гость мог протереть руки с дороги.

Сам Эрвин зажигал традиционные лавандовые свечи и расставлял их у алтаря. Живой огонь мягко подсвечивал мраморный столик-аналой, бассейн в виде жемчужной раковины, большой кристальный барельеф с лицами богов.

Кто-то спешно поправлял покосившиеся полотна с гербами Шолоха и Асерина, висящие под тюльпановидным сводом, а молоденькая госпожа Метелочница в срочном порядке домывала музыкальный балкон. Очень изящный балкон висел напротив алтаря, и великолепный орган из белых морских ракушек уютно гудел под тряпкой девушки. Ведущая туда винтовая лесенка – тоже из розового кварца (начинаю думать, что искусственного – едва ли мы выделяем *столько* денег на церковь) была перекрыта деликатной бархатной лентой: «Не пущу!»

Бедный Ноа! Не дадут сыграть, даже если захочется. А вдруг архиепископ любит музицировать перед сном?

Я уже проверила готовность храма по списку, выданному мне Селией, и теперь просто ждала. Я обмакнула пальцы в чашу с водой и мазнула по ликам шести хранителей, которые с каким-то ехидным любопытством смотрели на прихожан, вырубленные искусным скульптором в розовой хрустальной ширме.

Ко мне приблизился взвинченный Эрвин Боу:

– Тинави, говорят, процессия уже перешла реку Плюму… Вам пора к ним. Мы сейчас покинем церковь и придем уже только завтра, перед торжественной мессой для короля. Она состоится ровно в полдень, впрочем, наверное, вы и так это знаете…

Я кивнула и успокаивающе помахала длиннющим свитком с расписанием архиепископа, которое уже выучила наизусть. А еще сняла копию на всякий случай – и положила в рюкзак. И вторую копию – под ремень. В общем, скорее звезды потухнут, чем я перепутаю что-то в планах Ноа де Винтервилля. И не дай небо этому гаду захотеть что-либо поменять – я буду биться за вызубренное время обеда!..

Эрвин Боу рассмеялся, услышав мои угрозы, и вроде слегка успокоился. Это хорошо. Если тебе удалось вызвать хоть чью-нибудь улыбку, значит, день уже прошел не зря.

– Идите же, Тинави. – Священник коснулся моего лба в благословляющем жесте. – Да хранит вас Теннéт.

Я содрогнулась. Ой. Нет, пожалуйста.

Только не Анте!..

* * *

Вскоре я стояла в воротах Академии, опершись плечом о каменную кладку, и щурилась от лучей солнца, поднимающегося над лесом.

Процессия архиепископа медленно шла по аллее Страстоцветов, сопровождаемая музыкой лютни – неожиданно легкомысленной. Уж не знаю, чья сторона наняла лютниста, мы или саусберийцы, но под веселый мотив гномьей «Гуляки-песни» группка из шести священников в черном воспринималась достаточно странно.

Седьмым клириком, идущим впереди, был сам Ноа де Винтервилль. На это намекал его костюм – куда более плотная атласная сутана, чем у других, да еще и пурпурно-синяя, с длинным рядом пуговиц из лунного камня. В правой руке архиепископ нес посох с зеленым кристаллом наверху. В левой – книжечку с притчами о хранителях.

Позади Ноа и священников двумя рядами шла охрана: саусберийские жандармы и боевые колдуны с алыми маг-браслетами на запястьях. В арьергарде тянулись наши, шолоховские, стражи – в изящных серебряных кирасах и с лесными мотивами в нарядах.

Процессия выглядела так масштабно, что я волей-неволей занервничала. Ведь от Иноземного ведомства я была единственным представителем…

«Такова традиция», – объяснил мастер Улиус. «Минимизация ущерба, – чуть иначе высказался Полынь, узнав о моем назначении. – Но ты справишься, малек». – «Дашь мне какой-нибудь совет?» Полынь призадумался: «Не бойся задавать ему вопросы. Ноа настолько презирает наше королевство, что ты физически не сможешь опозориться незнанием чего-либо. Скорее, он приятно поразится тому, как искренне ты интересуешься его мнением. Да и вообще, думаю, открытость и доброжелательность – сильные качества даже в случае официальных встреч. Не забивай их протоколом, ладно? Его писали трусы».

Что ж! Я выдохнула и, шагнув вперед, ступила на кружевную тень аллеи.

– Ваше высокопреосвященство, добро пожаловать в Шолох! Позвольте от лица Иноземного ведомства поприветствовать вас в Лесном королевстве. Мы почитаем за великую честь… – Я барабанила заученную речь, с любопытством разглядывая архиепископа.

Миндалевидные глаза. Нос с горбинкой. Голова гладко выбрита – ни волос, ни бороды, ни бровей. Кожу покрывают золотые письмена – тексты молитв, которые священники в Асерине каждое утро наносят на кожу, а каждый вечер – смывают, напевая благодарности ушедшему дню.

Даже несмотря на всю эту краску, было видно, что Ноа очень похож на Пионию. Вот только, в отличие от своей матушки, никогда не улыбается…

И, может быть, не моргает.

Архиепископ смотрел на меня таким странно-тяжелым взглядом, что я почувствовала себя безнадежным живым мертвецом. Сразу вспомнилось, как иные духи отзываются о людях: «Мешки с костями, начинающие гнить в тот же момент, как рождаются». Иллюзия была так сильна, что я задохнулась от ужаса, ледяным металлом пролившегося в мое сердце.

Да что там я!

Воробушек, скакавший на мостовой, попав в поле зрения Ноа, вдруг замер и – клянусь вам – обреченно сел на брусчатку. А потом завалился на бок, чего обычно за птицами и вовсе не водится.

«Все тлен. Настоящий тлен», – говорил его черный взгляд.

– Не смотрите на птицу, – Ноа вдруг прервал мое приветствие. – Вы говорите со мной, а смотрите на воробья. Это грешно.

– Простите, – извинилась я. – Просто ему, кажется…

– …открылась бренность бытия, да. Обязательный этап в жизни каждого смертного.

Архиепископ величаво махнул рукой, и вспугнутый воробей, все еще слегка пришибленный озарением, поспешил уковылять в кусты. Впрочем, по дороге он с интересом подобрал крошечку, а значит, не все потеряно.

– Я не планирую сейчас идти в капеллу, – равнодушно сказал Ноа де Винтервилль, дослушав мою речь. Судя по полнейшему отсутствию реакции, я вообще зря ее разучивала. – Пусть слуги отнесут туда мои вещи, но я предпочитаю сразу двинуться дальше. Какова программа?

– По плану у нас легкий завтрак, а в полдень – аудиенция у его величества.

– Еда перед важной беседой – это грешно.

– Тогда мы можем начать с небольшой экскурсии по центральным кварталам столицы.

– Отвлекаться на занимательные факты и веселить свою душу перед тем, как взяться за перевоспитание грешника короля перед лицом богов-хранителей – это тоже грешно.

Тьфу ты. Кажется, это будет сложнее, чем мне думалось.

Вызов принят!

Я позволила себе улыбнуться – по-настоящему, глазами тоже, а не только губами – и спросила:

– Возможно, у вас есть какие-то пожелания, ваше высокопреосвященство?

– Да, – клирик скупо кивнул. – Я хочу провести ближайшие часы, гуляя по городу в одиночестве.

– Боюсь, как раз это мы не можем вам организовать…

– Почему вы говорите «мы»? Я вижу перед собой только одну грешницу. Скрываться за множественным числом, пытаясь уменьшить степень личной ответственности в каждом слове и поступке, – это трусость. Трусость – это грешно.

Я решила, что он издевается, но нет: прозрачно-синие глаза Ноа оставались безмятежными. Хорошо хоть «тлетворный» эффект от его взгляда рассеялся… Хотя, возможно, я просто привыкла. Мы в большинстве своем вообще не осознаем, насколько быстро привыкаем к чему угодно. Иначе бы и не боялись перемен.

Я призадумалась над тем, как мне взломать порочный – точнее грешный – круг общения с архиепископом, когда Ноа вдруг заявил:

– А вот молчание – добродетель. Изобразите, что вас не существует, и ближайшие часы будут приемлемы.

О! Идеально!

Так, оставив большую часть свиты у Академии, мы с Ноа и тремя охранниками отправились на тишайшую экскурсию по городу. Я гуляла в темпе клириков по самым красивым местам столицы, иногда ненадолго останавливаясь то перед одной, то перед другой шолоховской достопримечательностью. Руки чесались дать хоть *какой-нибудь* комментарий, но… Ладно уж.

Как это всегда и бывает, стоило мне войти во вкус молчаливой прогулки, как архиепископ передумал.

– Молчание – добродетель, но знание – свет, а свет – наивысшая добродетель, – бесстрастно изрек Ноа, столбом встав посреди Лоскутной площади. – Расскажите, как поживает моя матушка.

– У нее все хорошо.

– Она скучает по мне?

От того, с каким хищным предвкушением был задан этот вопрос, за милю тянуло опасностью. По-хорошему, на такие вопросы вообще не стоит отвечать! Их задают не для того, чтобы узнать ответ, а чтобы с удовольствием бросить потом свою ядовитую реплику.

Но, увы, в силу субординации я не могла изобразить фонарь или красиво утанцевать на дно реки – ундины, принимайте! – а потому нейтрально сказала:

– Полагаю, что да, скучает.

– Плохо, – мстительно бросил Ноа. – Скука – это грешно.

…Никогда еще я не была так близка к тому, чтобы все-таки кому-нибудь помолиться.

Об избавлении.

* * *

Аудиенция у короля прошла замечательно. Во всяком случае, для меня: ведь я провела ее в коридоре, недопущенная за «взрослый стол». Ожидая возвращения своего подопечного, я надеялась встретить Полынь или Лиссая, но дворцовый остров оказался все-таки не настолько тесен.

Днем мы с архиепископом посетили Посольский квартал и Лесное ведомство, по самую маковку заросшее мхом. Ноа отправился обменяться подарками с госпожой Марцелой из Дома Парящих, а я в главном зале департамента Шептунов неожиданно наткнулась на Дахху.

Дворцовый остров не так уж мал, ага. Зато остальной Шолох – крохотный!..

– Кес завалил интервью, поэтому я решил сегодня сам поговорить с коллегами Марцелы, – объяснил друг, показывая стопку бумаги, приготовленную для записей.

– Надеюсь, ты им никаких запрещенных средств подсыпать не станешь? – напряглась я. – Будет полный финиш, если Марцела подаст на тебя в суд за преследование.

– Да не подаст! Я объяснил им, что пишу биографию. Да и в целом я же ничего плохого не делаю, и я уверен, что Марцела тоже глубоко положительная личность. Но какой-то огромный секрет у нее есть. Будучи приличным человеком, я, конечно, совсем не хочу в нем копаться, просто планирую… – друг неопределенно повел рукой, – очертить его контур, понимаешь? Чтобы не лезть куда не следует.

Не хочет он, ага. Я ехидно вскинула бровь. Дахху врал – и Дахху очаровательно краснел.

Я не удержалась от смешка и похлопала друга по плечу:

– Что ж, добро пожаловать в клуб любопытных!

– Я думал, я его возглавляю!

– Ага. И ни разу не полюбопытствовал, кто еще состоит в участниках и где проходят наши тайные собрания.

– Я и так знаю, что исключительно в твоей голове, – показал язык Дахху.

– Один-один.

Из двери, открывшейся в ножке огромного гриба, растущего посреди департамента, вышла Шептунья с зелеными кончиками пальцев и позвала Дахху – с ним был готов пообщаться кто-то из сотрудников. Я осталась ждать архиепископа у декоративной колонии светящихся поганок.

– Я хочу поужинать на Плавучем рынке, – сообщил Ноа, когда мы покинули владения травников. – Мне говорили, в одной из местных лавок на витрине лежит морская раковина, вытащенная из Шепчущего моря, а в ней – жемчужина, которую хранительница Авена опускала в напитки перед тем, как выпить их, когда жила в Рамбле, – проверяла, нет ли в них яда. Я хочу посмотреть на этот артефакт. Неофициально, приехав без предупреждения. Мне интересно, правда ли это святая жемчужина или шолоховцы опять лгут.

Я покачала головой:

– Ваше высокопреосвященство, мы не советуем… То есть я не советую вам ехать сейчас на Плавучий рынок.

– Почему?

– Скажем так: местные жители не ждут вашего визита. И я не могу гарантировать, что они среагируют на вас желаемым образом. Думаю даже, они среагируют строго наоборот.

– Знаете… – Ноа приложил сложенные ладони к губам, будто набираясь терпения перед следующей репликой.

Если он сейчас скажет, что думать – это грешно, я взвою.

– Откровенно говоря, мне глубочайше плевать на то, как они среагируют. Если бы я волновался о чужом мнении, я бы никогда не стал тем, кто я сейчас.

* * *

Поздно вечером я полумертвая ввалилась домой.

На рынке все прошло на удивление мирно: завидев нас, люди просто предпочитали переходить дорогу (на всякий случай), но это не отменяло того, что Ноа де Винтервилль – очень, ну просто очень тяжелый тип в общении!

Мелисандр отсутствовал: он, воспользовавшись своими выходными, уже уехал в Воронов бастион, чтобы узнать нынешнее местоположение Гординиуса Сая. Кадия так и лежала в кровати в уличной одежде, отвернувшись к стене. На затылке у нее сбился колтун.

– Хей, ты спишь? – шепотом окликнула я.

– Нет. Но лучше бы спала, – последовал ответ. – У тебя есть что-то от головы?

– Могу смешать два желтка, тернасский соус и сливки.

– Очень мило, что ты не предложила секиру. Хороший знак! – хрипло простонала подруга. – Спасибо. И, это… Тинави. Я не хочу сейчас обсуждать случившееся, ладно? Можно, я пока останусь тут?

– Конечно. Если только тебе не надо предпринять какие-то действия по поводу произошедшего.

– В таком состоянии я могу предпринять разве что что-нибудь саморазрушительное. Так что – нет.

Говоря, Кадия отказывалась даже повернуться ко мне лицом. Тяжелый дух того, что Все Очень Хреново, затягивал спальню, будто болото. Проветривай не проветривай – тут нужно что-нибудь посильнее!

– Может, порцию обнимашек перед сном?

– Ненавижу обнимашки в таких ситуациях. Это слишком мило.

– А если с Марахом? – предложила я.

Кадия, подумав, согласилась. Марах возмущенно подавился какой-то гусеницей, посмотрел на меня в стиле: «Ну что за подстава?!», но потом, распушив перышки, полетел к Мчащейся. Вскоре в комнате стало немного уютнее.

Никогда не устану поражаться тому, что даже кажущийся самым вредным на свете домашний питомец – на деле не что иное, как теплый генератор любви.

17. Ну же, Ноа!

Для изготовления чучел используют мертвых представителей фауны с минимальным количеством повреждений на шкуре. Для сохранения внешнего вида шкуры ее спиртуют. Спирта не жалеть!
Из заметок Эндерлана Очоа, чучельника

Приближался полдень.

Королевскую капеллу заполняли высокопоставленные гости, приглашенные на закрытую мессу его высокопреосвященства. Сам Ноа, судя по звукам, чистил зубы в своих апартаментах. Я стояла между резной дверью, ведущей в его комнату, и дымчато-розовой кварцевой стенкой – обратной стороной алтарной зоны.

То и дело я выглядывала из-за нее, чтобы посмотреть, кто где сидит, и какие наряды выбрали придворные дамы для сегодняшнего мероприятия, и как саусберийские боевые колдуны стоят по периметру капеллы, намеренно оголив запястья, демонстрируя заполненные маг-браслеты.

Мы, конечно, союзные государства и все такое, но если кто-нибудь освистит Ноа, то немедленно получит по кумполу. Не говоря уж о более серьезных опасностях.

В капеллу, шурша светло-коралловым платьем, зашла ее величество Аутурни. С ней – Полынь в белом традиционном одеянии, будто голый без всех своих амулетов. Судя по всему, придворный маг попытался еще и припудрить татуировки Ловчего, но это был дохлый номер… Надеюсь, маг выжил!

Надо сказать, что Полыни очень шел новый костюм. Настолько, что я никак не могла перестать смотреть на напарника – и в конце концов чуть ли не ладонями закрыла глаза сама себе, чтобы все-таки суметь отвернуться.

Ох уж этот Полынь!

Я вспомнила тот день, когда мы познакомились: тогда я тоже стояла столбом и разглядывала его в течение неприлично долгого времени. Но в тот раз причиной было мое любопытство: столько побрякушек, с ума сойти! И такая прическа! И странное сочетание аристократичного лица с безумной одеждой…

Теперь же я иногда не могу оторвать взгляд от Полыни просто потому, что с ним все становится в разы симпатичнее. Есть в моей жизни такие особенные люди: кажется, их можно втыкать, как фонари, тут и там. Благодаря им мир мгновенно светлеет.

В свою очередь, я тоже была одета по-дворцовому изысканно. Уровень мероприятия требовал определенной торжественности наряда, даже несмотря на то, что сейчас я работала, а не пришла в качестве гостя. Впрочем, это было очень приятно – нарядиться на светское событие. Я искренне верю, что любой девушке хотя бы раз в неделю нужно красиво одеваться, укладывать волосы – и потом с лебединой осанкой выходить в свет. Удивительным образом это поднимает настроение и самооценку.

Так и сейчас: я радовалась выбранному для меня в ведомстве небесно-голубому платью без бретелей, которое плотно облегало талию, а ниже расходилось струящимся потоком. Полупрозрачная накидка с широким капюшоном – того же небесного цвета – целомудренно прикрывала плечи. На груди у меня висело то, что можно было принять за эксцентричный талисман – а именно пузырек с багровой жидкостью.

Да, обычно я ношу кровь Рэндома на ремне или в кармане, но сегодня ни того ни другого не предполагалось. Мои бита, лассо и кинжал лежали буквально в нескольких метрах от меня, а за охрану отвечали саусберийцы, но я все-таки решила, что не стоит оставаться без такой полезной страховки, как кровь хранителя.

В очередной раз выглянув из-за ширмы, я помахала Полыни, уже севшему на свое место позади королевы.

Ловчий не сразу сфокусировал на мне взгляд – зато, когда это случилось, он не моргал десять секунд. (Да, я посчитала!) Лицо у него было таким приятно-ошарашенным, что я даже смутилась.

Потом Внемлющий отмер, подмигнул мне и показал большой палец. Я улыбнулась в ответ.

Весь зал уже был заполнен – и кресла, и стоячая галерка. Кто-то попытался подняться по винтовой лесенке на пустой музыкальный балкон, но его остановила стража: там сегодня закрыто.

Наконец в капеллу вошел его величество Сайнор. Все поднялись и поклонились, я тихонько поскреблась к архиепископу.

– Все уже на месте, ваше высокопреосвященство.

– Отлично. А теперь пусть подождут. Суета – грешно. Тишина – благодетель, – неприятным скрипучим тоном отозвался Ноа.

…Интересно, проповеди он тоже читает, как недовольный сморчок?

* * *

Полчаса спустя оказалось, что нет. Вообще нет.

Едва Ноа де Винтервилль ступил в пространство алтарной зоны, залитое пастельными красками солнца, с мерцающими огоньками свечей, с нежнейшим барельефом, изображающим шестерых хранителей, как все в храме замолкли. А сам Ноа – совершенно неожиданно – слегка улыбнулся. И раскрыл ладони.

И началось волшебство.

Голос архиепископа, выпущенный на волю, будто зажил отдельно… Он был сильнее Ноа. Весь Ноа был этим голосом – и только им.

Сильнейший Дар Проповедника. Звук, меняющий миры.

Голос заполнял вверенное ему пространство, затапливал капеллу, мягко, но непреклонно пробираясь в сердца, омывая лики хранителей; он гипнотизировал гостей, он заставлял воздух дрожать миражом и, казалось, мог легко поднять тысячную армию на самоубийственный поход – если бы захотел.

Во время проповеди я стояла в трех шагах от алтаря и Ноа, в тени удачно расположенной колонны, и никак не могла понять: как случилось это преображение? Из неприятного, жестокосердного чужака – в существо, которому веришь до слез, за которого в этот момент отдашь жизнь, не думая, – потому что если в мире есть такой голос, то это уже искупает все горести вселенной.

Архиепископ говорил…

Представители знатных Домов слушали, не шевелясь, как и хористы в дальних рядах. Завороженно слушала королева, прижав бутон розы ко рту. Замер Полынь, в начале мессы все пытавшийся поймать мой взгляд, но теперь тоже застывший, обративший мысленный взор внутрь себя, будто ищущий что-то и, судя по прикушенной губе, находящий не то, что ждал…

Сладкая патока – магия проповеди – обволакивала капеллу снизу доверху.

– Тишина после песни жаворонка

Не та,

Что после слов о разбитой любви, —

говорил Ноа.

– Присмотритесь, – просил он. – Мы все одно – энергия унни. Энергия, которая разливается рекой по мирозданию, и в ее танце нет никаких движений, кроме бесконечных волн.

Казалось, мы обречены на то, чтобы повторяться, чтобы стать космическим потоком однотонных, одинаковых частот. Но нет… Мы, сложенные из таких простых частиц, уникальны – каждый из нас. И это необщее выражение наших душ – одновременно кара и благословение. Благословение, ибо если ты заведомо один такой, то тебе не нужно сравнивать себя с другими. Тебе не нужно испытывать боль и стыд оттого, что ты «хуже» или «лучше» – ведь нельзя сравнить горное озеро и крыло пересмешника. А значит, исчезает мерило, скосившее столько душ; исчезает опасная, болезненная гонка твоей гордыни за успехом – который не что иное, как социальный конструкт, призванный упрощать манипуляцию толпой… Когда ты решаешься признать свою уникальность, остается только спокойная уверенность: все идет как надо. Это я. Это моя история. И в ней будет смысл, даже если я стану спотыкаться на каждом шагу. Потому что я в любом случае один такой. Другого не будет – не только у меня, но и у всей вселенной. Никогда. А значит – я важен. Я ценен. Я имею право на жизнь – и я имею право сделать ее такой, какой хочу именно я… Сейчас я там, где я выбрал быть сегодня, и я волен пойти отсюда в любую сторону или остаться на месте: мир примет любое решение, потому что он создал меня таким, он любит меня таким, и он верит в меня такого – иначе бы клетки сложились иначе… Я уже – подарок.

Эта уверенность в праве быть, меняться и менять – благословение индивидуализма. Но в чем же его кара? В том, что нам кажется – мы одиноки. Обратная сторона уникальности: изоляция от бытия.

И вот здесь я говорю: присмотритесь. Внимание к миру приносит радость и успокоение, потому что, если вглядываться достаточно долго, вы нащупаете то общее, что позволяет не бояться. Любой из нас способен в иные моменты остро ощутить красоту и обреченность жизни, способен приблизиться к другому человеку и вдруг понять всем сердцем, что тот говорит… Изумление и восторг охватывают душу, когда в чужих словах мы слышим то же чувство, что питает нас. Когда, заглянув в глаза другого, на дне зрачка мы встречаем ту извечную смесь боли и радости, что определяет каждого из нас. Так рождается любовь – из принятия. Из радушия. Из готовности услышать и понять. Из умения открыться. Выйти за пределы своего «я» и, оглянувшись, узреть величие и гармонию бытия во всем – в каждой травинке, в каждом доме, в лесу, и в море, и в каждом, кто встречается вам на пути…

Ноа говорил, и речь лилась так плавно, так полнозвучно, что никто из нас не заметил, когда вспыхнул первый боевой пульсар.

Просто архиепископ запнулся на полуслове. У него за спиной, над плечом, на кварцевом барельефе разлетелась хрустальная крошка – магический снаряд пробил аккуратную дырку во лбу нарисованного Карланона.

Не сразу все поняли страшное: в Ноа стреляют. А между тем летел уже второй пульсар…

Я бросилась к архиепископу.

Еще одна вспышка со свистом промелькнула у меня перед глазами. Ноа уже не стоял на месте. Он дернулся куда-то вбок, инстинктивно пытаясь избежать опасности, и, судя по тому, как дрогнуло и сотряслось его тело, именно тогда в него попали.

Я прыгнула вперед, обхватывая архиепископа за плечи и наваливаясь на него всем весом, сбивая с ног. Первая задача: убрать подопечного с линии нападения. В полете я почувствовала, как грудь мне обжигает раскаленным и шипящим колдовством.

Мы с Ноа рухнули посреди алтарной зоны.

Колдуны-саусберийцы, наконец осознавшие, что про- исходит, ревели, выкрикивая магформулы, ища нападающих. Тут и там по всей церкви полыхали сгустки энергии унни. Между гостями мгновенно раскрутилась паника.

– Нам надо отползти за фонтан! – крикнула я.

Ноа слабо кивнул. По его плечу расплывалось пятно, коричнево-грязное на фоне синей сутаны.

Визжание и свист магии не прекращались.

Краем глаза я увидела, что наколдованные, трепещущие ленты тьмы, будто живые, затянули все центральное пространство церкви… Из-за дурмана и сумрака стража просто не могла понять, что и где происходит.

На свету оставались только мы с Ноа – две яркие мишени – и парящий под потолком музыкальный балкон. Такой тихий. Такой безмятежный.

Я выругалась, поняв, что нападают как раз оттуда, хотя балкон, конечно, тщательно проверяли перед началом проповеди… Причем сейчас на архиепископа покушалось сразу несколько человек. Об этом свидетельствовало две вещи. Во-первых, пульсары летели *слишком* быстро для одного, а во-вторых, у них были разные траектории…

– Ну же, Ноа! Давайте! Держитесь! – рявкнула я, подталкивая архиепископа, испуганно схватившегося за раненое плечо, к безопасности, пытаясь одновременно и прикрывать его своим телом, и тащить вперед.

Сам Ноа, несмотря на весь свой политический опыт, кажется, никогда еще не был в такой перестрелке. Да и я не была. Но ведь это не повод сложить ручки и позволить себя убить! Мол, простите, но мне не нравится! Выхожу из игры!

Пульсары с дикой скоростью продолжали лететь над нашими головами. Странно. Попасть в нас двоих – да еще и нескольким людям – явно не представляло сложности, тут бы и слепой не промахнулся, а значит…

Цель нападения – не Ноа?

Между тем мне почему-то было очень больно ползти. Шипя, я последним рывком затащила архиепископа за фонтан и рукой схватилась за грудь, надеясь сорвать колбочку с кровью Рэндома, – самое время для нее, вот и крайний случай, как говорится, здравствуйте, давно вас ждали, – но…

Склянка оказалась разбита вдребезги. А все мое голубое платье – в алых подтеках. Прах!

Рыча, я села и выглянула из-за фонтана. Зрение странно плыло.

Я сорвала с пальца тяжелый перстень со встроенной Ловчей сетью, нажала на камень и изо всех сил швырнула его в сторону нападающих. В полете камень взорвался, разворачиваясь серебристой сеткой. Она покрыла балкон, кажущийся пустым, и в ней сразу кто-то запутался – выстрелы запнулись…

Я открыла рот, намереваясь крикнуть дезориентированным саусберийцам – *туда, туда!!!* – но не смогла сделать этого.

Вместо крика из моих губ полилась кровь.

Что за ерунда? Я опустила глаза вниз.

Ох. Кажется, красные подтеки на платье – это не только кровь Рэндома. Дырка в груди была такой кривой и крупной, что выглядела нарисованной. Мои глаза закатились, и я потеряла сознание.

– Тинави, ну же. Теперь держитесь вы… – померещился мне недовольный голос Ноа.

* * *

Я очнулась в лазарете Академического городка.

Это было круглое и умиротворяющее помещение: стены из светлого дерева, крыша, разрисованная животными и цветами. В узких шкафчиках звенели аптекарские склянки, волнующе пахло травами и цедрой. В специальных аквариумах росли целебные травы и порхали крохотные зеленые *дэйнгли* – духи безмятежности. Окно было одно, зато огромное и с розовато-оранжевым витражом, из-за которого, казалось, здесь всегда идут самые теплые, самые золотые закатные часы…

Лазарет Академического городка создали «на всякий случай». Тут не лечили тяжелые или долгие заболевания – только так, по мелочи зашивали студентов или преподавателей, умудрившихся оступиться на нелегком учебном пути, поэтому и коек в лазарете было всего две.

На одной лежала я. А на соседней обнаружился Полынь. Ловчий сидел поверх покрывала, скрестив ноги и читая газету. Он все еще был в придворном одеянии, что означало нечто совершенно замечательное, а именно – сейчас как минимум идет все тот же день, что и до того, как я потеряла сознание. Уж кто-кто, а господин Внемлющий в такие светские тряпки дважды не нарядится.

Изящные часы на стене мелодично пробили два пополудни. Ого! *Так с нападения на архиепископа прошло всего ничего, получается?*

Полынь вскинул глаза на циферблат и заметил, что я очнулась. Лицо его в первый момент просветлело, а потом стало мрачным, как Кипящие скалы зимой.

– Прости меня, – резко сказал Ловчий, сминая и отбрасывая газету.

– За что? – опешила я.

– Я сначала увел королеву и только после этого *Прыгнул* к тебе.

Давно я не видела у Полыни таких жестко поджатых губ. И стесанные костяшки пальцев на левой руке – он левша, как и я, – кажется, оказались в таком состоянии после встречи со стеной в бессильном приступе ярости, а не после чего-то другого.

В случае обычно сдержанного Полыни это говорило о многом. Я покачала головой:

– Все хорошо. Это нормально. Это называется протокол.

– Нет, в первую очередь это называется подлость… – Напарник заметил мое внимание к своей руке. Поморщился и, очевидно решив сбавить градус драмы, этими самыми костяшками старательно почесал нос. – И идиотская сила привычки, впитавшейся с годами. А протокол мы с тобой уже обсуждали: для кого он нужен и кем написан. В общем, малек… – Полынь задумался. – Можешь дать мне пощечину, если хочешь, – уже вполне себе бодро закончил он.

Подмигнул и, похожий на рассерженного воробья, демонстративно повернулся в полупрофиль. Я только брови вскинула, а потом, не удержавшись, улыбнулась.

– Мне для этого придется подняться с кровати, а мне неохота, – намеренно ворчливо посетовала я. – Лучше скажи, Полынь: я с ума сошла, что ли, раз мне показалось, что меня чуть ли не смертельно ранили?..

Я уже успела приподняться на подушках и убедилась, что чувствую себя абсолютно здоровой. И отдохнувшей, будто после десяти часов нежнейшего сна и чашечки кофе солнечным летним утром. А быстрое ощупывание тела не выявило никаких тебе лишних дыр или даже шрамов. За оттянутым воротом больничной рубахи тоже все было замечательно. Не то чтобы я против, но…

– Тебя действительно навылет пробил пульсар. – Полынь пересел на край моей койки, но пощечинами разбрасываться больше не предлагал. – Когда я нашел вас с Ноа, ты выглядела скорее трупом, чем человеком, и архиепископ – его ранили в плечо, но несильно, – весьма конкретно и цветисто высказал мне свое недовольство на этот счет…

– О нет, он злился, что я провалила миссию по его сопровождению?!

– Он злился, что в кои-то веки ему дали отличного Ловчего и того сразу пристрелили, – усмехнулся Полынь. – Ты ему понравилась, малек, – невероятно, но факт, поздравляю! В общем, я попробовал вылечить тебя, не дожидаясь знахарей. Дело в том, что гости, пытавшиеся выбраться из капеллы, и целители, пытавшиеся в нее вбежать, создали дикую пробку среди этих идиотских лепестков… Так и получилось, что какое-то время в храме был только Ноа со своей оплошавшей охраной, мы с тобой и Ходящие, *Прыгнувшие*, как и я. Так вот, я пытался сделать что-то с твоей раной, но… – Полынь цокнул языком. – Ее вылечило что-то другое. Не ты, не я, а нечто третье, серебристыми всполохами пробежавшее по твоей груди. И учитывая, что рядом валялись осколки багрового пузырька, я догадываюсь, что это…

– …кровь Рэндома! – воскликнула я.

Полынь кивнул:

– Да, вполне вероятно, что хранительская кровь, попадая в рану, сама лечит ее. Уточнить не у кого, но это звучит достаточно логично – в рамках той безумной логики, что окружает все, связанное с Рэндомом. Можем в принципе повторить эксперимент.

– Э-э нет, спасибо.

– На мне.

– НЕТ! Давай просто сойдемся на том, что мне очень повезло, что пузырек был там же… – протянула я.

– Это да, – вновь серьезно сказал Полынь, глядя на свои ногти, на ободках которых виднелись неотмытые каемочки запекшейся крови. – Очень, – повторил он. – Как твой старший коллега, Генерал Улова и прочее, я не имею права просить тебя *не* защищать клиентов ценой своей жизни. Но, Тинави… К пеплу архиепископа в следующий раз, ладно? Просто к пеплу.

Говоря это, Полынь глядел на меня так пристально, а звучал так зло, что мурашки невольно пробежали у меня по спине. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Мое сердце ни с того ни с сего устроило разгон: билось все быстрее, и наконец я, не выдержав этого ритма, потупилась. Полынь неожиданно положил руку мне на колено. Помедлил. Похлопал по нему. Убрал руку.

Думаю, будь он моим начальником, он бы меня сейчас уволил. Вот честно. Просто с ходу – хоба-на, и до свидания. Во избежание.

Хотя Полынь не хуже меня знает, что абсолютной безопасности не существует. И далеко не только Ловчие могут погибнуть во время исполнения служебных обязанностей. И уж точно нет смысла становиться трусом, чтобы избежать гипотетической опасности.

– Мне приятно, – не поднимая глаз, сказала я, – что ты заботишься обо мне. И что сидел здесь, ожидая, пока я проснусь. Думаю, мы все этого заслуживаем – очнувшись на больничной койке, увидеть, что ты не один.

– Думаю, да, – уже мягче согласился Ловчий.

Он заметил, что я не дала невыполнимого обещания. Принял это – и промолчал.

Потом Внемлющий слегка потянулся и хрустнул пальцами, я, в свою очередь, покрутила головой, разминая затекшую шею. Напряжение предыдущего диалога постепенно ушло, сменившись более привычной атмосферой.

– Слушай, Полынь! – Я взбила свою подушку. – А в чем была цель нападения? И что происходит сейчас?

Полынь протянул мне небольшой шар-имаграф. В нем таилось изображение Королевской капеллы, явно сделанное почти сразу после атаки.

По церкви бегали служащие и охрана, на музыкальном балконе стояли Ходящие, от фонтана тянулась широкая полоса крови, заставившая меня вздрогнуть, а на кварцевом барельефе, изображающем шестерых богов-хранителей…

Ого!

…виднелась огромная, выдолбленная магическими пульсарами «четверка».

Почти идеальная цифра, с двумя лишь «неаккуратными» промежутками: видимо, там, где удары попали в нас с Ноа, а не в рисунок.

– Наш террорист продолжает обратной отсчет, – пожевал губами Полынь. – Точнее, террористы. Теперь мы знаем, что преступников было несколько. Судя по всему, Вир – слово, которым они подписывались, – это название их организации. Они напали, будучи в *Блеклом* состоянии, и потом *Прыгнули* прочь. Однако один из них запутался в брошенной тобой сетке, и стража успела ранить его. Там осталось столько крови и… м-м-м… тканей, что, возможно, он не выживет.

Мне подурнело.

– Я подозреваю, что они не планировали ранить кого бы то ни было, – продолжил Полынь, поднимаясь и меряя круглое помещение лазарета шагами.

Любопытствующие духи *дэйнгли* в своих аквариумах смешно прижались к стеклам зелеными личиками, вглядываясь в интересного и такого активного чужака.

– Мне кажется, террористы просто хотели выступить масштабнее, показать еще одно слабое место в безопасности Шолоха – в частности, тот факт, что храм во время мессы охраняли только саусберийцы, для которых это все-таки была чужая, непривычная территория и которые не знакомы с запредельными *Умениями* наших теневиков… Но вообще это странно. Глупый план, самонадеянный и с огромным количеством пунктов «на авось». И… Если честно, я не понимаю, что это за бывшие Ходящие такие! Психологический портрет вообще мимо! В поведении этих Виров умные шаги сочетаются с очень глупыми, и это крайне подозрительно.

– Может, раз мы знаем, что Виров несколько, то кто-то из них умник, а кто-то – дурачок? Во время бунта в голову ранили? – предположила я, заходя за ширму возле двери и переодеваясь в свежую одежду, оставленную мне местными знахарями.

Полежали – и хватит! Пора обратно в большой мир.

– Ага, и при этом у них демократия, – буркнул напарник.

Едва я вышла из-за ширмы, как дверь рядом со мной распахнулась.

На пороге стояли двое Ходящих. Высокие золотые фигуры в струящихся мантиях и таких же золотых масках.

– Приветствую, Ловчая, – шелестящим голосом произнес первый из них. – Приятно видеть, что вы живы. Кажется, пришло время нам с вами посотрудничать по делу о террористах.

И Ходящий протянул мне ладонь в кожаной перчатке для рукопожатия.

Не успела я и рта раскрыть, как Полынь хищной птицей сорвался с места и, чуть ли не перепрыгнув одну из коек, подлетел к нам.

– А ну отошел! – злобно рявкнул он на железнолицего. – Я специально ждал, пока она проснется, чтобы забрать ее на допрос. – Внемлющий подтянул меня к себе. – Так что вышли отсюда. Немедленно. Оба.

– Ждали вы или нет, но как свидетельница она нужна нам, – сухо оповестил Ходящий и энергичнее потянул ко мне ладонь для рукопожатия.

Я сделала вид, что в упор ее не вижу. Мало ли, какие у меня там нарушения зрения после ранения.

Просто, как и взбесившийся Полынь, я понимала: сотрудничать с Ходящими сейчас – это точно не вариант. По одной простой причине: с сегодняшнего дня Вир – звезда королевства. Теперь о нем знают все, и те, что расследуют его дело, отныне будут находиться под пристальным контролем, и любой их огрех станет огромным скандалом. Сотрудничество с нами нужно Ходящим не для того, чтобы получить помощь, а для того, чтобы завести козла отпущения в своей команде. Еще полгода назад, думаю, я бы, не чуя подвоха, радостно потянулась жать руку теневику… Но сейчас знаю – это классический прием Теневого департамента.

Полынь тем временем залез в карман своего одеяния и вытащил оттуда кремовую карточку с печаткой дворца. Бумага пахла сладкими духами с нотками смолы и нероли.

– Сначала допрашиваю я, – повторил Ловчий, протягивая карточку бывшему коллеге, – ее величество Аутурни *ну очень* волнуется о своей безопасности и хочет первой узнать максимум подробностей о сегодняшнем инциденте. Так что нас с напарницей уже ждут во дворце.

Маска Ходящего логично оставалась непроницаемой, но я догадалась, как скривилось лицо под ней.

– Думаю, – прошелестел теневик с явной угрозой, – его величество Сайнор тоже интересуется нападением. И именно он – глава государства.

– Померяемся хозяевами? – Полынь фыркнул.

Не отпуская мой несчастный локоть, он чуть-чуть завел меня себе за спину.

– Вот только беда… – улыбнулся напарник, – у меня есть бумага с просьбой королевы, подписанная через две минуты после официального времени нападения на архиепископа. И саму королеву, если надо, я сейчас же вам приведу. А вы желание Сайнора никак не подтвердите: насколько я знаю, он уже у послов, приносит свои глубочайшие извинения королю Асерина за произошедшее. И очень важно, чтобы его извинение дошло до монарха быстрее, чем сплетни. А то, понимаете, разрыв союза, война, все дела… Нет, Сайнора сейчас нельзя отвлекать, – покачал головой Полынь. – Думаю, он *и так* вами очень недоволен. Как вы *вообще* могли допустить такую атаку в церкви?

Ходящий сжал кулаки. Напоминание о профессиональных провалах – это всегда неприятно.

– Тогда ждем госпожу Страждущую у нас через полтора часа…

– Полтора часа для таких вещей – это неудовлетворительно, омерзительно, оскорбительно мало, – с непередаваемым снобизмом возвестил Полынь. – Нам только к королеве отсюда сорок минут добираться – человек же болен! – патетический жест на меня.

Я тоскливо и тяжело задышала.

– Через два часа, – процедил Ходящий.

– Но я должен провести нормальный допрос.

– Три часа – мое последнее слово.

– Хей, по-моему, меня слегка контузило, – встряла я несчастным голоском. – Язык не шевелится, говорю очень ме… длен… но… Давайте завтра утром? Вы же все равно все *Посмотрели*, отмотав время в капелле назад. Или террористы теперь единственные в королевстве, кто пользуется вашими знаменитыми Умениями?

Теневик зарычал – тихонько, как неисправный маг-кристалл в лодках. Затарахтел даже, вот. Возмущенно.

Его коллега, дотоле молчавший, понял, что проще будет пойти на уступку.

– Ждем вас в семь вечера в Теневом департаменте, – сказал он мне. И наставил палец на Полынь: – Попортите нам свидетеля – мы вас уничтожим.

Полынь весело помахал бывшим коллегам и, когда они шагнули за порог, щелкнул пальцами: дверь за ними с грохотом захлопнулась.

– Так! Отлично! А теперь двигаем отсюда, – скомандовал Ловчий. – Будем готовить тебя к допросу. Нет-нет, не переживай, не при Аутурни. Но во дворце, да. И поскольку эти сморчки ходят слишком медленно – якобы величаво, – а обгонять их сейчас в коридоре я не хочу, весь эффект победы испортим, то пойдем мы быстрым путем…

И Полынь, распахнув створку полукруглого окна, стремительно сиганул в него.

Хорошо хоть академический лазарет находится на первом этаже. А то от Ловчего в боевом настроении можно ждать чего угодно!

* * *

Мы быстро шли сначала по Саду Наук, заполненному причудливыми травяными фигурами и садовыми троллями, сейчас спящими, зато ночью наверняка обалдеющими от новостей, а потом – мимо злосчастной Королевской капеллы.

Здесь, под ярким дневным солнцем, сейчас морскими волнами шептала толпа горожан, газетчиков, стражей, лекарей, студентов… Всем было любопытно, что случилось в храме. Очень любопытно!

А раз официальную версию не сообщали, но шолоховцы придумывали свои, и чем диковиннее, тем лучше.

Так, по дороге я услышала один рассказ о том, что архиепископа сразил небесный гром за плохую проповедь. И другой – о том, что это вообще был не архиепископ, а хранитель Рэндом, прикинувшийся человеком, совершивший псевдосамоубийство и тотчас оживший на глазах прихожан, чтобы снова взрастить в столице интерес к религии. И третий – о том, что сама Истина ожила, приняв облик удивительной девушки в голубом платье, и, негодуя оттого, что Ноа посмел изречь ее своим злодейским ртом, кинулась на него, чтобы убить…

Услышав эту сплетню, я немножечко зарумянилась. «Удивительная» – это приятно!

Я навострила уши, чтобы собрать еще историй, – они ведь просто обречены вскоре превратиться в городские легенды, их полезно знать, – но тут нам с Полынью навстречу выступил Эрвин Боу. Мужественное лицо священника было преисполнено печали.

Он молитвенно сложил руки лодочкой и коснулся лба.

– Госпожа Тинави!.. – воскликнул Эрвин. – Как вы? Я вижу, Теннéт вас все-таки не сохранил…

– Есть такое, – подтвердила я. – Зато Рэндом подсуетился.

Это, как вы понимаете, была абсолютная правда, но Эрвин счел мою реплику шуткой и сочувственно улыбнулся.

– Я рад, что и вы, и архиепископ живы. Однако у меня есть к вам просьба – не сочтите ее дерзкой.

Я с интересом наклонила голову набок.

– Пока королевскую капеллу будут ремонтировать, меня переведут в храм Светлейшей Селесты, – продолжил Эрвин. – И я вас по-человечески прошу, Тинави, – священник прижал руку к сердцу, – вы можете, пожалуйста, туда не заходить? Вообще? Ведь один раз случайность, но два – тенденция… Боюсь, вы приносите разрушения в дома богов-хранителей. Возможно, вам не стоит к ним приближаться.

Полынь прыснул. Я уткнулась взглядом в землю.

– Конечно, Эрвин, – промямлила я.

Священник привычно благословил меня на прощанье.

– Тинави Стражди Разрушительница… – хмыкнул Полынь, уводя меня дальше. – Обязательно скажи Патрициусу. Ему же нравятся прозвища. И к Давьеру – к Давьеру в гости лучше не ходи, когда он вернется. Красивый дом у него. Жалко будет.

* * *

Вскоре мы пришли в дворцовые покои, выделенные для Полыни.

Комната была просторная и светлая. Ящики, принесенные из ведомства, так и пылились неразобранными – кажется, Полынь и впрямь собирается просто потом отправить их на помойку. Ну, либо у него крайне своеобразное представление об уюте.

На подоконнике стояла огромная бутыль мятного сиропа, в открытом платяном шкафу висело множество шелковых одежд – вот это да, вот это у Ловчего предметы первой необходимости! – а стол у кровати был завален бумагами.

На самой кровати дрыхла моя мумия, присланная Даххy.

– Привет, изменница! – укорила я.

Мертвяк мигнул красными глазами и отвернулся к стене.

– По ночам я прошу ее проследовать в шкаф, – поспешил сообщить Полынь, услышав мой смешок на эту тему.

Второй смешок, посвященный тому, что в глубине покоев имелась дверь в спальню королевы и дверь эту подпирала табуретка, обвешанная несколькими защитными амулетами, Полынь комментировать не стал.

Между тем Ловчий достал из-под кровати маленькую потрепанную книжечку, сосредоточенно ее полистал и, найдя нужную страницу, протянул мне.

– Грубо говоря, твоя подготовка к допросу заключается лишь в одном, Тинави. Догадываешься, в чем именно?

– Конечно, – я кивнула. – Теневики любят подглядывать в мысли своих свидетелей и подозреваемых. А у меня, пусть магии и нет, до сих пор стоит защита от *Чтения,* о чем им знать крайне не рекомендуется.

– В яблочко. Соответственно, тебе надо выучить эти две формулы…

Я с любопытством всматривалась в рукописный текст книжечки Полыни. Надо же. Это ведь, наверное, его старый ученический сборник заклинаний. Еще со времен Пика Волн – города, где в университете имени Рэндома получают образование Ходящие. На страницах царили соль, пепел и неровный почерк подростка, понятия не имеющего, с какой стати он должен свою жизнь положить на защиту страны, в которой даже не рос…

– Первая формула – это теневое заклинание подмены, – выбил меня из фантазий Внемлющий. – Я помогу тебе настроить его так, что оно создаст фальшивые мысли на фоне той пустоты, что царит в твоей черепушке… – Полынь запнулся. – Тьфу. В смысле, для Ходящих – пустоты. Так-то у тебя, наверное, там много всего происходит.

– Да уж не наверное, а наверняка! – возмутилась я. – Так, а вторая формула – о! Я ее знаю. Это же для сдерживания чиха?

– Да, она. Потому что, помнится, при мне в свое время ты прокололась именно на этой мелочи: все в Теневом департаменте в курсе, что чих – неизбежный побочный эффект от ментальной защиты, если кто-то пытается ее взломать, – он вскинул проколотую левую бровь.

– Поправочка! – я наставительно подняла указательный палец. – Как я могла проколоться на чем-либо, если ничего не скрывала? Я просто была собой, а вот ты уже наплел вокруг меня интригу! Сам придумал, сам напрягся и сам же потом прокололся, – я шутливо ткнула его в бок.

Полынь закатил глаза.

– Тем не менее, – смилостивилась я, – про чих я согласна! Как говорит мастер Улиус, маленькие камешки переворачивают повозку.

– Будешь колдовать – пальцы с непривычки не сломай, – мило посоветовал Полынь, направляясь к себе в поместье Внемлющих – за новым пузырьком с кровью Рэндома, вместо разбитого[13].

И действительно, после долгого перерыва в колдовской практике плетение магических формул казалось мне поразительно хитрой штукой. Карлова магия, которую я так успешно применяла прошлым летом, зиждилась скорее на мыслеформах и эмоциях, тогда как классика требовала быстрой пляски пальцев, кистей, самих рук.

С кровью Рэндома можно было применить оба подхода – и дружеский, и классический, – но раз мне нужен конкретный результат, то лучше использовать и конкретную тактику, выраженную в заклинании. А то энергия унни… Как бы сказать. Достаточное своевольная штука.

Поэтому я, отодвинув мумию в угол кровати, упрямо тренировала новое для себя плетение подмены: согнуть безымянные пальцы, сцепить большие, резкий проворот (главное – не вывихнуть запястья), закидываем конструкцию за голову, возвращаем, пляска всех пальцев правой руки, а левая открытой ладонью очерчивает спирали, потом хлопок, проворот, выдох в «лодочку» из ладоней и одновременная имитация эдакого «взрыва». Добавьте к этому шепчущий напев на стародольнем – и вы получите весьма и весьма приятную формулу!

В общем и целом процесс шел отлично.

---

[13] Я давно еще оставила ему пару штук – на всякий случай. Вдруг мой дом ограбит какой-нибудь псих? Не кладите все яйца в одну корзину и все такое!

Мне было до пепла волнительно и интересно: *что* я почувствую, когда магия вновь потечет в моей крови?

В прошлом году я совершенно осознанно и уверенно отказалась от хранительской силы. Даже если исключить из того уравнения Лиссая, которого мой отказ оживил, я бы все равно со спокойной душой отдала могущество Теннéта обратно богам.

Это была чужая магия. Плюс я знаю на практике – счастье не зависит от колдовства. Счастье вообще не зависит от внешних факторов. Ни от каких. Счастье – это твое внутреннее состояние, которое ты можешь включать и выключать в себе по собственному желанию, если научился ладить со своими мыслями и эмоциями. Я поняла это в свое время, и, хотя я иногда забываю об этом – в дни неудач и печалей, ошибок и горестей, – глобально я продолжаю придерживаться той теории.

Однако это не отменяет того, что колдовство – это огромная радость и еще одна грань свободы. С ним в душе зажигается яркий и такой манящий огонь… Когда сила хлещет из-под пальцев, я чувствую себя сильнее и воплощеннее, чем без нее.

И в этом плане, конечно, я до сих пор не понимаю, почему мысли об открывшемся Святилище вызвали у меня такую тревогу. Мне так хочется пойти вперед! Откуда же внутри поселился какой-то странный, необъяснимый страх?

Как будто я чего-то не вижу. Как будто иду не по дороге, а сквозь высокую и острую траву.

– *Шэээпа хофо баавце, баавце лафэхун…* – я снова нараспев стала повторять формулу подмены.

Получалось прямо-таки отлично.

* * *

Вернувшись, Полынь оценил мои старания и, будто своеобразную конфетку в награду, протянул мне пузырек с хранительской кровью.

– Бр-р. Надеюсь, это не очень мерзко, – цокнула языком я. И мысленно добавила: «И не слишком прекрасно – чтобы потом суметь остановиться».

– Будешь плеваться – в окно, пожалуйста, – попросил Ловчий, с огромным интересом глядя на то, как я подцепляю стеклянную пробку.

По комнате тотчас поплыл какой-то странный запах – то ли мускат, то ли ветивер. Да, хранительская кровь – это вам не унылая красная жидкость смертных! Вон как поблескивает и мерцает под стеклом – будто ртуть со сверкающими частицами, похожими на всполохи падающих звезд…

Я подняла пузырек на уровень глаз, последний раз оценила карминные переливы жидкости и, зажав нос, одним глотком осушила склянку.

Ох…

– Ну, добро пожаловать в ряды вампиров! – подмигнул Полынь.

18. Энергичный денек для Тинави

Восточный Хейлонд – вампирский город-государство, расположенный на самом западе материка Лайонассы. Почему же Восточный? Все просто: еще левее на карте вы увидите Западный Хейлонд – остров.
Энциклопедия «Доронах»

Теневой департамент выглядит так, будто в Шолохе он оказался случайно.

Будто некая божественная рука несла его над картой мира в сторону островного Пика Грез – где сплошь тьма, и острые скалы, и ледяные камни, – но не донесла… Небесный архитектор то ли обессилел, то ли решил: ничто так не оттеняет радость, как точечный кошмар. Правда, «точка» получилась жирновата.

Здание Ходящих – катастрофически лютое.

И дело даже не в его пугающих обитателях. Оно само такое… Блестяще-черное, все в игольчатых шпилях и узких длинных окнах, причудливые хвойные растения в которых кажутся призраками, наблюдающими за тобой из темноты. Только представьте: идешь ночью по городу, бросаешь взгляд на этот страшный, будто заброшенный особняк, – и в нескольких десятках окон видишь неподвижные силуэты, обращенные к тебе… Над тяжелыми черными дверьми, украшенными золотой резьбой древних рун, стоят фигуры горгулий в два ряда.

Говорят, знахари очень любят гулять тут перед экзаменами: нет-нет да выбьют пульсаром зубик «на счастье». Говорят также, этих умников потом объявляют пропавшими без вести.

Центральная часть здания выше, чем боковые: утыканная шпилями крыша поднимается горбом, будто хребет спящего дракона. Здесь департамент насчитывает пять этажей. На пятом всего лишь одно окно – большое и круглое, с толстым стеклом красного цвета.

Черный, золотой и багряный – вот он, стиль Ходящих.

…И хотя в обычное время мне кажется, что от Теневого департамента лучше держаться подальше, сейчас я шла в него с ощущением праздника, перепрыгивая корни растущих вокруг буков с веселым «их-ха!».

Кровь Рэндома была *об-во-ро-жи-тель-ной!*

С непривычки мне казалась, что я выпила фейерверк. Тягучая жидкость, будто блестками напоенная, до сих пор шипела во рту, перекатываясь и искрясь. Маленькие шарики лопались прямо у меня в мозгу – странное ощущение, опасное и одновременно игривое.

– Малек, ты нормально себя чувствуешь? – ошарашенно спросил меня Полынь, когда я, звонко чмокнув его на прощанье, задом наперед покинула спальню.

– Лучше, чем когда-либо! – признала я и танцующей походкой утекла прочь по дворцу.

– Я уже жалею, что дал тебе еще один пузырек с собой… – пробормотал куратор где-то сзади.

Вот и сейчас я приближалась к ведомству с хищным азартом, как к подарку под хрустящей оберткой. Мне очень хотелось посмотреть, что у него внутри. Ведь в этом огромном министерстве, рассчитанном на сто двадцать сотрудников, сейчас обитает всего лишь шестеро теневиков.

Каково им там?

Конечно, мир Ходящих всегда манил меня, казался опасной и притягательной тайной. Весь предыдущий год и я то и дело спрашивала Полынь о его прежней теневой жизни. Чаще всего Внемлющий отшучивался или менял тему – в этом случае я не настаивала, – но иногда он с охотой рассказывал мне что-нибудь…

Так, я знала, что Теневой департамент был для железнолицых не только местом работы, но и домом. В подвалах министерства располагались допросные, пыточные и кабинеты, первый этаж занимали нейтральные зоны, куда допускались посетители из других ведомств. На втором, третьем и четвертом жили рядовые Ходящие. А на пятом этаже – в том самом «горбу» здания, похожем на ящериный позвонок, – располагались апартаменты главы ведомства. То есть тетушки Тишь. Полынь говорил, не было знака хуже, чем услышать: «Вас ждут в покоях Архимастера». Именно этот титул носила Внемлющая в годы своей работы. Кстати, никто не знал, что она женщина: у Ходящих «нет пола» перед лицом мира.

Об этом я и думала во время допроса, пытаясь угадать в золотой маске и балахоне теневика мужчину или женщину. Увы. Без вариантов. Вдобавок костюм скрадывал габариты: я никак не могла уловить ни рост, ни телосложение агента…

Что касается непосредственно допроса, то все прошло на удивление беспроблемно. Я знала, что Ходящие знали, что я знаю, что они владеют *Чтением* – а в таких абсурдных условиях достаточно сложно задурить друг другу головы.

Процедура просмотра моих мыслей не заняла много времени, особенно с учетом того, что мой рассказ о произошедшем в часовне совпал с тем, что теневики *Увидели* там же, заглянув в прошлое.

Разученные во дворце заклинания я применила с блеском. Энергия унни, давняя подруга, «отсеченная» от меня во время прошлогодних событий, плескалась и бултыхалась в ложбинке у сердца, чуть ли не хвостом виляла: «Тинави, Тинави!»

Приходилось сосредотачиваться не на том, чтобы колдовать, а на том, чтобы НЕ колдовать…

…Я была на допросе, серьезно? Каком допросе? А, вот этот милый человек, любитель золотых аксессуаров – как бы злой? Я таких, как он, побаиваюсь?

Нет, правда, что ли?!

– А в момент, когда вы ранили одного из террористов, он, случайно, не стал видимым? Вы не разглядели его? – поинтересовалась я в конце, изо всех сил пытаясь не взлететь над табуреткой.

Ходящий, который сидел, подперев подбородок маски кулаком, распрямил один палец. На мгновение мне показалось, что средний, но нет – все-таки указательный. Впрочем, это явно было своего рода эвфемизмом.

– Вы отказались с нами сотрудничать, Ловчая. Значит, вам никакой информации не положено.

– Печально!

– Вы зря радуетесь тому, что остаетесь от дела в стороне… – угрожающе предостерег Ходящий.

– Я радуюсь тому, что жизнь прекрасна! – оптимистично заявила я. Внутренний «Рэндом», зараза, и не думал утихомириваться. Наоборот.

Теневик недвусмысленно указал мне на выход и сел разбирать бумаги. Я не удержалась от того, чтобы звонко не хлопнуть дверью, а потом… воровато пошла в другую сторону.

«Если что, скажу, что заблудилась», – решила я. Озорство внутри умоляло, нет, *требовало* сделать что-нибудь из ряда вон.

Я подумала, что ворваться в бывшую спальню бывшей главы ведомства – это лучшая идея года. И пусть тихий голос нормальной, разумной Тинави что-то обескураженно бормотал на задворках разума, другой голос – с узнаваемыми интонациями бога-шута – жаждал развлечений.

Я тихонько вступила в шахту винтовой лестницы – небо, какой же пыльный на ней ковер! И узко так – не разойдешься. Пролезет только худой. Это чтобы Ходящие форму держали, что ли, вопреки объемным плащам?

Я поднялась до уровня первого этажа, но проигнорировала обсидиановую арку, ведущую туда; я брала выше… Выход на второй этаж был еще чернее: оникс, ты ли это? А третий этаж…

Но до третьего этажа я не добралась.

На стену плюхнулась тень, отброшенная человеком, и сразу за ней – вторая. Два Ходящих шли мне навстречу.

Меня бы обнаружили в тот же момент, если бы не счастливая случайность – один из агентов остановил второго вопросом:

– Может, все-таки повременить с докладом? Пик Волн… Это тоже наш дом. Что, если мы не правы?

– Издеваешься? – прошипел второй. – Как еще можно трактовать пятое подряд письмо о том, что выпускники «не готовы»? В культуре шэ́рхен не принято говорить «нет», сам знаешь. Этот отказ сотрудничать, отказ прислать нам теневиков – как перчатка, брошенная в лицо. И Виры тоже их, зуб даю. Островные ублюдки решили наконец-то выйти в большую игру и потягаться с Шолохом, натравили на нас наших же.

– Это звучит странно. Зачем им это?

– Тем не менее я не вижу ни одной другой причины, почему бы не отправить нам выпускников, и не представляю, откуда еще взяться сплоченной команде теневиков…

…Что там еще продолжал говорить Ходящий, я не узнала.

Потому что парочка железнолицых все-таки вступила на лестницу – и из ловушки, в которой я оказалась, я нашла только один надежный выход: в никуда.

Я *Прыгнула*, не задумываясь, совсем рефлекторно, едва мысок золотой туфли Ходящего показался в арочном проеме.

Заряда от крови Рэндома хватило на то, чтобы я перенеслась прочь из Теневого департамента – живая, здоровая и, главное, невредимая, как обнаружилось два удара сердца спустя.

По традиции перемещение стукнуло меня об пол.

– Ай! – охнула я, за год отвыкнув от ссадин на ладонях и коленях. Потом поднялась с колен, отряхнула ладони и огляделась.

Что?!

Серьезно?..

* * *

Я оказалась в какой-то спальне. В центре ее стояла круглая кровать – очень красивая, резная, с полупрозрачным балдахином и огромным подносом южных фруктов, ожидающим среди взбитых подушек.

А за кроватью комната… обрывалась.

Нормальные стены здесь отсутствовали. Напрочь. Имелось только стекло – огромный прозрачный колпак накрывал спальню, будто это была магическая обсерватория. Красивейшее небо обхватывало комнату со всех сторон: розоватые перья облаков тихо плыли на фоне глубокой синевы, уже по-вечернему вспыхивающей оранжевыми и лиловыми оттенками. Летели вдали стаи птиц.

Осторожно осматриваясь и поражаясь тому, насколько здесь толстый и мягкий ковер, я подошла к стеклу и посмотрела вниз… А потом чуть не села обратно на пол, не веря своим глазам.

Ибо за окном был Восточный Хейлонд.

Нет: ВОСТОЧНЫЙ ХЕЙЛОНД.

Какого, рябине твоей високосный год, я здесь оказалась?! На другом конце материка?!

Я прилипла к стеклу, вглядываясь в диковинные контуры пейзажа. Восточный Хейлонд – это вампирский город-государство, что лежит на краю Лайонассы, зажатый между пустыней

Тысячи Бед и морем. С севера Хейлонд подпирают гористые холмы, в дальнейшем перерастающие в Тилирию, с юга – Иджикаян.

Я зажмурилась, ущипнула себя за руку и снова открыла глаза. Пейзаж не поменялся.

Справа от меня торчали, как грибочки, очаровательные каменные домики с островерхими крышами, похожими на шляпы волшебников. Узкие уютные улочки, бархатные плющи, нежно обвивающие здания, деревянные бочки с дождевой водой, изредка – такие же высоченные узкие башни, как та, в которой находилась я… На всех площадях, видимых сверху, обязательно присутствовали фонтаны и фонарные столбы, украшенные фигурами летучих мышей. Хотя, может, это были и вовсе не скульптуры – может, это сами вампиры, «обернувшись» побыстрому, отдыхали после долгого рабочего дня…

Вдалеке, за холмами, виднелась монументальная Дамба Полумесяца. Жадно всматриваясь в пейзаж, я прижалась ладонями и носом к стеклу.

Прежде я не бывала в Восточном Хейлонде. И не видела эту грандиозную, тревожную постройку – одно из величайших чудес Лайонассы…

Огромная дуга Дамбы, пятьдесят миль длиной и двести ярдов высотой, уже сотню лет не дает песку засыпать Хейлонд. Ведь проклятая пустыня Тысячи Бед растет год от года – и вширь, и вверх. Убери Дамбу – и стеклянная пыль погибшей Мудры похоронит под собой вампирский город. И – что важнее с точки зрения мировой экономики – драгоценный берег лунных камней…

Я с сожалением оторвала взгляд от Дамбы и посмотрела влево. Там вдаль убегала роскошная улица, вымощенная адуляром. Она оканчивалась знаменитой аркой с дюжиной костлявых, зубастых лошадей по фронтону. За аркой, недвижимо-величественное, тихо вздыхало Западное Море. Его серебристая гладь шелком опоясывала холмы, томно посверкивала подводными сокровищами, щурилась на меня: «Ну, привет, чужестранка!» Или, как говорят на хейлонлинге: «Доброй крови!»

– Доброй крови, воистину! – хмыкнула я.

Кажется, это становится моей дурной привычкой: несанкционированно сбегать на побережье.

И подумаешь, что нужна телепортация в тысячу миль – смешная же преграда на пути к отпуску!..

– Прах побери, – с чувством добавила я, осознав произошедшее.

Шаря по карманам плаща в поисках дополнительной «дозы», выданной Полынью, я лихорадочно соображала, что же привело меня именно сюда?

Логично, если бы унни, раз она становится *настолько* сильна от крови, бросила меня в Пик Волн – об этом я думала перед *Прыжком*. Но Хейлонд?!

Я о нем вообще не вспоминаю по жизни! Максимальная привязка – вампирья шуточка Внемлющего…

Я опрокинула в себя содержимое пузырька.

– Унни? Расскажешь, в чем дело? – попросила я.

– *Хи-хи!* – ответили теневые блики голосом Дахху (он у них на роли «интерфейса») и выжидательно умолкли.

Мол, догадайся сама.

Молчание было невероятно лукавым…

– Рэндом? – я сделала еще попытку. – Это твои шутки? Ты что, вернулся из Пустошей Хаоса? У вас там все нормально?

Тишина. Из-за бархатной шторы не выпрыгнул прельстительный джокер. Из-под кровати не выползли люди с воплями «Сюрприз!» и последующими объяснениями.

Что ж! Вызов принят.

Я решила оглядеться, держа *Прыжок* наготове, как натянутую тетиву лука в руках, где вместо стрелы – магия. Лоб мгновенно покрылся испариной: молчаливая, но упрямая унни в этот раз не дала мне «радостного безумия», но стала насильно тянуть меня прочь… Будто за руку тащила.

– Цыц! Никуда я не пойду, пока не разберусь, раз ты молчунья! – осадила я энергию бытия. Она не возражала, но и тянуть меня не перестала. Вот упрямая. Прям как щенок перед прогулкой.

Так.

Что же у нас тут…

Некая стеклянная комната на вершине здания. Дом вельможи? Лаборатория для опытов над сновидцами? Гостиница? Судя по лаконичности и, одновременно, дороговизне обстановки – похоже на последнее.

Кровать, туалетный столик и шкаф возле круглого люка в полу – вот и весь интерьер. Зеркал нет: в вампирском обществе это оскорбительная вещь.

Единственная зацепка на виду – на тумбочке возле кровати лежит блокнот. Я подошла и полистала его. Судя по формату записей, это был дневник. Почерк необычный: витиеватый, с наклоном влево. Я прищурилась. Прах! Я ведь знаю этот почерк! И язык текста – странный, неземной – тоже мне знаком. Я видела его в том году в шолоховском некрополе, на стенах, где каждый абзац сопровождался размашистой подписью «Т».

На последней заполненной странице дневника в глаза неожиданно бросилась отчаянная запись на стародольнем: «КТО?!» – прямо посреди листа.

Вдруг люк в комнату распахнулся. В проеме, беззаботно посвистывая, появилась голова. Вскоре за ней подтянулся весь слуга-вампир в черном балахоне. Обе руки у него были заняты подносом со всякой снедью.

– Ох, а мне показалось, вы только что вышли, мастер… – извинился слуга, но тут же запнулся. Лицо у него вытянулось, когда он разглядел меня.

– Я гостья, – поспешила уверить его я на хейлонлинге.

Если я правильно угадала, что автор записей – Теннет, он же Анте Давьер, – это даже не было ложью. Но я все равно резко захлопнула тетрадь – ведь так неловко, когда тебя застают за чтением чужого дневника…

От получившегося звука, похожего на хлопок пульсара, вампир вздрогнул.

А вздрагивать – это очень плохая идея, когда ты стоишь на приставной лесенке с огромным подносом в руках.

Служка покачнулся, не удержал равновесие и с грохотом и паническим воплем снова исчез в люке.

– Вы живы?! – испугалась я, кидаясь к месту крушения.

Где-то там, под полом, продолжала греметь рассыпающаяся посуда… Ох… Далеко же лететь…

Я встревоженно склонилась над дырой. И тотчас произошло три вещи одновременно.

Во-первых, на моей голове появилась пара седых волос.

Ибо – во-вторых – на меня из люка вылетела, ощерившись, черная летучая мышь и на мгновение налепилась мне на лицо, перепуганная, кажется, не меньше моего.

Ну и, в-третьих – упрямица унни, воспользовавшись суматохой, самовольно отпустила воображаемую «тетиву» и все-таки выдернула меня прочь из Хейлонда…

* * *

Здравствуй, новая локация.

На сей раз я снова оказалась в Шолохе. Этот запах – цветы и кофе, древесина и водоросли, свежескошенная трава и перец – я не перепутаю ни с одним запахом мира.

Да и этот вид!..

Своевольный *Прыжок* швырнул меня на берег реки Плюмы, что протекает между кварталами Чрева и Холма Форрен-Мур. Пока я находилась в вампирском городе, в лесной столице успело стемнеть, и теперь река серебрилась, как узкая шелковая лента. Клены густо росли вдоль берегов, шелестя листвой. Пели ночные птицы – настолько беспечные, что даже не запнулись, когда под ними из ниоткуда вывалилась взъерошенная девушка, чей нос был исполосован когтями летучей мыши.

– Да что ж такое-то… – пробормотала я, поднимаясь с примятой травы.

По какому принципу, интересно, меня кидает туда-сюда?

Я огляделась в поисках хоть каких-то подсказок. Впереди на реке был подсвечен горбатый мост, на котором хохотали кентавры-перевозчики, чьи голоса далеко разносились по темно-зеленой воде. Совсем рядом со мной безмолвствовал причал магретто, обозначенный двумя красно-белыми столбиками, между которыми болталась табличка с названием остановки: «Несбыточная Мечта».

А на скамье возле причала сидела одна-единственная женщина – к счастью, ко мне спиной, благодаря чему она не увидела моего подозрительного появления.

Но вот, будто почувствовав мой взгляд, она обернулась, и я внезапно узнала нашу Селию. Мне тотчас захотелось прикинуться столбом, чтобы не общаться с начальством, но было поздно.

– Тинави? – Помощница шефа удивленно вынула изо рта длинный мундштук с сигаретой. – Что вы здесь делаете?

– Я иду с допроса в Теневом департаменте, – бодро солгала я.

Хотя в принципе это тоже нельзя было назвать ложью. Я просто умолчала об одной петельке в длинном полотне правды, и, учитывая, что эта петелька – страшная тайна божественного характера, едва ли кто-то меня осудит.

– Я думала, вы живете в другой стороне города, – голос Селии полнился подозрением.

– Так и есть. Но я решила прогуляться, чтобы проветриться после встречи, а потом доплыть домой на магретто по большому речному кольцу. Люблю лодки.

– Предположим, – протянула Сгинувшая, пыхнула едким дымом и приглашающе похлопала по скамье рядом с собой.

Надеясь, что от меня не слишком несет аурой запредельного колдовства, я осторожно подошла и села.

– Я как раз сейчас думала о вас и вашей сегодняшней миссии в церкви, – неожиданно заявила Селия.

Она думала обо мне? Звучит устрашающе. Хотя… Может, это зацепка в моем спонтанном Деле о Прыжках?

– Как все прошло с железнолицыми, Тинави?

– Лучше, чем могло бы.

– Я знаю, что в капелле в вас стреляли. Однако господин Внемлющий, – в голосе Селии появились особенно неприязненные нотки, – передал, что вас так хорошо исцелили, что вы отказались и от выходных, положенных после ранения, и даже от наблюдения в лазарете.

– Так и есть. Я люблю свою работу и одновременно терпеть не могу больницы. Считайте это моей маленькой придурью.

– Как раз *это* на придурь не похоже в отличие от абсолютного большинства ваших действий.

Я только вздохнула и начала прикидывать, как бы мне сейчас свалить от Селии. Какую легенду придумать, чтобы не плыть с ней еще и на магретто?

Тем временем начальница затушила сигарету о набалдашник своей трости, выполненный в виде мышиной головы.

– Скажите, Страждущая, – безымоционально начала она, – вы довольны своим сегодняшним делом?

– Нет, – с ходу печально отозвалась я.

– Ну и зря, – едко сказала Сел.

А вот это уже что-то новенькое!

– Потому что и Улиус, и я довольны. Даже Ноа, пеплом задери его асеринскую задницу, доволен: в вашем кабинете вас уже ждут цветы от него, деньте их завтра куда-нибудь, они воняют на весь коридор. Не считая нападения, что определенно является не нашей заботой, все было замечательно. И только вы, как обычно, цепляетесь к себе.

– Селия, если честно, мне кажется, что обычно ко мне цепляетесь *вы*, – вдруг не выдержала я. – Такова удручающая классика наших отношений.

Прах с ним, иногда можно и правду в лицо сказать.

Сел поперхнулась дымом.

Я вздохнула:

– И в этом плане… Спасибо за похвалу моим действиям сегодня. Приятно знать, что вы все-таки думаете, что я небезнадежна. И, возможно, однажды смогу стать хорошей Ловчей. Пусть даже повысили меня авансом.

– Тинави! – неожиданно рявкнула Селия. Ей явно не понравилась моя прямота. – Давайте выясним это раз и навсегда. Что, по-вашему, такое «хорошая Ловчая»?

– Азарт, четкость, хладнокровие, умение преследовать преступника, как охотничий пес, технично выводить его на чистую воду и отдавать правосудию.

– Вы только что описали Полынь, поздравляю. И вот я что скажу. *Такой* Ловчей вы никогда не станете, не надейтесь. Однако у вас есть не менее важные качества: эмпатия, доброжелательность, умение быстро реагировать, наблюдательность и находчивость. Я скажу вам это только один раз, и вы больше не посмеете набиваться на комплименты. Ваша должность Ловчей – заслужена. *Уже*. Да, лично меня бесит, что вы без магии работаете детективом, и, объективно, у вас явно есть проблемы с королем – во дворце вас, по секрету скажу, ни в грош не ставят. Но мы в департаменте давно приняли вас в семью и знаем: вы важная часть команды. И ваш чокнутый куратор тоже, хотя, будь моя воля, я бы столкнула его со скалы. Все. Я все сказала. Завтра в полдень жду в департаменте обоих! Его отстранение заканчивается досрочно, все с ним хорошо, я сама видела. Не явится – оштрафую на хрен.

И Селия резко поднялась со скамьи, увидев подплывающий к пристани магретто.

– Не вздумайте садиться рядом со мной на корабле, Тинави.

– Хорошо, – пискнула я. – Спаси…

– Заткнитесь.

* * *

Госпожа Сгинувшая сошла через несколько остановок, в районе Квартала Постскриптумов, пропитанного запахами ландышей и засахаренных фруктов.

Мне было еще плыть и плыть до своего дома. Круглобокий лакированный магретто тихо рокотал, рассекая зеркальные воды столичных рек. На небе сияли звезды – много весенних бледных созвездий, посылающих планете не столько надежду, сколько холод.

На палубе я стояла одна, остальные пассажиры предпочитали сидеть во внутреннем помещении магретто, мягко освещенном оранжевыми фонарями. Я подумала, что хочу посидеть и с ними тоже – раз уж Селия вышла и не пристрелит меня злобным взглядом.

Но не успела я толкнуть распашные дверцы, как мои ладони вдруг резко погорячели и потяжелели.

Ох! Получается, магия крови до сих пор не иссякла?..

Эту мысль я додумывала уже в Прыжке. Третьем за вечер.

А побеспокоенные мной распашные дверцы магретто наверняка еще некоторое время мотались туда и обратно, как у них это водится. «Призрак», – решили, должно быть, горожане. И удивились. Или испугались. Или, может, обрадовались…

* * *

Новый выбор энергии унни отправил меня не куда-то, а домой.

На сей раз я вывалилась из небытия прямо на лестнице в собственном коридоре – темном, неосвещенном, ночном. Я ругнулась, на ощупь схватилась за перила, чтобы не скатиться кубарем и, сломав шею, не потерять тем самым голову окончательно. Потом взвыла, когда ногой неожиданно наступила в огромное ведро с водой, не пойми почему тут стоящее, получила падающей шваброй – о, и она здесь! – по виску, взвыла еще раз, вцепилась в перила энергичнее, осознала, что они отчего-то густо перемазаны мыльной пеной, а значит, очень скользкие, и…

Дверь внизу лестницы, ведущая в мою спальню-дефис-гостиную, резко распахнулась, швыряя на пол зеленый прямоугольник света. В проем выпрыгнула Кадия в боксерской стойке.

– У тебя три секунды, вор, чтобы убраться из моего дома! – басом рявкнула подруга.

– *Твоего*?! Вот так и пускай вас! – возмутилась я, все еще пытаясь справиться с неадекватным количеством мыла, воды и тряпок, обнаруженными на моей дотоле цивилизованной лестнице.

Проще всего оказалось позволить скользким перилам утянуть меня вниз, будто ленивца из тропических лесов Лютгардии. Ведро и швабра, ехидно громыхая, прыгали вслед.

– Как ты там оказалась?! – опешила Кадия, поняв, что к чему.

– Лучше скажи, что за пенную вечеринку ты тут устроила?!

– Я пыталась убраться.

– Да у меня же и так чисто! И, боги… Перила – пеной?!

– У тебя, может, и чисто. Зато у меня в голове – не очень, – проворчала подружка. – А один из базовых принципов вселенной гласит, что уборка помогает разложить мысли по полочкам. – И Кадия деловито отобрала у меня тряпки.

Я наконец вытащила ногу из плена ведра. Потом щелкнула выключателем на стене, и под потолком, потрескивая, разожглась маг-сфера.

В золотистом свете стало видно, что глаза у Мчащейся все еще красные, а под ними – печальные фиолетовые круги. Но при этом стражница была одета по-уличному, а из кармана ее брюк торчал такой же билетик на магретто, какой совсем недавно приобретала я.

Значит, сегодня она выходила из дома. Успех!

– Так, а ты, случайно, обо мне сейчас не думала? – прикинула я, пока мы ползали по лестнице, дружно пытаясь ликвидировать последствия «уборки».

– Думала, – отозвалась Кадия. – А что?

Я в стиле тарабанящего музыкального речитатива пересказала ей события сегодняшнего дня, закончив ситуацией с неконтролируемыми Прыжками. Кад так и села на мокрые ступеньки, сраженная количеством событий, впихнувшихся в одни сутки.

– Ты полагаешь, кровь Рэндома отправляет выпившего ее не туда, куда он планирует попасть, а туда, где о нем думают? – Стражница тыльной стороной ладони потерла лоб.

– Ага, – закивала я. – Такой божественный аналог икоты. Слегка радикальный, правда… А заодно – довод в пользу того, что молитвы все-таки работают, – во всяком случае, по отношению к телепату Рэндому.

– Молитвы – это ты загнула, конечно.

Потом Кадия отжала в ведро последнюю тряпку – интересно, зачем она вообще их столько притащила? Думала, в таких количествах они сами с лестницей справятся? – и протянула:

– Как ты считаешь, а работники хейлондской гостиницы расскажут Анте Давьеру о твоем визите? Или решат, что слуга-мышь головой поехал? И… чего это Анте вообще о тебе думал, а? – Мчащаяся ревниво сощурилась.

Я развела руками.

Мы переместились на кухню. Я вытащила из шкафа ароматную смесь из луговых трав и васильков, налила воды в толстобокий глиняный чайничек, разожгла миниатюрную жаровню. Кадия разрезала лимонный пирог, а потом оседлала стул и подперла щеку кулаком:

– Жаль, что мне Рэндом сегодня удачи не отсыпал.

– В смысле?

Кадия не ответила. Когда я удивленно обернулась – где твоя реплика, эй? – чайник чуть не выпал из моих рук…

Подруга молча и очень демонстративно обнажила левое предплечье. Привычной татуировки Стража на коже не было. Только розоватое воспаленное пятно.

Я поперхнулась. Потом открыла и закрыла рот. Снова открыла. Немая сцена.

С ума сойти. Еще полчаса назад я думала, что если Кадия выходила из дома, то это хороший знак. *Но если она выходила, чтобы сделать санацию…*

– Я теперь безработна, Тинави, – выдержав необходимую паузу, сказала Кадия. – И знаменита. И даже бездомна. Леди-из-Чрева – так меня зовут.

Я наконец заставила свои несчастные голосовые связки включиться:

– Итак, тебя все-таки узнали в ту ночь…

Мысль о том, что мы с Мелисандром идиоты и нам надо было все-таки что-то сделать тогда, пусть даже глупое – или хотя бы заставить Кадию поутру встать и решать проблемы, а не валяться страдальческой кучкой, – развернулась в моем мозгу сигнальной сиреной паники.

– Да, узнали, но это не принесло бы вреда, если бы я сама туда не явилась. – Лицо у Кадии стало жестким, как гипсовая маска. – Я проснулась сегодня утром и пошла в «Полет бражника». Хотела потолковать с барменом, извиниться, узнать, что и как. Прихожу – а там стражники, представляешь? Спрашивают, почему трактир разгромлен, что было причиной драки… И бармен им рассказывает обо мне: мол, госпожа Кадия из Дома Мчащихся устроила грязное шоу… Я так опешила, что стояла в дверях и пошевелиться не могла. Стражники говорят: да как ты смеешь, олух, клеветать на дочь Балатона! А «олух» им в ответ: да вот же она, смотрите! Все как по учебнику: преступник всегда возвращается на место преступления! И они, как в страшном сне, поворачиваются ко мне, и… Знаешь, я вроде никогда не была дурой, но мне так тошно стало, что, когда они спросили – это правда? – я сказала: да…

Кад в ярости стукнула кулаком по столу. Стол, справедливо считавший, что он ни при чем, обиженно всхлипнул.

– А потом все завертелось… Разговор со стражниками… Разговор с отцом… Оказалось, что решения об увольнении принимаются наверху еще быстрее, чем решения о найме. К закату я была уже без татуировки. Родители выгнали меня из дома – и поэтому, будь добра, не открывай дверь в свою кладовку, а то тебя придавит саквояжами. Плюс какая-то вшивая газетенка умудрилась пронюхать о скандале, так что, возвращаясь сюда, я наткнулась на это.

И Кадия, уже поднявшаяся и теперь мрачно ходившая вокруг стола (стол скрипел и боялся), выхватила откуда-то с подоконника дурацкую дешевую газетку и бросила в меня.

Кад была очень, очень зла. Две статьи я увидела на передовице: про Культ Жаркого Пламени, ставший проводить свои ритуалы чаще по случаю теплых ночей, и про Мчащуюся – названную, как она и сказала, «Леди-из-Чрева»…

– Вот прах. Но все наладится. Мы что-нибудь обязательно придумаем, – протянула я, прикидывая, безопасно ли дать ей чашку чая или она метнет ее мне в голову, успокоившись этим, а вовсе не цветочным сбором.

– Что, например?! – рявкнула Кад.

На кухне началась экстренная миграция перепуганных ею существ. Слетели птицы с деревянного карниза. Паучок под потолком срочно сворачивал паутину. Даже мотылек, бившийся в мерцающий аквариум с осомой, замер и пешком, чтобы не спалили, ушел куда-то к полкам с целебными травами.

– Тинави, один такой провал перекрывает *все* предыдущие достижения. Это правило карьерной лестницы, – прорычала Кадия.

– Так и одно достижение перекрывает провалы – правило общественной памяти! – возразила я. – Давай придумаем тебе какой-нибудь подвиг? В следующий раз появишься в газетах уже в ипостаси героини, они себе все локти искусают и мгновенно – слышишь, мгновенно! – начнут тебя восхвалять. Так и отмывают репутации, разве нет?

– Чтобы отмыть такое, мне надо спасти самого короля как минимум!

– И спасешь! – уверенно заявила я. – Хочешь, я на него нападу, а ты спасешь? Мне не впервой, а моя репутация во дворце все равно давно уже разорвана в клочья: терять-то нечего!

Кадия зашипела, как форменная гадюка. Ярость, боль, стыд, разочарование, горечь – все это смешалось в ней и теперь, как лавина, ширилось и катилось, вскрывая все больше и больше душевных ран. Но Кадия сегодня выбирала не плакать, а злиться из-за своего проигрыша.

Я уж решила, она меня сейчас грохнет. Сыграю в громоотвод, что называется. Полягу на поле битвы, зато спасу остальной город, ага.

Но нет. Подруга, подумав, не стала выплескивать все это наружу и просто вновь тяжело опустилась на стул.

– Мне конец, – глухо сказала она.

Меня так и подмывало снова начать возражать, успокаивать, предлагать варианты – развести, в общем, бурную деятельность, направленную на то, чтобы как можно скорее нивелировать последствия катастрофы.

Но я вдруг вспомнила – слегка запоздало, признаем, – одно правило, которое мне не очень-то дается по жизни. Оно гласит: когда тебе плохо, важно, чтобы сначала кто-то просто разделил с тобой твои эмоции. Не пытался сразу же вытащить тебя на солнечный свет, отряхнуть и пнуть в сторону новых успехов, а спустился к тебе и вместе с тобой погрустил во тьме. Позлился. Поплакал. Повспоминал.

Именно это называется поддержкой.

Так что, заткнув свою жажду Немедленного Урегулирования обратно, я просто села рядом с Кадией и обняла ее.

Мне кажется, что я все продолбала. Мне плохо.

Я понимаю. Не бойся. Я с тобой.

Уже когда Кадия успокоилась, я покачала головой:

– Это точно не конец. Скорее – поворотный момент. Конфликт. Кризис. Что угодно – но только не конец, поверь уж моим познаниям в драматургии.

– Тогда, по законам жанра, дальше должно стать лучше. Ну, при условии, что я главная героиня. И все это – не трагическая пьеса, – усмехнулась подруга.

– Еще чего! Никаких трагедий. А главные герои мы все – в своих жизнях – как же иначе? В общем, держи чай. Заткни одну ноздрю, а через вторую сделай сто вдохов-выдохов. Когда закончишь – будем обсуждать твой сюжет.

– Зачем затыкать ноздрю?

– Помогает снять стресс. Серьезно.

Пока Кадия послушно дышала, я отправила филина к Полыни: рассказала ему, что и как, и передала «приглашение» на работу от Селии.

«Отлично, тогда встретимся уже в полдень, – прилетел от него ответ. – *Но если я узнаю, что этой ночью мой город разгромило нечто синеглазое и обладающее удивительной силой, хохочущее и однозначно чокнутое, хлещущее пузырек за пузырьком и щерящееся окровавленными зубами, я сразу пойму, кого утром тащить в тюрьму. Хороших снов, малек».*

Улыбка расползлась у меня до ушей.

«*Хороших снов, Полынь*».

Булькал чайник с отваром из васильков, наполнялись и пустели чашки. Тихо тикали часы в коридоре; будто песня, лилась по небу весенняя луна. Мы с Кадией говорили, и разговор постепенно смягчался. Боль, замаскированная под гнев, уходила на кошачьих лапках, высоко и гордо задрав хвост, иногда разворачиваясь с неприятным пронзительным мявом, но в целом уже согласившись погулять где-то в других местах…

Надеюсь, не где-то там, где вдохновленный Мелисандр Кес ищет информацию о колдуне-альбиносе.

И не там, где Лиссай, сидя в белых покоях, обдумывает план захвата иных миров.

И не там, где Дахху, склонившись над пергаментами, пытается состыковать нестыкуемое в биографии госпожи Марцелы.

И точно не там, где Полынь напряженно смотрит на дверь, ведущую в покои лесной королевы. Вдруг, как в книге ужасов, повернется золоченая ручка?..

А после кухонных посиделок Кадия с такой беспечной уверенностью пошла в мою комнату, что я решила: ну ладно! И сама опять безропотно отправилась спать в библиотеку на второй этаж. Вернется Мелисандр – нам явно надо будет что-то придумывать! Жребий? Розыгрыш постелей в карты? Занимание кроватей наперегонки?..

Разберемся!

Спокойной ночи.

19. Даххy-Из-«Вострушки»

Многие жители Лесного королевства, в силу большой продолжительности жизни, воспринимают романтические отношения, брак и семьи не совсем так, как некоторые другие народы Лайонассы.
Энциклопедия «Доронах»

Утро мое началось с Полыни.

А точнее – с еще одной ташени от Ловчего, стремительно влетевшей в окно ванной комнаты, где я распевала песни, отплясывая под душем. Птица так самоотверженно бросилась под шальные струи воды, что я еле успела поймать ее, пока записку не прибило к полу. До полудня еще было время, поэтому я испугалась: неужели кто-то и впрямь учинил в Шолохе беспредел, заставив Внемлющего подумать на меня?..

Но записка лишь гласила:

«Тинави, приезжай во дворец так быстро, как сможешь. А лучше даже Прыгни. Кое-что произошло»

От текста так и шпарило обжигающим напряжением.

* * *

Полынь ждал меня у дворцового пруда.

Ловчий стоял на мостках и кормил желтобрюхих карпов. Рыбы неловко сталкивались боками, как будто все еще подмороженные после зимы. Представляю их чувства! Полтора месяца – зима у нас короткая – они торчали подо льдом, не видя ни света, ни звезд через толщу белесых кристаллов; никакой тебе нормальной еды, скучно, тоскливо; все сбились в пугливую группу на дне и напряженно ждут… Потом, ура, потолок начал таять, скалываться толстыми пластами (весна в Шолох приходит гамбитом: за неделю совершает победный рывок в двадцать градусов, расплачиваясь кем? Правильно, горожанами с мигренью).

И вот уже карпы высылают разведчика – что там, на планете *постапокалипсиса*? – потом подтягиваются сами, заслышав восхищенное «буль-буль». И оказывается, что мир вовне – странное дело! – такой же, как был до Ледовой Вечности.

Те же ивы зеленятся, пританцовывая на берегу; те же белые башни посверкивают в лучах солнца, тянутся к облакам; тот же лохматый, увешанный браслетами и бусами мужчина смотрит на рыб с усмешкой и, приложив палец к губам – *это будет наш секрет,* – скармливает им превосходнейший лавандовый эклер.

Главарь карпов крутит блескучим хвостом и оборачивается к стае:

– Кажется, в *их* мире не случилось ничего серьезного. Кажется, они *не* пережили того, что пережили мы. Мы должны поведать им о Ледовой Вечности. Отец моего отца говорил, что это не впервые. Давайте предупредим их. Но сначала покушаем.

И карпы, чавкая, едят эклер…

И когда по воде бежит круг от последней сахарной фиалки и Полынь отворачивается, отряхивая руки от крошек, жители пруда беззвучно распахивают рты ему вслед:

– Эй! Погоди! Мы хотим предупредить тебя, человече! Холод придет в твой дом!

Но Полынь уже не видит… Он смотрит на меня, на свои часы и снова на меня, а потом одобрительно кивает, звеня колокольчиками.

– Привет, малек! Отлично, я успею *Показать* тебе все воочию. Дуй за мной.

– А что случилось-то? Это связано с Вирами?

– Нет. Просто очередная – и на удивление неожиданная – неприятность в нашу весеннюю коллекцию. Судьба не сбавляет оборотов, да? Интересничает, кокетка! В общем, нам надо срочно помочь одному человеку.

И мы – заинтригованная я и деловой он – несемся ко дворцу.

* * *

Вскоре мы вновь оказались в его комнате.

Полынь уверенно направился к дальней двери, возле которой сейчас не обнаружилось ни табуретки, ни охранных амулетов. Так-так! Подозрительно. Смутило меня и кое-что другое…

– Хей, Полынь! Но ведь в королевские покои нельзя заходить без прямого приглашения!

– Что за щепетильность? – усмехнулся напарник.

– Не щепетильность, а плачевный опыт. И вообще, вероломство этикета в том, что изначально его якобы деликатные заветы решали, будешь ты жить или умрешь. Например, гость, пришедший на бал, чокался с хозяином затем, чтобы плеснуть ему в бокал своего вина и тем самым убедиться, что оно не отравлено, – проворчала я. – А вторжение в монаршьи спальни – и сегодня плохая идея, уж я-то знаю…

– Местную защиту сделал я, сейчас сниму. Что же касается бала, Тинави, то если хозяин достаточно хладнокровен, он прилюдно выпьет яд, а потом сходит за противоядием.

Полынь сплел пальцы магической вязью, пропел заговор и распахнул дверь в спальню королевы.

На нас тотчас плеснуло ароматом апельсина и розовых бутонов. Свет наискось пролился в комнату Ловчего в помпезном жесте благословения. Он затопил бюро с бумагами, заставил мумию вспыхнуть белым цветом на давно пожелтевших бинтах и отразился от шелковых переливов шали, которой я замотала свои мокрые волосы на манер тюрбана.

Спальня ее величества Аутурни была очень красивой.

Кровать пряталась в декоративном гроте со сверкающими камнями так, что, засыпая, королева смотрела на мириады бриллиантовых звезд. Вдоль стен росли причудливые растения: нежные лианы, цветы с перистыми листьями, похожие на птиц; папоротники, прячущие драгоценности соцветий. Водопадом скатываясь с камней, по всей спальне – от кровати и до окна – бежал ручеек.

– Королева любит природу, – пояснил Полынь. – Она из Дома Парящих, это у нее в крови. Госпожа Марцела из Лесного ведомства регулярно занимается с ней, хм, садоводством.

– Так, – напряглась я. – Марцела, значит. Человек, которому надо помочь, – это не Дахху, случайно?

– Дахху! – подтвердил напарник. – Ведь именно его убийство мне заказали сегодня утром.

Я так и села там же, где стояла. Хорошо, что подвернулся диван, обитый лимонным атласом. От ткани сильно пахло апельсином и мятой, и томная смесь этих двух запахов – типично Полыньего и типично королевского – вызвала у меня некоторые подозрения о том, что еще могло тут происходить, кроме заказа на убийство…

– Поясни-ка? – сглотнула я.

Напарник плюхнулся посреди спальни на пол и приглашающим жестом похлопал по ковру. Он поелозил, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза. Потом снова открыл – но это уже не были глаза Полыни. Это были две черные лужи, два портала, ведущих в прошлое. Куратор поднял магические часы, болтавшиеся на цепочке, и провернул минутную стрелку назад. Когда Полынь со свистом втянул теплый воздух, а прозрачные волоски на его запястьях встали дыбом, я села рядом и взяла Ловчего за руку.

Мир тотчас захлебнулся светом.

* * *

Показания прошлого

Ее величество Аутурни – свежа и хороша, как лимонад под ярким зонтиком в июньской тени, – стояла над цветущим папоротником у окна. Возле нее, опустившись на колени у цветка, изучая стебли, сидела статная дама в зеленых брюках и замшевой рубашке, перехваченной широким ремнем. Перед ней полукругом были разложены магические садовые инструменты.

– Это Марцела, – на всякий случай пояснил мне Полынь. Мы с ним были единственными тусклыми пятнами в ожившей картине прошлого; все остальное сияло и переливалось сочными красками, будто в первый день существования вселенной…

Дама на коленях цокнула языком:

– В общем, Турни, если вы хотите, чтобы этот папоротник цвел до лета, нужно купить подкормку блайза на Сумеречном рынке.

– Хорошо, – рассеянно согласилась королева.

Она смотрела не на Марцелу, а на трюмо рядом, в котором отражался Полынь. Куратор, позевывающий поутру, тщательно выплетал колдовские узоры вдоль противоположной стены покоев. Если бы он обернулся, то обязательно оценил бы, какие красивые у королевы пальцы, когда она поправляет локоны высокой прически, выгодно обнажающей изящную шею.

Но он не оборачивался.

Пока Марцела собирала инструменты, королева сморщила носик и пропела:

– Как там охранные сети, господин Полынь?

Внемлющий сделал финальный пасс руками. По всей комнате вспыхнули медовые соты щита – и медленно погасли, теперь невидимые.

Ловчий удовлетворенно кивнул:

– Готовы. Но учтите: я сделал именно так, как вы просили. Если террористы сюда заявятся – у вас будут трупы на ковре. Без возможности оправдания.

– Вот и прекрасно, – королева фыркнула. – Я обороне предпочитаю нападение; долой условности! Только отринув их, можно получить то, что хочешь.

Когда Полынь вышел из комнаты[14], королева похвасталась перед Марцелой:

– Так хорошо, когда есть кто-то, кто готов за тебя убить! Приятно для самооценки и полезно в быту.

– Пожалуй… – согласилась госпожа Парящая.

Она уже собрала свой чемоданчик и захлопнула его, потом окинула взором остаточные всполохи щитов. Во взгляде Марцелы мягкость, присущая Шептунам, смешивалась с жестокостью – отличительной чертой управленцев.

– Это был мальчик Сайнора? – невзначай спросила дама.

– Это был *мой* мальчик, – с нажимом поправила Аутурни. – Мой личный Ходящий.

– Что ж, полезно иметь такого человека. Мне тоже стоило побеспокоиться о своей безопасности. Но теперь уже поздно. Что горевать… – Марцела тяжело вздохнула и потерла нос костяшками пальцев.

Костяшки эти у нее были как у дриады – шишковатые, торчащие, чуть темнее кожи.

– Марцела? У вас что-то случилось? – удивилась королева.

---

[14] Все верно, запредельное *Умение* под названием «Взгляд в прошлое» позволяет увидеть, что недавно происходило в определенном месте, независимо от того, был там сам Ходящий в это время или нет.

– Да, – признала та. – Но этот вопрос слишком грязен, я не хочу пачкать им вас. Вы все равно не сможете мне помочь… Ведь здесь бы потребовалось настоящее нападение. Прямое. Такое, каким не можем обременить себя ни вы, ни я, ни его величество или кто-либо еще нашего уровня.

– Вы можете открыться мне, Марцела.

– Зачем, ваше величество? Я только расстрою вас. Моя беда – это мрак, нашедший на все королевство, но никто не хочет развеять его.

– Я не боюсь печалей. Присядем.

Призрачные видения двух дам величаво перетекли на желтый диванчик, пройдя насквозь нас с куратором. Марцела отказалась от эклеров, предложенных королевой, и протянула:

– Турни, как вы думаете, людей надо судить по сумме их добрых поступков или по сумме плохих?

– О, тут все просто! Когда оцениваешь чужаков – суди по плохим, чтобы не расслаблялись. Себя оценивай по добрым: ведь каждому с собою долго жить; не стоит портить отношения.

– Вероятно, для того негодяя, что угрожает мне, весь мир – чужбина. Он газетчик. И он готовится линчевать меня, милая Турни.

– Марцела! Неужели вы, с вашей властью, испугались прессы? – Королева от неожиданности рассмеялась.

– Не всей прессы, лишь одного бандита. Того, кто только прикрывается своей газетой, а на деле – опаснейший человек в королевстве. – Марцела закинула ногу на ногу и угрюмо побарабанила пальцами по колену. – Дахху-Из-«Вострушки» – настоящий демон во плоти. Он родом из пропасти преисподней и с удовольствием утягивает туда других. Нет другого человека, принесшего столице столько бед.

Я поперхнулась. Кажется, даже крохотный муравьишка, проползавший мимо – незваный гость мшистого ковра, – навострил усики. Про нашего ли Дахху говорят?

– Слушай-слушай, – усмехнулся Полынь.

Королева надула губки и сощурилась:

– Что-то я не припомню никаких Дахху-Из-«Вострушки», хотя, видит небо, при дворе мы с большим удовольствием говорим о злодеях.

Марцела закатила глаза:

– Турни, милая!.. О марионеточных злодеях!.. Настоящее зло прячется в тени. Это и есть главная беда. Таких людей не остановит ни общественное порицание, ни закон. Чтобы уничтожить их, придется опуститься до их уровня – а этого никто не хочет. Вот мы и игнорируем их до последнего. А когда они приходят за тобой… – Марцела, выдержав драматичную паузу, устало закрыла лицо ладонями, – ты понимаешь, что уже опоздал. Это как ядовитые плющи Лютгардии, о которых я вам рассказывала: когда появляются первые пятна, человека уже не спасти. Он убит заранее.

– Марцела! – Королева моргнула. – Вы драматизируете!

– В моем возрасте это было бы неприлично. Я просто напугана этим человеком. Любой на моем месте испугался бы.

Я не понимала, врет Марцела или реально – дикое дело – боится Дахху. Взгляд королевы также был подозрительно-недоумевающим.

Марцела вздохнула в ответ на недоверчивое молчание собеседницы:

– Вам нужны доказательства. Я понимаю. О миллионере-убийце вы слышали?

– Ну конечно.

– Так вот он не виноват. Это Дахху-Из-«Вострушки» подставил его, когда тот не согласился отдать шантажисту свою газету. А в начале зимы тот же Дахху заставил миллионера просто исчезнуть.

– Что?.. – королева растерялась.

– Вот именно. Это самое громкое из просочившегося. А еще был некий мальчик, которого этот Дахху взял себе из приюта, *понимайте как хотите*, и потом – снова тишина. Или вот, свежая новость: на днях дочь Балатона устроила сцену в Чреве, обвиняла высший эшелон стражи в домогательствах. Все газеты бурлят, кроме «Вострушки». Как вы думаете, почему?

– Почему?

– Господин Дахху и устроил эту акцию. Происходит смена власти, Аутурни. Эти молодые щенки… Они не знают берегов. Они наступают нам на пятки. Сначала они нападают на бизнес. Потом на средние чины. Потом на Советников – и я первая становлюсь их целью, как самая мирная из всех. Расчет великолепен: меня некому защитить, а сама я не умею.

– Но Сайнор! Давайте я поговорю с Сайнором – прямо сейчас!

Марцела протяжно вздохнула и глянула на королеву с сожалением:

– Вашему мужу всегда было проще закрыть глаза на гниль, чем пачкать руки. С тех пор как при нем нет госпожи Тишь – вы уж простите, что говорю я о ней в ваших покоях, – в королевстве творится сажа-знает-что. Его величество сосредоточен на внешней политике, а внутри государства решает лишь те проблемы, которые можно красиво вписать в летопись. Он лечит симптомы, а не заболевания. Он не хочет вырывать сорняки. А ведь вы помните: прополка сада – это самое первое, чему учатся даже такие мирные люди, как Шептуны. Королевство нужно избавить от дурной травы… Пока она не съела розы.

– Марцела, милая, я могу вам помочь?

– Да как вы мне поможете?.. Моя доля – смириться. Я прожила хорошую жизнь. Я сделала все ради Леса. Жаль, что не удалось избежать ошибок, которые теперь станут оружием против меня же. Если я вдруг исчезну, милая Аутурни, и никто даже слова не скажет, просто помолитесь обо мне и запомните: никогда не приближайтесь к господину Дахху-Из-«Вострушки». И держите своего Ходящего поближе… Только такие цепные псы и решают реальные проблемы.

Марцела надела свою островерхую зеленую шляпу, поклонилась ее величеству и ушла.

Королева сложила руки на груди. Свела на лбу точеные брови. Поболтала ногой в туфле с открытой пяткой, а потом с тяжким вздохом встала, подобрала длинную юбку шелкового платья и прошла к боковой двери.

– Господин Полынь, вы еще здесь? – поскреблась она.

– Почти ушел, – мрачно ответили оттуда.

– Пожалуйста, уделите мне еще одну минуту… И тогда я не буду просить вас ночевать во дворце до самых выходных.

Дверь недоверчиво приоткрылась.

* * *

– Так, это неинтересно, проматываем, – зевнул реальный Полынь и начал подгонять стрелку на циферблате.

Повинуясь жесту, привиденческие напарник и королева ускоренно забегали по спальне. Туда-сюда, туда-сюда, как встревоженные кобольды на празднике урожая. С каждым кругом королева дальше закатывала глаза и громче топала туфелькой, Ловчий все мрачнел и теснее сплетал руки на груди.

Призраки не поспевали за *Виденьем;* размечая их маршрут, в воздухе оставались фосфоресцирующие пятна, похожие на дым от сигнальной ракеты или след улитки на виноградном листе.

Наконец, когда Аутурни замерла у окна и раздраженно уткнулась взглядом в горизонт, ища опору в его надежной монотонности (елки, елки, елки, елки), а упрямый Ловчий прива-

лился к дверному косяку, настоящий напарник отпустил стрелку. Время вновь потекло размеренно.

– Здесь мы уже ссоримся после просьбы «убрать злодея навсегда», – шепотом пояснил Полынь.

И действительно, королева негодовала на авансцене прошлого:

– Мне казалось, вы – именно тот, кто мне нужен, господин Полынь. Умный, знающий, спокойный. Но вы совсем не способны на решительные действия. Вечно убеждаете меня одуматься, не торопиться судить…

– Ваше величество, вы просите убить человека, основываясь на светской беседе, – воззвал к разуму королевы Полынь. – Вы очень смело заступаетесь за госпожу Марцелу, но это опрометчивый поступок; будучи умной женщиной, вы уже это понимаете.

«Комплимент-программа-комплимент», – мысленно хмыкнула я. Привет, курс дипломатии от магистра Орлина!

Однако выпад не сработал. Аутурни вспыхнула гневом:

– Что я понимаю, господин Полынь, так это одно: наш союз пора прекратить! Смысла в нем нет. Ничего не делать я и сама могу!

– Хорошо, – сказал Полынь.

– Если я вас уволю, вы лишитесь ваших *Умений*, так-то.

Полынь развел руками: ну, что поделаешь!

Королева снова повернулась лицом в комнату и, поразмыслив, воинственно продолжила:

– И чтоб вы знали, я… я возьму себе другого помощника. – Она пощипала себя за губу. – Да, он будет не так приятен мне лично, но он без сомнений избавится от Дахху-Из-«Вострушки». И кстати, да, выполет остальные сорняки в моем дворце – как минимум *всех этих вертихвосток*, что дурят голову моему младшему сыну и в которых вы упорно отказываетесь видеть угрозу.

Полынь нахмурился:

– Ваше величество, едва ли вам пойдут закулисные интриги. Госпожа Парящая верно сказала: вы слишком хороши, чтоб опускаться до уровня злодеев. Просто отпустите ситуацию.

– Перестаньте мне указывать! Знаете, что я поняла? – Губа Аутурни обиженно затряслась. – Мне не нужен слуга, который думает своей головой. Иногда ум в работниках – это лишнее. Мне нужно просто оружие с человеческим лицом. Хороший меч полезен всем; это не принижает. Но раз мой нынешний меч затупился и дерзит, я возьму другой. Я скажу: убей девицу Ловчую, например, и он убьет ее.

– Чегоо-о-о?! – опешила я.

– …Сразу, без разговоров, – продолжала королева. – И мне не придется тратить силы на споры с вами. Так ведь будет гораздо эффективнее, господин Полынь?

Внемлющий моргнул. Потом медленно расплел руки. Глаза его блуждали по комнате, как будто в поисках решения, пока не остановились на собственно королеве. Она стояла в центре спальни, нарочито задрав подбородок и чуть повернув голову, так, чтобы над треугольным вырезом платья особенно выделялись ключицы, похожие на кинжалы. Достоинство, несгибаемость, оскорбленность – все было в этой позе.

Полынь обреченно прикрыл глаза.

– Ваше величество, – наконец медленно сказал он, – а ведь вы впервые заговорили прямо…

Она приосанилась.

– Я не думал, что… – с оттенком самобичевания начал Полынь и тотчас перебил сам себя: – *Конечно*, я могу стать для вас просто оружием. Я ни слова вам больше не скажу – если вы действительно хотите *этого*.

По комнате будто пробежал электрический разряд. Королева оттаяла.

– Чего я действительно хочу, – с досадой проговорила она, – так это хоть капельку доброжелательности. Лояльности. Верности.

– Разве я не был вам верен?..

– Вы были холодны – а это хуже. Когда я предложила вам работу, то думала, что спасаю вас. Я ждала в ответ какой-то благодарности, немного тепла… Но вместо этого – я же вижу, как вы смотрите и как кривитесь и вздыхаете! Я знаю – в мыслях вы просто ненавидите меня!

Аутурни картинно упала на желтый диван и, двумя руками опершись о подлокотник, отвернулась от Полыни. Она прижала к груди лилию, выхваченную из вазы, и живописно замерла.

– Разве вы умеете читать мысли? – еще медленнее, с внезапной хрипотцой, спросил Полынь.

– Я умею читать лица. И поступки!

– Мои поступки говорят, что я ненавижу вас?.. – почти пробормотал куратор. И уткнулся обреченным взглядом в никуда.

Королева мгновенно засекла эту непривычно-грустную мордашку в трюмо. Раздражение на ее лице уступило место настороженному любопытству:

– А как еще объяснить ваше поведение?..

– А вы не знаете?..

– Я знаю, что эта ваша пеплова табуретка под дверью, с чьей помощью вы пытаетесь «обезопаситься», – это просто смешно! Мне дурно оттого, что вы думаете, что я способна на *такие* вещи! Что боитесь, – вздох, вздох, – моей тяги к вам!

– Может, – через силу сказал Полынь, и мелкая судорога пробежала по его лицу, – я боюсь не этого. Может, я боюсь *своей* тяги к вам?

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Замерли все трое: королева, Полынь и я.

Настоящий, нынешний куратор неуютно поерзал на ковре.

– Мне плохо дается это амплуа, – буркнул он.

– Да нет, – ошарашенно сказала я, глядя на то, как привиденческий Ловчий, сжав кулаки до белизны, подходит к дивану и плавно садится возле королевы, очень прямой и возвышенный. – Я считаю, отлично дается.

– Ваше величество, – тихо, упрямо сказал тот Полынь. – «Делай то, что должно, а не то, что хочешь. И любой ценой оберегай то, что тебе дорого» – вот мой главный принцип. Я придерживался его всегда и всегда буду. Я не впускаю опасность в жизнь тех, кто мне важен. Даже если эта опасность исходит от… – Он снова запнулся. – Даже если она кажется такой привлекательной сейчас, я выбираю играть наперед. Не тактика, а стратегия. Ради сохранности тех, кого я люблю, я сделаю что угодно. Я убью, если не будет иного выхода. И поставлю табуретку – пусть это смешно, неважно, – если есть угроза нарушить определенную границу, что принесет боль потом.

– Боль кому?..

– Вы знаете.

Молчание. Королева обернулась. Глаза ее вдруг наполнились слезами. Это произошло в полмгновения – вроде вот, зелень и зелень, и тут хоба-на! – уже два плещущих болью океана.

Полынь сглотнул, взял ее величество за обе руки (лилия бесшумно выпала) и продолжил, понизив голос:

– Наши роли в королевстве накладывают… обязательства. Особенно ваша. Мне, может быть, тяжело делать то, что я делаю. И *не* делаю. Вести себя так, а не иначе. Иногда я переступаю через себя и совершаю поступки, которые идут в противовес моим желаниям. Но я иду этой дорогой, потому что оберегаю… кое-кого. Всегда. Даже когда идея забыть о долге очень, очень соблазнительна, – глухо сказал он. – Вы понимаете, на чьей я стороне, ваше величество? Вы видите это теперь?

– Да… – тихо проронила Аутурни.

Тогда Полынь поднял ее ладони в своих и, не отводя взгляда от королевы, осторожно, нежно поцеловал кончики ее пальцев. Слеза Аутурни скатилась вдоль острой скулы.

– Я так ошибалась… – сказала она и вдруг каким-то неуловимым, текучим и очень естественным движением переменила позу: теперь она не сидела ровно, проглотив признание, как кол, а бабочкой распласталась на груди у Полыни, сжимая в белых пальцах его мгновенно пропитавшуюся слезами хламиду и ткнувшись лбом в ожерелье из косточек на шее куратора.

Я никогда еще не видела у Полыни таких выпученных глаз, как в тот момент. Кадык привиденческого напарника дернулся вверх-вниз.

– Ну что вы, – пробормотал он, панически глядя на запертую дверь. – Нет повода для грусти.

Королева приподняла заплаканное лицо и двумя озерами чистой изумрудной боли уставилась на куратора. Их носы разделяло полдюйма, не больше.

– Хей! – сказала я. – Я совсем не уверена, что хочу это видеть!

– Нет, давай ты будешь знать все детали дела. – Напарник не дал мне вырвать руку и тем самым обрубить *Видение*.

А мне очень хотелось это сделать, ибо ее величество Аутурни, бледная и взбудораженная, как русалка, не обращая внимания на негативную реакцию зрителя в моем лице, тихонько выдохнула, облизнула губы и крепко поцеловала Полынь.

Он и не пробовал увернуться.

Только, скромняга прахов, будто прикрылся от нас с Полынью-Нынешним: поднял руку, мягко оглаживая королевский висок, шелковый от пушка золотистых волос… Королева еще подалась к нему и легонечко застонала.

Помогите. Пока я лихорадочно думала, куда же отвести взгляд, все уже кончилось, хвала небу.

– Кхм, – сказал Полынь-Из-Прошлого, осторожно отодвигая королеву на дальний от себя угол дивана. – Кхм-кхм. Я уволен?

– Конечно, нет… – выдохнула она, расширив глаза, и без того круглые – как у лунатика.

– Тогда мне нужно идти.

– Я бы ответил так в любом случае, – поспешил уверить меня Полынь-Нынешний. Я все пыталась подобрать свою упавшую челюсть.

– А что… что будет теперь? – спросила королева, поправляя выбившиеся – теперь по-настоящему – пряди из прически.

– Я разберусь в деле госпожи Марцелы и газетчика. Но, ваше величество, я должен предупредить вас.

– О чем?

– Я буду действовать, исходя из того, что сказал про безопасность. И про стратегию, – подчеркнул Полынь, который уже снова оказался у двери в свою каморку и теперь стоял, вцепившись в дверную ручку, как в спасательный круг. – Если окажется, что мы обладаем не всей информацией или что убить негодяя будет не оптимальным решением, я выберу другой путь. Вы разрешаете мне поступить как должно?

– Ради тех, кого вы любите? – вспыхнула королева.

Полынь дернулся, как от пощечины.

– Да, – выдавил он.

– Разрешаю. Сделайте все *оптимально*. – Ее величество кокетливо повела плечом и вдруг, схватив со столика у дивана поднос с эклерами, преподнесла куратору. – В честь нашего полного взаимопонимания. «Делай, что должен, а не то, что хочешь». Как бы грустно это ни было, это – правильно. Глядя на табуретку, мы с вами знаем, на какую идем жертву. Эта жертва даже возвеличивает нас… По-своему, не правда ли?

– Правда, – согласился Полынь, подцепил двумя пальцами лавандовый эклер и наконец-то вышел.

* * *

Реальный Полынь отпустил мое запястье. Мы вынырнули в настоящем, и Ловчий посмотрел на меня, ожидая реакции.

– Знаешь, – моргнула я, – в дальнейшем, думаю, мне совсем не обязательно знать все детали каждого дела. Тратить время на объяснения, силы на *Просмотр*… Кратких сведений вполне хватит, не переживай. Как в ведомственных папках.

Полынь широко улыбнулся. Потом посерьезнел и наклонил голову:

– Ответ неправильный, малек. – Он наставительно поднял унизанный перстнями палец. – Думаешь, я показал тебе это, чтобы похвастаться или вызвать у тебя приступ смущения?

– Определенно, да!!

– А вот прах там был! – заявил Внемлющий. – Я хотел обратить твое внимание на то, что нам, Ловчим, иногда приходится играть неожиданные партии. И самое главное здесь – быть готовым.

Я сначала скривилась, а затем вспомнила его выпученные страдальческие глаза и хрюкнула от смеха. Полынь пихнул меня в бок.

– А что касается произошедшего в целом… Однажды уже была ситуация, где Дахху грозила опасность, а я тебя не предупредил. Ты меня тогда чуть не придушила на глазах всего департамента. Недопонимание, вредное для репутации, знаешь ли. Вот я и решил поостеречься. На всякий случай. Ну и, конечно, я полагаю, что будет разумнее, если мы вместе с тобой пойдем обсуждать это со Смеющимся. Если ты не против.

– Мысль о том, чтобы ввести меня в курс дела, просто отличная, но вот исполнение мне не понравилось, – повторила я. – Как минимум у меня аллергия на дамские романы, Полынь! А мы посмотрели сценку как раз из чего-то такого.

– М-да? А по-моему, это была черная комедия.

– Ага, и тогда еще социальная драма в придачу. Тебе ведь заказ на убийство оплатили лавандовым эклером, я правильно поняла?

– Я скормил его карпам, минуточку. И, думаю, это была оплата не заказа, а поцелуя.

– Еще лучше!

Я снова вспомнила увиденную сценку, и меня аж передернуло. Полынь расхохотался.

– Мне кажется, я теперь возненавижу лавандовые эклеры, – страдальчески призналась я.

– Пф. Сочту это за комплимент.

– Какой комплимент?! Это трагедия!

– Ничего, мы потом придумаем, как реабилитировать еду. А вообще, я все ждал, что ты скажешь: «Какая удача, что убить Дахху попросили именно тебя, Полынь!» – в шутку укорил меня напарник.

– Какая удача… – со вздохом послушно начала бубнить я.

Дискредитация эклеров все еще печалила мою душу. Хотя к концу фразы природный оптимизм все-таки взял верх.

– Согласен! Удача! – как ни в чем не бывало радостно подтвердил Полынь. Его мои страдания явно бодрили: ну да, ну да, конечно, ему приятно показаться мне в новом амплуа. Герой-любовник, видишь ли! Господин кокетливый. – Можно без зазрения совести назначить встречу с Дахху на удобное время. А потом еще одну. И еще. Вдруг Смеющийся, раз он такой злодей, будет виртуозно от меня отбиваться. А сейчас нам пора в ведомство. Инвернесс писал мне, что там есть интересное дело о каком-то колдуне, убивающем жертв при помощи зеркал… Так что Селия очень вовремя меня возвращает. Месть не удалась, я только рад.

– Удивительно, что ты так легко решил оставить террористов с их обратным отсчетом.

– Да, придется им как-нибудь без меня справиться, – развел руками Полынь.

Я посмотрела на него так странно, что он фыркнул:

– Да я шучу. Мне кажется, с учетом последнего нападения, у Ходящих уже нет времени и желания тратить ресурсы на то, чтобы выяснить, не путаюсь ли я у них под ногами, и тем более пытаться мне препятствовать. Так что теперь буду совмещать это расследование с работой. Мне нравится рассказанная тобой в письме теория моих не слишком-то уважаемых бывших коллег о том, что Виры – это студенты из Пика Волн. Я категорически не согласен с тем, что Шэрхенмиста пытается натравить на нас кого-то, но вот мысль о том, что кучка студентов сбежала и теперь сама развлекается, выглядит достаточно… Интересно. Хотя мы сразу теряем мотив обиды и мести. – Полынь побарабанил пальцами по подбородку. – В общем, продолжаем расследовать. Надеюсь, цифра «три» грянет еще не скоро.

– И не будет кровавой, – подхватила я.

20. Пропавшая диссертация

В чем-то одном сказки всегда лгут.
Зачастую в том, что называются сказками.
Мастер Триждыправый, Курс «Мифы и легенды Лайонассы: система выживания»

Дни до выходных прошли в размеренном темпе.

По работе мы с Полынью поймали пару неприятных преступников, слегка улучшив ситуацию в столице.

Мелисандр Кес прислал мне голубя из Воронова бастиона:

«Привет, малышка! Я узнал о твоем Гординиусе Сае нечто действительно любопытное. По всем документам он до сих пор служит в Иджикаяне, и один из местных колдунов, ездивший туда совсем недавно, клянется, что видел альбиноса в их столице, Хардурмане. Колдуны дали мне прядь волос альбиноса. Ну… Или я сам ее взял. Вернусь – сможем провести обряд, чтобы выяснить его нынешнее местоположение».

Хм. Задумчиво побарабанив пальцами по мятому конверту от Кеса, я, в свою очередь, на всякий случай отправила другое письмо – в Предболотье. Родители Ринды Шаграух, которым я писала, были польщены и рады тому, что «госпожа Ловчая волнуется о судьбе их дочери, у которой, к счастью, все так хорошо, как только может быть у сложного подростка. В Терновый замок она больше не сбегала».

Это, несомненно, радовало!

Полынь услышал, что я отправила Мелисандра в какую-то глушь, и похвалил меня за хороший выбор. Дескать, Кесу давно не хватало дополнительной активности, а его шустрым мозгам – пусть и отличающимся криминальным уклоном – самое место в нашей деятельности по раскрытию опасных секретов.

– Да, он вроде молодец, – подтвердила я. – Вовсю занимается для меня одним странным делом.

– Каким? – поинтересовался Полынь, а потом вдруг перебил сам себя: – Хотя нет. Не рассказывай: сначала раскроешь его, потом дашь вводные, и мы проверим, за сколько эту загадку взломаю я. А пока… – Ловчий вздохнул, – у меня не решена своя тайна. Никак не могу найти в Шолохе этот идиотский бело-голубой песок из Зала Совета. Вообще ничего похожего нет. Как и других зацепок по Вирам.

Что касается Дахху, то мы огорошили друга новостью о том, что его просят освежевать. Мягко говоря, Смеющийся не обрадовался.

– И что теперь делать? – растерянно протянул он.

– Соберите *все*, что у вас есть на Марцелу к сегодняшнему моменту, – приказал Полынь. – В субботу сядем с этим разбираться. Я уверен, что, если мы поймем ее тайну, мы также поймем, что еще, кроме вашей головы, ее может устроить.

* * *

– Нет. Без живительной дозы чая это невыносимо! – Дахху потер нос пальцем, испачканным в чернилах, и, вздыхая, поднялся с пола.

Он пошел к кухонному углу, а длинный полосатый шарф волочился следом, по-осеннему шурша бумагами, которые устилали пол пещеры – вместо ковра. Мы ползали по ним, как груднички, с самого утра.

Это были документы по делу о Марцеле. «Шептунья-шалунья», как нежно прозвала ее Кадия, преуменьшив тем самым уровень опасности, исходившей от дамы.

– Давайте обсудим, кто что нашел. – Полынь сладко потянулся, хрустя костями. Своими или на бусах – неясно. Куратор сидел, заваленный свитками, как цыпленок – мягкими опилками, и выглядел таким довольным, что я только диву давалась. То ли три ночи вне дворца, то ли двое суток на работе – что-то явно пошло ему на пользу!

Кадия критически осмотрела свои заметки – все в кляксах:

– Ну, у меня не густо. Еще пара фактов в пользу того, что Марцела до и после Иджикаяна выглядит по-разному. То родинка не там замечена, то прикус смещен в другую сторону. А, да, и я нашла интервью с ней в газете «Колдовской хроматоскоп»…

– Нет такой газеты, – забухтел Дахху от стола.

– Есть! Это студенческий самопал в Башне Магов. Короче, там Марцелу спрашивают, как ей удалось поменять профиль: из мастера трансформаций стать Шептуньей.

– И как же? – Полынь с интересом сощурился.

Кадия развела руками:

– Марцела выбрала неудачную тему магистерской диссертации – и облажалась с исследованием. Провал ее взбесил; она захотела перевестись на Кафедру Лесных Наук. Башня послала Марцелу в пень – не положено, – но та уперлась рогом. На экзамене она выдала такой блестящий результат, что все покорно заткнулись и в виде исключения разрешили ей переучиться.

Я подпрыгнула:

– А ведь ради написания магистерской Марцела и уехала в Иджикаян! Так-так-так!

Мы четырьмя бешеными кротами зарылись в шуршащие пергаменты. Волк Снежок в углу озабоченно переглянулся с магическим веником Дахху: что это сегодня с гостями? Данных о диссертации нигде не было. Никаких.

– Ладно, – я вздохнула. – Тогда моя очередь. Главная диковинка: Марцела не ест. Вообще. В ведомстве она не ходит обедать. От угощений королевы отказывается. Дома пьет ненастоящий кофе. И даже на принцевом празднике мастер Дайен заказывал ей особое меню иллюзий – я слышала это сама.

Торжествующий барабанный марш, исполняемый двумя пальцами, заставил меня обернуться к Полыни. Куратор, лучисто щурясь – ярче очага, горящего по случаю непогоды, – постукивал по книгам доходов и расходов Лесного ведомства.

– Здесь есть очень интересная графа, – лукаво протянул Полынь. – «Разные траты». Согласно оной, госпожа Марцела несколько раз в год направляет кругленькую сумму некоему господину Эндерлану Очоа…

– Кому? – нахмурилась Кадия и подкинула в огонь еще полено, чуть не сбив им Ловчего по дороге.

– Лепрекону! – воскликнула я.

И пояснила подруге:

– Это браконьер-чучельник, которого мы поймали около трех недель назад.

– Так вот, – продолжил Полынь, – у господина Очоа в журнале я видел ту же графу. Но, в отличие от Марцелы, чучельник дотошно прописывает, за что именно ему платят…

Как у него это принято, Полынь, подбираясь к интересному, стал замедляться, будто пытаясь ввести нас в транс. Меня это не устраивало.

Я, напротив, вскочила и забегала по комнате, возбужденно спотыкаясь об углы мебели.

– Я помню: Очоа продавал чучела туманной лани! А ведь… О-О-О! – завопила я радостно, испугав Дахху – у него из рук выпала разделочная доска.

– Да что происходит?! – взревела недовольная, ничего не понимающая Кад.

– Спиртовая эссенция туманной лани закрепляет трансформационные формулы! Но эссенцию фиг добудешь – она подконтрольная, каждый миллилитр на счету, как мило напом-

нил студент Дорхес с фермы «Жухлые яблочки»! Но ведь чучела спиртуют! А значит, натри чучело на терке – вот тебе и зелье! А браконьеры на то и браконьеры, что ни перед кем не отчитываются!

Я перевела дыхание перед новым залпом гипотез:

– И еда – ЕДА! Если используешь эссенцию – нельзя есть и пить ничего, кроме обычной воды, а то помрешь! ТА-ДА! Шептунья под долбаной формулой все это время! Крайне усидчивая иджикаянская шпионка! – Я схватила с пола бумаги и торжествующе подбросила их.

Когда пергаментный дождь кончился, а Полынь с риском для жизни выловил пару статей из огня камина, моему взору предстало огорошенное лицо Дахху над кухонным столом и удивленное – Кадии.

– Э, кхем, а Тинави всегда такая энергичная на работе? – шепотом поинтересовалась подруга у Ловчего.

– Марцела убивает туманных ланей уже сто лет?.. – обескураженно пробормотал Дахху, вцепившись в поднос. – Но это же ужасно…

– Тебе ланей жальче, чем себя? – Кадия волчком развернулась к нему.

Полынь вдруг резко нахмурился.

– Что? – я заволновалась, обеспокоенная судьбой своего открытия.

– Сто лет. – Куратор постучал по стеклу часов: – Долго.

Кадия фыркнула:

– Без еды-то? Ну Марцела же настоящая леди, они и не так над собой изгаляются!

Подруга была большой мастерицей жертв во имя красоты.

– Но вообще, – продолжила Кад, – видать, тетка иногда возвращает себе истинный облик. Обжирается впрок – и снова в Марцелу. Так и живет. Диета для шпионов: «угробь свое здоровье» называется.

А я, наконец, поняла, что конкретно смутило Полынь.

– В том-то и проблема, что она не может быть шпионкой, как минимум иджикаянской, – разочарованно протянула я. – Марцеле уже сто сорок. Это для нас нормальная цифра, даже о пенсии думать рано, а иджикаянцы… Да любой иджикаянец уже давно умер бы[15].

Полынь задумчиво крутил перстни на пальцах:

– Вот-вот. И всех остальных людей отметаем по этой же причине. Хм, неужели Марцела все-таки из Шолоха?

– Мне кажется, так и есть, – закивал Дахху. – Для чужака она слишком бережно относится к Смаховому лесу – не стал бы шпион так стараться ради наших деревьев. Несмотря на все загадки, одно бесспорно: она действительно лучший управленец из всех, что были у Шептунов.

– Да она же тебя убить хочет, ау! – снова вспыхнула гневом Кадия. – А ты ее хвалишь!

– Ну у всех бывают не самые здравые идеи… – возразил друг.

– Эльф. Гном. Дриада, – меж тем прикидывала я. – Помимо шолоховцев, есть и другие долгожители. Много других…

Мы помолчали.

– Надо выяснить, о чем Марцела писала ту магистерскую. Все сводится к ней, – подытожила я.

Вот только сказать легко, а сделать… Нас ждал подвох. В архивах не нашлось этой информации. В библиотеках тоже. Ловчий попросил Андрис Йоукли направить запрос в Башню Магов, но ответ разочаровал: «Йоу, говорят, эта информация находится в Лунном хранилище. Туда допускают только доцентов Башни. У меня таких нет».

---

[15] Мы, шолоховцы, живем по полторы-две сотни лет, в отличие от других человеческих народов, и взрослеем и стареем во многом иначе. Поэтому сравнивать наш возраст с «обычным человеческим» некорректно, как и пытаться просто поделить его пополам. Мы непостижимы. Смиритесь с этим.

Кадия нахмурилась:

– Что такое Лунное хранилище?

После некоторой заминки в наших рядах я вспомнила:

– Это закрытая секция башенных архивов, ее еще называют Хранилищем Отвергнутых Знаний. Документы, проклятия, эликсиры – там складируют все, что по тем или иным причинам не прошло аттестацию. Например, зелья, у которых вполне удался основной эффект, но вот побочка настолько серьезная, что их нельзя применять просто так – разве что на крайний случай, если другого средства не придумали…

– Хм, – Полынь пожевал губами. – Придется вламываться, видимо.

– Не обязательно. Мне кажется, я знаю, как попасть туда тайным ходом.

– Откуда? – удивился Дахху.

Остальные двое тоже поразились.

– Гординиус Сай как-то раз рассказал мне, – пояснила я. – Он знал Башню как свои пять пальцев, и однажды я попросила поделиться парой секретных маршрутов. Там был и этот. Опорные пункты я, кажется, помню до сих пор.

– Старый добрый Горди! – расплылась-умилилась Кадия, неожиданно пришибленная ностальгией.

Я не рассказывала друзьям про недавнюю встречу с альбиносом, так что его светлый облик в их памяти не был ничем омрачен.

– Полынь, ты этого не знаешь, но у нас в свое время был удивительный друг… – продолжила стражница.

Ловчий хмыкнул:

– Знаю-знаю. Тинави просветила меня не так давно. Хорошо. Кто пойдет за диссертацией?

– Чтобы попасть в тайный ход, сначала надо пройти через студенческий корпус Башни, – вспомнила я. – Наверное, нам с ребятами будет проще выдать себя за адептов.

– Я что, так стар, по-твоему? – на мгновение искренне возмутился напарник.

– Нет, так прекрасен! – поспешила успокоить его я. – Прическа, татуировки, взгляд – прости, но я что-то таких студентов еще не видела.

– Предположим. – Ловчий вольготно развалился на морском матрасе. – Тогда в путь, мальки. Жду.

* * *

Вскоре Дахху, Кадия и я зашли в Великую Трапезную в учебном корпусе Башни Магов.

Она вся была выполнена в темно-синих, золотых и белых тонах, причем в декоре преобладали мотивы звезд и планет. Сводчатый потолок представлял собой восхитительную карту ночного неба, под которой на длинных тонких цепях висели латунные макеты небесных тел и астрономических символов. Колонны в зале выглядели как золотые деревья, подпирающие свод раскидистыми ветвями, и в общем и целом создавалось впечатление, что ты пришел в некий таинственный космический лес, где вместо воздуха – чудеса.

Именно Великая Трапезная разделяла публичную и учебную территории корпуса. Сюда пускали, если на входе тебе налепили временно неснимаемый маг-значок «посетитель». Дальше вход был только для колдунов.

Мы гуськом прошли вдоль западной стены. Там, под сводом арки с надписью *«Каждый день может стать последним; посуду из трапезной не выносить»*, сидел понурый смотритель, призванный отделять зерна служащих от плевел туристов. Мы приосанились.

– Нет, Кадия, ноготки тролля теперь тебе не помогут. Третий глаз передается воздушно-капельным путем, поэтому, пожалуйста, не дыши на меня! – раздраженно вопил Дахху, специально для смотрителя.

Кадия послушно отвернулась от друга – как раз в сторону охранника – и устрашающе, ртом, выпучив глаза, часто-часто задышала.

Все втроем мы как бы случайно прикрывали значки посетителей: Кадия – волосами, Дахху – шарфом, ну а я просто почесывалась над сердцем, заодно громко сокрушаясь:

– Ой, чесотка… Ой, чесотка-а-а… Кто ж знал, что такая побочка от зелья против эльфийской оспы…

Смотритель только сглотнул при нашем приближении и посильнее вжался в стену. Ни чесотки, ни оспы, ни третьего глаза ему не хотелось.

Так мы беспрепятственно проникли в учебную часть.

* * *

– Дайте сосредоточиться! Не торопите! – негодовала я, по пятому разу проходя вдоль стен в башенном зале почета, который носил нестандартное название «Так Идущие».

Здесь все было посвящено знаменитым магам Башни – как древним, так и ныне здравствующим. В зале находилась пара десятков скульптур и очень много специально заколдованных живых портретов, за одним из которых скрывался нужный нам тайный ход.

Но я никак не могла вспомнить, кого именно из нарисованных колдунов надо ткнуть в глаз для открытия коридора. Все картины казались пугающе похожими: фон – лес (кто бы сомневался), одежда – плащи-летяги, в руках – книга, животное или кубок (внезапно), а сами лица – выжидательный прищур, благородно-горбатый нос и сухая линия губ…

– Как под копирку, а! – поразилась Кадия. – Это и есть «узнаваемый стиль художника»? Делать всех однотипными куклами? Жутковато!

– Да уж, – согласилась я, обнаружив среди прочих портрет магистра Ӧрлина.

Наш старый наставник тоже претерпел некое хирургически-художественное вмешательство. Портретист занизил магистру лоб, убрал залысины и расширил худощавое лицо – чтобы Ӧрлин не выделялся из тошнотворно-симметричной массы.

– Люди любят шаблоны. – Дахху вздохнул: – Ведь клише не требуют осмысления и тем самым экономят энергию мозга: встречая их, мы действуем рефлекторно. В случае с базовыми потребностями – дышать, питаться, чистить зубы – это полезно, иначе бы мы спятили все время что-то постигать. Но опасная бездумность, даруемая шаблонами, так сладка и так ловко играет на нашей лени, что штампы проникают и туда, где становятся врагами – например, в искусство…

– Спасибо за лекцию, но Тинави она не помогает! – Кадия хмыкнула, глядя, как я почти уже носом вожу по портретам. Подруга предложила: – Может, просто всем глаза выколешь?

– Они поднимут крик и дадут сдачи. Волшебные портреты же. – Я поморщилась и переползла к следующей картине.

И там вдруг – *дежавю! К*ак говорит Теннéт со своим непередаваемым гнусавым акцентом.

Мне показалось, что от портрета тянет мускусом и амброй… Так всегда пах Гординиус – даже в самые бедные студенческие годы он спускал тучу денег на парфюм. Наш бледнокожий друг никак не мог простить мирозданию свой альбинизм и маскировал бесцветность другими способами: черной одеждой, терпкими духами, вызывающим поведением и, конечно, необходимостью везде быть первым, только первым, будь проклят каждый, вставший на пути…

Я еще раз понюхала портрет. Изображенный на нем старик нервно сглотнул. Вдруг незваная гостья захочет его сожрать?

М-да. Странная штука – память. Оживляет то, что давно ушло. Эдакий некромант на службе у вечности.

Сочтя запах добрым знаком, я примерилась и нажала на зрачок колдуна. «Гадство!» – выплюнул портрет, после чего картина дернулась, пошла рябью и неохотно растворилась, уступив место голубоватой влажной пленке – то ли подтекающему зеркалу, то ли вертикальному колодцу.

– Класс! – восхитилась Кадия и первой бросилась в проход.

Зеркало всосало ее, бесшабашную, с громким свистом. И довольно заурчало, причмокивая.

– Так надо, – успокоила я Дахху, чье лицо вдруг стало цвета мха.

Нам пришлось поблуждать в толще башенных стен. В узких и темных проходах то и дело встречались меловые стрелки-указатели, отметки бывших студентов. Мы шли по ним в Хранилище.

– Ребят, – начала я, ибо мне все еще чудился запах амбры. – Я хотела с вами обсудить, но все времени не хватало… Я тут на днях видела Гординиуса.

– Как это? – Дахху удивился. – У него же контракт в посольстве на десять лет. Неужели уволили?

– Ну вот по документам он все еще на юге. В том-то и проблема.

– Глюки у тебя, – предположила Кадия. И тотчас обо что-то с грохотом споткнулась.

Под ногами у нее оказалась вентиляционная решетка, ведущая в одну из учебных аудиторий. На невнятную ругань Кадии оттуда ответили хоровым «ахом».

– А это, – послышался торжествующий голос лектора оттуда же, – одно из знаменитых башенных привидений. Будете шастать по корпусу по ночам – оно вас сожрет! – радостно заявил он.

– Первогодки, что ли? – проворчала Кадия, потом старательно завыла в решетку (тут уж и лектор вскрикнул), и мы, давясь смешками, пошли дальше.

Я решила отложить разговор о Гординиусе до более подходящей обстановки. Населять башню привидениями в наши планы не входило.

* * *

В хранилище мы вылезли из огромной статуи кат-ши: кругленького, толстенького котика с зажмуренными глазами.

Кат-ши – это дух весеннего ветра, который кочует по всей Лайонассе. Встреча с кат-ши может обернуться как удачей, так и смертью – все зависит от тебя. Так, бесстрашные кочевники из Узких Щелей в непогоду выставляют на улицах высокие столбы-удочки с рыбками на роли приманки. Ведь кат-ши, если его поймать и понравиться ему, покажет дорогу к чему угодно – к свежим пастбищам, драгоценным камням или не найденной пока любви…

– Символично, – оценила Кадия, мимоходом потирая котику нос – в благодарность. И впрямь: нам ведь кат-ши тоже открыл путь, по-своему.

Мы прислушались. Кажется, в хранилище никого не было, хотя сказать точно сложно – помещение огромное. Пользуясь удобным каталогом (Дахху долго им восхищался), мы быстро нашли ящик с забракованными диссертациями сотрудников.

Мы с Кадией сосредоточенно перебирали работы, а Дахху, проверив главный вход (он был заперт снаружи – значит, мы и впрямь одни), теперь караулил, чтобы никто не пришел.

Лунное хранилище было очень красивым. Высокие шкафы подпирали потолок, испещренный девизами на стародольном языке; вокруг некоторых ящиков парили облачка проклятий (*«не вскрывать!»*); в сундуках с «органическими материалами» кто-то рычал. Маг-сферы

не висели на крючьях, как по всей столице, а катались по полу, по какому-то, видимо, заранее заданному маршруту – только и успевай отпрыгивать!

Когда я отрыла-таки нужный пакет – наработки Марцелы были упакованы в бумагу, перевязанную бечевой, – Кадия резко зажала мне рот ладонью.

На складе раздались шаги…

Дахху развел руками со своей наблюдательной позиции. По губам я прочитала:

– Дверь не открывалась.

– Может, и впрямь привидение? – так же беззвучно, яростно артикулируя, удивилась Кадия. Я же, вывернувшись из-под дружеской ладони, припала глазами к щели между полками. И тотчас задергала подругу за рукав.

В двух рядах от нас мимо стеллажей брел Гординиус Сай. Черная колдунская мантия, белый хвостик.

Ребята тоже его увидели. И – главное – узнали. Все втроем мы растерянно переглянулись. Значит, мне не почудился запах парфюма!

Сейчас маг-альбинос копался в ящике с лекарскими зельями. Бутылочки деликатно звенели, приветствуя Горди.

– Покажемся ему? – предложил Дахху.

– Нет, – без объяснений возразила я, вспомнив нападение на болоте. – Лучше проследим.

Гординиус выбрал какой-то пузатый пузырек и, таясь, двинулся все к тому же кат-ши. Мы, выдерживая дистанцию, крались за ним – сначала по складу, а потом по тайному коридору.

И все было бы хорошо, если бы Кадия опять не споткнулась о ту прахову решетку.

– ПРИЗРА-А-АК! – со счастливой готовностью возопили снизу студенты.

– ЧТОБ ВА-А-АС! – взвыла Кадия в ответ, прыгая на одной ноге и баюкая мизинчик.

Гординиус впереди изумленно обернулся. Его до жути прозрачные глаза стали квадратными, когда он увидел всю нашу троицу.

– М-м-м, здравствуй, Горди! Я так рад тебя видеть! – тепло улыбнулся Дахху, раскрывая объятья.

– ЩИ-И-ИТ! – завопила я, ибо господин Сай, ничтоже сумняшеся, кинул в нас серо-черное облако заклинания.

– ЕЩЕ ОДНО ПРИВИДЕНИЕ! – торжествовали колдуны внизу.

Дахху, очевидно не ожидавший подлянки от старого друга, все-таки успел выбросить в ответ размазанный сгусток унни. Не сфера, а черновик: нас вместе с ней откинуло назад, когда серая стрела, похожая на кобру, ужалила препятствие.

Гординиус уже мчался прочь, лихо заворачивая по тайным коридорам. Мы, с трудом распутав пазл собственных ног, рванули следом, сталкиваясь в особо узких местах.

Выпрыгнув сквозь водопад портрета, мы пролетели на нижний этаж, мимо удивленного смотрителя, сквозь Трапезную и общие залы.

Мы по диагонали пересекли двор Башни Магов – как всегда, тут творилось что-то невообразимое с погодой; кажется, кто-то опять завалил экзамен по Атмосферике. Мы проскакали по проспекту Старых королей; по широченному мосту Незабудок – обители ювелиров; вдоль цветных и бедных домиков Метелочного квартала.

– Гординиус… меня… расстроил… – на бегу поделился Дахху.

– Так швырни в него заклятьем тогда! – Кадия взбодрилась.

– Ты… меня… с кем-то… путаешь… Я не бью в спину, никогда, – воспротивился друг, задыхаясь.

Я, уже нащупывавшая в кармане летяги какой-нибудь снаряд поувесистей, смущенно достала пустую руку. И впрямь.

Гонка продолжалась до самой Морской площади. Там мы потеряли Гординиуса. Он на ходу накинул капюшон черной мантии, скрывая от прохожих свою необычную внешность, и

очень ловко растворился среди так некстати митингующих кентавров. Те столпились перед приземистым зданием Гильдии Перевозчиков и шумно требовали бесплатной весенней переподковки. В руках кентавры сжимали, собственно, подковы. Это явно было не только символом, но и оружием.

Мы с друзьями переглянулись.

– А где ты видела Гординиуса? – Кадия с размаху плюхнулась на бортик фонтана и умылась ледяной водой из него. Волосы подруги стояли дыбом после пробежки.

– В Терновом замке. Это приют на болотах.

– Странно, – нахмурилась Кад.

– Ничего странного, – вдруг возразил Дахху, севший прямо так на мостовую. Осевший, точнее. – Гординиус там вырос, это его дом.

– Что?! – мы изумленно к нему повернулись. – Откуда ты знаешь?!

– Он говорил мне.

– А нам почему не говорил?

– Как и Гординиус, я сирота. – Дахху пожал плечами: – Мне он мог довериться. А вам… Не знаю. Зачем говорить двум красивым девушкам, что ты вырос в неблагополучном детском доме? Если есть шанс показаться лучше, чем ты есть, такие, как Горди, его не упускают.

– Ой, деточки! Вы чего такие запыхавшиеся? – вдруг окликнула нас госпожа Пиония из-за своей чайной телеги аккурат по другую сторону фонтана. – Идите-ка сюда!

– Прах, – выругалась я.

Из-за Ноа мне не хотелось встречаться с Пионией. Однако старушка отнюдь не считала меня виноватой в том, что ее сыну прилетело пульсаром в плечо.

– Тинави, спасибо, что спасла моего мальчика! Поймаешь преступника – цены тебе не будет! Ты ведь поймаешь?

Я только крякнула, получив эту благодарность-обязательство.

– Чувствуешь, как на шее затягивается петля? – сочувственно усмехнулась Кадия.

– Знаете, – я вздохнула, – давайте разбираться со всем этим бедламом по очереди. Сегодняшний день посвящен Марцеле. – Я помахала выкраденной диссертацией. – Пойдем к Полыни, прочитаем при нем. А то он убьет меня, если мы сами раскроем тайну.

* * *

Солнце уже миновало верхушку неба – всю в серых хохолках облаков, бывших резервуарах дождя, – и медленно, обреченно стало заваливаться к западу, когда мы с ребятами, голова к голове, раскрыли магистерскую диссертацию Марцелы.

Мы увидели ее заглавие – красивую южную вязь на плотном картоне, и в пещере воцарилась долгая тишина.

«ДЕРЕВЬЯ ИНГРАСИЛЬ – ПУСТЫННЫЕ МАСТЕРА ТРАНСФОРМАЦИИ.
ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ?»

Под титулом – небрежно шлепнутая башенная печать в виде семиконечной звезды: «Отозвано». И к корешку пришито объяснение: «Во время командировки Марцела из Дома Парящих не смогла собрать необходимые для исследования экземпляры. По ее просьбе диссертация отозвана от защиты».

– Вы думаете о том же, о чем и я? – тихо спросил Дахху, листая подшитые в папку страницы исследования.

Там были карты Пустыни Тысячи Бед с отмеченными на них крестиками – местами предположительного произрастания инграсилей. Были изображения дерева – один в один как рису-

нок на нашем гербе; точь-в-точь как живое древо в Зале Совета – то, что под стеклянным куполом. Были строчки из старых сказок: *«Дерево инграсиль ест путников, подобравшихся слишком близко, и забирает их память, чувства и лицо. Время спустя дерево обретает прежнюю форму. Так, на человечьих ногах, инграсили бродят по пустыням».*

– Сколько лет живут эти деревья? – задумался Полынь, вертя между пальцами свой значок Ловчего. По его ребру тянулась гирлянда из белоснежных цветов инграсиля – тот элемент шолоховского герба, что присутствует на всех ведомственных удостоверениях.

Я окончательно растерзала папку с документами и огласила ответ:

– Несколько веков наберется.

– Это жесть, – сказала Кадия. – Это просто жесть. Еще одна сказка на мою голову. Я бы не поверила, но не нам с вами брезговать невозможным. Что, все эти годы в Шолохе живет долбаное дерево на ролях советника? Как, блин, это вообще произошло?

Я развела руками:

– Видимо, Марцела все-таки нашла экспериментальный образец, но он… съел ее. Ученые – они такие. Забив на безопасность, суются в самое пекло ради открытий.

Полынь поддержал мою теорию:

– Дереву повезло, что Марцела – мастер трансформаций. Видимо, инграсиль нашел в ее памяти сведения об экстракте туманной лани – и стал активно пользоваться этой уловкой.

– А как же еда?.. – протянула Кадия и тотчас сама себе ответила: – А, стоп, это же дерево. Им только чистая вода и нужна, получается.

– И с мотивом все понятно, – пробормотал Полынь.

Мы солидарно кивнули. С мотивом действительно было понятно.

Ведь все мы хотим жить…

Жить вечно.

И – расти в своем бытие. Созидать. Оставлять следы. Менять этот мир и знать: мы не растратили силы впустую.

Дерево ты или человек – никто не хочет просто коптить небо. Какая там цель у Отца, существует ли некий божественный план – этого мы не знаем, но сделать максимум возможного надеется каждый. Даже те, кто стесняется в этом признаться.

Я представила себе дерево инграсиль, вдруг получившее живое тело. И узнавшее, что теперь оно может покинуть пустыню. Голую, безжизненную, всю в сухих сколах прошлого. И более того – оно может добраться до леса… Настоящего, лучшего в мире Леса – где листья сыплются раскладами гадальных карт; где весна длится так чарующе долго; где можно подружиться с крустами и уговорить хищные цветы перевозить госслужащих по рекам – за небольшую плату…

Да. Инграсиль, я думаю, от души служил королевству. В благодарность за жизнь. И потому что мог. И… это ведь так интересно.

Всем нам важно обрести смысл. Убедиться: проблеск нашей искры, мелькнувший из темноты в темноту, стал толчком для чего-то иного.

Все мы хотим победить смерть. А ради этого – парадокс – можно и убить…

– Что ж, прекрасно. – Полынь встал, еще раз скользнул взглядом по черновикам магистерской и кивнул: – Знание чужой тайны подобно антикварному кинжалу. Его можно обменять на что-то, как драгоценность. Или же им можно угрожать как оружием. Завтра утром я поговорю с госпожой Марцелой, и, уверен, мы найдем решение.

– А если ты не прав и Марцеле ничего не надо? И шантажа она не испугается? – Кадия нахмурилась.

– В худшем случае я приглашу госпожу Парящую отобедать с королевой, – твердо сказал куратор. – И накормлю ее насильно.

Никогда еще обещание еды не было столь опасным.

21. Никому не говори

Люди вокруг – как книги, открытые в середине. Ничего не понятно, толкуй как хочешь, но готовься к несостыковкам.
Сойна Гландри, Дворцовый библиотекарь

– Она хочет стать человеком.

– Что?

– Марцела назвала цену: она хочет стать человеком. Навсегда.

Резкий хлопок подытожил слова Полыни. Это с грохотом, едва не оттяпав Ловчему пальцы, закрылась за ним дверь в пещеру – по воле безумного ветра, неожиданно разыгравшегося в столице еще вчера вечером и до сих пор не утихшего.

Ветер был столь яростным, что по всему Шолоху ломались и гнулись деревья, а иногда раздавались страшные железные удары – сносило то ли решетки набережных, то ли флюгера домов.

Из-за ветра мы все так и остались ночевать в пещере, а утром Полынь и Дахху вдвоем отправились к колдунье, готовые получить по голове не только от нее, но и, скажем, от падающих фонарей.

– Стать человеком!.. – проворчала Кадия. – Что, есть и такая опция? Дахху, где у тебя календарь? Я напишу там «День Сказок» напротив сегодняшней даты!

Дахху надуло в глаза, и они, пугающе красные, делали его похожим на опасного психа.

– Как сказала Марцела, – друг вздохнул, – вселенная самим фактом своей безграничности аннулирует понятие невозможного. Любое «не могу» – это только вопрос желания.

Полынь плюхнулся на пол рядом со мной. Волосы куратора, собранные в огромный пучок, растрепались и торчали по сторонам цветными веревочками, конвульсивно позвякивая при каждом его движении. Хламида и мантия пахли холодом. Только берестяной стаканчик с кофе в руках Ловчего был горяч и недвижим. Кажется, для этого Полынь его и взял. Для стабильности.

Ловчий пальцем провел по ободку стаканчика:

– Да уж, у госпожи Парящей губа не дура. А еще – Марцела не боялась, что Дахху узнает ее тайну. Она рассчитывала на это.

– С чего бы это? – хором протянули мы с Кадией.

– Марцелу впечатлило наше прошлогоднее возвращение от драконов. Всех в столице тогда интересовал исключительно Лиссай и сам дракон, но госпожа Парящая разглядела массовку – то есть нас. И пометила – «могут пригодиться». А потом терпеливо ждала удобного случая. Каковым и стал момент, когда Дахху начал под нее «копать». А еще большей удачей оказалось то, что я – «пес» королевы. Благодаря этому Марцела смогла разыграть сценку про Дахху-Из-«Вострушки», предугадав, что мы со «злодеем» объединимся в поисках альтернативы его убийству. Короче, она нас перехитрила. – Полынь высоко поднял стаканчик, признавая победу соперницы, и одним глотком его осушил.

– Так, поясните! – прервала Кадия. – При чем здесь драконы?

Дахху развел руками:

– В мироздании драконы отвечают за стабильность, как хранители – за энергию перемен. Все эти годы в Шолохе Марцела искала способ стать человеком и пришла к выводу, что именно драконья магия сможет навсегда закрепить за ней человеческую форму.

Снова Полынь перехватил нить объяснений:

– Если мы поможем Марцеле, то в обмен она объяснит королеве, что все перепутала: Дахху не самовольный изувер, а помощник Лиссая. Помощник верный, важный и потому,

конечно, такой опасный, что тянет на злодея. А зачем Лиссаю помощник? Ну конечно же, за тем, что младший принц продолжает проворачивать свои непонятные, но очень впечатляющие дела по укреплению королевства. Так скажет Марцела. А я подтвержу информацию якобы вследствие своего независимого расследования. Получится обмен, выгодный для всех. В Шолохе будет нормальный советник; у королевы появится еще один повод для гордости сыном, Дахху обелят и даже сочтут «своим» среди придворных. И все было бы ничего, но… Для обряда, задуманного Марцелой, нужно что-то от настоящего дракона – глаз, сердце, селезенка, в конце концов. А мы с вами тогда ничего не попросили у ящеров.

– О да, представляю, как бы мы просили селезенку! – Я вскинула брови: – Не изволите ли, господин, лечь кверху брюхом, я нож уже наточила?..

Тихие смешки пронеслись по пещере, слегка приглушенные очередным грохотом с улицы. Боги, надеюсь, это там не Башня Магов развалилась! Было бы крайне неловко, если бы оказалось, что мои «разрушительные» тенденции распространяются и на нее, а не только на церкви…

Дахху укутал еще одним пледом Снежка. Потом залез в свою сумку и вытащил оттуда кусочек кожи, явно вырванный из какой-то старинной книги заклинаний. Госпожа Марцела дала его парням с элегантной и властной ремаркой: «Просто напишите мне, во сколько и куда прийти, когда все подготовите».

– На самом деле для обряда подойдет и нечто не столь значительное, – вчитавшись, уточнил друг. – Зубы или чешуйки, например, если они имеются в достаточном количестве. Никто из вас не подбирал их в Скалистых горах?

Кадия хищно повернулась ко мне:

– Тинави, как насчет вытрясти твою летягу?

– Нет, там такого не будет. Однако… – я призадумалась. – А что насчет скорлупок от яйца, из которого вылупилась драконья королева? Они лежали у меня дома, а потом я их раздарила. *Вам.*

Моя бравая команда тотчас начала интенсивно вспоминать, куда они дели такие симпатичные, но во многом бессмысленные сувениры.

– Моя скорлупка тут, – Дахху достал лиловую пластинку из ящика в рабочем столе.

Даже в приглушенном свете хмурого дня она, казалось, горела изнутри каким-то волшебным огнем.

– Моя, видимо, у тебя в кладовке, где-то среди саквояжей, – цокнула языком Мчащаяся.

Полынь молча залез себе за шиворот и вытащил скорлупку, подвешенную на кожаный шнурок. В отличие от остальных амулетов, он носил ее под майками, а не поверх.

Еще одна скорлупка была у Андрис – к ней можно будет сходить. Анте тогда отказался от сувенира. А остальные…

– Я отдала Лиссаю, – призналась я. – Чтобы он однажды сделал из них краску. Видимо, теперь придется отобрать.

Согласно информации от Марцелы, ритуал нужно было проводить строго на закате после полной или новой луны. Получалось, завтра вечером – очень удачно! Как раз успеем собрать все ингредиенты, но не успеем отвлечься на какую-нибудь другую задачу. Наверное. Надеюсь. Может быть.

Хотя, учитывая насыщенность последних дней…

– Сегодня вы снова будете ночевать у меня? – с затаенной надеждой уточнил Дахху. Он, конечно, отшельник, но вчерашний вечер ему явно понравился: с Полынью можно поиграть в шахматы, мы с Кадией просто классные, а Снежок как будто бы улыбается всей своей волчьей пастью, когда в пещере несколько человек…

А уж когда на улице такая страшная непогода – одно удовольствие спрятаться среди пледов и подушек, зажечь камин и свечи с ароматом корицы, приготовить для гостей яблочный пирог и тихо радоваться тому, как темно и холодно там и как уютно – тут.

А сегодня еще и ночь бокки-с-фонарями! По старой традиции королевства жители Шолоха не мешают лесным духам бокки свободно бродить по пустой столице и наслаждаться тишиной полуночных призрачных рощ…

Хотя, если ветер не утихнет, бокки будут, скорее, летать. И не факт, что добровольно.

– Я сегодня не смогу, – покачал головой Полынь. – Меня ждут во дворце.

– Жаль! – вздохнул Дахху.

* * *

Ближе к вечеру я отправилась на остров-курган – забирать скорлупки у Лиссая.

На набережной возле Моста Ста Зверей была воскресная ярмарка. Пыталась быть. По факту, из-за урагана все немного вышло из-под контроля.

Легкие торговые палатки летали туда и сюда, сладко путаясь с воздушными змеями. Целой толпой за ними носились торговцы, стражи и туристы. Два Ходящих стояли в центре этого хаоса, трагично прижав ладони к золотым маскам. Бдят, умники. Ветер сдирал с яблонь цветы и, смеясь, швырял их белоснежными горстями в лица горожан.

Я шла, наклонившись вперед аж под сорок пять градусов, и тихонько молилась, чтобы меня что-нибудь не убило. Будет крайне неприятно умереть перед такой интересной миссией. Да и вообще: у меня столько незаконченных дел, я же точно стану привидением… А я не хочу.

Рядом обрушился торговый прилавок. На встрепанную траву выкатилась целая семья волшебных стеклянных фигурок: разнообразные животные, почеши за ушком – оживут ненадолго и будут ласться к твоему указательному пальцу, низко урча. Простейшее лекарство от депрессии.

Седобородый маг в сапогах с загнутыми носками бросился их собирать, хватаясь за поясницу. Я – помогать.

– Как вы думаете, это настоящий ветер? – спросила я, заметив у лавочника татуировку департамента Стихий. – Или это пересдачи в Башне идут не по плану?

– Ветер магический, клык даю! – подтвердил старичок. – Но это не экзамен. Это побочный эффект от какого-то заклинания или зелья. Бывает.

– Если это побочка, то каков же основной эффект?

– Не знаю, милая. Но эта формула точно не пройдет аттестацию, лежать ей в Лунном хранилище до скончания века.

В благодарность за помощь маг подарил мне хрустальную рыбку в пол-ладони, завернув ее в сегодняшнюю газету. Я продолжила свой путь ко дворцу, думая о словах торговца.

Не пройдет, значит, аттестацию. Лежать ей, значит, в Лунном хранилище.

Совпадение? Или Гординиус Сай, чем бы он ни занимался, уже применил выкраденную в Башне бутылочку? Небо голубое, Горди, во что ты там вляпался?!

Уже жду не дождусь завтрашнего возвращения Мелисандра Кеса с прядкой волос альбиноса. Скажу ребятам, что мне так понравилось проводить ритуалы, что я придумала нам еще один. Надо же все-таки разобраться с этой несчастной Луговой школой!

Как раз в этот момент ветер вдруг стих. Резко-резко. Как отрезало. Мимо меня еще по инерции пролетел какой-то ребенок, вцепившийся в своего слишком большого змея, а потом мир и тишина воцарились на набережной.

* * *

Лиссая не было во дворце.

Сначала я бродила по аркаде. Потом плюнула, воспользовалась браслетом и зашла в душные покои – тут давно не проветривали. Странно.

Рыбка-подарок не реагировала на мои прикосновения, хотя я старательно чесала ей плавники и жабры. Было любопытно, ведь если мурлыканье стеклянных кошечек и урчание лисичек я представляю, то как именно должна утешать безмолвная селедка – науке в моем лице неизвестно. Увы, без магии ничего не вышло. Я спрятала рыбку в карман, решив передарить при случае, и, плюхнувшись на кровать, стала читать газету.

Я искала новости про недавнюю кровавую мессу, но их не было. Ни единой заметки. Кажется, Ходящие и его величество делают все возможное, чтобы даже теперь сохранить Виров с их обратным отсчетом в тайне.

Я закинула руки за голову и, вольготно развалившись поперек кровати, снова вспомнила разговор, подслушанный в Теневом департаменте.

А что, если в Пике Волн просто кончилась кровь Рэндома? Некого присылать, потому что у Ходящих нет *Умений*? Хотя странно, если Рэнди не оставил им необходимое количество перед своим путешествием в Хаос.

С другой стороны, он же не благотворительная организация! Это я привыкла, что джокер со мной нянчится, а вот Полынь в первую очередь наверняка вспоминает, как хранитель превратил его в ледяную глыбу.

Так что, в теории, Рэндому вполне могла наскучить эта шэрхенмистская история с капельницами. Вот и забил…

Но если даже так, почему шэ́рхен не доложат об этом Шолоху? Не хотят пороть горячку и признаваться «клиенту» в проблемах, надеясь, что Рэндом вернется и все образуется?

Или ценную кровь кто-то украл?

…За размышлениями я незаметно для себя уснула.

* * *

Когда я очнулась, уже наступила ночь. Сквозь подпотолочные окошки, огибая ветви сирени, лилась бархатная синева. Она наполняла комнату, как смола – густая и вязкая; пошевели рукой – пойдет рябь.

Я зевнула, протерла кулаками глаза и, до хруста потянувшись, села на мягкой, пахнущей жимолостью кровати. «Грешно», конечно, но сладостно-о-о…

И тотчас вздрогнула от неожиданности: в спальне я оказалась не одна. На полу спиной ко мне сидел Лиссай. Неподвижный, он никак не среагировал на мое триумфальное пробуждение.

– Лиссай! – я обомлела. – Ох, простите, что я так раскинулась…

Принц не ответил. Еще мгновение он не шевелился, а потом неуверенно обернулся через плечо. Так медленно, что я испугалась: что меня там ждет? Страшная воронка пустоты, или насекомое, или просто мертвец?

Последнее предположение оказалось самым близким. На меня смотрел Лис, но…

Какой-то не такой. Он был будто застегнут на тишину. В руках у принца была принесенная мной газета. Веснушчатые пальцы, как рамка, сминали ее вокруг сегодняшней даты. Типографское пятно чернело и дрожало в давящем мраке, накатывающем, как прилив.

– Что случилась? – хрипло выдавила я.

Прахово сердце спотыкалось на каждом стуке. Потому что так себя не ведут, если кто-то уснул в твоей постели.

Я слезла с кровати и подошла, вглядываясь в принца. Черты лица острее, чем прежде. Щеки впали. Обветренные губы похожи на двух саламандр. Волосы острижены криво, совсем криво – и потускнели.

И одежда. Любитель шелковых пижам, Лиссай был одет… странно. Грубые штаны синего цвета. Белая кофта с капюшоном и поблескивающими металлическими полосками там, где должны быть пуговицы. Холщовый рюкзак на полу – брошен, развязан, топорщится внутренними противоречиями.

А у стены валялась дверная ручка… Она выглядела настолько старой – потемневшей от времени, обколотой по краям, – что в ней с трудом узнавался недавний подарок хранительницы Авены.

«*Ты знаешь, что делать, принц*».

«Знаю ли?..»

Я опустилась на пол. Лис смотрел на меня, как на привидение. Глаза казались наглухо зашитыми скорбью. Ни следа былой легкости и отстраненности… Только боль и магия, сцепленные воедино, ставшие хребтом.

За окном вдруг хлынул дождь, гребенчатой трещоткой прогладил ребра старой аркады. Под прикрытием шума я спросила – так тихо, чтобы он мог, при желании, не услышать:

– Где вы были? И… Как долго?

«Ш-ш-ш-ш… – говорил дождь. – Ш-ш-ш-ш…»

Принц вдруг закрыл лицо руками и, резко согнувшись, ткнулся лбом мне в колени. Так мы и сидели.

Потом, набравшись смелости, я стала осторожно гладить рыжий затылок.

– Все хорошо, Лиссай… Вы дома… Все хорошо… – бормотала я.

И неясно было – то ли ветер закрался в дождь, то ли плач – в тишину.

* * *

Пробило одиннадцать вечера.

Темнота сдавила столице горло. Дождь не прекращался, и где-то под ним бродили боккис-фонарями, загнав всех живых под крыши. Из окон по ветвям сирени стекала вода. Тонкими ручьями она скатывалась на пол, раскрывалась там блестящими лужами.

Лиссай смотрел на отражения призрачных лун в воде. Они, испещренные шрамами веток, вздрагивали от каждой капли и неравномерно, неритмично, меланхолично распадались и собирались вновь – в чем-то те же, в чем-то другие.

Я молчала. Я боялась заговорить с человеком напротив, о котором знала лишь то, что нас разделяет теперь на несколько вечностей больше, чем раньше.

В комнату проскользнул болотный огонек – сердитый и потерянный. Он прожужжал, как память, наматывая восьмерки, и вдруг завис между нами, отразившись в зеленых глазах принца. И, наверное, в моих. Допросная лампа ночи. Об этом, видимо, подумал и Лиссай.

– Вы знаете, я все-таки ушел в другой мир, – сказал он после долгого молчания. Голос его стал ниже, чем раньше. – И первые несколько месяцев ненавидел себя за то, что сделал это.

Мне подурнело.

– Потом стало легче – когда я понял правила игры. Главное из них: никому не говори, что ты принц из волшебного королевства. А то вернешься в одиночную палату.

Болотный огонек погас, решив, что роль его сыграна. А может, не хотел знать продолжение.

– Я потерял ключ сразу. Выйдя в новый мир, я упал в море, дверная ручка ушла на глубину, и как я ни пытался ее достать – не мог. Я плохо плаваю. Раньше плохо плавал. Тогда меня выловили, а теперь я умею. После психушки я потратил два с половиной года на то, чтобы все-

таки, при помощи определенных людей, отыскать ключ от Святилища на дне моря, – кивок мне за спину. – Потом я пытался найти Лайонассу: мне было недостаточно просто подумать о Шолохе, чтобы вернуться. Новые возможности путешествий означали также новые возможности ошибок… Там по времени уже не ясно – где-то я проводил день, где-то минуту, где-то неделю. Когда я все же оказался здесь и прочитал в газете, что в королевстве прошла всего неделя, а не четыре года, как у меня, я… – Лиссай запнулся. Судорожно вздохнул.

Прикусил губу, смахнул челку:

– Я подумал, что мне очень повезло.

– Я так рада, что пропорция времени не оказалась обратной, Лиссай, – сказала я, коря себя за эти рассудочные кривые слова.

– И я, – сказал принц. – Я бы тогда повесился, – просто добавил он. И уставился на свои руки – все в мелких белых шрамах поверх веснушек.

Я шмыгнула носом и жалко улыбнулась. В ответ на эту пародию он тоже улыбнулся, но по-настоящему. Сразу потеплел, зажегся как факел – рыжина вернулась, золотом будто осветила воздух за креслом и под кроватью, и каждая веснушка вспыхнула звездой, отмечая маршрут: я шел здесь и здесь, а там я летел.

Я не могла оторвать от него взгляд. Мне казалось, я сижу перед распахнутой вселенной.

Лис достал из кармана жестяную коробку – в ней оказались подаренные мной карамельки в шуршащих обертках.

– Они так и не кончились за эти годы, сколько бы я их ни ел. – Принц покачал головой: – Я поверить не мог.

Лиссай закинул ириску в рот, задумчиво пожевал.

– Знаете, однажды попробовав, не остановишься, – сказал он слишком серьезно для разговора о карамели. – Я помню, как испугался, когда впервые увидел Святилище. Тот страх прошел быстро, и я с удовольствием стал познавать Междумирье. Следующий ужас – когда я оказался в плену у Зверя. Тоже отлегло. А потом я умер. – Лиссай протянул мне коробочку: угощайтесь. – И, казалось, тут осторожность точно должна перекрыть воздух вдохновению, но… Когда я вернулся, я просто не смог.

– Не смог что?

– Не смог жить, как прежде. Делать вид, что ничего не случилось. Мне всего было мало. Если однажды ты попробовал на вкус правду о себе, то уже никогда не смиришься с подделкой, ведь компромисс с собой – это просто проигрыш. Поэтому я все равно ушел. *Там*, когда все было плохо, я молился, как ребенок – только дайте мне вернуться, и, клянусь, я больше не заикнусь о Междумирье… И поэтому, кажется, унни не хотела мне помогать. Только смеялась, глядя на то, как я скупаю и краду дверные ручки по всей планете, надеясь с их помощью открыть Святилище. Она знала, что это лживое обещание. Что я не потяну такую цену слова.

Принц замолчал. Я всмотрелась в его лицо еще внимательнее. Кажется, там, в глубине глаз, поблескивали теневые блики – мои бывшие друзья.

– Унни… – Я сглотнула. – Значит, в путешествии вы научились колдовать?

– Пришлось. Кстати, со мной унни говорит вашим голосом.

Я скрыла смущение за новым вопросом:

– И в итоге унни помогла вам. Это случилось, когда вы перестали бояться?

– Нет. Это случилось, когда я набрался смелости признать правду о себе.

– Правду о том, что в Междумирье вы живее, чем вне его?

Он помолчал, потом улыбнулся:

– Я бы не смог сформулировать это лучше, Тинави.

В зрачках принца бешено плясали искорки энергии унни, и во мне навстречу им поднималась темная, безнадежная волна.

И вдруг я отчетливо поняла, что *знаю,* о чем говорит Лиссай – об этом счастье, об этой непреодолимой тяге, что бесконечно зовет тебя куда-то за горизонт.

О всполохе в искре, из-за которого тебе так часто снятся янтарные рощи на закате и качели в забытом саду, а сердце вновь и вновь обливается горяченным оранжевым светом. И душа сжимается от неясной, безысходной тоски по чему-то, чего даже, кажется, не существует: по какому-то миру, которого нет, или по какому-то состоянию – давно забытому или, напротив, еще не случившемуся с тобой.

Во мне тоже всегда жила эта зыбкая безбрежная тоска, из-за которой все одновременно теряет и обретает смысл. Слишком похожая на любовь, чтобы хранить ее в тишине, слишком неуловимая, чтобы говорить о ней вслух. Тоска, по сравнению с которой вся жизнь, все ее достижения, провалы, мечты кажутся незначительными, слишком плотными и материальными, чтобы воспринимать их серьезно.

Тоска, за секрет которой ты заплатишь любую цену, не торгуясь…

Я ругалась на беспечность, с которой принц огласил свое желание пройти в другой мир, не понимая, что вся его легкомысленность была только ширмой. Только попыткой уговорить себя, что это так… Игра, глупость, экскурсия, понарошку, *не страшно*. А вовсе не шаг навстречу своему истинному «я»: такому желанному и такому пугающему – потому что однозначно не вписывается в привычный мир.

Я смотрела на Лиса, и Лис смотрел на меня. И было что-то настолько горькое и свободное в его лице, что у меня перехватило дыхание.

Четыре года. Целых четыре года, Лис. Ведь ты совсем другой человек теперь.

Но я знала, что принц не жалеет ни об одном дне. Что вернись он назад во времени – ушел бы снова. И снова.

И снова.

И снова.

– Я знал, что вы поймете, – тихо сказал Лиссай.

Мне почему-то стало больно от этих слов. Больно – и одновременно свободно, будто в душе открыли дверцу – запертую, заклинившую годы назад. И от этого – яростно.

Ведь я сама ее заперла.

Мне так жаль. Я понимаю тебя. Я бы тоже ушла, сто из ста раз – я бы тоже ушла. Возможно, часть меня и сейчас хочет этого. Но мне все же так жаль…

Я всхлипнула и смахнула слезу.

Лиссай посмотрел на то, какими мурашками покрылись мои локти, и протянул мне свою иномирную кофту. Потом крепко сжал мои руки – то ли утешая, то ли пытаясь убедиться, что мы – настоящие. Не привидения. Не мечты. Не миражи. Кожа у Лиса была тонкой и теплой и будто бы слегка светилась в темноте. Я смотрела на узор из веснушек, казавшийся то ли созвездием, то ли пергаментом с предсказанием.

Лиссай вдруг грустно рассмеялся, и я удивленно подняла голову.

– Простите. Просто, кажется, наша история повторяется: я возвращаюсь издалека, вы плачете, а потом… – Лис, припоминая, посмотрел мне за спину, на дверную ручку, символ опасности, и утрированно округлил глаза. Я всхлипнула, а потом подыграла и прижала палец к губам. Лиссай наклонился и невесомо, нежно поцеловал меня в висок. *Своеобразная дань традиции.*

Мы улыбнулись друг другу.

На одну сотую, нет – на одну тысячную отлегло…

– Хорошо, что вы снова дома, – упрямо шепнула я.

– Дома, – эхом отозвался Лиссай, крутя в пальцах пижамную пуговицу, которая висела у него на груди вместо оберега. Другая рука принца так и сжимала мою, не отпуская. Наши взгляды вновь встретились.

И долго дождь шумел за окном.

22. Безлунный театр

Весь мир – театр, но сценария не дали; ни режиссерам, ни актерам.
Зато зрителям – гнилых томатов – от души.
Приписывается хранителю Теннету в его любимой роли Анте Давьера, предпринимателя

В ночь бокки-с-фонарями не стоит тревожить холмы, каким бы чудаком не от мира сего ты ни был.

Я осталась у Лиссая до утра.

Когда солнце дотронулось до неба, окрасив его нежно-розовыми тонами и подсветив снизу полупрозрачные перышки-облака, а за приоткрытым окном послышались шорохи островных зверьков и рассветные напевы птиц, я бесшумно надела свою мягкую замшевую обувь, стянула растрепавшиеся волосы в низкий хвост и проверила драконьи скорлупки в боковом кармане сумки.

Принц молча стоял у окна, со странным выражением лица глядя на то, как постепенно светает. На его щеке отпечатались циферблаты сразу нескольких часов – на запястье Ищущего они были надеты друг за другом, подряд, и каждая пара показывала время одного из иных миров. Часы тикали вразнобой, и всю ночь это тиканье, похожее на шепот песка из забытых легенд, отдавалось по всей комнате и будто где-то внутри меня.

Я так и не узнала, что именно случилось с ним за эти годы.

– Я расскажу однажды. Но вряд ли скоро, – шепнул Лиссай под покровом ночи.

А сейчас он обернулся ко мне. И снова, уже в утреннем свете, я отметила, что взгляд у него стал совсем новый: да, все тот же изумрудный перелив, но настолько цепкий даже в мгновения спокойствия, что что-то внутри сжималось и одновременно вытягивалось по струнке. «Теперь он похож на будущего короля», – невольно подумалось мне, хотя я знала, что Лиссай далеко не первый в очереди на престол.

– Интересно, мои багровые очки еще где-то здесь? – вслух прикинул принц.

– Всего неделя прошла, Лис. Должны быть тут.

– Неделя… Я все еще не верю. – Он нашел их в прикроватной тумбочке.

– Удачно, что Двор давно не ждет от вас логики и привык к тому, что вы можете сутками не показываться в основном здании, – протянула я, мысленно добавив: «Ибо придумываете великолепные планы»…

Лиссай поежился, одернул тогу и с сожалением покосился на *худи и джинсы,* небрежно сброшенные на пол.

– Кажется, это будет чертовски длинный день, полный попыток выдать себя за себя прежнего. Нужно не забыть вернуть постоянное заикание… Теперь я спотыкаюсь в словах гораздо реже. – Лис задумался. – Странно снова быть принцем. Я вот так ходил, да? – Он скривил губы, задрал подбородок и ссутулился.

Это должно было быть смешно, но было печально.

– Я все еще не верю, – тихо повторил Лиссай и прочесал пятерней отросшие рыжие волосы ото лба к затылку. – Думал: проснусь, и я снова там.

– Но вы здесь. Утром это продолжает быть хорошей новостью?

– Лучшей. – Он улыбнулся: – Лучшей новостью на свете.

Уже когда мы оба стояли у порога, принц, взявшись за дверную ручку, помедлил:

– Я надеюсь, что смогу быстро адаптироваться к происходящему здесь. И потом нам надо будет поговорить.

Нечто странное чувствовалось в его интонации, и я замерла, как зверек, одной ногой ступивший в капкан.

Он положил свою тонкую, но тяжелую руку мне на плечо и, заглянув в глаза, неожиданно перешел на «ты»:

– Я хочу, чтобы ты не боялась, хорошо?

– Не боялась чего?

– Ничего не боялась, Тинави.

И этот чужой и одновременно ставший таким созвучным мне принц, дождавшись, пока я кивну, все-таки открыл дверь в старую аркаду. Ворох зеленых листьев, детей урагана, метнулся к нам под ноги и зашуршал.

* * *

Было так рано, что даже дворцовые садовники еще не спешили выйти в зеленые лабиринты острова-кургана.

Я одна тихонько брела вдоль пруда у восточной аркады. Легкий туман, не успевший развеяться с ночи, медленно плыл над кромкой воды. По ту сторону развалины храма Белого Огня будто горели в лучах рассветного солнца.

Я свернула на зеленую дорожку между деревьями, чьи ветви переплетались над головами, образуя тенистый тоннель, и вдруг…

…столкнулась с Внемлющим – чистеньким, умытым, одетым в удобные шаровары и кофту, идеально подходящие для утренней пробежки.

– Полынь! – я отшатнулась.

Ловчий, тоже определенно не ожидавший меня здесь увидеть, чуть не споткнулся и на мгновение изменился в лице.

– Ты от принца? – спросил он.

– Да, но это не совсем то, о чем ты подумал!

Сердце билось как бешеное.

Полынь окинул меня внимательным взглядом от пяточек до макушки и медленно покачал головой:

– Учитывая, что у тебя все лицо в следах слез, я подумал не совсем то, что ты подумала, что я подумал.

Я выдохнула с явным облегчением. Ловчий хмыкнул и, сплетя руки на груди, задумчиво побарабанил пальцами левой по локтю правой.

– Малек, скажи мне одну вещь… – попросил он. – Принц вообще жив?

– Да, конечно!

– Хорошо. Теперь выясним, надолго ли: ты плакала из-за него?

– Н… нет, – от неожиданной угрозы, прозвучавшей в словах Ловчего, я запнулась. Потом пристально прищурилась: – Подожди, серьезно?! Ты бы грохнул Лиссая, скажи я «да»?

– Ты сказала «нет», – развел руками Полынь. – Так что теперь неважно.

– Важно!

Полынь тяжело вздохнул, эдак пораженчески, наклонился к моему уху и – не успела я настроиться на ответ – просто с ехидцей повторил:

– Ты сказала «нет».

И, конечно, был в этом абсолютно прав. Сослагательное наклонение – игрушка для жертв, слабаков и мечтателей, давно потерявшихся в слишком розовых облаках.

– Я не могу рассказать тебе о том, почему плакала, – покачала головой я. Чу-у-уточку мстительно. – Думаю, это не только моя тайна.

– Что ж, – Внемлющий пожал плечами, – как показывает опыт, все тайны этого грешного города рано или поздно все равно стекаются в мои руки. – Он театрально пошевелил пальцами, унизанными перстнями. – Жаль только, не всегда в самом удачном порядке. А пока… Что насчет скорлупок, стесняюсь спросить?

– Конечно, они у меня! Драмы драмами, но о делах я не забываю.

– Идеально. Я тоже разобрался с ингредиентами для ритуала. У нас до работы еще есть пара часов. Я планировал побегать и пересмотреть дело Виров в поисках новых возможных зацепок – старые, вроде голубого песка, до сих пор ни к чему ни привели, Мудра и Мудра, вот и все варианты, теперь приходися копать в эту сомнительную сторону, – но, если хочешь, пойдем куда-нибудь вместе.

– С удовольствием. Однако если у меня по лицу видно, что я плакала, то для начала мне явно надо привести себя в порядок еще раз, а то я, кажется, схалявила, – вздохнула я. – Ты, когда изучал тайные ходы во дворце, случайно, не встретил какого-нибудь секретного коридора в королевские термы? Чтобы домой не ехать.

Полынь усмехнулся:

– Ты не поверишь…

* * *

На закате мы с Кадией, Дахху, Полынью и госпожой Марцелой встретились в одном из шолоховских «мест силы»: оранжерее, затерянной в Долине Папоротников и доверху заросшей дикими плющами.

Давным-давно, в XVI веке, когда наши предки приплыли в Лес с берегов Шэрхенмисты, господин Гойло из Дома Спящих выбрал именно эту локацию для строительства Башни Магов.

Но возводить Башню – сложное и долгое дело, поэтому колдуны начали с небольших зданий – теплиц, водокачек, залов для магических тренировок… Однако сразу же кто-то из них допустил ошибку: посадил в оранжерее семена цветка *суувлах*, который распространяет морочащие пары, искажающие сознание людей и животных. И всем участникам стройки вдруг втемяшилась в голову одна и та же мысль: это плохое место, очень плохое, нужно немедленно бросить все и уйти подальше.

И колдуны, не осознавая даже того, что они находятся под влиянием чар, дружненько перебрались на территорию будущего квартала Старых Королей и Башни. И каждый придумывал свои объяснения этому дикому желанию – и поскольку все остальные также были заняты великой и быстрой стройкой лесной столицы, никто их особенно не допрашивал.

Только годы спустя, когда эффект суувлаха выветрился, а Башня давно уже стояла – белоснежная и прекрасная, какой мы видим ее сейчас, – Гойло задумался о нелогичности того решения. И, пообщавшись с коллегами, отвесил немало подзатыльников «дуралеям».

Но оранжерея в Долине Папоротников к тому моменту уже полностью заросла дикими и целебными растениями. Что хорошо, они нивелировали эффект суувлаха. А также выползли на крышу, привлекли множество диковинной живности и лесных духов, теней и привидений. Плющи лозами вились вокруг изящных фонарей у входа в теплицу, а ее пол покрывал плотный, мягкий слой мха.

Оранжерея так и осталась заброшенной, но Шептуны говорят, что здесь царит какая-то особенная аура – благодаря вдохновению, некогда (недолго) наполнявшему это место, и благодаря свободной воле ценных растений. Так, изредка кто-нибудь приходит сюда для того или иного ритуала и тем самым вносит свою лепту в магию Долины Папоротников.

Ведь места накапливают память и силу.

Мы с ребятами нарисовали на земле перед оранжереей многоуровневую маг-схему и разожгли чаши с лиловыми огнями на ее углах и перекрестьях. В закатном солнце, прони-

зывающем чащу, вспыхнули магические искры, наколдованные Полынью вдоль линий. Любопытные духи леса застенчиво выглядывали из-за деревьев, привлеченные набухающей магией, госпожа Марцела сидела на бревне, покачивая левой ногой, перекинутой через правую, и явно нервничала, пряча это за холодностью, Дахху разучивал с Кадией последние строки наговора, а я раскладывала драконьи скорлупки в пиалах с водой из подземного колодца.

И вдруг за спиной у меня послышался характерный щебет птички-ташени.

Я поймала ее в развороте. Бумага была незнакомая, рыхлая, темно-синяя. Возможно, это письмо от Мелисандра? Саусбериец как раз сегодня утром должен был вернуться из бастиона и рассказать все, что нарыл там на Гординиуса Сая, и я весь день ждала новостей от него. Неужели Мел наконец-то попросил кого-то послать мне птичку?

Но… Ташени была не от Кеса.

Я не смогла сдержать удивленного вздоха, прочитав:

«Привет, Тинави.

Сколько лет, сколько зим – действительно.

Если ты хочешь знать, почему я убегал от тебя, приходи сегодня в девять вечера в Безлунный театр. Одна. Строго одна. Никому не говори обо мне. Дело жизни и смерти».

И убористая подпись:

«Гординиус Сай».

Таинственное настроение причудливого ритуала и лесных загадок тотчас слетело с меня, сменившись деловитой собранностью и азартом.

Так-так!

ТАК-ТАК-ТАК!

– Все нормально? – вскинул брови Полынь, продолжавший оттачивать схему.

– Да! – закивала я. – Ребята, только… Вы не против, если я сейчас уйду? Я все равно не слишком пригожусь в ритуале без магии, а у меня тут по делу, которым мы занимаемся с Мелисандром, появилась кое-какая зацепка!

Никто не был против.

– Мне кажется, если бы мы сказали «да», это выглядело бы фирменным издевательством, – покачала головой Кадия. – У тебя уже нога по земле стучит – нетерпеливо, как у бурундука, готового к старту. Беги уж, горе!

* * *

Место встречи с Гординиусом находилось неподалеку от Мшистого квартала. Прикинув оставшееся до нее время, я отправилась домой: нужно пополнить запасы магии!

В коридоре меня встретил Марах: филин ужинал… возле мышиной норы. Оттуда доносился траурный писк. А вот из клюва уже ничего не доносилось, кроме хруста тоненьких костей.

– Марах! – ахнула я. – Наш дом – свободная от убийств территория!

– Ху-ху-ху? – ехидно уточнила птица, глядя на то, как я хватаю с каминной полки пару багряных пузырьков.

– От убийств, а не от крови! – строго подчеркнула я.

– Пх, – сказал Марах и стал лапкой скрести по стене – требовал добавки.

Она, визжа, удалялась…

Открывая склянку, я убеждала себя, что делаю это только из соображений безопасности – мало ли, на что способен Гординиус? Однако, конечно, беседа с принцем и тоска по магии – неожиданная, незваная, эдакий комплимент от повара человечьих чувств – сыграли свою роль.

Когда по венам, будто ртуть, разлилась энергия бытия, я провела краткий инструктаж:

– Унни! Сегодня, кто бы обо мне ни думал, ты меня никуда не выдергиваешь. Никаких *Прыжков*.

– А если опасность?

– Визжим, кусаемся, боремся – но не *Прыгаем*. В следующий раз на море я хочу оказаться в купальном костюме – и только так. Договорились?

– Хор-р-р-рошо.

– Отлично. А теперь бежим – нельзя опоздать!

И я почти кубарем скатилась с крыльца – под гулкое, веселое, сладостное свое сердцебиение, любимую песнь каждого живого существа.

* * *

«Безлунный» был старинным амфитеатром, который прятался в кленовой роще, заселенной нимфами, и славился двумя диковинками, что придавали ему статус «очаровательного». Во-первых, зрителей просили облачаться в маскарадные костюмы. Во-вторых, им раздавали так называемые амплуарии, которые заставляли гостей участвовать в пьесах наравне с актерами.

К театру – для нагнетания обстановки – вели узкие, намеренно петлявшие тропинки, подсвеченные факелами, воткнутыми в землю. Спектакль начинался как раз в девять, и я вовсю разглядывала разряженных гостей, которых встречала по пути. Тут были изысканные наяды, мрачные некроманты, рыцари, упыри и феи-фальшивки (размером с человека, ага). Вон кто-то даже оделся под короля Сайнора…

Когда я вышла на площадку перед амфитеатром, ко мне порхнула нимфа-служительница – невесомая и томная в прозрачных летящих шелках. Говорят, некоторые приходят в театр ради них, а не ради искусства.

– Амплуарий для госпожи! – пропела нимфа и вложила мне в ладонь стеклянный желудь.

– Я не гость, – воспротивилась я, но поздно.

Желудь уже раскрылся, как шкатулка, и волшебная пыльца, взмыв спиралью, влетела мне в ухо. «Твое амплуа сегодня – Певица; желание внутри подскажет, когда начать», – прошептала она.

М-да. Неловко вышло! На спектакль я не пойду, а значит, Певица не вступит в пьесу в назначенный момент. Ладно, надеюсь, они сымпровизируют без меня.

Я встала возле самого яркого факела – так, чтобы Гординиус увидел меня и понял, что я соблюла условие – пришла одна. Я старательно тянула шею, пытаясь найти в толпе волшебника, когда сзади раздался знакомый бесцветный голос:

– Я и не знала, что вы любите театр, Тинави. Хоть у кого-то в департаменте есть вкус.

Резко обернувшись, я решила, что сошла с ума: Селии там не обнаружилось, зато в кругу света подле меня стоял… Ходящий. Золотой балахон, маска, посох. Я обомлела.

Теневик засмеялся – все тем же тембром, никакого искажающего аппарата:

– Не пугайтесь. Нарядиться Ходящей – моя шалость. Своеобразный способ борьбы с прошлым.

Селия подмигнула мне сквозь прорези в маске. И да, если присмотреться, видно: костюм театральный. Подделка. Но вот на расстоянии… Я оглянулась: Гординиус?

– Кого-то ждете? – спросила Селия и вдруг, войдя в роль, стала хищно, как стервятник, оглядываться. – Ее? Или его? – Палец в перчатке ткнул в парочку случайных гостей, имитируя «обвинительные» повадки теневиков. Кажется, помощница шефа была слегка навеселе после ярких пузырьков с игристым, что подают на входе.

И в тот же момент я увидела Горди. У меня аж пальцы на ногах зашевелились. Катастрофа!

Колдун стоял у входа в амфитеатр, и вся его поза сквозила злостью: «Предательница!»

Я тяжело сглотнула: оказаться зажатой между Селией, с которой у нас, кажется, только стали налаживаться отношения, и Гординиусом, за которым я бегаю уже прах знает сколько, – это какое-то тотальное невезение.

Меж тем Горди развернулся и стремительно пошел прочь своей знаменитой походкой – так ходила бы фея, разучись она летать.

В тот же момент громко зазвенел колокольчик, приглашая гостей к арене. Заждавшаяся публика с готовностью кинулась занимать лучшие места – и поглотила волшебника.

– Подождем, пока пройдут нетерпеливые? – предложила ассистентка шефа.

– Нет, мне надо СЕЙЧАС! – взвыла я, кидаясь в гущу людей.

– Ах, вы настолько любите театр?.. – удивилась коллега.

Минут десять я бегала по окрестностям кленовой рощи, вопя: «Горди-и-и! Это случайность, я пришла одна-а-а-а! Клянусь!», но никто, конечно, не откликнулся. Не считая парочки дриад, которые вылезли из деревьев в ночных сорочках и витиевато пожелали мне долгих лет счастья и здоровья (нет).

– Продолбали мы наш шанс на тайну, милая унни, – наконец, вздохнула я и грустно опустилась на пенек.

Умолкнув, я впервые за это время прислушалась к тому, что происходит у меня внутри. А там… А там звучала музыка.

– *Ля-ля-ля, ля-ля-ля…* – беззаботно напевали теневые блики на мотив популярной песни «Танец в лунную ночь».

Я озадаченно моргнула: что за ерунда? – и тотчас поняла, что уже мои губы противоестественно открываются, вознамерившись – страшное дело – петь.

«О, прах!» – хотела сказать я, доставая из кармана желудь-амплуарий.

Но получилось:

– Оп-пра-ра-ра-ра-ля!

Оказывается, ты становишься зомби, даже если не дошел до спектакля.

В голове исчезли все привычные мысли и воцарилась песня. Не прошло и минуты, а мы с энергией унни уже хором пели и плясали, слегка марионеточно, попеременно то врезаясь в кусты, то сваливаясь в овраги.

Когда луна поднимается над лесом —
Свежа, весела и почти кругла,
Все выходят на улицы
И танцуют на улицах —
Не стесняясь и полною грудью дыша,
Все танцуют в лесу, пляшут все под дождем,
И тепло, беззаботно, светло, будто днем,
Лужи, деревья, сны, облака,
Птицы, олени, белки да я.

Магия амплуария профессионально овладевала сердцем.

Не в силах сопротивляться, я щелкнула пальцами, потратив немного кровавой унни, и музыка тотчас заиграла наяву: прямо из воздуха сплетались звуки трех клавесинов, барабана и, конечно, звезды вечера – треугольника.

Все выходят на улицы
И танцуют на улицах…

Тряся головой, как сумасшедшая со стажем, я радостно двинулась в колючий ельник. Дай пять, старая сосна! Привет, белка, садись мне на плечо! Медведи, у вас перекус? Перекусывайте, не мешаю!

И, помахав им на прощанье, – дальше, по сломанному стволу, как по мосту.

Хей, шишка, а ну-ка, полетай-ка, как смычок композитора!

Цветы – щелчок пальцами – раскрывайтесь!

Привет, олень, пошли со мной, пусть на твоих рогах появятся бубенцы!

Пружинистым шагом, то одним боком, то другим поворачиваясь к тропинке, собирая себе потихоньку свиту из лесных жителей и нещадно закидываясь кровью – *лужи, деревья, сны, облака; птицы, олени, белки да я, –* я дошла-дотанцевала до Мшистого квартала.

Соседи, делавшие полночное барбекю и ставшие свидетелями моего танца, пороняли вилки и челюсти.

– *Все выходят на улицы и танцуют на улицах!* – прогремела я им в ответ, поддерживаемая клекотом малиновки и тявканьем волчат; а стайка магических огоньков вокруг меня закрутилась вихрем. Из открытого окна спальни на меня таращился Марах, встревоженно ухая. Я послала филину воздушный поцелуй, старательно вывела последнюю ноту и хлопнула в ладоши.

Музыка оборвалась. Конечности вернулись в мою юрисдикцию. Птички и зверьки, фырча, стали разбредаться, и я, глядя им вслед, задумалась: а они шли за мной по своей воле или желудь жестоко надругался и над сознанием лесной фауны тоже?

– Всем спасибо, мы отличная группа! – на всякий случай поблагодарила я, рупором приставив руки ко рту.

– Раааа! Аааа! – завопил олень, тряся колокольчиками на рогах и перемахивая через забор.

И опять же: радость то, возмущение?..

– Жуть, – подытожила я.

– *Жуть как здорово!* – проурчала довольная унни.

Я поднялась на крыльцо. Открыла дверь – ой, прах, запереть ее второпях забыла! – и зашла.

Свет зажигать не хотелось, и вместо этого я прошептала заклинание и наколдовала на ладони белую мерцающую звезду.

Но не успела она разгореться, как из темноты коридора донесся разочарованный, яростный рык:

– Так это все-таки ТЫ?!

23. Мне немного виски, пожалуйста

Ничто так не проветривает мозги, как хороший удар битой с разворота.
Мастер Пнивколено, тренер по тринапу

Я вздрогнула, роняя звезду, а кое-кто, определенно не- званый, бросился мне навстречу. Он схватил меня за воротник летяги, грубо толкнул и рывком вдавил в дверь, на несколько сантиметров приподняв над полом.

– ТЫ?! – повторно взвыл он, встряхивая меня, как куклу.

Я до смерти перепугалась.

Руки чужака, упершись в горло, не давали дышать. И пусть я поняла, кто это, а все же…

Унни считала мою панику. Следуя недавнему приказу, энергия не выбросила меня прочь, но самовольно отпихнула противника силовой волной.

БАМС!

Человек отлетел на дальнюю сторону коридора и врезался в вешалку с одеждой, слишком старую для такого стресса. На гостя последовательно рухнули моя цветочная шляпа, бита, корзина с мячами для тринапа и подвесной шкафчик.

– Ой, – сказала я в наступившей тишине.

– *Ой,* – согласилась унни, поняв, что переборщила.

– Ащпркхвц… – просипел противник, и нога в аккуратной туфле, торчащая из-под завала, слабо дрыгнула.

Я сглотнула и снова вжалась в дверь – уже вполне самостоятельно.

– Анте? – проблеяла я. – Теннет?

Может, родное имя его задобрит? Хотя, произносимое таким писклявым голоском, скорее взбесит.

Из-под вещей раздалось грозное, несгибаемое:

– Ты или не ты? Вы или не вы?

…Мне всегда нравилось, как он скачет по местоимениям в моменты накала страстей. Сам Анте говорил, во всем виноват его любимый мир, где он частенько жил до наступления 1147 года: там якобы не было сложностей с «выканьем/тыканьем», вот он и путается в нервных ситуациях. До сих пор.

Путаться девять веков – тот еще симптомчик.

– Что «я» или «не я»? Изъясняйтесь точнее! Или вас еще чем-то стукнуть, чтобы в голове прояснилось? – поняв, что не убила Теннета, я разъярилась, как боевой петушок.

В ответ бог-хранитель – ныне гордо именуемый падшим – на карачках выполз из-под развалин шкафа и попробовал убить меня взглядом.

Тоже старомодный способ.

Не сработало.

Тогда Давьер обреченно встал, отряхнул дорожный костюм – как всегда, с иголочки – и на полном серьезе спросил:

– Ты богиня?

Вот тогда я испугалась, что вешалка все-таки нанесла ему ущерб. Карл не простит мне брата-кретина.

– Если это комплимент, то уберите знак вопроса, – от души посоветовала я.

Анте аж зашипел и, растопырив пальцы, снова шагнул на меня. Я хлопнула в ладони, и мячик для тринапа стукнул гостя по затылку, напоминая, что нехорошо нападать на девушек у них же дома.

– Когда это произошло? – пророкотал Анте. – Почему вы не сказали мне?

– Что «это»? О чем?!

– О том, что они все-таки отдали тебе мою силу! – взбесился Давьер.

Я совсем растерялась:

– Подождите, Анте, вы про мой танец?.. Песня, звезда, все такое?.. Это кровь Рэндома, а не ваша сила. У меня нет вашей силы. Она же в том амулете, что на груди Авены, что в Пустошах Хаоса, что прах-знает-где… Или… – Я нахмурилась: – Стоп. К чему такие вопросы? Что опять не так в этой нашей горе-Лайонассе?

Хранитель подошел, брезгливо, двумя пальцами, ухватил меня за подбородок и покрутил туда-сюда, всматриваясь. Так оценивают прикус лошадей. Я высунула язык и скорчила рожу.

Лицо у Анте было таким интригующе-обиженным, что я даже не позволила унни наподдать злодею еще одним выверенным пинком. Хотя она просила, да.

– Не врете, – вывел Анте.

– Да что случилось-то?!

Но Давьер уже мерил коридор нервными шагами, нимало не смущаясь разрушений и флегматично перешагивая вещи.

Из норки в стене за ним наблюдали мышки. А за ними – с жердочки в гостиной – следил Марах. Я смотрела на Анте, бормочущего себе под нос что-то на чужом языке. Анте смотрел в пол.

И зачем нам, спрашивается, театры – при таких-то сценах…

Как всегда, хранитель ушел в интровертный отрыв за полсекунды. Рядом с такими, как он, нет ничего проще, чем почувствовать себя пустым местом. Он божественно легко умеет удалять всех из жизни – как из своей, так и вообще.

– Анте, если вы обуздали свои маньячные рефлексы, проходите в гостиную. Я сейчас подойду, – вздохнула я, в сотый раз вспомнив: переделывать людей бессмысленно.

Принимай такими, как есть, или уж не выдавай им запасные ключи от дома.

– D'accord. Мне виски со льдом, – сказал Давьер, развернулся и, не сбиваясь с шага, двинул в комнату.

Будто я предлагала.

Повернувшись к мышкам, я развела руками:

– И как я могла по нему скучать?..

* * *

Когда я зашла в гостиную, Анте Давьер уже сидел, откинувшись на стуле так, что тот жалобно всхлипывал, качаясь на двух ножках, – не стул, а убитый горем пленник, боящийся закричать.

Ступни хранителя лежали, перекрещенные, на журнальном столике. Одна рука поправляла шейный платок. Вторая держала тлеющую – и когда он успел? – сигарету.

– Анте, признайтесь: наглость у вас – признак расшатанных нервов? – вздохнула я. – Или вам просто нравится меня бесить?

Проигнорировав мой ни разу не риторический вопрос, Анте задумчиво протянул:

– Есть многое в природе, друг Горацио, что вызывает у меня недовольство. И чуть меньше вещей – непонимание. А непонимание вкупе с недовольством… Что ж, чтобы разобраться в таком вопросе, не грех и заколоть три отары овец, чтобы, *Прыгая* при помощи их слабых искр, хотя бы слегка сократить себе далекий путь из Хейлонда в Шолох… Я выехал сразу после того, как дерганый слуга-вампир описал мне «дивное создание», напавшее на него в моих покоях. Создание, до странности похожее на вас. Семь суток дороги без отдыха и реки овечьей крови. И все ради ваших дурацких тайн, Тинави.

– Это явно не начало истории! – отметила я, опускаясь на диван.

Давьер раздраженно вздохнул и рассказал все по порядку.

* * *

Рассказ Анте Давьера

Был прекрасный февральский вечер в Тилирии. Ледяной ветер дул с залива; запах гниющих водорослей висел над городом; камни набережной, потемневшие от воды, срывались вниз – очень небезопасно – вкупе с криками портовых грузчиков, похожих на раскормленных чаек. Небу надоели границы, и оно рухнуло всей своей черной тяжестью на море, придавив его силой, бесконечностью, временем: до рассвета ты не шевельнешься. И море даже не дышало. Замерло, как лед.

Тех, кому холодно, такая красота не греет. Но тех, кто ценит надрыв, сжигает почти заживо, что только в удовольствие таким.

В особняке на пирсе гремел прием в мою честь – я люблю, когда меня восхваляют, а потому смотрел на жизнь весьма оптимистично.

Наше путешествие с господином Даххy подходило к концу.

Мой чемодан был полон денег, блокнот энциклопедиста – данных, и все намекало на то, что пора возвращаться домой.

В какой-то момент к нашему столу подошли познакомиться два шолоховских мигранта, ныне – караванщики, совершающие рейды между Тилирией и Иджикаяном. Мы поговорили о жизни в столице, я отрекомендовал им Даххy как восходящую литературную звезду, и, пусть он нещадно бил меня ботинком под столом, они поверили. И впечатлились. Ведь главное – обложка, и было бы странно, если бы за свою долгую жизнь я не научился подбирать товарам упаковку. Это, черт возьми, первое, чему учатся в моем любимом мире. Мечтателей там жрут целиком, как птиц-овсянок, покрыв голову салфеткой, и печально, Тинави, что вы такое не попробуете – везде запрет, жалеют птичек.

Уши друга нашего Даххy пунцовели так, что светились красным сквозь шапку, но ему, очевидно, было приятно. И гостям – не меньше. Они даже заказали ему биографию одной шолоховской шишки в подарок.

Когда господин Смеющийся удалился, заранее издерганный возложенной на него миссией, мы с купцами продолжили беседу. Мне было интересно: не заходят ли их караваны в Пустыню Тысячи Бед? *Случайно,* не делают ли крюк в проклятые земли?

Конечно, делают, признались мне, старательно подмигивая. Остовы Мудры, уничтоженной драконами, – это ведь счастливый билет в богатство. Не всякому хватит смелости и наглости его купить, но коль купил – ты обеспечен. И дети твои. И внуки. И правнуки.

– В Запретном квартале Мудры и сегодня находят артефакты со времен хранителей. Боги жили там, как простые люди, вы можете себе такое представить? – таинственно шептали купцы.

– Не могу, – сокрушался я, веселясь. – Боги? Не представляю. Вообще не представляю.

– Однажды наш коллега из Иджикаяна даже раскопал апартаменты Теннета! – сообщал мне торгаш потолще, набивая цену. – Хотелось бы вам сувенирчик от хранителя времени, а?

– Да, – честно признался я.

Если эти товарищи сейчас вынут из-под полы что-нибудь из моей старой виллы – я буду очень доволен. Бритва, пресс-папье, портсигар – всему порадуюсь. Как говорил классик, мое «сердце из отвердевшего пепла не поддавалось самым сильным натискам повседневности, но уступило первому натиску ностальгии».

– Вот и нам бы хотелось… – вздохнул купец, жирно перечеркнув мои надежды. – Но все старые запасы продали, а новых теперь не видать.

– Отчего это?

– Боги снова живут в Запретном квартале Мудры. А они не любят воров. Выпьем же за принципиальность хранителей наших! – и караванщик поднял вино для тоста.

Я в ответ расплескал из бокала свое.

И не потому, что я нервный, Тинави, не надо на меня так ехидно смотреть. Просто сердце мое забилось, забилось страшно, как у последнего смертного, ступившего вдруг на развилку судьбы.

Верный признак того, что включилась «чуйка». К словам торговца надо было прислушаться.

– Боги вернулись? – спросил я, ослабляя шейный платок.

Ибо: кто вернулся-то?

Кто? Дану и зайка моя Селеста всегда были в некоей изоляции, одна слишком бойкая, другая слишком чистая. Лайонасса стала им инкубатором, а дальше – пф… Живите, как живете, лайонассинцы, а чтобы кто-то из моих сестер пошел в пустыню – странная идея, Босху и не снилась.

Остальные трое? Что ж, я верю, что из Пустошей Хаоса можно вылезти – я чую, они живы. Но Мудра? Очень странный выбор! Рэндом бы хотел развлечься; Карл, думаю, не обделил бы нас визитом; Авена тоже – ищет пограничный контроль даже там, где понятия такого не существует, она бы точно сначала *Прыгнула* ко мне, поставить воображаемый штамп в воображаемый паспорт; тяжела она, их доля – любителей все делать правильно.

– Ну… Как сказать. Не знаю, наши это боги или нет… – крякнул купец после долгого раздумья. – Может, пришло время новых богов?.. Но это правда, мамой клянусь: в Мудре поселилась сила, что за пояс заткнет любого смертного.

– Плакали наши денежки!.. – согласился второй купец.

– А расскажите подробнее, – попросил я.

Одновременно я заказал у официанта блюдо крабов и самые дорогие вина в меню, поэтому языки моих знакомцев, и без того длинные, вывалились теперь на добрую морскую милю.

Один из них выдал чудесный монолог:

– Начиная с осени в Мудре кто-то живет. Наши караваны обычно ходят без нас: мы любим все контролировать с места. Караван прибывает в Хейлонд, там по бумагам ему прописано две недели отдыха, но по факту несколько ребят половчее минуют Дамбу Полумесяца и бегут в Мудру. То прихватили, это в подземельях нашли – вот фирме и половина выручки за месяц. Но теперь их не пускают в Запретный квартал…

Мужчина сделал страшные глаза и продолжил:

– Стоит приблизиться – поднимается ветер; камни летают, как перышки; эхо разносит обрывки твоих мыслей по древним зданиям – стыдно, что уж… А если проигнорировать – беда! Сила невидимая поднимает, швыряет, бьет о скалы, а потом позорно выкидывает на границу и метку ставит – крест огромный…

– Это больше похоже на шального духа, чем на богов, – возразил я, тогда как сердце мое билось,

билось,

упорно билось вопреки всякой логике.

Второй торгаш, оторвавшись от крабовой клешни, согласился:

– Да! Дух – и мы так подумали. Но однажды, когда мы сами поехали с проверкой, боги явились лично, чтобы нас прогнать. Одна богиня. Она, как стрела, взлетела в небо над развалинами! Левитация! Такого же никто не умеет. «Вы, – сказала она, – больше не пересечете

границы Запретного квартала. Мы, боги, повелеваем вам забыть о нем. Это наша территория, всегда была; хотите жить – не приближайтесь». И воздела руки к небу, жутко так…

– Ну, мы и сбежали. Осенью то было. С тех пор в Мудру – ни-ни, – завершил второй торговец.

– А как выглядела богиня? – спросил я, изо всех сил убеждая себя, что хвататься за болящее сердце не обязательно – это все равно не поможет, только подорвет мой статус серьезного человека.

– А жмых ее знает… – вздохнул торгаш. – В плаще она была и капюшоне. Ничего не видно.

Я до самого рассвета пытался вытянуть из них подробности. Но торговцы то ли устали, то ли разомлели от вина – ничего путного они мне больше не поведали.

На следующий день я распрощался с Дахху: сказал, что ему пора возвращаться домой, а мне надо разобраться с одним вопросом. Господин Смеющийся отчалил на восток, а я – на юг, в Хейлонд, чтобы лично пройти означенный путь до развалин Мудры и узнать, что там происходит.

И чем ближе я подходил к Дамбе, тем сильнее билось мое сердце. А еще я начал чувствовать странный запах – тень запаха, отголосок.

Вы ведь знаете, Тинави, что каждое существо имеет свою вибрацию – это вибрирует энергия унни. На эту вибрацию реагируют магические существа, природа и, зачастую, я…

Так вот: частота Мудры, к которой я приближался, была очень высокой. Божественно высокой, я бы так это назвал. Мало кто из смертных вибрирует на такой частоте – ну разве что самые счастливые. И уж точно это не вариант для заброшенного города.

Я все думал: кто из нас? Кто же там поселился с божественной магией наперевес?

Еще я понял – кстати, это секрет, скажете кому-то – уничтожу, – что в этом очередном вселенском эксцессе мне не хватает вашей с друзьями чудной компании. Глупо привыкать к смертным – это вам подтвердит любой бог… Но не глупее, чем любить домашних питомцев, обреченных на смерть раньше, чем мы, – это скажу я. Я любил своих собак, когда они у меня были. Больше, чем многих людей.

Ай.

Тинави, еще раз ударите меня этим чертовым мячиком – я встану и уйду.

А для вас лишиться тайны – наказание страшнее смерти, и не думайте возражать, у меня шесть тысяч лет опыта, читай, *насмотренность*.

…In brevi.

Прошлая неделя, Восточный Хейлонд. Я в номере размышлял о «новых богах».

Летающая женщина в плаще, которая пока никого не убила, Мудра как место жительства, острый запах божественной магии – вот и все, на что я мог опереться.

Я подумал о вас: с «летягой» вы почти не расстаетесь; убивать не любите; прелесть левитации я сам однажды вам расписал; а при упоминании Мудры вы всегда отводите взгляд.

Но откуда появилась магия?

У вас есть кровь Рэндома, однако татуировка Глазницы, которую можно сделать с ее помощью, не дает левитации, а если бы вы пили кровь – ее бы не хватило на целых полгода… Сколько там ее, этой крови! Мелочь!

И тогда я вспомнил: перед тем как Авена отправилась в Пустоши Хаоса, она сказала, что хочет сделать кое-кому подарок. «Возможно, однажды я пожалею об этом, но сейчас мне кажется, что эта овчинка стоит выделки», – и сестра попросила Карла помочь ей в приготовлениях. Мне было интересно, куда они намылились, но унижаться и спрашивать я не стал.

…Я от ярости чуть не разбил стеклянные стены гостиницы. Конечно! Карл и Авена тогда ходили к вам, Тинави, – и все-таки подарили вам мою силу! Втайне от меня!

В голове моей алой розой расцвела теория заговора.

Что, если весь этот год вы могли колдовать, но, зная, что я почувствую, не делали этого в Шолохе – *Прыгали* в Мудру? Поэтому вы так со мной сдружились: вашу гордыню грела мысль, что вы заняли мое место, а я даже не заметил. И все эти ваши «жизнь хороша и без магии» звучали фальшиво потому, что и были фальшью.

Я вышел погулять, чтобы ветер снял с меня, как шкурку, подозрительность. Но в номере я забыл дневник – а мысль не записанная есть мысль отсутствующая. Я вернулся, и… Слуга рассказал мне, что некая женщина в плаще только что была в моей комнате. И да, там *воняло* самой что ни на есть божественной магией. Вибрация была высочайшей, у меня буквально затрепетали чертовы ноздри.

«Новая богиня, – встрепенулся я. – Она, в свою очередь, почувствовала мое приближение и решила разведать обстановку».

Когда слуга описал вас, моему распаленному ревностью мозгу почудилось, что это – неопровержимое доказательство. Так какой толк мне мчаться искать вас в Мудре, если вы первым делом наверняка сбежали домой?

Я велел подготовить карету и привести овец. По дороге в Шолох я слегка остыл и даже посмеялся над собственной поспешностью. Стоило все-таки остаться в пустыне.

Приехав, я сразу пришел к вам – уже с твердой мыслью обелить вас в моих же глазах. Но…

Вы бы видели сейчас себя с этим танцем! С этими зверьми! Хранительской магией шибало за версту, вы пропитались ею насквозь!

Собственно, я сорвался. Простите за шею – синяков не останется? Нет? Вот и славно.

Тогда забудем этот маленький инцидент.

* * *

Дослушав рассказ Анте, я вскочила с кресла и нетерпеливо кивнула:

– Одевайтесь! Мы идем гулять в холмы.

Хранитель молча поднял соболиные брови.

– «Новые боги», «новые боги»… – проворчала я. – В Шолохе о них тоже говорят. Правда, крайне пренебрежительно – как у нас это принято. Точнее даже, не говорят, а танцуют в их честь или, скорее даже, пользуются ими как предлогом для новых знакомств… Анте, вы слышали про Культ Жаркого Пламени?

– Нет.

– В пути расскажу. А, да. Развею ваши сомнения: Авена перед уходом действительно сделала один неоднозначный подарок. Но не мне. И не магию. Будьте спокойны.

На этом я умолкла, решив, что лучше не говорить Анте Давьеру про дверную ручку принца Лиссая. А то опять вспыхнет завистью – и что?..

Анте скрипнул зубами, но промолчал. Не стал «унижаться вопросами», ага. Я же сграбастала биту, плащ, сыпанула Мараху корма и побежала на выход.

Хранитель, пофыркивая, следовал за мной.

24. Культ жаркого пламени

В Шолохе есть три неофициальных магических кольца. Первое проходит по границе острова-кургана: внутри его особенно легко колдуется. Второе кольцо находится на уровне Сумеречного квартала, Призрачной Рощи, Долины папоротников: за его переделами нет сигнальных сирен-жемчужин и датчиков запредельного. И третье – «цивилизованное» – это условная граница, после которой перестают работать ташени.
Энциклопедия «Доронах»

Чтобы вспомнить, где мы с Дахху видели костер культистов в ночь принцева праздника, мне требовалось повторить наш путь.

Там, где не помогает мозг, спасает мышечная память. Поэтому мы с Анте взяли кеб до кладбища Призрачная Роща.

После затяжных дождей здесь накопилось столько тумана, что можно было плескаться в нем, как в воде. Моя одежда мгновенно промокла. Даже аквариумы со светящейся травой осомой, прихваченные из дома, все время обрастали бусинами росы, и нам приходилось то и дело протирать их рукавами плащей.

Двумя зелеными огоньками мы с Анте вскарабкались на кладбищенский холм. Со скрипом отворили витую калитку, прошли к надгробию Дома Смеющихся.

– Так, здесь мы с Дахху сворачивали направо… – вспоминала я.

Анте молча следовал за мной. И горстка могильных призраков – тоже. Неразличимые в тумане, они с любопытством плыли за нами на безопасном расстоянии. Социофобка Стерва Бетти тоже была среди привидений. Кажется, что-то в нас ее заинтересовало.

– Вот! – торжествующе шепнула я, когда мы покинули Призрачную Рощу и в глубине соснового бора справа замаячило багряное пятно, похожее на глаз.

Мы пошли на свет костра, спотыкаясь о кротовьи норы.

– Дождемся конца ритуала, а потом отловим кого-нибудь из культистов и допросим, – предложила я. Анте кивнул.

Сосны раздвинулись, как кулисы, – перед нами возникла поляна. Большая и круглая, она напоминала море: вместо волн – холмы и пригорки, вместо пенных гребней – белый клевер; вместо дельфинов – культисты, чьи покатые спины гнулись, выполняя разминку. Ибо ритуал еще не начался, а плясать «холодными» – вредно для здоровья!

Мы с Анте спрятались возле крепкой сосны, которая, будто гвардеец, стояла навытяжку, вскинув корни. Мы залегли между ними и сквозь грубую вязку дерева наблюдали за культистами.

На поляне полыхал высоченный костер. Вернее, два костра: полулунья пламени, похожие на хлебные корки, и узкий проход между ними. В центре лежал огромный валун с плоской, как серпом срезанной, макушкой: в голове тотчас возникли ассоциации с алтарем.

Сегодня культистов на поляне было не в пример больше, чем в тот раз, – около трех дюжин, мужчины и женщины вперемешку. Особый повод?

Один из сектантов глянул на часы.

– Пятиминутная готовность! – крикнул он.

Анте сразу же посмотрел на свое запястье:

– Без пяти полночь.

Культисты засуетились, стали раздеваться (мой спутник сдержанно и удивленно хмыкнул), складывать вещи по периметру поляны.

– По позициям! – скомандовал все тот же человек.

– А почему Жрец до сих пор не пришел? – спросил другой.

– Это нас не касается, – раздраженно ответил первый.

– А что, если после *того раза* Жрец больше не хочет проводить Ритуал Вознесения? Девочка погибла, и…

Девочка погибла?

Мы с Анте встревоженно переглянулись.

– Ты кто такой, чтобы о мыслях Жреца рассуждать?! – рявкнул главный, перебивая взволнованного коллегу. – Делай свое дело, и все! Он говорил, чтобы сегодня мы были готовы! Просто опаздывает!

Культисты выстроились тремя концентрическими кольцами вокруг костра и по хлопку начали танцевать. Внешний круг двигался направо, средний – налево, внутренний – снова направо… Плясали завораживающе синхронно, и от этого танца – странного, ломаного, беззвучного, будто хвост кометы в августовском звездопаде, – у меня закружилась голова.

Вдруг на дальней границе поляны сквозь туман проступили два силуэта.

– Знакомые персонажи? – спросил Анте, увидев мое изменившееся лицо.

Я кивнула.

К культистам приближались Гординиус, облаченный в белоснежный балахон (в нем альбинос напоминал заиндевевшую бабочку), и… Ринда Шаграух. Глаза девчонки были завязаны платком. Нюкта спотыкалась через шаг, но шла упрямо, с той остервенелой самоуверенностью, что поразила меня еще в Терновом замке. Ее серая кожа сейчас казалась бумажной.

В полном молчании Гординиус и Ринда миновали три кольца и замерли у коридора. Танец набирал темп, мощь и силу. Тени культистов – длинные, острые, хищные – колючей короной раскрывались от костра, двигались гипнотически. Вместо музыки – дыхание: ритмичные вдохи, выдохи, иногда – шипение и хрипы, соответствующие странным, тревожным позициям танца. Мурашки пробежали у меня по загривку, Анте облизал губы и тронул меня за локоть.

Если закрыть глаза, казалось, что на поляне сплетался клубок змей.

Гординиус пропел заклинание – вокруг Ринды мелькнул антиожоговый барьер, похожий на прозрачную жижу. Альбинос развернул девушку и подтолкнул к алтарю. Ринда пошла, вытянув руки вперед. Если ее заносило к огню, она судорожно вдыхала и выравнивала путь.

Сам колдун остался на месте. Он соединил ладони над головой и поднял лицо к набухшему нефритом небу. Гординиус певуче проговорил еще одну формулу, и над костром засияли иллюзорные песочные часы.

– Одна минута, – сказал Анте, сверяясь с хронометром.

Я же во все глаза следила за тем, как Ринда Шаграух на ощупь взбирается на валун. Девушка встала на алтаре и скрестила руки на груди, как покойница. Культисты резко перестали танцевать и попадали на траву в молитвенных позах.

Резкий порыв ледяного ветра пронесся по Призрачной Роще…

Когда последняя песчинка скатилась по стенке иллюзорных часов, костры вдруг полыхнули высоко-высоко, окрасившись в синий цвет. Я сжала кулаки: там, на камне, за спиной у Ринды, из ниоткуда появилась женщина.

Женщина в плаще, под которым виднелся пустынный наряд из легчайших тканей.

Я уже видела ее. Это она была героиней из кошмаров Гординиуса. И, вероятно, из рассказов купцов – потому что незнакомка взлетела в воздух. Зависнув возле Ринды, она положила обе руки девочке на затылок – будто опираясь на нее. Или – благословляя.

Ринду Шаграух колотило так сильно, что туман бы взбился в призрачные сливки… А так – лишь доносился стук ее зубов.

Культисты, не вставая с колен, задрали головы в сторону женщины, подняли руки, стали петь и плакать. Гординиус крикнул:

– Хвала новым богам, защитникам нашим!

– Хвала! – поддержали танцоры первого круга.

– Хвала! – второго.

– Хвала! – третьего.

У меня перехватило дыхание.

Гординиус пошел к алтарю.

– Готова ли ты, Ринда Шаграух, вступить в новую жизнь? – спросил альбинос.

Девушка судорожно кивнула. Тотчас женщина над ней начала нараспев произносить некое пустынное заклинание. Одной рукой она вытащила из складок плаща изогнутый кинжал.

– Анте, пора! – Я попробовала подняться, но хранитель дернул меня обратно:

– Нет! Терпите!

– Как?!

– Как угодно! Терпение – это не про способ. Это про намерение. Надо понять, что происходит!

Вдруг громкий крик прервал нашу ссору. В первое мгновение я испугалась, что кричит Ринда, но голос был мужским…

Мы с Давьером резко прильнули к дыре между кривыми корнями сосны.

– Что он-то здесь делает?! – взвыл Анте.

Потому что с западной стороны на поляну вдруг выбежал… Мелисандр Кес.

Негодующий, встрепанный и поразительно дерзкий. Полурасстегнутая льняная рубашка, лента на лбу, в одной руке керосинка, в другой – кочерга.

– А ну отпустили девушку, ублюдки! – рявкнул мой, казалось, совсем потерявшийся в Вороновом бастионе информатор, кидаясь наперерез молящимся.

Во внешнем кольце культистов Мелисандр пнул какого-то юношу по голой заднице. Следующего танцора – гнома – он перемахнул в стиле чехарды. В третьем кругу народный шок поутих; Мелисандру уже пытались сопротивляться: двое поднялись навстречу, растопырив руки и вытаращив глаза.

– Срам прикройте! – крикнул Кес, раскручивая фонарь в руке, как пращу.

Культисты вняли предостережению и в последний момент разбежались по сторонам, изобразив ладонями фиговые листочки…

На поляне в мгновение ока воцарился полный бедлам.

Культисты и культистки орали, и отнюдь не молитву. Кто-то хватал вещи и пытался одеться. Другие голышом сматывались во тьму чащобы. Третьи оставались на местах, сжавшись крендельками, и по таким Мелисандр пробегал сверху, как по кочкам болота. Некоторые пытались броситься на Кеса, но всякий раз передумывали.

Гординиус замер у алтаря… Ринда Шаграух пыталась сорвать с глаз повязку, но летающая женщина властно перехватила ее руки, запрещая это.

А еще незнакомка сказала:

– Сай, разберись.

Альбинос кивнул. Мелисандр как раз преодолел последнее препятствие – толкнул двух сектантов навстречу друг другу с пожеланием вечной любви и верности, – когда Гординиус швырнул ему навстречу какое-то заклинание.

Попробовал швырнуть – ведь в этот момент я наконец-то стряхнула с себя Анте Давьера, председателя клуба «Подождем-ка», и, сиганув через корни, сбив по пути улепетывающую фею, уже в полете бросила в альбиноса энергетический щит.

Этот щит, как пружина, отбросил назад заклинание Гординиуса. Колдун едва успел пригнуться: синие всполохи пролетели мимо, скосив дугу одного костра.

– Тинави?! – обрадовался Мелисандр. – Привет, детка!

– ИЗБАВЬСЯ ОТ ВРАГОВ! – приказала женщина, одной рукой держа Ринду Шаграух за шкирку, как котенка.

Выпрямившийся Гординиус посмотрел на меня. Потом на Мелисандра – мы приближались с разных сторон. Выругавшись и прикусив губу, Горди двумя руками стал плести заклинания.

– Мел, прячься! – заорала я.

Ибо внезапно случилось самое неуместное: у меня кончилась магия. Вышла с нервами и по́том. Испарилась за сроком давности. Растаяла, как мечта.

Я упала; надо мной пролетели стаей остроклювые птицы проклятья. Уткнувшись лицом во влажную траву, я краем глаза засекла мелькнувшую сбоку тень: Анте Давьер, незамеченный противниками, куда-то намылился под прикрытием сосен и тумана.

Когда проклятье просвистело мимо, я подскочила, оскальзываясь на осоке, и, срывая с бедра биту, бросилась на Гординиуса. Прах, надо было брать меч. Но кто же знал, что ночь окажется настолько активной!..

Мелисандр тоже сумел увернуться и сразу же кинулся вперед – не к магу, а к Ринде Шаграух.

Гординиус снова метнул в меня заклинание – зеленый сгусток с чернотой в сердцевине. Уклониться я не успевала. Поэтому вместо маг-формулы я кинула в ответ биту, будто снаряд. Не собью, так отвлеку! Лакированное дерево, мой верный друг, столкнулось с пульсаром, загорелось и взорвалось в воздухе на полпути между нами.

– Ну ты даешь… – протянула я, и все разочарования моей жизни прозвучали в этой фразе.

Кажется, маг страшно смутился оттого, что я поняла: он действительно пытался меня убить или как минимум ранить. Горди оцепенел – на полмгновения, – и мне этого хватило, чтобы напрыгнуть на него, сбивая с ног. С размаху я ударила Гординиуса локтем по виску – и альбинос обмяк, уронив голову набок.

– Отпусти! ОТПУСТИ! – раздались истошные крики Ринды Шаграух.

Я скатилась с Гординиуса и подняла глаза.

Это Мелисандр Кес тянул Ринду за ноги вниз. А «богиня» – за ворот – вверх. И странное дело: Ринда и сама уже держалась за женщину – на ощупь, слепо, – а вот от Мела отбрыкивалась изо всех сил.

– Тебя похищают, ау! – убеждал девчонку саусбериец.

Учитывая, с какой скоростью леди-в-плаще набирала высоту, он тоже вот-вот должен был взлететь.

– Это *мой* выбор! ОТСТАНЬ! – шипела Ринда.

– Готова ли ты, Ринда Шаграух, вступить в новую жизнь? – женщина повторила ту же фразу, что и Гординиус пять минут назад.

– ДА!

Женщина в балахоне взрезала кинжалом повязку на затылке Ринды, отпустила клинок падать и сложила пальцы в щепоть для заклинания.

В душе у меня будто что-то обрушилось: то, что Мелисандру сейчас не поздоровится, казалось непреложной истиной.

Но вдруг время замерло.

Вообще замерло. На всей поляне.

Удивленный комар – один из первых в этом году, – уже пару секунд как топчущийся на моем носу, застыл, балансируя на одной ножке.

Незадачливая культистка, пытающаяся надеть штанину и в итоге обреченно падающая на границу костра, зависла под лихим углом, гравитации не по нраву.

Дама в воздухе замерла. Ринда, искривив рот, гордо повторяла свое опрометчивое «да». Мелисандр вцепился в нее и морщился оттого, что ноги девочки бьют его по груди.

Я поняла, что и сама не могу шевельнуться. Совсем. Даже моргнуть.

Краем глаза, однако, я увидела Анте Давьера: он бежал к костру с противоположной от нас стороны – и теперь так же замер, одна нога в воздухе, одна рука… опрокидывает в горло пузырек с кровью Рэндома.

Отлично. Хранитель стащил мою заначку.

– Тинави, Мелисандр, я знаю, что вы слышите меня, но не можете ответить, – раздался в мозгу холодный голос Теннета. Сам он оставался недвижим. – Я заморозил время. Увы, запаса крови не хватило на то, чтобы дать нам двигаться в заморозке. Только нашим мыслям. Поэтому, Мелисандр, слушайте. От этого зависит ваша жизнь. Судя по положению пальцев этой стервы, она сейчас телепортируется. Вероятно, в Мудру. Вы держитесь за девочку – значит, вас дернет следом. Мы с Тинави уже не успеем вмешаться. Ваша задача: хотеть последовать за этой тварью. Всем сердцем. Это важно, Мелисандр. Уже сейчас начинайте думать: Я ХОЧУ ПОСЛЕДОВАТЬ ЗА НИМИ. Иначе вас разорвет, ясно? Там, на месте, будьте послушным пленником. Забудьте о том, что вы герой. *Ваша задача – выжить*. Ждите нас. Собирайте информацию. Так, заморозка иссякает. Еще раз, господин Кес: ВЫ ХОТИТЕ ПРЫГНУТЬ С НИМИ. Удачи.

В голове у меня будто хлопнули двумя металлическими тарелками.

Натянутая тетива времени оборвалась. Комар на носу упал замертво, не выдержав напряжения. Полуголая культистка шлепнулась на угли и заверещала. Анте, ругнувшись, неловко восстановил равновесие.

«Богини», Ринды и Мелисандра не было. Нигде не было.

Прыгнули.

Я со стоном закрыла лицо руками.

25. Случай с ревенантом

Прорастает сквозь камни трава —
Так же,
Как прорастает сквозь время память о тебе,
Каждую весну – новая, но не вполне.
Ты сеял не зря, и если
Дрогнула где-то рука —
Ничего,
Трава, что осталась,
Никому не приносит зла.
Заговор, читаемый над убитой нежитью

– Уносим ноги! – емко скомандовал Анте, подбегая к бессознательному Гординиусу Саю.

Я согласно кивнула и примерилась к острым коленкам колдуна, торчащим даже сквозь плотный атласный балахон. Анте сграбастал жреца за подмышки.

Мы, семеня, потащили добычу прочь с поляны. Нас провожали горестные крики немногочисленных культистов: те торчали из тумана, как сурикаты, и громко изъявляли свое недовольство произошедшим. Вмешиваться и спасать «жреца», впрочем, не спешили.

– Костер потушите, удивленные! – посоветовала я, потому что бесхозное пламя уже исподтишка тянулось рыжими языками дальше – к старому пню и аппетитной траве вокруг.

И тотчас спохватилась:

– Анте, может, похитим еще и кого-нибудь из культистов? Допросим, все дела.

– Я смотрю, вы вошли во вкус, – процедил Давьер, перехватывая Гординиуса поудобнее. – Нет, сейчас важнее уйти подальше. Не знаю, как этой гадине, но мне при наличии магии нужна всего четверть часа, чтобы настроить формулу для перемещения в тысячу миль с отложенным возвратом по щелчку. А она вряд ли оставит нам свидетеля.

– Четверть часа? – я удивилась. – Я думала, хранители могут *Прыгать* сколько угодно.

– Мы же не блохи… Плюс не путайте короткий *Прыжок* с длинным перемещением. Для второго по-хорошему нужен полноценный телепорт. В принципе, если магических препятствий на пути не ожидается, можно обойтись без пентаграммы, но формулу нужно подготовить в любом случае. Либо идти через Междумирье, но это сравнимо с забиванием гвоздей имаграфом.

– Хм. А я тогда *Прыгнула* к вам в Хейлонд безо всяких формул. И обратно тоже.

– Вам повезло с донором. Рэндом использует людей как одноразовых фамильяров – часть нагрузки при перемещении ложится на них. Поэтому, думая о вас в гостинице, я как бы проложил вам маршрут, сделал за вас бóльшую часть работы, не благодарите. Надеюсь, профиль летучей «богини» – не телепатия. Иначе неважно, как далеко от костра мы уйдем: она все равно переместится прямо к нам, и вечер перестанет быть приятным…

– По-моему, он *уже*!.. – вздохнула я. – Но разве для *Прыжка* к человеку надо быть телепатом?

– Если вас разделяет меньше ста метров – можно просто *Прыгнуть*, при условии, что вы знакомы. На дальнее расстояние телепатия не нужна, а вот эмоциональная связь должна быть обоюдно сильной, своеобразное торжество взаимности (не советую пробовать без необходимости: можно не только разочароваться, но и бесславно расщепиться). *Прыгнуть* к чужаку, не будучи телепатом, невозможно… А вообще, что-то я не помню, чтобы я нанимался к вам в наставники, Тинави, – вдруг сам себя перебил Анте.

Я вздохнула, но не стала огрызаться в ответ.

Как ни крути, Давьер разбирается в магии и Расширенных Правилах Вселенной куда лучше, чем все мы, вместе взятые. И, судя по тому, что хранитель еще не смеется, как гиена, издевательски вскрикивая: «Это, что ли, та самая ”богиня”? Хрень это, а не богиня! Дайте колбу, надаю ей по щам», – то леди из костра представляет проблему.

А когда у проблемы в плену твой друг, ерничество неуместно.

…Обоюдно сильная эмоциональная связь, значит. Вот что ты проверял, Полынь, в день, когда я ловила горгулью. Что ж… Учтем.

В груди у меня как-то странно потеплело от этих мыслей.

Мы с Анте, пыхтя и сопя, преодолели очередной овраг. Впереди показался тракт, ведущий в Шолох. У дороги стояла каменная скульптура монаха, который одной рукой поддерживал столб-указатель, ощерившийся табличками, как палица гвоздями, а в другой держал магфонарь.

– Я, конечно, понимаю, что фонарь помогает читать надписи в темноте, но гуляй я тут одна и увидь монаха с лампадой – умерла бы от разрыва сердца, – поделилась я. – И что потом?

– Кладбище близко, не страшно, – «успокоил» Анте.

Вскоре дорога превратилась в мост, пересекая лесную реку, и мы остановились, чтобы всласть напиться и поругаться.

Потребность в скандале мы ощутили одновременно – а это первый признак удачного партнерства. Ссорились самозабвенно, так, что искры летели: мы, ухватившись за крохотный повод, будто пытались взбодриться перед полутора часами пешего хода. Ибо кебы по ночам не ездят в Призрачной Роще.

Анте взбесил меня своей очень странной логикой: той самой, что посоветовала ему стащить пузырек с кровью, но почему-то не с каминной полки – заранее, – а у меня из кармана, уже на поляне. Хранитель злился на меня по схожей причине: мол, за каким прахом я взяла с собой на ночную вылазку только одну склянку? Надо было больше! Больше, прах побери!

– Анте, да над этими культистами хохочет вся столица! Я не думала, что произойдет что-то опасное! – оправдывалась я.

– Хорошеньким девушкам можно вообще не думать, но вы вроде хотели от жизни большего, чем роль свиноматки! – шипел Давьер, укладывая Гординиуса на обочину, густо поросшую крапивой.

Красный молодец поутру будет. То ли Анте не разбирается в травах, то ли знает толк в мелком гадстве.

Вдруг над дорогой вместо ветра повеяло холодом и болью.

Сзади донесся шелестящий, обиженный голос:

– Оставьте… Жрец… Смерть… Месть…

Я резко обернулась, спугнув мотыльков, облепивших мой аквариум с осомой. На дороге, слабо поблескивая в лучах луны, появился призрак десятилетней девочки.

Стерва Бетти!

Мне казалось, кладбищенские жители отстали от нас еще до кострового побоища, но… Видимо, не все.

– Это еще кто? – поинтересовался Анте, окидывая зеленоватую девчонку недобрым взглядом.

– Виновен… Убийца… Ненавижу… – продолжал бормотать призрак, плавая вокруг нас кругами, как акула.

Слова текли из Стервы Бетти волнами – то громче, то тише, а сама она медленно разгоралась, как вечерняя заря, вернее – как отражение зари в пруду. В отличие от нормальных привидений, в груди у Бетти не было искры – точнее, ее слабого, посмертного огрызка.

Еще у нормальных привидений обычно видно причину смерти – ну, знаете, отрезанная голова, меч в животе, искаженное лицо, если в деле участвовал яд. У девочки же – ничего…

О, прах!

Беру последние слова обратно.

Проморгавшись, я увидела (а может, новая, «набранная» плотность призрака позволила это), что девочку пополам, от макушки вниз, пересекает тонкая черная леска. Это не девочка, а две половинки девочки, состыкованные очень близко. Как будто ее… расщепило. Разорвало.

Ровно так, как бывает при неудавшемся Прыжке.

«А что, если после *того раза* Жрец больше не хочет проводить Ритуал Вознесения? Девочка погибла, и…» – вспомнились мне недавние слова одного из культистов.

– Бетти! – меня осенило догадкой. – Это ты участвовала в предыдущем ритуале?

– Да… – ответил призрак. – Жрец обещал… Будет нормально… Солгал…

– Значит, ты из Тернового замка? Ты хотела попасть в Луговую школу?

– Да… Но я… Испугалась…

– Почему ты поселилась на кладбище, а не на болотах?

– Бэльбог… Не пустил… Не любит мертвых…

По щекам девочки – тоже теперь уже почти материальным – потекли такие же до странности реальные слезы. Она больше не летала, замерла посреди дороги. Я встала перед ней, как бы нечаянно закрыв собой бессознательного Гординиуса, к которому были устремлены глаза призрака, светящиеся зеленым огнем.

– Тинави, а вы еще долго с ревенантом общаться собираетесь? – ядовито пропел Анте.

Судя по звукам за спиной, хранитель поднял с земли Гординиуса и как-то неловко перекинул через плечо, на манер подстреленной лани.

– Последний вопрос. – Я облизнула губы, понимая, что и впрямь с такими темпами у меня остается всего одна реплика.

Потому что да, Бетти определенно являлась *ревенантом*.

…Привидения бывают разные – минутка «Доронаха» к вашим услугам. Даже полминутки, учитывая обстоятельства.

Есть призраки, которые сохраняют полное сознание и память. Для них смерть не сильно отличается от жизни: обычно они с комфортом устраиваются на чьем-нибудь чердаке или в спальне (зависит от наглости). Когда такой призрак устает от посмертного бытия или же выполняет миссию, ради которой остался, – он может *уйти* навсегда, дождавшись последней октябрьской ночи.

Но есть и другие – ревенанты.

Их в нашем мире держит лишь одно: месть. После гибели ревенанты почти лишаются памяти. К ним сложно подойти: отталкивают болью. Они бродят в полубреду, обычно возвращаются к своему дому и стонут там, и злятся, потерянные и не понимающие, что делать, лишь твердящие свое имя, как молитву. Энергия ревенанта спрятана в нем до поры до времени: до того момента, пока он случайно не столкнется с виновником своей смерти.

Кстати, да…

– Почему ты хочешь убить именно жреца, а не богиню? Может, лучше на нее откроешь охоту – и заодно скажешь нам, кто она? – спросила я девочку.

– Не знаю ни о какой богине… Жрец выбрал меня, привел… Сказал: верь, и все получится… Завязал глаза… Я испугалась… Кто-то тронул… Не получилось… – пробормотала Бетти.

И полностью, эх, *воплотилась*.

Потому что – последняя деталь в портрете ревенанта, – когда он окажется рядом с целью, он соберет воедино всю до того копившуюся энергию и станет чудовищем.

Чудовищем на вечерок, для одного человека. Равнодушным к остальным. Монстром, который исчезнет, убив злодея. Или умрет в схватке – если кто-то вызовет его на бой вместо намеченной жертвы.

Прикусив губу – воздух наполнился чужой болью, пробирающей, как морозные иглы, – я смотрела на то, как обрастает плотью и странно выворачивается тело Бетти. Суставы гнулись и ломались с хрустом, на удлинившихся руках пальцы отрастали, как у ящериц, сквозь голову пробились ветками два крученых, уходящих назад рога, а рот превратился в жвалы.

Прах. Меня трясло оттого, что я ничего не могла сделать для Бетти. Для той, настоящей Бетти, умершей при *Прыжке*.

– Мне жаль… – тихо сказала я.

В ответ нежить, чернее черного, вскинула к небу морду и засипела, обозначив начало охоты.

– Я побежал, – кратко сообщил Анте и действительно побежал, судя по скрипящим доскам моста.

Ранее это не имело смысла: призрак бы нагнал мгновенно – легче ветра, он даже не нуждается в телепортации. А вот нежити придется попотеть, пошевелить ручками-ножками.

– Догоняйте, что встали? – рявкнул у меня за спиной Давьер, но я не обернулась.

– Не убежать нам от тебя, да? – спросила я ревенанта дрожащим голосом. – Ты быстро бегаешь… Очень быстро бегаешь, хорошая девочка…

– Аргх! – жвалы клацнули у меня перед носом – «отойди!».

Усики нежити, капая какой-то слизью, приблизились ко мне, изучая.

– Хоро-о-о-ошая девочка… – продолжала я, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле, мешая дышать.

Шипя, ревенант на выгнутых в обратную сторону ногах попробовал меня обойти. Я упрямо двигалась параллельно ему. Мысли тоже двигались. Параллельно решениям.

Я не могу вступить с ревенантом в схватку – не голыми руками, это идиотизм. Я не могу сделать шаг вбок с театральным «оп-ля!» и предоставить Гординиуса на растерзание твари. Даже Анте, король всех циников, понимает, что так нельзя. Я не могу больше задерживать нежить разговорами – собеседники ее не интересуют.

Впрочем, стоп.

Как всегда говорил магистр Орлин: «Перестаньте думать о препятствиях и начните – о возможностях».

Так-с…

Все еще не давая нежити пройти, отвечая шагом на каждый ее шаг – *какая настырная человечишка, не разойдешься,* – я сменила фокус мыслей на оптимистично-самоубийственный.

Я бегаю быстрее, чем Анте с Гординиусом на руках, – можно ударить тварь, вызвав на бой, и рвануть в обратную сторону. Плюс: перекину ответственность на Теннета, ведь тогда ему придется меня спасать. Минус: как он сказал, «кладбище близко, не страшно». С Анте станется изобразить, что он не заметил смены кадра.

Но, добежав куда-то, я могу найти там союзников. Попросить, что ли, культистов о помощи, а то мало им приключений на вечер? Хотя нет, культисты опять штаны потеряют, зато…

Точно!

Идеально!

– Бетти, не смею задерживать, – я отвесила нежити полупоклон и отошла, пуская ее вперед. Там, вдалеке, странно горбатилась улепетывающая фигура Давьера, утяжеленная длинными конечностями волшебника, свисающими по сторонам.

Ревенант, уже уставший от моего общества, с предвкушающим сипом шагнул в ту сторону, но я, сорвав лассо с бедра, зацепила им витой рог твари.

Бетти дернуло назад. Я затянула петлю туже, так, чтобы ревенант взвизгнул и, после секунды осмысления – было видно, как перекатываются желваки, – бросился уже на меня.

Я метнулась прочь от моста, обратно.

Это всего лишь тренировка. Беги-беги, Тинави. Все нормально. Цель недалеко! Пятьсот метров. Четыреста. Триста. Где-то вдалеке мне почудился удивленный вскрик Анте («Вы окончательно чокнулись, Страждущая?!»).

Ревенант бежал тяжело, грузно наваливаясь на размякшую ночную дорогу, застревая в ней длинными пальцами ног. Я же волновалась не столько за скорость, сколько за идею в целом…

Потому что вся она основывалась на единственной фразе, брошенной камераром Варроком Хасилиусом в день, когда я получила свой тридцать третий кабинет: *«Еще одну скульптуру со знаком спирали – монаха – я видел на дороге у Призрачной Рощи».*

Лишь бы это была та самая!..

– *Сэр!* – я исказила голос в *Просьбе* заранее, едва приметив тусклый свет лампады в тумане. – Сэр! Пожалуйста! *Помогите!*

Мысль о том, что будет, если скульптура монаха не оживет, разжигала панику. Пятьдесят метров… Двадцать…

– Сэр монах! *Защитите*… э-э-э… дитя церкви от страшного монстра, прошу вас, *пожалуйста*!

Только сверчки поют на обочинах да сипит сзади нежить.

– *Бездействовать – ГРЕШНО*! – наконец рявкнула я, надеясь не только на *Просьбу*, но и на авторитет Ноа де Винтервилля.

И – да.

Свет дрогнул в белом тумане.

Я вихрем промчалась мимо монаха, который, со скрежетом отбросив фонарь в сторону, выпрямился посреди дороги, встречая нежить со столбом-указателем, вытянутым на манер копья.

– Спасибо! – выдохнула я.

Надо запатентовать игру «Передай защиту».

Монах сражался быстро, ловко для камня: все время перемещался, не разгибая ног, делал широкие взмахи шипастым столбом, сначала обороняясь, а потом – уже нападая на ревенанта. Нежить клацала жвалами, прыгала, шипела, пыталась достать его то тут, то там, но каждый раз железный указатель преграждал ей путь.

Наконец ревенант, пронзенный насквозь, сначала с сипом завалился на дорогу, содрогаясь, а потом тихо растаял, как пепел на реке.

Монах невозмутимо поднял свой фонарь и принял прежнюю позу. Кончик носа отколот, щерится совсем не благостно. Указатель залит багряной кровью чудовища, не спешащей исчезать.

Да… Теперь в ночи это выглядит *еще хуже*.

* * *

Когда к нам добрался Анте, я читала старинный заговор над светящимся пятном, оставшимся на дороге после ревенанта.

Этот заговор не таил в себе колдовства, он скорее был древней традицией, данью уважения к тем, кто *ушел* и уже не вернется. Напевом, брошенным на жернова бесконечности.

– Тинави, перестаньте оживлять скульптуры! – зашипел, перебивая меня, Давьер. – Вселенная построена на балансе, здесь нельзя бесконечно брать!

– Я знаю это, Анте, – я нахмурилась.

– И тем не менее прибегаете к поддержке статуй, не пойми чьих! Какого черта! Запомните: зачастую, чем легче вам оказывают помощь, тем большее потребуют в ответ. Оказать человеку услугу – сделать первый шаг к приобретению раба в его лице!

– Мне кажется, баланс вселенной не столь прямолинеен, – возразила я. – Помогая другому, ты можешь заработать этим некие бонусы в иных областях. И наоборот: не обязательно расплачиваться по долгам в том же окне, где брал заем. Мир интереснее банка.

Анте гневно выдохнул и наставил на меня указательный палец:

– Глобально – да, вы правы! – сказал он с такой интонацией, будто подразумевал обратное. – Но в повседневности никто не хочет рассуждать на этих уровнях. Поэтому для малых связей применяют классическую, упрощенную механику: берешь у кого-то – расплачивайся с ним же. Грубо, но эффективно. Плодить должников «на будущее» любят и люди, и боги, и скульптуры. Далеко ходить не надо: ваш Полынь на этом строит половину коммуникаций. Я. Рэндом. Карл. Так что завязывайте со скульптурами, черт бы вас побрал! Просто спрашивайте себя иногда: а не фигню ли я собираюсь сделать? И если фигню – не делайте! Элементарно!

Я поморщилась, но кивнула.

И заново, покосившись на Анте, стала читать заговор, плавно двигаясь вокруг серебристой отметки, прикасаясь пальцами то к своему лбу, то к ключицам, то к основанию ладоней – к точкам *смирения*, помогающим *не забыть*. В неверном свете лампады монаха моя тень то удлинялась, то укорачивалась, танцуя на пустынной лесной дороге.

Я думала, Анте снова наорет на меня, потребует немедленно продолжать путь и не заниматься глупостями, все равно не имеющими реальной силы, но хранитель, как ни странно, не возмущался. Он только молча ждал, уложив нашего пленника на траву.

– Тинави! – наконец перебил он меня.

С какой-то непривычной интонацией.

Я обернулась. Половина лица Давьера была в тени, глаз черным колодцем темнел под упавшими волосами. Другая половина – на свету. Сосредоточенная. Бесстрастная.

– Считайте, я вам этого не говорил, но главную строку этого заговора – «*ты сеял не зря*» – вы должны повторить рефреном, – хранитель туго сплел руки на груди. – На стародольнем, нитальском и шэрхенлинге. Так правильнее. Да, в этом заговоре нет магии, но есть *милосердие*. Отчего мертвым больнее всего? Оттого, что они *ушли*, а мы *остались*. Мы должны показать им, что они тоже здесь. Они живы, живы в чем-то!.. *Не забыты*. И эта строка на трех древнейших языках Лайонассы достучится до их искр, где бы они ни расцвели вновь, угаснув здесь. И утешит их. А просто стародольний – пшик… В нем не хватит глубины, Страждущая. В нем не хватит веры.

– Но… – Я запнулась. – Анте, я не знаю, как сказать это по-нитальски. В Шолохе его не учат, это прерогатива островных народов.

– О господи!.. Повторяйте за мной.

Анте медленно произнес певучую, звучную строку. Я – за ним. С первой попытки получилось не идеально. Анте повторил. Я тоже…

– И ваши шаги, Тинави. Вы должны *идти* так же, как *звучите*. Плавно. С определенным ритмом.

– Вот так?

– Нет, вот *так*.

– Правильно?

– Уже лучше.

Ты сеял не зря.
Ты сеял не зря.
Ты сеял не зря.

И в какой-то момент звучание заговора в моих устах неожиданно стало чем-то *большим*, чем прежде.

Над полночной дорогой Призрачной Рощи пролетел тихий вздох, и где-то там, в ночном океане давно позабытой планеты, где снова зажжется угасшая ныне искра, волна серебристой вуалью нашла на пустынный берег…

И зашептали деревья. И поклонилась луне трава.

Лампада монаха ярко вспыхнула на мгновение – и угасла. Только два аквариума с осомой, стоящие на земле, остались мерцать.

Я медленно перевела взгляд на Анте. *И вот это – не магия? Серьезно?* Давьер стоял, вновь скрестив руки, и смотрел на меня исподлобья с очень странным выражением лица. То ли ненависть, то ли горечь были в его глазах – хотя, честное слово, ни то ни другое не казалось мне уместным здесь и сейчас.

– Спасибо, что научили этому, Анте, – искренне протянула я.

Хранитель неожиданно выругался сквозь зубы:

– Ничему я вас не учил.

– Но…

– Ничему. Я вас. Не учил. И не вздумайте рассказать об этом хоть кому-либо, Тинави.

Пока я растерянно смотрела на него – но ведь только что все было замечательно? – Анте взвалил нашего пленника на себя и побрел прочь. Я перевесила один из своих амулетов на скульптуру монаха – *камень к камню, в благодарность* – и побежала за падшим хранителем.

Мы молчали всю дорогу до пещеры Смеющегося, и, хотя Анте был похож на колючего и не пойми почему невероятно злого ежа, мы все-таки оба чувствовали, что это была какая-то новая, какая-то странно важная тишина…

26. Дело пошло по шувгею

Импровизация – это сумма накопленного опыта, вырывающегося хаотически.
Полынь, Старший Ловчий

Дома у Дахху никого не было. Пещера, уютно пахнущая кардамоном и яблоками, встретила нас лишь приветливыми огоньками гирлянды над крыльцом.

Видимо, ребята все еще проводили ритуал. Или праздновали его удачное завершение. Или – плохой вариант! – скорбели о провале, что, вероятно, выражалось бы в срочном закапывании трупа Марцелы и хладнокровных попытках замести следы…

Я вздрогнула и одернула саму себя: не дай небо накаркаю!

Анте, войдя в пещеру, гневно перебросил Гординиуса через порог. Когда хранитель понял две вещи – то, что колдун не спешит очнуться, и то, что я не спешу помогать, – он стал обращаться с пленником не слишком аккуратно. Я мысленно дивилась ударной мощи своего локтя, столь качественно «выключившей» мага, но потом сообразила: Гординиус испокон веку еще крепче, чем я, пренебрегал режимом.

Видимо, пользуется случаем: спит.

Я стала копаться в кухонных ящиках. Душка Дахху снабжал все наклейками в жанре заботливой бабушки: «тумба для сладостей», «инструменты», «полезные мелочи». Мило-то оно мило, но вот почему веревка нашлась рядом с мылом в разделе «если день не задался» – это вопрос, требующий разбирательства.

Я кинула моток Давьеру, и тот стал тщательно привязывать Гординиуса к стулу возле камина, пока я разжигала огонь. Едва хранитель закончил, как Сай слабо дернулся. Мы с Анте рывком подтащили к нему две табуретки и с размаху плюхнулись на них.

Когда альбинос открыл глаза, ему предстала ожившая классика жанра: плохой и хороший детективы. Хотя нет. Учитывая, что я все еще злилась из-за биты, а Анте – из-за вынужденной переноски тяжестей, мы оба были плохими.

– Привет, Гординиус! – Я забросила ногу на ногу. – Ну что, сам расскажешь, как ты дошел до жизни такой – продавать сирот богине, или тебе помочь? Я зимой прослушала спецкурс «Пытки и Как Собрать То, Что Осталось от Клиента», а потому умею выбивать правду.

Гординиус посмотрел на меня так недоверчиво, что я поспешно ткнула пальцем в Анте:

– А если меня пробьет ностальгия, то есть он. Поверь, ему все фиолетово. Порежет тебя на куски и даже не моргнет.

– По опыту, если кровь в глаз брызнет – моргну, – педантично уточнил Давьер.

Поправочка: плохой и очень плохой детективы.

Гординиус криво усмехнулся:

– Вы даже не представляете, что натворили, – сказал он, упершись в меня своим белесым странным взглядом, карманной зимой, спрятанной в радужной оболочке. – Явившись на костер, вы многим подписали смертный приговор.

– Такой же, как ты – Стерве Бетти?

– Нет. Такой же, как ваши Ходящие – Эрику.

Я непонимающе нахмурилась.

Гординиус хохотнул:

– Вот-вот. Я хотя бы знаю имена тех, кого убил, – прорычал он, резко качнувшись вместе со стулом вперед. Будто хотел ударить меня головой.

Я рефлекторно отшатнулась, и эта слабина стала сигналом для Анте: можно перехватывать инициативу.

Хранитель сграбастал альбиноса за грудки и хорошенько тряхнул – лишь ножки стула дробно ударились об пол:

– Хватит ныть! Что за богиня?! Выкладывай!

– И не подумаю! Если сопротивляться ей – будут еще жертвы. Хватит смертей!

– Да мы еще не начали! – Анте залепил пленнику хлесткую пощечину. – Кто эта стерва?!

– Не скажу!

– Скажешь! Вопрос – после потери какого органа?

Удар. Сай сплюнул кровь из разбитой губы. Я, мигом забыв свои «пыточные обещания», оттащила от него Давьера, взбесившегося, как разъяренный песец.

– Горди! – увещевала я. – Ты же сам хотел поговорить в Безлунном театре!

Колдун, тяжело дыша, покосился на Анте и наконец кивнул:

– Да, хотел. Потому что мне перестало нравиться то, куда все это идет. Я решился на тайное предательство – собрался объяснить тебе, что происходит, чтобы вы могли реагировать на последующие события, минимизируя урон. Ведь изначально никто не должен был умереть. Но когда ты взяла в театр Ходящего, я понял, что допустил страшную ошибку, и…

– Да не Ходящий это был! – взвыла я. – Просто маскарадный костюм случайной дамы! Зачем мне приводить к тебе теневика, сам подумай?!

Голос Гординиуса сочился ядом:

– Но ведь именно они ищут ее Виров, не так ли? – процедил он.

Ее Виров.

Эта фраза грянула как гром среди ясного неба.

Ее Виров.

– В ее руках даже дети страшны, – сказал Гординиус Сай.

Я побледнела.

Анте озадаченно двинул бровью – ох, да вы же ни праха не знаете, господин Давьер, о новостях нашей столицы, что уж поделать…

Глядя на пляшущее пламя в камине – костры, везде костры, – я растерянно опустилась на табуретку.

В моей голове бешеным калейдоскопом крутились обрывки разговоров и размышлений последних дней, касавшихся обратного отсчета в столице.

Столько деталей. Такая большая мозаика – хоть весь холл Иноземного ведомства ею укрась – поди разберись сейчас…

«Ставки высоки, а теракты, ты уж прости, какие-то дурацкие… Незрелые». «В поведении этих Виров умные шаги сочетаются с очень глупыми». «Послания Вира были написаны со страшными ошибками». «Где в Шолохе есть такой песок?.. Он как будто из Мудры, что, мягко говоря, нереалистично». «Это не похоже на бывших Ходящих, хотя у террористов точно есть запредельные Умения».

Все это действительно подходило под историю с богиней и детьми.

– Почему они подписываются как «Вир»? – отчего-то первым делом вырвалось у меня.

Гординиус, чья губа продолжала кровоточить, криво улыбнулся.

– «Верность и разум», – объяснил он. – Девиз на воротах Тернового замка… А еще вир – это речной водоворот, затягивающий трусов и лжецов, что наводнили королевство. Удивлена, Тинави? Ты спрашиваешь, кто она? К чему ведет все это? О нет, этого я теперь не расскажу. Из-за вашего явления на костре все пошло по шувгею! Когда Эрика ранили, я попытался излечить его с помощью зелья из Лунного хранилища, но ничего не вышло. Я разозлился, я захотел предостеречь вас, рассказать тебе обо всем. Но ты пришла на встречу с Ходящим – и я передумал. Я решил все-таки довести свою роль до конца, но тут вы вмешались в открытую, и теперь она знает, что вы подобрались близко, и она может объявить вам войну, а в войне против нее у вас нет шансов. Дети злы. Горюют – из-за Эрика, называют вас врагами уже не

в шутку, а искренне, от всей своей боли. Все складывается не так… Я больше не хочу иметь со всем этим ничего общего; но еще сильнее я не хочу умирать. Так что сейчас я предпочту защитить себя. И вас. По старой дружбе, Тинави, – неожиданно закончил он свой монолог.

Не успела я открыть рот для новых вопросов – о, у меня их было много! – как с улицы донеслись возбужденные голоса и громкий, заливистый смех.

Две пары ног топали по гравийной дорожке, и два знакомых интонационных рисунка – «бу-бу-бу» Даххy и «уахаха- уахаха» Кадии – сплетались в весьма оптимистичную беседу.

Дверь в пещеру распахнулась.

Первой шла Мчащаяся – задом наперед. Она бурно жестикулировала и трясла указательным пальцем перед лицом улыбающегося Даххy, следующего за ней.

– Я хочу повторить это, прах побери! – смеялась Кадия. – Ты прав: мы не зря стояли в очереди, катание на полуночных гондолах – это лучшее развлечение, и неважно, турист ты или шолоховец! Как я могла игнорировать такие простые радости все эти годы?! А тебе самому-то понравилось?

– Конечно, Кад, – Даххy улыбался ей теплее и мягче, чем обычно. – Я бы не звал тебя, если бы не считал это прекрасным делом.

– Тогда точно повторим! Можно будет взять ночной маршрут, заканчивающийся у дома Анте, – решительно продолжала подруга. – Ввалимся по окончании к нему – я с удовольствием погляжу, как в нем будет бороться расположение к тебе и холодность ко мне при попытке решить, пускать ли нас на порог, пока он сам в халате!.. Я уверена: выбор будет мучительным!

– И я тебя люблю, Кэйди, – сумрачно отозвался вышеупомянутый, поправляя манжеты заляпанной кровью рубашки.

Ребята подскочили аж до потолка, причем Мчащаяся в полете по-кошачьи развернулась на сто восемьдесят градусов.

– Тинави? Анте? Гординиус? – обомлел Даххy, узрев у себя дома незваных гостей.

Я уже шла к нему, желая шепнуть пару слов о сложившейся ситуации; выдать некое либретто к странной пыточной опере, развернувшейся в свете зажженного очага, однако…

Однако, господин Гординиус Сай не позволил прервать свое шоу. Наоборот, устроил кульминацию.

Зараза.

То, что «дело пошло по шувгею» – хороша пустынная цитата! – я поняла по вытянувшимся лицам друзей и странным звукам сзади.

Когда я оглянулась, колдун-альбинос закинул голову назад и что-то судорожно, с усилием глотал. Анте, увидев неладное, схватил пленника за подбородок и пробовал разжать ему зубы с криком:

– Плюй! Плюй, ублюдок!

Но из ноздрей и изо рта мага уже пошла черная пена – обильная, грязная, как прибой на вулканических островах Б'хала. Глаза волшебника закатились; ботинки выбивали чечетку; кожа быстро стала синеть; воздух вокруг наполнился странным дурманом.

– Горди! – ахнула я, намереваясь броситься к Саю – помочь.

Но мне не дали.

Даххy вдруг схватил меня за локоть – с невиданной для него жесткостью:

– Не подходи! – Меланхоличное лицо друга, бывшего лекаря, оказалось неожиданно сосредоточенным.

– Чт-т-т-то за наххххрен?! – запаниковала Кадия, потому что к этому моменту уже и Анте Давьер, внезапно поднабравший оттенков тьмы и изошедший пеной, с грохотом упал на пол и стал судорожно, эпилептически дергаться в опасной близости от острых камней и жаркого пламени очага.

Мгновение спустя упал Горди, вместе со стулом. От двух трясущихся тел в нашу сторону быстро ползла по воздуху черно-синяя вуаль. Как облако кристалльной пыли, как смутная моровая угроза Средних веков…

– Обе! Быстро! Вон из пещеры! Найдите Полынь! – приказал побледневший Дахху. Тон и лицо у него были такими, что не возразишь.

Пока мы с Кадией по очереди вываливались в ночь, Дахху вдохнул чистого воздуха у порога, и, задержав дыхание, сначала оттащил на матрас две жертвы неведомого яда, сам постепенно синея, а потом обернулся, чтобы заклинанием закрыть и запереть за нами дверь в пещеру. Мы стояли снаружи, на крыльце, во все глаза глядя на пепельно-свинцовое облако, поглощающее «Уголок Поэта».

Последнее, что я увидела перед тем, как хлопок двери отсек от нас сцену, была черная пена, водопадом льющаяся из носа Дахху, который заклинаниями спешно тушил огонь в очаге, закрывал окна, колдовал что-то еще в разрастающейся темноте.

Кадия вцепилась мне в руку так, что только эта боль в ладони и убеждала: все происходящее – реально, а не учебная тревога в Лазарете.

Стекла в узких высоких окошках постепенно синели, потом чернели, сообразно тому, как изнутри их подпирал антрацитовый дым – или пар? Или что?

В пещере нам слышался дробный стук зубов, колотьба конечностей об пол и какие-то заклинания, произносимые надсадно кашляющим Дахху; потом – только лишь колотьба… Прежде чем все затихло, на стекле, ближайшем к нам, проступила надпись, сделанная на стародольном языке:

«КАРАНТИН: Ф.Д».

* * *

– Они не мертвы; скажи, что они не мертвы; Тинави, скажи, что они не мертвы, – немедленно! – бормотала Кадия, глядя на то, как постепенно растекаются буквы на запотевшем стекле.

– Не мертвы, – твердо сказала я.

И это было не просто утешением, а фактом.

Ведь Гординиус в своем монологе заявил прямым текстом: он не намерен умирать, он хочет обеспечить себе безопасность.

Да и поступки Дахху, который явно знал, что делает, говорили о спасении людей, а не о суициде за компанию. Если бы он считал, что Анте и Горди обречены из-за черной штуки, он бы не берег их головы от ударов об пол. И, прах побери, если ты писатель и поэт, то вряд ли упустишь шанс сказать какие-то последние слова. Чуть более возвышенные, чем «карантин: Ф. Д.».

Хотя, если ты еще и лекарь…

– Кадия! Отправь птичку Полыни, – я дернула подругу за рукав. – Дахху просил позвать его.

– Боги-хранители… Почему Полынь-то, а не знахарей?! – Мчащаяся стала лихорадочно рыться по карманам в поисках ташени.

Отправив письмо, мы молча сидели на крыльце.

Начался дождь. Внеурочно запели соловьи. Несколько птиц переговаривались с разных сторон. Удивительно, как они прямо во время дождя чирикали свежо и беззаботно. Куда они спрятались, что им так привольно? Или соловьи не боятся воды? Или поют в ночи, купаясь в лужах, острые клювики раскрывая навстречу дождю, и этот горловой клекот – песнь соловья, полощущего рот?

Кадия положила голову мне на плечо. Зеленая куртка подруги переливалась, будто змеиная шкурка, когда на нее попадали капли.

Вдруг из леса выбежала шерстяная белая тень: волк Снежок вернулся домой, почуяв неладное. Еще с середины лужайки он начал скулить, а подойдя, не стал ломиться в дверь, как обычно, но огромным шершавым языком вылизал наши с Кадией руки.

Я откашлялась и спросила:

– Кадия. Пока ждем. Что с Марцелой-то? Вам удалось ей помочь?

– Да, – подруга растерянно кивнула. – Все получилось. Это было красиво. Долину Папоротников на секунду залило магией, знаешь, будто шкатулку с драгоценностями распахнули… Госпожа Марцела внешне осталась совершенно такой же, как была, но говорит, что внутри все преобразилось. А ведь внутри и есть самое главное. Так что завтра она пойдет к королеве – восстанавливать репутацию Дахху…

– Ну хоть что-то пошло по плану, – выдохнула я.

– А где ты встретила Анте? И Гординиуса? И почему он был привязан к стулу? Что вообще происходит?!

Я пообещала рассказать это, когда придет Полынь, чтобы не повторяться дважды. Тем более что рассказ включал в себе пленение Мелисандра, а у нас и так сейчас многовато плохого за спиной.

Думаю, лучше снять с сердца камень, прежде чем навешивать новый. В очередь, господа, в очередь.

Отломив от куста сухую веточку, я стала чертить на разбухшей земле закорючки. Они напоминали вопросительные знаки, перемежаемые схематичными рисунками пламени, спиралей и глаз, что в некотором роде отражало события последних дней.

Терновый замок. Вир. Культ Жаркого Пламени. Все связано. Кто бы мог подумать, прах побери…

Стерев рисунки подошвой сапога, я перевела взгляд на дождь. Крупные капли разбивались о гравий дорожки, о черепицу крыльца, о наши с Кадией макушки, о жестяную бочку и металл качелей. В каждом всплеске мне слышался звон догадок, теснящихся в моей голове.

Теперь они увязывались в единое полотно теории так же, как разнозвучные капли составляли дождь.

Где же ты, Полынь. Нам столь многое нужно обсудить этой ночью…

Я перевела взгляд на Кадию. Подруга задумчиво скребла ногтями руку, на которой больше не было татуировки стражницы. С тех пор как ее санировали, Кадия делала это постоянно.

На розовой коже оставались длинные кровавые ссадины.

– Кад… – окликнула я. – Не делай так. Пожалуйста.

Мчащаяся вынырнула из тяжелых мыслей. Посмотрела на руку, на меня, снова на руку и прикусила губу.

– Я дура, Тинави, – тихо сказала она.

– Вовсе нет. Уж поверь.

– Дура-дура. И не только потому, что в любой непонятной ситуации продолжаю думать об Анте…

Опаньки.

– …но и в первую очередь потому, что захотела вернуться в Стражу. Очевидно же было, что это дурной шаг. Но почему-то мне показалось, что если я хотела чего-то столь давно, то будет глупо передумать.

– Не глупо, – я помотала головой. – Помнишь, однажды магистр Орлин рассказывал нам о ритуале «ноги в реку»?

– Хм. Нет…

«Ноги в реку» было ритуалом, не содержащим никакой магии. Только болезненное и опасное, но чаще – вдохновляющее вглядывание в себя.

Ритуал заключался в том, что магистр Ørлин отправлял тебя, босого, к реке и наказывал не возвращаться до вечера. Ты садился на берегу, опускал ноги в воду и, глядя на то, как течение огибает и обхватывает твои ступни, размышлял о том, кто ты и где сейчас находишься в своей жизни. Не отклонился ли ты от выбранного курса? А если отклонился, то почему. Ошибся? Или тебе уже не нравится то, куда ты раньше шел, и пора осознанно сменить направление?

– Непоследовательность! – помню, возмущались все мы. – Выбрал – иди до конца! В этом суть успеха!

– Нет, – терпеливо отвечал наставник. – Вы путаете темы. Конечно, препятствия не должны заставлять нас отказываться от мечты. Но. Мечты иногда уходят. Нет ничего хуже, чем насильно держать себя в старых рамках, если душа требует обновления. Это приводит ко всякого рода деформациям, болезням. Слушайте себя. Слушайте свое сердце. Если оно начинает биться иначе, не сдерживайте его из упрямства. Не становитесь себе врагом. Перемены – суть жизни. Если вода в реке остановится, она загниет.

Сейчас, годы спустя, я вполне понимаю смысл этого ритуала. Хотя и сама продолжаю стопориться иногда…

Кадия растерянно хмыкнула. Потом запустила руки в волосы и задумчиво взъерошила их:

– Знаешь, а ведь это действительно про меня. На сто процентов. Мне очень тяжело признавать это, но… Да. Я изменилась. Я больше не хочу агрессивно делать карьеру. Не хочу идти по головам, гордясь этим. Не хочу путем интриг добиваться кресла Военного Советника. Вообще не хочу это кресло.

Она вздохнула, положив голову мне на колени:

– Ты была права во дворце: мне действительно нравилось работать с гномами. Наша команда: то, что они полностью принимали меня, пусть я человек и женщина, что для некоторых до сих пор проблема. Еще мне нравилось то, что мы всегда были «в поле», на передовой, и я видела результат своих действий. И то, что командор Груби даби Финн напоминал нам, как важно иметь жизнь и за стенами департамента. «Вы больше, чем ваша работа!» – говорил он. И поначалу это звучало дико, а потом я… поверила. Да, перспективные «кабинетные» должности в человеческих департаментах куда престижнее, но… Зачем мне этот престиж, если вдуматься? Когда мне предложили повышение, я почувствовала замешательство. Пришлось напоминать себе: Кадия, это же мечта детства, ау! Соберись, тряпка! Ну я и собралась… в «Полет бражника». Якобы отпраздновать. Хотя, идя туда, я в глубине души уже подозревала, что сделаю что-то такое, что меня погонят прочь. И даже хотела этого. Потому что сама я не смогла бы отказаться – это казалось слабостью, предательством себя. Хотя в итоге я предала себя как раз обратным… Никогда не повторяй мою ошибку, хорошо?

Кадия замолчала, глядя на меня. Ее прекрасные глаза были яростными и одновременно очень грустными.

– Ты выберешься, – осторожно кивнув, пообещала я. – Поверь: совсем скоро все вернется на круги своя. Точнее, перейдет на новый круг. Который будет даже лучше, чем прежний.

Кадия поморщилась, будто от боли.

Ведь новое никогда не вдохновляет так сильно, как утерянный золотой век, – просто потому, что первое осенено страхами, тогда как второй уже облагорожен ностальгией. Наша память невероятна искусна в том, чтобы оставлять только хорошие воспоминания. Это неплохо, но… Иногда сбивает с толку.

– А у тебя, Тинави? – после паузы спросила Мчащаяся. – У тебя есть что-то такое? Что ты упрямо отказываешься признать?

– Конечно. – Я вздохнула: – Я о стольком молчу внутри себя, что иногда мне кажется, будто эта тишина съест меня под конец. И я буду спать в вихрящейся темноте галактики, и кометы вокруг будут падать беззвучным горящим дождем. Даже смерть иногда кажется проще честности. В совсем уж плохие дни. К счастью, они случаются не так часто.

– Боги-хранители… – протянула Кадия. – Да на фоне тебя я все еще оптимистка.

Я улыбнулась:

– Тебе правда все еще нравится Анте, подруга?

– А что? – напряглась она.

– Просто любопытно. Я думала, все-таки Дахху.

– Не тебе, хорошая моя, удивляться тому, что два человека могут привлекать одновременно.

– Ах ты, зараза.

– Слишком проницательная, да? – скорчила рожу Кад. – Да ладно, мы же шолоховцы: изобретальные, бессовестные и никуда не спешащие. И они такие же. Как-нибудь разберемся!

– Ну-ка, ну-ка, хочу услышать твои идеи на этот счет!..

Кадия засмеялась, а вскоре и я к ней присоединилась.

Такой разговор слегка отвлекал, утешал на фоне огромного колеса неприятностей, изволившего переехать наш милый лесной мирок.

И вот наконец по саду пролетел легкий свист.

На влажной земле появилась цепочка следов лошадиных копыт – сразу вся, от набережной и до крыльца, будто шлепнули единой печатью. Воздух задрожал, и возле нас вдруг затормозила серая в яблоках лошадь – невидимая до того. Кобылка Димпл – а это была она – уныло заржала, как всегда, неправдоподобно спокойная после *Скольжения*, и тотчас потянулась бархатными губами к вьюну, народившемуся у крыльца.

С лошади спрыгнул взъерошенный, пахнущим миндальным мылом Полынь в свеженькой атласно-черной хламиде и фиолетовом плаще. Судя по всему, ташени нашла моего напарника в королевских термах. Его влажные волосы были свернуты в огромный звенящий клубок, а обереги висели на шее одним пудовым, спутанным хомутом.

– Вы в порядке? – полуутвердительно спросил Полынь и, не дожидаясь ответа, запрыгнул на дождевую бочку, стоявшую под высоким окном пещеры.

Он послюнявил палец и нарисовал на стекле какие-то закорючки. Чернота недобро скалилась на Ловчего изнутри. Полынь пробормотал заклятье и сплел кисти хитрой фигурой: клочок света сорвался с его пальцев и с тихим звоном всосался в окно – отправился на разведку.

Полынь следил за его траекторией, приложив руки к стеклу. Потом Ловчий соскочил на землю и шуганул унылую лошадку от вьюна. Мы с Кадией смотрели на него выжидающе, боясь помешать.

Полынь скрестил руки на груди и кивнул:

– Дахху все правильно сделал. Уложил их и лег сам; повысил влажность; запечатал окна, чтобы зараза не вышла, но создал воронку Жинда, чтоб воздух в помещении очистился быстрее. Мне нечего добавить. Завтра можно будет войти в пещеру. Жертвы «Ф.Д.» очнутся примерно через месяц. Или два – зависит от организма.

– Через… месяц? – не смогла поверить Кадия, а я просто замерла с отвисшей челюстью.

Напарник невесело кивнул и сел на крыльцо, деловито втиснувшись между нами. Огромная капля тотчас шлепнулась на его аристократический нос. Полынь рассеянно посмотрел на подтекающее небо, на мокрых нас – и оградил всех троих антидождевым куполом.

Димпл ревниво заржала снаружи. Тогда Ловчий и кобылку укрыл заклинанием.

Из-за клумбы душистого табака тотчас с надеждой выглянул садовый тролль, по чьей зеленой коже капли стекали, будто роса. Но ему не хватило наглости намекнуть об услуге, а

Полыни хватило прагматичности не разбазаривать силу на тех, кто лишь молча надеется на чудеса. Тролль лупоглазо таращился на нас секунд пять, а потом бесшумно исчез в темноте.

Кадия все никак не могла поверить в огромную цифру:

– Месяц!..

– А если мы позовем лекарей? – я нахмурилась: – Они могут помочь с этой… напастью?

– Нет, – Полынь покачал головой. – «Ф.Д.» – то есть «Фейкин Дурман» – не яд и не болезнь. В Лазарете даже не знают о его существовании. Это проклятье, синтезированное на растительной основе. Если нарушить кокон, которым сейчас обросли наши жертвы (плотная синяя паутина, завтра увидите), то оно обернется смертельным токсином для Дахху, Анте и… Кто, собственно, третий?

Под внимательным взглядом Ловчего я замялась, решая, с какого момента лучше начать объяснения.

– Переформулирую, – не дождался Полынь. – За каким прахом вы притащили в пещеру Ходящего?

Интересненький вывод.

И – что ж, эта ниточка не хуже прочих подходит для разматывания нашего клубка.

– Это не Ходящий, а Гординиус Сай, – пояснила я. – А почему ты решил, что он теневик?

Полынь с легким удивлением вскинул брови.

Не отвечая, Ловчий взял мою руку и положил ее себе на щеку. Это было так внезапно, что от неожиданности я брякнула:

– У тебя кожа мягкая. Как у фрейлины.

– Правда? – усмехнулся Полынь, прижимая ладонь сильнее. – Нравится?

– Приятно.

– Эй, я тут еще! – напомнила Кадия.

Я попробовала отдернуть руку, но Ловчий не дал.

– Щупай! – потребовал он и по-рыбьи втянул губы.

Я пощупала. При нажатии на внутренней стороне щеки чувствовалось какое-то уплотнение. Капсула.

– Хочешь сказать, и у тебя есть возможность устроить нам пенную вечеринку с судорогами?.. – протянула я. – Что, капсула с «Ф.Д.» – это очередная хитрость господ Ходящих?

– Да. Эксклюзивная.

– Дайте мне тоже потрогать, – воодушевилась Кадия, охочая до любого нового опыта.

Внемлющий послушно повернулся к ней.

– «Ф.Д.» – это относительно новая разработка Теневого департамента, – сказал Полынь после того, как Кадия старательно изучила капсулу, так же похвалила его кожу и даже попросила подсказать лавку, где Внемлющий покупает мыло. Выяснив, что это традиционное миндальное мыло из терм Дома Ищущих, Кадия с любопытством хмыкнула и окинула Полынь оценивающим, каким-то очень светским взглядом.

– Раньше все было по старинке: цианид в зубе. Но моя тетушка Тишь в годы учебы на Теневом факультете разработала «Ф.Д.». Она была лучшей студенткой курса и все внеучебное время торчала в лабораториях. Многое изобрела. Некоторые антимагические кандалы – тоже ее патент, например. Современные глушилки телепортации. Кое-какие типы сигнализаций.

– Серьезная леди, мы поняли, – вздохнула Кадия, тогда как я напряженно вслушивалась. – А «Ф.Д.»?

Ловчий кивнул:

– Что касается «Ф.Д.»… Идея того, что агенту не обязательно умирать, попав в плен, – можно просто надолго уснуть, заодно обезвредив врагов, – крайне понравилась департаменту. «Ф.Д.» взяли на вооружение. А зашивать в щеку стали потому, что на зубах студенты иногда случайно раскалывали капсулы – когда грызли орехи преимущественно. Но идея в чем: никто,

кроме Ходящих, не знает про «Фейкин Дурман». Иначе смысла в этом секретном оружии было бы немного.

– Ну, здравствуйте! – возразила Кадия. – Вот Дахху знает как минимум.

– Моя вина, – Полынь кивнул. – Я в свое время проиграл Дахху партию в шахматы, а ценой игры была, конечно, информация. Но да, ты права: знания утекают легко. Однако где ваш Гординиус Сай раздобыл саму капсулу? (И вообще, он разве живет не в Иджикаяне?..) Тишь оставила рецепт «Ф.Д.» лаборатории в Пике Волн, а сама дала смертельную клятву неразглашения. Ее невозможно преступить: секрет умрет вместе с теткой.

Я со стоном закрыла лицо руками.

Приплыли! Что и требовалось доказать. Моя интуиция пару недель назад все же не подвела меня. К сожалению.

– Тинави? – Внемлющий ощутимо напрягся.

Не убирая ладоней от лица, я раздвинула пальцы, явив на суд Ловчего свои несчастные глаза.

– Полынь… Мне очень жаль, но, кажется, обстоятельства решили раскрыть тайну террористов-Виров вперед тебя. И подкинули разгадку не кому-то, а мне. И я понятия не имею, что делать. Там слишком много всякой фигни разом. И еще… Один аспект тебе точно не понравится.

По-моему, Полынь уже догадался, что я собираюсь сказать. Чье имя назвать. Но он не спешил перебивать меня, лишь медленно кивнул: *продолжай, пожалуйста*.

Я вздохнула, припоминая, как выглядела туманная женщина из болотного очага – оживший кошмар Гординиуса. Она же – богиня. Она же…

– А у твоей тетушки Тишь, случайно, не один глаз? И нет ли татуировки-креста на скуле?

Полынь выругался и тотчас вскочил на ноги.

– Где ты ее видела и когда? – резко спросил он.

…О да. Это будет долгая, долгая ночь.

27. Глава «Дом у Моря»

Море смеется, разъявивши пену.
Ракушки, чайки, песок – вот вся сцена,
Мальчики ходят вдоль моря – колени,
Локти, глаза… И внутри – море тени.

Обсуждать под дождем всю нелегкую композицию наших загадок казалось дурацкой идеей – и мы решили уйти от пещеры Дахху.

На прощанье Полынь опутал ее отпугивающими чарами, чтобы никто не вздумал случайно побеспокоить трех спящих внутри.

Когда Ловчий завершил охранное заклинание, над скалой эффектно грянул гром, и весь участок Дахху подсветился магией – разноцветные всполохи осели на клумбах, как роса.

Свою лошадь напарник отправил в ведомственные конюшни. Потом Полынь все-таки накрыл антидождевым куполом и садового тролля тоже: тот опять вылез из-за клумбы и долго безмолвно пялился на нас круглыми глазами на лишенном бровей лице.

Я не могла избавиться от ощущения, что часть этих действий Полынь совершает просто для того, чтобы выиграть себе немного времени на размышления. На то, чтобы сразу смириться: мы все-таки играем против Тишь. И только потом обсуждать детали.

Мокрые и продрогшие, мы втроем вышли на набережную реки Вострой, которая начиналась прямо за участком.

Полынь поманил нас к лестнице, спускавшейся в воду. Внизу на слабых волнах покачивался магбот. Мы по очереди запрыгнули в лодку, Ловчий кинул в пасть светящегося хищного цветка монетку и, приложив татуировку к доске-навигатору, сказал:

– Плавучий рынок.

– Но это же близко! – удивилась я.

– Пешком мы дойдем туда быстрее, – поддержала Кадия. – Да и что там делать сейчас? Не лучшее место для обсуждения!

Полынь только приложил палец к губам: *тс-с-с, не торопитесь.*

Лодка поплыла по вьющейся лентой реке. Продолжал падать с неба мелкий холодный дождь. Проведи рукой по макушкам деревьев – наберешь целое озеро. Вся столица как будто тонула, и уличные фонари слегка потрескивали от влаги.

Посередине реки Полынь неожиданно попросил магбот остановиться. Потом Ловчий перевесился через борт и пронзительно свистнул: резкий звук спугнул семейство уток, дремавших на воде.

Два удара сердца – и возле нас вынырнуло несколько ундин.

– Господин Пол-ы-ы-ынь! – восторженно заверещали они, фамильярно облокачиваясь о лакированные края магбота и весело шлепая хвостами по воде.

– Привет, – кивнул напарник, а русалки уже, хихикая, дергали его за одежду, волосы и амулеты.

Мы с Кадией переглянулись. У нас с ундинами были натянутые отношения – как и у большинства представительниц женского пола. Таких, как мы, чешуйчатые леди в украшениях из ракушек предпочитали царапать и топить, когда никто не видит.

Полынь отцепил от себя остренькие пальцы особенно тактильной русалки и попросил:

– Нам нужно уединенное место – ненадолго. Можно к вам?

– Ну как тебе отказать, сладенький! – зажеманились ундины, а мы с Кадией переглянулись куда тревожнее.

Полынь создал вокруг магбота непробиваемый воздушный пузырь, и тотчас пятеро русалок резко дернули лодку за борта.

Магбот рыбкой нырнул под воду, а Кадия, цветок люминарии и я от неожиданности взвизгнули.

– Время ценно! – как ни в чем не бывало объяснил Полынь. – Поэтому мы отправимся в самое близкое из мест, где нас никто не потревожит: закрытое, тихое, под землей.

– Так, может, сразу в гроб надо было? – возмутилась Кадия, но так, скорее от удивления.

Я только головой крутила.

Мы стремительно плыли вертикально вниз – мимо келпи и ойек, ундин и рыбок, утонувших телег, зацепившихся за подводные ивы, и бесчисленного множества золотых монет – подношений туристов, – висящих в волшебных ундиньих капельках, будто золотые фонари.

Подводный Шолох лишь немногим меньше Шолоха-на-земле.

Вскоре вектор движения сменился: ундины потащили нас вбок. Мы достигли стены речного русла и подплыли к пещере, скрытой бирюзовыми водорослями. Ундины, ласковые грузчики, протолкнули нас сквозь этот магический занавес, а сами остались снаружи, посылая воздушные поцелуи. По ту сторону водорослей воды уже не было… Кроме той, что стекала с дна магбота.

Воздушный пузырь лопнул, и мы по очереди выпрыгнули из лодки. Я оглянулась: судя по ошалелому оскалу люминарии, плотоядный цветок впервые подвергся столь наглому похищению.

Мы оказались в вычурно оформленной комнате, похожей на гостиничный номер.

Вся она была какая-то розово-фиолетовая с редкими вкраплениями синего и золотого. В металлическом ведерке у огромной кровати лежала бутылка вина и кусочки льда с замороженными бутонами роз. В углу помещения стояла фигурная ванна, засыпанная лепестками. Шоколадный фонтан с ягодами клубники и голубики бил на серебряном столике в углу.

Пока мы с Кадией ошеломленно осматривались, Полынь деловито прошел к помпезному столу на львиных ножках, достал из его ящика пачку бумаги и писчие перья.

– Ундины в Шолохе держат несколько таких зачарованных комнат, – объяснил напарник. – Их снимают те, кто не хочет, чтобы их нашли. Приватность гарантирована. Как вы догадываетесь, чаще всего сюда приходят для свиданий определенного характера, но и проводить деловые встречи здесь очень удобно. Особенно незаконные. Власти не знают про русалочий бизнес: иначе начались бы налоги, проверки… Я однажды помог неофициально отловить убийцу, который резал высокопоставленных клиентов и, кхм, их спутниц, – и с тех пор ундины пускают меня сюда в любое время.

– Очень… интересное место, – протянула я, не решаясь прикасаться хоть к чему-либо из обстановки.

– Ага. Не переживай, тут все тщательнейшим образом дезинфецируют, – хмыкнул Полынь, правильно истолковав мои сомнения. – Это лучшее из подобных заведений в Шолохе.

– Что ж, тогда не будем терять времени даром! – подытожила Кадия и, набрав горсть благоухающих ягод, упала с ними в бархатное голубое кресло.

* * *

– Нашей теорией можно торговать на воскресном рынке в Играде, – вздохнула я час спустя, ставя на пергаменте очередной знак вопроса. – Очень уж она похожа на кнасский кружевной платок: дыр в ней явно больше, чем шитья. Плохая, в общем, теория.

Полынь зевнул, отложил блокнот, засунул перо за ухо и подлил нам знаменитого русалочьего кофе: жемчужно-синего, с чешуйками сахара на дне и тонким ароматом соли.

Смотреть на русалочий кофе было приятнее, чем пить его, но в три часа ночи не стоило привередничать.

– Ничего страшного, – утешил Ловчий, искоса поглядывая на темно-синие круги под нашими с Кадией глазами. – Разница между плохо и хорошо сделанным куда меньше, чем разница между плохо сделанным и никаким. Отредактировать всегда успеем. Давайте подведем промежуточные итоги.

Все втроем мы сидели в местных пушистых халатах – наша собственная одежда была омерзительно мокрой. Со стороны, наверное, казалось, что у нас некий томный отдых: Кадия, привыкшая брать от жизни все, предпочитала вести следствие из ванны с розовыми лепестками, я развалилась на пушистом ковре в обнимку с подушками, а Полынь перемещался по номеру сообразно уровню напряженности размышлений.

– Мы считаем, – я посмотрела в свои записи, – что твоя тетушка Тишь неким неизвестным для нас образом обрела божественную силу и теперь обитает в Запретном квартале Мудры. Вероятно, где-то там она познакомилась с Гординиусом Саем. Изредка Тишь отправляется из пустыни к нам, но только в предместья Шолоха, а именно – в Призрачную Рощу, где на нее не среагирует маг-сигнализация и твой кровный запрет… Кроме того, судя по всему, еще в прошлом году она украла из Пика Волн кровь Рэндома и теперь с ее помощью наделяет запретными *Умениями* сирот из Тернового замка. Дети думают, что поступают в Луговую школу. Для этого они выполняют какие-то безумные задания на болотах, и тех, кто справляется с ними, колдун Гординиус Сай потом отправляет к Тишь – почему-то обставляя это при помощи ритуала Жаркого Пламени… Часть сирот при этом возвращаются в Шолох, называют себя Вирами и ведут странную, неторопливую, но успешную террористическую игру с обратным отсчетом, водя нас всех за нос. Зачем все это нужно, мы *понятия не имеем*, – со вздохом закончила я.

Полынь опустился на ковер рядом со мной и, проглядывая записи, побарабанил пальцами по подбородку.

– Насколько я знаю Тишь, ее всегда интересовало только одно: безопасность королевства. Перед этой высшей целью все другое меркло – что, признаем, делало тетку безжалостным чудовищем. Логично, если бы после неудачного бунта Ходящих у нее появилась вторая страсть: сильнейшее желание отомстить. Но я уже говорил, что игры Виров не похожи на месть. Слишком слабо, сами понимаете.

– Может, все еще впереди? – прикинула Кадия. – Обратный отсчет ведь не закончился…

– Да, с «тройкой» они не торопятся, – цокнул языком Полынь.

– Гординиус сказал, что из-за архиепископа «все вышло из-под контроля», – вспомнила я. – В капелле не предполагалось битвы, но она случилась, и один из детей погиб… Возможно, поэтому следующая цифра задерживается?.. Или Тишь бы не дала своим воспитанникам такой поблажки?

Ловчий задумчиво и отрицательно покачал головой:

– Не знаю. Я повторюсь, Тинави: это вообще не похоже на план Тишь. Мне легче поверить, что она дала этим детям какое-то задание в общих чертах – мол, наведите шухер тут и тут, это слабости нашей системы, – а потом отправила их в Шолох вместе с Гординиусом Саем, чтобы с деталями они разбирались сами, как считают нужным. Тишь всегда сосредотачивается на большей картине. Весь этот обратный отсчет – точно ширма, но для чего…

Кадия, перебирая розовые лепестки между пальцами, нахмурилась.

– А как вообще твоей тетушке пришло в голову наделить запредельными *Умениями* сирот? – вдруг спросила она. – Да еще и устраивать им некий отбор. И проводить обряды посвящения: готов ли ты к новой жизни и все такое. Что это за чушь? Ей заняться нечем? Я имею в виду – как в принципе такое может прийти в голову серьезному человеку?

Полынь вдруг усмехнулся. Как-то по-доброму даже.

В смысле – он и по жизни не злой, но в последние часы глубокая морщина, залегшая между бровями Ловчего, будто утягивала в себя весь его свет.

А сейчас – на мгновение тень улыбки проскользнула по лицу напарника, будто он вспомнил что-то приятное.

– Ты не поверишь, Кадия, – сказал Внемлющий, задумчиво крутя кольца на своих худых пальцах. – Но это не Тишь придумала. Подобной традиции уже лет триста, не меньше… Иронично, конечно, что дело Ринды Шаграух досталось Тинави уже после ее повышения, и именно тогда, когда я отвлекся на дворцовые загадки. Иначе мы бы разбирали его вместе, как всегда до этого, и я сразу бы увидел: из сирот Тернового замка выращивают Ходящих. Посвященному человеку сразу ясно: процесс отбора студентов в Луговую школу – это калька с конкурса на Теневой факультет…

– Погоди-ка! – цепко прищурилась я. – Я думала, юных Ходящих просто берут из числа знатных, магически одаренных детей. Покупают, увозят, учат?

– Покупают и увозят – это да, – согласился Полынь, устраиваясь на ковре поудобнее. – Но на факультет мы поступаем не сразу – и далеко не все… Сейчас расскажу.

*** * ***

История Полыни про Дом у Моря

…Меня продали в тот год, когда Страна-Смерти-За-Холмами – наша северная соседка – получила свое название: спасибо армии некромантов, усеявшей мирную республику трупами за каких-то несколько дней.

Шолох тогда напрягся, очень. Ходящие видели врагов во всех – превентивно; казни устраивали ежедневно, прилюдно, назидательно, иногда вешали таких безобидных с виду горожан, что люди начинали подозревать самих себя – чисто от усталости и страха.

Мне тогда не исполнилось и шести лет. Я ни праха не знал из вышесказанного. Но как меня продавали – помню.

Сцена стоит перед глазами четко: июнь, в открытые окна поместья летит тополиный пух, похожий на снежные хлопья, и я сижу на паркете у парадной лестницы рядом с Душицей, совсем как бывает и сегодня в дни семейных праздников, но вместо бокалов у нас в руках игрушечные мечи, которыми мы отчаянно пытаемся выколоть глаза друг дружке.

Мы – двойняшки.

И в детстве нам это казалось ругательством: до самого моего отъезда каждый из нас пытался устранить конкурента – без шуток, на полном серьезе. Мы почему-то думали, что, если второй пропадет, первому будет дышаться вольнее. Или в какие там мысли это облекают пятилетки? «Все игрушки будут мои»? Что-то вроде того.

И вот – стучат.

Со второго этажа спускается отец, его за рукав дергает Вереск – ему уже лет двенадцать, он редкий ублюдок, экспериментатор, отрезающий комарам ноги (сейчас возглавляет кафедру Магических Тварей).

Дверь открывается. За ней – вытянутый, как стрела, силуэт в золотом балахоне и маске, с огромным посохом, ростом с отца. Силуэт подсвечен летним солнцем, как нимбом с икон.

– Здравствуй, Цвет, – говорит гость. – Время и нашему Дому расплачиваться с королевством. Я за ним, – и посохом указывает на меня.

Отец побледнел, отшатнулся.

– Он же ребенок! – шепчет. И вижу – в руке уже собирает заклятье.

Златолицый гость смеется:

– Цвет, да ты что! Не на эшафот, конечно. Если бы туда – мы бы не разговаривали, – и голос под маской ласковый, многообещающий. – Твой сын – не проблема, а возможность. Как и все, к чему я прикасаюсь. Возможность для королевства. Возможность для тебя и для других твоих детей. – Золотой гость протянул отцу тяжелый звенящий мешочек. – И конечно, возможность для твоей супруги. А то в этом году очень опасно жить в Шолохе, будучи из рода некромантов…

– Это угроза? – спрашивает отец.

– Это факт, – отрезает маска. – У тебя есть двадцать минут, пока я везу молодого Полынь нужным людям. Потом я вернусь. Надеюсь, единственное, что мне придется тут сделать, – это распорядиться о том, в какие частные школы отправить твоих малюток, раз уж родители исчезли. И сказать Монете, что теперь она – глава Дома Внемлющих.

– Спасибо, Тишь, – шепчет отец, бросаясь обратно на второй этаж, выкрикивая имя моей матери.

А золотая маска потрепала по щеке Вереска, дала щелбан Душице, взяла меня за руку и увела из дома. Деревянный меч волочился за мной, острием чертя след в песке.

Родителей я больше никогда не видел.

…Через несколько недель сурового вида лодочник – его звали Харрон – высадил меня и еще около двадцати ребят на скалистом острове посреди океана – далеко за восточными пределами Шэрхемисты.

На острове стоял дом – мы звали его Дом у Моря. Вокруг росли колючки – кстати, терн, – торчали скалы, ползали гадюки меж камней. В расщелинах утесов плескалась вода, соленая настолько, что глаза от нее щипало месяц. Весь остров был каким-то крапчатым, шахматным – белые отметины птиц на черных камнях.

В доме жили только мы. За нами ухаживали несколько глухонемых наяд-служанок: они выходили из моря на закате, убирались, готовили еду, стирали, а потом так же безмолвно растворялись в рассветной розовой пене морской.

Нам никто ничего не объяснял. Ничему не учил. Не делал замечаний. Это была жизнь, полная странной, ненужной свободы на черном острове среди бушующей воды.

Море было везде. Наяву и во сне. Во сне – особенно. Оно плескало полуночными сновидениями в лицо, и я просыпался от холодных брызг и криков чаек – а может, от криков тех, кого мне только доведется казнить в грядущие годы, а может, от собственных криков, мгновенно тонущих в океане одиночества среди двух десятков ни пепла не понимающих детей.

В Доме у Моря казалось, что мы не нужны никому на целом свете, выброшенные за борт королевства.

Некоторые тонули, случайно или нет. Некоторых съедали местные жители – странные тени, выходящие на охоту по ночам. Я не расставался со своим игрушечным мечом. Потом сменил его на железный, найденный в сундуке на дне моря.

Однажды в Доме стали появляться загадки. Странные знаки. Записки. Блестящие в свете луны дорожки, уводящие в расколотую башню маяка. Некому было объяснять, что это и зачем.

Но чудеса – такая штука… Если ты внимательный и любопытный, ты сам в них вцепишься, не спрашивая разрешения.

А других чудеса и не ждут.

Если умный – ты разгадаешь тайну и двинешься дальше. Если упорный – не бросишь это дело, хотя никто не будет хвалить тебя за его выполнение. Некоторые задания требовали опыта, другие – смекалки, кое-какие – жестокости, которая детям давалась легко.

По ходу дела в тайнах появлялись обещания: о том, что на Большой Земле есть Архимастер, который возглавляет стражей света на службе у короля. Что жизнь этих стражей благородна и достойна восхищения, в их руках – невероятная магия, и у каждого из них есть свое место в королевстве, и роль их важна, так важна, что простые люди не в силах ее осознать;

Архимастер нуждается в своих рыцарях света, Архимастер любит их – ведь без них он не может поддерживать безопасность в нашем мире, полном теней.

Если ты разгадывал все загадки – их было много, очень много, – то тебя из Дома у Моря снова забирал лодочник Харрон.

Он похищал тебя ночью, сажал в свою лодку и долго с тобой разговаривал – собеседование для дикого подростка, разучившегося держать столовые приборы… Если результат разговора ему нравился, Харрон забирал тебя в Шэрхенмисту. Несколько месяцев он проводил с тобой, возвращая тебе цивилизованный вид, заново приучая к людям, и попутно устраивал шикарное полоскание мозгов на тему того, как хорошо посвятить свою жизнь служению.

А потом был ритуал посвящения.

Помню, лодочник завязал мне глаза и руки за спиной и отвел на утес у Шепчущего моря. Там звучала какая-то музыка, пахло костром. Харрон предупредил: «Тебя ждет новая жизнь, Полынь. И она требует веры – в свет, в твою миссию и, конечно, в Архимастера. Если ты желаешь этой жизни всем сердцем, Архимастер придет и заберет тебя. Если сомневаешься, тебя заберет госпожа Смерть. Спрашиваю последний раз: готов?» – «Да!» – крикнул я, и старик толкнул меня с утеса в море.

Помню полет.

Стоило испугаться, наверное, – но я был слишком восторжен и юн. Помню, как я ударился о воду – будто о дорогу. «Мастер, Мастер, Мастер, Мастер!» – думал я, пытаясь всплыть, что со связанными запястьями было непросто. Но я верил, что все будет хорошо.

И да – две руки подхватили меня, выдернули на поверхность, и холодное лезвие ножа взрезало намокшую повязку на глазах. Едва я увидел прекрасное лицо – благородную золотую маску своего Архимастера, как мир вокруг пропал.

Через мгновение я очутился в главном холле Теневого факультета Пика Волн.

Архимастер держал меня за шкирку, как щенка. С меня текла вода, от меня пахло солью, одиночеством, нелюбовью, колючими ветрами, срывавшими черепицу Дома у Моря в шторм; а вторая рука в золотой перчатке сжимала мне локоть, и чудесный голос – не мужской, не женский, потусторонний – говорил: «Ты молодец, Полынь. Ты такой молодец. Я так горжусь тобой».

И несколько десятков людей – детей, подростков, взрослых – аплодировали мне, стоя в умопомрачительно величественной трапезной факультета. С потолка на меня взирало изображение багрового глаза, окруженного пятью кинжалами.

«Теперь ты один из нас, Полынь из Дома Внемлющих, – сказал мне Архимастер. – Добро пожаловать в теневую семью».

* * *

Голос куратора рассеялся под перламутровым сводом комнаты.

Я пошевелилась, выпутываясь из чужой памяти, как из сна, и осторожно глотнула русалочьего кофе. Теперь он казался мне куда ценнее, чем прежде: в его соли мне чудились синие слезы и влажные губы Шепчущего моря, крики чаек в развалинах маяка; веера теней на лице мальчишки, брошенного среди скал…

Кадия, истерзанная волнениями последних дней, незаметно уснула во время рассказа Полыни. Безмятежно подложив руки под голову, подруга лежала в ванне, полной лепестков.

Мы же с Полынью сидели на ковре друг напротив друга. За магической завесой водорослей что-то шептала ночная река, аквариумы с осомой мягко мерцали по углам комнаты.

– Это очень грустно, – сказала я. – И очень красиво. Я много думала о твоем прошлом, Полынь, но не могла представить себе такого. Это был какой-то совсем другой мир, да?

– Да, – улыбнулся напарник.

Судя по его смягчившемуся выражению лица, он и сам не ожидал, как глубоко нырнет в воспоминания со своим рассказом.

– Следующие годы в Шэрхенмисте тоже были… – он помедлил, – своеобразными. Сначала мы учились в Пике Волн, как более или менее обычные дети. Потом путешествовали по миру со своими наставниками – и только в Лесное королевство запрещено было приезжать. Потом возвращались в Пик Волн и снова учились, пятнадцать лет, – уже непосредственно на Ходящих. И с самого детства мы знали, что мы – избранные. Что есть просто мир, а есть Шолох – огромная игровая доска, где мы – игроки, которые должны во что бы то ни стало защитить свое поле от врагов. Ходящие – те, кто ходит по кромке тьмы, не пускает ее в королевство. Безопасность Шолоха была нашей целью, смыслом, ключом к существованию. Это очень странная, дурманящая идея – посвятить себя стране, в которой ты, по сути, не жил, чьих жителей не знаешь и не любишь. Но она так проросла в каждом из нас, так сцепилась с хребтом, что даже мятежные Ходящие до сих пор видят Шолох высшей ценностью, а себя – ее стражами… Ходящие, вернувшись в Шолох после учебы, почти никогда не снимают золотых масок. Мы не открывали друг другу лица, не называли свои имена. Мы не считали себя людьми: чувства казались нам костюмами, которые надевают исключительно по делу, а если чувство приходит само по себе – это повод его задавить. Мы были умны и разрозненны, холодны и самодостаточны, полностью посвящены Делу – нашей единственной страсти. Нас все ненавидели, боялись, город казался причудливым и миражным сквозь прорези в маске, но все же… – Полынь не договорил, позволив неоконченной фразе повиснуть в тишине.

Я точно знала, что он *не* досказал.

Отставив чашку кофе, обняв себя руками, я почти беззвучно закончила вместо него:

– …но все же это был прекрасный мир, и ты любил его всей душой.

Внемлющий даже не шевельнулся.

– Ты любил его, – продолжила я, – а три года назад он рухнул. Рухнуло все. Ничего не осталось.

Полынь просто кивнул.

И мне вдруг стало так грустно за него. И за всех Ходящих. Я помнила ту отупляющую боль и бессилие оттого, что все было нормально – и вдруг оно рассыпается, песком убегает сквозь пальцы, уходит в воду, в землю, в вечность, – и ты остаешься потерянный и пустой, один с самим собой, которого еще и *ненавидишь* за то, что *он все потерял, урод такой.*

Проиграл. Сдался. Сломался.

Даже если обстоятельства не давали другого шанса и ты вообще был ни при чем…

Я помнила это и по своей истории с инцидентом, и по тому странному опыту, когда я ради прошлогодней миссии пережила тысячу сновиденческих лет вместе с Анте Давьером – и, хотя факты постепенно подзабываются, ощущение беспредельной пустоты от потери как будто до сих пор звучит в глубине меня.

Как найти в себе силы возвести что-то на месте *той* красоты? Как захотеть идти дальше, если с тобой уже было *такое*?

И вдруг я *поняла.*

– Полынь, так ты поэтому отказываешься от повышения в Иноземном ведомстве? – подавшись вперед, будто пытаясь разглядеть спрятанный ответ в зрачках его глаз, выдохнула я. – Ты все еще чувствуешь себя обломком *той* истории. Тебе говорят: создай команду, сделай все под себя, будь счастлив, – но ты до сих пор помнишь, как легко король меняет решения и как горько, когда все рушится, и просто не можешь… Не хочешь начинать.

Амулеты Полыни поблескивали в распахнутом вороте его халата. Напарник покрутил один из них, поморщился. Потом подпер щеку рукой, поставленной на колено, подмигнул мне и с усмешкой пожал плечами:

– Я же предупреждал, что причина глупая? Вот-вот. Да, Тинави. Звучит не слишком привлекательно, но – да. Я люблю то, что делаю, но сейчас не могу представить, чтобы мне удалось что-то построить заново. Некоторые раны затягиваются медленнее, чем нам бы хотелось. И, как назло, эти раны не имеют ничего общего с телом. Поздравляю: теперь ты знаешь обо мне на один идиотский позорный факт больше.

Внемлющий потянулся вперед, забрал мою отставленную чашку кофе – его напиток давно кончился – и, приподняв, как для тоста, немного отпил. Выражение лица у него было саркастическим: *славлю тебя, моя прахова слабость.*

– Но ведь ты уже… – протянула я.

Полынь поднял на меня глаза:

– Что «уже»?

– Ты уже построил новый мир.

В комнате стало тихо-тихо. Ловчий замер над чашкой.

– Возможно, ты не заметил этого, но за эти три года после бунта ты уже создал куда больше, чем, кажется, сам понимаешь, – говорила я, и мой голос креп от фразы к фразе. – Ты часть департамента Ловчих – одна из важнейших, причем независимо от того, работаешь ли ты в одиночку, со мной или как угодно еще. Ты часть Дома Внемлющих, даже если приходишь туда раз в неделю. Ты, страшно сказать, часть насыщенной дворцовой жизни. И конечно, еще есть *мы*… Оглянись, Полынь. Кадия, Дахху, Мелисандр, я, Андрис, даже Анте – у тебя *уже* есть твоя стая. Твоя новая семья. В Теневом братстве вас объединяла общая цель, но ведь, по сути, вы все были одиноки. А сейчас – да, мы такие дурацкие, и желания у нас максимально разные, и шутница судьба сводит нас иногда из-под палки, но… Мы все-таки вместе. Я не знаю, в курсе ли ты вообще, но для меня ты, господин Полынь из Дома Внемлющих, – один из самых важных людей во всем мире, нет, больше, во всей вселенной, и, если ты вдруг не знал этого, я говорю это теперь. Чего бы ты ни хотел, куда бы ты ни стремился – я всегда поддержу тебя; каждый раз, когда я вижу, что ты улыбаешься чему-то, мне кажется, что это и моя радость тоже; и я не устаю благодарить судьбу за то, что ты есть в моей жизни… – Я запнулась и покраснела. – В общем… Я хотела сказать, что ты *уже* смог построить все, что хотел и чего боялся. У тебя *уже* есть этот мир. Ты все сделал правильно.

Я замолчала, смотря на Ловчего. Мои слова показались мне до пепла, до ужаса наивными – но странным образом я почувствовала колоссальное спокойствие оттого, что произнесла их.

Пушистый гостиничный халат щекотал мне шею, из ванны свисала рука безмятежно спящей Кадии. Какая-то рыбка попробовала пробиться в комнату сквозь магический занавес – и ей это удалось. Она удивленно выпала на пол, опешила от нехватки воды и тотчас в два прыжка вернулась обратно в реку. Надо же, молодец какая: не утратила самообладания.

Полынь, слушавший меня без движения, безмолвный и серьезный, как ожившее слово «внимательность», ближе к концу монолога улыбнулся самым уголком рта и коротко кивнул мне. Почти незаметно, будто мы заговорщики. В его глазах вспыхнуло что-то очень непривычное, не то, что обычно там можно было увидеть.

А вот когда я закончила, Ловчий среагировал на всю мою речь в целом, причем очень бодро и артистично, как будто для некоего наблюдающего за нами зрителя, не любящего лирику.

– Пепел… – с чувством протянул он, шлепнув себя ладонью по лбу. – Пепел, я идиот!

И это было сказано так искренне и с таким облегчением, что я шепотом рассмеялась.

– Пепел! – снова повторил Полынь, вскочил на ноги, пробежал по комнате профилактический кружок и снова плюхнулся на пол рядом со мной.

Сказать, что он выглядел удивленным, шокированным даже, – *что же я за умник такой, что не заметил, когда перерос свою же драму*? – ничего не сказать. Полынь застыл, сидя со

скрещенными ногами, глядя в блаженное никуда, и в его глазах чуть ли не гипнотические спиральки завивались – в стиле воскресных комиксов.

Довольно долго у моего огорошенного напарника не возникало никаких новых комментариев, но я и не возражала. Кто я такая, чтобы помешать бравому Ловчему наслаждаться неожиданным озарением?

– Тинави! – напарник наконец встряхнулся, как охотничий пес, и обе руки положил мне на плечи, будто собираясь доверить секрет какого-то древнего зловещего ордена.

– Полынь? – в тон ему ответила я.

Он вздохнул и тут же без пауз отбарабанил:

– В последнее время я нередко думаю, что взять тебя на работу было одним из лучших решений в моей жизни.

– Ого-о-о!.. – восхищению моему не было предела.

– Но если ты начнешь применять это как рычаг давления в наших спорах, я бессовестно возьму свои слова обратно.

– Ага, конечно! – Я сделала эдакий хватательный жест перед его лицом и спрятала кулак за спину. – Все. Никуда ты их больше не заберешь, господин Внемлющий. – Я показала язык.

Он сначала опешил, потом прищурился.

– Отдай по-хорошему, малек! – зарокотал Ловчий.

Я вскинула брови и фыркнула:

– Что, уже? Да я же еще не применила их как рычаг, эй!

Он вдруг резким движением бросился вперед, пытаясь выхватить из моего спрятанного кулака такое несуществующее и принципиальное Нечто. Я с хохотом увернулась и стукнула его подушкой, выхваченной из-под попы.

Полынь задохнулся от возмущения, повалил меня на ковер. Я, повизгивая, начала отбрыкиваться… Подозреваю, это могло продолжаться довольно долго, ко всеобщему удовольствию, но тут из ванной раздался скрип, сонное бормотание – и вот оттуда, раскидывая лепестки роз, вынырнула Кадия.

– Пепел! – ахнула подруга. – Я что, проспала рассказ о детстве Полыни?

Нас мгновенно сдуло на противоположные края ковра.

– Кхм-кхм, да, точно, – спохватился Внемлющий, приглаживая волосы.

Тут как бы из внешних проблем завал, а мы с удовольствием полезли в душевные, а потом вообще… Что ж такое с умными людьми творит весна!

Стоило мне вспомнить о происходящем, как игривое настроение мигом угасло. Но какой-то огонек все равно остался – осел в душе, тихонечко светясь и радуя, между сотнями, нет, тысячами, нет – миллионами других теплых моментов, всех вместе составляющих жизнь.

– Не переживай, что пропустила сам рассказ, Кадия, – уже серьезно, по-деловому кивнул Полынь. – Грубо говоря, главная идея моего рассказа сводилась к тому, что нормальных Ходящих изначально пытаются довести до душевного состояния сирот, чтобы они легко «зацепились» потом на культ Архимастера, с годами перерастающего в культ Шолоха… А вся цепочка секретов и задачек «отбора» помогала вычленить детей определенного склада ума и характера. Поэтому то, что Тишь и Гординиус выбрали поставщиком Виров детский дом и устроили там какую-то игру, – максимально логичная идея.

Я нахмурилась:

– Мне еще интересно, вследствие чего познакомились Гординиус и Тишь. Я так понимаю, это произошло где-то в пустыне: Гординиус работает в Иджикаяне, Тишь поселилась в Мудре… Что возвращает нас к самому неприятному вопросу дня! Каким образом госпожа Внемлющая получила возможность летать и телепортироваться через всю Лайонассу? Чем именно является ее «божественная магия» и откуда она взялась?

Тут мы все угрюмо замолчали.

– Ладно, – наконец сказал Полынь. – В любом случае все эти данные мы должны передать в Теневой департамент. Только не напрямую – а то нас с Тинави просто опять посадят до выяснения обстоятельств, – а через Иноземное и Лесное ведомства.

– Подожди! – Кадия опешила. – Ты предлагаешь, чтобы Виров ловили железнолицые? Я думала, мы это сделаем! Бравая команда снова в деле, и все такое.

– Ничего подобного, – Полынь покачал головой. – Нас ждет другое дело. А именно – спасение Мелисандра Кеса. Потому что саусберийца некому больше вытащить. Мудра, куда его предположительно увела Тишь, не входит в юрисдикцию нашего королевства. Мудра – сама по себе. Как и Мелисандр – человек без лесного гражданства. Как и вопросы божественной сущности моей тетки. Так что оставим безопасность Шолоха соответствующим структурам, а сами займемся тем, что никто не сделает вместо нас.

После этих слов в комнате повисла тяжелая тишина.

– Полынь, – спросила я глухо, – а каковы шансы, что Мелисандр вообще еще жив?

– Я не знаю, Тинави, – он покачал головой. – Но действовать надо с уверенностью, что нам есть кого спасать.

28. Я согласен

Раз это всего лишь жизнь, то я вполне могу быть смелым!
Мелисандр Кес

Рассвет принес с собой восточный ветер, выныривающий, казалось, из самого сердца холода.

Город, завешенный розово-голубыми шелками утра, никак не мог расстаться с туманом, клубящимся у земли: он собирался в седые облачка у фонарей и одеялом кутал кроны лип. Прохожие выныривали из него и скрывались вновь, как привидения, потерявшиеся между мирами.

К утру мы с Кадией и Полынью успешно составили план дальнейших действий.

Ловчий и я первым делом направились в Иноземное ведомство: передать коллегам всю информацию о Вирах и заодно попросить несколько дней выходных. О том, что отпуск нужен нам для путешествия в мертвый город Мудру, мы собирались тактично умолчать, иначе бы нас без лишних разговоров закинули в Лазарет к умалишенным.

Времени было восемь утра, в ведомстве уже вовсю кипела жизнь, но кабинет мастера Улиуса оказался заперт.

Сам глава департамента редко приходит на работу рано – как он говорит, «часом опоздано – больше дел без тебя роздано», – но вот отсутствие Селии оказалось неожиданным.

– Она вчера была в Безлунном театре, – вспомнила я. – Может, проспала?

– Такие не просыпают, – шевельнул бровью Полынь. – Пойдем тогда напрямую к мастеру Авену Карлинану.

Мы пересекали один из арочных мостиков, перекинутых над главным холлом, когда на параллельный мостик вылетела Андрис Йоукли.

Всегда улыбчивая, сейчас Ищейка казалась непривычно смурной. Светлые глаза Андрис – смесь меда и лимона – были будто приглушены беспокойством. Девушка быстро шла, хмурясь, крутя в руках папку с делом, и стекла в очках на ее лбу бронзовели очень тускло.

– Йоу, ребят, вы слышали? – окликнула нас она.

Ведомственная акустика тотчас эхом разнесла это тревожное «слышали? слышали? слышали?» по всем этажам и департаментам.

– Что случилось? – мигом подобрался Полынь.

– Селия попала в лазарет. И еще несколько наших ребят тоже. Эш, например. – Ищейка закусила губу. – Эти террористы, Виры, снова объявились сегодня ночью. С цифрой «три».

– Где?!

– В Безлунном театре.

Мы сбежали с мостиков, чтобы было удобнее общаться, и под величественной статуей одного из политиков прошлого Андрис рассказала нам, что случилось.

Вчерашний спектакль в Безлунном театре уже подходил к концу, когда у нескольких зрителей сработали амплуарии. Следуя их приказу, они поднялись на сцену, нашли среди декораций четыре старинные шкатулки и одновременно открыли. Из шкатулок вырвалось нечто вроде разноцветной пыльцы. Оно прокатилось по рядам, не встретив никакого сопротивления: люди считали, что это часть шоу.

А потом стали один за другим терять сознание. Кто-то пытался уползти, позвать на помощь, кто-то с дракой кинулся на сцену – прах там был, всех вырубило. Те, кто открыл шкатулки, успели еще отправить ташени в Теневой департамент: *«Вы проворонили еще одно нападение. Мы в Безлунном театре. Ждем»*. Затем тоже потеряли сознание.

Что было после – неизвестно.

Но на заре зрители стали просыпаться и увидели нечто жуткое… А именно: посреди сцены кровью была нарисована тройка. И огромная надпись: «Око за око, ублюдки».

А рядом лежало четверо связанных, бессознательных Ходящих. Вместо пятого и шестого – только лужи крови и плавающие в них золотые маски.

– О боги… – вырвалось у меня.

– Пепел! – выругался Полынь. – Да не может быть, чтобы Виры завалили теневиков в прямом столкновении!

Андрис покачала головой:

– Мы не знаем, было ли оно прямым. Сейчас в Безлунном собрались все департаменты, всех допрашивают, пытаются восстановить ситуацию до конца. Но сами Ходящие молчат. Накрыли все своим терновым куполом и отказываются сотрудничать. Вероятно, Виры напали на них исподтишка, пока они, явившись в театр, отвлеклись на зрителей на сцене… Или что-то такое. Но я не представляю, кем надо быть, чтобы вот так одолеть Ходящих.

Мы с Полынью мрачно переглянулись.

– А что с Селией? – спохватилась я. – И с остальными?

– Сгинувшая была из тех, кто попытался сопротивляться сонной пыльце. Очень долго боролась: успела выйти из театра и направилась в чащу, чтобы позвать на помощь, – у нее ведь нет магии, чтобы отправить ташени. Но ее все-таки выключило в какой-то момент: она упала в овраг и у нее несколько серьезных переломов.

– Твою мать, – с чувством сказал Полынь.

– Плюс у всех разные побочки от этой пыльцы. Кто-то галлюцинирует. Кто-то мечется в лихорадке. У кого-то не останавливается кровь изо рта. В Лазарете полный кошмар. Да и в городе в целом.

Андрис тяжело вздохнула, поправила очки и покосилась на запертую дверь в кабинет шефа.

– Ненавижу быть буревестником, но, когда Улиус явится, придется мне огорошить его всем этим. Хотела бы я знать, кто эти ублюдки, и самой их поймать.

– Сейчас узнаешь, – пообещал Полынь. – И, может, даже поймаешь – вместе с теневиками и вместо меня.

Ищейка только удивленно «йоукнула».

* * *

Андрис Йоукли получила в свое распоряжение *полную* историю всего, что мы сами знали о Терновом замке, Тишь и Культе Жаркого Пламени.

Я немного волновалась насчет того, как Андрис воспримет тот факт, что мы опять расследовали нечто странное, а она оказалась за бортом происходящего. Ведь она тоже была частью нашей компании, а тут как-то так получилось, что мы все возились поодиночке в своих песочницах, и только сегодня ночью случилось озарение, позволившее состыковать нестыкуемое.

Но Андрис, к ее чести, среагировала нормально.

– Йоу, возможно, в следующий раз признаки мировой катастрофы обнаружу именно я, – отмахнулась девушка. – Не переживайте.

Что касается мастера Улиуса, то шеф получил сокращенную версию событий. Что, впрочем, не уменьшило его шок.

– Едрыть-колотить, Внемлющий! – пробасил он, кружкой ударяя об стол так, что из той выплеснулся чай. – Это хорошая информация. Андрис! Собирайся! Мы с тобой вместе отправимся в Лесное ведомство и Теневой департамент с этим. Полынь прав: если он сам что-то вякнет, господа Ходящие просто его закопают, особенно теперь, когда все настолько плохо.

Вообще, удивительно, Ловчий, что ты не захотел довести это до конца, как обычно… – шеф испытующе сузил глаза.

– Я бы хотел, – согласился Полынь. – Но мне надо срочно уехать из города. Вы можете дать нам с Тинави неделю отпуска?

Улиус аж поперхнулся.

Он откашлялся не без нашей помощи, сурово привстал и ткнул указательным пальцем прямо в грудь Полыни.

– Ты с ума сошел? – очень тихо и проникновенно спросил шеф. – Кукушка вылетела, гонор влетел? В Шолохе такое творится, а тебе – отпуск?! Естественно, никаких выходных, Ловчий! Ты отказался от моего предложения, опозорил меня, потом дюжину дней неизвестно чем занимался и теперь хочешь *в отпуск*? Полынь, вот скажи прямо – а ты не охренел ли, часом, как сам думаешь?

Мы с Андрис переглянулись за спиной Внемлющего и сочувственно поморщились.

Мастер Улиус – он, конечно, добрый, но в иные моменты вся его мягкость и добродушность слетают, сменяясь такой змеиной желчностью, что рядом даже стоять страшновато.

Но Полынь только опустил голову, флегматично отметил то, что палец шефа указывает аккурат на медальон с изображением флюгера – *ветер перемен, добро пожаловать*, – и сказал:

– А что, если я согласен?

– На что ты согласен, чучело эдакое?!

– Возглавить спецкоманду.

Пауза.

Улиус прищурился. Убрал палец. Сел.

Посмотрел на меня:

– Он сейчас бредит, Тинавушка? Или издевается?

– Полагаю, он вполне серьезно, сэр.

– Андрис, а ты что думаешь на его счет?

– Я о нем уже полгода не думаю, – подбоченилась Ищейка.

Полынь хмыкнул, мы с Улисом смущенно закудахтали.

– Я серьезно, Улиус, – кивнул напарник.

– *Мастер* Улиус.

– Мастер Улиус Эвергранг Чобчек…

Эвергранг? Вау.

– …я абсолютно добровольно согласен на повышение и готов прямо сейчас подписать все необходимые бумаги.

Теперь Улиус смотрел на Полынь с гораздо большим интересом. Круглое витражное окно, за которым я не так давно ползала, играя в придурошную муху, тихонько поскрипывало и слабенько покачивалось – туда-сюда, – явно пародируя взвешенные размышления шефа.

– М-да… – протянул наконец мастер Чобчек, доставая перо и тяжелую ведомственную печать с изображением ястреба и свитка. – Чувствую, я еще многажды пожалею о своем решении, если у тебя вся команда будет такой же чокнутой… Я согласен. Подписывай. Сколько дней отпуска, говоришь?

…Когда все бумаги были заполнены и мы с Полынью собрались отчаливать, мастер Улиус неожиданно обратился ко мне – громко и торжественно:

– А все-таки ты настоящая Ловчая, Тинавушка, какие бы сомнения я ни испытывал раньше на этот счет! Вот не зря ты так вцепилась в дело этой Луговой школы, да?! А я в тебя не верил. Так что, молодец, девочка! Так держать!

А потом тихо-тихо, так, чтобы Полынь не слышал, добавил:

– Я знаю, что ты подслушивала тогда.

Кровь отхлынула от моего лица.

– Но не знаю, сыграло ли это какую-то роль, – добродушно подмигнул шеф.

Уходила я в смешанных чувствах.

* * *

После ведомства мы разделились.

Полынь отправился собирать все необходимое для отъезда – этим же с самого утра занималась Кадия, – а я пошла пытаться сделать так, чтобы наша миссия заняла куда меньше времени, чем должна была, с учетом того, что до Мудры от Шолоха без малого тысяча миль…

С этим мог бы помочь принц Лиссай.

«Большое расстояние можно покрыть, пройдя через Междумирье», – сказал вчера Анте Давьер, и эта мысль так и крутилась у меня в голове.

Я не знала, способен ли принц на такое, и, что важнее, не знала, согласится ли он. Ведь не прошло и двух суток с тех пор, как он вернулся из своего путешествия, и, несмотря на то что мы провели целую ночь вместе, я понимала теперь, что ни праха

не знаю

нового Лиссая.

Да и старого, кажется, знала далеко не так хорошо, как следовало…

* * *

Я нашла принца в западной части дворцового острова, возле королевской конюшни.

Лиссай расчесывал гриву своего безрогого единорога. Было непривычно видеть Ищущего в темно-зеленой одежде лесного охотника – узкие брюки, крест-накрест запахивающаяся кофта с капюшоном, кушак, высокие сапоги. На поясе у Лиссая висели какие-то непонятные короткие ножны, не подходящие по форме ни для меча, ни для кинжала… Странно, что в таких может храниться?

Дворцовый конюх и служанка, притаившиеся за амбаром, с любопытством подглядывали за принцем, о чем-то перешептываясь. С учетом того, что раньше Лиссай предпочитал рассекать по острову в пижаме или светлых дворцовых нарядах, я разделяла их любопытство.

– Как ваши дела? – спросила я, подходя к Ищущему.

Лис обернулся, и я вновь невольно пересчитала перемены в его внешности: шрамы на пальцах, обветренные губы, новый взгляд и общая… резкость, что ли. Раньше он был худым и нежным, как котенок, теперь – худым и натянутым, как стрела.

И да, по его ноге ползли острые тени деревьев Святилища – к счастью, плохо различимые на фоне темной одежды…

– Кажется, во дворце что-то чуют, – улыбнулся принц, стрельнув глазами в сторону конюха и служанки, которые тотчас с писком исчезли. – Но прямо никто ничего не спрашивает. В остальном – пока привыкаю. А ваши, Тинави?

Я вздохнула.

Погладила Сиптаха, приветливо фыркнувшего мне в ладонь и теперь нагло лезущего в карман плаща – у меня там завалялось ну очень аппетитное яблочко, – и, решившись, спросила:

– А можно, я предложу вам еще одно путешествие, Лис?..

* * *

Поздно вечером того же дня Кадия, Лиссай и я встретились у пещеры Дахху.

Жертвы «Фейкиного Дурмана» внутри ее уже превратились в три странных синих кокона, пахнущих разнотравьем. Они выглядели жутко, и мы намеревались только усугубить пугающую ситуацию, а именно: погрузить всех троих в туман Святилища. Ведь там время идет в десять раз быстрее, а значит, два месяца ожидания сократятся до нескольких дней.

Кадия таращилась на принца, как на шулера-наперсточника на воскресной базарной площади. Весь год до этого она воспринимала Ищущего как эдакий архетип «дамы в беде» – прошлым летом мы только и делали, что спасали его, – и новости о том, что теперь его высочество обладает некоей силой, более того, прожил на свете, причем на чужом свете, уже на несколько лет дольше, чем мы с ней, выбивала подругу из колеи.

Я догадывалась, что у меня на самом деле ровно такое же подозрительное выражение лица, причем не только сейчас, а по определению, но махнула на это рукой.

Круглая дверь в Святилище висела прямо посреди стены пещеры. За время скитаний Лиссая она некоторым образом усовершенствовалась… Теперь у двери была широкая и уютная деревянная рама, совсем как у настоящей, и к ней на уровне глаз крепился на чугунном крючке фонарь. В фонаре и вокруг него плясали искры янтарного цвета.

– Как будто дверь в дом сказочного гнома, что живет под холмом… – очарованно пробормотала Кадия, и я порадовалась, потому что у меня возникла ровно такая же книжная ассоциация пару недель назад.

Из двери, приоткрытой, толчками вырывался туман. Мы уже оттащили туда все три кокона и теперь ждали Полынь.

Внемлющий опаздывал.

Когда наконец знакомая фигура появилась в окне, Кадия охнула:

– Это еще что за ерунда?!

У меня был тот же вопрос. Потому что за Полынью ковыляла, хронически заваливаясь налево, мумия из моего саркофага.

– Ты зачем ее взял? – опешила я, пока Ловчий сбрасывал на стол сумку с припасами и обмундированием. – Решил ее домой вернуть, что ли? Так она из Тилирии, а не из Пустыни Тысячи Бед!

– Аутурни, – процедил всего одно слово Полынь.

Лиссай высоко вскинул брови, расслышав имя своей незабвенной матушки.

– Ее величество – со всем почтением, принц, – после долгой дискуссии все же смирилась с тем, что мне нужен отпуск, раз я так чудесно помог госпоже Марцеле, но запретила оставлять мумию во дворце. Говорит, она ее пугает.

– И ее можно понять! – хмыкнула Кадия, с сомнением обходя восставшего мертвеца по кругу.

– Ну вот мне и пришлось взять ее с собой. Она же уже домашняя. – Ловчий поправил один из слегка размотавшихся бинтов. Мумия благодарно хрюкнула. – Не бросать же в ведомстве одну. А Андрис и так хватит Мараха и Снежка для полного счастья.

– И террористов… – задумчиво закончила я. – Слушай, а как мы с ней ходить вообще будем? Она не помешает?

Мумия оскорбленно сверкнула глазами…

– Я раздобыл артефакт временного уменьшения. – Полынь залез в принесенную сумку. – Он действует только на неживые объекты, но наша подруга формально тоже такая, так что…

О да! К счастью, артефакт действительно сработал: десять минут спустя мумия, теперь не больше пяти дюймов размером, торчала из кармана Полыни. Только посверкивающие алые глаза и едва слышные сипы намекали, что это нечто большее, чем эксцентричная игрушка.

Мы все были одеты по-пустынному.

Множество легких текучих тканей, ремешки, перехватывающие запястья и щиколотки, чтобы не забивался песок, зачарованная мягкая обувь, позволяющая с большим комфортом

держаться на песке – так же, как северные сапоги позволяют ходить поверх снега. Свободные накидки с огромными капюшонами, тонкие перчатки, позволяющие трогать раскаленные камни в жару, спускающиеся с плеч невесомые полотна, которыми можно будет закрыть лицо или намотать на голову, как тюрбан.

С собой у нас также были карты, артефакты, вода и еда. Кадия взяла лук и меч. Я – меч и лассо. Полынь – боевой посох. Лиссай никак не прокомментировал свое оружие, но у него на бедре я заметила те же странные ножны, что и днем.

– Ну что, – Полынь оглядел нашу неожиданную команду, – пора?

Лис распахнул дверь, и мы все по очереди нырнули в туман Святилища.

Я сделала это последней. Я невольно напряглась, ожидая, что сейчас снова почувствую отторжение и тревогу, которые сопровождали все мои мысли о Междумирье с тех пор, как Авена подарила принцу колдовскую ручку, но… В этот раз все было нормально. Надо же. Странно.

И только радость из-за магии, разливающейся впереди, забилась у меня в груди, как очень счастливая, очень свободная птичка.

* * *

– Так вот оно какое, ваше Междумирье, – с неприкрытым интересом протянул Полынь, все поднимая и поднимая голову в отчаянной попытке увидеть, на какой же высоте заканчиваются местные деревья.

Но их кроны надежно скрывала белая дымка…

Безмятежная тишина затягивала таинственную лесную поляну. Сегодня здесь было особенно туманно. Каменная беседка молчала среди деревьев, серебристые травы тихо перешептывались, кажется, прислушиваясь к чужакам. Призрачные лисы шаловливо выглядывали из-за деревьев.

– Какое-то миражное местечко, – метко подметила Кадия, настороженно озираясь и держась поближе к трем синим коконам с жертвами «Ф.Д.» – самому земному из всего, что здесь было.

– А мне нравится. – Полынь заглядывал за деревья, дивясь тому, сколь плотный здесь туман: руку вытяни – не увидишь.

Принц Лиссай сидел на ступенях беседки, разложив на коленях карту Пустыни Тысячи Бед и Мудры. Он что-то чертил на ней и переносил этот рисунок на собственную ладонь.

– Вам нужна помощь? – я подошла поближе.

– Все хорошо. – Лис завершил схему на руке. – Что ж, вроде готово. Цель: Мудра. Точнее не смогу.

– Главное – не вывалиться Тишь на голову, – содрогнулась я. – Вот это был бы номер.

И снова Лиссай исполнил классический ритуал: воткнуть дверную ручку, на сей раз в ствол дерева, – подождать появления двери – открыть дверь – не забыть вынуть ручку с обратной стороны – закрыть дверь.

На всякий случай вооружившись, мы прошли несколько метров в тумане, и…

Когда он отступил, мы оказались вообще не там, где должны были. Никакой Мудры. Никакой пустыни.

Скорее – судя по архитектуре и снегу, падающему крупными хлопьями, – нас вынесло во Врата Метели в Норшвайне или что-то вроде этого.

– М-м-м, – сказал Полынь.

– Черт! – выругался принц и, развернувшись на пятках, безжалостно воткнул дверную ручку в высокий резной забор.

Провалы случаются у всех, тем более в такой тонкой сфере, как невозможное, поэтому мы восприняли ситуацию совершенно спокойно.

И на второй раз тоже – когда шагнули из тумана в уже знакомый мне Пик Волн.

– Так… – сказал Лиссай чуть мрачнее и загнал нас обратно.

Третий раз – скалы. Четвертый – подсобное помещение какого-то магазина. Пятый – длиннющий промозглый пирс в ночном море. Рядом не было ни одной вертикальной поверхности, подходящей для открытия Двери.

Мы унылой цепочкой потянулись в сторону берега.

Штормило. Лодки шатались, гулко стукаясь бортами. Мне казалось, я слышу чей-то плач вдалеке, но это лишь ветер гулял между хлипкими рыбацкими хижинами. Пахло то ли креветками, то ли лангустами, то ли еще кем-то очень вкусным. Впереди, сквозь марево, я увидела костер, разожженный под навесом, и фигурки людей вокруг.

Когда, воткнув ручку в чей-то хлипкий сарай, мы снова вернулись в Святилище, пришло время обсудить наши неудачи.

– Мне кажется, кто-то намеренно отводит меня от Мудры, – покачал головой Лиссай. – Госпожа Тишь способна на такое?

– Видимо, да, – Полынь цокнул языком. Он развернул карту Лайонассы и побарабанил пальцами по изображению мертвого города – такого неожиданно неуловимого. – Вероятно, она поставила в Мудре глушилку телепортации. Они действуют именно так: хаотично сбивают с курса. Правда, обычно глушилки покрывают всего несколько квадратных метров… Но если Тишь приложила к делу свою новую магию, то эффект мог усилиться. Давайте попробуем очертить границы «глушилки».

И Полынь стал рисовать на карте концентрические круги с центром в Запретном квартале Мудры, делая пометки: «пятнадцать миль», «тридцать», «сорок». На каждой окружности он ставил по одной точке.

– Лиссай, вы сможете целиться не в город, а в эти места на карте? Будем стремиться во все более далекие от Мудры пункты, до тех пор пока не попадем по загаданному адресу. Ну а оттуда – по земле.

Принц кивнул и веснушчатыми костяшками почесал переносицу. Пальцы у него заметно дрожали, под глазами залегли глубокие тени, а белки покрывала сеточка лопнувших сосудов.

Ведь даже дружественная магия истощает. Я помнила это по себе.

Гордый принц не хотел признавать то, что ему становится хуже, особенно после нескольких подряд провалов, но и Полынь, и Кадия, и я понимали, что у нас осталось не так уж много попыток, если мы не хотим закончить этот день невольными убийцами.

* * *

После еще двух безуспешных прогулок сквозь туман нас ждало нечто незваное и неожиданное, зато подходящее под определение «чудо», причем древнее такое, молельное «чудо» из тех, что в свое время собирали вокруг себя толпы верующих и фанатиков и легенды о которых потом трепетно передавались из уст в уста.

Это случилось так: мы вернулись в Святилище и угрюмо сели поесть. Лиссай полбутылки воды выпил, а еще половину вылил себе на голову, явно пытаясь взбодриться. Полынь, меланхолично жуя сэндвич, прикидывал, какие еще сложности могут ждать нас с учетом новых способностей Тишь. Мы с Кадией грызли печенье.

И вдруг… один из трех синих коконов треснул.

В первую секунду мы решили, что это плохой знак. Что, дескать, нельзя было бедолаг приносить в Святилище – и теперь они по нашей вине умирают.

Грохнуть своих друзей из лучших побуждений!.. Зашибись перспектива!

Но тут из кокона вывалился бледный и обалдевший, но вполне живой Дахху с шарфом, перепачканным синей краской.

– О, боги-хранители!.. – немного экзальтированно и явно пребывая в шоке воскликнул друг, похожий на древнего пророка.

А потом согнулся пополам и стал долго, надсадно кашлять синим дымом.

Мы созерцали это явление с открытыми ртами.

– Ты же говорил месяц? – шепнула я Полыни.

– Я был уверен в этом! – Отбросив сэндвич, напарник мимо Дахху, которого сейчас явно больше интересовало содержимое собственных легких, чем какое-то там Междумирье, кинулся к кокону с предполагаемым Гординиусом: если вылезет враг, врагу будет бо-бо.

Но краткая беседа с очнувшимся и, прямо скажем, удивленным Смеющимся показала, что его пробуждение не было показательным.

– Понятия не имею, почему я уже здесь, – просипел Дахху, жадно выпивая воду и так же жадно оглядываясь: возможно, в «Доронахе» теперь появится новый раздел. – Хотя нет! Есть идея! Когда мы были в Лютгардии, Анте заставил меня сделать миллион каких-то прививок, и, возможно, одна из них помогла с «Ф.Д.».

– Значит, Анте тоже сейчас очнется?! – подпрыгнула Кадия.

– Нет. – Дахху все еще натужно сипел и иногда кашлял синим дымом. – Себе он не делал. Либо у него, как у хранителя, иммунитет. Либо он расценивал меня как поле для эксперимента. А что, собственно, происходит?..

Мы рассказали. И даже достаточно обстоятельно, дав тем самым Лиссаю еще немного времени на то, чтобы прийти в себя.

Под конец Дахху предстояло сделать выбор: отправиться с нами в пустыню на поиски Мелисандра Кеса или вернуться в Шолох и проследить за тем, чтобы город без нас все же не рухнул.

Мы искренне предлагали ему второй вариант.

Ведь это Дахху, прах побери. Основательный, уютный, кашемирово-каминный.

И вроде тянет его на приключения, а вроде – с подспудным желанием эти приключения одомашнить, сиречь приручить. Чтобы и дикие, а все же голову не оттяпали. Безумие понарошку. Хорошо контролируемый беспредел.

Но…

– Я выбираю пустыню, – не задумываясь, прохрипел Смеющийся. – Только у вас не найдется подходящего наряда и для меня?

* * *

Возможно, сама судьба считала, что без Дахху нам просто нечего делать в Мудре. И ждала, поганка, пока он очнется, до этого специально подкидывая неудачные варианты.

«Все происходит ровно тогда, когда и должно – для твоего блага», «Всему свое время», «Все складывается наилучшим образом» – эти фразы из добрых гадательных печений[16], которые госпожа Пиония дает клиентам вместе с чаем, так и крутились тем вечером у меня в голове.

Потому что следующая же попытка открыть Дверь оказалась успешной.

Ну… Относительно.

[16] В Шолохе есть еще и злые, да-да.

29. Огни далекого Хейлонда

Тю, зайчик… Никогда не пренебрегай тем, что радует твое сердце. Это не блажь. Это – инвестиция в себя. Ин-вес-ти-ци-я!
Хранитель Рэндом

На сей раз, когда серебристые полотна тумана раскрылись, будто кулисы, я поняла, что…

Падаю.

Вниз. Быстро. Прямо лечу!

А вокруг – ночь и, судя по тому, что яркие созвездия – это единственное, что появляется то справа, то слева по курсу в зависимости от моего кувыркания, я падаю с большой высоты…

– А-А-А-А-А-!!!

Где-то неподалеку раздалось точно такое же хоровое «Ааа!!!» Кадии и Дахху.

Ситуация стала еще хуже, когда на полной скорости я впилилась в плотное марево темных, шуршащих тварей, так же летящих по небу, но в отличие от меня – горизонтально. Кожистые, крылатые и ушастые, они пронзительно запищали, испуганные моим появлением едва ли не больше, чем я – их.

Впрочем, наша встреча была недолгой: прорвавшись сквозь стаю летучих мышей с грацией брошенного булыжника, я продолжала стремительно приближаться к земле.

Боги-хранители. Ну какая же глупая смерть!

Однако столкновение оказалось совсем не таким, как я себе представляла.

Не было ни боли, ни хруста ломающихся костей. Вместо этого какая-то прохладная ткань приняла меня в свои объятия, позволила продавить себя глубоко вниз, до треска, а потом… вытолкнула мое Страждущее тело обратно. По бокам донелось несколько удивленных знакомых вскриков.

Снова падение! Снова бросок вверх!

Когда амплитуда движения сократилась до той степени, что я смогла собрать глаза в кучу и более или менее осмотреться, выяснилось, что мы со спутниками лежим дохлыми бабочками на круглом поле темно-красной мистральной ткани. Упругой и практически не рвущейся, из которой в Шолохе обычно шьют костюмы для тринапа.

А над нами не только роскошное южное небо, воспеваемое поэтами всех веков, но еще и грандиозная, величественная, половину этого неба похитившая стена…

– Это же Дамба Полумесяца! – восторжествовала я, садясь. Плотная ткань поплыла под пальцами, как скользкая ящериная кожа. – Ребята! Ура!

Песчаного цвета громада поражала воображение даже в ночи.

Дамба мягко закруглялась, простираясь до самого горизонта. Высоко над нами, на ее вершине, дрожали огоньки дозорных, несущих свой пост. Лифты, закрепленные на специальных рельсах, были похожи на пустынных жуков, ползающих по стене, и светились оранжевым. Страховочная ткань, на которую мы так удачно грохнулись, продолжала легонько подрагивать под нами.

– Ура… – слабо отозвался Дахху. Лицо друга, приземлившегося впритык ко мне, изображало дивную отрешенность, едва ли не просветление. Не одна я по пути с небес успела многократно попрощаться с жизнью.

– Да уж, вот так повезло! – Кадия ликовала и одновременно ощупывала себя на предмет переломов. – Мы метили в сорок миль от Мудры – мы попали в сорок миль от Мудры. Правда… – подруга цокнула языком. – В высоту. По диагонали.

– Полагаю, это был самый край «глушилки», поэтому произошел такой сбой, – Полынь удовлетворенно кивнул, увидев, что и мумия, и сумка до сих пор при нем. – Что ж, принц, поздравляю: вы все-таки справились с этой нетривиальной задачей! Принц?..

Лиссай, лежавший чуть поодаль лицом к небу и сжимавший в руке дверную ручку, не отвечал.

О нет.

– Лис! – ахнула я.

Оскальзываясь и спотыкаясь, мы наперегонки бросились к нему. Вблизи стало видно, что кожа Ищущего неестественно белого цвета, зрачки беспокойно бегают под прикрытыми глазами, ногти почернели, а губы лихорадочно шепчут неразборчивые слова.

– Сильнейшее магическое истощение, – диагностировал Дахху, первым добравшийся до его высочества. – Обычно колдуну надо пройти кучу стадий до этого – и просто упадок сил, и кровь из носа, и мигрень, и обморок, и…

– Дахху, а давайте вы потом лекции почитаете! – рявкнул Полынь.

Дахху сглотнул, закатал рукава пустынной одежды и, склонившись над Лисом, начал напевать целительское заклинание, быстро плетя пальцами формулу за формулой.

Но…

Ничего не происходило.

– И не произойдет! – вдруг, выругавшись, охнула Кадия. – Мы с вами забыли кое о чем. Дамба Полумесяца – это же военно-стратегический объект! Тут везде стоят антимагические кристаллы, как в нашем Чрезвычайном департаменте. Колдовать просто нет смысла.

– Пепел, точно, – спохватился Полынь. Судя по тому, как на мгновение его тело будто мигнуло, он попытался *Прыгнуть* – безуспешно. – Да, на *Умения* это тоже распространяется.

Дахху покачал головой:

– Тогда принцу срочно нужно найти тонизирующее зелье и какое-то горячее, влажное место, чтобы прийти в себя… Ванну, например.

Во время всей беседы я цепко вглядывалась в огоньки на верхнем уровне Дамбы. После нашего падения они пришли в движение – весьма тревожное, – и теперь, кажется, несколько стражей с факелами бежали к одному из лифтов…

– А еще нам следует поторопиться, – выдохнула я. – Гарнизон явно заинтересовался тем, кто тут ползает по их мистралину.

Полынь подытожил:

– Хватаем принца и валим в город. Быстрее!

* * *

Час спустя мы брели по таинственной полночной улочке Восточного Хейлонда.

Она была очень узкой, мощенной мелкими камешками. Вся соткана из изумрудного и оранжевого цвета: темно-зеленый плющ густо увивает заборы, фонари похожи на хурму в тонкой сеточке, а рыжая кошка, сидящая у деревянной бочки, недовольно шипит при нашем появлении. Каменные дома с острыми крышами перемежались высоченными башнями, похожими на грибы. Улочка круто шла вниз, потом резко вверх – Хейлонд построен на холмах – и заканчивалась небольшой каменной площадью, в центре которой темнел фонтан с летучими мышами.

Сбежать со страховочного этажа Дамбы оказалось не так сложно, как могло бы: местный гарнизон явно был заинтересован скорее в том, чтобы не пускать чужаков в Дамбу, чем не выпускать их. Уже в городе мы остановились у одной из старинных аптек, работавших круглосуточно, и купили для принца целую когорту тонизирующих зелий.

Теперь мы искали гостиницу и заодно прикидывали план действий на завтра.

– Если Дамба – военно-стратегический объект, то надо придумать, как нам пересечь ее, – прикинула я. – Время поджимает, и обходить ее по периметру – точно не вариант.

– Ну, мы можем поступить в стиле пустынных караванщиков. – Даххy шагал, слегка сгорбившись под весом принца, которого они с Полынью тащили, будто бродягу, закинув руки Лиссая себе на плечи. – И контрабандистов. – Друг слегка покраснел. – Я знаю, как они это делают: спасибо недавнему путешествию.

Как оказалось, традиционные опции незаконного пересечения Дамбы сводились к трем преступлениям – на выбор: подкуп, похищение или разбой.

Сам гарнизон был не очень большим – грубо говоря, разойтись со стражниками в коридорах не представляло особой сложности. Однако все лифты и двери Дамбы были снабжены специальными датчиками, которые анализировали клыки входящего. Если система подтверждала, что это кто-то из вампиров, имеющих доступ, то путь открывался. Если чужак – его захлопывало в ловушку и повсеместно включалась тревога.

Соответственно, первым вариантом было напасть на какого-нибудь вампира прямо в Хейлонде, вырвать ему зубы и потом приложить это богатство к специальным кристаллам, чтобы перейти на ту сторону и оказаться в пустыне.

Еще можно было похитить вампира целиком: чего мелочиться? В этом случае ему не придется тратиться на дантиста, тоже плюс!

Ну или подкупить стража, предварительно выяснив, *кто* из гарнизона готов на подобные сделки с совестью… Потому что, если предложить такое кому-то нормальному, вас на сутки оставят в колодках на главной площади города.

В некоторых аспектах Восточный Хейлонд придерживается традиционных установок прошлых столетий: это атмосферная фишка вампиров. Но если менестрели со старинными лютнями, блуждающие по улицам, и кружевные чепчики знатных дам – это мило, то колодки… Лично у меня к ним много вопросов.

И ноль желания познакомиться.

– Рвануть на другой край света, чтобы заняться здесь именно тем, против чего я собираюсь бороться дома!.. – вздохнула Кадия, когда мы дружно избрали идею взятки как наиболее гуманную. – Это плевок от судьбы, проверка намерения или что? Может, все-таки прах с ним – лучше вырвем кому-нибудь пару клыков?.. О! Смотрите, а вот и гостиница.

* * *

Гостиница под названием «Луна и жемчужина» была крохотной и симпатичной: кирпичное здание, полностью увитое плющом снаружи и обшитое красным деревом изнутри.

Для нас нашлось три свободных номера, и хозяйка была очень даже рада таким неожиданным постояльцам: приехали поздно, уедут рано – идеально! То, что один из них чуть ли не при смерти, ее не смутило.

Впрочем, уже пару часов спустя Лиссаю стало лучше: к ногтям вернулся нормальный цвет, дыхание выровнялось, а обморок сменился глубоким сном.

– К утру будет в порядке, – подытожил Даххy, и мы разошлись по комнатам.

Кадия почти сразу вырубилась, раскинувшись на свеженьких хрустких простынях. Я же валялась на подушках, листая найденную в тумбочке возле кровати книгу о пустынных легендах. Ее автор явно был оптимистом: все приводимые им сказания звучали весьма жизнерадостно, да и описывались в такой ироничной манере, что я то и дело тихонько ржала в кулак, тем самым прогнав сон напрочь.

Поняв это и решив не мучить себя почем зря, я встала, оделась и спустилась в бар на первом этаже. Он был почти пуст в этот поздний час: только хозяйка, какой-то унылый вампир и… Полынь, греющий руки о чашку кофе.

Увидев меня, Ловчий приветственно раскрыл ладонь. Я подошла и забралась на высокий барный стул рядом с ним. Вскоре передо мной появилась чашечка облепихового чая.

– Полынь, а скажи честно: ты согласился возглавить спецкоманду только затем, чтобы отправиться сейчас в пустыню? Зная, что это растопит каменное сердце мастера Улиуса?

– Да нет, почему же. – По интонации Внемлющего было неясно, говорит он серьезно или иронизирует. – Это все целебный итог нашего разговора в борделе.

Вампир, грустивший над высокой тонкой рюмкой слева от нас и явно знающий дольний язык, с интересом на меня покосился.

– Мы вместе туда пошли, не подумайте, – буркнула я.

Интереса во взгляде добавилось. Мы отодвинулись и стали говорить тише.

– А ты правда сможешь сам набрать людей в эту спецкоманду? Кого хочешь?

– Подозреваю, некие разумные ограничения все-таки появятся. Но тебя возьму. Так и быть.

– Кто бы сомневался. Интересно, какие нас ждут расследования. Я надеюсь на что-нибудь рискованное и дерзкое.

– У тебя включился мечтательный режим, да? – хмыкнул Полынь.

– Он самый. Мне кажется, перед важным делом неплохо иметь впереди некую вдохновляющую картинку. А лучше несколько. Много-много картинок, целый счастливый альбом. Чтобы уж точно не захотелось сдаться, даже если будет совсем тяжело.

– Ну, давай помечтаем…

И мы начали мечтать. Вскоре к нам присоединился Дахху, нашедший у себя в тумбочке ту же книгу, что и я, и до сих пор тихонечко хихикающий. Друг сразу же углядел на стойке за баром шахматный набор, и они с Полынью начали, по своему обыкновению, играть. А я болтала ногами, смотрела в окно и пересчитывала оставшиеся у меня пузырьки с кровью, прикидывая, хватит ли их на нашу миссию.

Хоть бы да.

* * *

Наутро мы двинулись обратно к Дамбе Полумесяца.

Чтобы выяснить, кто из гарнизона Дамбы продажный, а кто – честный, мы отправились в торговый район Хейлонда, раскинувшийся под стеной, и там, разделившись, проведя серию интервью с самыми злачными и подозрительными купцами, в итоге разжились списком имен.

Но никто из этих охочих до золотых монеток господ, к нашему удивлению, не согласился нам помочь.

– Да почему? – в отчаянии спросила я последнего. – Что не так-то?

– Неделя дурная, – бросил вампир сумрачно. – Приходите на следующей, и я с удовольствием вас проведу.

– Но нам надо сейчас! Это дело жизни и смерти, я не шучу.

– Нет. – Вампир потуже запахнулся в свой дозорный плащ. – Когда ты пускаешь путника в пустыню, пусть и по его желанию, пусть и за деньги, между вами создается связь. Если месяц спустя караванщики привезут ваши трупы, то я буду знать, что это я открыл вам дверь, и это останется со мной навсегда. Так что – нет.

– Чем именно эта неделя дурна?

Не отвечая, вампир пожал плечами и откланялся:

– Доброй крови.

М-да.

Ребят ждала ровно такая же неудача с продажными дозорными. Ближе к полудню мы снова все вместе собрались под стеной Дамбы – в отдаленном, пустынном ее районе, чтобы не привлекать лишнего внимания к нашей слишком пестрой пятерке.

– Слушайте, – Кадия сощурилась на ярко-синее небо над нами, – а мне кажется или эти летучие мыши летают тут снова и снова, по кругу? Причем по схеме: стая – три одиночки – опять стая?

– Так и есть, – меланхолично отозвался Дахху, чьи кудряшки торчали из-под намотанного тюрбана. – Насколько я знаю, это тоже патрульные.

– А, понятно, – равнодушно кивнула Мчащаяся.

А потом, не успели мы сообразить, что происходит, как она сбросила с плеча лук, выдернула из колчана стрелу с магическим силком вместо наконечника и…

…подстрелила одиночного патрульного вампира, пролетающего аккурат над нами.

– Кад!.. – ахнула я, когда нам под ноги грохнулся маленький, сморщенный, откровенно обалдевший от произошедшего вампир в ипостаси летучей мыши.

– Нет, ну а что? – Подруга уже выпутывала контуженного стража из сети. – Нам же надо как-то попасть туда, прах побери!

Пока Дахху молча хлопал открытым ртом, не веря в произошедшее, а Лиссай как-то отнюдь не по-благо- родному – скорее, расчетливо по-воровски – огляделся, оценивая, не засек ли нас кто, Полынь тоже присел возле мышки и многообещающе показал ей по очереди свой кинжал, посох и боевой пульсар, специально для этого разожженный на ладони.

– Кадия права, – сказал Внемлющий. – Время играет против нас.

И продолжил на шэрхенлинге:

– Доброй крови. Превращайтесь, пожалуйста.

* * *

Вместе с пленным вампиром – к счастью, он особенно не сопротивлялся – мы дошли до ближайшего подъемника.

Там патрульный пожевал и подвигал губами, будто делая артикуляционную разминку, потом наклонился и опустил клыки в специальную выемку. Одновременно с этим он дернул рычаг, торчащий в камне, как меч из срединной легенды, и… успех.

Механизм дрогнул и заскрежетал. Мы дружно задрали головы. С неимоверной высоты на нас медленно и неумолимо покатилась пассажирская клетка. Она была такой ржавой и громыхала так издыхающе, что я нервно сглотнула, соображая, где же мои колени успели променять костяные чашечки на желе.

– А может, надо было пешком?.. – задумчиво протянул Дахху.

Но все проигнорировали этот глас разума.

– Проходите, – сплюнув слюну куда-то вбок, вампир открыл нам железную дверь.

И вот мы загрузились в клетку. Наш провожатый снова ткнулся клыками в опознавательную коробку – уже новую, установленную посреди подъемника на столбе. Лифт крякнул, дернулся и… никуда не поехал.

– Плохо работает. Можем попробовать другой, ближе к центру Дамбы, – с затаенной надеждой сказал вампир.

– Ага, конечно, – отозвалась Кадия. – Чтобы ваши коллеги нас там поймали? Нет, спасибо, поедем на этом, – и она отвесила столбу хорошего пинка.

Тогда подъемник все-таки повиновался. Крайне неохотно. Перед отправлением он протяжно, обреченно вздохнул, типа: «Эх… Ну, была не была. Я предупреждал».

Я взволнованно смотрела на то, как удаляется земля… Дома Восточного Хейлонда становились все меньше и меньше. Цвета вампирьего города и днем оставались приятно теплыми

– охра, бежевый, шоколадный. И только ярко-синее море, царствующее на горизонте, составляло им бодрящий контраст.

Лазоревое и тихое вдали, оно оживало под боком побережья: двигалось безостановочно, будто тысячи блестящих ящерок бегали по его поверхности, цепляясь хвостами. Между ними распускались белые цветы парусников. Вдалеке я увидела залп высоких брызг: толстый кит пустил фонтан…

– Как же красиво, – сказал Лиссай.

Он стоял, облокотившись о перекрестье железных прутьев, просунув руки сквозь решетку и позволяя ветру играть с карманными часами на цепочке, которую расслабленно перебирал пальцами. Все свои иномирные часы Ищущий оставил во дворце и теперь носил только эти, показывающие лесное время. Морской ветер честно старался вырвать у принца манящую игрушку, но у него никак не получалось.

– Вопреки случившемуся с вами вы все-таки любите море? – Я облокотилась о решетку рядом с Лисом. Он пожал плечами:

– Все любят море. Все, кто однажды решился покинуть тихую гавань.

– Однако некоторые в нее возвращаются.

– Но море любить не перестают.

Мы переглянулись. Разговор был не только о море, и мы оба это знали. Лис медленно улыбнулся, и мое сердце сжалось от этой улыбки.

Она была красивой, да. Все такой же обаятельной, как прежде, но теперь еще и знающей себе цену, временами холодной, даже хищной. Мне определенно нравился новый Лиссай. В том, как он, будто на ощупь, собирал свою жизнь заново – новый принц в старых обстоятельствах, – было нечто притягательное. Но часть меня тосковала по прежнему Лису… По моему рассеянному, будто фарфоровому мечтателю, все-таки заблудившемуся среди чужих миров. Выросшему. Ушедшему навсегда.

Принц, как будто догадавшись, о чем я думаю, перестал улыбаться и отвернулся.

Вдруг вся наша клетка резко дернулась из стороны в сторону. Я охнула от неожиданности, сердце подпрыгнуло, решив зайти в гости к горлу.

– Лифт просто сменил рельсы! – успокоил нас всех Полынь, который следил за вампиром-пленником.

– Какой непостоянный, – выдавила я, силой воли пытаясь столкнуть сердечную мышцу обратно.

Перестаралась.

Теперь упрямый орган оказался в пятках.

Подъемник дернулся повторно, да с такой силой, что все мы чуть не попадали; потом вошел в углубление в стене – мигом стемнело – и с душераздирающим сипом остановился.

– Будем считать, к удаче, – поморщился Лис, у которого из-за последнего рывка все-таки выпали часы и, крутясь, вертясь, упали куда-то вниз, в Хейлонд, где и разбились.

* * *

Изнутри Дамба Полумесяца была древней, но технологичной – необычное сочетание! – длиннющие, обитые проржавевшим железом коридоры с мигающими маг-сферами под потолком, скрипучие двери, поднимающиеся при нажатии на специальные панели.

В пустыню вели массивные люки с тяжелыми колесами на них – будто в банковских хранилищах.

Наш провожатый довел нас до одного из таких и в последний раз сунул клыки в специальную выемку.

– Я сейчас позову охрану, – сухо предупредил он.

– Без проблем. Это будет честно, – кивнул Полынь, уже вместе с Лиссаем и Дахху развинчивая скрипящее колесо.

– Вэллен, – обратилась я к нашему пленнику по имени, которое было вышито у него на плаще. – Несмотря на то что мы не очень хорошо с вами поступили, вы помогли нам (хоть и принудительно) – и за это большое спасибо. У меня два вопроса. Во-первых, мы можем как-то упростить вашу судьбу? Грубо говоря, что нам сделать, чтобы вас не наказали или что-то вроде этого? А во-вторых… Почему ваши коллеги настолько не хотят никого пускать в пустыню на этой неделе? Чем именно она «дурная»?

Вэллен скорчил тоскливую рожу, а потом, решив, что терять ему нечего, махнул рукой:

– Меня не накажут. Только гордость жалко. А в пустыне сейчас бродят смерчи шувгеи. Выходить в нее – будто звать смерть к себе на обед.

Вот прах.

– Обычно вокруг Дамбы ходит много караванов, – продолжил вампир, – а у оазисов можно найти воду, еду и ночлег. Но эта неделя вся отдана весенним смерчам, что воют и рвут от Хейлонда и до Мудры. Я бы на вашем месте не шел туда, – сказал Вэллен. – Спуститесь обратно со мной, примите наказание – и останетесь живы.

– Мы не можем! – Кадия присоединилась к беседе. – У нас там друг. Его надо спасти.

– Если ваш друг в пустыне – он обречен.

– Он в Мудре.

– Значит, обречены вы! Мне жаль, что именно я открыл вам путь: теперь это навсегда останется на моей совести.

Вэллен отвернулся и молча пошел прочь по коридору Дамбы.

– Тоже мне, король трагедии… – Кадия попыталась сказать это ехидно, но лоб подруги пересекали взволнованные морщинки.

Смерчи шувгеи – хищные ветры Пустыни Тысячи Бед – действительно являются одной из самых неприятных вещей, которые вообще можно встретить в Лайонассе. Даже если специально устроить себе путешествие под названием «туризм на грани смерти».

Я ругнулась.

– Вэллен!

Вампир оглянулся.

– Дайте свой адрес. Мы пришлем вам письмо, когда выберемся из пустыни. Чтобы ваша совесть была чиста и все такое, – развела руками я.

– Малек, ты серьезно? – хмыкнул Полынь, проворачивая последний круг колеса.

Но вампир, как ни странно, обрадовался этой идее. Настолько, насколько вообще можно обрадоваться хоть чему-то, связанному с придурками, подстрелившими и похитившими тебя посреди рабочего дня…

30. Пустыня Тысячи Бед

Опыт – отличное приобретение, но большинство за него переплачивает.
Мастер Личико Цойрах, Казначей Шолоха

Я мягко спрыгнула на песок. За мной – последней из нашей компании – с лязгом закрылась дверь в Дамбу Полумесяца.

Потребовалось время, чтобы привыкнуть к изменившейся обстановке: после темных коридоров яркий свет ослеплял, песчаная поземка колола кожу даже сквозь слои пустынных одежд, а неожиданно сухой, надсадный воздух не давал вдохнуть полной грудью.

Сощурившись до состояния круста, я медленно поднимала взгляд. Он захватывал все больше желтого песка и редкие иссохшие коряги. Ни намека на жизнь, все местные действительно ушли. Да и следы наших с ребятами шагов мгновенно затягивало песком: пустыня, будучи профессионалом, не оставляла улик.

Радовало только одно: нигде, даже на горизонте, не виднелось опасных воронок смерча.

За весь день, что мы шли в сторону Мудры, они так и не появились.

– Может, вампиры ошиблись? – предположила Кадия, уже не первую милю пинавшая один и тот же камешек, подобранный еще в самом начале пути.

Если он улетал куда-то вбок, подруга не ленилась сделать крюк, забрать его и пинать дальше. «На удачу! – объяснила она. – В последние дни мне кажется, что это единственное, на что в этом мире в принципе можно рассчитывать».

Дахху, который, как ни странно, весьма органично смотрелся в пустыне со своими темно-русыми волосами, фисташковыми глазами и эпичнейшим фиолетовым тюрбаном, сменившим привычную шапку, попробовал покачать головой, но вовремя понял, что тюрбан так развалится.

Поэтому нашел компромисс – покачал пальцем!

– Едва ли ошиблись: вампирские стихийники всегда внимательнейшим образом высчитывают неделю буйства смерчей, это чуть ли не единственная их профессиональная задача, так как в остальном климат Хейлонда прекрасен. Но скорость смерчей и пылевой бури, идущей с ними бок о бок, невероятно высока. За время своей недельной пляски они успевают пропахать пустыню несколько раз от края до края. Просто нам пока везет.

– Везет, ага! Значит, не зря я камень пинаю! – восторжествовала Кадия и с удвоенным энтузиазмом продолжила свой нелегкий труд.

К вечеру мы добрались до оазиса, который находился ровно на одной трети пути от Хейлонда к Мудре.

Судя по всему, в обычное время здесь кипела жизнь. Между пальмами, растущими вокруг озерца с голубой водой, безмятежно покачивались пестрые гамаки, оставленные, видимо, на милость богов-хранителей. В тени большой скалы пряталось несколько пустынных гостиниц, похожих на половинки ульев. Пустовала отлично оборудованная стоянка для верблюдов, а уличный очаг для костра радовал глаз уставших путников.

Сейчас все это было погружено в тишину. Ну, ровно до тех пор, пока не явились мы.

– Идеально! Здесь и заночуем. – Полынь сбросил с плеча сумку и закопошился в ней в поисках отмычек.

– Только надо будет оставить деньги за постой, – заволновался щепетильный Дахху.

Я аж подпрыгнула:

– А можно, я это сделаю? В гостиничной книге, посвященной пустынным легендам, была история о шерстяном зверьке, который распихивает золотые монеты по подушкам тех, кого до

конца года ждет поворотный момент в судьбе – обязательно хороший. Думаю, хозяевам будет приятно получить оплату от гостей-невидимок не просто так, а с изюминкой!

– Жги, – благосклонно разрешили ребята.

Закат в пустыне оказался невероятно долгим. Он окрашивал барханы то в коралловые, то в розовые, то в опасно-багряные цвета. Быстро холодало – перепад температур здесь поистине впечатлял.

Мы разожгли костер, весело затрещавший в подвесном очаге – огромной металлической миске на цепях, закрепленной прямо у озера, из которого то и дело выныривали – то ли воздуха глотнуть, то ли на нас полюбоваться – смешные лиловые рыбы.

После легкого ужина – еды у нас было не так много, но на двое суток пути хватит, – Кадия пнула меня в бок:

– Подъем, Тинави! Время тренировки.

И она с эффектным свистом вытянула меч из ножен.

– Думаешь, имеет смысл тратить силы перед сложным переходом?.. – воспротивилась я.

– Тебе ли не знать, что от хорошей разминки энергия только прибавляется!

Она была права.

Мы с подругой отошли от лагеря и закружили по площадке у противоположной стороны озера. Лязг. Свист. Хохот и взаимные подколки…

– Страждущая, я тебя умоляю, только не убейся об мой клинок! – подначивала меня Кадия, со смешком уклоняясь от очередного выпада и чуть ли не язык мне показывая.

– Признайся, – сопела я, выкладываясь на максимум, – ты вызвала меня на спарринг только ради того, чтобы покрасоваться перед ребятами.

– Как знать, как знать!.. – пропела эта поганка и тотчас ахнула, потому что я каким-то образом – сама не поняла как – вдруг подскочила к ней вплотную, поднырнув под лезвием, и замерла со своим клинком, блестящим у носа Кадии.

Мгновение тишины, а потом…

– Умница!!! – возопила на всю пустыню подруга, выбивая у меня меч, откидывая свой и обнимая меня так крепко, что я задохнулась. – Аааа! Народ! Она меня победила! Это горе горькое способно за себя постоять, ура-а-а!

Вдалеке завыл испуганный шакал. Потом еще парочка – очень жалобно.

Ни одна мать этого мира, кажется, не радовалась так сильно за свое дитя на любом из его непростых жизненных этапов типа «поползти», «пойти» или «заговорить», как Кадия за меня в тот момент.

– А если я бы я тебя ранила… – прохрипела я, пытаясь одновременно найти хоть немного воздуха и отплеваться от волос подружки, – ты бы меня вообще сожрала от счастья?

– Да-а-а! А-а-а-а!!!!! Я гениальный препод! Она научилась! Боги, она научилась! Полынь, ты видел?!

– Видел-видел, – кивнул подошедший Ловчий. – Но у меня есть замечание.

Кадия наконец разжала руки и оттолкнула меня от себя в стиле: *лети, малыш, во взрослую жизнь!*

Взрослая жизнь, явленная в обличье одного конкретного детектива, цепко прищурилась:

– Почему ты воспринимаешь это как спорт, Тинави? Когда у тебя в руках меч – ты должна хотеть ранить.

– Но я не хочу ранить, Полынь. Я хочу нести свет, – пафосно пропыхтела я.

Нехватка кислорода всегда выбивает меня в философский жанр.

– Но иногда, чтобы нести свет, надо ранить.

Понятно – не меня одну!

– Кад, позволишь?.. – Не успел Внемлющий договорить, а мимо меня уже пролетел брошенный ему подружкой меч.

И, в свою очередь, не успела я сказать что-то на этот счет, как Ловчий замахнулся им и попер на меня, как чокнутый кошкоглавый ассасин – из тех, кого в комиксах рисуют с шестью руками, чтобы должным образом передать всю очумительную скорость их боя.

Я ойкнула, отпрянула, кое-как подобрала свой отброшенный клинок и прыгнула с ним за ближайшую скалу.

– Полынь, ты сдурел?! – крикнула я оттуда.

– Ты же хотела со мной потренироваться?

– Но не с бухты же барахты!

– Ты думаешь, Тишь тебя предупредит?.. – Вопрос прозвучал достаточно холодно и резонно, но мгновение спустя Полынь смилостивился и, вытянув свободную руку так, что было видно из моего убежища, сделал ей подманивающий жест. Многочисленные перстни блеснули в свете заходящего солнца. – Ладно, вылезай, малек. Не нападу, – дружелюбно произнес напарник.

Так дружелюбно, что стало ясно – лжет.

И действительно – стоило мне вылезти из-за камня, как он снова бросился на меня, пытаясь загнать обратно. На сей раз я в долгу не осталась – швырнула в него горсть песка.

– Воу-воу, полегче! – захлопала в ладоши Кадия, когда драка стала откровенно грязной – и невыносимо, до одури азартной. Во всяком случае, с моей стороны. От лагеря к нам потянулись любопытствующие Дахху и принц.

Впрочем, пока они обогнули озеро, все уже было кончено: Полынь разоружил меня и, прижав к себе спиной, недвусмысленно держал меч у моей шеи.

Ту-дух, – билась жилка у самой стали. – *Ту-дух*.

– …Ну и как? – хрипло спросила я, осторожно – лезвие было очень близко – оборачиваясь. – Хочешь ранить?

Глаза у Полыни были темными. Он помедлил мгновение, не отвечая. Посмотрел на Кадию, замершую поодаль с хитрой улыбкой, на меня, облизнувшую пересохшие губы. Потом усмехнулся и отпустил меня.

– Никогда, никогда не сдавайся, – нравоучительно велел Ловчий, покачивая клинком, как учительской указкой.

– А я и не собиралась, – фыркнула я, вновь подхватывая свой меч.

* * *

Дахху первый тем вечером стал демонстрировать талант художественного клевания носом. В его исполнении это было так заразительно, что один за другим все присутствующие подхватили эстафету и медленно, со сладострастными позевываниями, расползлись по гостевым домам.

И только я, как обычно, открыла в себе бездонный колодец бессонницы.

Лучше бы мудрости, а.

Решив не гасить костер, я молча сидела у медленно раскачивающейся чугунной чаши очага. Рисовала палочкой на песке схему Запретного Квартала Мудры, которую за день успела выучить не хуже любимых шолоховских карт, иногда задумчиво пялилась на звезды, хрустально-острые в темноте пустыни, и, что называется, предавалась размышлениям.

Увы, не таким веселым, как хотелось бы.

Что сейчас происходит с Мелисандром Кесом, жив ли он? А Ринда Шаграух? Неужели девчонку где-то там посвящают в Виры? Зачем весь этот обратный отсчет, удалось ли коллегам уже поймать террористов?

И все-таки – какой-такой божественной мощью теперь обладает Тишь?..

Мы всегда полагали, что только шестеро хранителей способны на чудеса, которыми в этом году промышляет бывшая Архимастер. Если эта гипотеза верна, значит, у Тишь теперь сила Теннета. Но откуда она взяла ее, если эта склянка должна быть у Авены, а Авена – в Хаосе?

Хорошо, давайте вспомним, что в Хаосе, помимо Авены, еще есть Карл. И Рэндом – который, минуточку, трикстер и вор.

Вдруг тогда в архиве Иноземного ведомства мне не почудился джокер с книгой? Может, Рэнди действительно был там, а значит – уже вернулся из Пустошей?

Вернулся, причем еще осенью – ведь «богиня» объявилась тогда, – и с какой-то радости отдал хранительскую магию тетке Полыни. Никого не предупредив. Ни с кем не поговорив. И сейчас игнорирует ситуацию, хотя его бывшие дружочки в нашем лице упрямо идут войной на его новую подружку в лице Тишь…

Нет, чего-то этой гипотезе определенно не хватает. Собственно, смысла.

– Не спится, Тинави? – голос принца Лиссая вырвал меня из размышлений. – Или вы решили, что нельзя упускать такой пейзаж?

– И то, и то, – отозвалась я, ладонью стирая свои рисунки. – А вот вы, ваше высочество, еще час назад изумительно зевали, насколько я помню. Что же пошло не так? Я думала, с вами делит подушку уже десятый, а то и одиннадцатый сон подряд.

– Увы. Нагрянувшие многообещающей толпой, в итоге эти сны не смогли решить, в каком порядке мне сниться, передрались и сбежали всем скопом. Я решил, что догонять их и уговаривать на что-либо – гораздо более скучный вариант, чем самому тоже отправиться на прогулку.

– В таком случае – добро пожаловать в мой клуб неспящих! – я приглашающим жестом обвела пустыню рукой.

Ищущий сел напротив меня. Потрескивало пламя, редкие искорки взмывали в воздух и долго кружились перед тем, как упасть на песок. Луна – невероятно огромная, красная, очень плотная и как будто бы близкая – *дотянись, тронь рукой* – величаво лежала на безмолвных барханах.

В противовес ей Лиссай казался каким-то нездешним, почти прозрачным. Серебристая бледность затягивала кожу принца, а руки, сложенные на коленях, покрывались мурашками от ледяного безветрия Тысячи Бед. Лис повернул голову, вероятно высматривая что-то на горизонте, – но мне чудилось, что он прислушивается к шелесту высокой травы Святилища.

По песку между нами ползла тень веток потусторонних деревьев… Наверное, теперь, куда бы ни пошел Лиссай, Святилище отправится вместе с ним. Вырастет вокруг него шепчущим туманным лесом. Утянет в свою глубину, будто в темную озерную воду.

Кое-что беспокоило меня. Я волновалась, но хотела задать принцу один вопрос.

– Лис… – негромко окликнула я. Он тотчас будто уши навострил. – В ночь своего возвращения вы сказали, что, попробовав путешествия один раз, уже невозможно остановиться. Значит ли это, что вы собираетесь снова уйти?

Под конец мой голос все-таки дрогнул.

Лиссай кивнул, будто ждал этого вопроса. Принц положил подбородок на руки, сцепленные замком, и посмотрел на меня исподлобья.

– Нет, – сказал он наконец. – Не собираюсь.

Я выдохнула, и от того, с каким неподдельным облегчением у меня это получилось, Ищущий рассмеялся. Он поднялся, обошел костер и сел рядом со мной так, что наши колени соприкоснулись.

– Я очень боялась услышать другой ответ, – призналась я.

Лис призрачно улыбнулся, глядя на языки пламени, пляшущие в костре.

– Знаете, Тинави, а ведь я всегда чувствовал себя лишним в Шолохе, – неожиданно сказал он. – С самого детства. Мне к-казалось, город принадлежит кому угодно – но не мне. Меня будто выталкивало. Чужак, изгой, сумасшедший – пусть и с королевским венцом на челе. Я не

осознавал этого, но, думаю, в душе я был страшно обижен на всех вокруг и чертовски злился на то, что здесь меня не любили.

Он набрал в кулак песка и стал медленно пропускать его между пальцами, наблюдая за тем, как легкая поземка уносит песчинки вдаль.

– Но, пропав в другом мире, – продолжил принц, – я все равно хотел вернуться – как же иначе! Ведь здесь было так безопасно. – Он усмехнулся: – Здесь меня кормили, холили и лелеяли. Остаться одному было мучительно, настоящая пытка. Но постепенно я научился всему, чему должен был, и оказался по-настоящему свободен. В последние несколько месяцев я уже понимал, как в общих чертах устроены путешествия, и уже признал для себя, что они – моя истинная страсть. Когда дороги полны ветра, и вдали горит свет перемен, и всегда – вперед, вперед, не останавливаясь, с шепотом теней, поддерживающих шаг. Но при этом я понял еще кое-что… Вся эта свобода – весь этот масштаб, безграничность вселенной, магия, путешествия – не отменяет того, что я человек. И я хочу любить еще и что-то *маленькое*. Уютное, камерное, преходящее, что на контрасте становится даже ценнее. Такое хрупкое и мимолетное, что его никак нельзя упустить. И вот тогда я *искренне* захотел вернуться сюда, в Шолох, – сказал Лис. – И пока не хочу никуда уходить. Теперь уже не очень важно, любит ли этот город меня. Оказывается, его люблю я – и этого вполне достаточно.

Тихонько трещал костер. Над озером клубилась таинственная дымка. Мне казалось, я чувствовала, как от принца пахнет чужими мирами: дымом, кожей, кровью, металлом… И одновременно очень по-шолоховски – цветами, свежескошенной травой и бергамотом.

– Я думаю, Шолох вас тоже любит, Лиссай. Или хотя бы присматривается к новому вам – с большой симпатией. Он же у нас совсем не дурак, не слепой, да и со вкусом у него все всегда было здорово.

– Хм. Почему-то сочетание слов «присматриваться» и «со вкусом» в одном предложении вызвало у меня ощущение, будто Шолох собирается меня съесть, – хмыкнул Лис.

Мы рассмеялись.

Глядя на пламя, я вспомнила, как недавно мы с Дахху стояли на мосту Неразгаданной Потери и друг говорил, что есть большая разница между тем, чтобы жить в Шолохе просто так – и жить в Шолохе потому, что сам выбрал сюда вернуться.

Пожалуй, это был тот же самый мотив, что и в словах принца. Вечный мотив, напоминающий о том, что есть огромная разница между тем, чтобы быть с кем-то из страха одиночества, и тем, чтобы просто любить. Создавать что-то из страха остаться никем – или из желания отдавать. Убегать «от» – и приходить «ради».

Страх и любовь. Слабость и сила. Детство и зрелость.

Мы с принцем сидели бок о бок у полыхающего костра. Я покосилась на Лиса. В легком мареве горячего воздуха он был похож на ангела с выцветшей фрески. Слишком красивый. Слишком. Челка-катастрофа. Глаза-фонари.

Теперь-то вы достаточно опасный человек, Лиссай?

– Кстати, – сказал Лис, посмотрев на свои пальцы – все в маленьких белых шрамах. – Я должен признаться вам кое в чем, Тинави.

– Конечно. Давайте.

– Как я уже говорил, в путешествии я постоянно ел конфеты, которые вы подарили, – он улыбнулся. – И они никак не заканчивались. Стоило доесть – появлялись заново. Так и провели со мной со мной все эти годы.

– Кошмар! – ахнула я. – Они ведь не были рассчитаны на столь серьезную роль. Хотя почему-то в жизни так всегда и бывает: что делается без ожиданий, оказывается ключевым… Лис, вам же, наверное, ужасно надоел вкус этих карамелек? Или… Если ваше признание заключается в том, что на самом деле вы вернулись в Шолох *за добавкой*, – я с ума сойду!

– О нет! Я постепенно веду к другому. – Принц коротко рассмеялся, но потом посерьезнел. В его голосе появились новые интонации. – Дело в том, что каждый раз, открывая коробку, я мысленно беседовал с вами. Тинави, я не удивлюсь, если все эти дни вы икали как проклятая. Я говорил с вами, как помешанный; мне нужно было за что-то держаться в том странном мире, где я так долго прожил… Мне нужно было за что-то держаться, – повторил он задумчиво и подбросил еще веток в жарко вспыхнувший костер. – И я держался за вас.

Пауза.

Ох.

– И на сегодняшний день получается, что я знаю вас много лет. Что вы, пожалуй, самый близкий мне человек из всех живущих, однако… – Лис помедлил. – По большей части это придуманная вы. А вы знаете меня всего год – но меня старого. В общем-то, я полагаю, что пройдет какое-то время, прежде чем мы поймем, как с этим быть.

Он замолчал. Вокруг него росли тени далекого леса. Черный купол южного неба неспешно проворачивался по своей оси, приближая утро. Я смотрела на принца во все глаза.

– Да, вот так мы попали, Лиссай… Я даже не знаю, что сказать на это, если честно. Наверное, то, что я уверена: мы справимся. И… Могу только надеяться, что мое придуманное вами «я» действительно вам помогало. Но не настолько, чтобы я настоящая теперь показалась на его фоне какой-то весьма сомнительной личностью, – спохватилась я.

– Совсем нет, – улыбнулся Лис. – Во всяком случае, сидя здесь и сейчас, я пугающе счастлив: это явно свидетельствует об обратном. И, заканчивая разговор о признаниях… Я уже давно хотел сказать кое-что. Наяву. Не во сне и не в мыслях. Не энергии унни, говорящей со мной вашим голосом. А вам.

Принц наклонился и что-то шепнул мне, щекотнув рыжими волосами по глазам. Это произошло так быстро, что я не успела остановить его. И только потом извинилась:

– Я не слышу этим ухом.

– Я помню, – сказал Лиссай. – На то и расчет: иначе бы я стал ждать ответ, что было бы неуместно.

И тотчас тайна, которая хочет быть разгаданной, сгустила воздух до воды. Тронь – и пойдут круги.

Лис снова улыбнулся. Я покраснела.

Небо росчерком пересекла падающая звезда. Мы переглянулись и оба что-то на нее загадали.

*** * ***

Той ночью мы так и просидели у костра до самой зари.

Что, наверное, очень здорово. Потому что, когда над пустыней натянулась красная нитка рассвета, на ее фоне стало видно смазанное пылевое облачко… Такое маленькое и незначительное издалека.

Такое смертоносное, едва приблизится.

Песчаная буря.

Мы с принцем вскочили на ноги, бросились к гостевым домам:

– Тревога! Подъем!

31. Сердце бури

Госпожа Удача любит наряжаться в Невезение, чтобы сразу отказать в знакомстве тем, кто опускает руки слишком быстро.
Написано на листовке, прибитой к забору на время весеннего карнавала

– М-да, придется поторопиться! – крикнул Полынь.

Ловчий залез на верхушку скалы, под которой жались гостиницы оазиса, и оттуда изучал горизонт, глядя в серебряный бинокль со значком департамента Ищеек на боку.

Но даже без увеличения зрелище, явленное вдалеке, не предвещало ничего хорошего.

Невероятных размеров бронзовая туча, ворча и перекатывая мышцами, гремела на востоке. Она навалилась на пустыню глухой, голодной злобой, и в ее сухом чреве то и дело мелькали багряные разряды молний.

Песок, поднятый ураганом, стирал детали, но все мы знали: в глубине таких бурь живут шувгеи. Колдовские смерчи, демонические воронки, выходящие на охоту стаей.

Внутри каждого сидит злой дух – собственно шувгей, – который больше всего на свете любит лакомиться человечиной. Воронка воздуха затягивает тебя в разреженное сердце смерча и уже там начинает шинковать, как салат к обеду, никуда не торопясь. Как именно это выглядит, неизвестно: до сих пор никто не выживал.

Или выживал, но не спешил распространяться. О действительно страшных вещах не хочется вспоминать. Мусолят косточки катастроф только те, кто обошелся малой кровью – или вовсе проходил мимо.

Говорят, в Лайонассе шувгеи появились после падения Срединного государства. Они стали одним из порождений остаточной магии, которая разлилась по Мудре в тот год, когда срединную столицу сожгли драконы. Ведь даже смерть одного человека вызывает сильный всплеск бесконтрольной энергии унни, а что уж говорить о единовременной гибели целого города…

Полынь спрыгнул со скалы:

– Я разглядел очертания семи крупных воронок. Они растянуты цепью, зазоры по несколько миль каждый. Но и в этих «окнах» с видимостью будет очень… – он вздохнул, – очень нехорошо. Все готовы? Тогда выдвигаемся.

И мы пошли навстречу урагану. Выбора у нас не было: «глушилка» Тишь подавляла телепортацию, классическая магия практически отсутствовала в Пустыне Тысячи Бед – из-за случившейся здесь трагедии, а *Скольжение* Полыни не делилось сразу на пятерых.

Признаться, это было очень странно: пешком идти на бурю. Противоречило инстинкту самосохранения.

Если тебя уже закинули на дно ущелья, заполненного мраком и кошмарами, то ты понимаешь, зачем тебе лезть наверх, и все твои чувства сами выталкивают тебя к свету. Но хладнокровно, монотонно спускаться вниз куда сложнее – что-то внутри отчаянно сопротивляется подобной тактике.

Мы шли, и буря все выше приподнимала свой карминно-пылевой подол.

Гул ветра нарастал. Пески под нами шевелились, хватали за ноги. Иногда кто-нибудь из нас падал, и с каждым разом вставать оказывалось все труднее.

Я обвязала голову платком, оставив только щелочку для глаз. Острые злые песчинки били в самый зрачок. Я поминутно терла глаза руками, но ощущение того, что теперь под веками у меня живет песок – вместо теневых бликов, – не уходило.

Наконец Полынь, шедший первым, остановился. Он обернулся, окинул болезненно-сухим взглядом нашу компанию и вдруг рывком натянул мой платок вниз – так торговцы опускают гребенчатые ставни лавок перед уходом.

– Замотайтесь все! Я доведу! – крикнул Ловчий.

– Полынь, возьмите бинокль! – предложил Дахху. – Защитите глаза хоть как-нибудь!

– С ним невозможно идти! – возразила Кадия. – Слишком большое приближение!

– Ничего, у меня есть магия! – Полынь, пусть с видимым усилием и только с третьей попытки, но наколдовал себе защитный шлем-пузырь.

Остальные наглухо скрыли лица и вцепились друг в друга, как в карнавальном танце. Мы вытянулись вереницей, и воющие барханы приветствовали наш путь, танцуя и поднимая пески.

Рядом с Полынью осталась мумия: единственная, кому буря не причиняла неудобств. Еще ночью эффект уменьшающего артефакта развеялся, и теперь наша забинтованная подруга в полный рост ковыляла рядом с нами, крутя головой и что-то одобрительно сипя при виде барханов. Признаться, она была очень кстати: мертвец не только вносил в нашу команду бодрящее разнообразие, но еще и нежно поддерживал первопроходца-Ловчего, когда тот, бывало, спотыкался.

Мне же в темноте платка вспомнилась иномирная картина, чью копию Анте однажды показывал нам с Кадией. Она называлась «Притча о слепых» и была нарисована до того жутко, что от нее сложно было оторвать взгляд.

– «Если слепой ведет слепого, то оба они упадут в яму», – продекламировал тогда Давьер, склонив голову набок и любуясь полотном. – Что означает: тщательнее выбирайте учителей.

– А если выбираешь не ты, а тебя? – пробормотала я, силясь найти в уродстве картины хоть какой-то просвет красоты.

– Пф. Иллюзия, придуманная слабаками. Все, что с нами происходит, – следствие нашего, и только нашего выбора.

– Если бы это было так, то все бы жили счастливыми, богатыми и знаменитыми, – возразила Кадия.

– А кто говорит, что люди умеют делать правильный выбор? Большинство даже в теории не знает, в чем он для них заключается. Ну а на практике и вовсе выходит черт-те что.

…Прошло еще много времени в пути, когда плечо Полыни, за которое я держалась, ощутимо напряглось.

– Все нормально? – крикнула я, но буря сожрала мои слова. Я свободной рукой поправила платок, открывая глаза.

Вокруг нас висела плотная клубящаяся масса пыли и песка, подсвеченная алой тьмой. Внутри этого мрака я разобрала очертания огромной воронки, устремленной в отсутствующее небо. Смерч-шувгей, сравнимый размерами с Башней Магов, вился и рылся в песке, как гончая, и странно изгибался, ломаясь то тут, то там. Страшная тень за барханом. Концентрат тьмы. Воронка двигалась – и очень быстро…

Она шла параллельно нам, но в любой момент могла сменить маршрут.

Это плохо!

Я отпустила Полынь, чтобы протереть мгновенно забившиеся пылью глаза. Куратор обернулся, и, увидев его лицо, я невольно отшатнулась, сбивая шаг всей нашей пятерки.

Под прозрачным шлемом, похожим на аквариум для осомы, рот, подбородок и шея Ловчего были залиты кровью, частично запекшейся.

– Ты что?! – охнула я. – Это столько сил из тебя магия пьет?!

Полынь лишь раздраженно дернул плечом в ответ.

– Убирай шлем! Теперь я поведу! – Я потянулась за пузырьком с кровью Рэндома.

Ребята, взволнованные заминкой, тоже сняли платки.

– СТОП! Не вздумайте убирать шлем, Внемлющий! – вдруг рявкнули рядом со мной, и только спустя мгновение я поняла, что этот приказной тон, так похожий на королевский, принадлежит Лиссаю. – Смерч близко; если он унюхает кровь, то пойдет на нас!

Полынь, уже сложивший пальцы для заклинания отмены, замер и призадумался, попеременно глядя на воронку смерча и собственные руки – они отчаянно тряслись из-за магических перегрузок. Мумия, от чьих бинтов остались лишь жалкие лоскуты, встревоженно обнимала Ловчего, и глаза ее, во мгле светящиеся красным, были полны сочувствия.

– Давайте тогда я сделаю второй шлем поверх нынешнего? – предложила я, нащупав таки в кармане пузырек.

– ЭТО ТОЖЕ КРОВЬ, НЕ ОТКРЫВАЙ! – неожиданно слаженным хором рявкнули принц и Ловчий.

– Вот прах! – осознала я и оценивающе прищурилась на склянку.

Может, прямо со стеклом ее употребить?.. Хотя нет, так и так без крови не получится.

Потом я вспомнила:

– Лиссай! Вы же сказали, что в путешествии научились колдовать «дружественно»! Самое время продемонстрировать это!

– Да, я как раз и хочу, – отозвался Лис, складывая перед собой ладони чашкой, будто прося о чем-то. – Но я не умею делать шлемы, – продолжил он. – У меня достаточно узк-кая специализация.

– Какая? – Даххy, поддерживая Кадию, с тревогой вглядывался в черный профиль беснующейся воронки.

– Иллюзии и искажения. Некоторые обстоятельства вынудили меня практиковать именно такое колдовство, – пробормотал Лиссай, прикрывая глаза.

Он замолчал и замер. Никаких плетений, никакой бешеной пляски пальцев, как в классической магии, – лишь попытка абстрагироваться от всего сущего и найти в себе прохладный, свежий ключ к единению с миром… Ручей, соединяющий тебя с источником, который нельзя покорить, но в который можно с благодарностью войти.

Долгое время ничего не происходило, а потом ладони принца вдруг наполнились жемчужным светом, таким утешающим в окружающей нас мгле. Свет приподнялся, вытягиваясь в длинную мерцающую ленту. Сначала эта лента закружилась вокруг Лиссая, будто слушая безмолвные приказы, а потом потянулась к мумии.

И вот наша мертвая подруга начала менять форму.

Ее бинты потекли, обращаясь шелками; рубины глаз сгустились до черничной темноты; в пустом провале вырос изящный нос, а на впалой груди набухли, как бутоны цветов, десятки оберегов и амулетов.

Перед нами во всей красе стоял Полынь из Дома Внемлющих. Номер два. От номера первого этот отличался чуть более здоровым цветом лица, отсутствием шлема и крайне злодейской, самодовольной физиономией, какой за настоящим Ловчим никогда не водилось.

– Ого! – вырвалось у Кадии.

– Объяснитесь, ваше высочество! – потребовал оригинальный Полынь отнюдь не дружелюбным тоном.

– Вы снимаете шлем – шувгей засекает кровь – мы вытираем ее с вас и переносим ее на бывшую мумию – вы прик-казываете ей бежать прочь – шувгей гонится за приманкой. Кровь у вас больше не идет, так как вы больше не к-колдуете; все живы, успех, – скороговоркой объяснил принц.

– Так давайте просто вытрем Полыни кровь? Зачем убивать мумию? – нахмурилась Кадия, пока вышеозначенная восторженно крутилась вокруг своей оси – любовалась новым телом…

Ей ответила я:

– Нет. Шувгей, единожды почуяв жертву, уже не отпустит ее. Более того, эти смерчи запоминают облик своей цели, поэтому действительно, если мы хотим обыграть его, нужна обманка.

Принц оглядел нас всех:

– План ясен?

Никто до сих пор не привык к тому, что Лис умеет быстро придумывать планы действий. И играет в главного. Выросший в Ищущем колючий хребет смущал нас всех, но… Лиссай был прав.

– Хороший план! – наконец согласился Дахху, с опаской косясь на бледного Полынь.

– Давайте скорее воплощать! – присоединилась Кадия. – Пока наш реальный Внемлющий не умер!

Ловчий же смотрел только на своего свеженького двойника. Тот с обожанием держал его под локоть – внешность сменилась, а привычки мумии, напоминающие о домашнем питомце, остались. И неважно, что мумия – технически – уже мертва не первый век.

Это была наша мумия, прах побери.

Загадочная, спящая на хозяйской кровати, тупая как пень и очень верная.

– Я потерплю, – наконец сказал Полынь, игнорируя очередную струйку крови, текущую теперь уже не из ноздрей, но и с уголка рта. – Оставим план на крайний случай.

Напарник развернулся, цапнул меня за руку и с упорством раненого носорога продолжил путь. Слева от нас бесновался шувгей. Не успели мы *(его же не переспоришь, да? рухнет – поднимем)* вновь выстроиться в слепую шеренгу, как мумия взяла инициативу в свои руки.

Она, под личиной Полыни, подпрыгнула к реальному Ловчему и кулаком ударила по шлему-пузырю. Я думаю, дома это не привело бы ровным счетом ни к какому эффекту, но здесь, в проклятой пустыне, защита Внемлющего треснула, как яичная скорлупа.

И тотчас смерч ликующе взвыл. Шувгей выгнулся предвосхищающей дугой – *здравствуй, вкусненький мой!* – и, с ревом развернувшись, вспахал пустыню, сдирая с нее песок, слой за слоем, разбрызгивая его фонтанами.

Лиссай подпрыгнул к Полыни и стал рукавом вытирать тому лицо от крови, будто моську несмышленому малышу.

– Прин-ц-ц-ц-ц! – зашипел Полынь. Никогда раньше я не слышала, чтобы люди умудрялись тянуть букву «ц».

Мумия не осталась в стороне: она удерживала отбрыкивающегося Ловчего, не давая ему залепить пощечину распустившему руки его высочеству. Это была странная, фантасмагоричная борьба в песках…

Даххy выхватил из сумки и протянул принцу бутылку воды, чтобы тот справился с корочкой крови. Когда лицо Полыни оказалось чистым, а глаза готовы были сжечь этого рыжего гада дотла, Лиссай оторвал рукав своего пустынного плаща – весь в кровавой каше – и швырнул мумии. Та наконец отпустила Внемлющего и схватила ткань с торжествующим сипом.

– Молодчага! Тебе туда! – Кадия безжалостно указала в обратном направлении от нас.

Иджикаянский мертвец, пахнущий железом, что-то нежно просипел на прощание Ловчему – уже не слышавшему, уже зло ударившему принца и хотевшему повторить удар, – но на Полынь напрыгнул Даххy:

– Да тише вы, господин Полынь!

– Отстаньте, Даххy!

Мумия побежала прочь.

– Хей! – только и успела я крикнуть ей вслед. Мумия типичным Полыньим жестом махнула в ответ, не оборачиваясь: «Бывайте».

– Да хватит драться, идиоты! Нашли время! – рявкнула между тем Кадия, и мы с ней тоже бросились разнимать этот прахов клубок сорвавшихся нервов.

А искрящаяся воронка шувгея сузилась и вытянулась вверх – будто воздух предвкушающе всосала, разжигая аппетит перед обедом, – и медленно, никуда не торопясь, поползла в сторону мумии…

Та поднажала, куда более шустрая, чем живой человек. Шувгей, истекая слюной, полз за ней. Полынь грязно, непривычно для него выругался, слез с Лиссая и, на прощанье метнув в принца взгляд, мигом заволоченный песком (и слава небу – иначе сжег бы), развернулся на восток.

Туда, куда мы и направлялись. За пределы бури, где нас ждала грандиозная мертвая Мудра.

* * *

Обманутый нами смерч сначала ревел, удаляясь, охотясь за нашей подругой, и был черен как смола. Потом он замер на месте, и в реве ветра мне послышались чавкающие ноты, а краски смерча насытились удовлетворенным оранжевым цветом. Когда я оглянулась в третий раз, воронка уже вновь почернела и продолжила свой путь по изначальной траектории, выбранной ей и ее сестрами, – в сторону Дамбы Полумесяца, все дальше от нас.

Значит, с мумией было покончено.

Ничто другое в мире не поменялось. Стихия продолжала бушевать. Ребята даже не видели. Да и я пропустила конкретный момент…

В понуром молчании мы шли дальше.

Песчаный фронт медленно отступал, от часа к часу становилось яснее. Казалось, скоро все закончится, успех близок, но в этот момент Дахху, замыкающий нашу цепочку, вскрикнул.

Я шла перед ним, и рука друга дернулась, вырываясь из моей.

– Ребята! Стоп!

Песок под ногами Смеющегося уползал, стремительно засасывая Дахху будто в болото. Прошла всего пара мгновений – а энциклопедист утонул уже до пояса.

Да что ж такое-то, боги-хранители! Только блуждающих зыбучих песков нам не хватало!

Дружно вцепившись в Дахху, стараясь не провалиться самим, не шагнуть за грань, где нас всех утянет, мы поволокли Смеющегося обратно. К счастью, рядом с нами было мертвое дерево – иссохшееся, но держащееся крепко, не позволяющее каким-то несносным пескам помешать ему наслаждаться пустынным посмертьем.

Схватившись за это дерево, мы преуспели: песок с сожалеющим чавканьем выпустил наконец Смеющегося – правда, теперь босого и очень несчастного.

Плюсом этой внезапной спасательной операции было то, что Полынь и Лиссай помирились.

Минусом – то, что я ранила ногу о сухую корягу.

Но я заметила это не сразу. Только двадцать шагов спустя я, теперь замыкающая цепочку, поняла, что идти как-то слишком уж неудобно. Я открыла глаза и опустила взгляд, чтобы выяснить: сухая рогатина вспорола мне голень.

Твою ж налево!

Возможно, шувгеи уже далеко? Не заметят?

Но прах там был: не успела я додумать эту мысль, как из-за ближайшего бархана свывернул новый смерч.

Он отличался от своего старшего братца. Был в разы мельче и отнюдь не такой пугающе-черный. Вот только донельзя проворный: не прошло и трех ударов сердца, как воронка оказалась подле меня.

Второй мумии у нас не нашлось бы, времени на сложный маневр – тоже. Ну… Кхм. Какие варианты?

Я с лиричным вздохом отпустила Кадию, идущую передо мной, и, решив, что размер имеет значение и внутри этой крохи я точно не умру – скорее, пустынный стручок подавится, – нырнула в вертушку.

* * *

…«Самое главное – воспользоваться преимуществом неожиданного нападения», – думала я, пока ревущий и странно тяжелый воздух отрывал меня от земли. Удивлю демона фейерверком. Или спеленаю знаменитой золотой паутиной. Вышвырну вовне воронки и сама засяду там, в сердце бури, кучер пустынного смерча, и с ветерком домчу себя и ребят до Мудры. Хм, серьезно, а что, если мне перехватить у шувгея власть над ветром? Так можно?

А если даже нельзя было до сегодняшнего дня, почему бы мне не стать первооткрывателем? Вряд ли самые крутые умы нашего мира поминутно спрашивают разрешение. «Тинави ”Стражди” Изобретатель – Дом Внемлющих в панике грызет локти перед конкурентом» – привиделись мне газетные заголовки…

Пока я размышляла над неожиданно открывшейся карьерной перспективой, меня таки втянуло в центр смерча. Кверху ногами, что неприятно, но терпимо.

Мгновенно оглушившая тишина…

Перед глазами продолжали плыть цветные пятна – привет от свихнувшегося вестибулярного аппарата, – но рукой я нащупала и наугад вытянула из кармана стекляшку с кровью.

– Му-р-р-р-р, а что это тако-о-о-о-е? – вдруг раздался донельзя уютный, обволакивающий, низкий голос.

Судя по интонации, демон смерча не спешил меня «шинковать». Я извернулась, обнаружив, что парю прямо в воздухе.

Передо мной, на фоне вьющихся стен, сидел толстый белый пушистый кот. Котяра. Такой жирненький, что, видимо, откормлен на сметанке.

Стоп. Какая сметанка – это же демон!

Я решительно потянула склянку ко рту и, уже собравшись отколупнуть крышку большим пальцем, поняла: это не кровь Рэндома!

Это стеклянная рыбка, подарок торговца с дворцовой ярмарки. Я умудрилась переложить ее в пустынный костюм вместе с пузырьками.

– Мур-р-р-р-р, ну скажи, по-мур-жалуйста! – заканючил кот, поднимаясь на мягкие лапки, труся ко мне и начиная ласкаться о ноги.

То, что эти ноги все еще были выше головы, котика не смущало.

– Ты ведь не шувгей? – чувствуя себя полной идиоткой, уточнила я.

– Мур-р-р-нет, естественно! – обиделся кот. – Я разве похож на это невоспитанное мурдовище?

– Ты, с какой-то радости, находишься внутри смерча и движешься вместе с бурей, так что снаружи – да, похож, – объяснила я настолько спокойно, насколько это было возможно в условиях сложившейся ситуации. – Сейчас вопросов стало больше, конечно.

– Это смерчи движутся со мур-ной, – благодушие вернулось к котику, когда он, спустившись от ног к голове и походя залечив мою рану, стал лапкой бить по кулаку с зажатой в нем рыбкой. – Я – весенний ветер, а они – мур-приживалы, приставшие ко мне в этом году.

– О боги. Ты что, кат-ши?! – дошло до меня.

И, как это часто бывает, за одной хорошей идеей мгновенно последовала другая: я перевернулась в нормальное положение относительно невидимой земли и, скажем так, села в воздухе, скрестив ноги.

– Кат-ши – это я, – добродушно протянул котейка и теперь уже персиковым, бархатистым носом стал тыкаться в мой кулак. – А это у тебя мур-рыбка?

– Мур-рыбка, – согласилась я, разжимая руку. – Нравится?

– Му-у-урр. – Дух ветра завалился мне на коленки, перевернулся на спинку и стал лениво-расслабленно потягиваться то туда, то сюда, изредка ударяя по ладони какой-нибудь из конечностей.

Обескураженная, я предложила:

– Давай я оставлю рыбку тебе, а ты выпустишь меня к друзьям? Целиком, а не только кишки, скажем?

Не успел котик ответить, как вокруг послышались какие-то вопли, сдавленная ругань и тихие молитвы, а потом из бурляще-крутящихся «стен» смерча в нашу тихую гавань выплюнуло поочередно всех моих спутников.

– Какой котик! – ахнула Кадия и, выйдя из боевой стойки, с воркующим сюсюканьем бросилась к кат-ши.

Подруга всегда была крайне неравнодушна к кошачьим.

– Кат-ши? – нахмурился Полынь. – Ну здравствуй, дух ветра.

– Мур-р-р-р-много же вас! – недовольно поморщился кот, но я тотчас затрясла у него перед глазами вожделенной рыбкой, а Кадия почесала в каком-то таком особенном месте за ушком, что пушистик блаженно задрыгал ногой.

– Так что? – снова спросила я, когда урчание кат-ши стало до неприличия довольным. – Выпустишь нас всех в обмен на стеклянную рыбку?

Кот задумался.

– Мур-р-р-нет, – сказал он, потягиваясь, как после долгого сна. – Это не в моих мур-правилах.

– Такой масенький и такой суровый! – умилились Кадия, с удвоенной энергией щекоча пушистое пузо.

Я же в который раз вспомнила, почему люблю кошек куда меньше, чем сов, собак и любых других домашних животных.

Эти гады слишком самостоятельные. Слишком самодовольные. Слишком независимые. Иногда мне кажется, что кошки – талисман мазохистов. Высшее предназначение котов – показать нам, сколь мы ничтожны. А не все, знаете ли, это ценят.

С другой стороны, если бы их мурлыканье отдельно от характера можно было спрятать в будильники, – думаю, это сильно помогло бы нации в борьбе с депрессией.

– У меня мур-другие правила. Я не могу просто выпустить. Я должен показать вам правильную дорогу и проводить вас. Это даже лучше, если вы не мур-поняли, – покровительственно сузил глаза кошара.

Мы с ребятами переглянулись.

– Где подвох? – спросила Кадия, на всякий случай перемещая пальцы ближе к хрупкому котовью горлышку.

– Правильную дорогу куда? – напрягся Полынь.

– Куда мур-надо! – Кат-ши резким ударом выбил рыбку из моей руки и пропал.

А белые стены смерча сомкнулись, как вода, отсекая нас друг от друга.

32. Пепел

Загадки – это пружины, наполненные скрытой энергией, деликатес не хуже улиток. Главное – правильно подцепить. И, конечно, чтобы повар не подкачал.
Мастер Эверлин Рядок, Глава департамента Смотрящих

Вначале я осознала вокруг себя тишину.

Тишина была мертвая и безграничная, полная холода, и ее наполняли только тени – тени шепотов, тени плача, тени разбитых колоколов.

Я открыла глаза.

Вокруг меня простиралась тягучая космическая бесконечность, в которой кружились хлопья пепла, сотканные из седого серебра. Они, шелестя, как крылья мотыльков, беззвучно двигались в грандиозной пустоте, складывались в огромные города – и без единого вздоха медленно разрушались. Горы, леса, океаны – все возникало и мгновенно таяло в шелестящей тьме.

Еще здесь жили странные призрачные сущности – плоские силуэты, тени, – которые блуждали без цели и смысла и иногда начинали бешено, лихорадочно мигать, рывками передвигаясь по колоссальным пространствам.

– Хей! – крикнула я, выхватывая меч, когда одна из них попробовала протянуть ко мне костлявые пальцы.

Хей. Хей. Хей, – подхватили сущности.

С каждым новым повтором они искажали мое слово – расширяли его, извращали, тянули. Шепоты нарастали, лезли в глаза и уши, сущности, завидев сталь, с шелестом откатывались назад.

– Твою мать, – тихо, но внятно сказала я. – *Где я?*

Мой пустынный наряд обвивал ноги и колыхался, как будто я находилась под водой. Волосы шевелились. И я, и моя одежда, и меч – все легонько светилось в этой беспредельной пустоши.

Стоп.

Пустоши!.. Неужели?..

Я попробовала сделать шаг вперед – и у меня получилось. Я пошла будто по натянутой струне, силой воли создавая для самой себя понятие горизонта.

– Карл?..

Карл? Карл? Карл?

– КАРЛ! – я прижала свободную руку рупором ко рту.

Это имя не понравилось теням. Тотчас раздались насмешливые, издевательские шепоты сзади.

Я резко обернулась – и огромная штормовая волна из пепла, больше любой земной, захлестнула меня, роняя, крутя, ломая, вырывая рваные сиплые вздохи. Пройдя, волна рассыпалась, став просто песком, шуршащим вокруг, а когда я сумела подняться, сцепив зубы, стряхивая с лица седые хлопья – меня со всех сторон обступал сумрачный лес.

Он не спешил разрушаться.

Темная долина, полная мертвых деревьев, и нет правого пути сквозь нее.

– Не дождетесь… – пробормотала я, вытирая кровь, пошедшую у меня носом после волны.

Рубя хищные корни и ветки, я вступила в лес. Деревья, одно за другим, цепляли меня, царапали, пытались остановить. Скрипели, призрачно насмехались, шептались, сводили с ума.

Но я продолжала идти.

* * *

Наконец темная долина кончилась. Стоило мне пересечь ее, как деревья рассыпались за моей спиной, и впереди я увидела *Нечто.*

Колоссальные Врата в предместьях пустоты.

Они были распахнуты. За ними царил космос – истинный, потрясающий. Его подсвечивали синие, лиловые, зеленые тона, медленно кружились галактики, мерцали созвездия и загадочно светлели туманности. Это была невероятная утешающая красота, тихо поющая на грани слуха.

А по эту сторону Врат – в беспросветном Хаосе – горел костер, и возле него сидели двое.

– Карл! – снова крикнула я.

Молодой мужчина с красно-каштановыми волосами, убранными под серебряный венец, неверяще поднялся от огня.

Одного его шага хватило, чтобы преодолеть разделяющее нас расстояние. Коротко мигнув, он сменил внешность – и вот передо мной стоит изумленный подросток в белом комбинезоне, с россыпью родинок на щеках.

– Как ты здесь оказалась?! – шокированно проговорил хранитель, обнимая меня, а потом обходя по кругу, осматривая с ног до головы.

– Дух весеннего ветра – кат-ши – забросил. Карл… Я что, *действительно* в Хаосе?

– Не знаю, – признал ошарашенный мальчишка и потянулся рукой к моему затылку. – Позволь, я *Прочитаю* тебя? Для экономии времени.

– Да уж, пожалуйста! – сглотнула я.

На протяжении всей дороги сквозь Хаос мысль о времени билась где-то внутри меня испуганной пташкой с подрезанными крыльями. Ведь я помнила, что в Пустошах оно идет *в десятки раз* быстрее, и выводы, следовавшие из этого знания, исподтишка наполняли меня жутким, липким ужасом.

Но пока я была одна, я не позволяла себе впадать в панику. В одиночестве я вообще всегда гораздо спокойнее и хладнокровнее, чем с кем-то. Как будто с меня слетает привычная маска душечки и болтушки и что-то древнее и бесстрастное выходит на первый план. Не знаю, что это – простая система самосохранения или истинная я.

Но раз я снова в компании, можно и понервничать.

Пока Карл, сосредоточенно хмурясь, рылся в моей памяти – это ощущалось легкой щекоткой во всем теле, – я смотрела за тем, как Авена, отойдя от костра, наколдовывает себе клочок земли – с раскидистым деревом, высокой травой, на которой сидит много-много зеленых светлячков, и уютной палаткой. Закончив с чарами, хранительница заползла в свое убежище. Сквозь синюю ткань сначала было видно горящую внутри лампу и силуэт богини, готовящейся ко сну. Потом Авена задула керосинку, и в палатке стало темно. Но светлячки снаружи продолжали безмятежно сиять, а на дереве стрекотали цикады.

С ума сойти! Вот так сказочный контраст для космических врат и пепельных теней, кружащих у палатки, как хищники, но не решающихся приближаться.

Между тем Карл убрал свою руку с моего затылка и задумчиво протянул:

– Ты и впрямь сейчас находишься здесь, Тинави, причем целиком. Но можешь не беспокоиться из-за времени: кат-ши замедлил его лично для тебя. Какой умный кот, надо же… Я и не знал, что он способен на такое. Он раньше был питомцем Селесты[17], еще в те годы, когда

[17] Селеста – одна из шести богов-хранителей. Испокон веку предпочитает держаться особняком и заниматься своими делами. У шолоховцев считается покровительницей любви, флоры и фауны.

мы все жили в Мудре, и, видимо, сестрица научила его большему, чем я мог предположить. Да и сама она не промах, хм. В общем, ты вернешься в Лайонассу немногим позже, чем ушла.

– Это лучшая новость в мире! – облегченно выдохнула я. – Карл, а как ты думаешь, почему я здесь? И что у вас происходит? Как дела? Где Рэндом? Он вернулся к нам, да?

Мальчишка задумчиво качнулся с носков на пятки и обратно.

– Пойдем к костру, – решил он. – Чем сложнее разговор, тем в более комфортной обстановке нужно его вести.

Не слишком обнадеживающее вступление.

Впрочем, я все равно была настолько рада видеть, что мой любимый хранитель жив, здоров и даже так же молод, как прежде, что могла простить ему немного упаднических настроений.

Карл взял меня за руку, и мгновение спустя мы оказались на Привале Хранителей – как я мысленно окрестила его.

Как и вокруг палатки Авены, вокруг костра был наколдован пласт земли с густой изумрудной травой, небольшое дерево, в чьем дупле кто-то сонно копошился, и два бревна – вместо стульев. Над огнем висел котелок с каким-то аппетитным варевом, и Карл, пока мы говорили, неспешно помешивал его по часовой стрелке.

– Как видишь, Пустоши Хаоса не настолько уж и пусты, – начал мальчишка. – После гибели Зверя они изменились, но не исчезли. Этот пепел, как мы его называем, – он кивнул в сторону призрачных городов, строящихся и распадающихся вдалеке, – сейчас занимается тем, что пытается переосмыслить свое прошлое и найти себе новое воплощение. А мы с Авеной изучаем его. За многие сотни лет у нас не было загадки интереснее. Это тайна из тех, о существовании которых ты даже не подозреваешь, но если столкнешься с какой-нибудь из них, то покоя тебе уже не будет… Самый прекрасный тип тайн, как по мне. Он определенно стоит привала на краю вселенной.

Карл создал небольшую деревянную миску, налил в нее побулькивающего зеленого варева и протянул мне. Это оказалось что-то вроде кремового супа из трав – вкусно.

– И что вы успели узнать об этом… пепле? – Города вдалеке стали мне казаться еще более впечатляющими.

– Пока немногое. Но, судя по тому, какие формы принимает пепел, это измерение некогда было чем-то… – Карл задумался, – чем-то гораздо большим, чем при Звере. Собственно, Рэндома нет с нами, потому что он отправился домой, чтобы попробовать найти какую-то информацию на этот счет, порыскав по библиотекам всех миров. Шанс маленький, но есть. Рэндом – телепат и может раздробить себя на сто сознаний – это куда эффективнее, чем если бы домой отправилась Авена или я.

– М-м-м. А как Рэндому помогает то, что он подарил силу Теннета госпоже Тишь из Дома Внемлющих? – непонимающе вскинула брови я.

Карл, на свое несчастье отхлебнувший суп в этот момент, подавился.

– Что?! – воскликнул он, роняя миску.

Она скатилась с обжитого зелено-оранжевого клочка земли и упала в пустоту. Тени Хаоса тотчас подхватили ее, и мгновение спустя миска распалась на тысячи сияющих искорок, угаснувших в темноте.

– Ты же только что читал мои мысли? – я удивленно смотрела на побледневшего Карла.

– Да, но… Понятие личных границ у меня тоже есть! Я остановился на истории с кат-ши и бурей! И то там до этого была какая-то такая неоднозначная сцена, знаешь ли…

– Ой, кхм, точно. Но зачем, по-твоему, я поперлась в Пустыню Тысячи Бед, Карл?!

– Да фиг тебя знает! – Искренность хранителя сшибала наповал. – Захотела приключений, как обычно, почему бы и нет?

Ну, в чем-то он был прав.

– Читай снова! – Я вознамерилась собрать распущенные волосы в высокий хвост, чтобы ладонь хранителя и мой затылок оказались как можно ближе друг к другу – вдруг это ускорит процесс? – но тут увидела свои руки и взвизгнула от неожиданности.

У меня больше не было пальцев – они рассыпались искорками так же, как упавшая миска минуту назад.

– Не бойся, это просто означает, что твое время в Хаосе заканчивается. Предохранитель от кат-ши, – скороговоркой объяснил Карланон и на всякий случай больно ущипнул меня за локоть, потому что я всерьез вознамерилась грохнуться в обморок.

Я давно привыкла к частичной невидимости, иногда возникающей у Полыни, но узреть ее на своем собственном теле, да еще и с дополнительными эффектами в виде постепенного рассеивания, да еще и в Хаосе, прах побери! – это немного слишком.

– Я уже не смогу *Прочитать* что-либо, раз ты растворяешься, – посетовал Карл. – Но… Ты говоришь, сила Теннета сейчас в Лайонассе?

– Я так думаю. Потому что у одной весьма воинственной дамы, с какой-то радости, объявилась хранительская мощь.

– М-да… Авена! – крикнул подросток в сторону безмолвной палатки.

Там тотчас зажглась лампа – такая уютная, будто сказочная. Мгновение спустя богиня выползла наружу, а потом одним шагом переместилась к нам.

Я сидела на ее бревне, и Авене это явно не понравилось, но хмурая и молчаливая хранительница не стала комментировать этот факт. Ничего-ничего, захватчица в моем лице все равно уже безнадежно рассыпается, так мне и надо, нахалке, а вот физиономия Карла намекает, что срочно нужно кое-что перетереть.

– Амулет с силой Теннета! Он у тебя? – Глаза у мальчишки стали совсем круглые.

Хранительница смерила его убийственным взглядом – *ты для этого меня разбудил, серьезно?* – запустила руку за ворот своей рубашки и вытащила кожаный шнурок с подвешенным на нем флаконом.

– Конечно, у… – начала она холодно и осеклась.

Во флаконе не было той волшебно-туманной жидкости, которая находилась там в прошлом году и являлась воплощенной силой Теннета. Сейчас внутри плескалась обычная вода.

«Пардон!» – было выбито на пузырьке.

– УБЛЮДОК! – тотчас взревела Авена, и Хаос, разбрызгивая ее голос, как осколки зеркал, со всех сторон отозвался шелестящим: *Ублюдок! Ублюдок! Ублюдок!*

…Что ж, гипотезу о Рэндоме-воре можно считать подтвержденной…

– Что он сделал с силой, говори?! – рявкнула Авена, хватая меня за плечи.

Я понимала, что богиня злится не на меня, а на джокера, но приятного все равно было мало. В тех местах, где она коснулась моей кожи, появились дыры, заполненные тающими искрами.

Карл что-то возмущенно крикнул сестре на неизвестном мне языке, и та, устыдившись (надеюсь), отпустила меня и шагнула вбок. Впрочем, от меня уже мало что оставалось: время, выделенное кат-ши на экскурсию в Хаос, стремительно иссякало.

– Забей на Рэндома, – утешительно затараторил Карл. – Понятия не имею, что он задумал, поэтому делай с этой ситуацией с Тишь, что считаешь нужным. Мы не можем уйти к вам отсюда, чтобы разобраться, – банально не успеем, пока дойдем, пара месяцев пройдет, у нас-то кат-ши нет.

– Хорошо, – кивнула я, стараясь держать фокус на лице Карла, но при этом не на глазах – ведь в них отражалось мое постепенное расщепление. Красивое, но жуткое до невозможности. – Получается, кат-ши закинул меня сюда, чтобы я сказала вам про кражу? Или зачем? Он же должен указывать верную дорогу…

– Нет-нет, – Карл замотал головой. – Ты здесь ради себя, а не ради нас. А именно… – Он вдруг запнулся и с очевидной досадой вздохнул.

Потом тихонько выругался. Вот *это*, видимо, и было запланированной сложной темой для обсуждения.

Думаю, Карл бы еще долго трагично топтался на месте и подготавливал меня к своему монологу, но отведенные сроки не позволяли таких экивоков – поэтому мальчишка просто выдохнул, будто в ледяную реку нырнул:

– Тинави, я отрекаюсь от тебя.

– Что?!

Я совсем растерялась.

– Я стал учить тебя в прошлом году, – продолжил хранитель, – и создал этим связь между нами. Связь между наставником и учеником – одна из священнейших на свете, она накладывает неизгладимый отпечаток на обоих… Даже когда она возникает между обычными людьми – происходит магия, и любой наставник скажет: ее нужно беречь. Но… Я не могу быть твоим учителем – не здесь и не сейчас. А ведь тебе надо расти: твоя дорога уже ждет тебя, уже стелется под ноги светом луны, серебристой травой в ночных перелесках, снится туманными рощами, озерами темной воды… Более того, она уже даже гневается, что ты не идешь по ней, и из-за этого вызывает дурманные страхи, слезы, душащие в ночи, нерешительность там, где, казалось, само твое сердце давно знает ответ. Тебе *надо* идти вперед, Тинави. Но я не могу совершить этот путь с тобой, хотя, начав учить тебя, взял на себя такое обязательство. И поэтому – прости. А теперь я отпускаю тебя.

– Но… – протянула я.

Хаос, Врата, Привал Хранителей – все уже меркло, я исчезала совсем.

Последним, что я услышала перед тем, как погрузиться в благословенную тьму, был далекий шепот Карланона:

– Скажи это Нэту. Он все поймет. И до встречи.

* * *

На сей раз я очнулась в пустыне.

Мое тело, припорошенное песком, лежало под красной луной. Я открыла глаза и рывком села, ощупала себя целиком, ликуя оттого, что оно снова есть у меня – прекрасное, живое тело, милый дом для моей души.

А вот сумка с припасами и меч таинственным образом исчезли. Наверное, болтаются теперь где-то в открытом космосе, вот так ужас. Хорошо хоть, что самое важное – последние несколько пузырьков с кровью Рэндома – так и лежало у меня в карманах.

Между тем далеко впереди, под высоким барханом, похожим на спящего хамелеона, простиралась Мудра.

Мертвый, оплавленный город из голубоватого стекла, уже до середины сожранный песками. Витые узкие башни. Просторные многоуровневые поместья. Широкие улицы. Сады. Амфитеатры. Акведуки. Термы. Все запущено, погружено в тишину.

Надеюсь, кат-ши отправил моих друзей куда-то туда…

Я поднялась и побежала вниз, к городу, в своих легких пустынных сапожках, и луна светила мне в спину, а пески с тихими шорохами скользили вокруг, будто змеи на службе у вечности.

По дороге я прокручивала в голове диалог с Карлом.

В нем было много важного, но прямо сейчас сильнее всего во мне отзывались последние слова хранителя. «Я отпускаю тебя», – сказал Карланон. И хотя до этого я не чувство-

вала между нами никакой особенной связи – да, он был моим другом, учителем, но, казалось, наравне с остальными, – сейчас в моей душе поселилось колоссальное облегчение.

Свобода. Вот ты какая. Надо же.

Так и не догадываешься, что за гиря висит у тебя на ноге, пока не сбросишь. И это при том, что Карл никогда не делал мне зла, даже наоборот – именно ему я была обязана очень многими прекрасными событиями в своей жизни.

Неужели в нас остаются такие крепкие связи со всеми, с кем нас когда-то свела судьба?.. И если однажды вы с кем-то друг другу что-то пообещали – случайно или намеренно, – потом оно так и тянется за вами шлейфом, незаметно влияя на все, пока не оборвешь?..

Получается, именно из-за этого я чувствовала неясный страх перед Святилищем?

– Спасибо, кат-ши, – шепнула я в никуда.

Мне было грустно и легко той ночью, когда я вот так шла к мертвому городу Мудре – по шелковым пескам, в тишине, чувствуя печаль оттого, что закончилось что-то важное в моей жизни, и одновременно предвкушая нечто более правильное, более желанное впереди…

33. Идущие в вечность

Еще год назад Мудра была прекраснейшим из городов Лайонассы. Теперь это кладбище. Ледяная могила синего стекла, в которой навеки замерли, недвижимые, те, кто верил в себя, в науку, в вечность. Я не смог пройти сквозь городские врата. Я оплакал мой дом, глядя на проклятую землю, и развернул коня. Однажды наш народ возродится. Все возрождается в этом мире.

Из записок Эйндика из Дома Ищущих, Первого Короля-на-Чужбине, 1148 год

Я стояла под останками древних въездных ворот.

«Идущие в вечность приветствуют тебя, искатель», – гласила полустертая надпись на арке. Развалины убегали вперед на многие мили.

Надеюсь, ребята где-то там.

Но даже если да, мне придется помучиться, чтобы отыскать их. Кричать в Мудре нельзя – каждый шолоховец знает это с самого детства, – ведь в ее синих чертогах живет множество хищных духов, каннибалов и черных кладоискателей, гулей, шакалов и небо знает кого еще.

Это город мертвых, и мертвыми он пытается сделать всех незваных гостей.

Бредя по пустынным улицам, я вскоре наткнулась на лунные часы. За все века, что минули с падения Срединного государства, никто в Лайонассе не пытался изменить календарь – мы слишком ленивы для этого, кажется, – а потому часы показывали верную дату и время даже сейчас.

Выяснилось, что мое путешествие в Хаос заняло всего пятнадцать часов. По сравнению с тем, что я нафантазировала, – идеально!

Приободрившись, я стала… потихонечку раздеваться.

У стриптиза было логическое объяснение: я решила привязывать лоскуты одежды вдоль дороги там, где прошла, – в качестве хлебных крошек из старой сказки. Конечно, был шанс, что, увидев обрывки ткани, друзья получат сердечный приступ: *убили, разорвали, съели Страждущую!* – но я надеялась, что их психика крепче, чем моя.

А надежда – прекрасный попутчик. Дорогу она не подскажет, но всегда готова поднять настроение.

После часовых блужданий я заметила вдалеке тонкую струйку дыма, поднимающуюся в небо. Я побежала туда, но это оказался всего лишь костер пустынных каннибалов.

Несколько крупных чумазых существ, отдаленно напоминающих людей, устроились на некогда прекрасной площади Неистощимого Источника. Они переговаривались на своем рычаще-хохочущем языке, а над костром висела, жарясь, туша шакала. Я хотела обойти каннибалов за добрую милю, как вдруг увидела на бортике бывшего фонтана, у которого и сидели хищники… бумажку.

Ярко-алую. Знакомая заготовка для ташени! И, кажется, на ней даже что-то написано. Значит, не я одна додумалась оставлять следы. Здесь точно был Даххy!

С громко бьющимся сердцем я внимательнее оглядела костер: надеюсь, рядом с ним не лежат обглоданные человеческие кости?.. Но шакал явно был первым блюдом в меню каннибалов. Это радовало.

– Хорошо… – задумчиво протянула я.

Меча нет – боя не получится. Даже если бы был, я бы звоном перебудила всю Мудру, и меня бы тогда ели набежавшей с голодухи толпой. Я могла бы использовать хранительскую кровь, но в карманах оставалось всего несколько пузырьков, и с учетом грядущих событий тратить сейчас их было неразумно.

Поэтому, вдохнув-выдохнув для спокойствия, я начала красться в сторону фонтана просто так. Сама по себе Тинави из Дома Страждущих, как есть, отчаянно пытающаяся сойти за тень на песке.

Эти двадцать метров – или что-то вроде того – дались мне ой как нелегко. Я хорошо бегаю по жизни, хорошо играю в тринап, танцую, чьяговствую, даже дерусь – теперь! – но вот воровская походка до сих пор не является моей сильной стороной. Есть куда развиваться!

Однако терпение, труд и правильная мотивация – не быть сожранным – все перетрут.

Так что всего-то полчаса на пределе нервов, и вот я уже корячусь за бортиком фонтана, а каннибалы сидят настолько близко, что руку протяни – можно по-братски потрепать одного из них по грязному плечу.

Но и записка – долгожданная красная записка тоже была тут.

«Тинави, Полынь, Лиссай, Кадия,
я буду ждать вас в поместье Дома,
к которому принадлежит облагодетельствованное нами дерево».

Как он про Марцелу-то, а!.. Но все правильно: чтобы чужаки не поняли.

Ниже было указано число и время, до которых Дахху планирует там находиться. Увидев их, я чуть не взвыла. Срок прошел два часа назад! Пепел!

Расстроенная – ну и где теперь искать Смеющегося? И ради чего, спрашивается, я совершала весь этот путь? – я подняла взгляд от записки и вздрогнула. На крыше ближайшего дома, почти невидимый в тени, размотавший по такому случаю тюрбан, сидел, собственно, Дахху. Увидев, что я заметила его, друг всплеснул руками в стиле: «Ну наконец-то посмотрела, небо голубое!» – и отчаянно зажестикулировал: «Вали оттуда! Ва-ли!»

Я так и сделала.

И хоть обратный условно-воровской путь мимо каннибалов дался мне ничуть не проще с технической точки зрения, психологически он был приятнее: теперь я точно знала, что в конце ждет награда.

Если этот лохматый дурачина, конечно, сейчас еще куда-нибудь не свалит, пока я иду…

* * *

После того как мы полноценно, хоть и беззвучно, поликовали на тему нашей встречи, я шепотом поразилась:

– Дахху, а зачем ты на крыше-то сидел?

– Да я примеривался, как лучше спрыгнуть, чтобы заменить записку. – Друг засмеялся и смущенно показал уже новую красную бумажку: – У той ведь срок годности истек, нехорошо…

Классический Дахху.

Нет чтобы сразу бессрочную сделать!

– И что ты написал в этой? – прыснула я.

– Что я вас всех ненавижу, – тяжело вздохнул друг. – И очень надеюсь увидеть когда-нибудь еще. И на сей раз буду ждать возле главных ворот Запретного квартала, потому что, если что, Мелисандра явно придется спасать мне одному.

Мы пошли дальше по мертвому городу. Колючие перекати-поле то и дело выкатывались нам под ноги – свободные, клочковатые короли пустыни; дважды мы встретили деревья ингрисиль, растущие из полуразрушенных домов.

Оказалось, что кат-ши выбросил Дахху прямо здесь – в развалинах библиотеки, некогда принадлежавшей Дому Лживых. Поклажа друга тоже пропала: мы начали подозревать, что хитрый котик просто решил поживиться за наш счет. Вдруг в сумках обнаружилась бы еще мур-рыбка?

Зато в библиотеке Дахху наткнулся на настоящий срединный артефакт – зеркальце на изящной ручке. Очень древнее, серебряное – некогда его стопроцентно сделал или зачаровал один из богов-хранителей, потому что только осененные ими вещи смогли пережить страшное драконье пламя 1147 года. Все остальное ящериный огонь не пожалел – как лава, он легко огибал любые препятствия, втекал во дворцы, подвалы, запертые сейфы…

Выбравшись из Дома Лживых, Дахху пытался найти нас, но ходить по Мудре днем оказалось невыносимой идеей – яркое пустынное солнце отражалось от голубого стекла зданий так, что буквально поджаривало тебя заживо. Поэтому друг оставил в городе несколько писем и укрылся в поместье Дома Парящих до темноты.

– Кстати, о Парящих… – пропыхтел Дахху, пока мы с ним забирались на развалины покосившейся звонницы, поднимавшейся высоко над округой. – Помнишь, я не хотел приступать к биографии Марцелы, потому что считал, что это ерунда, а моя миссия – помогать людям?

– Конечно, помню, – просипела я от натуги, изо всех сил пытаясь не сорваться – мы были уже весьма высоко, а песок внизу только кажется мягким.

– В общем, я счастлив, что все-таки взялся за нее. – Дахху первым залез на обвалившуюся крышу и, упершись голыми пятками в каменный карниз, рывком втянул меня за собой. – Ведь в итоге я *все равно* помог, хотя и не ожидал этого! Причем не только Марцеле, но и многим другим: после ритуала превращения она прямым текстом сказала – теперь я смогу сделать для Шолоха *еще больше*. Это так здорово, знаешь, Тинави. И так… вдохновляюще.

Мы встали спиной друг к другу, внимательно вглядываясь в городские улицы, разбегающиеся под нами. На удачу, южная ночь, поглотившая пустыню, была бархатисто-глазастая, бессчетно-звездная, а луна сияла над барханами так ярко, что нам не требовалось фонарей.

– Оказывается, жизни можно доверять, да? – с улыбкой подхватила я размышления друга. – Она, хитрюга, где-то там у себя записывает наши искренние желания – и приводит нас к ним, пусть иногда и не прямой дорогой.

– Вот-вот. Никогда не знаешь, какая магия может прятаться за случайными и не такими уж привлекательным поначалу делами… О! Посмотри сюда! Это не Кадия?

Я проследила за вытянутым пальцем Смеющегося, опасно зависшего над пустотой. И действительно: подруга, готовая будто взлететь в любую секунду, – ох, эта прекрасная выправка департамента стражи! – шла по длиннющей улице Кривой Монеты, напряженно озираясь.

– Кадия! – обрадовалась я. И тотчас испугалась: – По-моему, ей наперерез выдвигается какой-то зеленый и крайне зловещий призрак…

– Успеем перехватить! – кивнул Дахху, и мы двумя сумасшедшими горностаями бросились спускаться с колокольни.

* * *

Нам удалось догнать и впихнуть Кадию в какой-то глухой переулок за считаные секунды до того, как на улицу Кривой Монеты вылетел действительно устрашающий и лютый дух. Мы так и не узнали, *чем* именно было это потустороннее нечто.

И хвала небесам! Некоторые тайны лучше оставить тайнами.

Выяснилось, что Мчащуюся котик кат-ши отправил в бывшую кузницу. Там не было ничего примечательного, кроме огромной надписи на стене:

«До конца! До конца!»

– Не могу сказать, что она мне понравилась, – Кадию передернуло. – Есть в таких призывах нечто глубоко трагическое. Поэтому я прихватила стеклянный меч, – она побарабанила ноготками по лезвию, отозвавшемуся легким звоном, – и пошла искать вас. Но днем это не увенчалось успехом. А что приключилось с вами?

Мой рассказ про Хаос поразил Кадию до глубины души.

– Едрыть-колотить, – с чувством сказала она, пока мы продолжали наматывать замысловатые круги по полуночной Мудре. – Если мы припремся к Тишь, а там нас встретит Рэндом, решивший так развлечься, я найду способ скрутить этого придурка, обещаю. И при помощи кат-ши лично отволоку его в Хаос к Авене. Надеюсь, хотя бы эта богиня поставит ему мозги на место. Ну или шляпу в задницу засунет – в воспитательных целях.

– Мне кажется, Рэндом, несмотря на свой очевидно своеобразный характер, все-таки не придурок, – деликатно вклинился Дахху. – У него должен был быть мотив.

– Карл и Авена попросили его найти информацию о прошлом Хаоса, – я развела руками. – Тишь тут явно ни при чем. Если, конечно, он не обнаружил что-то весьма и весьма специфическое… Хотя он стащил флакон еще *до* этого, хм.

– Возможно, боги не все тебе рассказали? – предположил Дахху.

– Да наверняка, – вздохнула я, и на этом разговор затих.

Пока мы шли, Дахху то и дело подбегал к табличкам старых домов – читал, с трудом разбирая остатки оплавленных надписей, кто здесь жил когда-то. Чумазый, босой, в рваной одежде, сбившемся тюрбане и с надтреснутым от жажды голосом друг был совершенно неузнаваем: казалось, эта шпана какая-то, а не талантливый молодой ученый.

Впрочем, мы с Кадией выглядели так же дико после долгих блужданий по Мудре. Ничто не выдавало в нас лесных аристократок, и я понадеялась, что мы каким-то чудом сумеем привести себя в порядок до того, как встретим Полынь и Лиссая.

Так и получилось… К рассвету мы умудрились тихо и технично укатить бочку с водой из лагеря черных копателей, а вот ни принца, ни Ловчего не обнаружили.

Наконец Дахху протер глаза:

– Так дальше не пойдет. Нам надо поспать. Мы сейчас берем энергию взаймы у себя будущих, и, как лекарь говорю, это добром не кончится.

Кадия солидарно зевнула. Я в последний раз с надеждой огляделась.

Среди руин, вдалеке, слышался смех – но это был ограбленный нами лагерь. С другой стороны торчали, виясь и перекручиваясь, как мышцы, острые шпили Запретного квартала.

А над ним занимался рассвет…

Алая рана горизонта раскрывалась царапиной, медленно затапливала восток – безысходно, безжалостно заливала ночь жаром, распаляя ресницы и отбирая воздух. Таинственный синий город от минуты к минуте наполнялся оранжевыми красками – но оставался столь же мертвым, как и прежде. Камни мостовых теперь выглядели могильными надгробиями.

Я подумала, что, окажись на моем месте кто-то из срединников, он ужаснулся бы, увидев, что стало с Мудрой. Ужаснулся бы, закрыл глаза упрямо и, раскинув руки, как канатоходец, по памяти пошел бы по старым тропам…

«Мой мир жив, я говорю вам. Ничего не кончилось. Мой мир – жив».

Мы с друзьями забрались в подвал неприметного дома и там, сбившись в кучку, будто потерянные котята, едва избежавшие утопления, голодные и холодные, легли спать.

* * *

Сны сменяли один другой, бешеные, пестрые, и в какой-то момент мне показалось, что я разгадала план Рэндома – я даже воскликнула: «Ну конечно!», а джокер шутовски поклонился мне, мазнув меня по лицу своей широкополой шляпой, но…

Оказалось, что это не трикстер во сне, а Кадия наяву. Подруга резко села, махнула головой, и ее длиннющие распущенные волосы заставили нас с Дахху проснуться и расчихаться.

– Вы слышите это?! – игнорируя наши недовольные стоны, замерла Мчащаяся.

И действительно, снаружи раздавался такой звук, будто кто-то редко, выразительно хлопал в ладоши. А в паузах слышалось конское ржание – такое неуместное в Мудре.

Мы наперегонки рванули к выходу. Стоило Дахху открыть дверь, как мне в лицо дохнуло раскаленным жаром пустыни. В первую секунду я решила, что мои легкие сгорят, обратившись двумя пламенеющими крыльями, – но прах там, это мой организм тоже выдержал.

Не устаю поражаться, насколько мы все выносливее, чем думаем.

Один за другим мы выпрыгнули в абсолютный зной. Над проклятой столицей рябило марево жара. Солнце было таким белым, что казалось черным.

Снова хлопок, ржание, нечеловеческий крик.

– Это на соседней улице! – сориентировалась Кадия и кинулась к некогда великолепному зданию суда.

Подруга ловко запрыгнула в дыру в стене, и за ней взметнулось облачко сизой пыли. На той стороне дома мы тоже нашли дыру и затаились возле нее.

Что там?

С одним стеклянным мечом на троих не повоюешь.

За разрушенной стеной обнаружилась небольшая площадь, в центре которой гарцевал белоснежный конь. Он гневно ржал, вставал на дыбы и яростно молотил копытами по воздуху, не подпуская обступивших его существ.

– Опять каннибалы! – охнул Дахху.

И впрямь: примерно две дюжины дикарей, рыкающих, сплевывающих, вели вокруг коня исполненный жадного нетерпения танец, не решаясь, но явно желая напасть на него.

Вдруг один из них все-таки бросился вперед – конь ударил его копытом в грудь, остальные каннибалы отшатнулись, делая круг шире, открывая обзор, и…

– Лиссай! – так и подпрыгнула я.

Припорошенный пылью и бледный, принц стоял подле Сиптаха – только теперь я узнала в разъяренном звере нашего безрогого единорога, изысканного жителя дворцовых угодий. В руке Лиссай сжимал короткую металлическую трубу, согнутую углом, черного цвета. Какой-то артефакт? Принц наставил ее на дикарей и не шевелился.

Взгляд у него был холодно-оценивающий. Ударенный копытом каннибал поднялся, взревел и бросился вперед – на Лиссая.

Рыжий и не подумал уклониться. Даже не шевельнулся. Вместо того – хлопок! Черный артефакт в руках Ищущего задымился. Бугристая голова каннибала дернулась, в воздух взметнулась странная красновато-белая каша; дикарь упал как подкошенный.

Лиссай перевел артефакт на другого каннибала, изготовившегося к прыжку, но теперь смущенного судьбой товарища. Дикарь растерялся, замер под принцевым взглядом; и тогда Лис, ничтоже сумняшеся, сам шагнул вперед и снова активировал свой артефакт.

Хлопок! Крик! Нападающие взвыли и снова отшатнулись…

– Так! Все! Пора спасать его высочество! – Кадия поднялась в проеме во весь рост.

– Да тут впору дикарей спасать… – озадаченно пробормотал Дахху.

Но подруга, пронзительно свистнув для привлечения внимания, уже бросилась вперед со стеклянным мечом наперевес. Мы за ней.

Все завершилось быстро. Каннибалы, не ожидавшие, что на них нападут с тыла, начали разбегаться. Кажется, они давно уже поняли, что не слишком-то и голодны, но до нашего появления у них не было предлога отступать. А так – приличия соблюдены!

Ох уж этот диктат повода над причиной…

– Вы очень вовремя: у меня остался всего один *патрон*. Это то, чем стреляет мое оружие, – объяснил Лиссай, со всеми перездоровавшись, и убрал артефакт в те самые странные ножны, которые я видела у него еще в Шолохе. – И к-как же я рад, что вы живы!..

– А уж мы-то как рады, – доверительно поделилась Кадия.

– Расскажете подробнее, как действует ваше оружие? – Дахху жадно глядел вслед исчезнувшему артефакту.

Но его вопрос заглушил мой удивленный вскрик:

– Гординиус?!

Потому что с другой стороны от Сиптаха, уже успокоившегося и теперь лишь недовольно пофыркивающего в стиле *«Ну и погодка тут, я вам скажу!»,* я вдруг увидела колдуна. Он лежал на песке – бессознательный, связанный и с кляпом во рту.

Синего кокона «Ф.Д.» вокруг него уже не было.

– А, – вспомнил Лиссай. – Точно. Я привез его: он очнулся.

– Кат-ши вас что, в Святилище выбросил? – Я присела на корточки рядом с альбиносом. Дышит. Уже хорошо!.. Не колдует – вообще замечательно.

– Хуже… – принц поморщился. – В тронный зал Шолоха. К счастью, там не было никого, кроме госпожи Метелочницы, но и ее, боюсь, придется долго приводить в чувство. Ведь даже королевскую прислугу не готовят к тому, что младший принц может просто свалиться на трон из ниоткуда – и потом долго пылить пустынными песками, бегая по к-коридорам. Дело было так…

*** * ***

Вынужденные приключения принца Лиссая

Лиссай, рухнув прямо на отцовский престол, сразу же поднялся и с максимально невозмутимым видом пошел прочь. «Сначала свалить из непонятной ситуации, потом пугаться», – гласила его новая философия. На ходу принц вежливо улыбнулся Метелочнице. Та выронила швабру и никак не могла закрыть рот.

«Черт! – между тем думал Лис отнюдь не по-шолоховски. – И как теперь быть?»

Впрочем, ответ лежал на поверхности: либо никак (пусть ребята справляются сами), либо искать коня – чтобы путь от края «глушилки» до Мудры сократился в несколько раз. Как протащить коня сквозь Междумирье – это уже другой вопрос…

Лиссай, потирая копчик, направился в дворцовые конюшни. По дороге он наткнулся на госпожу Душицу из Дома Внемлющих, которая как раз возвращалась из покоев Аутурни. В последнее время фрейлина часто читала королеве дамские романы – вслух, с теми ускользающе-обещающими нотками, которые составляли определенное сходство между Душицей и ее братом и потому особенно нравились ее величеству…

Завидев запыленного принца, темноволосая фрейлина присела в низком реверансе:

– Ваше высочество! Куда вы спешите в столь интригующем виде?

– По делам.

– Это хорошо. А то я испугалась, что в городе появилась цифра «один» или нечто подобное…

Лиссай резко затормозил: ему пришлось ухватиться за витую зальную колонну, чтобы не проскользнуть мимо.

– Разве террористов не арестовали? – обернулся он.

– Нет! – Брюнетка расширила прекрасные глаза, а потом мягко пожурила Ищущего: – Вечно вы витаете в облаках! Вчера ведь тоже было нападение, вы пропустили?

– Да, – нахмурился Лиссай. – К-кажется, пропустил. Я был в отъезде.

Душица кокетливо смахнула несколько песчинок с плеча принца. Честно говоря, положение это не улучшило: девушка лишь зря руки перепачкала. Ну да ничего страшного. Грязи бояться – во дворце не служить.

– Террористы сделали пробоины в огромном количестве городских магретто, причем с отложенным эффектом, – объяснила фрейлина. – Речные кораблики утром отправились по

своим маршрутам, а в два часа дня все, как один, пошли ко дну. Их до сих пор поднимают! И в каждом находят цифру «два» и надпись «готовьтесь», нацарапанную на магическом кристалле. Ваш отец крайне… опечален.

– А Теневой департамент?

– Безмолвствует, как обычно. – Душица закатила глаза: что взять с этих козлов, если все они – как ее братец? – Их же всего четверо. Я так понимаю, они перевесили ответственность на другие ведомства, а сами теперь ходят хвостом за его величеством. Мне кажется, они уже просто хотят дождаться этой «единицы», и… Не знаю. Уволиться? Как думаете, Ходящие могут покинуть должность *не* ногами вперед? Или у них нет такой опции?

– Не знаю, – задумчиво протянул Лиссай.

Очень странно, что Теневое, Иноземное и Лесное ведомства, имея на руках данные о Терновом замке, так и не смогли поймать Виров за эти дни. Что за бред? Они вообще не работают, что ли?

В королевских конюшнях принц приказал срочно подготовить ему Сиптаха.

Тот, мирно спавший в полуденном стойле, весьма недружелюбно высказался насчет внеплановой прогулки. А уж когда обезумевший хозяин завел его за угол конюшни и открыл – *матерь всех единорогов!* – какую-то дверь в пустой до сего момента стене, Сиптах вообще всерьез задумался над тем, не пора ли ему позвать на помощь, подать в суд или что-нибудь типа этого.

Пока думал, принц уже коварно завел его в Междумирье. Ах, зараза!..

Там тоже все оказалось непросто. Потому как, стоило Лиссаю и единорогу выйти на привычную поляну, выяснилось, что вторая из трех жертва «Ф.Д.» успешно оклемалась. И вдобавок хочет воевать.

Это был Гординиус Сай.

Колдун, ошалевший от одиночества и тумана, понятия не имел ни о каком Междумирье и тем более о том, что в этой местности нельзя колдовать. Альбинос встретил Лиссая боевым заклинанием – и возмущенное Междумирье тотчас плюнуло Гординиусом, как косточкой, в Шолох.

Лиссай застонал. Сиптах развеселился.

Поколебавшись и решив, что отсутствие столь важного пленника – это большой риск для репутации, принц снова открыл свою разнесчастную дверь.

Альбинос, дезориентированный, кашляющий синим и обезвоженный, уже плелся прочь по королевской конюшне, пошатываясь и придерживаясь рукой за стойла. Отбросив конспирацию, Лиссай догнал его, слегка придушил на глазах у изумленного конюха, прихватил со стены моток веревки и тряпку, а потом за шкирку отволок пленника в несуществующую доселе дверь.

– Кажется, мне нужен выходной, – слабо пробормотал конюх. – Привидится же…

Лиссай тем временем связал Гординиуса и наконец отправился в пустыню. А дальше – только гонка, долгая гонка сквозь пески…

* * *

– Но если Гординиус очнулся, то как там дела у Анте? – встрепенулся Дахху.

Принц пожал плечами:

– До сих пор в коконе.

– Представляю, как он будет негодовать, когда узнает, что проснулся последним… – цокнула языком я.

Кадия же, забравшаяся на старый городской колодец, а с него – на крышу бывшей лавки, крикнула оттуда:

– У меня плохие новости! Каннибалы возвращаются, причем с подкреплением. Их много, и они приближаются с трех сторон. Ненавижу оборону, но нам определенно нужно укрытие.

Мы с сомнением огляделись. Развалины вокруг выглядели крайне удручающе. Вдруг Гординиус, до этого момента так и лежавший на песке, забился в своих путах, будто рыбка. Я выдернула кляп.

– Канализация! – просипел альбинос. – Видите колодец? Прыгайте внутрь! Там можно спрятаться и запереться.

– Только если ты – первый, – я сощурилась.

– Да с удовольствием! – рассерженно рявкнул Гординиус, мотнув белой челкой. – Я видел, как едят каннибалы, Тинави, и, знаешь, зрелище отвратительное. Вы полные идиоты, что притащились в Мудру, но раз уж вы здесь, более того, раз меня прихватили – давайте выживать!

«Давайте выживать» – не худший лозунг в наших условиях.

Кадия и Дахху заглянули в колодец и выяснили, что в его стенах вставлены скобы для спуска и подъема. Оставалась одна проблема – единорог.

– Черт, – ругнулся Лиссай, потрепав Сиптаха по гриве. – Ты сможешь сам вернуться домой, дружище?

– Вы предлагаете ему проскакать почти тысячу миль в одиночку? – побледнела я, подразумевая, что это *очень* плохая идея.

– Бег и чудеса – его специальность. – Принц развел рукам:. – Это же королевский единорог, в конце концов.

Сиптах издал разочарованное ржание, которое можно было истолковать как «м-да-а-а, а я ведь подозревал, что прогулка с подвохом!», потом как-то очень по-человечески и ободряюще ткнулся мне в шею: «не грусти, девица, он прав!» – и, обдав Лиссая профилактическим холодком напоследок, стрелой рванул по улице прочь.

Все время, пока мы спускались в колодец, Дахху по собственному почину читал нам лекцию о живучести, мудрости и магических свойствах единорогов. И в кои-то веки никто и не думал его перебивать, наоборот, все откровенно радовались и чувствовали, как потихонечку растворяются тяжеленные булыжники на душе.

На дне колодца оказался тоннель, такой же смальтово-стеклянный, как и все в Мудре. Мы стояли в кругу света, проникающего сверху, а все остальное тонуло в темноте. Снаружи нарастали крики и топот приближающихся каннибалов.

Гординиус Сай шагнул к стене. Там, еле заметная из-за древности, была изображена белоснежная семиконечная звезда – символ Срединного государства. Альбинос с нажимом провел пальцами по ее контурам, и в стене, помедлив, что-то защелкало. Рисунок вдавился внутрь, и в тоннеле стало неспешно темнеть: высоко над нами стягивались стеклянные лепестки, закрывавшие колодец от внешнего мира.

Вскоре нас поглотила абсолютная чернота…

– А фонарей ни у кого нет, да? – тоскливо протянул Дахху.

Гординиус Сай, услышав это, драматически расхохотался.

– Я выпью крови и подсвечу, – решила я, но меня опередил Лиссай.

Оказалось, что принц уже сел на пол, скрестив ноги. Он сложил руки перед грудью: одна сверху, ладонь смотрит вниз, другая снизу – ладонь вверх, – и по мере того как Ищущий разводил их, между ними появлялось все больше и больше света, в конце концов оформившегося в шар.

– Откуда вы знаете про механизм в колодце? – спросил Лиссай Гординиуса.

И как-то все мы поняли, что сейчас у нас по расписанию допрос. Сели послушным кружочком, даже господин Сай не отставал.

Альбинос пожал плечами:

– Я работаю в Мудре последние годы.

– Да ты трудяга, Горди! – восхитилась Кадия. – И в Мудре работаешь. И в Иджикаяне. И на госпожу Тишь.

Колдун поморщился:

– Я на нее не работаю, Кад.

– А как же тогда охарактеризовать ваши отношения?

– Да чтоб я знал, – устало огрызнулся Гординиус.

Вообще, было видно, что он очень, очень устал.

Какая-то обреченная серость затягивала его худое лицо, светлый хвостик волос совсем спутался, напоминая мертвую ласку, а жреческий балахон, оставшийся еще с ритуала в Призрачной Роще, помялся и местами порвался. Горди прикрыл прозрачно-льдистые глаза, будто пытаясь заставить нас всех исчезнуть.

И я вдруг с пронзительной ясностью вспомнила, как мы раньше дружили.

Как смешной и нахальный альбинос приезжал в коттедж магистра Орлина на выходные. Как валялся с нами в библиотеке, располагавшейся на верхнем этаже, самоуверенно и томно зачитывал нам сумрачные стихи, и мы с Кадией тихонечко млели, а Дахху изо всех сил пытался тактично промолчать и не сказать Гординиусу, что тот ставит неправильное ударение в строчке «асимметрия наших душ»… Но потом все-таки сказал, и Горди нарочито-оскорбленно запустил в него простеньким заклинанием, и в итоге все это превратилось в магическую дуэль на заднем дворе, а потом мы гуляли всю ночь по Смаховому лесу, и смеялись, и смотрели за цветением флиборантов, и чувствовали себя четверкой супергероев, которые обязательно станут Шептуном, Военной, Лекарем и Магистром Тайн.

Куда же оно все уходит.

Как быстро. Как далеко.

Будто подслушав мои мысли, Гординиус открыл глаза. Внимательно посмотрел на меня. На Кадию. На Дахху. На мгновение в тоннеле повеяло атмосферой той вольной и вдохновенной жизни у магистра Орлина…

– Давайте я расскажу все по порядку, – вздохнул Гординиус Сай.

34. Карьерные мытарства господина Сая

Общая боль легко связывает людей, даже легче, чем общая радость. Но что хорошего может принести союз, построенный на боли? И что будет, если боль одного вдруг утихнет?
Философ Зандудий

Гординиус считал, что уж кому-кому, а ему в жизни не повезло по полной программе.

Началось все паршиво – детским домом, а закончилось вообще пустыней. В середину впихнулись годы, проведенные в Башне Магов – сияющие, полные надежд на будущее, а потому особенно горькие в ретроспективе.

В детстве Гординиус был очень пробивным. Он знал: если такой, как он, хочет чего-то достигнуть, то придется впахивать втройне. И не гнушаться некоторых не вполне добродетельных методов. А еще – выправлять самооценку, чтобы любовью к себе от него шибало за версту.

Потому что стойкое ощущение собственной ничтожности только в сказках вознаграждается сторицей. В жизни все по-другому. Если ты в себя не поверишь, то остальные тем более не станут. Делать им нечего, ага.

Когда Гординиус поступил в Башню Магов, он расслабился: решил, что теперь все точно пойдет как надо. Парень планировал стать Шептуном – Лесной департамент привлекал его своей однозначной положительностью. Горди думал: будущая должность, преисполненная благости, как бы сразу смоет все его предыдущие невзгоды и грешки. А что может быть лучше, чем из *плохого* стать *хорошим*?

Все будут любить его.

Здорово.

Но чародейская комиссия не разглядела в нем «славного парня». Наоборот. Дескать, ты такой колючий, так легко ступаешь по головам, так изящно втаптываешь моральные принципы ради оценок – езжай-ка ты в Иджикаян, Гординиус, и будь там посольским магом: слушай, докладывай, веди себя мирно, а если мы скажем – наноси удар! Примерно такой же, как мы только что нанесли тебе. В Шептуны и не надейся попасть, ты редкий чванливый ублюдок, нам тут такие не нужны, у нас чинно-благородное королевство. Так что собирай вещички и топай, спасибо за уделенные нам восемь лет.

…На юге было погано так погано, что Гординиус часто смотрел на пальмы: надеялся, что какой-нибудь паршивый кокос шлепнется ему на голову и убьет. Но кокосы висели как приклеенные. Нет им веры.

Альбиносу приходилось заматываться целиком, включая кончик носа, прежде чем выходить на улицу. Да и выходить особой радости не было: Гординиуса раздражали крикливые иджикаянцы с красивыми, но подлыми глазами; вонючие верблюды, плюющие под ноги; песочные дома, похожие на пчелиные ульи; одурелая увлеченность знати бегами гигантских жуков…

Общаться с коллегами не хотелось. Эти идиоты пребывали в полном восторге от посольской работы. Строили планы: десять лет тут посижу по контракту, потом три года в Узких щелях, там – Тилирия или Норшвайн; и так, капля за каплей, будет расти уважение, стаж, зарплата и – свобода перемещений… Дурачки думали, что вершат дипломатические судьбы мира. А по факту – жалко трепыхались, смешно и неуклюже подергивая конечностями в пыльной провинции Южной Четверти.

Впрочем, они выбрали свою работу сами. Их не отвергли, как Гординиуса. Не указали на дверь: ты, мол, недостаточно хорош. Этот факт тоже не способствовал дружбе.

Через несколько лет Гординиус все же привык.

Взял незаконную, но хорошо оплачиваемую халтуру: стал сопровождать караваны в Мудру, помогал добывать артефакты. Потом и вовсе провернул многоходовочку и подгреб один небольшой контрабандный бизнес под себя. («Раз уж все считают меня сволочью, то ей я и буду, – рассудил он. – Кто я такой, чтобы разочаровывать людей?»)

А на пятый год появилась Она. Та, что сначала стала отдушиной, а потом – причиной непрекращающихся ночных кошмаров.

Как-то раз старший посольский маг слег с тепловым ударом, и Гординиус вместо него понес квартальные документы иджикаянскому визирю. Дворцовый комплекс Аль-Паламас – величественный и прохладный – давно привлекал альбиноса, и, расправившись с делами, Гординиус решил погулять там.

Он с любопытством бродил среди мозаичных галерей и сердоликовых патио, шлепал по лазурной воде искусственных бассейнов (глубина – три дюйма; наполняют ежечасно, ибо вода испаряется), любовался на фламинго, павлинов, слонов и соблазнительных наложниц, обвешанных килограммами украшений.

Разморенный жарой, сладкой и вязкой, как мед, Гординиус опустился на бортик декоративного пруда и, раскрыв веер, стал обмахиваться, разгоняя скуку. Как оказалось, он сел неподалеку от покоев султана. Дюжина охранников с изогнутыми саблями стерегла высоченные резные двери, набранные из лиловой слюды.

Вдруг послышались звуки безобразной ссоры. Кричали двое. Когда ссора стала столь громкой, что уже почти можно было разобрать слова, двери распахнулись.

Из них появилась женщина.

Она была невероятна! Благородный черный ворон среди этих разряженных попугаев. Острая, угловатая, целеустремленная, женщина пошла прочь, не оборачиваясь и не слушая визгливых воплей позади. Она пробормотала сквозь сжатые зубы: «Жирный придурок!» – и Гординиус обомлел, по языку угадав в ней соотечественницу.

– Вы из Шолоха? – не удержавшись, окликнул он.

Женщина остановилась и гневно обернулась. У нее был только один глаз; второй закрывала изящная серебряная пластина с рисунком речного водоворота. Под глазом чернело клеймо: крест.

Между тем в распахнутом зеве дверей появился сам султан, и впрямь достаточно пухленький.

– УВОЛЕНА! – завопил он, топая ногами в атласных туфлях. – УВОЛЕНА-А-А-А!

Женщина смерила его презрительным взглядом, а потом вдруг обидно расхохоталась. Охранники тотчас ощерились саблями. Гординиус на всякий случай поправил маг-браслеты на своих запястьях, но продолжал с жадным любопытством смотреть на незнакомку.

– И эта страна падет, – отсмеявшись, холодно сказала дама. Запахнулась в пустынный плащ и… исчезла.

* * *

Вскоре Гординиус снова встретил ее: на арене для бега жуков.

Женщина стояла в первом ряду, небрежно облокотившись о дощатый парапет. Ее изумительно длинные пальцы скучающе барабанили по доске.

Песчаная трасса внизу была такой узкой, что ездовые скарабеи задевали ее стены боками. Это было сделано специально: чтобы улучшить свою позицию на треке, жукам приходилось драться, а потом перелезать через трупы соперников. Всадники-иджикаянцы подхлестывали скарабеев кожаными хлыстами и науськивали друг на друга.

Зрители свистели и кричали, но незнакомка из Аль-Паламаса стояла неподвижно. Колдун узнал ее еще со спины. «Истиная грация – это умение не делать лишних движений», – подумал он.

Гординиус перезавязал свой белоснежный хвостик, поправил широкий капюшон плаща и протолкался вперед. Вместо приветствия он скучающе бросил:

– Ненавижу такие развлечения.

– Я тоже, – согласилась женщина.

– А зачем же вы сюда пришли?

– Возвращаю вопрос, малыш.

«Малыш» – это звучало неприятно. Но Гординиус не собирался сдаваться.

Он нарочито равнодушно пожал плечами:

– Кровь и грязь вызывают не меньше эмоций, чем утонченные вещи. А мне любые эмоции дороги – я совсем уже скис в этой мерзотной стране.

– То есть ты выяснил, куда я хожу вечерами, и проследил за мной ради остреньких ощущений? – равнодушно «перевела» женщина.

– Я не следил за ва…

Договорить он не успел. Дама резко повернулась, схватила его за широкий ворот одеяния и притянула к себе. Гординиус замер, когда незнакомка, оказавшаяся вплотную к нему, недобро уставилась ему прямо в глаза – они были с ней практически одного роста. Ее единственный зрачок расширился и начал пульсировать. Бледные губы были плотны сжаты, а пальцы свободной руки весьма угрожающе сжимали такое место Гординиуса, за которое он, скажем прямо, переживал.

Прошли долгие две секунды, после чего дама отпустила колдуна.

– Так тебе хватит эмоций? – хмыкнула она, уже почти дружелюбно.

Между тем жук-фаворит, укушенный за членистую ногу, вдруг упал на треке прямо перед ними, подняв тучи пыли и подмяв под себя жокея. Следующий бегун напрыгнул на него и стал терзать огромными жвалами под ликующие крики толпы.

Женщина тотчас с интересом перевесилась через парапет.

– Третий, пятый и девятый номера тоже проиграют, – громко сказала она и пошла к выходу с трибун. Люди расступались перед ней, как перед прокаженной, а те, кто услышал «пророчество», вдруг стали отчаянно черкать что-то в своих игральных бланках…

Гординиус молча смотрел вслед незнакомке.

Потом ругнулся и, одернув плащ, пошел за ней. Он молча проводил ее до лестницы. Потом по лестнице. Потом, не говоря ни слова, вышел вслед за ней на темную улицу.

– Малыш, а что тебе, собственно, надо? – не выдержала женщина кварталов эдак пять спустя. – Я знаю, в пустыне водятся змеи, которые кусают человека, а потом ползают за ним, пока он не сдохнет от порции впрыснутого яда. Но ты вроде даже не скалил зубки.

Гординиус пообещал себе отомстить ей за этот пренебрежительный тон. Как-нибудь необычно. И чуть попозже.

А пока спросил:

– Каким образом вы тогда исчезли из дворца? Это была какая-то иллюзорная формула?

Женщина не ответила.

– Не буду лукавить: меня впечатлила ваша эскапада, – продолжил Горди. – Я о вас всюду спрашивал. Узнал, что вы приехали в Иджикаян меньше месяца назад. Как же вам удалось сразу попасть на работу в Аль-Паламос? И как… – Он запнулся.

– И как я умудрилась сразу вылететь, ты это имел в виду? – ехидно «подбодрила» женщина.

– Нет. И как вы, прах побери, осмелились поднять голос на султана?!

– А ты на меня как осмелился?

– Когда?

– Только что, малыш.

– Хм. А что? Убьете меня?

– Пха. Я не пачкаю руки просто так.

– Просто так… Значит, вы из Гильдии Убийц?

– Какая глупость! Еще идеи?

Так они проговорили до глубокой ночи, сначала наматывая круги по Хардурману, потом переместившись в затхлый бар, потом – к Гординиусу домой.

Если вечером женщина откровенно насмехалась над альбиносом, то утром сама начала задавать ему вопросы, и он как-то незаметно вывалил ей всю свою жизнь – и все сопутствующие оной тряпки вроде тайных надежд, разочарований, обид. А потом они стали говорить про Шолох. Оказалось, новая знакомая Гординиуса перестала жить там почти три года назад.

Больше она ничего про себя не сказала, не считая имени: Тишь.

Тишь.

Как шелест гремучей змеи в песках. Очень ей подходило.

– А у тебя фамилия Сай? – спросила Тишь. – Ты из приюта, значит, выбрал ее сам в год получения гражданства. Почему же именно Сай?

– В честь лесного короля Сайнора: он мне нравился в детстве. Был моим героем, – рассеянно отозвался Гординиус, бривший перед зеркалом опасным лезвием, а потому весьма сосредоточенный. Сначала сказал, а потом спохватился: это был первый раз в его жизни, когда он поведал кому-то о смысле своей фамилии.

В зеркале стало видно, как косая ухмылка перечеркнула неэмоциональное лицо госпожи Тишь. И снова женщина посмотрела на альбиноса так странно и внимательно, как тогда, на арене.

– А сейчас нравится?

– Сейчас мне все равно.

– Мне тоже, малыш. Мне тоже, – сказала она, хотя он, ей-небо, и не спрашивал.

* * *

Они неплохо сошлись.

Тишь даже переехала к нему. Толку в хозяйстве от нее не было никакого. Она могла целыми днями валяться на тахте, написывая что-то в дневник или просто пялясь в потолок. Поначалу Гординиуса это раздражало, но потом он привык.

«Будем считать, я завел себе кошку», – думал он, косясь на гостью. Тишь только криво усмехалась в ответ, будто мысли читала.

Хотя почему будто? Месяц спустя она раскрыла Гординиусу свою тайну. Вернее, целых ворох своих пепловых тайн. Вывалила развеселое прошлое на суд альбиноса так буднично, будто решила рассказать анекдот, а не поведать о кровавом закулисье шолоховской контрразведки.

У Гординиуса случилась форменная истерика.

Он бегал по дому и орал, изредка начинал задыхаться, краснел, белел, таращил глаза и чуть ли не бил посуду. Тишь лежала на спине, закинув ступню одной ноги на колено другой, и любовалась свежей татуировкой Глазницы: той, которую сделала себе при помощи крови, украденной в Пике Волн.

– За что, за что мне это?! – в голос стонал Гординиус.

– Ты же сам решил набиться ко мне в компанию.

– Я не думал, что ты мятежная Ходящая!

– Пх. Архимастер мятежных Ходящих. Не приуменьшай мой опыт, будь добр.

– О боги!.. Ты… Сколько горожан ты убила во время бунта?! А до этого?! – В иные моменты Горди завывал, как прахова волынка. – Ты вообще человек?! Все эти твои запредельные Умения… Маски, плащи, посохи… Совершенная секретность… Небеса всемогущие, а если об этом узнают? О том, что ты живешь у меня?! Да меня казнят! Я стану предателем! Твою мать, Тишь, тебя не учили предупреждать о таких вещах?!

Тишь лениво поднялась, налила из-под крана кувшин ледяной воды и плеснула в лицо колдуну.

– Успокоился? – участливо спросила она, пока он отряхивался посреди комнаты, как ощипанный лебеденок. – Я тут законно. Я в своем полном праве. Так что зря ты так безобразно кривишься. И вообще – отрасти привычку дослушивать, прежде чем гнать коней нервного срыва.

Гординиус действительно успокоился. Тогда Тишь рассказала ему и продолжение.

То, как ее бунт был подавлен. То, как ее приговорили к смертной казни, но потом заменили виселицу на пожизненное заключение в одиночной камере. То, как ей повезло: в каменном мешке к ее услугам была бумага, маг-светильники и писчие перья.

В карцере Тишь разработала много новых магических формул и инструментов; по памяти отрисовала карту столицы и прикинула те слабые места государственной безопасности, которые не успела подлатать во время службы; вспомнила программу обучения Ходящих в Пике Волн и снабдила ее своими комментариями; переосмыслила некоторые отношения; написала мемуары и, кажется, потихонечку,

полегонечку,
по капельке
сошла
с
ума.

Что проявилось не сразу.

За семьсот семьдесят один день заключения у Тишь был только один посетитель: его величество Сайнор, явившийся как-то раз в ночи, инкогнито, наряженный в ключника.

– Ну и сволочь ты, – с порога сказал король, убирая руки в карманы. – Сволочь редкостная.

– Пришел поругаться, пха?

– Проклятье, Тишь. Ты устроила бунт в моем государстве.

– А ты реформировал мое ведомство.

– Это было необходимо. Институт Ходящих безнадежно устарел – я говорил тебе это тысячу раз и скажу в тысяча первый. Лесное королевство становится безопаснее год от года; потребность в теневых услугах уходит, а независимость ваша – только растет. Вы были задуманы как псы короны, но на исторической шкале видно: вы уже куда ближе к кукловодам, нежели к марионеткам. Я должен был остановить этот процесс, пока не стало слишком поздно. Иначе однажды вы бы сочли себя высшей расой, а нас обратили в рабов. Я рассчитывал, что мы – ты и я – договоримся полюбовно, но… В тебе, как и в твоих агентах, оказался какой-то изъян. Чертоточина, фанатизм, мешающий принимать верные решения.

Тишь усмехнулась:

– Марионетки, псы, кукловоды… Столько слов, и ни одного верного. Мы стражи, Сайнор. Это – единственная истина про Ходящих. Мы ходим по кромке света и тьмы. Добра и зла. Хаоса и порядка. Мы защищаем вас из нашей тени. То, что ты назвал изъяном, – это не изъян. Это, Сайнор, наша сила. Знаешь, в чем она заключается? Нам не нужно искать смысл жизни. Он у нас есть. В нас его заложили, вшили в самое сердце: мы – *ваши защитники*.

– Да, но королевство уже не надо защищать. Не от кого, Тишь. Времена изменились.

– Это не так!

– Так.

– Ты ошибаешься, король! Столица в безопасности не потому, что в защите нет изъянов, а потому, что сейчас на тебя никто не хочет нападать. Стоит недоброму взгляду всмотреться в Шолох – о, сколько он найдет возможностей для разрушения! Везде – везде уязвимости! Даже ребенок сможет разобрать столицу по кирпичику, если у тебя не будет меня, знающей, как поймать гадину еще до начала проблем!

– Никаких гадин не предвидится, Тишь. Ты сама сказала: на меня никто не хочет нападать. Догадываешься почему? Потому что я хороший король.

Тишь гневно выдохнула, раздувая ноздри.

Сайнора не мог изменить дешевый наряд ключника. Несмотря на дерюжный балахон и грубую веревку вместо пояса, было видно: в карцере стоит сам король. Синеглазый король, лесной король, своим сердцем питающий лето. Тишь сжала кулаки.

– Но если вдруг… – рокочуще начала она, поднимаясь и шагая во всю длину цепи, закрепленной на щиколотке.

Однако Сайнор перебил ее:

– Тишь! – рявкнул он куда громче, чем говорил до этого. Она замерла.

После паузы – долгой, наполненной дуэлью двух взглядов, – он внятно, раздельно сказал:

– Ты больше не нужна мне.

Еще пауза.

– Ты. Не нужна. Мне. Что бы ты ни делала, как бы ни сопротивлялась, на какие бы жертвы ни шла – реальность под тебя не прогнется, потому что в этом уравнении нас двое, и мое мнение ты не изменишь. Так что лучше прими факт своей ненужности поскорее – и перестань сопротивляться.

В оглушающей тишине, воцарившейся после этих слов, стало слышно, как где-то далеко наверху, на другом этаже тюрьмы, напевает молитву тронувшийся умом пленник.

Ходящая облизнула губы.

Потом повертела между пальцами писчее перо. Хмыкнула:

– Тогда почему ты отменил мою казнь, Сайнор? Не надо врать про «сильнейших адвокатов Дома Внемлющих». Нет у моей семьи таких юристов, я знаю.

– Потому что ты дорога мне.

– Ой, вот только не надо этой чуши. Не путай меня с Аутурни и остальными придворными курицами, будь добр. Что, читаете мои записки, пока я сплю? По крупицам собираете мои знания, вы, жалкие падальщики?

– Я надеюсь, что однажды ты поймешь: твоя история как Ходящей завершена. И найдешь себе новый смысл жизни. Тогда я с большим удовольствием отправлю тебя в изгнание.

– А если новым смыслом моей жизни станет твое убийство? – невзначай поинтересовалась пленница.

– Ты сама говоришь: ты страж света, у тебя это вписано в самый хребет. Вряд ли мое убийство коррелирует с этой миссией. Я не боюсь тебя. Я знаю, как ты ко мне относишься.

– Вот именно, твое величество. Вот именно. Если я найду себе новый смысл, я не стану оставлять слабости за спиной. Так что вздумаешь меня выпустить – спи с открытыми глазами, мой король. Всегда с открытыми глазами.

Сайнор не стал отвечать. Бросил на Тишь последний взгляд и ушел, позвякивая ключами.

Тишь вернулась к своим запискам.

Больше они не виделись.

В день, когда Ходящую выпустили согласно генеральскому желанию Полыни, ее под конвоем доставили сразу к границе Смахового леса, где популярно объяснили, с какого места сработает сигнализация и как быстро ей в грудь спрячут кинжал, если она рискнет вернуться. Потом прокляли сквозь сжатые зубы и пинком отправили за тридевять земель.

Тишь бодро поехала в Шэрхенмисту. Выкрала там сосуды с кровью Рэндома – сразу все, чего мелочиться, – набила себе новую Глазницу (остальные запасы припрятала), а затем двинулась в Иджикаян – решила предложить теневые услуги султану.

Но с толстеньким южным правителем у них не сложилось. Он был бы рад иметь служанку с запредельными Умениями, но принципиально новый мощный департамент контрразведки… О нет. Нет-нет-нет.

Две недели они с Тишь спорили, потом она уволилась, но султан закричал вслед так, будто это было его решение.

Он всегда так делал, этот милый пустынный султан.

* * *

– И зачем ты рассказала мне все это? – мрачно поинтересовался Гординиус Сай, успевший за время исповеди Архимастера несколько раз подрезать свои волосы, облитые некогда ящериной кислотой.

Когда он злился, они росли еще быстрее.

– Планирую сделать тебя теневиком, милый. Передать знания. Ты маг, ты шолоховец, ты сирота – идеально.

– Что?! Но я не хочу быть теневиком!

– Ты же не любишь свою жизнь?

– Потому что я не достиг того, о чем мечтал. Но менять шило на мыло я не собираюсь! Если тебе нужны ученики – набирай детей. Вон их сколько вокруг бегает, босоногих, – они будут счастливы пойти к тебе на промывку мозгов!

– Ученики должны быть шолоховцами. У остальных народов большие проблемы с магическим потенциалом, учить их просто невозможно. Да и дохнут, до ста лет не доживая.

– Ну, тогда ничем не могу помочь, – отрезал Гординиус.

Вопрос был временно закрыт.

Тишь стала регулярно сопровождать колдуна и его караваны в Мудру. Ей нравилось бродить по стеклянному городу. Однажды она чуть не довела альбиноса до сердечного приступа, подняв двух мертвецов и заставив их копать пустыню наравне с черными археологами.

– Пха, подбери челюсть, малыш! Одна моя родственница была некромантką и научила меня этому трюку. Мертвые – идеальные слуги, – развеселилась Ходящая. Гординиуса передернуло, но возражать он не стал.

Потом Тишь и вовсе «осела» в бывшей срединной столице.

Просто перестала возвращаться в Хардурман. Она обустроила себе лабораторию в самом сердце Запретного квартала, в бывших хранительских покоях, и все придумывала какие-то новые формулы, заклинания, смеси.

Все изменилось в один день…

Тишь приветствовала Гординиуса, подлетев над землей.

Ее новые способности были за гранью возможного. Теперь Внемлющая могла *Прыгать* на многие мили; левитировать; «поднимать» несколько десятков мертвых зараз; говорить так, что ее голос был слышен на сотни метров (но каждый думал, что она шепчет именно ему в ухо).

Тишь так и не объяснила, откуда взялась эта сила. Только изредка загадочно раскладывала карты туарот перед сном, чего за ней не водилось никогда прежде.

– Кажется, у меня появился новый смысл жизни, – задумчиво протянула она как-то раз, поглаживая Гординиуса павлиньим перышком. – И мне потребуется твоя помощь. Я хочу обучить детей из Тернового замка.

И она рассказала план с «грантами в Луговую школу, пансион».

Ходящая обнаружила, что может телепортироваться даже на границу Шолоха, если как следует подготовит заклинание. Когда она попробовала это в первый раз, то по ошибке «выпрыгнула» прямо на… костер Культа Жаркого Пламени.

Культисты (на тот момент они были просто эксцентричным клубом по интересам) так опешили и перепугались, что чуть не устроили лесной пожар. Хорошо, что вмешался травник по имени Миртилл Добрый.

Зато стоило культистам прийти в себя, как они сообразили: получилось! Они оказались правы, прах побери! В этой вселенной ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОЯВИЛИСЬ НОВЫЕ БОГИ!

И теперь они будут их чтить.

Тишь, в свою очередь, тоже переосмыслила тот неудачный *Прыжок* и пришла к выводу: культистов можно использовать в своих целях. Они сочли, что она богиня? Прекрасно. Она и станет для них богиней. Заодно будущим теневикам перепадет впечатляющий ритуал посвящения: с костром, танцами, телепортацией… Красота.

Гординиус Сай оказался правой рукой Ходящей («и левым глазом», как шутила она сама). Тишь «выбрасывала» его в Шолохе на нужный срок, потом забирала. Они успешно рекрутировали первого ребенка; Тишь стала учить Эрика Шика[18] в развалинах Мудры.

* * *

Через месяц появились второй и третий ученики. Потом четвертый. Пятый.

Гординиус разрывался между несколько делами сразу: продолжал работать в посольстве, регулярно ездил в Мудру, оттуда мотался в Шолох по поручениям Тишь. Он не вмешивался в процесс обучения, считая, что Тишь хочет создать «независимое теневое агентство» – частную организацию.

Но однажды он понял, что все немного не так.

Тишь и сироты планировали нападения на Шолох. Ходящая решила на практике доказать то, что сказала Сайнору: «Даже ребенок сможет разобрать твою столицу по кирпичику». Она позволила Вирам придумывать такие «шалости», какие им хотелось. Цель была – играючи обнажить уязвимость Шолоха, сделать ее очевидной.

– Ты что, растишь из них убийц? – обмер Гординиус, а Тишь уже привычным жестом подбросила ему жестянку с успокоительным.

– Нет. Мы не планируем жертв во время проверок.

– Дай мне слово!

– О боги, милый, ты до сих пор веришь в силу обещаний?.. Какая прелесть. Что ж, даю слово.

Планировалось, что Тишь наберет себе шестерых учеников. Она, как и все одержимые психи, любила гармонию: хотела, чтобы ее «шестерка» разнесла в пух и прах «шестерку» нынешних столичных теневиков.

План был такой: перед началом обратного отсчета Тишь выкидывает детей и Гординиуса в Шолохе и они живут там и делают все сами, проявляя достойную самостоятельность, – а в заранее условленный день госпожа Внемлющая появится и возьмет все в свои руки.

Цифра «один» принадлежала только ей.

– Что ты сделаешь в день «единицы»?

– Увидишь, малыш.

Как же она задолбала называть его малышом.

Между тем красоты уравнения не вышло. И без жертв не обошлось, да.

[18] *Помним: дети Тернового замка сами выбирают свои фамилии… А вот имена им дают воспитатели.*

Сначала погибла Стерва Бетти – последняя из запланированных сирот. Она засомневалась на костре, и ее расщепило. Гординиус хотел пойти на попятный, но Тишь популярно объяснила ему, какая незавидная судьба ждет тех, «кто соскакивает, вредя общему делу и подавая Вирам плохой пример».

– Приведешь мне другого ученика, как только он появится. К финалу я успею его обучить. А сейчас действуйте так, – приказала она.

Обратный отсчет пошел, и вместе с ним внезапно развернулись проблемы с Риндой Шаграух и Тинави. Гординиус, наученный горьким опытом, не стал докладывать об этом госпоже Ходящей. Промолчал.

Потом Эрика ранили во время нападения на архиепископа, и хотя колдун сделал все, что мог, мальчик умер на руках альбиноса… Это добило Горди.

Сай решился на предательство, но и там все пошло не по плану, и потому, когда в пещере оказалось Слишком Много Левых Людей, а нервы альбиноса окончательно полопались, Гординиус решил выйти из игры весьма радикальным способом – приняв капсулу «Ф.Д.».

Ну их всех к праху: этих женщин и детей, королей и агентов, богов и культистов!

Ну их всех к пепловой бабушке!

Он очнется, запрется в своем доме и будет растить себе маленький Смаховый лес во флорариуме и плевать на пустыню в окне. Ведь он никогда не хотел быть злодеем.

Он всего-то надеялся стать Шептуном…

35. Запретный квартал

Запомни: никто никого не касается просто так!
Мудрость нимф из Лютгардии

Каннибалы, сначала пытавшиеся пробиться в наш синевато-стеклянный тоннель, бросили эту затею вскоре после начала рассказа Гординиуса. Так что никто не мешал признаниям альбиноса: только в один момент на самой границе светового круга мелькнула какая-то потусторонняя тень – и сразу же скрылась, явно смущенная тем, что в *ее* тоннеле теперь водятся люди.

Наконец Гординиус замолчал, бледными пальцами прочесал свои волосы – за эти дни без ножниц они отросли у него почти до талии.

Я вздохнула и хлопнула себя по бедрам, как бы подытоживая очередную главу нашего приключения:

– Что ж!.. Лично у меня создалось впечатление, что в конце обратного отсчета госпожа Тишь планирует убить короля.

– Только ли к-короля?.. – Лиссай исподлобья посмотрел на альбиноса.

Магический свет в руках принца давно уже стал какого-то опасного красноватого цвета, будто подстраивался под тон рассказываемого.

Гординиус нехотя признал:

– Возможно, еще королеву. И Ходящих, предавших ее во время бунта. Я знаю точно только одно: нападение запланировано на сегодняшнюю полночь – если часы, которые Дахху вертит в руках, показывают правильную дату.

Смеющийся от неожиданности выронил цепочку, которую все это время нервно теребил на манер четок. Серебряный кругляшок со звоном упал на пол тоннеля, и мы все зачарованно уставились на него.

Дата была правильной.

До полуночи оставалось четыре часа.

Пальцы Кадии, так и держащей стеклянный меч, побелели, настолько крепко она сжала рукоятку. Увидев этот немудреный признак собственного волнения, подруга ругнулась и успокаивающе заговорила:

– Отставим панику! В конце концов, четверо Ходящих никуда не делись и следуют за королем шаг в шаг. Есть шанс, что они додумаются спрятать его величество в какое-нибудь место с глушилкой телепортации и тем самым усложнят Тишь задачу.

Гординиус так болезненно поморщился после этих слов, что до меня вдруг дошло.

– Вот только это вовсе не Ходящие! – Я вскочила на ноги. – Эти четверо – это и есть Виры. Их поэтому не могут поймать. В ночь в Безлунном театре они подменили теневиков, ведь золотые мантии и маски напрочь скрывают черты тех, кто под ними, а проверить никто не осмелится. Правильно Полынь засомневался: подростки не могли одолеть агентов лицом к лицу – теневики размазали бы их в сиротскую яичницу-болтанку. А так – когда Ходящие примчались в театр, все их внимание было сосредоточено на смутьянах, попавших под очарование амплуариев. Сами Виры, сидя в засаде, вполне могли распылить какую-то дрянь… Потом утащили бессознательные тела, сами облачились в золотые наряды – и все! Теперь сироты спокойно расхаживают по дворцу, и никто и не думает их останавливать! Они приведут короля прямо в ловушку!

– Ах вот почему их четверо… – облегченно протянул Дахху. – А то я все не мог понять, почему «око за око» – это убийство *двух* Ходящих в обмен на *одного* Эрика… А теперь все

логично: просто в Шолохе больше нет сирот для маскарада, ведь мальчик мертв, а Ринда Шаграух все еще здесь, в пустыне. А что с настоящими теневиками?

Гординиус пожал плечами:

– По плану их должны были заковать в антимагические кандалы в пыточном подвале Теневого ведомства. Тишь говорила, что захочет навестить их. Проведать… по старой дружбе.

Это звучало жутко.

– Значит, – подытожил принц, тоже поднимаясь, – теперь на кону не только жизнь Мелисандра Кеса, но и еще, вероятно, восемь судеб. Одна из которых принадлежит лесному королю. И какими бы прохладными ни были мои отношения с отцом, я очень надеюсь, что Сайнор еще долго будет на троне. Он действительно хороший правитель.

– А еще вам этот трон совсем не понравился – жесткий, да? Не хочется занимать его раньше срока? – пошутила Кадия, пытаясь разрядить обстановку.

– Я и не займу: я не наследник.

– Скажите это кат-ши, ваше высочество…

Ведомые Гординиусом Саем, мы прямо по заброшенным подземным тоннелям двинулись в сторону Запретного квартала.

– А что мы будем делать с Полынью? – шепнул мне Дахху, как будто стесняясь спросить это при всех.

Я и сама думала о Ловчем всю дорогу. У меня не было сомнений в том, что Полынь в состоянии выбраться из любой задницы, в которую его гипотетически мог закинуть дух весеннего ветра, причем выбраться весело, бодро и оставив по себе незабываемые впечатления. Конечно, идти в Запретный квартал без Внемлющего казалось дикой и нечестной идеей, но время поджимало, и мы просто не могли позволить себе забыть обо всем и дальше шастать по Мудре в поисках нашего удивительного друга.

– Боюсь, – вздохнула я, беря Дахху под локоток, – в данной ситуации в Полынь мы можем только верить.

* * *

Тишь поселилась в поместье богини Дану.

Некогда это был светлый и зеленый, полный величия комплекс: тенистые колоннады соединяли между собой воздушные здания с башенками, арочными окнами и опоясывающими балконами, вместо брусчатки всюду лежали изящные мозаики, а в потайных двориках прятались причудливые беседки для отдыха с длинными острыми шпилями.

Сейчас поместье казалось таким же щербато-мертвым, как и все в Мудре. Сквозь провалы в каменной ограде виднелась лишь песчаная поземка, уныло шепчущая в темноте.

– Это иллюзия, – уверил Гординиус. – Если шагнуть за стену – только шагать обязательно надо задом наперед, – то откроется истинное положение дел.

Мы выбрались из канализации через колодец в Запретном квартале и теперь все в рядок лежали на крыше водокачки. Отсюда было неплохо видно поместье Дану.

Альбинос сказал, что Тишь всегда перемещалась в Шолох из одного и того же места – огромного подземелья, которое раньше было то ли тренировочной ареной, то ли винным погребом. Там госпожа Внемлющая расчертила себе удобную пентаграмму, помогающую с *Прыжками*, и колдун разумно полагал, что сегодня она тоже воспользуется ею.

Более того, в этом же подвале находилась огромная клетка – вольер для диких животных, оставшийся здесь с незапамятных времен. Тишь использовала его как тюремную камеру для всех несговорчивых, встречавшихся ей по пути.

Если Мелисандр Кес жив, вполне вероятно, что он там.

Чтобы подобраться к подземелью незамеченными, мы решили воспользоваться той же хитростью, что и Виры в Шолохе: переодеться. В частности, изобразить мумий – ведь именно их, мертвых контрабандистов, Тишь держала в качестве прислуги.

– Только у всех мумий есть порядковые номера, – предупредил Гординиус Лиссая, который и должен был обеспечить нам маскарад на правах новоявленного мастера иллюзий.

– К-как они выглядят и где находятся?

Альбинос попробовал объяснить, но в процессе выяснилось, что он не помнит, на какую руку Тишь ставит отметку своим приспешникам. Да и Лиссай, пожевав губами, признался, что сделать достоверную мумию по памяти он вряд ли сумеет.

– Значит, нам нужно украсть тестовый образец, – кивнула я.

Для этой миссии мы разделились: решили обойти поместье по периметру с двух сторон. Гординиус сказал, что мумии иногда выходят за стену – то ли просто теряются, то ли искренне пытаются сбежать – прах их знает… Вот только некромантские чары Тишь перестают работать сразу же за воротами.

Поэтому в окрестностях всегда есть шанс наткнуться на хорошенького мертвеца.

* * *

Мы с Дахху на цыпочках крались вдоль полуразрушенной стены поместья. Время до полуночи неумолимо сокращалось, мумий, как назло, не попадалось, мы совсем приуныли.

И вдруг с той стороны послышался какой-то странный шорох.

Мы замерли. Звук продолжался. Он был столь монотонным и непрерывным, что не казался опасным. Так прошла пара минут.

Я вскинула брови:

– Хм. Коровка говорит «му», собачка говорит «гав», а мумия говорит «шурх-шурх». Как тебе такая теория, Дахху?

– На моей памяти мумии говорили лишь «сиииип» или уж с чувством проклинали на древнеиджикаянском, но… Надо проверить. – Друг осторожненько пролез сквозь дыру в стене – задом наперед, как и завещал Гординиус.

Когда я вслед за ним проделала то же самое, вокруг меня на мгновение полыхнул ярко-зеленый огонь. Я тихонечко взвизгнула и негероически выпала внутрь поместья.

– Что ж ты не предупредил о спецэффектах! – простонала я, поднимаясь.

– Да я же дар речи потерял, – смущенно крякнул друг. – А когда обрел – ты уже лезла. Не сбивать же на полпути.

Мы осмотрелись. В общем и целом поместье выглядело так же, как и снаружи. Но детали подсказывали: оно обитаемо. С некоторых дорожек расчистили песок, а в дальние здания вставили двери и окна, за которыми таинственными громадами проступали очертания мебели. Возле привратницкой бил питьевой фонтанчик.

Что касается моей интуиции, то она не подвела! Странный шорох действительно издавала мумия.

Черный мертвец с белым числом «сорок семь», написанным у него на спине и правой руке, попал в, скажем так, неловкую ситуацию.

Судя по кувшину, он явно получил приказ дойти до упомянутого питьевого фонтана, но на маршруте мумии попалась покосившаяся колонна. Мертвец врезался в нее и теперь монотонно, упрямо перебирал ногами на месте, постепенно закапываясь в песок.

Поучительное зрелище: некоторые люди ведут себя точно так же.

– Что, просто унесем его? – задумчиво протянул Дахху. – Интересно, он так и продолжит шевелить ногами, если его поднять?

А потом мы одновременно сдавленно охнули и нырнули за ближайший домик. Потому что на горизонте поместья появился еще кое-кто – на сей раз вполне живой.

Дахху протянул мне зеркальце, подобранное им в Доме Лживых, и я, держа его за длинную узкую ручку, высунула краешек артефакта из-за стены. В отражении стало видно Ринду Шаграух…

Юная нюкта понуро плелась по двору.

Сейчас она была одета в узкие черные штаны и рубашку – нижний слой классической одежды Ходящих. Темно-серая кожа девушки казалась тонкой, как дорогой шэрхенмистский пергамент, красные глаза выглядели заплаканными. Ринда то и дело почесывала правую руку, на которой алела свежая татуировка Глазницы.

Заметив мумию, Ринда остановилась. Понаблюдала за ней немного, потом меланхолично опустилась рядом с мертвецом на песок.

Шурх-шурх. Шурх-шурх.

Девушка обняла себя за колени, а потом, подняв лицо к звездам, тяжело вздохнула:

– Не знаешь, куда идешь, сорок седьмая? Вот и я не знаю… Но тебе можно не знать: ты безмозглая и умом не блещешь. Но я-то как так оплошала, а? Хотя все лучше, чем в Предболотье…

Я опрокинула в себя пузырек с хранительской кровью и покосилась на Смеющегося.

– Даххy, – шепнула я проникновенно, – ты не мог бы отвернуться?

– Зачем? – тотчас напрягся друг.

– Я сейчас сделаю кое-что, что твоя этика не одобрит.

– Да моя этика уже не одобряет! Уже давно и многое, Тинави!

Энциклопедист только болезненно зашипел, когда я выскочила из нашего укрытия и рванула через весь двор к Ринде Шаграух.

– Ловчая?! – испугалась нюкта и набрала воздуха в легкие, очевидно, чтобы объявить тревогу.

Но я уже кинула в нее усыпляющее заклинание. Девушка сладко зевнула и тотчас рухнула на песок.

– Тащи ее, а я возьму мумию! – зашептала я подбежавшему Даххy.

– Да почему ты с ней не поговорила?! – Даххy охал, заламывал руки и клял меня на чем свет стоит.

– О, поверь, знай ты ее – тоже бы не стал с ней общаться! Отличная девушка, но больно зубастая.

– Разве у нюктов что-то не так с зубами?

– Я фигурально, Даххy!

Шипя, мы потащили наших пленников обратно.

* * *

– Отлично, – Лиссай присел на корточки возле нашей добычи. – Тогда я сделаю четыре мумии и одну нюкту.

Мы все снова собрались у водокачки. Я отрицательно покачала головой:

– Хватит одной мумии. Не сочтите это заговором, но мы с ребятами уже решили: в подземелье пойдем толь- ко мы с Кадией.

– С чего бы это? – обернулся Лиссай.

– С того, что ваша главная задача – дождаться полуночи и, когда Тишь снимет «глушилку», *Прыгнуть* в Шолох – независимо от того, успеем мы с Мчащейся вернуться или нет. Спасение короля – наш общий приоритет сегодня.

– Спасти короля, а потом узнать, что, скажем, вас ранили за пару минут до полуночи, и останься я здесь, я бы спас вас – это похоже на сюжет кошмара. – Лиссай закатал рукава пустынного одеяния.

Кадия содрогнулась:

– Это и есть сюжет кошмара! Ничего себе вы пессимист!

– Именно поэтому мы пойдем вместе, – сверкнул глазами принц.

– Нет, не пойдем! – отрезала я, поняв, что переговоры с Лисом неуместно затягиваются, а время иссякает. – Ваше высочество, при всем уважении к вашей порядочности и совести, скажу прямо: вы сейчас зря упираетесь. Ваш долг – спасти наше прахово королевство, раз уж вам так повезло – или не повезло – уродиться принцем. Никто другой в нашей команде просто не способен открыть эту несчастную междумирную дверь. Поэтому вы остаетесь здесь. Ясно?

Гробовое молчание повисло у водокачки. Кадия, стоявшая за спиной Лиссая, характерно чиркнула большим пальцем у горла, мол, ты, Тинави, сейчас огребешь. Субординация – помнишь такое слово? В словаре идет перед «субпродуктом», в который тебя, возможно, вот-вот превратят.

Я и сама подумала, что нехило перегнула палку в конце. Но прах! Полночь близится!

Однако Лиссай только усмехнулся и стал наколдовывать мне образ Ринды Шаграух.

– Что касается остальных, – кашлянув, скромно продолжила я, – то Гординиуса брать с собой точно не стоит: без обид, Горди, но ты все-таки враг…

– Эй!!!

– …а из Дахху получилась слишком робкая и любопытная мумия, ненатурально, – прыснула Кадия.

– Нет, просто Дахху проследит за пленниками! – оскорбленно и потому в третьем лице сказал друг.

Я поморщилась от неловкости. С ума сойти, как мы за одну минуту умудрились обидеть всех парней в компании.

Зато, возможно, они теперь не так уж будут и горевать, если мы не вернемся.

Вскоре вместо меня и Кадии посреди Запретного квартала стояла серокожая Ринда и мумия сорок семь. Я переложила поближе еще один пузырек с хранительской кровью. Не факт, что Лиссай сможет поддерживать иллюзию издалека, так что мне надо быть готовой к перехвату чар.

На прощанье мы все все-таки помирились.

– Пожалуйста, поклянитесь, что отправитесь в Шолох, как только «глушилка» отключится, – уже негромко попросила я принца.

Лис издал неопределенное мычание и пожал плечами, изящно уходя от ответа, но я поймала его за ворот плаща:

– *Поклянитесь.* В прошлый раз я сдуру не настояла на этом, и вы исчезли на четыре года.

– На неделю же?

– Лис.

Ищущий вздохнул и, наклонившись, шепнул мне, щекотнув волосами по шее:

– *Клянусь.* Если однажды жестокий фатум все-таки сделает меня королем, то я догадываюсь, кто будет моим Архимастером.

– Не-не-не! – я испуганно отпрыгнула. – Ничего подобного. Даже не фантазируйте на эту тему! Мечты имеют дурацкое свойство сбываться.

– …Беспощадным и суровым Архимастером, – дразнясь, протянул Лиссай.

– За ним тоже последи, пожалуйста, ладно? – насупившись, попросила я Дахху. Друг шутливо фыркнул:

– Оказывается, когда в компании нет Полыни, ты пытаешься играть его роль главного, да?

Я только язык показала.

Мы с Кадией отправились в поместье госпожи Внемлющей. Со стороны казалось – юная нюкта и мумия бредут куда-то в ночи.

* * *

Дом с подземельем мы узнали издалека: у него царило некоторое оживление.

То и дело внутрь заходили слуги-мертвецы, и каждый был чем-то занят: кто нес чашу, полную соли, кто – факел, кто – коробку мелков. Несколько мумий протащили сквозь дверной проем корзину, полную змей.

– Плохой знак, – не размыкая иссохшегося рта, просипела Кадия. – Либо это для врагов. Либо для ритуала. Либо на ужин, что тоже мерзко.

Да уж…

Стараясь вести себя естественно, мы с подругой проследовали в дом. В конце холла пряталась нужная нам лестничная шахта. Ее было видно издалека – на ступеньках стояли, чадя и мигая, зажженные восковые свечи, а на каждом пролете имелась композиция из горки пепла и отрубленной сухой головы…

Когда мы спустились до конца, я обомлела: под лестницей сидели два мертвеца, один из которых тщательно отпиливал черепушку второму. Видимо, это будет декор для нижней площадки. Обезглавленные тела мумий были стопками сложены вдоль стены.

Если честно, при виде этого зрелища мне больше всего на свете захотелось развернуться, сцапать Кадию за руку и драпануть отсюда на максимальной скорости. Причем тихонько поскуливая.

Но кто-то же должен сделать дело, да?

Впереди замаячил дверной проем, слабо горящий изумрудным цветом. Мы с Кадией приблизились и аккуратно заглянули внутрь.

Это оказалось нужное нам подземелье: огромный сводчатый зал со множеством аквариумов с травой осомой. В самом центре стояло бархатное черное кресло, в котором сидела Тишь, одетая в золотую мантию. Ходящая забросила ногу на ногу и читала некий манускрипт. Слева от нее стоял дубовый письменный стол, заваленный вещами. На нем балансировала стопка книг, бумаги и перья, бутылка вина, два кубка, часы, золотая маска и много волшебных кристаллов. К столику был прислонен классический теневой посох.

Вокруг госпожи Тишь кипела работа.

Четыре дюжины мумий – привилегированных обладателей голов – ползали по полу. Скрипя и хрипло дыша, они рисовали огромную, во весь зал, пентаграмму, центром которой было кресло Тишь. На вершинах звезды мумии клали убитых змей; перекрестья обсыпáли солью и золой. Внутри основного рисунка было множество дополнительных линий, витков и узоров.

Судя по всему, это телепорт не на одного. Скорее, на небольшую армию. Вероятно, мертвую…

Кадия пихнула меня в бок и пальцем указала на дальний угол помещения. Там, в громадной клетке, плохо различимой в сумраке, сидел Мелисандр Кес – чуть выделяющийся в тени благодаря светлым волосам и рубашке. Саусбериец устроился у стены, привалившись к ней затылком, и был, очевидно, жив. Хотя и не слишком весел.

Мы с Кадией обменялись торжествующими взглядами.

Между тем Мелисандр поднялся на ноги и оперся на решетку локтями, обозревая зал.

– Я правильно понимаю, что вы скоро отчаливаете, леди? – зычно крикнул он госпоже Тишь.

– Умолкни, – бросила она, не оглядываясь.

– Может, подарите мне ключ от клетки на прощание? – Мел демонстративно потряс амбарный замок, венчающий дверь в его камеру. – Вам несложно, а моя душа прямо-таки воспоет от радости.

Тишь не ответила.

– Он же у вас совсем рядом, в кармане мантии лежит, я видел, – продолжил Мелисандр со своей фирменной улыбкой, обращенной к спине Внемлющей. – Кстати, можете кинуть его прямо сейчас. Я сам себя молча отопру. И уйду сам. Из поместья, из Мудры, из пустыни. Я вообще самостоятельный парень, как вы уже заметили. Мешать вашей вечеринке не стану, не беспокойтесь. Не люблю пентаграммы, в них тесно. А во дворце будет еще теснее. И, подозреваю, жарковато.

– Заткнись, я сказала! – прошипела Ходящая.

– Да что же вы такая напряженная, Тишь! – Мелисандр искренне расстроился. – Такая грандиозная, такая печальная. Поговорим по душам?

– Я тебя сейчас убью, саусбериец.

– Сомневаюсь, что это исправит ваше настроение. Вокруг уже столько мертвых – а вам все равно невесело, разве нет? Хреновая у вас, получается, стратегия.

Тишь не ответила. Мелисандр еще какое-то время смотрел на нее, подперев небритую щеку кулаком, потом разочарованно вздохнул и снова ушел в угол клетки.

Ходящая покосилась на него из-за свитка, потом как-то по-волчьи повела носом и вдруг уставилась прямо на наш дверной проем.

– Сорок седьмая! – рявкнула она. – Наконец-то! Быстро сюда!

– Иди, иди! – я подпихнула замешкавшуюся подругу, и Кадия, на прощанье взволнованно охнув, колченого поперлась к Ходящей.

Тишь мрачно глядела на то, как псевдомумия тащится к ней через зал. Я же замерла в коридоре, стараясь не обнаружить себя раньше времени.

Кадия доковыляла до Тишь и встала, руки по швам. Ходящая вскинула бровь:

– Рисуй, что стоишь? Время почти пришло. – Тишь щелкнула пальцами, и в воздухе замерцал узор, сотканный из крохотных искр. – Запомнила?

Кадия согласно просипела что-то на условно-«мумьем» языке и так же неспешно, как раньше, похвально не теряя самообладания, потащилась в угол комнаты за мелками и солью.

Времени действительно осталось мало…

Что же делать? На чем сосредоточиться?

Вдруг чьи-то горячие пальцы дотронулись до моего запястья.

– Если уж подслушиваешь, то не забывай следить за тем, что у тебя за спиной, – раздался негромкий знакомый шепот. Резко пахнуло кофе, перцем и мятой.

Полынь.

Прах побери, Полынь!

Улыбка, заплясавшая на моих губах, растаяла, едва я обернулась.

Чистенький и свеженький, с волосами, тщательно убранными в клубковатый пучок, и с привычным прищуром, напарник был… *совершенно неправильным.* Он стоял в коридоре во весь рост, не таясь, в шелестящей золотой мантии, с теневым посохом в левой руке. Татуировка Глазницы, обычно скрытая под браслетами, гордо полыхала алым.

Я никогда не видела Внемлющего настолько… *цельным.*

– Боишься, госпожа Шаграух? – Полынь лукаво наклонил голову, всматриваясь в мое лицо.

Я боялась. Боялась, что сошла с ума. Свихнулась окончательно – а если еще нет, то чокнусь прямо сейчас, сию секунду…

Стиснув кулаки, я молча кивнула. Полынь посмотрел, как меня трясет, и едва заметно покачал головой – то ли неодобрительно, то ли сочувствующе.

– Сходи к западной стене квартала, будь добра. Мне кажется, за ней кто-то есть. Возможно, это мои бывшие спутники, – вроде как попросил, а на самом деле приказал Ходящий.

Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не заорать. Снова кивнула и повернулась, чтобы уйти. Полынь осторожно коснулся другой моей руки и как бы подтолкнул по коридору:

– Иди-иди. Проверь тщательно, Ринда, не торопись возвращаться.

Я пошла, а потом, конечно же, рванула обратно, едва напарник вышел в зал. Я села на корточки и стала наблюдать за происходящим снизу, убеждая себя, что в этой позе меня сложнее заметить, а не то чтобы я просто не могу стоять на ватных от шока ногах…

36. Подступает полночь

Хорошему учителю есть чем удивить послушника даже годы спустя.
Магистр Орлин

Появление Ловчего было воспринято по-разному.

Мелисандр в клетке встретил Внемлющего разочарованным плевком. Мумии – безразличием, хотя одна, сорок седьмая, на мгновение перестала рисовать и издала странный сип.

Тишь в кресле только лениво подняла два пальца в приветствии.

– Что изучаешь? – полюбопытствовал Полынь, подходя к ней.

– Да так, – Ходящая побарабанила пальцами по свитку. – Вспоминаю план дворца. Убеждаюсь, что все верно настроила. Как ты? Выспался?

– О да! Мне кажется, впервые лет за пять.

– Пха. Правильный ответ был бы: за десять. А то, получается, ты халявил в моем Теневом департаменте.

Ловчий хмыкнул. Он прислонил посох к столу, разгреб среди бумаг немного свободного места и легкомысленным прыжком сел на столешницу. Поелозил, устраиваясь поудобнее. Тишь виртуозно двинула левой бровью – очень знакомый жест.

– Ты стал таким неформальным, племянничек, – укорила она.

– Сочту за комплимент. Люблю выглядеть несерьезно: как доходит до дела, получается ошеломительный контраст, зачастую полезный.

– М-да? А мне кажется, тебе просто нравятся все эти побрякушки.

– Кто бы говорил!.. Я прогулялся по твоей лаборатории сейчас, и там *все* в побрякушках. Но полезных, не спорю. Особенно мне понравилось, как ты усовершенствовала антимагические браслеты: у тебя они получились совсем невесомые. И на руке стягиваются. И так ненавязчиво захлопываются, с ума сойти.

Тишь коротко хохотнула:

– Да, я люблю, когда люди не сразу понимают, что они в ловушке. Такая сладкая паника – м-м-м.

– А у этих часов тоже есть какой-то эффект? – Полынь покосился на старинные ходики возле кресла.

– Нет, я просто привязываю к ним телепортацию. Предпочитаю, чтобы все шло по плану. Отбываем в полночь.

– Понятно. Кстати, об этом… Надо поговорить.

Полынь нашел в свалке на столе бутылку вина, стал придирчиво изучать этикетку.

– У меня появилось подозрение, – рассеянно протянул Внемлющий, – что ты решилась несколько… выйти за рамки. Это так?

Тишь замерла на мгновение, потом осторожно отложила свиток.

– С чего ты взял?

– Ну а ты вспомни позавчерашний день… – Голос Полыни расцветился какими-то новыми, неуловимо-вкрадчивыми нотками. – Я *Прыгнул* сюда, в дом к любимой тетушке (с трудом прорвал «глушилку», кстати говоря), и первым же делом наткнулся на крайнюю степень негостеприимства. Видела бы ты свое лицо!

– Видел бы ты *свое* лицо, – огрызнулась Тишь. – Пыльный, грязный, жалкий кузнечик с несчастными глазками… Ни за что бы не поверила, что у тебя тоже есть божественная сила, если бы не сам факт *Прыжка*! Раз уж Рэндом и тебя одарил, почему нельзя хотя бы постараться и выглядеть соответствующе?

Я поперхнулась. Божественная сила у Полыни? От Рэндома? Но еще два дня назад ее определенно не было. А вот кровь и пыль – это да, это имелось. Аккурат перед встречей с катши, разделившей нас столь эпично.

Так-так-так…

Полынь с чпоканьем открыл вино.

– Не меняй тему, Тишь. – Он вскинул брови: – Итак. Увидев мой *Прыжок*, ты осознала, что я тоже избранник джокера, и… все равно не стала радоваться моему прибытию. Не спросила, как дела. Не посвятила в детали расписания. Вместо этого ты поспешила от меня избавиться: признаем, очень мило – снабдила едой и одеждой, отправила спать, гулять и делать что угодно, лишь бы я не крутился у тебя под ногами. Сначала я пребывал в некотором замешательстве от такого приема. Потом догадался: вероятно, ты запланировала во дворце что-то, что не понравится Рэндому, и надеешься провернуть это втайне от него. А тут я – потенциальный доносчик. Как неудобно! Лучше бы держаться от меня подальше. Но раз я, гад такой, все равно уже тут и разгадал схему, будь добра, расскажи, в чем конкретно состоит твой грязный план, Тишь? Спрашиваю напрямую, а то я устал гадать.

– Вот как? – Тишь скрестила руки и откинулась на спинку кресла. – Я думала, ты повзрослел, а ты просто устал. Интересно.

– Твои тайны от Рэндома интереснее. Итак?

– Пха. Напомни, по какому праву ты задаешь мне эти вопросы?

– М-м-м. Не догадываешься?

– Нет.

Полынь посмотрел на собеседницу с откровенной ехидцей.

– А ты сама-то пробовала *Прыгать* сквозь собственную «глушилку»? – невинно спросил он.

Тишь ощутимо напряглась… Побарабанила пальцами по лаковой ручке кресла. К ней подлетел клочок изумрудного тумана, который постепенно начинал подниматься от светящихся линий пентаграммы и теперь расползался по подземелью. Архимастер резко развеяла его мыском туфли – этот жест выдал ее раздражение.

– Ты хочешь сказать, что он дал тебе больший процент силы, чем мне?

– Ах, какой замечательный вывод! – несносно осклабился Ловчий, а после замер с совершенно нечитаемой полуулыбкой, при виде которой меня внезапно шарахнуло воспоминанием.

Я уже видела эту его улыбку не так давно. Во дворце. С королевой. Как и тогда, сейчас все слова Ловчего были лишь отражением вопросов, чередой зеркал, призванной запутать собеседника, увлечь в порочный коридор его же собственных реплик и знаний; коридор, в котором можно, при должном старании, разглядеть новую информацию для себя…

Например, про Рэндома, раздающего силу «в процентах».

Мое сердце, которое чувствовало себя крайне неважно в последние полчаса, вновь начало биться в нормальном темпе. Полынь!.. Так это все-таки игра, гаденыш ты эдакий?.. Ты только рисуешь предателя, изображая, что *Прыгнул* сюда сам, а не вывалился из-за кат-ши?

Я с колоссальным облегчением всмотрелась в напарника. Ведя беседу, он продолжал свои махинации с вином… Потянулся к двум серебряным кубкам, стоящим на дальнем конце стола, и вдруг как-то очень спокойно и естественно бросил в открытую бутылку крохотный темный шарик.

Яд.

Тишь не заметила этого маневра. Когда Ловчий наполнил вином оба кубка и предложил ей один на выбор, она не сомневалась. Ее явно куда больше интересовал предмет разговора… Теперь собеседники лениво грызлись, как псы, у которых вместо костей в пасти прыгали вопросительные знаки.

Полынь цепко щурился:

– Неужели ты готова рискнуть доверием Рэндома ради своего плана? Не кажется ли тебе, что очень опасно расстраивать богов?

Тишь качала мыском туфли:

– Пха, милый племянник, но ведь речь идет только про элемент плана, крохотную частицу. В общем и целом Рэндом одобрил его, тебе ли не знать?

– Едва ли он одобрил убийства, м?

– Ты хочешь на меня донести, милый?

– Ты думаешь, стоит, тетя?

У меня голова взрывалась от их диалога.

Под прикрытием вопросов о «подлом элементе плана» (убийство Сайнора просвечивало между строк) Полынь явно пытался понять, в чем состоит «общий план», одобренный Рэндомом. Потому что о нем, минуточку, никто из нас до сих пор не знал… А такие вещи лучше брать в расчет перед битвой.

Но сегодня беседа у Ловчего получалась плохо. Коса нашла на камень. Полынь никак не мог продвинуться: Тишь жонглировала словами не хуже его. Еще пять минут в таком темпе, и Ходящая, не будь королева, поймет, что ей пудрят мозги.

Я решила на всякий случай подготовиться к драке. У меня оставалось всего два закрытых пузырька хранительской крови, содержимое третьего плескалось внутри меня. Я встряхнула руками, как люблю делать перед колдовством, и мысленно потянулась к унни, проверяя, все ли в порядке. Но в кистях, странное дело, не нашлось привычной силы.

Я опустила глаза.

ПРАХ!

Нет, праховым пеплом сажи твоей по крышке гроба пройдись, падальщик!

На моих запястьях – вернее, запястьях Ринды Шаграух – холодом блестели легчайшие антимагические браслеты. О да… Теперь понятно, зачем Полынь касался «Ринды» перед выходом в подземелье. По ловкости – сто баллов, бесспорно. Вот только Ловчий не знал, что выводит из игры союзника, а не врага. Приплыли.

Я попробовала содрать браслеты. Не тут-то было. Они стянулись, как две ледяные змейки, и мерцали на коже, вдавливаясь в нее тем сильнее, чем отчаяннее я дергала.

Между тем Полынь и Тишь уже не сидели – последние минуты своего диалога они провели, кружа по подземелью, будто дуэлянты, взбивая туман в пену, перешагивая светящиеся контуры будущего телепорта. Мумии заканчивали рисовать линии пентаграммы, и Тишь небрежными заклинаниями подправляла кривые участки. Особенно долго ей пришлось работать с безумными контурами под авторством мумии сорок семь. Мелисандр Кес в своей клетке лежал на сене, что-то мрачно напевая под нос. От него так и исходила ярость в отношении Полыни.

Наконец Ловчий резко остановился, скрестил руки на груди. Госпожа Внемлющая, помедлив, сделала то же самое.

– Ладно, Тишь. Хватит этих игр, – тихо сказал Полынь, будто сбрасывая свою самоуверенную маску. – Я знаю, что ты хочешь отомстить королю. Убить его. А еще я знаю, что Рэндом не прощает убийств, совершенных богами. Никому. Ты не станешь исключением. Вы с джокером точно обговаривали это – и именно поэтому ты до сих пор воздерживалась от смертей, не тронула даже пленника, – кивок в сторону Мелисандра. – Тебе ведь не хочется, чтобы Рэндом явился и взял свое предложение обратно, да? Но как только ты обезглавишь короля – это произойдет. Я клянусь тебе. Рэндом тебя не простит.

Они оба больше не улыбались. Золотые мантии тускло переливались в зеленом свете осомы. Тишь наклонила голову. Какое-то время они молчали.

Наконец Ходящая криво улыбнулась и пожала плечами:

– Но у меня нет выбора, малыш.

– Выбор всегда есть.

– Заблуждение счастливых.

Она села обратно в свое кресло.

– Как ты вообще умудрилась обмануть Рэндома? – Полынь с горечью покачал головой: – Он же телепат. Он должен был почувствовать, что ты замышляешь недоброе.

– Я никого не обманывала. В момент, когда он явился мне, я была искренна на сто процентов. И, конечно, изумлена. Меньше всего на свете я ожидала, что боги так… близки нам. Этот его тюрбан… – задумчиво протянула она, позволив окончанию фразы повиснуть в воздухе.

– Рэндом носит шляпу, – сухо перебил Полынь, и Тишь одобрительно хмыкнула. *Проверка пройдена.*

Полынь снова взгромоздился на стол.

– Ты можешь верить мне. – Он вздохнул: – Кому, если не мне, Тишь?

– Прости, племянник. Это…

– …привычка, знаю.

Они посмотрели друг на друга. Черты лица Тишь немного смягчились.

– Джокер пришел к тебе, когда ты украла его кровь из Пика Волн, да? – спросил Полынь.

– Да. Но не сразу, спустя пару месяцев. Он явился ко мне, как к воришке, собираясь, по его собственному выражению, «провести разъяснительную беседу», но… неожиданно увидел, что я – нечто гораздо большее, чем просто наглая воровка. Он понял, что я – их шанс. Предложил мне силу и работу. Огромная помощь им – и новая история для меня. Это был идеальный контракт. Впрочем, это все ты и так знаешь.

«Ничего он не знает, продолжай!» – хотелось взвыть мне, но Полынь, придерживаясь роли, только кивнул.

– И почему же теперь ты хочешь нарушить этот идеальный контракт? Раз все так хорошо начиналось?

– А ты не догадываешься?

Полынь пожал плечами. Тишь меланхолично перекатывала между пальцами зеленый огонек. Магия почти ничего не стоила ей в этом проклятом месте, тогда как классическое колдовство Полыни было здесь практически на нуле.

Главное, чтобы она об этом не узнала.

– Все три года после падения моего департамента я жила не *ради*, а *вопреки*, Полынь. Для тебя не будет секретом, что вся моя жизнь погибла в том бунте. Однако я всегда была слишком упрямой тварью для того, чтобы просто уползти на кладбище, – даже после подобного проигрыша. Так что я жила, да. Пусть даже без цели. И вот – чудо. Рэндом нашел меня. Неожиданно во мне вспыхнула надежда, мысль о том, что это действительно может стать новым началом. – Она пожевала губами. – Когда мы обо всем договорились, джокер оставил меня здесь привыкать к силе и воплощать одобренную им стратегию прощания с Шолохом. Я закрывала незавершенные дела и отпускала старые связи, чтобы в дальнейшем ничто не отвлекало меня. Я двигалась по плану, и внешне все казалось успешным, но внутри…

Пауза.

– …внутри так и осталась пустота. Чтобы я ни делала, сколько бы времени ни проходило, я не могу перестать думать о нем.

– О короле?

– Да.

Тишь подняла болезненно-сухой взгляд на племянника.

А потом вдруг рявкнула, будто внутри у нее что-то лопнуло:

– Я стараюсь! Я правда стараюсь! Ты даже не представляешь насколько! Но даже годы спустя я не могу простить короля! НЕ МОГУ! – Она неожиданно грохнула свой кубок об пол. Багряное вино брызгами оросило зал, веером разочарования пролилось по подземелью.

– Тишь… – расстроенно протянул Полынь.

Атмосфера вновь разительно переменилась.

– Я убью его, Полынь. Ты даже не представляешь… – зашипела Ходящая, сжимая и разжимая кулаки, – как это унизительно. Как это омерзительно, слабо, недостойно. Я всю свою жизнь положила на службу ему, я ни о чем не думала так часто, как о том, как бы помочь ему усидеть на этом пепловом троне! Я жила королевством! Я жила Смаховым лесом! Это был мой смысл, мой свет, мой север, мой юг, – это была я сама! И зачем?! Чтобы он бросил меня, в конце концов?!

Неконтролируемый всполох огня сорвался с кистей Тишь вместе с ненавидящим рыком.

Архимастер подошла и ткнула Полынь пальцем в грудь.

– Ты меня знаешь, – отчеканила она. За жесткостью ее голоса слышалась тщательно скрываемая дрожь. – Я сильный человек. Я могу не спать месяцами, сосредотачиваться на одном, бить в цель непрерывно, пока не пробью любую стену, не разрушу любое препятствие, – я выращена бойцом, я молча выдерживаю пытки, на которых другие молят о смерти! Я не сдаюсь; падая – поднимаюсь; от боли – рычу, а не плачу, и проигрыши меня лишь подхлестывают. Я верна до конца, я сильна до конца, я не боюсь сильных чувств и вообще не боюсь – если только себя. И ты знаешь это, Полынь из Дома Внемлющих, потому что ты не только плоть от плоти моей, ты мой ученик, мой ставленник, ты – почти я! Мне казалось, я способна на все. Искра моя безгранична. Тень – моя сила, солнце – мой свет. И царствие мое продлилось бы тысячелетье!.. Если бы не он.

Она ссутулилась, отступая назад.

– Если бы не он. Человек, который отказал мне в смысле. Сломал мою жизнь, не вдумавшись даже, что именно он ломает. Вообще не поняв – что сломал.

Тишь молча вернулась к креслу и опустилась в черный бархат. Она выглядела смертельно уставшей. Уже не верящей в свою войну.

– Я не могу отпустить это просто так, – глухо и упрямо сказала Ходящая. – Что бы ни говорил Рэндом о прощении, я не могу взять и… уйти. Я убью его, Полынь. Я клянусь тебе: я убью. И я готова к последствиям.

– Не надо. – Ловчий спрыгнул со стола, покачал головой: – Это ничего не изменит. Не заполнит ту дыру, о которой ты говоришь. Месть бессмысленна.

– Просто тебе никогда не говорили, что ты не нужен! – зарычала Тишь. – Ты не понимаешь, чего я хочу, Полынь. Чего я *всегда* хотела.

– Понимаю, – тихо возразил напарник. – Ведь это, знаешь, в некотором роде всеохватывающее желание. Неважно, теневик ты, Архимастер, король, лавочник или странствующий философ, – мы все хотим, чтобы нас любили. Такова неприглядная истина, объединяющая всех живых.

Тишь издала странный звук, нечто среднее между смешком и всхлипом.

– Тебе не надо убивать Сайнора, – повторил Полынь. – Это *ничему* не поможет, поверь. Откажись от плана.

– Откажись, пха? – горько бросила она, глядя на него почти с ненавистью. – С чего бы это? Что изменилось?

– Я здесь – вот что изменилось.

Ловчий присел на корточки возле ее кресла:

– Ты один из самых близких мне людей, хотя я и не разделяю твои методы. Тебе не с кем было обсудить свой план – ты варилась в нем и в своем одиночестве, и ни сироты, ни

Гординиус Сай ни в чем тебе не возражали. Но я – равный тебе. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

Он взял ее за руку.

– Как и ты, я знаю, каково это – когда рушится весь твой мир и ты чувствуешь себя жалким обломком прошлого. Я до сих пор иногда думаю так о себе, но это *неправда*. Мир идет вперед, что бы ни случилось; и ты, и я, каждый из нас *может* идти дальше вместе с ним. Каково бы ни было горе, однажды оно утихнет. То, что ты не смогла простить Сайнора за три года, не значит, что ты *никогда* не сможешь. Просто дай себе *еще немного времени*. У тебя *есть* жизнь впереди, тем более теперь, когда вы договорились с Рэндомом. И поэтому я прошу тебя, Тишь: не убивай короля, не хорони себя вместе с ним. Пожалуйста. Откажись от мести, пока не стало слишком поздно.

Полынь говорил с жаром, убежденностью и страстью, каких раньше никогда не показывал. Тишь вся как-то сгорбилась во время его монолога, закрыла глаза, отгораживаясь от мира.

Я подумала, что будь на ее месте любой другой человек, он бы уже плакал, – настолько болезненная, страшная аура горечи окружала Ходящую. Полынь крепко держал ее за руку, будто пытался вытащить из какого-то очень далекого, очень злого места, монотонно вкачивая в нее всю свою уверенность и спокойствие.

Бери. Бери. Только вернись, я тебя очень прошу, Тишь. Все будет хорошо.

Тикали часы. Приближалась полночь.

– …Ты действительно полагаешь, что мне надо просто… передумать? – тихо, надтреснуто спросила Архимастер.

– Да.

– Меня перестанут уважать, если я так сделаю.

– Кто перестанет? Я?

– Например. – Тишь хмыкнула, как бы признавая глупость своих слов. – Ты, помнится, никогда не отказывался от плана. Даже такого долгого, как упомянутое Генеральство ради моей свободы. Спасибо, кстати. Не было случая сказать раньше.

– Пожалуйста, Тишь.

Полынь покосился на часы, чьи стрелки неумолимо ползли вперед. Тишь проследила за его взглядом. Потом они посмотрели друг на друга, внимательно, грустно: два человека, выброшенных, будто щепки, на далекий и пустынный берег.

Тишь вдруг улыбнулась так горько, что мое сердце сжалось.

– Я не могу, – сказала она. – Я просто не могу.

Но это было одно из тех «не могу», что являются последней хрупкой преградой перед «могу» – всепоглощающим и правильным.

Неужели… Затаив дыхание, я подалась вперед. *Если он сейчас сможет подобрать правильные слова, она сдастся, и…*

Полынь прикусил губу. Вздохнул:

– А если я откажусь от своего сегодняшнего плана, ты откажешься от своего?

– Да, – после паузы сказала Ходящая.

Боги, это происходит.

Полынь поднял с пола опрокинутый кубок Тишь, достал из складок золотой мантии узкую колбу с прозрачной жидкостью, нацедил ее в серебро и сначала глотнул сам, а потом протянул Ходящей:

– Выпей.

Тишь молча выпила эликсир. Пожевала губами, кивнула:

– Противоядие… Значит, ты отравил меня в начале беседы?

– Да. На случай, если ты действительно стала таким безумным чудовищем, как говорят. – Полынь устало потер лицо руками. – Но я рад, что, кроме всей этой боли, ты осталась прежней.

Тишь рассеянно кивнула в ответ на его слова.

А затем нечто темное промелькнуло в лице Ходящей, какая-то кружевная тень, будто брошенная паутина ночи. Она сцепила пальцы рук в замок и, положив на них подбородок, исподлобья уставилась на Полынь.

О нет.

Мне показалось, воздух в подземелье стремительно загустел… Зеленые фонари с осомой затрещали, несколько – лопнули.

– А вот ты, я смотрю, сильно изменился за эти годы, пха? – сказала Ходящая до странности мелодично, чуть издевательски, тонко и с проскальзывающей за словами улыбкой.

Полынь мгновенно подобрался. Лицо его окаменело.

«Твою мать. Я, кажется, оступился».

– Совсем очеловечился, – продолжила Тишь громче. – О любви рассуждаешь. Врагов травишь. А потом не травишь. Болтаешь с ними. По-дружески. М-м?

Полынь, не отводя от нее взгляда, отступил назад. Тишь хрипло рассмеялась, закинув голову.

– Ну не прелесть ли, – ядовито сказала она. – Ты просишь меня простить предательство. И твой финальный, главный аргумент – это то, что ты сам передумал меня предавать. На полпути. Только вот беда: «полпути» не считается.

Она поднялась. Теперь в ней не было ни единой черточки от несчастной, разбитой женщины, которая почти плакала в подземелье еще минуту назад.

– Ты лжец. И слабак. Я разочарована в тебе, Полынь из Дома Внемлющих. Разочарована! Как?! Что это сейчас было, племянник? Вначале ты держался неплохо, но потом? Я воспитывала тебя, учила не для того, чтобы однажды перед лицом врага ты сдал свой план во имя светлых чувств!

Полынь уже подхватил свой теневой посох, прислоненный к столу, и теперь сжимал его до побелевших костяшек, будто хотел сломать. Он был до пепла бледен. И зол.

«Как я мог ей поверить».

– Ты достоин самой жалкой смерти за свою глупость, – продолжала с гневом цедить Архимастер. – И…

– Прости, Тишь, – перебил ее Полынь и, мягко шагнув вперед, крутанув посохом, сделал им резкий выпад, целясь Ходящей в горло.

Но Тишь *Прыгнула*, мгновение спустя воплотившись за спиной Полыни.

– ЩЕНОК! – взревела она с такой яростью, что с кончиков ее пальцев сорвались клубы пламени.

Полынь развернулся. Тишь подхватила свой посох, и двое Ходящих одинаковым жестом расстегнули застежки своих тяжелых мантий. Золотая ткань с шелестом упала на пол, оставляя колдунов в черных костюмах, гораздо больше подходящих для боя.

А затем оба резко метнулись вперед.

Посохи с лязганьем скрестились, сцепившись сначала со стороны магических кристаллов, затем – острых лезвий.

Взвизг стали! Удар древком!

Противники, очевидно, примеривались, двигались по кругу, вспоминая повадки и слабые места друг друга. Тишь наступала, Полынь пока только парировал. Изумрудный туман плясал между ними, все поднимаясь, то и дело разрываемый взмахами лезвий…

Мерцала почти законченная пентаграмма.

В своей клетке замер, не дыша, Мелисандр Кес, знающий, что нельзя отвлекать бойца во время дуэли. Застыла с мелком наперевес мумия сорок семь. Я уже в полный рост стояла во входной арке подземелья и думала,

думала,

думала…

Колесом проворачивались идеи, но все – недостаточно хороши.

Тишь билась с презрительной ухмылкой, искривляющей ее губы. Будто небрежно, играючи, в потоке вдохновения. Иногда она, подначивая, выкрикивала что-то Полыни – сквозь звон битвы нельзя было разобрать слова, но никто не сомневался в характере реплик.

Щенок. Глупец. Разочарование.

Ловчий же был пугающе сосредоточен. Ученик перед лицом так и не побежденной наставницы. Всего одна ошибка – и ярость Внемлющей пробьет его оборону, но…

Тишь вскрикнула и вновь *Прыгнула* в сторону, когда лезвие посоха чиркнуло по ее плечу. Багряная кровь закапала на контуры пентаграммы, зашипела, впитываясь в колдовские линии.

– Не ожидал, что ты утратила навык, – бесстрастно сказал Полынь, шагая к наставнице. Она зарычала. Он ощерился.

И только *тогда* бой начался по-настоящему.

Я не успевала следить за ними. Длинные выпады, молниеносные удары, широкие дуги замахов и стремительные уколы. Изредка – вспышки магии в кристаллах, искры на лезвиях, *Скольжения* и *Прыжки*.

Полынь будто бы отступил, но сразу же, резко крутанувшись, наискось рубанул посохом, заставив Тишь клубком откатиться в сторону. Когда она вскочила, он уже снова был рядом.

– Давай! – не выдержав, крикнул ему Мелисандр Кес.

Тишь прогнулась назад, пропуская над собой новый удар Ловчего, тотчас распрямилась, как пружина, шагнула вбок и замахнулась с такой силой, что Полынь должно было разрубить пополам – однако в последний момент он блокировал удар и вывернул посох так, что выбил оружие из рук противницы.

Посох Тишь отлетел в сторону и со звоном покатился по полу подземелья, невидимый в густом зеленом тумане.

– Ублюдок! – взревела Ходящая.

Она воздела руки, издала короткий гортанный вскрик – и выплеснувшееся щупальце тумана хлестнуло Ловчего по бедру, как плеть, разрезая кожу и разбрызгивая кровь. Полынь споткнулся, чуть не упал, зашипел сквозь сжатые зубы, но все равно рванулся вперед – теперь с яростью, рыча, как зверь, *до конца, до конца*, – но Тишь уже подхватила свой посох – атака, контратака, поворот, атака и…

Когда лезвие побледневшего Полыни взрезало ткань на груди Тишь и уже готово было пронзить сердце, женщина выкрикнула заклинание снова.

По периметру всего подземелья вспыхнул огонь. Ураган пронесся по залу, разметав туман в клочья, контуры пентаграммы засветились куда ярче прежнего. Силовая волна отшвырнула Полынь к ближайшей стене и со страшным хрустом впечатала его в камень.

– Нет! – ахнула я, выбегая из арки в зал.

Полынь упал на пол. На стене за ним остался длинный кровавый след. Все подземелье тихо гудело от наполняющего его колдовства.

– Ах ты, дрянь! – орал Мелисандр Кес, тряся решетку.

Мумия сорок семь, бешено озираясь, скакнула вперед, схватила мантию Тишь, сброшенную на пол неподалеку от нее, и стала шарить в карманах.

Тишь не видела этого. Она, с ненавистью глядя исподлобья, шагала к раненому Ловчему. Ходящая медленно разводила ладони, и между ними собиралось заклинание Кара Балакхати, похожее на грозовую тучу. Мощнейшее. Смертоносное.

«Прощай, племянник».

– Нет! – снова закричала я, голыми руками хватая Тишь, цепляясь за ее рубашку, локти, запястья.

– Отстань, Ринда! – бросила она, даже не сбавляя шага.

Ее голос странно двоился.

– Вам нельзя! – Я сжимала ее что есть сил, упиралась ногами в пол, почти визжала. – Вам нельзя убивать его! НЕЛЬЗЯ! Рэндом тотчас явится! Он отберет вашу силу, а как же король?! Убьете его – и все закончится здесь!

Тишь вдруг резко остановилась. Перевела на меня воспаленный взгляд.

– Вы не можете позволить ему сорвать ваш план! – лихорадочно тараторила я. – Он же этого и добивался! Он же пес, просто пес короля – он хочет своей смертью спасти его, госпожа Тишь! Вам никак нельзя убивать его!

Меня натурально колотило. Полынь лежал в неестественной позе. Он истекал кровью, розовая пена выступила у него на губах. Краем глаза я видела, как с другой стороны в руках мумии сорок семь блеснул ключ от клетки Мелисандра Кеса.

– Пепел, – сплюнула Тишь. – Ты права. Сколько времени?

Ходящая резко развернулась к пентаграмме – мумия сорок семь едва успела замереть на своем месте.

– Пять минут до полуночи. – Я все еще сжимала пальцы на локтях Архимастера. Кара Балакхати постепенно таяла в ее руках. – Просто оставьте его! Он же и так умрет – да вы посмотрите! Не надо жертвовать планом ради этого предателя!

Тишь глянула на Полынь. Его грудь тяжело вздымалась, слышались только рваные хрипы и свист.

Полынь, пожалуйста, держись. Пожалуйста.

– Хорошо, – кивнула Тишь и, сбросив мои руки, холодно пошла к пентаграмме – проверять ее линии и узлы вязей, точки силы и балансировку. – Занимай свое место, Ринда, – приказала она, указывая мне на нужный угол.

– А у меня антимагические браслеты на руках. Полынь повесил, – сглотнула я. – Вы можете их снять?

Тишь презрительно оглянулась.

– А ты не давай другим людям себя трогать, – жестко сказала она, возвращаясь к проверке пентаграммы. – Еще не такое подцепишь.

Она не стала снимать браслеты. *Твою мать.*

А знаете что? Прах с ним.

Нащупав в кармане два оставшихся пузырька с кровью Рэндома, я быстро и молча пошла к умирающему Полыни. По дороге я открыла их, оба. Возле Ловчего опустилась на колени так, чтобы Тишь, если она оглянется, была видна только моя спина.

Полынь тихо застонал, с трудом приоткрыл глаза, почувствовав кого-то рядом с собой. Когда взгляд Ловчего сфокусировался на мне, в нем, несмотря на окружающую меня иллюзию, странным образом мелькнуло узнавание.

– Тинави?.. – одними губами произнес он. – Привет…

– Привет-привет, – всхлипнула я, трясущимися руками выливая оба пузырька на грудь Ловчего, всю расцвеченную алыми пятнами. *Лечи, лечи!*

– Ты чего плачешь, дурында?.. – Голос Ловчего был тише самого слабого ветерка.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил с такой усталой нежностью. И от этого стала рыдать еще сильнее – хотя все так же беззвучно.

– Потому что я боюсь за тебя, умник. Если ты умрешь, Полынь из Дома Внемлющих, я тебя возненавижу, слышишь? – бормотала я, смаргивая слезы. – Не смей умирать. Просто *не смей.*

Полынь, белый, как мертвец, с глазами, кажущимися еще больше обычного, с трудом, но все-таки двинул бровью в своей привычной манере. Он коснулся моих пальцев, лежавших на его груди, и я тотчас сжала их в ответ, молясь всем богам, чтобы Тишь не обернулась.

– Ну, раз такие угрозы… – улыбнулся он. – Придется постараться… Ты бываешь ужасно суровой, ты вообще в курсе, госпожа Страждущая?..

– РИНДА!

Окрик сзади заставил меня сжаться в комок. Полынь потерял сознание. Меньше всего на свете мне хотелось убирать руку от его руки, но…

Спрятать долбаные пузырьки. Срочно.

– Вы не сняли браслеты, поэтому я ищу ключ от них у него в карманах! – оскорбленно и нагло крикнула я, хлопая по одежде Ловчего. *Заодно от улик избавилась.*

Тишь *Прыжком* переместилась ко мне, схватила меня за шкирку, как котенка, и мы телепортировались в центр пентаграммы. Архимастер дала мне пощечину.

– Если я отдаю приказ – ты выполняешь, Ринда Шаграух, – процедила она. – Мы отбываем. Быстро встала на свое место.

На сей раз я послушалась… И тотчас зазвенели старинные часы, спусковой механизм телепорта. Наступила полночь.

Подземелье, заполненное изумрудным дымом, мерцанием осомы, запахами крови и вина, стало медленно растворяться вокруг нас.

Перед самым отбытием успело произойти две вещи.

Во-первых, Тишь все-таки повернулась ко мне и, щелкнув пальцами, заставила мои браслеты раскрыться – *«урок усвоен, а твоя магия нужна нам во дворце, девчонка»*.

И во-вторых, одновременно с этим мумия сорок семь, убедившись, что на нее никто не смотрит, красивой тринапской подачей бросила добытый ключ Мелисандру Кесу.

Саусбериец его поймал, и нас поглотила темнота.

До последнего я смотрела на растерзанную фигуру в дальнем конце зала.

Полынь. Полынь. Полынь.

37. Здравствуй, мой синеглазый король

Я вроде не враг себе. Но почему же тогда из всех женщин мира я полюбил ту, которая наверняка теперь попробует разрушить Шолох? Главное – не отступиться и не проявить чувств, до чего бы она ни дошла. Если ради королевства надо будет устранить ее – я клянусь, я и глазом не моргну, я не стану препятствовать.

Из личного дневника Сайнора, записано накануне объявления о реформе Теневого ведомства

Перемещение через телепорт госпожи Тишь было похоже на короткий обморок.

Я очнулась, лежа на холодном полу, на боку. Мы находились на верхнем уровне шолоховского дворца – том самом, где только и есть, что холл с величественными статуями, длинный балкон, винтовая лесенка и Зал Совета.

Сейчас пустынный этаж был погружен в сумрак, горело всего несколько фигурных фонарей в стенных нишах. Стандартное ночное освещение. Правда, обычно к нему в комплекте шли два дежурных гвардейца, но сейчас здесь не было никого, кроме нас.

Тишь, четыре дюжины мертвецов и я приходили в себя после перемещения и медленно поднимались, опираясь на руки и колени.

Я завертела головой, выискивая Кадию. Она оказалась совсем рядом со мной, что являлось определенно хорошей новостью. Но имелась и плохая, а именно: облик мумии потихоньку отслаивался от Мчащейся и с каждой секундой лицо подруги все явственнее проступало сквозь чары.

– Тинави, ты проявляешься! – одновременно с моим открытием беззвучно ахнула Кад.

Я спешно стала нашептывать заклинание, подсказанное Лиссаем, – то, что может закрепить растаявшую иллюзию. К счастью, во мне оставалось достаточно хранительской крови для того, чтобы оно сработало. Но вот хватит ли ее на что-нибудь еще?

Кадия остервенело бормотала ту же формулу для себя, грубыми пальцами мумии выплетая прихотливый узор колдовства.

Нам до пепла повезло, что на этаже было темно, иначе наше копошение не осталось бы незамеченным. А так Тишь, уже стоявшая на ногах, тоже слегка дезориентированная после перемещения, начала осмотр своих слуг с другого фланга, одновременно отдавая резкие приказы.

– Номера с первого по тридцать шестой – выстроиться на лестнице, держать оборону, когда появится стража. С тридцать седьмого по сорок шестой – караулить здесь. Сорок семь, сорок восемь – за мной. Ринда – подъем. Подай, голос, девчонка! Ты жива?

– Да! – сипло отозвалась я, поднимаясь и молясь всем богам, чтобы не оказалось, что я что-то сбила в своей почти растаявшей иллюзии.

Судя по тому, каким спокойным взглядом Тишь скользнула по мне, все осталось попрежнему. Либо ей уже было плевать. Чем ближе ты к цели, тем менее важным оказывается все вокруг. Казалось, Архимастер просто не видит внешний мир. В ее глазу отражался – заранее, будто пророчество, – лик мертвого лесного короля.

Три дюжины мумий отправились к лестнице безмолвными марионетками. Их согбенные спины тянулись к земле. Тяжело, наверное, когда тебя без спроса вырывают из небытия. Тем более – на битву.

После того как они заняли позицию – там, в узкой винтовой шахте, им будет удобно бороться с гвардейцами, – Тишь набросила на лестничный проем пульсирующий рубиновый

щит. Даже когда стража перерубит по очереди всех слуг Внемлющей и переберется через гору трупов, гвардейцам будет отнюдь не просто попасть на вожделенный этаж.

Затем Архимастер поправила свой костюм, привычным жестом зачесала короткие волосы вперед, слизнула кровь с рассеченной Полынью руки и, очень прямая, похожая на иголку, направилась к высоким дверям в Зал Совета. Едва она сделала первый шаг, как взвыли сирены сигнальных жемчужин.

Крохотные колдовские индикаторы пусть не сразу, но засекли возвращение бунтовщицы.

«Тревога во дворце! – надрывались они. – Проклятая вернулась! Начинается жатва!» Тишь молча швырнула в них гроздь заклинаний. Сирены осыпались градом и, шариками прыгая по каменному полу этажа, замолчали.

С балкона неожиданно вышел Ходящий. Или, вернее, воспитанник Тишь, одетый в золотой плащ с капюшоном и маской.

– Госпожа Архимастер, вы прибыли! – Вир низко поклонился. – Мы сплели щит вокруг этажа, как вы приказывали.

– Хорошо. Король?

– В Зале. Королева там же.

– Прекрасно.

Вслед за учеником Тишь вышла на балкон. Он был очень длинным, обхватывал дворец с трех сторон – четвертая сторона принадлежала Залу Совета.

Где-то там, далеко внизу под нами, безмятежно дремал на подушке из леса Шолох. Горели разноцветные огоньки в центральных кварталах. Шептались деревья, шуршали реки, далеко разносились запахи цветущих садов и трели неугомонных ночных птиц. Город не знал о том, что происходит на острове-кургане.

Парапеты балкона, густо усаженные виноградом и плющом, сейчас переливались мерцающей сеточкой заклинаний. Выше от них поднимался тонкий и прозрачный, будто лед на осенней луже, колдовской щит. Он, наклонный и непрерывный, доходил до краешка крыши и там соединялся с ней, предохраняя этаж от нападения с улицы – которое наверняка скоро начнется.

Пусть сирены-жемчужины и умолкли почти сразу, дворцовая стража не могла не услышать их пронзительный вой.

Все четверо Виров стояли на балконе через равные промежутки. От их пальцев разбегались молнии, всасывающиеся в щит, питающие его силой. Тишь приложила к куполу свою узкую ладонь, что-то прошептала. Тотчас от Архимастера во все стороны расползлось свечение – не прошло и нескольких секунд, как щит стал ощутимо толще и внушительнее.

Теперь ночное небо за ним выглядело так, будто мы смотрели на него из-под воды. Звезды рябили, надкусанная сбоку луна расплывалась, как от слез. То и дело она скрывалась за вуалью туч, которые плыли по небу потоком, сыпали мелким дождем. Его крохотные капли, падая на купол, даже не скатывались с него, а просто застывали испуганными мурашками.

– Так-то лучше, – сказала Тишь. – Продолжайте держать щит.

И, развернувшись на пятках, она шагнула назад в холл и – к Залу Совета.

Когда Внемлющая обеими руками ухватилась за ручки в виде веток, ее лицо исказила страшная предвкушающая ухмылка.

Она распахнула двери.

* * *

Зал Совета был еще мрачнее, чем холл перед ним.

Дыры в изорванных гобеленах временно закрыли зеркалами в тяжелых рамах – и они, отражаясь друг в друге, множили темную бесконечность. Днем это наверняка выглядело притягательно и таинственно, но сейчас – жутко.

В каждом зеркале было видно их, короля и королеву, привязанных к креслам, со стандартными антимагическими браслетами на запястьях, с кляпами во рту. Ее величество Аутурни рыдала, всхлипы прорывались сквозь тряпку, прекрасные глаза совсем покраснели. У Сайнора на скуле расплылся синяк, венец был сорван, волосы растрепаны.

За монаршьей четой, в центре зала, росло дерево ингрисиль. Стоя на подиуме под стеклянным колпаком, оно печально сыпало белыми цветами – будто прощаясь, чувствуя, как неизбежна беда. Зал освещался только фигурными фонарями с живым пламенем, стоящими на полу вокруг ингрисиля, и их отражениями в зеркалах. Из-за этого призрачного света, идущего снизу, мы все казались героями страшной сказки: подсвеченные зубы, сверкающие в темноте глаза. Узкие тени колыхались по всему залу, как водоросли.

– Ну здравствуй, мой синеглазый король, – улыбнулась Тишь, подходя к Сайнору и беря его за подбородок.

Он молчал.

– Как твои дела? Соскучился по мне? Потерял дар речи от радости? Или от ужаса? М-м?

Архимастер задумчиво наклонила голову набок.

– Как-то печально разговаривать с собеседником, который не отвечает, – посетовала она и вытащила кляп.

Но король продолжал молчать. Зато Аутурни рядом всхлипнула особенно громко. Тогда Тишь, не поворачиваясь к ней, подчеркнуто покачала указательным пальцем перед лицом королевы:

– Заткнись, милая. Еще один звук – и я не поленюсь отрезать тебе язык.

Ее величество с очевидным трудом подавила рыдание и зажмурилась что было сил.

– Что тебе надо, Тишь? – наконец резко спросил Сайнор.

– А ты как думаешь?

– Тебе не понравится мой ответ.

– Рискни, милый.

– Веревка, – сказал Сайнор. – Тебе давно уже нужна веревка – вокруг шеи, если ты понимаешь, о чем я.

Тишь рассмеялась. Так весело и звонко, что меня пробрало мурашками до самых кончиков пальцев.

Где-то снаружи, с винтовой лестницы, стали доноситься звуки боя. Это гвардейцы пытались пробиться на этаж.

Мы с Кадией переглянулись. С момента перемещения во дворец мы обе отчаянно искали возможность обезвредить Тишь – пока не оказалось слишком поздно.

Логично, что прямое нападение на нее при Вирах и мумиях претендовало на звание худшей идеи на свете. Попытка пробить щиты Архимастера, чтобы позволить гвардии попасть сюда, тоже была очевидно дохлым номером: нам бы просто не хватило сил, ведь щиты рассчитаны на сопротивление Башенным магам, а не двум девицам, одна из которых колдует взаймы, а другая – только по бытовым вопросам. Нас бы сразу убили – и все.

Теперь, в Зале Совета, у Тишь хотя бы не было такого численного перевеса. Все ее соратники, кроме еще одной мумии, остались за закрытыми дверьми: с этим можно работать! Новая сложность заключалась в том, что ни у Кадии, ни у меня не было никакого оружия.

Однако… Это же Зал Совета, прах побери. Полный загадок.

Я посмотрела на резную колонну в восточной части комнаты. Именно ее секрет принц Лиссай открыл мне прошлой осенью.

Легендарный меч короля Нооро должен был до сих пор лежать в тайнике, спрятанном в этой колонне. Надо всего-то нажать на несколько узоров, шепнуть правильное слово, и я смогу его вытащить.

Да. Хвала королям-параноикам! Это наш шанс.

Знаком показав Кадии «подожди», я стала максимально бесшумно и незаметно двигаться к нужной колонне. Не зря в пустыне отрабатывала крадучесть. Главное, чтобы Тишь не посмотрела на меня и не спросила, какого, собственно, пепла. Ведь Ринда Шаграух может быть сколь угодно странной девицей, но два подозрительных действия за один вечер – тем более такой вечер – не оставят Архимастера равнодушной.

Впрочем, Тишь была слишком увлечена королем. Я не особенно вслушивалась: их беседа во многом повторяла разговор Внемлющей и Полыни. Разве что вместо Ловчего теперь выступал сам король, говоривший:

– Тишь, ты сошла с ума.

Качавший головой:

– Ты безумна.

Наконец закрывающий глаза:

– Хорошо. Убивай.

– Пха. Обязательно. Но сначала – ее…

– *Ashhen*, – в этот самый момент шепнула я, нажав на нужные орнаменты.

Дальнейшее происходило будто в замедленном подводном царстве.

Тишь пропела короткое заклинание, и у нее в руках возник туманный клинок – изящный, изогнутый, как сабля, светящийся мертвенно-синим. Король с исказившимся лицом закричал:

– Прекрати! Не делай глупостей, Тишь! Она тут вообще ни при чем!

Аутурни вжалась в кресло и отвернулась.

Кадия, плюнув и на сохранение инкогнито, и на поддержание заклинания иллюзии, в открытую побежала к колонне, в которой уже обозначился и слабо засветился контур потайного отделения.

Я же, напротив, рванула в центр зала, вписавшись между колпаком дерева ингрисиль и королем с королевой. И в ту секунду, когда сабля Тишь просвистела в направлении тонкой шеи ее величества, я бросила навстречу магический щит.

Успела!..

Сабля со звоном отскочила от неожиданного препятствия. Аутурни тоненько взвыла от страха. Тишь, в первое мгновение неверяще посмотревшая на свой клинок, подняла глаза на меня:

– Ринда?..

Но нет. Я уже и чувствовала, и видела, как осыпается иллюзия: кожа становится привычного цвета, сокращаются заостренные ногти нюкты, волосы, напротив, становятся длиннее… Все мои силы ушли на этот несчастный щит для Аутурни, и магия, данная последней склянкой Рэндома, покинула меня.

– Ах ты, дрянь, – увидев истинное положение дел, равнодушно и холодно, без капли эмоций сказала Тишь.

И поверх кресла швырнула сгусток зеленого пламени.

Я прыгнула на пол, пропуская заклинание над головой. Что-то зазвенело, просыпался град из острых стекол – формула Тишь разнесла в клочья и защитный колпак вокруг дерева ингрисиль, и единственное окно зала. Помещение тотчас заполнилось влажным воздухом леса.

– Кто ты такая, прах бы тебя подрал? – Тишь, пройдя между креслами, в два шага приблизилась ко мне.

Но не успела она наклониться, чтобы *Прочитать* мои мысли, как у нее за спиной возникла Кадия, замахнувшаяся легендарным клинком короля Нооро. Магический меч, инкру-

стированный драгоценными камнями, с загадочной и чуть светящейся вязью, идущей по лезвию, уже обезглавил мумию и, казалось, вот-вот добьет наконец-то проклятого Архимастера…

Но зеркала, развешанные по залу, сыграли против нас.

В последний момент Тишь заметила в отражении Кадию и, резко крутанувшись, парировала удар своей туманной саблей. Одновременно с этим свободной рукой она сделала короткое сжимающее движение, будто ногтями вгрызлась в сочную кожуру яблока, – и невидимая сила подняла меня с пола и прибила к ближайшей колонне, как бабочку.

Ни вдохнуть, ни двинуться.

Кадия встала в боевую позицию. Правая нога впереди, колени чуть согнуты, левая ладонь замерла возле обнаженного светящегося лезвия, будто хочет погладить его: подожди, хорошее мое, ты зазвенишь уже через три… два…

Мчащаяся сделала обманный замах и тотчас – прямой выпад, от которого Тишь еле успела отпрыгнуть. Чуть сильнее сжав кулак, Архимастер заставила мои ребра хрустнуть и, одновременно крутанувшись и опустившись вниз, рубанула саблей вдоль самого пола. Кадия легко подпрыгнула и тотчас, не теряя ритма, на что, очевидно, рассчитывала Ходящая, вынудила Тишь отбиваться от серии коротких, безжалостных, звенящих ударов. Несколько светлых прядей, выбившихся из косы, упали Кадии на глаза, она, не моргая, сдула их, продолжая наступать и теснить Тишь в угол зала. Ходящая так и держала вторую руку сзади, на отлете, не отпуская свое заклинание.

– А ты хороший воин, – оценила Тишь. Совладав с ситуацией, теперь уже она заставляла Кадию отступать. – Опусти меч – и я сохраню тебе жизнь.

– Нет. – Кадия сделала обманный выпад.

Тишь отразила его.

– Уверена? – прищурилась Ходящая. – Ты же понимаешь, кто я, милая?

– Плевать. Мой долг – сражаться за королевство, которое ты пытаешься сейчас развалить. Останься ты настоящим стражем света, ты бы знала, что я не отступлюсь, – презрительно процедила подруга.

– Ну как хочешь. Раз ты страж – смерть тебе не страшна.

И Тишь внезапно отпустила заклинание, сдерживающее меня. Щелкнув пальцами, она *Прыгнула* за спину Кадии и, шагнув вперед и обхватив подругу за шею, мягко-мягко, почти щекотно, пронзила ее туманной саблей насквозь.

– НЕТ! – одновременно закричали мы с королем.

Тишь провернула меч. Кадия вздрогнула и выпрямилась, как на параде. По рукам и лицу подруги побежали морозные узоры. Она моргнула мгновенно заиндевевшими ресницами и, распахнув глаза, посмотрела на меня.

– До конца, да? Все-таки до конца… – шепнула Кадия со странной, будто даже веселой улыбкой и упала на пол лицом вниз, соскальзывая с туманного лезвия. По светлой рубашке, между лопатками, стремительно расплывалось красное пятно.

НЕТ. НЕТ. НЕТ.

Сайнор стал как-то странно дергаться в своем кресле. Сначала я подумала, что Тишь что-то сделала и с ним, но потом поняла – король выбивает из суставов большие пальцы, чтобы вырваться из антимагических браслетов старого образца.

Я отметила это и тотчас забыла: у меня было другое дело.

Ведь, выпуская легендарный клинок, Кадия из последних сил подтолкнула его вперед. Меч, звеня, проскользил по полу, чтобы через секунду оказаться уже в моей руке.

Зря ты отпустила заклинание, одноглазая стерва.

Я поднялась во весь рост.

– Что, еще одна самоубийца? – вскинула бровь Тишь.

Я в бешенстве кинулась на нее. Мне казалось, от ненависти у меня трясется каждая жилка. Мне было совершенно плевать на то, кто такая Тишь и кто я такая. Меня не беспокоило, что она – сильнейший игрок в королевстве и что в любой момент, едва ей надоест, она вновь воспользуется *Умениями* и прирежет меня.

Все, о чем я могла думать, – это о том, что она причинила боль моим близким. Моему городу. Моему лесу. Получив в свою руки великую силу, она обратила ее во зло.

– Твой уровень не сравнится с уровнем твоей подруги, и все же ты бьешься, воробушек? – Тишь без напряжения отбивала каждый мой удар. – Ну-ну. Так и быть, позволим тебе слегка взрастить мастерство перед смертью… Слушай, а ведь я тебя знаю. Это же ты работала с моим племянником? Я изучала его досье, точно-точно, все сходится. Ах ты, маленькая дрянь. Это ты внушила ему эти сопливые идеи, да? Что ж, считай, он пострадал из-за тебя. Как и твоя приятельница, – она покосилась на Кадию, безмолвно лежащую лицом вниз. – Как думаешь, они оба уже сдохли? По мне, так однозначно «да».

После этих слов я набросилась на Тишь с такой яростью, что она невольно отшатнулась.

Между тем его величество Сайнор, сумевший освободиться от пут, встал с кресла. Шипя от боли, он сунул раненую руку в карман своего одеяния, выхватил оттуда открытый антимагический браслет и, воспользовавшись секундным замешательством Тишь из-за моей неожиданной атаки, схватил ее сзади за локоть. И захлопнул браслет на предплечье бывшего Архимастера.

Туманная сабля из ее рук пропала. Колдовство покинуло Тишь.

Но оттого она не стала менее опасным противником. Наоборот – взбешенная, как дикий зверь, загнанный в угол, Ходящая взвыла и резко бросилась вперед.

Она схватила меня за запястье и вывернула его, ломая, заставляя меня с криком выронить меч. Второй рукой Внемлющая ударила короля – ребром ладони по шее, с невиданной силой: Сайнор захрипел и упал, хватаясь за горло. Потом снова ко мне – второе запястье… Ногой Тишь пнула меня в голень, кажется, ломая и ее, – искры посыпались у меня из глаз.

– Вы не сравнитесь со мной, – ледяным тоном сказала Тишь. – Вы никогда. Не сравнитесь. Со мной. Глупцы.

И вдруг двери Зала Совета у нее за спиной распахнулись. Порыв ветра ворвался в помещение, взметнув падающие лепестки ингрисиля.

На пороге стоял Лиссай, сжимая в руках свой чужеземный артефакт. Принц был очень бледен. Черты его лица заострились, рыжие волосы спутались, ленты пустынного одеяния развевались из-за сквозняка.

Оглянувшись и оценив нового противника, Тишь мгновенно схватила меня и прижала к себе, как живой щит. Она издевательски приветствовала Лиссая:

– А! Младший принц. Тебя-то и не хватало на нашей вечеринке.

– Отпусти ее.

Голос у Лиса был совсем чужим. Как в ту ночь, когда он вернулся из своих скитаний.

– Надо же, как ты возмужал, – как ни в чем не бывало продолжила Тишь, пятясь назад, поднимаясь на подиум с ингрисилем, очевидно ища возможности и варианты отступления. Я могла только болтаться в хватке Ходящей, как кукла. Меня тошнило от боли, левую ногу, казалось, разрывает на части. Не удавалось шевельнуть ни одной, ни второй рукой.

– Отпусти ее, Тишь, – повторил Лиссай. – Я даю тебе три секунды.

– Вот как? Ты решил меня по имени называть? Если мы ведем переговоры, малыш, то ты должен для начала опустить оружие. Я имею в виду…

Тишь не успела договорить: три секунды прошли.

Архимастер не знала – не могла знать, – что новый Лиссай до пепла серьезно воспринимает время.

Принц сделал два быстрых шага вперед и выстрелил. Раздался громкий хлопок. Мне показалось, что что-то горячее просвистело возле моего уха. Тишь дернулась назад, я вместе с ней. Руки, сжимавшие меня, разжались.

Все было кончено. Мы упали.

38. Страж Света

Нельзя останавливаться в развитии, даже если тебя все устраивает. Это правило жизни: либо ты идешь вперед, либо откатываешься назад. Не существует застывшего счастья. Только прогресс. Или стагнация.
Хранитель Теннет

Высоко наверху простиралось ночное весеннее небо.

Дождь закончился, тучи ушли, и звезды на небосклоне стали гораздо ярче. Купольный потолок Зала Совета парадоксальным образом приближал их, действуя, как огромная линза, и мне казалось – луна совсем близко, если подняться – уткнешься в нее головой, будто в светильник в доме какого-то гнома.

Я лежала на подиуме под инграсилем, и белоснежные цветы королевского дерева – плотные, свежие, сладко пахнущие – продолжали тихо сыпаться вниз. «Спи, спи, – будто шептали они. – Спи». На части лепестков виднелись темные капли – кровь, брызнувшая во все стороны после выстрела в Тишь.

Тишь. Точно. Тишь и…

Кадия. Надо помочь.

Я с трудом села. Сломанные руки висели плетьми, в ушах стоял гул, заглушающий все внешние звуки. Мне никак не удавалось сфокусировать взгляд – падая вместе с Ходящей, я, кажется, еще и разбила обо что-то голову.

Я оглянулась. Мертвая Архимастер лежала в корнях инграсиля. Можно было бы подумать, что она просто легла отдохнуть, но… Темная круглая дырка во лбу сочилась темно-красным, стекающим по серебряной пластине со знаком водоворота, по острой скуле, по приоткрытым губам. Кровь из полученных за ночь ран впитывалась в белоснежное дерево. Изящные длинные пальцы Тишь уже не плели заклинаний – уже никогда не будут.

– Тинави! – донеслось будто откуда-то издалека.

Перед мной появился Лиссай. Он сел рядом на корточки, осторожно, но крепко взял меня за руку и стал что-то говорить. Несмотря на все случившееся, лицо у него было бесстрастное, и твердое прикосновение принца помогло мне перестать так сильно трястись.

За спиной у него я видела его величество Сайнора и Дахху, сидящих по две стороны от Кадии, перевернутой на спину. Дахху колдовал, проворно перебирая пальцами. Его тюрбан был размотан, во все стороны от лекаря разлетались песчинки, выкатывающиеся из пустынной одежды. Король тоже творил плетение, вкачивал свою силу в формулу Смеющегося и, кажется, что-то говорил Кадии. Это хороший знак, очень хороший знак. Ведь с мертвыми не говорят или, во всяком случае, не в таких ситуациях. Над телом подруги собирались исцеляющие чары – они текли, принимая причудливые формы, и то ластились к Мчащейся, как кошки, то растворялись, будто втягиваясь в тело.

Королева Аутурни все еще находилась в кресле – в глубоком обмороке. Пожалуй, для нее это был лучший вариант.

А дальше я видела распахнутые двери в Зал Совета. За ними, в холле, суетилось много гвардейцев и колдунов и кого-то еще из охраны дворца. Они арестовывали четверых поддельных Ходящих. Те, к счастью, не сопротивлялись. В Зал гвардейцы не входили – наверное, Сайнор запретил.

Лиссай снова что-то сказал мне. Ни праха не слышно. Блин. Оглохнуть еще и на второе ухо – это кошмар… Я сощурилась, пытаясь прочитать слова по губам.

– Потерпите. Целители близко.

Лис поднял меня на руки и отнес в центр зала, ближе к остальным.

– М-мудра?.. – с трудом проговорила я, надеясь, что он понимает, что я имею в виду.

– Все хорошо. Все живы. Мы с Дахху забрали их и доставили в Лазарет в Пятиречье.

Эти слова сработали как хорошее успокоительное. Я потеряла сознание.

…Надеюсь, в следующий раз я очнусь в кровати, и никуда, никуда не придется бежать…

* * *

Но нет.

Я очнулась там же, в Зале Совета.

Оттого, что меня кто-то целует.

Это был крепкий, самозабвенный поцелуй, по вкусу – как вишневый пунш и клюква в сахаре. Он начался настолько неожиданно и продолжился настолько уверенно и воодушевленно, что я пришла в себя просто от шока – каким же нужно быть наглым! … И, наверное, немного от любопытства.

При этом в поцелуе однозначно была какая-то магия.

Как иначе объяснить тот факт, что мои раненые конечности покрылись ощутимыми искорками, перешедшими в щекотку, затем по ним разлилось приятное, успокаивающее тепло, а когда я все-таки сумела открыть глаза и сесть, выяснилось, что я вполне здорова. Руки и ноги повинуются, ребра снова целые, слух – аллилуйя – снова со мной.

Целовал меня тот, кого я меньше всего на свете ожидала увидеть здесь и сейчас. Хотя, по-хорошему, ему давно уже следовало появиться, не правда ли?

– Хей-хей, конфетка! – приветственно взвыл сидящий на полу смазливый юноша с фиолетовыми глазами.

Эти глаза были густо подведены черным карандашом, им же парень нарисовал себе на скуле значки треф и пик. Ярко-белые волосы легкомысленно торчали во все стороны, лихая косая челка падала на лицо. Юноша был одет в бархатный пиджак с небрежно закатанными рукавами, на полу рядом с ним лежала широкополая дамская шляпа. За спиной – огромная рыболовная сеть с кучей книг. Перчатки без пальцев, крашеные ногти, бриджи, гольфы и ботинки на толстой подошве – надо очень постараться, чтобы не узнать этот облик хранителя Рэндома, если ты видел его хоть раз.

– Отлично! Пока ты отходишь от шока – еще бы, такое счастье привалило, не всякое сердце выдержит, – поищем еще больных для лечения! – Джокер поднял указательный палец и, крутанувшись вокруг своей оси, непререкаемо ткнул им в лесного короля Сайнора: – Вот вы, вижу, еще не вполне в порядке.

– Я подожду знахарей, – с негодованием отступил Сайнор.

– Точно, ваше величество? Они долго еще будут идти, раз я запер двери.

– Точно!

Надо сказать, что действительно, Зал Совета снова был закрыт, причем двери покрывала хрустящая корочка заклинания, тоже какого-то будто вишневого. И уж не знаю, как Рэндом этого добился, но с той стороны к нам никто не рвался. Дворцовые служащие вообще изумительнейшим образом не проявляли интереса к происходящему в Зале, хотя, судя по шуму и гомону, их там было уже очень много.

Наверное, телепат просто залез в головы всем окружающим и вложил им какую-нибудь дополнительную мысль вроде «Этим сейчас занимаются другие» или даже просто «Мне туда не надо».

Так или иначе, рядом со мной были только Рэндом, Лис, Дахху, Сайнор, бессознательная королева и Кадия – я с огромным облегчением увидела, что подруга жива. Она все еще лежала

на полу – точнее, головой на коленях у Дахху, но ее грудь вздымалась спокойно, а лицо больше не отливало серым, как у мертвеца.

– Ее я поцеловал первой. Не сочти это изменой, солнышко, но там реально была тяжелая ситуация. – Рэндом скорчил виноватую рожу, потом подпер лицо рукой и расплылся в совсем уж сладкой улыбочке.

Аж жмурился. Это было… неожиданно.

– А по-другому ты лечить не умееешь? – спросил его Дахху, еще раз покосившись на короля.

– Не то чтобы не умею… – хранитель пожевал губами. – Не хочу. Но ладно. В качестве исключения.

Рэнди соединил ладони перед грудью, провернул кисти по кругу, по очереди согнул все пальцы и шепнул заклинание, одновременно сделав такой жест, будто кидает что-то в Сайнора. Короля на мгновение затянуло блестящей пудрой, похожей на пыльцу фей, а когда она исчезла, его величество выдохнул с явственным облегчением и поднял к лицу зажившие пальцы. Синяк на его щеке тоже пропал.

– Благодарю, Рэндом, – чинно сказал лесной король.

– Мое почтение. – Джокер не поленился надеть свою шляпу исключительно для того, чтобы тут же снять ее, эпатажно мазнув полями по каменному полу.

А потом он хлопнул в ладоши – и его величество, закатив глаза, осел в то самое кресло, где еще недавно был пленником.

– Ну и что вы на меня так смотрите?! – взбрыкнул Рэндом, узрев наши с Лисом и Дахху вытянувшиеся лица. – Не при нем же мне рассказывать, почему я здесь.

– Вероятно, потому, что мы убили Тишь из Дома Внемлющих… – вздохнула я.

Рэндом поверх моего плеча посмотрел на дерево ингрисиль и мертвого Архимастера. Потом вновь перевел взгляд на меня. Теперь его фиалковые глаза смотрели мрачно, тяжело. Так смотрит древнее существо, настолько уставшее от своей личной вечности, что предпочитает обновлять ее снова и снова при помощи разных образов и характеров, забывательных смесей, проблем, шуток, трагедий, книг, авантюр и, конечно же, тайн.

Авантюры, книги и тайны. Никогда не надоедает, не правда ли?

…Я спохватилась, поняв, что это уже мысли Рэндома подмешиваются к моим. Не я думаю, а он, поганец такой, нашептывает мне, что думать.

– Тю! – прыснул джокер, закидывая сцепленные замком руки за голову. – Какая щепетильность. Ладно. Так и быть. Быстро расскажу вслух, устраивайтесь поудобнее.

* * *

История Рэндома

Как вы знаете, прошлым летом Карл, Авена и я отправились в Пустоши Хаоса.

Друг для друга мы изображали, что это просто прогулка. Ну, подумаешь, открылось новое измерение, потенциалом то ли соответствующее нашей вселенной, то ли превосходящее ее, – ничего же необычного, да? Каждый день такое случается, ерунда какая-то. Просто прогуляемся, чайку бахнем и поедем обратно, говорили мы всем и себе, три высококлассных бессовестных врунишки.

Но внутри, конечно же, нас аж колотило от предвкушения.

Новое измерение! Вдумайтесь: *Новое. Измерение.* Совершенно неизученное и бесхозное: ведь Зверь имел неосторожность умереть, дурак такой, и теперь мы твердо намеревались колонизировать его территории. Не очень-то вежливо, зато прагматично.

И вот мы прибываем.

Всю дорогу Авена чванливо рассказывала нам, чего ждать – ведь в прошлом году сестрица была там в плену, целых два месяца, ух ты, ух ты, считай, теперь почти местная жительница, может водить экскурсии, да еще и за деньги, – но едва мы прошли сквозь Врата, как она потеряла дар речи. Обожаю обескураженную Авену! Она в такие моменты похожа на кентавра, которому принесли конину на ужин.

Собственно, шок сестрицы был связан с тем, что Пустоши Хаоса изменились. Конфеточка, знаю, что тебе уже повезло узреть их новый облик, – ну ты и шустрая, надо сказать. Точнее, кат-ши шустрый. Надо будет надергать у него шерсти на какой-нибудь там амулет ускорения.

Так вот, в новом Хаосе теперь нет никакой дряни из той, что прежде составляла царство Зверя. Никаких хитиновых пещер и жваловых гор, никаких озер слизи, никаких мотыльковых туч, в общем, никакой мерзости, которую я так надеялся узреть, дабы качественно, до визга, ужаснуться… Лишили, считай, последней радости. Изверги. Как не стыдно.

Новый Хаос выглядит – уж простите мне это скучное слово – *прилично*.

Как выпускник дорогой частной школы, у которого чувство прекрасного соседствует с истеричностью и тягой к самоанализу, – самый ходовый типаж. Это иногда утомляет, но в общем и целом посмотреть на него приятно. А таких садистов, как мы с хранителями, вдобавок нестерпимо тянет вскрыть ему башку и узнать, что и как там устроено.

При этом у нашего Хаоса есть свои демоны – они шастают туда-сюда, бывают весьма агрессивны и, гады такие, норовят все же выбраться в нашу вселенную. Чего допускать крайне не рекомендуется, потому что Хаос, как голодный студент, норовит сожрать все, что видит. А поскольку со вкусом у него все окей, как мы уже выяснили, он жрет только лучшее.

Но я увлекся метафорой.

Короче. («Короче» – любимое слово эгоцентриков, знали?.. Короче!)

В Хаосе пляшет какая-то дрянь, которую мы назвали Пеплом. Вообще, я предлагал Пылью, но Авена и Карл всегда голосуют против меня, совершенно открыто и внаглую. Они просто мне завидуют, вот и кучкуются. Их можно понять.

Так вот, Пепел занимается тем, что пытается *вспомнить себя*. Крохотные элементы Хаоса перебирают миллиарды образов, стараясь составить из них те, которые он действительно носил когда-то.

И вот это подводит нас к грандиозной тайне. Потому что, судя по этим образам, Хаос начинал вообще ни разу не как царство насекомых. Он был чем-то иным. Местами весьма похожим на нашу вселенную.

Но чем? И когда? Что с ним случилось потом?

О да! Это прекраснейшая загадка! Сплошное удовольствие ее решать, но есть одно «но».

А именно: уже упомянутые мной демоны. Конечно, если закрыть Врата в Хаос, то эта проблема ликвидируется сама собой.

Но мы не готовы к этому. И вот почему.

Во-первых, у Врат же такая шикарная загадка внутри!.. Что, лишиться ее, сократить себя снова до единственного измерения? Невозможно!

А во-вторых, мы понятия не имеем, как их закрыть, если честно.

Карл тогда их чуть ли не с ноги выбил и, как у него заведено, не подумал о последствиях. У него это вообще хроническое. Парень по жизни берет масштабом. Делает очень много хорошего, прямо щедро рассыпает семена добра, но все время забывает справиться о погодных условиях на местности. Получается много чудес, много фигни и много раскаяния. Типичный Карл.

Не то что я – межгалактическое светило здравомыслия, не правда ли?

Вероятно, Карла в детстве просто ремнем не пороли, вот он и бьет все рекорды по легкомысленности. Впрочем, учитывая, что обычного детства ни у кого из нас не случилось, вероятно, это была моя обязанность. Но я как-то тогда не сообразил, а сейчас, схватись я за плетку, Карл вряд ли поймет меня правильно.

И да, если что, я шучу. Я против воспитательного насилия. Ка-те-го-ри-чес-ки.

В общем, возвращаясь к нашей теме, закрывать Врата пока не вариант.

Что касается загадки Пепла, то мы решили, что ребята будут изучать его на месте, а вот мне надо вернуться в нашу вселенную и попробовать найти какую-то информацию о прошлом Хаоса. Во всех мирах есть легенды о неких Древних Эпохах, да даже у нас с вами их полно, и хотя раньше мы от них по большей части отмахивались, сейчас пришло время сдуть пыль со старинных трактатов.

Но я не мог перестать думать о тварях. О том, что всякий раз, стоит кому-то из нас отвернуться, как они проникают сквозь Врата. Сочтите меня жадным котиком, но мне не нравится, когда кто-то жрет из миски моих миров.

Да, Авена и Карл клятвенно пообещали сделать себе расписание и отгонять тварей, как зверские и неподкупные пограничники. Но я же вижу, как эти двое смотрят вдаль. Они отходят от Врат по очереди, и у них при этом такие щенячьи глазки, им так хочется рвануть глубже в Пустоши, а еще желательно вместе – так эффективнее, – что я откровенно бешусь.

Я имею в виду: хочешь – делай.

А еще: слово «делегирование» им о чем-нибудь говорит?

Видимо, нет, потому что эти двое свято верят, что в таких важных вопросах, как безопасность вселенной, нельзя доверять другим. Тем более Карл склонен посыпать голову пеплом (не *Пеплом*, а пеплом, хотя было бы весело), поэтому считает, что охранять Врата теперь его миссия. Навсегда, ага. Похоронить себя решил, молодец такой.

Я же говорю – мало лупили. Вообще не лупили. Моя, говорю же, ошибка.

В общем, я предложил им позвать Теннета. Нет, не для того, чтобы мы окончательно свихнулись в такой тепленькой компании – четыре бога на привале у костра, детский лагерь «Твой Любимый Кошмар» отдыхает! А просто чтобы назначить Нэта Стражем Врат, а самим двинуть в желаемых направлениях. Ведь Нэт так сильно оплошал. Да он еще и хранитель времени. А что может быть поэтичнее, чем наказать Время временем, проведенным в чертогах Хаоса, пока мы будем веселиться, раскрывая тайны Пепла?

Но Карланон и Авена не впечатлились моей идеей.

– Защита Врат – слишком важная миссия для того, чтобы стать наказанием, – провозгласил Карл. – Это должно быть не обязанностью, а обязательством. Тут нужен тот, кто всегда будет на страже, по собственной воле, по зову души. Тот, кто чувствует, что это – его миссия: защищать свет.

– Так что мы сидим дальше, – припечатала Авена. – Не беспокойся о нас, брат. А тебя ждут книги, – и она эдак ненавязчиво указала мне в сторону Врат.

Ну как ненавязчиво. Взяла меня за воротник, *Прыгнула* со мной к ним и ткнула в них пальцем, чтобы, дескать, я точно не мог сказать, что не вижу таблички «выход». Я был совершенно не против устроить себе пару лет запойного чтения, но я люблю, знаете ли, причинять добро. Есть такая маленькая слабость.

Поэтому на прощанье я до хруста костей обнял сестрицу и подменил флакон с силой Теннета на обычную склянку.

Дальше я высадился в нашей Вселенной и разделил свое сознание на множество частей. Получилось девяносто призрачных Рэндомов и один Рэндом поплотнее. Всех призраков я отправил блуждать по книжным лавкам, старинным библиотекам, древним развалинам, забытым храмам и прочим местам, где потенциально можно встретить какую-нибудь информацию

про Хаос. Надо сказать, процесс оказался более увлекательным, чем я боялся. И более сложным, чем надеялся.

Бог ты или нет, а людям есть чем тебя удивить. Например, пунктуацией.

Свою плотную часть я отправил в Лайонассу: окучивать Теннета. Решил самовольно предложить ему работу Стража. Ну а вдруг он все-таки согласится? Он у нас горюшко с принципами. Хотя любит придуриваться настолько, что, кажется, уже сам запутался – хороший он или плохой.

И вот я прибываю в Лайонассу, и… Что я узнаю?

Кто-то стащил всю мою кровь из Шэрхенмисты! Бедняжки шэ́рхен прозябают без Умений, а репутационные пятна на мне.

Ну, я и рванул за вором – ругаться.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что судьба прислала мне идеального Стража Света в лице воришки!

И-ДЕ-АЛЬ-НО-ГО!

Какой там Нэт, я вас умоляю!..

Госпожа Тишь из Дома Внемлющих, как породистая сторожевая, была выращена и воспитана будто бы единственно для того, что защищать свет, порядок, вселенную – все одно. И главное, она хотела этого!

Я нашел ее в Мудре. Решение пришло мгновенно, ведь мы, гении, не нуждаемся в долгих расшаркиваниях.

– Пс, ягодка! – обратился я к ней. – Хочешь немного божественной силы?

Тишь попробовала меня убить в ответ на такие заходы, но мы быстро поняли, кто здесь папочка.

Мы договорились: я даю ей силу Теннета, а она – подписывает контракт на защиту Врат от прихвостней Хаоса. Будет отваживать их до тех пор, пока мы не решим все-таки прикрыть эту лавочку. Да-да, конечно, по контракту ее ждала не палатка в пустоте, как у аскетки Авены! Я обещал построить ей отличный городок на Пограничье. Или деревушку, или целый замок – мне не жалко. С прекрасным, минуточку, видом: на космос.

Если Тишь захочет взять с собой еще пару Стражей, я не против. Пусть живут компанией, ради неба. Побесят Авену – уже хорошо!

Впрочем, меня смущала некая турбулентность в мыслях моей избранницы, которая оказалась кладезем незакрытых гештальтов. Там и тоска по теневой семье, и надежда снова стать Архимастером, учить юных Ходящих, и страшная обида на короля – желание показать ему, что она была права касательно того, что даже дети могут разнести его любимое государство…

«Ай, ладно! – решил я. – Пренебречь, рискуем!»

И я дал ей силу (четверть склянки, авансом) и сказал: «Я вернусь за тобой, Тишь, а пока, будь добра, закрой все дела в этом мире, чтобы дальше не отвлекаться. Но – никаких убийств».

Я рукоположил Архимастера в должность, сказал обвыкнуться, назначил дату, когда вернусь за ней, – это сегодня, – а сам с радостью углубился в книжки.

Все мои «я» погрузились в них полностью, по самые тульи шляп. Выныривали лишь для того, чтобы подобрать какой-то новенький интересненький экземпляр.

При этом на время чтения мне пришлось самому себе поставить блок от телепатии, а заодно временно заставить себя оглохнуть – потому что то и дело кто-то натыкался на мои призрачные копии и начиналось – визги, ахи, подкупы, – ну, тут в зависимости от мира и их традиций… Это все жутко отвлекало.

Плюс когда ты хранитель такого организованного материка, как Лайонасса, то тут регулярно кто-то пытается тебе молиться. Обычно я низвожу это до уровня белого шума, реагирую только на определенные эмоции и интонации, но… Когда я разбит на сто частей и погружен в книги, даже тихий страдальческий бубнеж мешает.

Да-да, что вы так шокированно на меня смотрите?

Я всю свою жизнь слышу шепот чужих мыслей и молитв. Почему, по-вашему, я обычно сам такой громкий? Пытаюсь их переорать! А сегодня тихий как раз потому, что все до сих пор выключены.

В общем, это была отличная идея – закрыться от мира, чтобы как следует почитать. Кое-что из найденных мною книг пахнет *такими* тайнами, что… Даже если окажется, что они не про Хаос, – о, поверьте, там будет что разгадать.

А одну я вообще до сих не смог расшифровать, представляете.

Я! И не смог.

Дорогие мои зайчики, конфетки, вселенские ягодки! Будьте добры среагировать на эту новость чуть более эмоционально, потому что это сенсация похлеще других! Ну да ладно.

В общем, у моего запойного чтения, отключения от телепатии и глухоты был только один минус.

Я так увлекся, что забыл про Тишь. Я хотел проверить ее еще до окончания назначенного срока – все-таки было, было в ней что-то болезненное, – но…

Меня утопило в великом очаровании книг, авантюр и тайн.

Так что только сейчас я оставил сотни распахнутых манускриптов тут и там, а потом силой воли собрался в кучку, чтобы отправить своего Стража в Хаос, насладиться лицами Авены и Карла, свинтить, пока они меня не убили, и вернуться к чтению…

Собственно, и вот я здесь.

* * *

Рэндом замолчал.

Во время своего рассказа хранитель успел разлечься на каменном полу Зала Совета так безмятежно, что казалось, мы находимся у него в гостях, а не прозябаем в помещении с двумя бессознательными монархами и телом мертвой госпожи Тишь…

Я вздрогнула, вспомнив о последней, и хотела обернуться на нее, но Рэндом вдруг сказал:

– Э-э-э нет, подожди еще немного. Рано!

– Рано для чего?.. – начала было я и запнулась.

Потому что вдруг поняла, *что* он имеет в виду.

И почему вообще Рэндом так колоссально спокоен – да, он объяснил, что его перестали отвлекать чужие мысли, обычно определенно имеющие влияние на его поведение, – но все же, исходя из предыдущего опыта общения с джокером, я подозревала, что, закончив рассказ, он нас просто перемелет в муку за то, что мы убили его Стража Света.

Однако…

Рэндом только хитро щурился из-под широких полей своей дамской шляпы и вертел между пальцами подснежник – много-много подснежников выросло в Зале Совета в тех местах, где еще полчаса назад темнела пролитая кровь.

Что касается моей догадки – то да! Точно! Расширившиеся глаза Лиссая и Дахху, в течение всего рассказа сидевших лицами в сторону Тишь, подтвердили ее. Принц невольно подался вперед, а Смеющийся, кажется, вообще бы всполошенно вскочил на ноги, если бы не спящая Кадия, чья голова покоилась на его коленях.

– Ну ладно, теперь можешь смотреть, Мисс Нетерпеливая! – фыркнул Рэндом и сам с интересом подпер щеки кулаками.

Я тотчас развернулась, чувствуя, как взволнованно бьется сердце.

Почти все фигурные фонари, стоявшие по периметру подиума с ингрисилем, умудрились пережить нашу битву целыми и невредимыми. Лишь несколько из них упали и разбились, из-за чего освещение стало еще таинственнее.

Надо сказать, что величественное дерево ингрисиль, росшее в центре зала, всегда было таким белым, что, казалось, светилось в сумерках.

Но сейчас оно светилось *по-настоящему*.

Мертвая госпожа Тишь уже не лежала в его корнях. Лишь угадывался силуэт того, где упала Архимастер – в этом месте не было цветов ингрисиля, усыпавших сейчас все вокруг благоухающим ковром.

– Смотрите-смотрите! – возбужденно захлопал в ладоши Рэндом.

Ингрисиль стал *меняться*.

Дерево запульсировало, как сердце, от него поплыл жемчужный туман, дурманящий мысли. Где-то там, под шелками все разгорающегося света, происходило преображение. Ветви мялись и крутились, как ткань в руках мастерицы; потом лепились, будто глина; после – пели, зажигаясь чудом изнутри. И вот…

Минуту спустя ингрисиль исчез. Зато посреди подиума стояла Тишь из Дома Внемлющих.

И – в то же время – вовсе не Тишь.

Золотая мантия, короткая стрижка, фигурная скоба на левом глазу – внешне все было как в Запретном квартале, еще до всех битв и ранений сегодняшней ночи. Но у этой Внемлющей внутри как будто жила тишина, а не боль. Ее взгляд, обращенный к нам, был пристальным и спокойным.

– Привет, Страж! – Рэндом пружинисто вскочил с пола и пошел к ней, на ходу поправляя свою непослушную белоснежную челку.

Тишь ничего не ответила. Вероятно, она пока просто не могла говорить. Только смотрела, смотрела вокруг – будто впервые видит мир…

Хотя во многом, наверное, это так и было.

– Наш контракт в силе, эй? – джокер пощелкал пальцами у нее перед лицом.

Тишь кивнула. Потом по широкой дуге обошла джокера, присвистнувшего от такого пренебрежения, и приблизилась к креслу со спящим Сайнором. Мы втроем зачарованно наблюдали за ней.

Госпожа Внемлющая похлопала короля по плечу.

– Прощай, – беззвучно произнесли ее губы.

Затем она повернулась к Рэндому и снова кивнула.

– Да-а-а-а… – протянул хранитель, озадаченно почесывая подбородок. – Над коммуникациями надо будет еще поработать. Впрочем, возможно, это задачка как раз для Авены и Карла. Пойдем, Тишь. Посмотрим, что там с твоими детьми. Возьмем их с собой или нет? Я думаю, надо спросить напрямую у них. Да-да, я знаю, что ты уже спрашивала, но, видишь ли, учитывая твои обычные манеры – интересно, они скоро к тебе вернутся? – только самоубийца сказал бы «нет». Так что сейчас спросим заново. Ве-е-е-ежливенько. С пиететом. Впрочем, учитывая, что альтернатива для них – тюрьма… Я догадываюсь, какой будет ответ.

И Рэндом как ни в чем не бывало потащил Ходящую за собой к выходу из Зала Совета. По дороге он ненадолго остановился возле кресла Сайнора, коснулся его виска двумя пальцами – от них разбежалась серебристая дымка.

– Предлагаю королю удовлетворительную версию того, почему я почтил вас своим присутствием и куда дел тело Тишь, – пояснил Рэндом. – Не бойтесь, я меняю ему память лишь частично и только с момента моего появления. Эпические сцены пусть остаются при Сайноре. Чую, теперь он не один антимагический браслет будет носить с собой, а целый сундук. И наверное, сделает тут еще несколько тайников со всякими полезными штучками, – продолжал привычно тараторить хранитель, направляясь к дверям.

Он болтал так повседневно, легко и бесперебойно, что я еле нашла паузу, чтобы вклиниться:

– Рэндом!..

Хранитель обернулся от самого выхода.

– Получается, все хорошо? Даже несмотря на то, что изначальная Тишь погибла, твой план удался – в Приюте Хранителей будет Страж?

Широкая и немного зловещая ухмылка прорезала лицо джокера, алые губы растянулись аж до ушей, кончик острого носа вздернулся. Рэндом подмигнул и эдак манерно смахнул со своего плеча невидимые пылинки.

– Конечно, конфетка. Я никогда не проигрываю. Я же шулер: буду тянуть столько крапленых карт, сколько потребуется. До скорого! – и он, послав нам звонкий воздушный поцелуй на прощание, исчез вместе с Тишь.

На какое-то время в Зале Совета повисло молчание… Наконец мы с Дахху и Лиссаем переглянулись.

– Интересно, «скоро» в его понимании – это когда? – задумчиво протянул Дахху.

* * *

После исчезновения Рэндома у дворцовых служащих снова появился интерес к Залу Совета.

Не прошло и нескольких минут, как вокруг нас засуетилась впечатляющая толпа народа. К Дахху сразу же прицепился детектив-Смотрящий, справедливо желающий увести друга на допрос, но очнувшийся Сайнор, так и сидевший в кресле, пока его со всех сторон ощупывали и осматривали целители, покачал головой:

– Не надо. Всех четверых можно не допрашивать.

– Но как мы тогда раскроем это дело, ваше величество? – в почтительном поклоне склонился Смотрящий.

– А нечего раскрывать. Этим займутся дворцовые службы.

– Графа «совершенно секретно»? – на всякий случай еще раз уточнил детектив.

Король кивнул. Смотрящий понятливо скользнул прочь из зала.

Сайнор поднялся и шагнул к нам с Лиссаем. Дахху в этот момент объяснял лекарям, какие заклинания он успел наложить на Кадию до их появления, и безумно краснел, потому что наколдованное им, очевидно, не могло вызвать такой ошеломительный исцеляющий эффект. Лекари недоумевали. Дахху врал, путался и оттого врал еще больше. Лекари уже начали потихонечку пятиться, но Дахху, будучи перфекционистом, не хотел отпускать их, пока не выплывет из своего океана лжи.

Подозреваю, это надолго.

Сайнор же крепко пожал руку Лиссаю, посмотрев на него так странно, будто видит впервые. Хотя во многом так и было: не факт, что они встречались после возвращения Лиса.

Потом король кивнул мне:

– Спасибо, госпожа Страждущая. В этот раз моя благодарность вам будет неофициальной, зато искренней.

– Так гораздо лучше, ваше величество, – улыбнулась я, чувствуя, как тяжеленный камень падает у меня с души.

Неужели больше никаких стычек с церемониймейстером Дайеном?

– И что касается вашей подруги… – Сайнор посмотрел на носилки с Кадией. Лекари дергали их в сторону выхода, Дахху – в свою, продолжая что-то бубнить. – Это же дочь Балатона?

– Да!

– Достойная наследница достойного отца.

Подошедшая к нам королева Аутурни, очнувшаяся и теперь до крайности взбудораженная всем случившимся, округлила глаза и взволнованно прижала руку к губам:

– Я слышала краем уха о каком-то скандале с ее участием…

– Скандалы забываются. Честь остается, – покачал головой Сайнор.

Вместе с Дахху и Лиссаем мы вышли из Зала Совета. Несмотря на то что все страшное осталось позади и мы могли поздравить себя с успешно завершенной миссией, нас с Дахху, конечно, до сих пор колотило. Лиссай же был тотально спокоен, заставив меня вновь задуматься о том, что конкретно он пережил в своих скитаниях.

Все трое мы были такими грязными, просто с ума сойти. Пустынные бродяги, заблудшие дети песков.

Лиссая даже не узнавали слуги, пока мы тихонько спускались по крученым лестницам дворца, сбегали все ниже и ниже – сначала за окнами было видно только высокое звездное небо, потом – изумрудное море леса, любимый мотив каждого жителя королевства, а под конец – таинственный садовый лабиринт с теплыми оранжевыми фонарями и белоснежными фигурами шахматных лордов, опершихся на мечи. Загадочный и пустой, где только соловьи и цикады поют по ночам.

Выбежав на улицу, мы втроем долго стояли, задрав головы, глядя на то, как наверху светится разбитое окно Зала Совета и какая суета творится на балконах верхнего этажа. Но это уже было так далеко – и будто давно, и будто не с нами… Завтра все снова будет в порядке, Смаховый лес легко и быстро затягивает раны, и каждый раз оказывается, что у любого тяжелого события можно найти как минимум три хороших последствия – если задаться такой целью. А мы в Шолохе – оптимисты. Задаемся всегда-всегда.

– Пойду в дворцовые конюшни, – сказал Лиссай. – Надо узнать у конюхов, с какой скоростью скачет к-королевский единорог без седока. Это позволит понять, где примерно сейчас находится Сиптах. Я хочу завтра выдвинуться ему навстречу.

– Знаете, ваше высочество, – неожиданно протянул Дахху, – я вдруг понял, что лично я совсем не против, если по какому-то странному стечению обстоятельств следующим королем все же станете вы.

– Типун вам на язык! – отшатнулся Лиссай.

От него во все стороны тотчас брызнули тени Святилища, решившие исподволь заползти на принца, раз он так долго стоит на одном месте. Дахху сильно смутился из-за неудавшегося комплимента, пожал Ищущему руку и отошел к садовому фонтану – хотя бы немного умыться.

– Спасибо вам, Лис. Без вас бы сегодня все могло закончиться иначе, – сказала я принцу. – Ваше иномирное оружие – действительно опасная вещь. Надеюсь, оно нам нескоро еще пригодится.

– Это был последний патрон. А как я говорил в пустыне, я пока не планирую снова отправляться в путешествия. Хочется немного разобраться в теории. И вообще – побыть дома, – он улыбнулся.

В иные моменты улыбка у этого нового Лиссая, конечно, была просто наиопаснейшей. Не смотри, если не хочешь сердечного приступа.

– Так что будем справляться своими силами, – принц задумчиво посмотрел на звездное небо. – Наверное, и в Шолохе новые события не заставят себя ждать.

– Вы сейчас умудрились произнести это с *такой* надеждой, Лис…

Ищущий серебристо рассмеялся и поцеловал мне руку на прощанье. Мы пожелали друг другу добрых снов.

Легкой поступью, один раз оглянувшись, он пошел в сторону восточной аркады, и тени деревьев, не колеблясь, поплыли за ним.

Лис выглядел так чужеродно на фоне дворца, что никто бы и не подумал, что он принц. Бродяга, гость, путешественник…

Им он, впрочем, и был.

Я провожала Ищущего взглядом до тех пор, пока его силуэт окончательно не растворился в темном лабиринте сада, а потом присоединилась к Дахху у фонтана.

– Кадия лежит в Лазарете при дворце, а Полынь – в Лесном, Пятиречном, – я цокнула языком. – И что нам с этим делать? Разорваться?

– Давай я пойду к господину Внемлющему, а ты – к Кадии, – предложил Дахху.

И, увидев, как удивленно вытянулось мое лицо, совсем не по-дахховски громко расхохотался.

– Нервы, – пояснил друг, утирая выступившую от смеха слезу. – Давай, конечно, сделаем наоборот. Так логичнее.

– А мне уже начинает нравиться твое предложение. Представь, как они поразятся?..

Но все-таки мы сошлись на второй идее.

39. Птицы носились стаями

Бесконечный круг жизни – вперед, вперед,
Если вода в реке остановится – она загниет.
Старинная дэльская песня

Целых четыре палаты в Лесном Лазарете были заняты нашими друзьями, которых Лиссай и Дахху выдернули из мертвого города перед тем, как отправиться во дворец.

Одна палата – для нюкты Ринды Шаграух, которая все-таки не захотела быть Стражем Света, когда Рэндом задал ей этот вопрос. Вторая – для Гординиуса Сая. Третья – для Мелисандра, который, будучи в общем и целом здоровым, просто жутко соскучившимся за время плена, мигом из нее сбежал. И четвертая – для Полыни.

Собственно, Мелисандр нашелся именно в ней: он сидел в одном из двух кресел, закинув ноги на прикроватную тумбочку и переставив ночник рядом с собой на подлокотник. Кес читал украденную со знахарского поста газету и сладко позевывал.

Сам Полынь спал на кровати, повернувшись на бок, уткнувшись носом в стену и натянув одеяло так, что ни праха не было видно, кроме его макушки с неизменными колокольчиками.

Приветственно хлопнув по ладони Мелисандра, я плюхнулась во второе, свободное кресло. Мы с Кесом долго болтали. Саусбериец оценил случившееся с ним приключение на десять баллов из десяти.

– А если бы у меня была роль побольше, поставил бы «бесконечность», – подмигнул Мел.

Постепенно он стал зевать все сочнее и протяжнее и наконец, не выдержав, отправился к себе. Я же накрылась пледом, взятым из пухленького комода, и продолжила свой караул.

За приоткрытым окном было видно сад Лазарета и окружающую его рощу деревьев ошши, мягко мерцающих в темноте. Оттуда воровато выбежало несколько крустов, похожих на связки глазастых палочек. Они, пригибаясь к земле, прискакали к лазаретным грядкам с целебными травами и, подло хихихикая и переговариваясь на своем булькающем языке, стали пакостно их раскапывать.

На порог Лазарета вышел целитель в шелковой белой тоге – погулять, посмотреть на луну, прийти в себя посреди ночного дежурства. Увидев это крустово безобразие, он подхватил длинную полу наряда и негодующе побежал спасать грядки. Лешие, вопя и отшвыриваясь шишками, умчались обратно в чащу, откуда еще долго обиженно что-то орали. Как всегда – у нас не город, а одно сплошное веселье!

В какой-то момент я задремала.

А проснулась оттого, что в меня прилетела подушка.

– Привет, – сказал Полынь, чьи глаза посверкивали из-под одеяла в полумраке предрассветной палаты.

– Привет, – улыбнулась я.

– Давно так сидишь?

– Не знаю. Судя по тому, как у меня затекла шея, – несколько часов.

– Затекшая шея!.. – ужаснулся он. – Вот это жертвы, малек.

– Сама в шоке. Как ты?

Ловчий закопошился, прислушиваясь к ощущениям, потом пожал плечами и сладко зевнул.

– Планирую поспать еще, если честно.

– Спи, – миролюбиво разрешила я, выключая забытый светильник.

Из темноты смущенно кашлянули.

– А может, вернешь подушку?

– Пф! И зачем же разбрасываться тем, что тебе еще нужно?

– Для тебя ничего не жалко.

– Тогда не верну!

Но когда я все-таки отнесла ему требуемое, Полынь откатился в угол кровати и похлопал по освободившемуся месту – такому широкому, что там мог без особых сложностей уснуть даже мастер Улиус, не то что я.

– Чтобы шея не затекала.

Сбросив обувь и укутавшись в свой плед, я свернулась в комочек рядом с напарником. Какое-то время мы просто молчали, прислушиваясь к пению ночных птиц за окном. Потом тихо, на грани беззвучия, – как будто нас мог подслушать кто-то, кроме бубнящих крустов, возобновивших свои гнусные делишки, – стали обсуждать случившееся.

Наша беседа покачивалась, будто на мягких волнах полночного Шепчущего моря: от невидимых в темноте улыбок ко взаимным подколкам и взрывам громкого хохота, от благодарностей к намекам, что «у меня получилось бы получше», от дружеской открытости к искрам игривого напряжения.

От шуток к печалям.

К прощанию. К горестям.

– Мне так жаль, что она умерла, Полынь.

– Мне тоже, Тинави. Мне тоже.

Ловчий вздохнул и потянулся, звякнув браслетами, которые целители, повинуясь дружескому совету Мелисандра Кеса, не стали с него снимать, а то, дескать, господин Внемлющий изволит гневаться.

За окном начался и закончился легкий весенний дождь. После него всю палату заполнил запах цветущего сада, к которому постепенно примешивались ароматы свежей выпечки и крепкого кофе – где-то там, вдалеке, оживали и распахивали двери первые кофейни. За деревьями ошши медленно выплывали атласно-малиновые шелка рассвета, звезды бледнели на высоком небе.

– Знаешь, я до пепла рад, что мы существуем, – под конец совсем тихонечко шепнул мне Полынь. – Думаю, мы делаем этот мир более интригующим местом.

– Ты – в первую очередь, – согласилась я, чувствуя, как остро и приятно от напарника пахнет мятой, древесиной и перцем.

– Нет. – Полынь осторожно убрал прядку волос с моего лица и подмигнул: – Все-таки ты.

Это была прекрасная ночь.

…И только целитель, нашедший нас утром в обнимку, отчего-то крайне негодовал.

* * *

Утро пятницы оказалось просто восхитительным. Свежее, звонкое, солнечное – весна вошла в самый красочный свой период, для полного счастья осталось только зацвести кустам жасмина, которые благоухают целых четыре месяца каждый год.

Дахху, Кадия и я сидели на ступеньках Иноземного ведомства, попивая липовый сбор от госпожи Пионии. Над головами у нас носились ласточки – достаточно высоко для того, чтобы мы могли не опасаться новых дождей.

Кадия, возбужденно размахивая берестяным стаканчиком, рассказывала о том, что его величество Сайнор предложил ей любую должность на ее вкус.

– И я решила: я хочу обратно к гномам! Я уже написала сегодня утром командору Груби даби Финну, и, хотя в ответном письме было некоторое количество непечатных комментариев на тему моих выкрутасов, глобально он рад. Так что – за триумфальное возвращение!

– А я ведь сразу говорила, что тебе надо просто спасти короля, – шутливо укорила я.

Кадия с готовностью отставила стаканчик на белые ступени и, экзальтированно воздев руки к небу, взвыла:

– О, великая и сиятельная, опаснейшая и жутчайшая, Луноликая и Звездорожденная, мудрость твоя не знает границ, простирается от моря до моря, и да как я посмела, грешница, усомниться в словах твоих пресвященных!..

Дахху только за голову схватился, увидев, сколько народа изумленно обернулось в нашу сторону. Я с хохотом заткнула Кадии рот ладонью.

– Перебарщиваешь, Солнцеподобная!..

– Я?! Никогда! Все, что в радость, – все в меру! – невнятно возмутилась подруга через мою ладонь.

Мы еще немного похохотали, а потом Смеющийся, чей шарф был таким длинным, что спускался на три ступени вниз, похвастался:

– Мне тоже предложили подарок. Госпожа Марцела хочет поблагодарить меня за помощь: сказала, чтобы я просил более или менее о чем угодно.

– М-м-м, более или менее – обожаю наших политиков! – повеселевшая Кадия сегодня явно была в ударе.

– И о чем же ты попросил? – полюбопытствовала я, приветственно кивнув еще парочке прошедших мимо коллег – сотрудники постепенно сползались в ведомство.

– Если я скажу, вы решите, что я сентиментальный идиот.

– Размечтался!

– Я серьезно.

– Не томи, Дахху!

– Я попросил ее узнать о возможности переводного экзамена для Гординиуса Сая. Он так давно хотел стать Шептуном. Вдруг теперь получится? Все равно он сейчас здесь, а не в Иджикаяне!

Мы торжественно сошлись на том, что Дахху не идиот, а лапочка, что весьма достойно. Хотя мы с Кадией, наверное, все-таки попросили бы что-то для себя.

– Да у меня и так все есть, – отмахнулся Смеющийся. – Все подарки, которые мне нужны, я могу сделать себе только сам, так уж вышло. Ну еще вы можете, – спохватился он. – И Анте, ведь информация – лучший подарок.

– Кстати! – Кадия уже вовсю жевала круассан, что не мешало ей делиться новостями: – Принц Лиссай сегодня ночью вытащил Давьера из Святилища. Тот изволил наконец-то прийти в себя!

– А ты откуда знаешь? – опешили мы с Дахху.

– Не поверите: Анте пришел ко мне с утра пораньше и попросил одолжить ему рамблов-скую рубаху. Ту, волшебную, чешуйчатую, которую Тинави в том году притащила.

– Зачем она ему?!

– Ой, там есть одна забавная история… Но я когда-нибудь потом вам ее расскажу.

Тут у нас за спинами, в главном холле Иноземного ведомства, двери в которое были открыты по случаю превосходной погоды, зазвенел гонг, объявляющий начало рабочего дня.

Я попрощалась с друзьями и вприпрыжку поскакала наверх.

На втором этаже я столкнулась с камераром Варроком Хасилиусом: он сосредоточенно устанавливал на месте бывшей статуи бокки-с-фонарем новую скульптуру в виде дриады.

– Хей-хей, Варрок! – Я хотела пойти дальше, но камерар остановил меня величественным жестом:

– Помните, мы с вами говорили о скульптурах, Тинави?

– Еще бы!

– Они больше не оживают. Ни сами, ни по *Просьбе*.

– Ого… А почему? – расстроилась я. – Неужели тот источник, который усилился осенью, теперь иссяк?

– Именно так, – как всегда флегматично, кивнул Хасилиус.

И вдруг меня пронзило подозрение… Ведь оживали скульптуры с символом в виде спирали. А у госпожи Тишь такой же символ был на пластине, закрывающей левый глаз. Как раз осенью Ходящая получила силу от Рэндома, а два дня назад, по сути, погибла… Или сменила форму? Или покинула нашу вселенную? Прах его знает, как это надо назвать, но явно сходится одно к одному! Хотя… Варрок говорил, что символу на скульптурах как минимум триста лет…

Я в замешательстве уставилась на камерара Хасилиуса. С одной стороны, мне зверски хотелось рассказать ему о своей гипотезе, а с другой – это все были не мои тайны. Да-да, как обычно. Шью себе платья из чужих загадок – вот такая у меня Страждущая мода!

Но тут вдруг сам Варрок подошел поближе и, понизив голос, так же флегматично, как обычно, сказал:

– Я не должен был делать этого, но я выяснил, кто вложил магию в скульптуры. Это был один из первых Архимастеров Теневого ведомства. Дальше секрет статуй, как и их энергетическая привязка, передавался от Архимастера к Архимастеру на случай, если одному из них однажды понадобится помощь. Но они всегда были слишком горды и не считали этот секрет достойным внимания. Поэтому он постепенно ушел от них. А теперь ушел окончательно. Статуи уснули навсегда, и больше ничто не потревожит их покой – ни просьба, ни ярость, ни случайность.

– Это грустная история, Варрок…

– Это красивая история, Тинави из Дома Страждущих, – возразил камерар и вернулся к работе.

А в нашем совмещенном тридцать втором дефис тридцать третьем кабинете уже сидел Полынь – как обычно, на своем любимом подоконнике, возле апельсинового дерева. По шкафам разгуливал Плюмик – миниатюрная совушка Полыни, которого Ловчий на целый месяц одалживал своему брату Вереску для путешествия в Кнассию. Увидев меня, Плюмик издал то ли приветственный, то ли боевой клич и зачем-то зарылся в коробку с уликами.

– Хей! – подняв голову, поздоровался его хозяин.

На коленях Ловчий держал папку с документами, в которые что-то вписывал, от старательности высунув язык. Рядом с ним в утреннем свете переливалась великолепная жестяная коробка, разукрашенная птицами и цветами. Она была открыта – внутри, на вощеной бумаге, рядами лежали эклеры. Базиликовые, сырные, черничные, чайные, шоколадные… Хм. Где-то я такие уже видела.

– Хей-хей! Доброе утро! – Я плюхнулась в свое любимое фиолетовое кресло. – Что делаешь?

– Ты не поверишь! – Ловчий хмыкнул: – Оцениваю предложенный мне список сотрудников для спецкоманды.

– Ого! И как там?

– Неплохо! Но я хочу попросить нам другого Свидетеля Смерти.

Полынь с удовольствием потянулся, звеня всеми своими амулетами, с хрустом покрутил головой и как-то весьма коварно мне подмигнул:

– Не могу, понимаешь ли, не представить себе всю эпичность дел, которые с нами будет вести Мелисандр Кес.

– Что?! – я аж подпрыгнула, причем вместе с креслом. – Мела – в Иноземное ведомство?! А разве так можно? Он же чужеземец!

– Как раз Свидетели Смерти могут быть из любой страны. Если, конечно, сдадут лесной экзамен. Посмотрим, справится ли он. И согласится ли. Но мне кажется, если да, то это будет до пепла интересный опыт для нас всех.

«Надеюсь, ведомство вообще устоит», – подумала я. И только головой покачала.

– А еще, – Полынь наугад взял эклер из коробки и затем протянул ее мне, предлагая сделать то же самое, – вчера у меня был очень интересный вечер во дворце…

Я тотчас сообразила, *откуда* я знаю эти эклеры.

– О нет! – ахнула я. – Снова взятка от королевы?!

– Конечно. Как думаешь, за что? – самодовольно осклабился Ловчий.

Я вытаращилась на сладости в истинном ужасе.

– Ну, кхм, Полынь… Если оплатой за поцелуй был всего один эклер, то это, прости меня…

– Тинави! Что за мысли! Это плата за увольнение! – весело возмутился Ловчий. – Ее величество Аутурни сказала, что нам с ней «пора расстаться», потому что у нее неожиданно вспыхнули чувства к собственному мужу. Сайнор, подозреваю, будет в шоке: столько лет нормально жил, никому не мешал! Видимо, ее величество раззадорила ситуация с Тишь… В общем, теперь, когда Аутурни так семейственна и прочее, она боится, что я «не справлюсь с чувствами» в ее присутствии, – Полынь фыркнул. – Поэтому «лучше бы мне держаться подальше от ее покоев». Я, конечно, был «крайне опечален этой новостью». Королева, понимая, что разбивает мне сердце, решила оставить мне *хотя бы* Умения. Так что все идеально. Я все еще при запредельной магии, но теперь еще и свободен.

– А, ну тогда шикарно! – Я выбрала ежевичный эклер.

Он был просто превосходен, надо сказать. Молодец королева! Женщина со вкусом! Как минимум в некоторых вещах.

Не успели мы с Полынью алчно сожрать половину коробки, как к нам заглянула Селия:

– Тинави, к вам посетитель. Ждет на балконе при ведомственной библиотеке. Полынь, за мной. Мастер Улиус и мастер Авен готовы обсуждать вашу команду.

– А если я не готов, Селия?

– А такой опции не предусматривается. Какие бы нововведения ни принимались, по сути, вы все еще простой Ловчий, поэтому будьте добры приходить на собрания, когда вам скажут.

– Ага. Только я Старший Ловчий. И с Генеральством. И со спецкомандой. Очень простой, – проворчал Полынь.

Продолжая привычно переругиваться, они ушли.

Я тоже хотела выйти – что за посетитель такой? интересненько! – но вдруг мой взгляд упал на желтую бумажку, прибитую в центре нашей детективной доски.

Ой. Точно!

Это была та самая карточка, которую я начала заполнять в первый день после своего повышения. «Мы все…» – написала я тогда, а потом в коридоре скульптура напала на Варрока, и все завертелось, и в итоге к этой записке я так и не вернулась.

За прошедшие недели она успела, кажется, несколько раз перекочевать из моей половины кабинета в Полынью и обратно. На нее уже успешно проливали кофе, мяли, поджигали, Плюмик только что опробовал на ней свой клюв, и, признаться, я пребывала в некотором недоумении от того, что бумажка вообще до сих пор жива.

Наверное, чувствует себя незаконченной, вот и цепляется за реальность из последних сил.

Устыдившись, я подошла к ней и начала буравить карточку взглядом, перекатывая между пальцами Перо Правды.

Вообще у меня был как минимум один подходящий ответ. «Мы все хотим, чтобы нас любили», – сказал Полынь в подземелье Мудры, и он точно был прав. Хотим, да. Не знаю никого, кто бы нет. Хотим быть нужными. Чтобы нас ценили. Чтобы нас ждали. Чтобы понимали.

Но мне казалось, что это как-то… грустно, что ли. На столь многое мы зачастую готовы, чтобы выпросить, вытребовать и выбить эту любовь к себе, что упускаем настоящие чудеса. И, бывает, меняемся в худшую сторону.

Может, «мы все хотим любить»? М-м-м, чересчур сладко. «Мы все хотим созидать»? «Делать мир лучше»? «Избежать страданий»? «Защитить то, что нам дорого»? «Чтобы с нами происходило волшебство»?

Судя по этому списку, не имеющему конца, в первую очередь стоит сказать, что «мы все… куда более похожи, чем кажется».

Я задумчиво пожевала кончик пера, примериваясь к бумажке так и эдак.

А потом написала просто: «Мы все – мо-лод-цы!» И, подрисовав хитрую чернильную рожицу, отправилась посмотреть, кто там почтил меня визитом.

* * *

Балкон ведомственной библиотеки был небольшим, полукруглым, с широким каменным парапетом, на котором так удобно сидеть.

Отсюда открывался вид на набережную реки Арген, как всегда – зеленую, веселую, заполненную кофейными телегами, туристами, рыбаками и лодочниками, колдунами, детьми и ундинами, выбравшимися на берега, чтобы позагорать. Шумели ивы, низко склонившиеся над водой, уличный музыкант играл на лютне и приятным баритоном пел старинную дэльскую песню.

Моим посетителем оказался Анте Давьер.

Он разжигал сигарету, облокотившись о перила, и с интересом вглядывался в фигурный силуэт Ратуши, видный вдалеке, – на нее как раз сейчас вешали восстановленный колокол Толстяк Бенджи. Судя по крикам, разносящимся над набережными, процесс шел не слишком просто. Еще бы! Бенджи весит семь тонн!..

Я подошла и, подпрыгнув, забралась на парапет рядом с хранителем.

– Как дела? – спросила я, потому что Анте ничего не сказал: он продолжал бороться с огоньком – западный ветер, пахнущий липовым цветом и свежескошенной травой, явно был против курения и снова и снова сдувал пламя со спички хранителя.

Наконец Давьеру удалось сделать свое дымное дело. Он с достоинством убрал коробок в карман темно-зеленого узкого жилета, расшитого серебристыми вензелями. Педантично закатал рукава рубашки и, подтянувшись, устроился на парапете рядом со мной.

Правда, сразу развернулся лицом к городу, а не к ведомству.

Решив, что так даже лучше, я тоже крутанулась на попе и беспечно заболтала свешенными вниз ногами. Зазвенели бубенчики, прицепленные на голенища моих мягких сапог.

Анте посмотрел на меня, будто оценивая, достаточно ли крепко я держусь, и вдруг молча раскрыл ладонь, на которой лежал хрустальный витиеватый пузырек с туманной синей жидкостью.

Я сдавленно ахнула:

– Хранительская сила! Откуда она у вас?

Давьер задумчиво побултыхал синей штучкой, переливающейся, как блестки, утопленные в слезах наяды. Жидкости там было примерно три четверти.

– Рэндом оставил. Поганец расковырял кокон в Междумирье, запихнул флакон спящему мне в зубы, будто яблоко – утке в задницу, и снова меня запечатал. Знали бы вы, как у меня затекла челюсть. – Хранитель, морщась, пощупал небритые скулы.

– Вы сейчас ее выпьете? – восхитилась я.

Анте пренебрежительно фыркнул и спрятал пузырек обратно.

– Нет. Я не планирую пить ее сразу. И уж точно не целиком.

– Вот как.

– Да. Меньше – значит больше. Лучше скажите, Тинави, вы знаете, как называется вот тот тенистый переулок? – Анте двумя пальцами – средним и указательным, между которыми сжимал вонючую самокрутку, – указал мне на холмистую улочку, упирающуюся в алхимическую лавку, где так любят пополнять запасы наши Ищейки.

Признаться, такая резкая смена темы слегка сбила меня с толку.

– Ну… Переулок Доброго Путнического Предзнаменования.

– Правильно, – кивнул Анте.

Потом помедлил. Снова посмотрел на меня. Взгляд у него стал, как тогда в Призрачной Роще – задумчивый и уже не такой горделиво-ернический, как обычно. Да, все еще холодный до безумия – зимние вечера отдыхают, но все же…

Все же это был очень даже неплохой взгляд, я вам скажу.

– Соответственно, на нитальском языке, – бесстрастно продолжил Давьер, – этот переулок назывался бы вот так… – он произнес несколько певучих слов. – Повторите. Ох!.. Нет! Черт бы вас подрал, Тинави, зачем вы квакаете?! Давайте еще раз, это же не первый чужеземный язык, который вы учите! Еще. Более певуче. И почему вы ржете, вы можете мне объяснить?

Я не ржала, я просто улыбалась. Зато до самых ушей – и никак не могла стереть эту счастливую улыбку.

– Анте, кстати, меня Карл в Хаосе просил передать вам, что… – спохватилась я.

– *Я знаю*, – негодующе перебил он. – Иначе с чего бы, по-вашему, я показывал бы вам всякие манящие пузырьки и просил бы вас повторить эти три *элементарных* слова, над которыми вы сейчас так жестоко издеваетесь?..

– Значит, правда? – Мне срочно требовалось уточнение: – Вы действительно будете меня учить?!

Давьер сухо кивнул.

– Ура! – Я подскочила на парапете и сплясала что-то вроде короткого триумфального танца, своим торжествующим криком сумев переорать колдунов на Ратуше. – Ура-а-а-а!

– … Надеюсь, я об этом не пожалею, – закатил глаза Анте Давьер.

Шолох, раскинутый перед нами, смеялся, звенел и цвел. Разгоралась весна. Над городом птицы носились стаями.

Энциклопедия «доронах»

Аванки – огромные зубастые твари, жители речных омутов, похожие на помесь бобров с крокодилами. С удовольствием едят и подводных жителей, и людей. Если аванк выпрыгнул на вас, бегите прочь, отчаянно петляя.

Беседочный увалень – *с*адовая нечисть. Каменные духи, похожие на маленьких троллей. Мозг увальней напоминает мозг животного, но иногда с беседочниками случаются «припадки самосознания»: они погружаются в пучину рефлексии, достойную пустынных поэтов прошлого века. Тогда беседочные увальни начинают крушить все, что видят, стараясь вернуться к привычному, безопасному «отупению».

Бокки-с-фонарями – духи, которые появляются в Смаховом лесу дважды в месяц, на новую и на полную луну. В эти ночи все жители Шолоха сидят по домам: прогулкам бокки-с-фонарями строго запрещено мешать. Бокки носят темно-зеленые туманные плащи, в руках – оранжевые фонари, под капюшонами виднеется смутное золотое свечение.

Буххшо – злой дух, Зеленый Охотник, которого колдуны-Каратели используют для облав на нечисть. Если буххшо встанет на чей-то след, то не сойдет с него, пока не догонит жертву и не уничтожит ее. Если не дать буххшо следа, то он начнет громить все вокруг.

Бэльбоги – лешие, болотные жители. Их никто никогда не видел, только слышал: иногда бэльбоги подсказывают путь тем, кто заблудился на болотах. Или просто скачут по кочкам, невидимые, распевая Осеннюю Песнь.

Вайты – шаловливые духи воздуха, похожие на прозрачно-леденцовых светлячков. Считается, что приносят удачу. Падки на все звенящее и стучащее. Повесьте ловец ветра на крыльце – и вайты с удовольствием будут с ним играть.

Вампиры – жители Восточного Хейлонда. Неотличимы от людей, если не улыбаются. Если улыбаются – видны острые клыки. Умеют обращаться в летучих мышей. Несмотря на дурную репутацию, не злоупотребляют кровью теплокровных, пьют ее умеренно и цивилизованно. В Шолохе есть специальные вампирьи лавки, где представители этой расы могут сделать заказ на кровь с определенными параметрами и быть уверенными в качестве продукта.

Газета «Вострушка» – одна из самых популярных столичных газет, печатается под редакцией Анте Давьера. Выходит дважды в день, на заре и на закате. Отличается приятной кремовой бумагой, рассматривает все сферы городской жизни.

Грында – ягода, дающая наркотический эффект. Запрещена в Лесном королевстве.

Дриады – лесные нимфы, обитательницы деревьев. При желании дриада может променять свое дерево на комфортную городскую жизнь – в этом случае ей нужно будет раз в месяц совершать специфический ритуал пополнения энергии.

Духи – согласно определению Башни Магов, духи отличаются от существ тем, что они либо по большей части нематериальны (однако могут иметь «плотные» аксессуары типа цепей или лампад, как бокки-с-фонарями), либо умеют наращивать и убирать свою материю в разные моменты времени (как туманные лани и призраки-ревенанты).

Инграсиль – королевское дерево, символ Шолоха. Вместо листьев у него белые цветы. Изначально инграсиль – пустынное дерево-людоед.

Кармайн – цветок с алыми лепестками, напоминающий мак. Раскрывается каждое утро навстречу солнцу, каждую ночь закрывается так, что издали напоминает ягодку.

Кат-ши – это дух весеннего ветра, который кочует по всей Лайонассе.

Кентавры – полулюди-полукони, в основном предпочитают жить за городом, где больше места. Те, кто выбрал Шолох, селятся кучно, в районе Метелочного квартала. Статистика показывает, что значительная часть кентавров работает перевозчиками и гонцами, другие содержат торговые лавки и кафе с едой навынос.

Крусты – лешие, древесные человечки, похожие на связку палочек для розжига. Живут на волшебных деревьях ошши, ухаживают за ними, оберегают их. Отличаются крайне пакостным характером.

Лайонасса – материк, на котором расположено пятнадцать суверенных государств и бесчисленное множество племен и вольных земель.

Лепреконы – миниатюрный рыжеволосый народец, ростом не более сорока сантиметров. Обладают ярко выраженной склонностью к экономическим наукам и торговому ремеслу, что породило слухи о том, что каждый лепрекон несметно богат и имеет свой горшок с золотом.

Лоори – волшебные лиственные деревья из Рощи Любовников. У них есть удивительный эффект: если в кроне лоори оказываются два живых существа, которые касаются друг друга, то дерево прячет их, делая невидимыми и неслышимыми.

Мудра – мертвый проклятый город, погибшая столица древнего Срединного государства. Вместе со всеми жителями была уничтожена магическим драконьим пламенем, превращающим все в голубоватое стекло. За столетия, прошедшие с войны, вокруг Мудры разрослась Пустыня Тысячи Бед.

Потаенный рынок – сумрачное, но колоритное место на западе Шолоха: пестрые шатры на дне туманного оврага, который скрыт от любопытных глаз за долиной папоротников. Там принимают валюты всех стран, торгуют диковинками и говорят исключительно шепотом. Основная часть посетителей – туристы.

Ревенанты – подвид привидений, которые остались в мире ради мести. Бродят в полубреду, обычно возвращаются к своему дому и стонут там, и злятся, потерянные и не понимающие, что делать, лишь твердящие свое имя, как молитву. Энергия ревенанта спрятана в нем до поры до времени: до того момента, пока он случайно не столкнется с виновником своей гибели. Тогда ревенант обрастет плотью и станет мстить.

Садовые тролли – молчаливые толстенькие существа, которые селятся среди кустов. Днем спят, превращаясь в камень (не споткнитесь!), и бодрствуют ночью. Безобидны. Бродят по саду, все время о чем-то вздыхают и мечтательно смотрят на звезды. Предположительно романтики.

Стародольний язык – язык, на котором говорили в Срединном государстве в прошлой эре. Сейчас повсеместно используется для заклинаний. В современном Лесном королевстве, Рамбле, Асерине, Лютгардии и некоторых других государствах говорят на дольнем языке – несмотря на сходство названий, дольний язык значительно отличается от тезки.

Срединное государство – древнее государство, в котором люди жили вместе с шестью богами-хранителями до тех пор, пока боги не покинули Лайонассу. Было уничтожено соединенными войсками соседних стран в ходе войны 1147 года, столицу Мудру сожгли драконы. Коренные жители Шолоха – выходцы семнадцати знатных Домов – это выжившие потомки срединников.

Суувлах – магический цветок, который распространяет пары, искажающие сознание людей и животных.

Травяные феи – дикий подвид фей. В отличие от классических фей травяные не хотят вписываться в цивилизованное общество. Вместо этого они селятся под холмами, заманивают туда путников и увлекают в свой бесконечный танец – прах-с-два выберешься.

Тролли – крупные и мускулистые обитатели Скалистых гор. Кожа троллей отличается непривычным фиолетовым оттенком, волосы бывают либо снежно-белого, либо угольно-черного цвета. Тролли – апологеты богемной жизни и бандитского шика. Большинство шолоховских троллей проживают в увеселительном районе Чрева и среди полулегальных Рокочущих рядов.

Туманная лань – создание жемчужного цвета, которое, когда пугается, становится призрачным – плоть просто исчезает, лови, не лови. В «материальный» период из ее шкуры и костей можно сделать множество ценных и редких магических экстрактов, но охота на лань запрещена для всех, кроме нескольких охотников из Башни.

Ундины – жительницы рек и озер Смахового леса. Крайне негативно относятся к человеческим женщинам: могут расцарапать или даже утопить. В Шолохе создали развитую подводную инфраструктуру: бары, торговые ряды и, конечно же, дома увеселений. Продолжают род, вступая в связь с человеческими мужчинами. Если рождается девочка, то ундина. Если мальчик (очень редкий случай) – то человек, однако между пальцами у него будут перепонки, и ему обязательно нужно жить у воды.

Феи – маленькие крылатые создания. Весьма упрямы, взбалмошны и скандальны, гордятся своим «сильным характером». В Шолохе держат несколько рынков, много мелких бизнесов и полутеневых зельеварческих лабораторий. Часто работают на правительство в роли двойных агентов.

«Фейкин Дурман» – проклятие, синтезированное на растительной основе, разработка Теневого департамента.

Флиборанты – волшебные лесные цветы, раскрывающиеся и светящиеся по ночам.

Шувгеи – колдовские смерчи, выходящие на охоту стаей. Обожают лакомиться человечиной. Воронка воздуха затягивает жертву в разреженное сердце смерча, и сидящий внутри дух – собственно шувгей – шинкует жертву.

Эльфы – худощавые и невысокие (рост составляет от полутора метра до метра семидесяти). Глаза полностью затянуты черным цветом, клыки острые, как у вампиров. Носят пышные и сложные прически, пудрят волосы серебром. Магические способности сравнимы с человеческими. Чувствуют себя в Шолохе вполне комфортно, в последние годы часто вступают в браки с людьми.

Десять ведомств Лесного королевства

1. Лесное ведомство

Самое крупное министерство с очень широким профилем. В него входит больше тридцати департаментов. Наиболее значимые из них:

– Департамент Шептунов (колдуны, ответственные за отношения со Смаховым лесом);

– Департамент Смотрящих (детективы, которые расследуют преступления, связанные с коренными жителями Шолоха);

– Водное управление, Дом Холмов и Чащобный корпус (дороги, застройка и транспорт в разных зонах королевства);

– Департамент Улыбак (внутренний туризм).

2. Башня Магов

Магическое министерство, которое включает в себя две дюжины отделов: Лазарет (национальное здравоохранение), департамент Карателей (специалисты по нежити и нечисти), департамент Лакмусов (мастера иллюзий), Стихийный отдел, Алхимический корпус, департамент Тайн и так далее. Также при Башне находится магический университет, где обучают колдунов всех профилей, в том числе Шептунов, которые в дальнейшем работают в Лесном ведомстве.

3. Военное ведомство

Регулярной армии в Лесном королевстве нет, так что Военное ведомство обеспечивает охрану правопорядка. Самые значимые отделы:

– Департамент Стражи (занимается вопросами безопасности в столице, работает в тесном сотрудничестве с детективами-Смотрящими);

– Департамент Граньих (охрана границ Лесного королевства);

– Чрезвычайный департамент (чрезвычайные происшествия, стихийные бедствия, а также дополнительная охрана столицы в дни важных мероприятий. Интересный факт: Чрезвычайный департамент практически полностью укомплектован гномами).

4. Иноземное ведомство

Занимается как внешнеполитическими вопросами, так и положением чужестранцев внутри Лесного королевства. Состоит из пяти специализированных департаментов: Указующие, Говоруны, Ловчие, Ищейки, Архив, а также множества вспомогательных отделов: Свидетели Смерти, тюремные отсеки и так далее.

5. Торговая палата

Несмотря на «невнушительное» и «узкое» название, фактически является министерством экономики. Легенды гласят, что господин Доллгар из Дома Дерзающих – первый руководитель Торговой палаты – сумел отстоять такое именование, исходя из неких магически-суеверных соображений, а потом оно стало традицией. В состав Торговой палаты также входят Казначейство и Налоговый корпус.

6. Королевский двор

Занимается вопросами культуры, искусства и спорта.

7. Ратуша

В ведении Ратуши – сам Шолох как столица и единственный крупный город Лесного королевства.

8. Академия

Главное государственное высшее учебное заведение, а также совокупность исследовательских центров при нем и департамент, ответственный за народное просвещение.

9. Правое ведомство

Функции и структура Правого ведомства сопоставимы с функциями министерств юстиции в большинстве стран Лайонассы.

10. Теневое ведомство

Оно же – департамент Ходящих. Занимается борьбой с государственными преступлениями, в том числе с изменой родине, шпионажем, терроризмом, диверсиями и вредительством. Ведает конрразведкой, охраной гостайны, вычленяет неблагонадежных граждан. Три года назад был реформирован: часть функций распределена между другими министерствами, а количество агентов-Ходящих сокращено в десять раз и передано в личное подчинение королю.

Боги-хранители

Шестеро богов-хранителей считаются детьми непостижимого Отца Небесного, хотя в них очень сложно заподозрить родственников.

Разные народы относятся к богам по-разному. Мы в Лесном королевстве считаем так: сильнейшие колдуны, дерзкие ученые и нестареющие путешественники между мирами, они играют роль старших сестер и братьев для разумных существ вселенной. Их задача – следить, чтобы миры не стояли на месте: развивались, усложнялись, двигались вперед, обеспечивая вечный поток энергии *унни*.

Шестеро равны друг другу по мощи, однако у каждого бога есть любимая сфера колдовства, в которой он превосходит других – не из-за таланта, а из-за усердия и количества часов, посвященных магической практике.

Теннéт – повелитель времени. Выработал у себя легкий пророческий дар, так называемую теннетову чуйку.

Рэндом – сильнейший телепат. Умеет раскалывать свое сознание между разными объектами.

Карланон – когда-то воин-защитник и целитель, к концу прошлой эры он сменил сферу своих интересов и превратился в «архитектора бытия».

Авена – весьма суровая и принципиальная дама, особенно хорошо разбирающаяся в военных искусствах.

Дану – госпожа иллюзий, чар и зелий, известная своим легким нравом.

Селеста – покровительница любви, флоры и фауны, одиночка и отшельница, всегда держится особняком от других хранителей.

Некоторые районы Шолоха

Верхний Закатный квартал – район, в котором расположено большинство ведомств Лесного королевства. Самый дорогой район Шолоха.

Нижний Закатный квартал – район, где находится семнадцать знатных поместий Шолоха, то есть владения семей, ведущих свой род еще от Срединного королевства.

Роща Грез – харизматичный район, дома в котором строятся на деревьях и вокруг деревьев.

Призрачная Роща – удаленный от центра города квартал, где расположено кладбище Призрачной Рощи.

Квартал Старых Королей – район, знаменитый своими многочисленными каналами, горбатыми мостиками и узенькими разноцветными домиками, липнущими друг к другу. В народе известен как «Старики».

Холм Форрен-Мур – район, примыкающий к университетскому городку.

Чрево Шолоха – район увеселений, расположен на востоке Шолоха.